

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ГОСУДАРСТВА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ
СРЕДСТВ СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Материалы Международной научно-практической конференции
(ВНИИ МВД России, 14–16 декабря 2005 г.)*

Редакционная коллегия:

Старостин С.А., (ответственный редактор),
Бахарева Т.И. (ответственный секретарь),
Ситковский А.Л., *Камаев Б.Г.*, *Полубинский В.И.*,
Ципуренко Н.И., *Яковлев О.В.*

Публикуется в авторской редакции

Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в Российской Федерации: Материалы Международной научно-практической конференции (14-16 декабря 2005 г.). – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 604 с.

УДК 343.97

МОСКВА 2006

© Государственное учреждение
«Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России», 2006

*Í ðéâíðò ñò ááí í í á ñéí áí í á-æííí ééá ÁÍ ÈÈ Í ÁÁ Ðíññé,
áíéò í ðà þðéæ-áíéò í áóé, í ðí ó áíí ðà
Ñ. È. Áéðíér*

Уважаемые участники конференции!

Наша конференция проходит в дни, когда исполняется 60 лет со дня создания Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. Искренне и сердечно поздравляю творческий коллектив научного учреждения и желаю ему на долгие годы сохранять и приумножать свои творческие силы и энергию, свой богатый потенциал. Не сомневаюсь, что год от года будет расти вклад ученых института в дело защиты граждан от криминальных угроз и предотвращения противоправных посягательств.

При этом нельзя сводить все начинания только к защите, когда криминальное сообщество выступает как нападающая сторона, а государство, в лице своих правоохранительных структур, занимает оборонительную позицию. Современные условия требуют наступательного воздействия, прежде всего на источник угроз, опережающего удара по криминалу. В этой связи наибольшую актуальность приобретают не репрессивные меры, которые, как показывает история, не только не решают проблем преступности, загоняя ее в тень, а профилактическая деятельность государства.

На всех этапах развития Российской Федерации реально действующим субъектом предупредительной деятельности оставались органы внутренних дел. Но в их структуре были ликвидированы профилактические подразделения, на которые прежде возлагались задачи организации и проведения общей и индивидуальной профилактики. Именно эти подразделения обеспечивали взаимосвязь ми-

лиции с трудовыми коллективами, общественными формированиями и населением.

В настоящее время государственные институты, органы местного самоуправления, обладая колоссальным потенциалом по предупреждению преступности, действуют разрозненно и малоэффективно. Происшедшие в жизни общества изменения обусловили реформирование законодательства, в результате чего система предупреждения преступности в Российской Федерации потеряла самостоятельную правовую основу. Существующие правовые нормы разбросаны по различным отраслям законодательства, зачастую фрагментарны, не согласованы между собой, а поэтому не способствуют консолидации профилактической деятельности различных субъектов.

В этих условиях разработка концептуальных подходов к профилактике преступлений чрезвычайно актуальна и важна. В настоящее время проблеме предупреждения преступлений, в том числе и ее нормативно-правовому регулированию, уделяется повышенное внимание практически на всех уровнях управления.

В условиях набирающих силу процессов глобализации и интеграции мы видим свою насущную задачу в том, чтобы устанавливать тесные деловые отношения с нашими коллегами из стран ближнего и дальнего зарубежья. Мы прекрасно понимаем, что сейчас, как никогда, необходимы новые формы взаимодействия, объединение усилий в профилактической деятельности.

Общими усилиями уже накоплен достаточно солидный и полезный опыт эффективного взаимодействия, координации планов, совместных операций, интеллектуальной, организационной поддержки в решении таких остро актуальных задач, как противодействие террористическим угрозам, международной организованной преступности, незаконному обороту наркотиков, торговле людьми и др.

Организация международной научно-практической конференции «Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в Российской Федерации» – своевременная и чрезвычайно полезная инициатива научной общественности, что должно послужить укреплению взаимодейст-

вия и международного сотрудничества в деле решения проблемы, которая является актуальной для многих стран.

В ходе работы конференции мы будем искать новые научно-обоснованные подходы при разработке государственной системы предупреждения преступности, с учетом требований современных реалий, используя и модернизируя рациональные основы прошлого опыта.

Выражаю уверенность, что проблемные вопросы, рассмотренные на конференции, и выработанные на их основе практические мероприятия будут являть собой новый подход, заключающийся в системном участии всех государственных, властных, экономических и общественных институтов центрального, регионального и местного значения в противодействии преступности.

В заключение хотелось бы поблагодарить участников форума, особенно иностранных гостей, нашедших возможность и время посетить нашу страну. Пожелать всем плодотворной работы. Уверен, что обмен опытом и идеями будет полезен как для научной общности, так и практических работников.

Еще раз поздравляю коллектив Института с юбилеем.

Желаю всем присутствующим здоровья и успехов!

*Ī ðeāiōñōām ĭ ĭā ĩēĭāĩ çàì āñòèòāēŷ ĭā:āēũ ēēā
ĀĬ ĒĒ Ĭ ĀĀ Ğññē ĭ ĭ ĭāó:ĭē ðāāĩòā
āĩēō ĭðā ðēēē:āĩēō ĭāēē, ĭñōāññ ðā
Ñ. Ā. Ñōāññōēĩā*

Уважаемые коллеги!

Конференция проводится в соответствии с поручением Министра внутренних дел Российской Федерации о необходимости выработки принципиально новых подходов к борьбе с преступностью, а также организации профилактической работы всех субъектов этой деятельности, высказанным на заседании Совета Министерства внутренних дел России по науке и передовому опыту 29 июня 2005 г.

Наша конференция вызвала живой интерес как среди научной общественности, так и у практических работников. В адрес конференции поступило приветствие от Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника милиции Р.Г. Нурғалиева. Мы благодарны за теплые слова руководителя ведомства.

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 26 сентября 2005 г. воссоздается единая государственная система профилактики. Указанием МВД России от 29 сентября 2005 г. создана рабочая группа, задачей которой является координация деятельности подразделений МВД России – ведущих элементов этой системы.

Важнейшей задачей нашей конференции является выявление и обсуждение ключевых и проблемных вопросов профилактической деятельности государства и органов внутренних дел как основных субъектов этой деятельности, а также поиск новых подходов в ее организации и повышении эффективности.

В работе конференции принимают участие ведущие ученые, представляющие различные отрасли права. Среди них заслуженные деятели науки Российской Федерации, заслуженные юристы Российской Федерации, лауреаты государственных премий, профессора, доценты.

В дискуссии принимают участие практические работники – сотрудники Центрального аппарата МВД России, ГУ МВД России по

ФО, Следственного комитета при МВД России, МВД республик Башкортостан, Карелия, Коми, Марий-Эл, Тыва, УВД Брянской, Владимирской, Костромской, Курской и Орловской областей, Военной коллегии Верховного Суда РФ. Кроме того, в форуме участвуют представители Русской православной церкви и иностранные гости из Венгрии, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Норвегии, Польши и Украины. Все они откликнулись на наши приглашения, заинтересованно отнеслись к обсуждаемой теме и готовы поделиться своими опытом и знаниями.

Присутствующим хорошо известно, насколько сложна криминальная ситуация в стране, поэтому нет нужды останавливаться на ней подробно, приводить данные статистики о состоянии преступности. Об этом сообщают средства массовой информации. Статистика содержится на официальном сайте МВД. Ежегодные опросы граждан свидетельствуют о снижении уровня безопасности, о тревоге и обеспокоенности за себя и своих близких. Общественные организации тревожит высокая степень закрытости правоохранительных органов.

Борьба с преступностью, как известно, предполагает не только необходимость минимизации криминогенных последствий происходящих общественных процессов и преобразований, но и поиск эффективных путей и методов противодействия преступности. Организация противодействия правонарушениям должна основываться на взаимодействии всех субъектов на всех уровнях профилактики. Особое внимание хотелось бы уделить существующим проблемам в этой сфере. Обозначу лишь некоторые из них.

Важной проблемой противодействия преступности является смещение акцента в деятельности подразделений органов внутренних дел не в сторону их предупреждения, а на выявление и раскрытие уже совершенных преступных деяний (иными словами, работа «по факту»). Десятилетиями правоохранительная система страны борется с последствиями, а не с причинами, порождающими преступность. Государственные институты, органы местного самоуправления, общественность, обладая колоссальным потенциалом по предупреждению преступности, действуют пока разрозненно и малоэффективно.

Существовавшая в советское время эффективная система социальной профилактики сегодня практически не действует. Ликвидированы многочисленные специализированные общественные фор-

мирования трудящихся, успешно выполнявшие функции предупреждения правонарушений и преступлений (добровольные народные дружины, общественные пункты охраны правопорядка, советы профилактики и др.). Практика показала эффективность их деятельности, необходимость функционирования указанных институтов гражданского общества в реализации полномочий государства по противодействию преступности.

В поручении Президента Российской Федерации, о котором было сказано, предложен ряд организационных и иных мероприятий, направленных на формирование государственной системы профилактики правонарушений.

В настоящее время делаются определенные попытки по привлечению общественных институтов к предупредительной деятельности. Так, совместно с заинтересованными ведомствами и общественными организациями проводится целенаправленная работа по предупреждению беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, выявлению фактов вовлечения подростков в преступную деятельность. Утвержден и реализуется План комплексных мероприятий по борьбе с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних на 2005–2006 гг. Проводятся плановые оперативно-профилактические мероприятия, в которых принимают участие также представители комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учреждений образования, здравоохранения, общественных организаций правоохранительной направленности.

Проблемным является законодательное регулирование на федеральном уровне отношений, связанных с участием граждан в охране общественного порядка. Отсутствие федерального закона по обозначенной проблеме приводит к тому, что в субъектах Российской Федерации деятельность указанных организаций регулируется собственными нормативными актами. Нередко субъекты РФ предоставляют, скажем, народным дружинникам полномочия, ограничивающие права и свободы человека и гражданина, что относится к исключительной компетенции федерального законодателя. Такие примеры можно было бы продолжить.

Меры общего профилактического воздействия иногда чрезмерно широки. В практической деятельности органов внутренних дел общая профилактика должна быть всегда взаимосвязана с индивидуальной, а именно с работой с конкретным человеком.

Исследования нашего Института, практика МВД России позволяют сделать вывод о необходимости разработки и принятия единой государственной программы. Должна быть создана единая государственная система профилактики правонарушений, которая бы объединила и скоординировала усилия всех субъектов профилактической деятельности Российской Федерации.

Сегодня МВД России уже может предложить модель такой комплексной программы профилактики правонарушений. Программа разработана на базе Уральского федерального округа. Принципиальное ее отличие – скоординированность действий государственных и муниципальных органов, правоохранительных структур, общественных объединений во всех административно-территориальных образованиях. Ее суть заключается в системном участии всех государственных, властных, экономических и общественных институтов центрального, регионального и местного значения в ликвидации причин и условий преступности, алкоголизма, наркомании, беспризорности несовершеннолетних, нарушений миграционного законодательства и, особенно, рецидивной преступности.

В резолюции и рекомендациях нашей конференции должен найтись отражение комплекс научных и практических мероприятий, необходимых для формирования устойчивой системы противодействия преступности всеми субъектами этой деятельности.

Желаю успеха нашей работе.

А. И. Долгова,
доктор юридических наук, профессор
(НИИ проблем укрепления
законности и правопорядка
при Генеральной прокуратуре Российской Федерации)

ПРИЧИННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ТЕРРОРИЗМА, НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

При формировании государственной политики предупреждения преступности необходим учет следующего:

1. Предупреждение, т. е. реагирование на процессы детерминации, причинности преступности и разных ее проявлений, должно базироваться на знании таких процессов детерминации, причинных комплексов и быть точно ориентированным на их устранение либо нейтрализацию.

2. Предупреждение – только одна из составляющих системы борьбы с преступностью. В отрыве от общеорганизационной и правоохранительной деятельности в ее карающем и праввосстановительном аспектах предупреждение не эффективно. Это показал период, когда бывший министр МВД СССР Н.А. Щелоков, провозгласив примат предупредительной деятельности, фактически необоснованно ослабил правоохранительную. Последнее важно учитывать при предупреждении организованной преступности, а также носящими преимущественно организованный характер преступности террористического характера, коррупционной в сфере экономической деятельности.

*Îdâîeçtâîîâÿ îdâîoîîîîoü – îâ æä îdâîoîîîîoë, îîä-
ëæäüëë âîäæäîëp îäÿäo ñ ÿëîîîë-âîëé, îdâîoîîîîoüp
oäbîðdeîoë-âîëé îâîdâæâîîîîoë è ädâîî è.* Это – характеристика особого качественного состояния и преступности, и общества в целом. Организованная преступность как система организованных преступных формирований, их отношений и деятельности, определенным образом «сцепляет» отдельные преступления и их виды, интегрирует их в единую систему. Она – качественно новое, целостное явление по сравнению с отдельными видами преступности. Соответственно, организованная преступность не подлежит дифференци-

ции по тем основаниям, которые используются применительно к преступности вообще¹. Такая дифференциация может быть допустима по отношению к групповой преступности без признаков организованности. Но некорректно выделять, например, организованную экономическую преступность или организованную коррупционную преступность, или организованную наркопреступность², организованную преступность молодежи. Точнее говорить о деятельности организованной преступности в сферах политики, экономики, об участии молодежи в организованной преступности и т.д.

Нельзя сводить организованную преступность только к преступности общеуголовной. Это – некий сплав общеуголовной и «беловоротничковой» преступности, включая преступность «перламутровых воротничков» – политической и бизнес-элиты.

*Í ðē ēq̄-áíēē íðŕōāīīā āāōāđī ēíāōēē íðāīēq̄āāííē íðā-
ñōōīíñōē (āēēp-āy íðē-ēííñōū) āāēíí ō-ēōñāāōū ÷ōí ēq̄ á-
íāíēy āāííē íðāñōōīíñōē, āā íðāāōēđīāíēā ā ēq̄ āyŕpūēōñy
āñīāyō īīðāāyāōñy āāēí īñyq̄āííūī ē íðŕōāīī ē: ā) āāōāđ-
ī ēíāōēē āíāōíēī ē āēy āāííē íðāñōōīíñōē íāñōīyōāēñōāā-
ī ē; ā) āāñāī íāāōāđī ēíāōēē.*

В годы, когда руководители государства, его органы, претендующие на роль «лидеров нации», фактически бросают народ на самовыживание, криминальное общество облегчает до некоторой степени такое выживание при условии смирения части населения с фактом криминальной психологии и принятия, фактического либо психологического, преступного способа выживания. При этом может ослаб-

ляться вектор социальной напряженности, грозящий революционными потрясениями³.

В снятии опасности революционных потрясений крайне бывают заинтересованы и криминальные лидеры. Они ориентированы на сохранение такого положения дел, которое позволяет им безнаказанно обладать и распоряжаться криминальными капиталами, использовать в своих крайне эгоистических целях государственную власть, право, закон. Но такая ситуация – стратегически проигрышная: люди и, в конечном счете, все общество платят за это очень высокую цену – уходят из зоны действия позитивных достижений и ценностей цивилизации. Да и сами инициаторы, исполнители данной политики не остаются безнаказанными, причем не только в исторической перспективе. Многие из них гибнут в криминальных войнах. Криминальные деятели, успевающие «обелить» себя и оказаться в числе владельцев больших состояний и у кормила власти, испытывают криминальное давление представителей молодого поколения, сформировавшегося в условиях безнравственности и торжества законов «выживания хищников».

Развитие свободной конкуренции без одновременного введения тех ограничений и сдерживающих механизмов, которые нарабатывались в странах рыночной экономики десятилетиями, особенно после второй мировой войны;

расчет на самодостаточность рынка как регулятора общественных отношений;

³ Пичков Б.П. отмечал следующее: теневая экономика в годы реформ явилась фактором, снижающим социальную напряженность в обществе. Примерно 25 % ВВП приходится на так называемую неформальную экономику, т. е. скрываемую, но не запрещенную законом деятельность по производству и распространению товаров и услуг. Около 20–25 % ВВП приходится на незаконную экономику, тесно связанную с криминальными структурами. По приблизительным подсчетам, в теневой экономике полностью или частично было занято 25–30 млн человек, в том числе в незаконную (криминальную) деятельность из них вовлечено 10–13 млн. Фактически это, примерно, такое же количество семей, сколько живет за счет теневой экономики. Если бы россияне действительно жили на те доходы, которые официально показывал Госкомстат, то уровень социальной напряженности в стране давно бы превысил критическую черту. (См.: Организованная преступность–4. Раздел 3. М., 1998). Аналогичную точку зрения высказывала С.П. Глинкина (Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности: Материалы круглого стола. М.: ИГПРАН, 2001. 16 марта.

¹ О возможности выделения разных видов организованной преступности пишут Пристанская О.В., Сибиряков С.Л. и ряд иных авторов. (Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1993. С. 25–30).

² Например, если говорить об организованных преступных формированиях, занимающихся наркобизнесом, то их деятельность не сводится только к манипуляциям с наркотиками. Это еще и контрабанда, и коррупция, и насилие в разных формах, и легализация преступных доходов, и преступления, связанные с оружием, и многое другое. Такие наркоформирования неизбежно становятся составной частью более общей криминальной организованной системы, тем более, что легализация преступных доходов, как правило, сочетается с их приумножением. Преступники в этом случае вкладывают деньги в определенные предприятия, скрывают свои доходы от налогообложения, совершают иные запрещенные законом деяния.

тотальное введение рыночных механизмов практически во всех сферах жизнедеятельности и реально, без необходимых сдержек и использования эффективных компенсационных механизмов⁴;

несистемное преобразование общественных отношений – влияние экономики на другие сферы жизни трактовалось односторонне и механистически;

отношение политиков к населению как к пассивному объекту, а не активному субъекту, способному внести существенные коррективы в планы реформаторов и своеобразно отреагировать на изменения привычного образа жизни и отношений. В частности, не просчитывалась возможность криминального реагирования на криминальные явления;

игнорирование исторических традиций народов, их ценностно-нормативных ориентаций, нравственных и иных установок; отсечение подрастающего поколения от лучших достижений западной, восточной и других культур; активное внедрение в молодежную среду образцов поведения, которые бы пресекали духовную связь поколений и тем самым препятствовали влиянию духовного потенциала нации и человечества. В то же время высокая духовность, нравственность – важные антикриминогенные факторы;

игнорирование в процессе социальных преобразований особенностей преступности, как относительно самостоятельного и специфического социального явления, способного поражать различные общественные отношения, активно наступать на ту часть общества, которая основана на праве и ориентирована на право, закон⁵.

фактическая неприкосновенность сколоченных *криминальных* состояний и непринятие эффективных правовых мер к возвращению *преступно* захваченного *законным* владельцам, особенно в условиях, когда организованные преступники, опираясь на криминальные капиталы, выходят на политическую и международную арену⁶.

⁴ В том числе в области оказания медицинской помощи даже тем лицам, которые погибали при ее неполучении в результате отсутствия денежных средств; в сфере образования даже на его самом необходимом, обязательном для всех детей, этапе; при обеспечении надежной безопасности граждан. Много в безопасности зависело от наличия средств для оплаты услуг частных охранных предприятий, платной деятельности охранных структур МВД России.

⁵ См.: Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 143.

⁶ В организованной преступности наиболее опасна ее экономическая криминальная деятельность – сосредоточение огромных капиталов, которые начинают все активнее влиять на политическую, духовную и иные сферы жизни общества, приводят к обнищанию больших слоев населения. Даже можно сказать – нации.

Сицилийский писатель Джузеппе Фава отмечает, что «основная причина существования мафии – в беспросветной нищете, в нищете, что собирает воедино неграмотность и болезнь, суеверие и ханжество, отсталость и насилие... Корни мафии – нищета, но ее катализатор – погоня за богатством, грязным богатством»⁷.

«X'oi eamioi oi aoi ei aoei i dmi egi ai i i e i dmi oi i i no e ai aoi ei» d a e o i d i - m i o i y i e a i i a o a - e i a e o i m a u , o i n u a a o i i i m i o p u a i

Организованная преступность сегодня – это угрожающе развивающееся транснациональное явление, функционирующее на Земле в целом и затрагивающее интересы всех стран планеты (глобуса).

Во-первых, она – составляющая таких сложных и глобальных явлений, как экономическая и связанная с ней жесткая политическая конкуренция на почве раздела, завоевания экономических ресурсов и рынков. Под видом организованной преступной деятельности, включающей, в частности терроризм, коррупцию, по сути осуществляются акции вторжения одних государств не только на территорию, но и в различные сферы суверенитета других государств. Нередко соответствующие акции реализуются через те или иные глобальные организации, которых называют «террористическими», «сектами» и т.п.

Во-вторых, глобализация криминальных процессов является результатом глобализации конфликта между «безумным» богатством и крайней нищетой, когда в качестве полярных субъектов выступают уже не отдельные лица, но разные их социальные группы, объединяющиеся в масштабах мира по разным основаниям, в том числе криминологически значимым.

В-третьих, конец XX – начало XXI вв. – это время высшей формы развития бизнеса с экспансией транснациональных корпораций и их интересов⁸.

Изложенное сложным образом взаимосвязано со следующими этапами развития событий в России: 1) застой реального социали-

⁷ См.: Геллерт Габор. Мафия. М., 1983. С. 10.

⁸ Иванов Э.А. и другие авторы отмечают следующие связанные с этим процессы: 1) формирование мирового рынка с тесными экономическими связями разных государств и иных субъектов, взаимными инвестициями; 2) формирование международных финансовых систем, систем международных расчетов, позволяющих ментально осуществлять сложные финансовые операции с помощью банковских учреждений нескольких государств; 3) формирование мировых систем коммуникаций; развитие технологии контейнерных перевозок; 4) увеличение масштабов миграции, образование многонациональных мегаполисов; 5) «прозрачные границы» между государствами в частности, в ЕС, СНГ. См.: Организованная преступность–4. М., 1998; и др. работы.

стического общества и его поражение в «холодной» войне; 2) экспансия «теневого общества» и организованной преступности с ее развивающимися зарубежными связями; 3) развитие криминального общества и его устойчивых транснациональных взаимодействий в условиях серьезных просчетов в борьбе с организованной и другими проявлениями преступности.

*Ἰδὲ τοὺς ἱπποὺς ἀδδὶδεῖν δὲ ἀνέλα δαδαεὸ ἀδᾶ, ἐπεὶ ἰτέασι
πο ἐπὶ αἰῶνι εἴ, ἀλλὰ αἱ αἱ ἰδὲ αἰῶνι ἰδεῖσι τοὺς ἐπὶ ἰεῖ
αἱ, δαδαεὸ ἀδδὲ φρεῖσι ἀπὲρ ἰαῖνὸ ἀεὶ πᾶσι φρεῖσι ἰαῖνὸ
ἀεὶν ὁ ἀ*

очевидными противоречиями потребностей и интересов субъектов преступлений террористического характера и субъектов, к которому адресуются требования. Чаще всего при этом имеет место общественно опасный, запрещенный законом характер потребностей и интересов одной из сторон. Это, например, – антиконституционный захват власти, противозаконное расчленение территории, завладение значительными материальными ценностями субъектом террористической акции, либо нежелание адресата требований террористов обеспечивать законные потребности и интересы граждан, других субъектов, отказываться от противоправных, безнравственных способов социального управления, серьезно ущемляющих те или иные социальные группы, их представителей и т.п.;

невозможностью непосредственного результативного воздействия на субъекта, от которого могло бы зависеть удовлетворение соответствующих потребностей и интересов террористов, но наличие у последних достаточных ресурсов для использования опосредованного способа воздействия на адресата требований, в том числе через лиц, на которых оказывается непосредственное психо-физическое воздействие, создание иными способами состояния общественной паники и т.п.;

готовностью части населения к использованию такого высоко опасного способа насилия, как терроризм, с его разрушительными последствиями;

серьезными недостатками в состоянии социального контроля, определяющими возможность обеспечения использования такого сложного способа криминального насилия, как терроризм. Тем более организованный терроризм, предполагающий создание и функционирование крупных криминальных формирований, финансирование их деятельности, вербовку, боевую и психологическую подготовку исполнителей террористических акций и т.д.

Всплеск терроризма соответствует историческим периодам, характеризующимся крайним обострением многообразных социальных проблем и серьезными просчетами в их разрешении. В результате граждане, различные их общности и даже страны, не рассчитывая на эффективность правомерного, цивилизованного способа разрешения противоречий, прибегают к крайне опасным, но, с их точки зрения, эффективным в сложившейся ситуации криминальным средствам достижения преследуемых целей.

Терроризм сегодня – это органическая составляющая более сложных и глобальных явлений, чем преступность с ее организованным и транснациональным характером. В мета- и макросреде происходят сложнейшие процессы взаимодействия стран разного уровня благосостояния, различных культур, систем ценностей, стратегий и много другого.

В конце XX в. произошло резкое обострение межгосударственных, межэтнических, религиозных, политических и социально-экономических конфликтов, геополитических и иных опасных устремлений⁹.

Положение усугубляет, во-первых, глобализация организованной преступности; во-вторых, протекание данного процесса в условиях враждебности одних государств к другим; наконец, пассивная позиция третьих государств. Именно в таких условиях терроризм приобретает высокоорганизованный и глобальный характер.

Эскалация преступности террористического характера происходила в процессе несистемного преобразования общественных отношений, игнорирования интересов разнообразных слоев населения, незаконного обогащения незначительной части населения и «обвального» обнищания до 80 % и более в отдельных регионах граждан.

В этих условиях вызревали социальные антагонизмы, среди представителей «обиженных» слоев населения формировалась решимость защитить себя и подрастающее поколение любым способом. В том числе путем реализации сепаратистских устремлений, посредством масштабной криминальной деятельности во имя извле-

⁹ В последнем случае речь идет о конфликтах на почве передела мира, завоевания экономических ресурсов и рынков, обогащения одних стран и наций за счет беспощадной и откровенной эксплуатации и разорения других; оказания сопротивления посягательствам на суверенитет, национальное богатство стран и т.д.

чения сверхдоходов и обеспечения власти. В регионах стала вызревать и реализовываться идея отделения своего «мира» от метрополии и т.д. Речь идет не только о национальных образованиях, но и других. Например, была попытка создания «Уральской республики». В качестве оснований такого отделения в одних случаях выступал экономико-географический фактор, в других – экономико-этнический с идеей необходимости сохранения «добрых» обычаев и традиций соответствующих народов, в-третьих – псевдорелигиозно-глобалистский, в-четвертых – разные сочетания указанных факторов. При их концентрации как раз вызревали наиболее устойчивые и мощные основания для возможного использования терроризма.

Весьма значимо наличие субъектов, имеющих ценностные ориентации и установки, не просто расходящиеся с теми, которые отражены в законах, но откровенно лично- и клановоэгоистические, человеконенавистнические, допускающие принесение любых жертв в угоду личному и клановому эгоизму.

Криминологического внимания заслуживает и другая категория субъектов – так называемых «обиженных» и начинающих мстить не только непосредственным обидчикам, но и человечеству вообще.

Причинные комплексы «срабатывают» в условиях:

неоказания социальной помощи даже крайне нуждающимся в ней субъектам;

замещения внимания к ним со стороны государственных органов и институтов гражданского общества вниманием и помощью организованных преступных формирований, лиц, враждебно настроенных по отношению к Российской Федерации, российской государственности;

эскалации экономической преступности и коррупции, успешной легализации преступных доходов и финансирования терроризма;

практически бесконтрольного оборота оружия, наркотиков;

криминогенной позиции СМИ и других субъектов воспитательного воздействия. В частности, пропаганды вседозволенности, неограниченной демонстрации жестокости и допустимости использования любых средств по отношению к тем, кто считается «врагом»;

отсутствия обустроенных и надежно защищенных государственных границ;

фактической безнаказанности большинства лиц, совершающих преступления;

неадекватности стратегии, программ и законодательства о борьбе с терроризмом его фактическим характеристикам, тенденциям, причинам и условиям;

игнорирования научных рекомендаций, положений международно-правовых документов о борьбе с терроризмом и лучшего зарубежного опыта.

Это – далеко не полный перечень обстоятельств, участвующих в детерминации терроризма. В конкретных временно-пространственных условиях теряют значение одни из таких обстоятельств и усиливается влияние других, появляются новые составляющие причинного комплекса терроризма..

Общее предупреждение терроризма и преступлений террористического характера – это, в первую очередь, гармонизация взаимодействия разных цивилизаций, стран, народов, социальных групп на основе взаимного уважения и оказания необходимой помощи нуждающимся в ней субъектам. Это – такое формирование личности с раннего возраста, которое бы обеспечивало данную гармонизацию и цивилизованное решение конфликтов и проблем. Это – наличие действенных механизмов международного и иного сотрудничества субъектов охраны правопорядка, обеспечивающих неотвратимость предусмотренной законами ответственности за преступления.

Специальное предупреждение терроризма и преступлений террористического характера предполагает целенаправленное реагирование на их специфические причинные комплексы и другие обстоятельства, участвующие в детерминации данных явлений. Нельзя добиться успеха в борьбе с терроризмом, не ведя активной и успешной борьбы с организованной преступностью, а также синхронной борьбы с иными криминальными проявлениями: экономической, коррупционной и другими видами преступности.

Подлежат выделению объекты, нуждающиеся в особом внимании как *криминогенные* либо *повышенно виктимные* с точки зрения террористической угрозы.

Социальные группы или отдельные лица:

характеризующиеся повышенной вероятностью совершения преступлений террористического характера, т. е. те, кто связан с террористическими организациями, их участниками; замечен в действиях, типичных для приготовления к совершению террористической акции; ущемленные в их правах и законных интересах, не нахо-

дящие законных способов решения проблем, характеризующиеся крайне агрессивным настроем и т.п.;

в отношении которых существует повышенная вероятность террористического воздействия: государственный, общественный деятель – потенциальная жертва террористического акта; группы лиц, совершение террористической акции в отношении которых создает высокую вероятность общественной паники, наиболее чувствительного воздействия на адресатов требований террористов и т.п.

Объекты, значимые для террористов:

хранилища оружия, боеприпасов и взрывчатых средств, радиоактивных материалов и др., акции в отношении которых способны вызывать сильный общественный резонанс и одновременно обеспечивать пополнение боевых арсеналов террористов;

объекты сосредоточения значительного количества людей и одновременно являющиеся источниками повышенной опасности, в результате чего гибель людей при террористической акции является наиболее вероятной и сопровождающейся разрушительными последствиями (самолеты, морские суда, другие виды транспорта и др.);

иные места сосредоточения значительного количества людей, особенно детей, больных, беременных женщин, террористическая акция в отношении которых может с большей долей вероятности привести к выполнению требований террористов;

объекты, особо значимые для нации или определенных социальных групп (культовые, исторические значимые, хранилища культурных ценностей и т.д.), а также другие.

Своевременное и точное выделение соответствующих социальных групп и объектов предполагает использование результатов оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности, заявлений и сообщений, материалов уголовных дел, аналитических материалов, обобщающих данные о преступлениях террористического характера.

Содержание специально-предупредительной деятельности – это работа:

с людьми как в аспекте повышения бдительности и защищенности потенциальных жертв терроризма, их специального просвещения, так и с позиции исключения возможности совершения конкретным человеком преступления террористического характера. Последнее достигается одновременным воздействием на личностные харак-

теристики (потребностно-мотивационную, ценностно-нормативную системы, эмоциональное состояние, жизненные планы и т.п.) и на условия жизнедеятельности людей с оказанием им, при необходимости, социальной помощи и созданием для них реальной оптимистической перспективы;

на террористически значимых объектах путем создания там систем безопасности, органически увязанных со спецификой каждого объекта, включенных в соответствующие «технологические процессы» его функционирования; проведения надлежащей оперативно-разыскной деятельности; просвещения находящихся на объектах людей, предупреждение их виктимного поведения¹⁰.

Индивидуальное предупреждение преступлений террористического характера приобретает особое значение в условиях продуманного вовлечения людей в совершение преступлений террористического характера. Это – организованная, целенаправленная, учитывающая личностные характеристики и условия жизни людей деятельность организаторов терроризма.

Индивидуальное предупреждение преступлений террористического характера должно учитывать особенности процессов и способов «обработки» субъектов таких преступлений. При необходимости следует привлекать специалистов в области психопрограммирования, а также других, способных нейтрализовать оказанное на таких субъектах длительное и сильное воздействие.

При этом важно всегда помнить, что изменение поведения человека происходит в результате взаимосвязанных процессов воздействия на его личностные характеристики и оздоровления условий его жизнедеятельности.

¹⁰ Для разных объектов разрабатываются специфические системы предупреждения терроризма. Так, например, Министерством юстиции РФ были организованы по всей стране семинары-совещания по теме: «О мерах по предупреждению террористических актов и чрезвычайных ситуаций в судах и подразделениях судебных приставов»

<http://www.sibdigest.ru/index.php?a=view&j=&z=1066234113&i=11&id=3168>. Кроме того, проводились конференции по предупреждению терроризма на транспорте и других объектах.

С. Я. Лебедев,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России)

О СТРАТЕГИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Определение стратегии предупреждения преступлений органами внутренних дел связано с необходимостью переосмысления сформировавшихся веками взглядов на преступность и систему ее превенции. Разумеется, прежде всего эти обстоятельства обусловлены самой преступностью, ее очевидными качественными отличиями от традиционных в своей совокупности характеристик предшествующих эпох. Большинство людей в современном мире беспокоится за свою безопасность от новых криминальных угроз и обоснованно требует от правоохранительных сил принятия адекватных мер социальной защиты.

В системе субъектов предупреждения преступлений органами внутренних дел отводится особое место. Не секрет, что именно они в силу своего прямого назначения призваны обеспечивать общественную безопасность и контролировать соблюдение всеми людьми установленного общественного порядка. Казалось бы, на первый взгляд, данные правоохранительные функции, по сути, и есть одновременно стратегические направления предупредительной деятельности, поскольку только контролируя общественный порядок и обеспечивая общественную безопасность можно в итоге добиться предупреждения преступности. Однако проблема заключается в том, *как* оптимально обеспечивать эту безопасность и *как* оптимально контролировать общественный порядок, чтобы добиться действительно эффективного предупреждения преступности. Решение этих проблем, в основном, определяет направленность формирования новой стратегии предупреждения преступности органами внутренних дел.

Такая стратегия, безусловно, должна отвечать основам государственной политики в сфере контроля над преступностью в новых условиях развития России. Данная политика, в свою очередь, основывается на коллективном разуме и коллективной воле государства, которые призваны сформировать новую, отвечающую духу времени,

эффективную систему предупреждения преступности. Сегодня государственный разум, по моему представлению, предполагает необходимость осознания того, что все правоохранительные силы должны быть нацелены на *защиту* людей от преступности. Именно идеология защиты должна быть положена в основу системы предупреждения преступности и, одновременно, в общую концепцию уголовной политики государства.

На первый взгляд, в необходимости правоохранительной защиты населения никто не сомневается. По крайней мере, она является главной декларируемой задачей органов внутренних дел. Однако, как это ни печально констатировать, декларируемая защита населения от различного рода криминальных угроз в реальной милицеской работе большей частью смещается от собственно защиты людей в сторону поиска и разоблачения преступников. Официальные свидетельства деятельности полиции любого государства связаны именно с тем, сколько преступников задержано, сколько преступлений раскрыто, сколько злодеев изобличено в совершении преступлений и т.д., и т.п. Аналогично обстоят дела и в России. Однако кто и когда ответит нам на вопрос: «Сколько людей полиция защитила от преступности»? Вероятнее всего, этот вопрос всегда будет повисать в воздухе и никогда подобной статистики мы не приобретем, хотя бы потому, что если милиция защитила человека, общество, государство от криминального посягательства, то, соответственно, преступление не совершено и в официальную статистику такая информация попасть не может.

Как же оценивать тогда действительно *о х р а н и т е л ь н у ю* деятельность милиции и именно в изменившихся условиях жизни общества? К счастью, такой показатель есть и о нем всегда говорится применительно к оценке защищенности общества от преступности. Другое дело, что он, к сожалению, не носит официального характера. Тем не менее, показатель этот, как никакой другой, отличается своей универсальностью. Более того, он достаточно активно апробирован за рубежом. Имя этому показателю – общественное мнение. Справедливости ради следует отметить, что одного общественного мнения для профессиональных оценок эффективности антикриминальной деятельности милиции, конечно, недостаточно. Тем не менее, оно весьма ярко свидетельствует о социальном спокойствии нации, которое зависит и от состояния преступности.

Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел и состоянии преступности необходимо изучать постоянно. Кстати, у нас в стране существует система мониторинга общественного мнения о деятельности милиции и состоянии преступности в России. Автор когда-то стоял у истоков организации подобного мониторинга в 1989 г., когда при Академии управления МВД России, тогда еще Советского Союза, была создана лаборатория, изучавшая именно общественное мнение о состоянии преступности и деятельности милиции в стране. Сегодня эта работа продолжается в рамках Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. Ежеквартально общественное мнение о деятельности милиции и состоянии преступности изучается его специалистами. По результатам таких исследований показатель страха населения перед преступностью не меняется на протяжении 10 лет и составляет от 70 до 75 % от общего числа населения России. Причем в иерархии всех страхов, которые испытывает население, этот из года в год прочно занимает первое место.

Известны данные изучения подобного общественного мнения в Европе, в частности в Великобритании, где показатель страха населения перед преступностью занимает пятую-шестую позиции в ряду всех социальных страхов населения. Но возникает вопрос: реальна ли на самом деле такая преступность, реален ли сам страх? Примечательно, что в Великобритании ежегодно регистрируется около шести млн тяжких и особо тяжких преступлений. Население Великобритании, включая Уэльс и Шотландию, составляет около 60 млн человек. Таким образом, уровень преступности в Великобритании составляет приблизительно 9-10 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений на 100 тыс. населения.

В России регистрируемый показатель преступности ежегодно составляет приблизительно три млн преступлений. Причем, надо подчеркнуть, что это статистика всех преступлений, а не только тяжких и особо тяжких. В России, как известно, проживает около 150 млн человек. Значит, официальный уровень преступности в России приблизительно равен 2 тыс. всех преступлений на 100 тыс. человек населения. Как видим, этот показатель в 4,5 раза ниже, чем в Великобритании. Можно привести данные аналогичной статистики преступности в Германии, где ежегодно регистрируется приблизительно семь млн тяжких преступлений. При этом, судя по общественному мнению названных стран, полиции Германии и Великобри-

тании не очень переживают по поводу общего количества преступлений, которые они регистрируют, в отличие от традиционного для российских милиционеров нивелирования показателей уголовной статистики в угоду мифическому общественному мнению, а, по сути, мнению вышестоящего руководства.

Реальные же показатели состояния преступности в Великобритании с учетом коэффициента латентности превышают официальные данные в 4 раза, в Германии, соответственно, в 6 раз. В России, по оценкам наших криминологов, реальная преступность в 20 раз выше официальных статистических показателей. Если сопоставить названные «интернациональные» показатели преступности, то нетрудно подсчитать, что с учетом коэффициента латентности реальный показатель преступности во всех странах (в том числе и в России) примерно одинаков. Он составляет приблизительно от 36 до 40 тыс. преступлений на 100 тыс. человек населения, проживающего в той или иной стране. То есть, практически 40 % населения в наших странах совершают преступления и, соответственно, являются преступниками, формально представляющими угрозу общественной безопасности. Другое дело, что далеко не все они попали в систему уголовной регистрации.

В то же время, как свидетельствует зарубежная криминологическая практика, ни демонстрируемые населению официальная, ни публикуемая от случая к случаю в специальных источниках реальная (с учетом латентности) статистические картины преступности на состояние общественного спокойствия особо не влияют. Иначе, почему население стран с официально большим (по сравнению с российским) количеством преступлений испытывает меньшую (опять-таки, по сравнению с российской) тревогу перед преступностью? Для криминолога ответ на данный вопрос очевиден: потому, что полицейские структуры этих стран (в отличие от российской милиции), невзирая на состояние своих национальных «преступностей», всегда находятся рядом с населением и демонстрируют ему реальную способность защитить людей от любых посягательств. Население же испытывает страх перед преступностью, подчас не столько наблюдая за ее статистическими показателями, сколько в ответ на публичную криминальную информацию, которая до него (населения) доводится.

В этой связи нельзя не сказать о наших средствах массовой информации, которые «вырвавшись на свободу» более 15 лет назад, превратили криминальную ситуацию в стране в предмет постоянно-

го смакования, тем самым обостряя, а не снимая проблему страха людей перед преступностью. Отсюда настало время не просто изучать общественное мнение о деятельности милиции и состоянии преступности. Необходимо решать вопрос о ф о р м и р о в а н и и этого общественного мнения, с учетом нашей заинтересованности в снижении показателя страха населения перед преступностью.

Никоим образом не посягая на свободу слова, мы должны обеспечить «дозированное» (по крайней мере, по степени эмоциональности и «кровавости» криминальных сюжетов) информирование нашего населения о состоянии преступности. Думается, что если мы сможем постоянно (и инициатива эта, безусловно, должна исходить от органов внутренних дел, заинтересованных в своем авторитете) демонстрировать в средствах массовой информации, то, *как мы защищаем людей*, а не то, как мы умело хватаем преступников и помещаем их в тюрьму, то уровень страха населения перед преступностью должен объективно снизиться. В этой связи я полагаю, что вся идеология (читай – стратегия) предупредительной деятельности должна быть переориентирована с поиска криминальных угроз на действительно реальную, а не декларируемую защиту населения о преступности.

Таким образом, острота рассматриваемой криминологической проблемы связана не столько с масштабами самой преступности, сколько именно с обеспечением надежного контроля над ней, способного удерживать преступность в закономерных для нее *количественных* (статистических) границах (см. отмеченные выше показатели) и не позволяющего в то же время превратиться преступности в действительно реальную по своим *качественным* последствиям угрозу национальному спокойствию. Не без оптимизма можно утверждать, что средства для обеспечения такого контроля у нас есть. Потенциально (пока) они содержатся в системе предупреждения преступности.

Предупреждение преступности как часть контроля над ней обеспечивает достижение его эффективности реализацией трех этапов (стадий), а именно: профилактикой, предотвращением и пресечением преступлений. Каждый из этих этапов самостоятелен по своей сути и функционально наполнен конкретными видами (формами, методами) предупредительной деятельности. Так, *профилактика преступлений* обеспечивается, главным образом, деятельностью милиции общественной безопасности в процессе выявления и устране-

ния причин и условий преступлений (общая профилактика), а также выявления лиц, способных совершить преступление, и работы с ними (индивидуальная профилактика). *Предотвращение преступлений* – предупреждение, осуществляемое в основном подразделениями криминальной милиции с помощью оперативно-розыскных средств во время формирования у потенциального преступника умысла (криминального замысла) совершить преступление. Наконец, *пресечение преступления* – это его предупреждение на уголовно-правовых стадиях приготовления и покушения. Здесь предупредительные роли двух милиций (криминальной и общественной безопасности) нередко объединяются.

Пресечением предупреждается не столько само преступление, сколько его общественно опасные п о с л е д с т в и я. То есть, с формальной уголовно-правовой позиции замеченное милицией деяние содержит признаки преступления и должно быть зафиксировано как таковое. Но своими пресекающими действиями развитие этого деяния в оконченное преступление милиция не позволяет наступить общественно опасным последствиям, что представляется более важным с точки зрения обеспечения защиты от преступности личных, общественных и государственных интересов. Иными словами, пресекая преступление, милиция не исключает его (как в процессе профилактики и предотвращения преступлений) из уголовно-правовой статистики и, соответственно, не нарушает общей статистической закономерности преступности. Тем не менее, подобным путем удается предупредить более опасные преступные деяния.

Кроме всего прочего, именно обеспечивая пресечением преступления защиту людей от наступления тяжелых криминальных последствий, когда ни профилактикой, ни предотвращением не удалось предупредить его совершение, милиция одновременно способна формировать у населения уверенность в безопасности. Образно говоря, пресечение преступлений является последним шансом милиции удержать свой авторитет в глазах обеспокоенных граждан. Не потому ли, кстати, тревога европейцев перед преступностью занимает далеко не первое место в ряду прочих страхов, что, невзирая на высокие статистические показатели преступности, они уверены в способности полиции защитить их от криминала? Не потому ли и полиция в этих государствах заботится, главным образом, не столько о показателях преступности, закономерно проявляющих себя из года в год большими цифрами, сколько об обеспечении безопасности лю-

дей от этой преступности? Да и уголовная статистика этих государств большей частью представляет собой статистику пресеченных полицией преступлений, что как раз ярко свидетельствует об антикриминальных способностях и возможностях полиции обеспечить безопасность людей от преступности.

Следовательно, стратегически важно и у нас создать такую эффективную систему милицейского наблюдения (контроля) за поведением людей, которая позволит своевременно оградить их от преступных посягательств. Разумеется, данная система не должна иметь ничего общего с системой тотального контроля над человеком и его мыслями, поскольку известно, что цель таковой – защита тоталитарной власти от свободолюбивого народа, а не самого народа от всяческого произвола.

Поэтому с учетом функционального предназначения милиции как органа, обеспечивающего общественный порядок и общественную безопасность, она обязана (и, скорее всего, вполне способна) эффективно реализовывать именно стадию пресечения преступлений в общем объеме предупредительной правоохранительной деятельности. Обеспечивая таким образом защиту, прежде всего, населения от преступных посягательств, милиция способна создать гарантии криминологической безопасности государства и общества.

Развитие идеи криминологической безопасности в правоохранительной практике должно способствовать перенесению смыслового акцента с объекта нападения (преступность) на объект защиты (личность, общество, государство), т. е. на те ценности, которым и должна быть гарантирована криминологическая безопасность. Именно эта идея призвана получить перспективное развитие в системе социально-правового контроля над преступностью и стать основой разработки новой концепции предупреждения преступлений органами внутренних дел, поскольку предупредительный контроль над преступностью и есть не что иное, как система обеспечения криминологической безопасности в ее структурно-функциональном качестве. Одна без другой не существует. Первая всегда направлена на достижение и обеспечение второй. Иными словами, криминологическая безопасность может рассматриваться и как цель, и как средство (обеспечение) ее достижения в общей системе социально-правового контроля над преступностью.

Не без сожаления приходится констатировать, что такой контроль в современной России оставляет желать много лучшего. Тому,

разумеется, есть свои причины, носящие большей частью экономический характер, а также связанные с нескончаемым потоком реорганизаций, которые в буквальном смысле дезорганизуют необходимую в любой системе стабильность. Достаточно отметить, что за последние двадцать лет только в МВД сменилось более десятка министров, каждый из которых привносил в систему свои ломки и чистки. Помимо этого, вся система уголовного судопроизводства свыше десяти лет ждала нового Уголовно-процессуального кодекса, который, наконец, родившись, к сожалению, пока не оправдывает возлагавшихся на него надежд. Ко всему прочему, почти десять лет пытается сформироваться новая уголовно-исполнительная система, так, по сути, и оставаясь в рамках средневеково-сталинской тюремно-барачной «коллочки». Полагаю, в этих обстоятельствах вряд ли можно серьезно надеяться на эффективность защиты людей от преступности. Я уже не говорю о том, что социальная защищенность самих защитников находится далеко за пределами цивилизованного понимания.

Наряду с этим наше государство, правоохранительная система, а вместе с ними и большая часть общества никак не хотят отказаться от идеи жестокого подавления преступности, постоянно настаивая на активизации борьбы с ней, а порой даже войны, не скупясь на лозунги и призывы покончить с этой нечистью и т.д., и т.п. На протяжении десятилетий эти лозунги ложились в основу множества программ усиления борьбы с преступностью, а воз, как говорится, и ныне там.

Приходится сожалеть о том, что за пустыми призывами к подобной борьбе практически сводится на «нет» социальная функция действительной охраны людей от преступных посягательств. В погоне за злодеями и поисками всякого рода криминальных угроз о человеке, требующем защиты, часто забывают. Да и может ли идеология борьбы предусматривать защиту? В борьбе главное – враг, в борьбе с преступностью, соответственно, – преступник. Где уж тут до человека с его беспокойствами за свою безопасность? Не потому ли на фоне «активной» борьбы с угрожающей нашей национальной безопасности преступностью правоохранительная система бездарно проморгала в октябре 2002 г. голову резцов, несколько дней державших в страхе заложников (а вместе с ними и все цивилизованное человечество) в московском театральном центре на Дубровке? А как оценить с точки зрения, опять-таки, усиления борьбы с преступностью более

кровавую трагедию, случившуюся спустя два года в Беслане? Какой новой беды на фоне активизации борьбы с преступностью в нашей стране ожидать еще? Не сомневаюсь, что здесь борьба вообще не при чем. Речь идет об отсутствии элементарного контроля за поведением потенциальных преступников, что и способствует криминальным драмам.

В связи с обозначенными печальными событиями нельзя не выразить удовлетворения по поводу последовавших за трагедией на Дубровке исков бывших заложников к московскому правительству о выплате им компенсации за необеспеченность безопасности от терроризма. Думается, подобные акции должны, наконец, заставить чиновников задуматься о том, что в случае невыполнения ими функций по обеспечению безопасности людей от преступного произвола придется «раскошелиться». Если государство заставляет людей платить налоги, пусть будет любезно на деньги своих сограждан обеспечить им надежную защиту. Не обеспечивает – пусть вернет деньги. В этом смысле правовой прецедент, созданный адвокатами заложников театрального центра, открывает весьма перспективные возможности для более эффективного контроля над преступностью.

Таким образом, оценив представленные аргументы о необходимости формирования новой концепции предупреждения преступности, можно с уверенностью утверждать, что стратегическими направлениями предупреждения преступлений органами внутренних дел должны стать:

а) милицмейская защита от преступных посягательств, обеспечиваемая профилактикой и предотвращением преступлений;

б) милицмейская защита населения от тяжких последствий преступлений, обеспечиваемая пресечением преступлений.

Исходя из этих приоритетов, руководители правоохранительных ведомств обязаны не только осознать, что главной их задачей должна стать организация защиты населения от любых форм криминального произвола, но активно проводить такую политику в своих системах. Согласитесь, сколько бы мы преступников не переловили, на что, собственно, сегодня нацелены милицмейские силы, обиженных людей это не успокоит. Другое дело, когда милиция реально защитила человека от криминального посягательства. Именно здесь, как подчеркивалось выше, решается еще одна задача – возрождение, к великому сожалению, давно утраченного авторитета милиции, что также, безусловно, положительно скажется на эффективности кон-

троля над преступностью. В этой работе, ко всему прочему, необходима гласность, широкое освещение в средствах массовой информации фактов реальной милицмейской помощи гражданам. Инициатива подобной гласности должна принадлежать государству и его органам внутренних дел.

В свою очередь, учитывая изложенные концептуальные подходы к организации предупреждения преступлений органами внутренних дел, представители высшего учебного заведения, занимающегося подготовкой милицмейских кадров, должны адаптировать к данной концепции обеспечения криминологической защиты населения от преступности и систему подготовки будущих практических работников. Как поймать преступника, как изобличить преступника, как поместить преступника в места лишения свободы – об этом у нас достаточно полно написано в теоретических работах, и это умеют делать все милиционеры. Но вот защитить конкретного человека от преступника, помочь ему защититься самому, если рядом в данный момент не оказался сотрудник милиции, – в этом сейчас состоит основная задача органов внутренних дел.

В этой связи сотрудник милиции обязательно должен быть обучен методике общения с различными группами населения, от самых маленьких – в детских садах, до самых старых – в домах престарелых. Должна быть налажена соответствующая социальная реклама, инициатором которой обязана выступать милиция. Это должна быть пропаганда, которая нацеливает людей на повышение собственной бдительности перед преступностью и разработку собственных средств защиты от нее.

Если принимать во внимание высказанные аргументы, целесообразно изменить не только названия, но и, соответственно, содержание научно-практических форумов, посвященных совершенствованию правоохранительной деятельности. К примеру, они должны звучать не как проблемы «борьбы с преступностью в сфере экономики», «борьбы с коррупцией», «борьбы с организованной преступностью», «борьбы с преступлениями несовершенно-летних», а как, соответственно, проблемы «контроля над ювенальной преступностью», «контроля над наркоманийной преступностью», «контроля над вооруженной преступностью», «контроля над миграционной преступностью», «защиты населения от насильственных преступлений», «...от терроризма», «...от краж», «...от сексуальных угроз» и т.д. Необходимо насыщать эти семинары реальными сообщениями

специалистов о том, как защищать людей от преступности, равно как и о том, как самим людям защищаться от преступлений. Именно в этом случае мы достигнем необходимого авторитета сотрудников органов внутренних дел, выполним ту самую декларируемую задачу, которая написана на наших милицейских знаменах.

Все мы должны осознать, что мир стал другим. Другими стали люди и время, в которое всем нам приходится жить. Кажется, сама природа требует от каждого человека более бережного отношения друг к другу, заставляет серьезно задуматься о своей безопасности. При этом обеспечение безопасности не может связываться только с традиционными для многовековой правоохранительной системы репрессивными мерами социальной защиты. Еще раз подчеркнем, что сколь не высока степень карательного воздействия на преступников, криминологическая история свидетельствует о ее слабой эффективности в деле минимизации преступности. Даже на межгосударственном уровне решение проблемы коллективной безопасности обеспечивается не известным для прошлых эпох усилением государственных границ, а напротив, устранением последних, примером чему является открытая Европа. В своем же государстве, в отношении своих граждан такая гуманность выглядит гораздо более востребованной, а с криминологических позиций – гораздо более обоснованной и, соответственно, результативной. Примером тому опять-таки выступает Западная Европа. С ликвидацией существовавших веками человеческой цивилизации преград для свободного общения людей, выступающих представителями многочисленных наций и народов, Европа действительно поднялась в своем цивилизованном развитии, демонстрируя всему остальному миру торжество гуманизма.

В. Н. Тищенко,
кандидат юридических наук
(НИИ проблем
укрепления законности и правопорядка
при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения. Таким образом, вопросы, связанные с предупреждением преступности определяются как на общегосударственном уровне, так и на уровнях субъектов Федерации и местного самоуправления.

В этой связи система профилактики является трехуровневой и должна регламентироваться нормативными правовыми актами, принятыми на каждом из указанных уровней, что позволяет осуществлять соответствующее законотворчество с учетом региональных особенностей. При этом правовой основой законотворчества профилактической направленности в регионах, помимо Конституции Российской Федерации, также выступают собственные конституционно-правовые акты (конституции республик, уставы краев и областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга).

Такая конструкция системы правовых норм, служащих основой для профилактической деятельности, породила одну из главнейших особенностей современного правового регулирования – многоликость и, в определенной мере, бессистемность.

1. Состояние правового регулирования деятельности по предупреждению преступлений на уровне Российской Федерации.

1.1. На общегосударственном уровне неоднократно предпринимались попытки разработать и принять законодательный акт *īāūāē īāīōāē ēāīīīōē ī īāōīōēāīēē īāīōīēāīēē*, которые заканчивались неудачами и сегодня такое правовое регулирование пребывает на нуле-

вой отметке. Проекты законодательных актов об основах профилактики на федеральном уровне многократно представлялись в Государственную Думу Российской Федерации, однако их судьба оказалась одинаковой – ни один из них не стал законом¹. Также до настоящего времени не принят федеральный закон, который бы определял порядок и формы участия граждан в обеспечении общественного порядка и предупреждении правонарушений.

Отсутствие единства и согласованности концептуальных подходов к формированию федерального профилактического законодательства отрицательно сказывается на повседневной практике законотворчества. Именно в связи с этим имеют место такие негативные последствия, как противоречивость законодательных норм, которые по-разному решают одни и те же вопросы предупреждения преступлений, распыленность и неупорядоченность профилактических норм, их отсутствие применительно к регулированию тех жизненных ситуаций, когда это крайне необходимо для реального обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан.

1.2. Более счастливой оказалась судьба у одного из основополагающих нормативных правовых актов *ἡ ἰδιαιτέρα ἐστὶν ἡ ἀποστολή τῆς ἐν ποινῇ τῇ ἐξ ἐλαττωδὲς ἀναρί* – принятого в 1999 г. Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», установившего основы правового регулирования государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, определившего формы участия в такой деятельности различных субъектов системы профилактики и установившего их задачи и принципы деятельности.

Появление данного закона дало мощный импульс для разработки и принятия в его развитие региональных законодательных актов субъектов Российской Федерации. Так, в 2000–2004 гг. было принято несколько десятков региональных и муниципальных нормативных актов, регламентирующих вопросы предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на соответствующих территориях. Значительно возросла и активность ведомственного нормотворчества и, в частности, Генеральной прокуратуры (приказ от 22 июня 2001 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несо-

¹ Один из таких проектов «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» опубликован в журнале «Черные дыры в российском законодательстве», 2002. № 2. С. 8–13.

вершеннолетних и молодежи»), МВД России (Инструкция по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, объявленная приказом МВД России от 26 мая 2000 г.), других министерств и ведомств.

В то же время некоторые из основополагающих нормативных правовых актов о предупреждении преступлений со стороны различных категорий граждан, которые должны были бы давно действовать, тем не менее остаются только на бумаге. Так, несмотря на предпринимаемые усилия, на протяжении почти двух лет не удается добиться принятия федерального закона, который бы восстанавливал комплекс мер по предупреждению преступлений со стороны наиболее рецидивоопасных лиц, которые предусматривались административным надзором.

2. Состояние правового регулирования деятельности по предупреждению преступлений на уровне субъектов Российской Федерации.

На региональном уровне отмечаются некоторые признаки активизации деятельности по созданию законодательной базы деятельности по предупреждению преступлений, воссозданию системы профилактики, активизации участия общественности в охране общественного порядка, привлечению коммерческих и частных охранных структур к поддержанию правопорядка и др.

2.1. Реализуя право на нормативно-правовое регулирование в сфере обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности, отдельные субъекты Российской Федерации разработали и приняли свои **законодательные акты** по вопросам предупреждения правонарушений.

Особый интерес представляет имеющийся опыт принятия законодательных актов *ἡ αὐτὴ ἰδιαιτέρα ἰσχύς*, в которых предпринята попытка конструирования акта, комплексно закладывающего основы правового регулирования процесса предупреждения преступлений.

В частности, в 1998 г. был принят закон «О профилактике правонарушений в Брянской области», в котором, как указано в нем, установлены общие положения и задачи профилактики правонарушений, определены права и обязанности государственных органов, трудовых коллективов, общественных организаций и граждан, регулируются отношения, возникающие в процессе осуществления профилактической деятельности на территории Брянской области.

Принятый закон Чувашской Республики от 25 ноября 2003 г. «О профилактике правонарушений в Чувашской Республике» регулирует

отношения, возникающие в республике в связи с деятельностью по профилактике правонарушений.

Следует отметить, что в иных субъектах Российской Федерации аналогичных правовых актов до настоящего времени нет.

В ряде субъектов Федерации определяемые меры борьбы с преступностью являются составной частью объявленных местными законами *ī ēāī īā īōēāēīī ī-jēīī īī ē-āīīā dācāēōēy dāēīīā* где в качестве приоритетного направления деятельности органов власти и правоохранительных органов предусматривается организация эффективной работы по профилактике преступлений. Так, в принятом в Удмуртской Республике законе от 9 января 2003 г. «О республиканской программе социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2003 год» определенное внимание уделяется разделу «Правопорядок».

Действующее в ряде субъектов Российской Федерации законодательство *ī āēāīōāīdēōāēīīē āyōāēīīīōē* содержит нормы, позволяющие использовать общественные объединения этой направленности для предупреждения преступлений.

2.2. Определенное внимание в регионах уделяется принятию основополагающих нормативных актов *ī īdāīōīdāēāīēē īdāīōīēāīēē ī īōīdīīū īōāēīīū ūō ēāōāīdēē āīāēāīī*.

Принятие в 1999 г. упомянутого выше Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» способствовало развитию на региональном уровне законодательных актов аналогичной направленности. В результате, исполняя положения этого закона, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне местного самоуправления были приняты соответствующие нормативные правовые акты.

Особенностью регионального законодательства, посвященного профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является то, что нормы, относящиеся к проблеме предупреждения преступлений со стороны подростков, включаются в разнообразные нормативные акты, нередко не имеющие специальной антикриминальной направленности. Так, принятый 30 ноября 2001 г. в Тюменской области закон «О защите прав ребенка» не только закрепляет и развивает конституционные гарантии прав ребенка в области охраны здоровья, семейных отношений, воспитания и обучения, труда, защиты его личности, права иметь собственное мнение, объединяться в детские и юношеские организации и др., но и направлен против его вовлечения в преступную деятельность, приобщения к алкоголизму, попрошайничеству,

азартным играм, проституции, наркомании, токсикомании, использованию психотропных веществ во вред здоровью ребенка. Определяя функции различных государственных и негосударственных учреждений по защите прав и интересов ребенка, закон посвящает специальную статью деятельности органов внутренних дел.

В качестве примера можно также назвать принятый в 2001 г. закон «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Свердловской области», закон Республики Башкортостан «О государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1998 г.) и другие аналогичные акты.

2.3. Важным направлением совершенствования правового регулирования деятельности по предупреждению преступлений в субъектах Российской Федерации выступает *ēīī īēāēīī īā īēāīēōīāīēā āīdīāū īīdāīōōīīīōīf*. Как свидетельствует изучение, комплексные планы борьбы с преступностью строятся с учетом особенностей криминогенной ситуации и выражают главную идею – объединение усилий различных ведомств в борьбе с преступностью и ее предупреждением. Эти документы, помимо мер, направленных на совершенствование раскрытия преступлений, также содержат мероприятия общесоциальной и специальной профилактики правонарушений. Часть из таких документов имеют статус законов.

2.4. Значительное внимание в регионах уделяется принятию нормативных правовых актов *ī īdāīōīdāēāīēē īōāēīīū ūō āēāīā īdāīīā dāōāīēē (īdāīōōīēāīēē)*, в том числе комплексных и целевых программ борьбы с преступностью, часть из которых вводится в действие законодательными актами. Такие программы (планы) нередко получают условные специальные наименования («Арсенал», «Квартира», «Трал» и т.п.) и предусматривают проведение совместных согласованных мероприятий правоохранительными, контролирующими и иными органами исполнительной власти с привлечением заинтересованных хозяйствующих субъектов, руководителей образовательных и иных учреждений, коммерческих структур и др. Часть из таких документов также имеют статус законов.

2.5. Определенное внимание законодателей в регионах привлекает проблема *ō-āīōēy īāīīēāēy ā īāīīā-āīēē īāūāīōāīīīā īīdīyēā*. Например, в 2001 г. был принят закон «Об участии жителей Москвы в охране общественного порядка». Региональные законодательные акты аналогичной направленности также приняты в некоторых других субъектах Российской Федерации. В качестве примера следует назвать за-

коны «О народных дружинах в Чувашской Республике» (2003 г.), «Об общественных органах правоохранительного характера в Республике Башкортостан» (1997 г.), «Об участии граждан в охране общественного порядка в Республике Бурятия» (1997 г.). Аналогичные законы также приняты в Санкт-Петербурге, Архангельской, Тюменской областях и других регионах.

Оценивая эти документы, следует отметить их содержательную бедность и взаимоподрывание, продиктованные тем, что на федеральном уровне отсутствует соответствующий законодательный акт, который бы определил права и ответственность дружинников в процессе охраны общественного порядка, устанавливал формы и методы деятельности дружинников.

3. Состояние правового регулирования деятельности по предупреждению преступлений на уровне местного самоуправления.

Как указано в ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации, органы местного самоуправления осуществляют охрану общественного порядка. Это положение также закреплено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Как свидетельствует практика, и на этом уровне также сложился опыт организации работы по предупреждению преступлений, который определяется в принимаемых нормативных правовых актах. При этом отмеченная выше практика разработки мер профилактики общесоциальной направленности имеет место также и на муниципальном уровне.

Так, в Тульской области решением Алексинской думы от 30 октября 2002 г. была утверждена «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «город Алексин и Алексинский район Тульской области Российской Федерации» на период 2003-2012 гг.», которая содержит разделы, посвященные борьбе с преступностью.

Главой муниципального образования «Подольский район Московской области» 23 октября 2003 г. было принято постановление «О создании добровольных народных дружин по охране общественного порядка на территории Подольского района», которым было утверждено соответствующее Положение и определены первоочередные меры по созданию таких дружин.

Мэрией г. Ярославля в соответствии с городским уставом было принято постановление от 1 августа 2001 г. «О порядке привлечения частных охранных предприятий к обеспечению правопорядка», целью которого, как отмечено в документе, является «обеспечение сохранно-

сти муниципальной собственности, собственности граждан и поддержание должного правопорядка на территории города».

На уровне местного самоуправления также сложился опыт организации работы по предупреждению преступлений, который фиксируется в принимаемых комплексных программах борьбы с преступностью. Так, Читинская городская дума 11 декабря 2002 г. приняла решение «Об утверждении муниципальной целевой программы «Усиление борьбы с преступностью и профилактика правонарушений в г. Чите на 2003–2005 годы». Распоряжением администрация Василеостровского района Санкт-Петербурга от 14 января 2004 г. был утвержден «Комплексный план совместных мероприятий по предупреждению преступности и правонарушений на 2004 г. в Василеостровском районе Санкт-Петербурга».

4. Оценка современной политики построения и развертывания системы предупреждения преступлений.

Анализ последовательности и направленности шагов законодательной и исполнительной ветвей власти выдвигает на передний план несколько вопросов, имеющих непосредственное отношение к борьбе с преступностью в целом и ее предупреждению, в частности.

4.1. Один из таких вопросов должен быть сформулирован с достаточной степенью откровенности: **«Заинтересованы ли нынешние «ветви власти» в усилении борьбы с преступностью?»** Этот вопрос не должен шокировать, ибо почти 15-летний период постсоветского развития нашего общества и накопленный опыт построения правового государства дает достаточно материала для размышления.

Безусловно, что постепенно происходит вымывание функции предупреждения преступлений. Убежден, что нет необходимости приводить какие-либо примеры, ибо не ослабевающая в настоящее время дискуссия относительно многих положений принятого Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе вокруг ч. 2 ст. 158 УПК РФ и освобождения судебной ветви власти от обязанности заниматься предупреждением преступлений, является общеизвестной.

Упомянутое выше освобождение судебной ветви власти от обязанности заниматься предупреждением преступлений является следствием того, что такие правила поведения определила ей другая ветвь власти – представительная, направленность деятельности которой уже давно заставляет общество задуматься о криминальных последствиях принимаемых ею законодательных актов.

Пристальное внимание к своей деятельности законодатели привлекли еще 10 лет тому назад, когда в 1994 г. в п. 2 утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 24 мая 1994 г. «Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы» было включено поручение ИГПРАН, Институту законодательства и сравнительного правоведения, Минюсту, Генеральной прокуратуре Российской Федерации, МВД России и другим структурам разработать и внести в том же году на рассмотрение Президента Российской Федерации проект Положения о криминологической экспертизе проектов законодательных и правительственных актов, проведение которых должно было происходить одновременно с законотворческой деятельностью.

Несмотря на то, что такой проект был подготовлен и даже рассматривался на специальных слушаниях в Совете Федерации Российской Федерации, упомянутое положение не было утверждено. Как указывают С.В. Бородин и В.В. Лунеев, «по согласованию с Администрацией Президента РФ проект Положения о криминологической экспертизе был направлен Институтом 30 декабря 1994 г. руководителю Администрации. Этот документ в Администрации Президента, видимо, не обсуждался. Во всяком случае представителей Института туда не приглашали. В 1997 г. Институт получил поручение от Совета безопасности РФ о разработке предложений «Об организации и порядке проведения криминологической экспертизы действующего законодательства, проектов федеральных законов, постановлений и распоряжений Правительства РФ». В 1999 г. аналогичное поручение поступало также из Минюста России². В Совет безопасности и в Минюст было сообщено, что проект аналогичного документа в Институте разработан, представлен в руководящие инстанции, и была направлена ксерокопия этого документа. Какова судьба его, нам неизвестно. Создается впечатление, что криминологическая экспертиза, которая бы помогла избежать элементов криминогенности, в действующем и

² Поручение, о котором упоминают С.В. Бородин и В.В. Лунеев, было инициировано предписаниями очередной «Федеральной целевой программы по усилению борьбы с преступностью на 1999 – 2000 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 1999 г. № 270, которой одним из приоритетных направлений совершенствования правового регулирования на указанный период провозглашалось «обеспечение проведения криминологической экспертизы нормативных правовых актов Российской Федерации».

подготавливаемом законодательстве соответствующим государственным органам и должностным лицам не нужна, а повторение поручений по данному вопросу – лишь имитация деятельности аппарата, имеющего *ἰὸ ἰσάειά ἐ πᾶσι ῥᾶδᾶν ἵ ὀ ἰδῶν*» (выделено нами. – В.Т.)³.

Глубоко убежден, что, к примеру, надлежащая криминологическая экспертиза проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации исключила бы возможность существования такой ситуации, при которой во вновь принятый основополагающий законодательный акт на протяжении полутора лет его действия пришлось внести огромное количество поправок.

4.2. Не только десятилетняя волокита с решением проблемы проведения криминологических экспертиз проектов законодательных и правительственных актов может ставить под сомнение стремление законодательной власти вести наступательную борьбу с преступностью, в первую очередь, упреждая момент совершения преступления.

На фоне сложившейся в стране сложнейшей криминологической ситуации со всей категоричностью требуют ясного ответа вопросы: «Ведем ли мы сегодня борьбу с преступностью или же только противодействуем ей?»

Сопоставление содержания понятий *«ἀδίκη ἢ ἰδιωτικὴ ἥτις ἐστὶν ἡ δίκη»* и *«ἰδιωτικὴ ἀδικία ἢ ἰδιωτικὴ δίκη»* далеко выходит за семантический анализ этих понятий, поскольку за ними нам видится стратегия деятельности государственных органов и общественных институтов общества на ближайшую перспективу, а, может быть, и на более отдаленный период,

³ См.: Государство и право. 2002. № 6. С. 40–45. Полностью соглашаясь с оценками уважаемых соавторов, тем не менее, считаю нужным прокомментировать фразу «такой проект Положения в основе своей был разработан профессором С.В. Бородиным в ИГП РАН и согласован с упомянутыми ведомствами», содержащуюся в тексте статьи. Проект Положения о криминологической экспертизе проектов законодательных и правительственных актов первоначально был разработан в НИЛ–7 ВНИИ МВД России, а затем после оценки руководителями других отраслевых лабораторий института и его руководством проект документа по указанию заместителя начальника ВНИИ МВД России профессора В.И. Селиверстова был вручен С.В. Бородину как представителю ИГПРАН, являвшемуся ответственным исполнителем этого пункта программы. Полностью поддерживая мнение С.В. Бородина и В.В. Лунева об актуальности проблемы проведения подобных экспертиз, а также правильность опубликования итогового варианта Положения, считаю важным отметить, что первоначальный вариант этого документа, ставший основой варианта, опубликованного в журнале, был разработан во ВНИИ МВД России и только затем после его одобрения руководством института был передан С.В. Бородину.

поскольку в настоящее время понятие «противодействие» применительно к преступности или отдельным видам преступлений все активнее входит в оборот законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, что не может не вызвать серьезной обеспокоенности.

Как известно, содержательно понятие «борьба с преступностью» охватывало как деятельность по раскрытию, так и по предупреждению преступлений, благодаря чему создавалась возможность предпринимать активные наступательные действия задолго до момента совершения преступления. Не случайно в научный и практический оборот было введено понятие «ранняя профилактика». Следует также вспомнить, что ранее уделялось значительное внимание выявлению и устранению причин и условий совершения преступлений, активному применению таких своеобразных мер общесоциального предупреждения, как общая профилактика, когда конкретное преступление еще не совершено, но правоохранительные органы загодя выявляют причины и условия, способствующие совершению преступлений и, устраняя их (например, путем укрепления системы внутренней охраны, внедрения или усовершенствования систем технического наблюдения и т.п.), тем самым активно препятствуют их совершению.

Появление и применение понятия «противодействие» обрекло деятельность правоохранительных органов на вторичность, когда для проведения противодействия преступности необходимо наличие действий преступников. Такой подход самым непосредственным образом связан с местом и ролью деятельности по предупреждению преступлений, оставляя ей лишь минимальное социальное поле.

На наш взгляд, ответ на поставленный выше вопрос может быть только однозначным: «В современных условиях в нашей стране осуществляется политика постепенного свертывания борьбы с преступностью и переход на позиции противодействия ей». Этот вывод основывается на оценках изменений, внесенных в конце 2003 г. в УК РФ, в первую очередь, в искусственном понижении порога общественной опасности отдельных видов преступлений, декриминализации значительного числа преступлений, что привело к видимости сокращения преступности в стране и росту фактической безнаказанности виновных лиц. Закономерным последствием этих мер следует рассматривать сокращение контингента лиц, с которыми будет правомерно осуществлять индивидуально-профилактическую работу. В контексте противопоставления понятий «борьба с преступностью» и «противодействие ей» в пользу последнего мы также рассматриваем политику свертывания профилактических

функций на стадиях досудебного и судебного разбирательства, проявившуюся в действующем УПК РФ⁴.

4.3. Теперь правомерно задать и такой вопрос: **«Нужна ли сегодня нашему обществу деятельность по предупреждению преступлений и, если да, то какой части населения?»**.

Нужно признать, что в наши дни для определенной части общества вопрос борьбы с преступностью является предметом повышенного внимания. В первую очередь это относится к тем лицам, которые за годы «диких» реформ, преступая закон, сколотили состояния. Не случайно, что вопросы допустимости ареста лиц, обвиняемых в совершении преступлений экономической направленности на стадии досудебного производства, вызвали живейшую заинтересованность у М.М. Касьянова, являвшегося в тот момент Председателем Правительства Российской Федерации и позволившего себе вмешаться в деятельность следователей органов прокуратуры, рекомендовавшего им не заключать под стражу тех, кто сколотил огромные состояния, преступая закон.

Практика свидетельствует, что деятельность по предупреждению преступлений находится не в меньшей мере под пристальным вниманием, чем вопросы арестов олигархов или изъятия незаконно приобретенной собственности. Об этом красноречиво свидетельствует судьба двух приказов, посвященных порядку предупреждения преступлений, принятых в недавнее время двумя правоохранительными структурами – МВД и ФСНП России.

Если приказ МВД России от 11 августа 1998 г. «Об утверждении нормативных актов о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», которым было объявлено «На-

⁴ Нужно отметить, что постепенный переход на применение «противодействия» вместо «борьбы» нашел свое отражение не только на стадиях досудебного и судебного разбирательства, но и в надзорной деятельности органов прокуратуры, которая может рассматриваться как безусловная профилактическая деятельность, выявляющая не только факты, но и причины и условия совершения правонарушений, в том числе и преступлений. Теперь в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» она может *«проводит проверки исполнения законов только лишь на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором»*. Из этого вытекает, что деятельность органов прокуратуры оказалась обремененной законодателем на вторичность, когда для проведения противодействия нарушению законности необходимо обязательное наличие действий по его нарушению.

ставление о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (в ред. приказа МВД России от 13 января 2003 г.) действует и ныне, обеспечивая единообразие практики деятельности сотрудников органов внутренних дел во всех субъектах Российской Федерации, то приказ ФСНП России от 9 декабря 2002 г. «Об утверждении инструкции об основах организации и формах осуществления в федеральных органах налоговой полиции работы по предупреждению преступлений и правонарушений» ныне не действует, несмотря на то, что 29 января 2003 г. приказ был зарегистрирован в Минюсте РФ. Приказ, по нашему убеждению, способствовал внезапному исчезновению налоговой полиции как правоохранительного органа.

Для обоснования правильности нашего предположения достаточно вспомнить шквал обвинений, выплеснутых СМИ на читателей и слушателей об аморальности норм, содержащихся в приказе ФСНП России, которые, по мнению авторов, дали основания вмешиваться в личную жизнь олигархов и просто очень богатых лиц, которые не заплатили налоги, посещать их на дому и, как было указано в п. 23.7, проводить индивидуальные беседы (ознакомительно-разъяснительные, воспитательные с привлечением общественности, предупредительные с вынесением официального предостережения), привлекать к индивидуальной работе с правонарушителями иных лиц (в том числе должностных лиц контролирующих и иных органов государственной власти, общественности, а также членов семьи объекта профилактики), способных оказать позитивное воздействие на профилактируемого и др. Подобная профилактическая деятельность расценивалась СМИ как вмешательство в личную жизнь гражданина, в связи с чем многократно звучали обращения к Президенту Российской Федерации В.В. Путину обуздать зарвавшихся налоговых полицейских, немедленно отменить этот приказ и т.п. Жизнь показала, что возникшая для высших эшелонов нашего общества «головная боль» с предупреждением налоговых и некоторых иных преступлений, отнесенных к компетенции ФСНП России, затронувшая интересы наиболее богатой части нашего общества, была решена самым кардинальным образом – вызывающую боль «голову» отрезали раз и навсегда, а про приказ все просто забыли.

Любопытность ситуации состоит в том, что приказ МВД России не очень сильно отличается от приказа ФСНП России, но в нем были затронуты интересы совсем иных категорий граждан, которыми, как

правило, совершаются совсем иные виды преступлений, при совершении которых представители наиболее богатой части нашего общества обычно выступают не как обвиняемые или профилактируемые лица, а как потерпевшие, и в этой связи они не ополчились на подобную направленность предупреждения преступлений.

5. Подводя некоторый итог сказанному выше, настало время спросить: **«Так ли все плохо в нашей стране с деятельностью по предупреждению преступлений?»** На наш взгляд, ответ должен быть достаточно откровенным: «И да, и нет».

5.1. Следует отметить, что при всех своих значительных достоинствах и преимуществах предупреждение преступности как направление правоохранительной деятельности отличается серьезными трудностями и препятствиями. Среди них, прежде всего, следует назвать те, которые лежат на поверхности: финансовую затратность; отсутствие надлежащей правовой основы; системную (кадровую, ресурсную, методическую и иную) слабость нынешнего профилактического потенциала правоохраны; сложность реальной оценки результатов профилактической деятельности; объективную противоречивость криминально-рыночных экономических отношений (ориентированных исключительно на получение прибыли и наращивание капитала) с индивидуальными и общественными потребностями подавляющего большинства населения России и ряд других.

Однако следует все же признать, что основные причины низкого уровня профилактики преступности в Российской Федерации объясняются, по нашему мнению, не перечисленными выше очевидными обстоятельствами, а комплексом факторов базисного, стратегического характера. Среди них можно выделить следующие.

5.1.1. Слабая разработанность концептуальных основ предупреждения преступности как важнейшего, приоритетного элемента уголовной политики.

Отдельные ученые, авторские коллективы имеют весьма серьезные, в том числе и опубликованные наработки (статьи, монографии, законопроекты и т.д.) по этому вопросу. Однако федеральная власть не проявляет должного интереса к данной проблеме, а если и проявит, то это внимание затем никак не реализуется. Так, например, в декабре 2004 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации был проведен круглый стол на тему «Состояние профилактики преступности в Российской Федерации», на котором была дана острая оценка сегодняшнего состояния профи-

лактической деятельности, а также высказано много правильных предложений о путях выхода из сложившейся ситуации. Прошел год, но ничего конкретного из этого мероприятия не получилось, за исключением сборника «Правовое регулирование деятельности по предупреждению правонарушений на уровнях субъектов Российской Федерации и местного самоуправления».

5.1.2. Профилактическая функция не нашла своего закрепления и в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Это обстоятельство, безусловно, весьма негативно влияет на надзорную практику прокуроров в данной сфере. Однако здесь же необходимо отметить, что Генеральная прокуратура Российской Федерации, находясь в сложных условиях правового профилактического вакуума, тем не менее в рамках имеющихся возможностей регулярно акцентирует внимание подчиненных прокуроров на активизацию надзорной работы за исполнением законов, в том числе и направленных на предупреждение криминальных проявлений. В подтверждение этого достаточно указать, что за период 1994–2003 гг. Генеральный прокурор подписал 16 приказов и указаний, в которых затрагивались различные аспекты профилактики отдельных видов преступлений и правонарушений. При этом указание от 28 августа 2001 г. «Об организации надзора за исполнением законодательства, направленного на предупреждение преступных проявлений», специально было посвящено вопросам профилактики преступности.

5.1.3. Одним из весомых негативных факторов, препятствующих повышению эффективности профилактики преступлений, является недостаточная согласованность и координация действий различных ветвей власти Российской Федерации. Это выражается в том, что, например, в вопросах борьбы с преступностью Президент РФ как высшее должностное лицо России демонстрирует один подход к ключевым понятиям и мерам в этой сфере, а законодатель, к сожалению, – другой.

Так, утвержденная Указом Президента Российской Федерации «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» (в редакции от 10 января 2000 г.) среди важнейших задач в области борьбы с преступностью в первую очередь называет «выявление,

устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность»⁵.

Аналогичный подход был проявлен еще ранее и в другом Указе Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г., которым утверждено «Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». В этом правовом акте прямо указывается, что повышение эффективности борьбы с преступностью реализуется путем разработки и осуществления правоохранительными органами «согласованных действий по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению».

В то же время такой основополагающий федеральный закон, как УПК РФ⁶, регламентирующий всю процедуру уголовного судопроизводства, проигнорировал в качестве задачи саму возможность предупреждения преступлений, хотя этот кодекс был принят значительно позже президентских указов. Противоречит УПК РФ в части предупреждения преступлений и базовым положениям Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Так, ст. 1 УИК РФ в числе основных целей уголовно-исполнительного законодательства называет предупреждение совершения преступлений. Идея предупреждения преступлений красной нитью проходит и по другим разделам УИК РФ.

Противоречивость УПК РФ еще более очевидна, если сравнить его практически незаметную профилактическую направленность с предупредительным потенциалом, например, КоАП РФ, в котором предупреждение правонарушений определено в качестве одной из его целей (п. 1 ст. 3.1). Нужно отметить, что КоАП содержит специальную норму (ст. 29.13), определяющую, что «судья, орган, должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, при установлении причин административного правонарушения и условий, способствующих его совершению, вносят в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий». Здесь же закрепляется и обязанность соответствующих организаций и должностных лиц рассмотреть указанное выше

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации».

⁶ УПК РФ. М., 2002.

представление и в течение месяца сообщить о принятых мерах инициатору.

Более того, КоАП РФ содержит специальную норму (ст. 19.6), устанавливающую административную ответственность в виде штрафа за «непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения».

5.2. Хотя проекты законодательных актов об основах профилактики на федеральном уровне неоднократно представлялись в Государственную думу Российской Федерации, где их судьба оказывалась одинаковой – ни один из них не стал законом, – тем не менее, в настоящее время в регионах предпринимаются попытки воссоздания системы предупреждения преступлений, т. е. построения взаимосвязанного комплекса государственных и негосударственных органов и организаций, осуществляющих борьбу с преступностью, участвующих в предупреждении преступлений и правонарушений или влияющих на их уровень, которые, взаимодействуя друг с другом, обеспечивали наиболее эффективное воздействие на преступность как на социальное явление. Этой проблеме в свое время уделяли внимание ученые нашего института⁷.

Построение системы предупреждения преступлений в современных условиях представляет определенные трудности, одной из которых является множественность субъектов, способных оказывать профилактическое воздействие на устранение причин или условий совершения преступлений или же на лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений.

В этой связи представляют безусловный интерес попытки практического построения систем профилактики. Из имеющихся в нашем распоряжении документов наиболее благоприятное впечатление оставляет опыт Калининградской области, где в «Региональной программе по усилению борьбы с преступностью на территории Калининградской области на 1999–2003 годы» содержится попытка построения основы подобной системы как на областном уровне, так и на уровне местного самоуправления.

⁷ См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы; Косоплечев Н.П., Измайлова Ф.Ш. Предупреждение преступлений в регионах: состояние, опыт. М.: НИИ ГП РФ, 1997; Они же: Местное самоуправление: организация профилактики преступлений. М.: НИИ ГП РФ, 2000.

А. А. Толкаченко,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
(Верховный Суд РФ)

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ПРАВОСУДИЯ

В современных условиях дальнейшего проведения социально-экономической, судебной, правовой, административной реформ на всех уровнях (научно-теоретическом, законодательном, практическом) происходит переосмысление роли правосудия в социально ценностном противодействии преступности.

К сожалению, в этом вопросе, как и во многих других, иногда дискуссия сводится к выявлению логических ошибок оппонентов и бесконечным спорам о терминах.

В современной литературе, в документах и нормативных актах, посвященных воздействию на преступность, используются разнообразнейший понятийный аппарат, термины, заимствованные из различных областей научных знаний, и призванные, по возможности, наиболее емко выражать в языковой форме сущность данной социально значимой деятельности. Это и уголовная политика, и борьба (война) с преступностью (с ее концепциями и стратегиями), и контроль над преступностью, реагирование, воздействие на нее, противодействие преступности и т.п.¹

Многообразие, неунифицированность и бессистемность терминов и понятий, применяемых для обозначения в целом одной и той же функции, создают определенные сложности, так как за каждым из них стоит разное содержание, и порой трудно уяснить смысл того, о чем идет речь в конкретном случае. Разграничение различных терминов и понятий, обозначающих определенный вид деятельности,

¹ См., например: Бабаев М.М. Преступность // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003; Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1997; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003; Он же. О подходах к борьбе с преступностью // Право и безопасность. 2004. № 4. С. 34–39; Лунев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; Стратегия борьбы с преступностью в современных условиях. М., 1997; и др.

имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, в особенности для нормотворчества, для организации работы по противостоянию преступности, разграничению компетенции субъектов, осуществляющих эту задачу, устранению их смешения и дублирования их функций.

В этой связи понятийно-терминологический аспект юридической практики в сфере противодействия преступности приобретает важное научно-практическое значение: определив значение слов, мы избавим свет от половины его заблуждений (Р. Декарт)².

Абстрагируясь от приведенной терминологии, следует констатировать, что принципы разделения власти, независимости суда, состязательности процесса не исключают суд из числа законных, государственных субъектов криминологического воздействия на преступность, которая ныне по своим размахам, по общему признанию, является одной из основных угроз национальной и международной безопасности.

В последние годы вследствие односторонней трактовки право-защитной роли суда, сути его независимости и иных принципов судоустройства и судопроизводства весьма популярной стала максималистская точка зрения о том, что единственная функция суда – осуществление правосудия. При этом отправление правосудия якобы исключает участие суда в праворазъяснительной, профилактико-предупредительной и иной криминологически и социально значимой деятельности.

В связи с этим наметилась тенденция к ограничению предупредительных функций судебной системы и даже к сведению их на нет. Предпринимались попытки освободить суды от обязанности выявлять причины и условия преступлений, соответствующим образом реагировать на них, контролировать деятельность субъектов предупреждения преступлений. Отдельными учеными и практиками, судьями высказываются суждения об отсутствии и правовых оснований для участия судей в предупредительной работе, пропаганде правовых знаний и разъяснении законодательства.

Такая точка зрения не только противоречит действующему законодательству и задачам, стоящим перед судами, но и умаляет роль и авторитет судебной власти в системе государственной власти Рос-

сийской Федерации. Вряд ли функция правосудия в правовом государстве сводится только к обеспечению дискурсивной состязательности³.

Поэтому отрадно, что на VI Всероссийском съезде судей (2004 г.) указанным вопросам было уделено внимание как со стороны Президента Российской Федерации, так и представителей судебного сообщества.

Не вызывает сомнения тот факт, что утверждение справедливости в обществе посредством функционирования судебной системы оказывает мощное деструктивное воздействие на преступность. Суды всей своей деятельностью, так или иначе, способствуют предупреждению преступности и других правонарушений. В этом существенная особенность судебной власти и, в известном смысле, ее универсальность, что специально было подчеркнуто Президентом России В.В. Путиным на VI съезде судей: «Справедливость судебных решений – это критерий, по которому общество оценивает качество правосудия, а уважение к суду это в первую очередь – уважение к государственной власти...»⁴.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Одна из целей применения наказания к виновным состоит в том, чтобы не допустить совершения ими новых преступлений (частная превенция), а также предостережение других лиц от совершения преступлений (общая превенция). Действующий УПК РФ относит факторы, способствовавшие преступлению, к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

Часть 4 ст. 29 УПК РФ прямо указывает, что если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при произ-

³ См., например: Смирнов А.В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал российского права. 2001. № 12.

⁴ Путин В.В. Судебная система будет постоянно находиться в поле зрения руководства страны. Вступительное слово Президента России В.В. Путина на VI Всероссийском съезде судей // Судья. 2005. № 1. С. 4.

² Цит. по: Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12.

водстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Криминологически значимые положения имеются также и в других нормативных актах о деятельности судов, в административном, гражданско-процессуальном законодательстве, в действующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁵.

Наиболее эффективные меры по предупреждению преступности в функционировании судов, что проверено как опытом предыдущей деятельности судов, так и статистическими показателями, – это соблюдение законодательства непосредственно судом и его популяризация, справедливость судебных решений, проведение праворазъяснительной работы, открытые судебные процессы, реагирование на причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, оказание помощи всем субъектам криминологического воздействия и т.п.

Совокупность изложенных обстоятельств свидетельствует о том, что суд не может уклоняться от противодействия преступности, так как он в этом системном, социально значимом процессе выполняет настолько специфическую государственную функцию, которая никаким иным органом осуществлена быть не может. Данное положение весьма убедительно продемонстрировал А.В. Наумов⁶ (сторонник вовсе не карательной, а либеральной, демократической, гуманистической направленности в борьбе с преступностью), однако, к сожалению, не всеми оказался правильно понят (об этом, также см., например: Ф.С. Бражник, Г.И. Загорский, С.М. Иншаков, А.С. Коб-

⁵ См., например: Постановление № 15 Пленума Верховного Суда СССР «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений» от 3 декабря 1976 г., с изм. 1984 г. // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и разъяснениями / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 2004. С. 20–27; Постановление № 1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г. // Там же. С. 596–608; и др.

⁶ См.: Наумов А. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура – как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 24–26.

ликов, В.В. Лунеев, В.П. Маслов, Н.В. Радутная, М.С. Строгович, А.А. Тер-Акопов, А.И. Хомяков и др.)⁷.

По меньшей мере малоубедительными и искусственно сконструированными выглядят положения некоторых оппонентов о том, что «судебная власть не может быть использована для разрешения социальных проблем макроуровня, к которым относится и проблема преступности. Разрешая уголовное дело, судебная власть оценивает не преступность как социальное явление, а лишь наличие или отсутствие оснований для применения нормы уголовного права к конкретному деянию и лицу, представшему перед судом»⁸. При этом всеу делаются ссылки на классиков, включая К. Маркса, и др.

Здесь возможно ответить той же монетой: «Если судебный процесс сводится к одной лишь только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности...»⁹. И еще – «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее...»¹⁰.

Впрочем, известные изречения гласят, что если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы¹¹, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана...»¹². Однако причем здесь наука?

Хотя, как известно, подражательство один из самых легких путей получения знаний (Конфуций).

Но есть и один из самых горьких (по Конфуцию же) – путем опыта. Не сложные эмпирические исследования безусловно подтверждают наличие у суда криминологических функций.

При этом реализацию этих функций в современной деятельности судов общей юрисдикции не следует трактовать узко,

⁷ См.: Об этом, например: Кобликов А.С. Избранное: Юридическая этика. Военные суды России. М., 2005; Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: Социальные и правовые основы. М., 2005; и др.

⁸ Воскобитова Л.А. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 94–99.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 158.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

¹¹ Там же. Т. 17. С. 17.

¹² Там же. Т. 23. С. 47.

лишь применительно к уголовным делам, хотя и здесь есть свои специфические особенности.

Так, например, рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних в порядке особого производства или судом присяжных в криминологическом плане существенно разнятся друг от друга. Однако весьма велик профилактический потенциал рассмотрения судом также и гражданских, и административных дел.

В этой связи обращают на себя некоторые крайности и сомнения в научных дискуссиях о современной роли суда со стороны представителей некриминологической науки, которые вновь и вновь пытаются открывать ясные для криминологов аксиомы. Например, о том, можно ли суд считать органом борьбы с преступностью, ее сдерживания и контроля над ней¹³.

Между тем, судебная политика есть одна из форм проявления, выражения и средств реализации уголовной политики (в широком смысле)¹⁴, что для криминологии является положением, не требующим доказательств.

Таким образом, теоретическое исследование современных реальных криминологических функций судов общей юрисдикции, реальное внедрение их в законодательство и современную социальную практику имеет существенное значение для криминологической науки и повышения эффективности воздействия на преступность в России.

¹³ См., например: Воскобитова Л.А. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 94–99.

¹⁴ См.; Тер-Акопов А.А. Уголовная политика. М., 1999. С. 8, 16 и др.; Толкаченко А.А. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2004. С. 23, 29; и др.

Д. А. Корецкий,
доктор юридических наук, профессор
(Ростовский юридический институт МВД России)

ОРИЕНТИРЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМА СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В последнее десятилетие борьба с преступностью (сдерживание, противодействие, противостояние и т.д.) заметно ослаблена, следствием чего явилось обострение ее количественных и качественных характеристик.

Несмотря на это, «правозащитниками» всех мастей внедряется в общественное сознание мысль о наступлении государства на права и свободы граждан и о необходимости дальнейшего ограничения применения любых принудительных мер, при этом совершенно необоснованно делаются ссылки на правоприменительную практику зарубежных стран. Не зная истинного положения дел представители общественности, сотрудники СМИ, либеральная интеллигенция в штывы встречают любые предложения по ужесточению законодательства и правоприменительной практики.

Анализ подлинного состояния борьбы с преступностью показывает, что механизм уголовной юстиции работает по принципу «воронки». Сопоставляя количество жалоб и заявлений о преступлениях и число привлеченных к ответственности лиц, можно констатировать, что 60–80% преступников вообще остаются безнаказанными.

В последние годы изменения российского уголовного законодательства имеют явно выраженную тенденцию к «**либерализации**», в основу которой положены, якобы, европейские стандарты.

Сама идея применения последних к российской действительности представляется крайне сомнительной вследствие колоссальных различий европейских и российских реалий. Вряд ли кто-то из граждан Евросоюза поймет, что такое коммунальная квартира, банный день или отключение горячей воды на лето; как может официально установленный минимальный размер оплаты труда быть значительно меньше прожиточного минимума, а тот, в свою очередь обеспечивать только биологическое существование, а не полноценную насыщенную жизнь.

Вторым «столпом» новейших уголовно-правовых и уголовно-процессуальных новаций является **совокупность неправильных представлений о криминальной ситуации**, характерных для всевозможных «правозащитников», журналистов и, к сожалению, законодательного корпуса, качественный состав которого заслуживает отдельного обстоятельного исследования.

Так, например, представление о необходимости бесконечного **смягчения наказаний, применяемых к несовершеннолетним**, исходит из пасторального образа хорошего мальчика, укравшего банку пепси-колы и сурово наказанного. «Разносчики» этого образа просто-напросто не осведомлены о том, что подростки, совершившие малозначительные правонарушения, вообще не попадают в сферу уголовной юстиции, а 60% лиц, содержащихся в воспитательных колониях, совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, что именно в подростковой среде наиболее рьяно и жестоко насаждаются «законы» преступного мира, что несовершеннолетние совершают наиболее циничные и бесчеловечные преступления, что все чаще убийства совершают подростки, не достигшие возраста уголовной ответственности.

По данным В.Г. Павлова, количество лиц, совершивших преступления в возрасте 14-15 лет в Санкт-Петербурге, сократилось до 807 в 1998 г., (что, на наш взгляд, является результатом «регулирования» с целью создать статистическую видимость благополучия), а количество преступников, не достигших возраста уголовной ответственности, выросло за тот же период с 1,589 до 3,243 (!)¹.

Таким образом, если предметно знать суть вопроса, то становится ясно, что актуальным является не смягчение уголовной политики под лозунгом несуществующей в России «ювенальной юстиции», а, как минимум, уяснение сути этого термина. На наш взгляд, преступления, совершаемые молодыми людьми и отличающиеся рядом специфических признаков (преимущественно насильственный характер, относительно слабая подготовленность и продуманность, общеуголовная направленность, групповой характер и т.д.), следует выделить для целенаправленного криминологического изучения в обособленную группу. Под «ювенальной преступностью» мы предлага-

ем понимать совокупность преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 12 до 22 лет, хотя обычно исследователи данной проблемы называют другие возрастные границы: от 14 до 29 лет². Наиболее острым является вопрос о нижнем рубеже возраста уголовной ответственности. Автор еще в 1996 г. предлагал понизить его до 12 лет³, с тех пор криминологическая ситуация значительно усугубилась. Что касается верхней границы, то совершенно очевидно, что психология, жизненный и преступный опыт, социальные, в том числе и криминальные связи взрослых 27–29-летних мужчин не совпадают с аналогичными характерологическими признаками 12–18 летних юношей. Ограничение ювенальной преступности двадцатью двумя годами тоже достаточно условно, но оно опирается на рубеж совершеннолетия, установленный в ряде развитых стран, например, в США.

Структурировать ювенальную преступность можно следующим образом: а) особо тяжкие преступления малолетних, т. е. лиц в возрасте от 12 до 14 лет; б) преступления несовершеннолетних – лиц, в возрасте 15–17 лет; в) преступления молодежи – лиц, в возрасте 18–22 лет.

Выделение «ювенальной преступности» в качестве самостоятельного объекта изучения и профилактики, адекватное ужесточение репрессий с одновременным снижением до 12 лет возраста уголовной ответственности за особо тяжкие преступления является актуальным направлением изменения традиционных и неверных стереотипов, применяемых в настоящее время к ювенальной преступности.

Ошибочным представляется также перенос центра тяжести борьбы с преступностью на тяжкие преступления (особенно «модный» в последние годы терроризм) и **«снисходительное» отношение к посягательствам небольшой и средней тяжести**. Ведь формирование антиобщественной направленности личности – процесс не одномоментный: он растягивается на годы и десятилетия. При этом проявление этой направленности вовне первоначально носит характер малозначительных правонарушений. Это своеобразный

² См., напр.: Кашуба Ю.А. Криминологическая характеристика ювенальной преступности: Лекция. «Криминологическая характеристика и профилактика отдельных видов преступлений»: Учебно-методическое пособие. М.: РЮИ МВД России, 2004. С. 160.

³ См.: Корецкий Д.А. Проблема адекватности мер уголовно-правового воздействия, применяемых к несовершеннолетним // Преступность и профилактика девиантного поведения молодежи: Сборник. Ростов н/Д.: РВИШ МВД России, 1996. С. 7.

¹ См.: Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 94, 95.

«зондаж» общества: адекватные ответные меры тормозят антиобщественную установку, а их отсутствие наоборот – способствует ее дальнейшему развитию.

Сегодняшний убийца, бандит, разбойник и пресловутый террорист задолго до своего главного выхода на криминальную сцену дебютируют в актах хулиганства, нанесения оскорблений и побоев окружающим. Если первый же преступный «дебют» повлечет адекватное реагирование, второй еще более жесткое наказание, то тяжкое преступление может и не состояться.

И наоборот: **ослабление борьбы с малозначительными преступлениями есть питательная среда для роста наиболее тяжелых криминальных форм.** Между тем, именно такая тенденция наблюдается в последние годы.

Так, в Ростовской области количество осужденных за причинение легкого вреда здоровью и побои в течение последних семи лет снизилось на 45 %, одновременно на 58,4 % стало больше лиц, в отношении которых дело прекращено за примирением с потерпевшим и по другим нереабилитирующим основаниям. В 149 раз (!) выросло число приговоренных к лишению свободы условно. Основным видом наказания становится штраф, который из-за трудностей взыскания не воспринимается как реальное наказание ни преступником, ни потерпевшим, ни общественностью, а, следовательно, вряд ли достигает целей общей и специальной превенции.

В условиях разгула криминала и незащитности граждан вызывает серьезные сомнения обоснованность прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, ибо это «примирение» часто является вынужденным, в результате воздействия преступника и его окружения на потерпевшего.

На этом фоне практическая декриминализация хулиганства, перевод побоев и причинений легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений в разряд дел частного обвинения по своей сути является прямым отказом от использования возможностей норм «двойной превенции» для предупреждения тяжких преступлений.

Выиграло от этого только благополучие статистики.

Так, если в 2002 г. в России было зарегистрировано 133, 2 тыс. случаев хулиганств, в 2003 г. эта цифра составила 114,0 тыс., то в 2004 г. – 24,8 тыс., причем уровень раскрываемости упал до 57,4 %.

В сложившейся ситуации логичным было предположить рост числа обращений в суды граждан, получивших легкий вред здоро-

вью вследствие хулиганских действий, однако это чисто теоретическая и оторванная от жизни логика. В реальности этого, естественно, не произошло, ибо гражданин не в состоянии задержать хулигана, собрать доказательственную базу, обеспечить явку хулигана и свидетелей к мировому судье. Остается непонятным, каким образом государство собирается защитить права избитых хулиганами граждан, упредить дальнейшую криминальную активность виновных, если оно фактически оставило их один на один с преступниками?!

Безусловно, такая позиция законодателя неадекватна состоянию насильственной преступности, тем более, что статья УК РФ о хулиганстве как раз являлась основной нормой с двойной превенцией и отказ от ее возможностей создает благоприятную почву для более тяжких деяний, укрепляет антиобщественную установку виновного, создает в обществе убежденность в безнаказанности преступного поведения.

Создается впечатление, что законодатель в последнее время игнорирует общепринятые принципы борьбы с преступностью. Это проявляется и в том, что карательное содержание наказаний по УК РФ за преступления против жизни и здоровья намного мягче, чем в других государствах мира⁴.

По данным Е.С. Стешич, 33% опрошенных судей считают санкции за преступления против здоровья заниженными и неадекватными характеру общественной опасности посягательства. При этом никто не отметил, что санкции чрезмерно строги.

Несмотря на здравые оценки судей, судебная практика усиливает эту неадекватность. Исследователи отмечали, что «чем больше размер наказания, предусмотренный законом за то или иное преступление, тем реже суды применяют его максимальные границы»⁵. (Чем это вызвано, вопрос другой, и не менее интересный. По наблюдениям автора, несоразмерно мягкие приговоры являются одним из косвенных признаков принадлежности осужденного к организованной преступности. Это, естественно, не единственная и даже не основная причина.).

⁴ См.: Дементьев С.И. Избранные труды. Т. III. Краснодар: Издательство «Южный институт менеджмента», 2004. С. 101.

⁵ См.: Дементьев С.И., Шевченко А.Е. Практика назначения лишения свободы: Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Краснодар: КЮИ МВД России, 2002. С. 10.

Наказания, применяемые в России, гораздо «гуманнее», чем за рубежом. Например, за убийство характерно применение смертной казни (в некоторых штатах США), пожизненного заключения, двадцати или тридцати лет лишения свободы (США, Франция). У нас же средний срок лишения свободы за убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ составляет 8,4 года (при санкции от шести до пятнадцати лет), а по ч. 2 ст. 105 – 11,5 лет⁶ (при санкции от восьми лет до пожизненного лишения свободы).

В 1996 г. по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР было осуждено к лишению свободы 60,9 % виновных, а условно осуждены 24,9 %. В 2004 г. число осужденных за причинение тяжкого вреда здоровью, по сравнению с 1996 г., выросло на 20 %, однако удельный вес осужденных к лишению свободы снизился до 48,3 %, а число условно осужденных к этому наказанию удвоилось.

Наряду с ростом числа лиц, причинивших средний и тяжкий вред здоровью граждан, наблюдается и совершенно не соответствующая этой тенденции «либерализация» судебной практики: снижение числа приговоров к реальному лишению свободы и увеличение в 2,5 раза условных мер наказания.

Наряду с отмеченными негативными фактами наблюдаются и другие формы ослабления судебных репрессий. Так, например, в 2004 г. по ст. 112 УК РФ в Ростовской области было осуждено 322 человека, в отношении 364 преступников дела прекращены в суде.

Амнистии все чаще используются для «разгрузки» исправительных колоний. По мнению 67,9 % опрошенных Е.С. Стешич судей, акт «прощения» государством преступника в виде амнистии имеет следствием рецидив преступлений и рост преступности, лишь 9,4 % видят в ней положительное влияние на сознание осужденных, способствующее их исправлению, 22,7 % считают, что амнистия никак не влияет на дальнейшую преступную активность амнистированных.

По экспертным оценкам, каждый пятый из тех, кто освобождается по амнистии из мест лишения свободы, в течение первого года вновь совершает преступление, в том числе насильственного характера.

Ослабление уголовной репрессии к лицам, посягающим на личность граждан, проявляется и в **неадекватно широком применении**

условно-досрочного освобождения (УДО), которое доходит до абсурда.

Достаточно сказать, что в 2001 г. из исправительных колоний условно-досрочно освобождено на 32 000 человек больше, чем по отбытии срока наказания⁷!

Если УК РСФСР 1960 г. минимальным сроком для УДО называл ½ назначенного наказания, а для некоторых осужденных исключал УДО в принципе (в том числе для лиц, совершивших умышленное тяжкое телесное повреждение при отягчающих обстоятельствах), то многократно «поправленный» УК РФ снизил минимальный срок УДО до 1/3 и распространил его на все категории осужденных (за исключением пожизненно осужденных, совершивших в период отбывания наказания новое тяжкое или особо тяжкое преступление).

Следовательно, российская уголовная политика отличается своей гуманностью в большей мере по отношению к лицам, совершившим криминальное насилие, а не предупреждает это насилие, не защищает права его жертв. Вместе с тем принцип гуманизма не должен доминировать над иными принципами уголовного права и, прежде всего принципом справедливости (ст. 6 УК РФ). Реализация принципа гуманизма не должна противоречить концепции приоритетной охраны прав и свобод человека (ст. 2 УК РФ), т. е. потерпевших от преступлений.

Определение ориентиров уголовной политики является первоочередной задачей на современном этапе сдерживания преступности.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ См.: Спицын В. Условно-досрочное освобождение в учреждениях УИС // Преступление и наказание. 2003. № 5. С. 18.

Н. Н. Ахтырская,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия судей Украины)

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

С целью обеспечения активного наступательного противодействия преступности и достижения замедления ее темпов роста на основе четко определенных приоритетов и наращивания усилий государства и общественности, совершенствования законодательства, организации, средств и методов предупреждения и раскрытия преступлений 25 декабря 2005 г. в Украине была принята Комплексная программа профилактики преступности на 2001-2005 гг.

Для достижения этой цели Программой предусмотрены мероприятия, направленные на:

- создание атмосферы общественной нетерпимости к преступности;

- ослабление действия криминогенных факторов;

- предотвращение сращивания криминальных структур с органами государственной власти, распространения и консолидации организованных и наиболее опасных форм преступности;

- недопущение втягивания в преступную деятельность новых социальных групп, особенно несовершеннолетних, вытеснение преступности из иных сфер общественной жизни;

- искоренение коррупции, уменьшение уголовного вмешательства в экономические отношения;

- создание надежных препятствий усилению уголовного насилия;

- ограничение незаконного оборота оружия, наркотических средств, криминальных проявлений, пьянства и алкоголизма, проституции, иных сопутствующих преступности явлений.

В результате усиления профилактического влияния на преступность ожидалось:

- снижение уровня преступности, ослабление общественного напряжения, вызванного ее влиянием;

- уменьшение влияния организованной преступности на экономическую и политическую сферу общества;

- уменьшение коррупционных проявлений, очищение органов власти от коррумпированных государственных служащих, создание системы принятия и исполнения управленческих решений;

- существенное повышение уровня защищенности экономических отношений от преступных посягательств, вытеснение из экономической сферы криминальных элементов, сокращение объемов «теневой» экономики;

- улучшение защиты правоохранительными органами прав, собственности граждан, создание безопасных условий жизни в государстве;

- минимизация преступного влияния на молодежь и устранение причин и условий, способствующих втягиванию ее в преступную деятельность;

- снижение уровня употребления наркотиков населением и проникновение их в Украину, прекращение транзита наркотических средств через территорию Украины;

- создание системы ресоциализации лиц, которые освободились из мест лишения свободы;

- поддержание порядка и безопасности на максимально высоком уровне;

- улучшение состояния безопасности дорожного движения на основе установления партнерских отношений между гражданами и сотрудниками госавтоинспекции;

- укрепление кадрового потенциала правоохранительных органов и контролирующих органов;

- достижение надлежащего уровня финансового и материального обеспечения правоохранительной и профилактической деятельности.

Программа предусматривает мероприятия организационного обеспечения профилактики преступности (систематический анализ состояния правопорядка в населенных пунктах, на предприятиях, в учреждениях, организациях; создание информационно-поисковых систем автотранспортных средств «Автомобиль», «Документ», отдельных отрядов гражданской охраны «Варта», государственной автоматизированной системы дактилоскопического учета «Калина»; разработка механизма возвращения в Украину вывезенных капиталов неуголовного происхождения и создание системы инвестирования их в украинскую экономику с гарантией неприкосновенности и недопустимости экспроприации), правовое обеспечение профилактики преступности (разработка проектов о декларировании имущественного состояния и доходов граждан, о кредите, о миграционных процессах, об усилении борьбы с террористическими актами), а также мероприятия, направленные на защиту жизни, здоровья, чести и

достоинства лиц, их имущества от преступных посягательств (выявление спортивных секций боевых видов спорта всех форм собственности, где проводится подготовка и тренировка членов уголовных формирований, организация постоянного контроля за функционированием клубов, секций и контингентом, который тренируется; паспортизация подъездов многоэтажных домов и общежитий с целью решения вопроса их охраны, технической защиты, разработка постов срочной связи с милицией).

Особое значение в Программе уделено противодействию организованной преступности и коррупции в частности, запланировано разработать проект концепции ротации руководителей отдельных должностей государственных служащих, внедрение проверки лиц, являющихся кандидатами на должности государственных служащих или работающих на таких должностях, законности их доходов и расходов; с целью недопущения легализации средств, полученных преступным путем, организовать проверки финансово-хозяйственной деятельности и выполнения требований налогового законодательства субъектами предпринимательской деятельности, которые созданы лицами, принадлежащими к организованным преступным формированиям или находятся под их влиянием.

С целью снижения криминального давления на экономические отношения предусматривается провести анализ законов, регулирующих отношения в сфере экономики, разработать государственную программу повышения налоговой культуры населения, активизировать борьбу с незаконным распространением и реализацией аудио-и видеопродукции, компакт-дисков и иных объектов интеллектуальной собственности; обобщить практику раскрытия фактов изготовления фальшивых банкнот национальной и иностранной валюты, ценных бумаг.

С целью минимизации преступного влияния на несовершеннолетних и молодежную среду государство предусмотрело обеспечить своевременное выявление неблагополучных семей, учет и систематическую проверку условий содержания и воспитания несовершеннолетних, оказание таким семьям адресной помощи.

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что 23 % насильственных преступлений совершается в семьях. С тем, чтобы преодолеть это явление, 15 ноября 2001 г. был принят Закон «О предупреждении насилия в семье», которым предусмотрены правовые и организационные основы предупреждения насилия в семье, органы и

учреждения, на которые возлагается осуществление мер по его предупреждению. Законом дана классификация насилия в семье. Так, физическое насилие в семье определяется как умышленное нанесение одним членом семьи другому члену семьи побоев, телесных повреждений, что может привести или привело к смерти потерпевшего, нарушение физического или психического здоровья, причинение вреда чести и достоинству; сексуальное насилие в семье – это противоправное посягательство одного члена семьи на половую неприкосновенность другого члена семьи, а также действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним членам семьи; психическое насилие в семье – насилие, связанное с действием одного члена семьи на психику другого члена семьи путем словесных оскорблений или угроз, преследования, запугивания, которыми умышленно причиняется эмоциональная неуверенность, неспособность защитить и может причиняться или причиняется вред психическому здоровью; экономическое насилие в семье – умышленное лишение одним членом семьи другого члена семьи жилища, еды, одежды и иного имущества или средств, на которые потерпевший имеет предусмотренное законом право, что может привести к его смерти, вызывать нарушение физического или психического здоровья.

В качестве специальных мер по предупреждению насилия в семье предусмотрены: 1) вынесение лицу, достигшему 16-летнего возраста, официального предупреждения о недопустимости совершения насилия в семье, при условии отсутствия в действиях признаков преступления; 2) профилактический учет; 3) защитительное предписание, которым запрещается совершать конкретные акты насилия в семье, получать информацию о месте нахождения жертвы насилия в семье, разыскивать жертву, если она по собственному желанию находится в месте, неизвестном лицу, совершившему насилие; посещать жертву насилия, если она временно пребывает вне места совместного проживания; вести телефонные переговоры. Эти меры устанавливаются сроком до 30 суток со дня согласования защитительного предписания с прокурором. Закон предусматривает взыскание средств с лиц, совершивших насилие в семье, на компенсацию расходов содержания жертв насилия в специальных учреждениях в судебном порядке по иску администрации специализированных учреждений.

Продолжением этого закона стало принятие нормативных актов, предусматривающих законодательное регулирование равных прав мужчин и женщин.

Так, Законом Украины от 8 сентября 2005 г. «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин» регулируется ликвидация дискриминации по признаку пола, предусмотрены меры обеспечения гендерного равенства.

В связи с участвовавшими случаями противодействия процессу правосудия (взрыв в помещении Дарницкого суда г. Киева) Государственной судебной администрацией Украины и Министерством внутренних дел Украины принят совместный Приказ от 2 ноября 2005 г. «Об утверждении Правил пропуска лиц в помещения судов и на их территорию транспортных средств». Этими правилами определяется порядок пропуска лиц в помещения судов и на их территорию транспортных средств с целью поддержания общественного порядка в судах, пресечения проявлений неуважения к суду, а также охрана помещений судов, исполнение функций по государственной защите судей, сотрудников суда, обеспечение безопасности участников судебного процесса. Пропускной режим осуществляется сотрудниками специального подразделения судебной милиции «Грифон». На входе в помещения судов оборудуются пункты пропуска с соответствующими техническими средствами контроля и связи. Запрещается пропуск лиц в состоянии опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и гражданскую мораль (алкогольное или наркотическое); с животными; с легковоспламеняющимися, взрывчатыми, радиоактивными и ядовитыми веществами; с колюще-режущими предметами. Для вещей, запрещенных для вноса в помещение суда, оборудуются камеры хранения (запрещается пропуск лиц с багажом, хозяйственными сумками, пакетами, размер которых превышает 45х35х15 см).

Медицинский персонал службы скорой помощи, сотрудники пожарной и аварийной служб пропускаются в помещение суда после соответствующей записи в журнале посетителей.

В случае аварий, выхода из строя технических коммуникаций сотрудники судебной милиции пропускают на территорию рабочих соответствующих ремонтных служб с занесением их фамилий и времени работы в журнал посетителей и немедленно уведомляют об этом председателя суда, дежурного (ответственного) по подразделе-

нию судебной милиции и дежурного территориального, районного отдела внутренних дел.

Верховная Рада Украины, проанализировав состояние борьбы с организованной преступностью в 2004–2004 гг., отметила, что деятельность государственных органов, на которые возложена обязанность борьбы с организованной преступностью, не адекватна уровню организованной преступности, и поэтому признана неудовлетворительной. С целью улучшения борьбы с преступностью в декабре 2005 г. планируется рассмотреть в парламенте законопроект о расширении полномочий органов, ведущих борьбу с организованной преступностью. Правительство Украины обязали подать в декабре 2005 г. на рассмотрение парламента законопроекты:

- о внесении изменений в законодательные акты по вопросам борьбы с организованной преступностью и коррупцией, отмыванием (легализацией) доходов, полученных преступным путем;

- о создании государственных реестров юридических и физических лиц, которые принимают участие в создании юридических лиц, управлении ими и их финансировании;

- о создании государственных реестров физических лиц, лишенных права занимать должности руководителей юридических лиц, филиалов, представительств;

- определить и утвердить до 1 января 2006 г. план действий, направленных на искоренение преступлений, иных правонарушений и коррупционных действий в хозяйственной деятельности и в иных сферах общественной жизни.

Указом Президента Украины от 18 ноября 2005 г. «О первоочередных мерах по детенизации экономики и противодействию коррупции» предусматривается, в частности, утверждение методики и порядка организации проведения общественного мониторинга состояния распространения коррупционных деяний в политической, экономической и социальной сферах на государственном и местном уровнях, ежегодное оглашение его результатов.

Одним из актуальных вопросов является профилактика преступности среди несовершеннолетних. За последние 5 лет в Украине осуждено 102 778 несовершеннолетних; кроме того, к 23 616 из них были применены принудительные меры воспитательного характера, 2 626 человек направлены в училища или школы социальной реабилитации, т. е. 126 394 несовершеннолетних предстали перед судом за совершение общественно опасных деяний. С целью борьбы с пре-

ступностью среди несовершеннолетних были приняты законы Украины «Об организационных и правовых началах обеспечения прав детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки», «Об основах социальной защиты бездомных граждан и бесприютных детей» (в Украине насчитывается 1 млн бездомных граждан, среди которых 200 тыс. несовершеннолетних, 8 тыс. детей школьного возраста не посещают школу, 100 тыс. детей находятся в детских домах).

2006 год объявлен в Украине годом защиты прав ребенка, принят Национальный план действий по реализации Конвенции ООН о правах ребенка.

Демократическое государство, которое обеспокоено будущим, не может равнодушно относиться к судьбе несовершеннолетних, особенно тех, которые вступили в конфликт с законом. К сожалению, процессы, которые происходят последнее время в Украине, негативно влияют на формирование молодого поколения; в частности, об этом свидетельствует увеличение уровня преступности среди несовершеннолетних. В большинстве случаев государство начинает реагировать на проблему несовершеннолетних поздно, когда процессы их криминализации становятся необратимыми. Поэтому юристы-практики, ученые осознают, что необходимо внедрять наиболее эффективные способы и разрабатывать новые направления социализации молодежи, поведение которой не отвечает социально ориентированным нормам и ожиданиям, то есть преимущество отдают профилактике.

Д. С. Чукмаитов,
доктор юридических наук, профессор
(Костанайский юридический институт
Комитета УИС Минюста РК)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Политика государства в области сдерживания преступности базируется на принципиально очерченном Конституцией страны правовом поле. Вместе с тем, мировоззрение, определяющее конкретные пути достижения поставленных государством задач, полностью еще не сформировано. Вот почему понимание причин современной преступности и возможностей общества в борьбе с преступностью является ключевым звеном в формировании стратегии борьбы с этим социальным злом.

Советская доктрина общества без преступности опиралась на идею абсолютной управляемости общественными процессами и возможности в короткие сроки сформировать личность нового человека – строителя коммунистического будущего. Но «идея тотальной управляемости обществом и человеком не выдержала испытаний. Самые высокие идеалы пришлось утверждать с помощью самых жестоких способов»¹.

История не прощает ошибок, репрессии не только не решили проблему преступности, а наоборот загнали ее в теневую сторону жизни общества. Теневая экономика, взяточничество создали благоприятную почву для зарождения организованной преступности. Попытки приукрасить действительность, заявляя о том, что в Советском Союзе нет коррупции, организованной и профессиональной преступности, привели к разочарованию населения в возможностях государства и его идеологии. Произошло рассогласование между идеологическими установками и реалиями общественной жизни, была нарушена солидарность общества. В результате само советское государство, несмотря на мощный репрессивный аппарат, рассыпалось на глазах, показав свою неспособность управлять общественным развитием.

¹ Хохряков Г.Ф. Криминология: Учебник. М.: Юрист, 2002. С. 49.

Теория предупреждения преступности, разработанная советскими криминологами и нацеленная на ликвидацию преступности, представляла собой грандиозный, но нереализованный проект. Профессор Г.Ф. Хохряков по этому поводу пишет: «Системная модель предупреждения преступности, разработанная советскими криминологами, представляла грандиозную картину. Однако она не смогла воплотиться в жизни... Советская криминология находилась под пятой мировоззрения, согласно которому преступность в социалистическом обществе должна была неуклонно снижаться и, в конечном итоге, исчезнуть. Советские криминологи вынуждены были прибегать к различного рода уловкам, вплоть до софистических, чтобы соединить желаемое с действительным... В то же время мировоззрение оказывало влияние не только на теорию: оно имело материальное воплощение и, в частности, в системе уголовной юстиции»². Говоря о затянувшемся кризисе системы уголовной юстиции, он отмечает, что «проводимая реформа свидетельствует о несоответствии советской системы уголовной юстиции требованиям жизни и, следовательно, непрактичности, нежизненности советской криминологической теории предупреждения преступности. Будучи материальным выражением теории система юстиции искажала общественное, в том числе профессиональное сознание, и тем самым порождала новые проблемы»³.

Необходимость теоретической разработки концептуальной модели борьбы с преступностью признается известными российскими криминологами. В поиске новых подходов в разработке теории предупреждения преступности предлагается проанализировать эффективность деятельности отдельных органов уголовной юстиции и отобрать основные средства и способы предупреждения, такие как: закон, наказание, система уголовной юстиции в ее действии, некарательные средства воздействия, правосознание. Конечно же, речь не идет о полном отказе от созданной в советское время системы предупреждения преступности, но и не следует, на наш взгляд, возрождать ее, копируя, не учитывая новых реалий современного общественного развития. Рациональные основы советской криминологической школы были восприняты и модернизированы во многих странах мира, и восстанавливая систему предупреждения преступности в

² Хохряков Г.Ф. Указ. соч. С. 419–420.

³ Там же. С. 424.

Казахстане, как важнейший фактор его стабильности, безопасности, процветания, следует использовать знания мирового опыта путей гармоничного развития и становления правового государства. Академик РАН В.Н. Кудрявцев, отмечая, что «опора на науку – наиболее рациональный путь совершенствования практики борьбы с преступностью» называет несколько главных направлений, по которым, с его точки зрения, следовало бы развивать борьбу с преступностью:

проведение продуманной социальной политики, ориентированной на нужды большинства людей;

создание и развитие на современном уровне системы профилактики (предупреждения) преступлений;

рациональная уголовная политика. В уголовном законодательстве должен поддерживаться разумный баланс более строгих и более мягких мер. Главное средство борьбы с преступностью уголовно-правовыми мерами – не жестокость наказания, а его неотвратимость (которую обеспечивает не Уголовный кодекс, а вся практика деятельности правоохранительных органов). Поэтому эффективная уголовная политика должна предусматривать дифференцированный подход к преступникам с учетом тяжести содеянного и личности виновного;

коренная перестройка пенитенциарной системы. Неотъемлемым элементом обращения с правонарушителями является последующая (после освобождения из мест заключения) система ресоциализации;

широкое и последовательное использование научных рекомендаций в сфере борьбы с преступностью;

подготовка, отбор и совершенствование кадров работников правоохранительных учреждений..., работа ученых, направленная на повышение уровня знаний специалистов, – важная и актуальная задача;

правовое воспитание граждан и должностных лиц⁴.

В обществе переходного периода меняется характер отношений между людьми, меняется их отношение к нормам поведения, в том числе, и к правовым.

Э. Дюркгейм ввел понятие аномии для обозначения социальных структур, которые в результате быстрой смены социальных ценностей перестают соблюдать общепринятые нормы поведения. «В ре-

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. С. 216–220.

зультате распада системы регулирования и контроля индивиды оказываются в условиях, где ощущается нехватка механизмов внешнего управления и контроля. Тем самым создается угроза социальным отношениям, социальному окружению, общности людей (солидарности)»⁵.

Следовательно, необходимо особое внимание уделять социальным аспектам в каждом из выбранных основных направлений борьбы с преступностью. Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Кудрявцева, который отмечает, что «по мере развития буржуазного общества и в теории, и в практике стал преобладать подход, связанный с возрастанием социальной функции государства, с расширением социальных программ, выравниванием несправедливости, порождаемой рыночными отношениями. Нашему же обществу и сегодня навязываются теории консервативного толка, сводящие к минимуму социальную роль государства, которая якобы должна распространяться на малообеспеченных индивидов»⁶. Действительно, государство не должно оставаться пассивным созерцателем приспособления граждан к рыночным условиям. Речь идет не о прежнем государственном вмешательстве в экономику, а о необходимости сформулировать социальную, политическую, правовую и экономическую концепцию взаимоотношений государства и человека в условиях рыночных отношений и последующей целенаправленной ее реализации.

Общество в вопросах борьбы с преступностью не должно полагаться лишь только на правоохранные органы. Кроме того, эффективность их деятельности также зависит от многих факторов и социальных условий. Кстати, социальная защита сотрудников правоохранных органов является одним из важных аспектов повышения престижа данной профессии.

Авторы коллективной монографии под редакцией академика НАН РК М.Т. Баймаханова считают, что неотложной задачей для общественных наук является научно-теоретический анализ оптимальных пределов вмешательства государства в экономическую жизнь общества, разработки проблем дирижизма и преодоления этатизма на стыке различных наук – юридической, экономической, по-

литологии и социологии, что будет способствовать становлению правового государства⁷.

Казахстан, утверждая себя социальным государством, должен проводить социальную политику в интересах общества, реализовывать социальные программы адресной защиты определенных групп населения, регулируя и дирижируя участие в ней государственных органов управления и сил общественности. Экстраординарная роль государства в борьбе с преступностью состоит не в попытках приукрасить усилия правоохранных органов в решении проблемы контроля над преступностью, а в партнерстве с населением, оздоровлении общества, защите правопослушных граждан.

Президент страны Н.А. Назарбаев на совещании по вопросам правопорядка и соблюдения законности 10 сентября 2003 г. в своем выступлении «Демократические ценности и непререкаемый авторитет закона» сказал: «Надо, чтобы граждане доверяли государству. А степень этого доверия во многом определяется тем, как оно защищает своих граждан от произвола тех, кто посягает на закон, на их права и свободы. Вместе с тем, нельзя безоглядно следовать идеологии «безбрежного» индивидуализма. Надо учитывать ментальность казахстанцев, для которых традиционными всегда были альтруистическое сознание, коллективизм и патриотизм.

Нам необходима гармонизация личных, общественных и государственных интересов, выявление точек соприкосновения в вопросах соблюдения прав человека, правопорядка и общественной безопасности в целом. Не надо забывать и о том, что у граждан, наряду с правами, имеются и обязанности. Как говорил Мишель Монтень: «... Правило правил и главнейший закон законов заключается в том, что всякий обязан повиноваться законам страны, в которой живет...».

Мы должны построить государство с неприкасаемым авторитетом закона, обеспечивающее не только соблюдение индивидуальных прав каждого, но и соблюдение принципа равенства всех перед законом, создание режима общественной безопасности – основы стабильности и поступательного государственного развития»⁸.

⁵ Кернер Х.-Ю. (составитель). Криминология. Словарь-справочник. М.: Норма, 1998. С. 7.

⁶ Там же. С. 209.

⁷ См.: Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. Алматы, 2001. С. 193.

⁸ Казахстанская правда. 2003. 11 сент.

В своей речи Президент страны остановился на приоритетных направлениях борьбы с преступностью, в том числе и на проблемах предупреждения преступности. Он отметил, что «необходимо вывести на новый уровень работу по профилактике правонарушений. На это еще в прошлом году обращалось внимание Правительства и акимов. Но действенных мер до настоящего времени не принято. Программы по отдельным направлениям профилактической деятельности разработаны, а исполнение их остается на низком уровне. Не видно и координирующей роли Правительства. В этой связи Н.А. Назарбаев отметил «необходимость тщательного анализа и взвешенного подхода как при разработке новых нормативных правовых актов, так и при внесении изменений и дополнений в уже действующие»⁹.

Таким образом, **гармонизация личных, общественных и государственных интересов, выявление точек соприкосновения в вопросах соблюдения прав человека, правопорядка и общественной безопасности в целом** является генеральным направлением в социально регулирующей роли государства в борьбе с преступностью.

Подчеркивая, что Казахстан как социальное государство находится в процессе становления, член-корреспондент НАН РК Г.С. Сапаргалиев под «социальным государством» понимает государство современного демократического типа, существующее в условиях относительно стабильной и развитой экономики, способное осуществлять социальную политику, выражающуюся в заботе о правах человека, об устройстве трудоспособных, о создании системы здравоохранения, социального обеспечения, о поддержке малоимущих, в борьбе с конфликтами, преступностью и т.д. Предлагая разумные, сознательные и решительные действия всей системы государственных органов в реализации плана создания социального государства, он выделяет широкий круг задач, стоящих перед ними:

не допустить формирования социальных полюсов;

направлять интересы различных социальных слоев, отличающихся имущественным положением, к взаимоприемлемому социальному компромиссу;

сознательно и целенаправленно регулировать экономические, политические, национальные, экологические, социальные, демогра-

фические и другие отношения для создания стабильной системы жизнеобеспечения общества в целом, каждого человека в отдельности;

ориентировать законодательство на человека, на удовлетворение его жизненных интересов и потребностей, создать социальную защиту от безработицы, социальное обеспечение и т.д.;

не допустить установления в качестве государственной идеологии какого-либо слоя, тем самым исключить идеологическую конфронтацию и т.д.

Безусловно прав Г.С. Сапаргалиев, считая, что решением этих и подобных задач будет достигаться общенародный консенсус, будут сводиться к минимуму национальные, межличностные и иные социальные противоречия и тем самым будут создаваться условия для максимального сужения применения государственного принуждения¹⁰.

Таким образом, при разработке современной теории предупреждения преступности основополагающим концептуальным положением, по нашему мнению, является усиление социально-регулятивной роли государства, позволяющее перейти от карательных мер государства к реальному предупреждению правонарушений.

Несмотря на то, что право предусматривает возможность государственного принуждения, насилие к преступнику, оно ничто без моральной поддержки населения. Если население не солидарно с правовыми запретами, коллективно не осуждает противоправные поступки, то репрессивный аппарат захлебнется в борьбе с массовыми нарушениями закона. Примеров из бывшей советской действительности предостаточно: «несуны», спекулянты, взяточники, самогоноварение, а ныне наркомания. Многие граждане без раздумий пользовались услугами лиц, совершающих преступления. Срабатывала двойная мораль, а лицемерие чиновников особенно сильно разрушало нравственные устои общества. Известно, чем нравственнее общество, тем нетерпимее оно будет относиться к тому, что раньше прощало.

Солидарность общества размывает основу преступности¹¹. Человек постоянно осуществляет поиск условий, более соответствующих

¹⁰ См.: Сапаргалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, Жеты Жаргы, 2002. С. 190–191.

¹¹ См.: Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Интеллигенция в России. 1991. С. 291.

⁹ Там же.

щих его внутренним потребностям. Но человек – существо общественное, и в случае утраты чувства связи с обществом, он будет противопоставлять себя ему. Поэтому опасен как эгоизм, который ведет к утрате солидарности, к распаду общества, так и очень сильное коллективное чувство, которое может стать тормозом прогресса, будет угрожать свободам личности. Чем теснее связь между интересом личным и общественным, тем меньше вероятность того, что человек совершит преступление или допустит иное отклоняющееся поведение. Ощущение своего достоинства, достижение удовлетворения от жизни гражданин должен получать от того, что не нарушает правил. Следовательно, общество должно поощрять тех, кто соблюдал правила, а не тех, кто преуспел в продвижении к богатству любыми средствами. В этом случае не произойдет социальной аномии и преступление будет вызывать всеобщее осуждение. Человек может и должен найти удовлетворение не в своем обогащении, а в ощущении своей заслуженной ниши в обществе, в ближайшем окружении, конечно, при условии того, что он не находится за чертой бедности.

Задача государства обеспечить социальные условия и правовые правила общежития, гармонизировать общественные отношения, снимая социальные противоречия и укрепляя солидарность общества. Не решив данную задачу, трудно ожидать повышения социальной активности населения в борьбе с преступностью, его правовой поддержки.

Если не возобладает подход, связанный с возрастанием социальной функции государства, с расширением социальных программ, выравниванием несправедливости, порождаемой рыночными отношениями, то и государство не будет способно кардинально изменить криминальную ситуацию в стране применением только лишь уголовно-правовой репрессии.

Уже сложилось понимание, что статистические цифры чаще являются результатом полицейской деятельности, чем картиной преступности в стране.

Высокий уровень правопорядка в обществе возможен только тогда, когда граждане видят в государственных органах гаранта их безопасности, ощущают не на словах, а на деле заинтересованность правоохранительных органов в рассмотрении и принятии мер по любому, известному им правонарушению. Укрытие преступлений от регистрации с целью повышения показателей раскрываемости, незаконные отказы в возбуждении уголовных дел и прочее «профессио-

нальное» манипулирование статистикой наносят колоссальный вред правосознанию населения и подталкивают общество к пропасти правового нигилизма.

Достижение цели снижения уровня преступности и повышения процента раскрываемости любой ценой становится тормозом в предупреждении преступности. В недалеком прошлом советское государство ставило своей целью ликвидацию преступности. Сегодня подобная задача признана утопичной. Простая логика исключает из целей борьбы с преступностью ее снижение в абсолютных показателях, так как ежегодное ее снижение должно в перспективе также привести к ликвидации преступности. Ответ на вопрос о целях борьбы с преступностью следует искать в Конституции нашего государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы.

В то же время процент раскрываемости преступлений остается достаточно важным показателем, от которого было сложно отказаться при осуществлении оценки деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью. В выступлении на совещании по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией 19 апреля 2000 г. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев обратил особое внимание на низкую раскрываемость преступлений. Возможно, следует отказаться от использования общего показателя раскрываемости преступлений, а использовать только дифференцированный подход в оценке деятельности, учитывая процент раскрываемости по отдельным видам преступлений. Конечно же, необходимы исследования данных проблем, поскольку они достаточно сложны и требуют специального рассмотрения.

К сожалению, принцип неотвратимости ответственности, на наш взгляд, не нашел должного отражения в действующем законодательстве. Это связано с тем, что долгие годы руководящим положением в уголовном праве признавался принцип неотвратимости наказания. Вместе с тем между принципом неотвратимости наказания и принципом неотвратимости ответственности имеется существенное качественное отличие. Реакция государства на совершенные правонарушения не должна в обязательном порядке реализовываться в наказании. В реагировании на правонарушения во многих случаях является достаточным публичное или государственное осуждение общественно опасного или негативного деяния. Если принцип неотвратимости наказания стал противоречить реформированному в послед-

ние годы уголовному законодательству, то принцип неотвратимости ответственности наоборот должен и может подчеркнуть защиту приоритетов в правах граждан и интересов общества.

Вышесказанное позволяет утверждать, что принцип неотвратимости ответственности является важнейшим в уголовно-правовой борьбе с преступностью и должен найти свое полное отражение в законодательстве. Его обеспечение должно стать наиболее важной задачей государственных органов, ведущих борьбу с преступностью.

Механизм реализации принципа неотвратимости ответственности имеет достаточно сложную структуру и требует научного осмысления. В его основу следует включить принципиальные положения, изложенные в указанной выше речи Президента страны, а также в разработанной Правительством Программе борьбы с преступностью.

Наиболее важными сторонами механизма обеспечения неотвратимости ответственности, на наш взгляд, являются:

акцентированный подход в осуществлении ведомственного контроля и прокурорского надзора за качеством следствия и дознания, постановкой работы по регистрации преступлений, законностью возбуждения и прекращения уголовных дел;

постоянное внимание проблемам следствия. Высокая нагрузка на одного следователя при неадекватной оплате его труда, проблемы комплектования квалифицированными специалистами, низкая обеспеченность техническими средствами и транспортом оперативных и следственных подразделений – вот далеко не полный перечень проблем, которые требуют своего разрешения. Необходимо провести комплексные исследования и разработать новые научно-обоснованные нормы нагрузки сотрудников следственных органов, осуществить техническое перевооружение и информационное обеспечение деятельности следственных и специальных органов;

кадровое обеспечение следственных и оперативных аппаратов, повышение квалификации и профессионализма сотрудников, улучшение социально-бытовых условий и денежного содержания;

бескомпромиссная борьба с преступлениями против правосудия и исполнения наказаний. Произвол и выбивание показаний, незаконные методы расследования очень часто связаны с отношением к подозреваемому как уже к преступнику, в то время как осуждаться должны поступки и деяния. Принцип презумпции невиновности, провозглашенный Конституцией страны, требует своей реализации в

повседневной практике раскрытия и расследования преступлений, что также предопределяет необходимость научного анализа проблем его обязательного соблюдения;

совершенствование уголовно-процессуального, уголовного законодательства, в том числе механизма защиты свидетелей и потерпевших, сотрудников правоохранительных органов и судей от посягательств на их жизнь или иного насилия в связи с производством по уголовным делам. В уголовном судопроизводстве необходимо создать дополнительные условия для правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности и легализации сведений, добытых оперативным путем;

повышение оперативности и качества рассмотрения уголовных дел, обеспечение тесного взаимодействия следственных и оперативных аппаратов, доведение до суда приостановленных и незаконно прекращенных уголовных дел, осуществление комплекса мер по совершенствованию оперативно-розыскной деятельности;

обеспечение розыска без вести пропавших и лиц, скрывшихся с целью уклонения от уголовной ответственности, совершенствование организации работы по установлению личности неопознанных трупов. В этих целях было бы целесообразно ускорить разработку и принятие Закона Республики Казахстан «О государственной дактилоскопической регистрации». Кроме того, в случае принятия данного закона существенно облегчилось бы проведение неотложных работ при стихийных и иных бедствиях, которые сопровождаются большим количеством человеческих жертв;

обеспечение исполнения и иных мер правового воздействия в соответствии с требованиями закона, обеспечение розыска лиц, скрывшихся с целью уклонения от отбывания наказания;

обеспечение координации деятельности ключевых структур, призванных вести борьбу с преступностью;

формирование высокой правовой культуры, положительного имиджа государства и его правоохранительных структур;

разработка и реализация региональных программ борьбы с преступностью, в том числе предусматривающих меры социальной профилактики по снижению безработицы, беспризорности и безнадзорности, борьбы с алкоголизмом, наркоманией, проституцией.

При этом, как нам кажется, следует изменить общественную установку в отношении лиц, совершающих преступления. В общественном сознании они продолжают ассоциироваться с понятием

«злодей». Фактически же в жизни граждане достаточно часто сталкиваются с лицами, совершающими коррупционные преступления, преступления в сфере экономической деятельности или связанные с незаконным оборотом наркотических средств и др. Происходит постепенное опасное для общества стирание граней между дозволенными поступками и запрещенными законом деяниями. В этой связи основной акцент должен быть сделан не только на конкретных лицах – «преступник-злодей», что ведет, в основном, к требованию применения суровых наказаний, а на недопустимости совершения общественно опасных деяний, которые приводят к последствиям, отбрасывающим наше общество назад, угрожают стабильному, безопасному развитию Казахстана, становлению гражданского общества. Обеспечение принципа неотвратимости именно ответственности, а не наказания, позволит, на наш взгляд, удовлетворить общественные ожидания результатами выполнения государством функции защиты граждан от преступных посягательств. Главное, по нашему мнению, готовность государственных органов реагировать на любое правонарушение, чутко и внимательно относиться к просьбам граждан об их защите и о помощи, продемонстрировать преступнику, что он будет обязательно задержан и возможно, если это требуется, будет сурово наказан.

Таким образом, стабильное развитие Казахстана предполагает обеспечение должного уровня правопорядка, защиту правоохранительными органами интересов личности и государства. Реализация на практике принципа неотвратимости ответственности благоприятно скажется на социальном климате в обществе, консолидирует ключевые структуры, задействованные в борьбе с преступностью, в достижении системной, координированной деятельности.

Р. В. Черкасов
(ВНИИ МВД России,
филиал по Западной Сибири)

О ВЛИЯНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Любая система управления, социальная организация (а аппарат милиции, орган внутренних дел являются таковыми) стремятся обеспечить себе устойчивое и постоянно улучшающееся положение среди других систем управления и социальных организаций. Для этого организация должна обладать минимально необходимыми свойствами: детерминированностью элементов системы, динамичностью, наличием «управляющего» параметра, усилительным свойством и системой обратных связей¹. Г.А. Туманов, анализируя эти пять требований к социальной организации, показал их принципиальную применимость к органам внутренних дел. Несоответствие одному из них или его несоблюдение ведут к тому, что организация становится неспособной выполнить поставленные перед ней задачи, утрачивает свои системные признаки, может вообще разрушиться².

Милиция как организация находится в постоянном взаимодействии со средой своего функционирования, получая извне большое число негативных воздействий. Их отсутствие нереально. Организация должна чутко реагировать на возмущающие воздействия извне, изменяясь и приспособляясь к ним, не должна изменяться коренным образом либо лишиться основных системных свойств, когда под видом самой организации существует уже другая, не решающая под старой вывеской своих основных задач и выполняющая совершенно другие функции.

Для многих организаций обратные связи заложены в самой их деятельности. Так, для любой производственной и торговой организации уменьшение количества продаж свидетельствует о необходимости изменения технологии производства, качества (цвета, формы) продаваемых изделий, изменения цены, улучшения рекламы и т.д. Количество продаваемых автомобилей какой-либо марки –

¹ См.: Бокарев В.А. Кибернетика и военное дело. М., 1967.

² См.: Туманов Г.А. Орган внутренних дел как система управления. М., 1972; Он же. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972.

это не что иное, как количественно выраженное общественное мнение. То есть, это та самая обратная связь, без которой производители могут оказаться в убытке незамедлительно.

Процесс использования обратной связи в процессе управления тем сложнее, чем сложнее система управления. Это, прежде всего, относится к социальным системам, в том числе милиции.

Многие годы милиция не нуждалась в изучении общественного мнения, так как ее деятельность оценивалась по системе универсальных показателей – процент раскрываемости, уровень и структура преступности, динамика нарушений дисциплины личным составом и т.д.

Общественное мнение как состояние массового сознания включает в себе скрытое или явное отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям и фактам соответственно³. Эта субъективная реальность отражает общее в совокупности индивидуальных мнений людей, объединенных социальными интересами⁴.

Большинство высказанных в научной литературе определений почти тождественно с этим, причем часто подчеркивается изменчивый, аморфный, плюралистический характер общественного мнения. Признается, что каждый индивид, группа, каждый регион, национальность и другие общности являются прежде всего субъектами своего собственного мнения (индивидуального, коллективного, регионального и т.д.), когда предмет этого мнения затрагивает их собственные (внутренние) интересы⁵.

Важны многие факторы: кто проводит исследование и замеры, среди каких профессиональных, половозрастных, социальных, национальных групп проводится исследование, в отношении каких служб и т.д. Именно поэтому общественное мнение не всегда и не полностью отражает общественное сознание. Оно может быть иска-

жено в процессе исследования, в том числе по вине самого заказчика.

Иногда ложные выводы из исследований являются следствием не «социального заказа», а консервативной, научной позиции исследователя, переходящей в догматизм и нарушающей объективность социологических исследований⁶.

Принадлежность к какой-то определенной группе влияет и на объективность исследователя. Примером может быть его изменение взглядов во время включенного наблюдения («социолог встал к станку, прилавку» и т.д.), когда наблюдатель невольно воспринимает взгляды и ценности наблюдаемой группы. К этому выводу пришли зарубежные социологи, анализируя трансформацию исследователей – своих коллег, поступивших в полицию только для того, чтобы написать о ней книгу. Они неосознанно становились апологетами полиции⁷.

Было бы неверно ошибочные выводы толковать только как следствия злонамеренного, умышленного нарушения процедуры и техники исследования. Они могут быть обусловлены просто низкой квалификацией и элементарной небрежностью исполнителей. Случайные промахи существуют даже при правильном отборе, так как проводится все же выборочный, а не сплошной отбор; судить по части о целом при определенной неоднородности целого можно лишь с некоторой долей вероятности. Сюда же следует отнести и погрешности в измерении и обработке. В то же время можно, избежав многих названных ошибок, в итоге сделать неверный общий вывод.

Важным фактором достоверности результатов проведенных социологических исследований является выборка совокупности респондентов, которые выражают свое мнение о работе милиции. Далеко не все население знает работу милиции, контактирует с ее работниками, поэтому результаты исследования не могут быть распространены на всю генеральную совокупность.

Выполнение социального заказа не всегда проводится с помощью грубой подтасовки или откровенного мошенничества. Как правило, работа ведется «в белых перчатках»: отбираются методы,

³ См.: Сафаров Р.А. Общественное мнение и государственное управление. М., 1981; Гришин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967; Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М., 1963; Тарасенко А.А. Общественное мнение и поведение личности. Минск, 1975; Савин Б.С., Шереги Ф.Э. Общественное мнение и нравственное воспитание личности. М., 1985.

⁴ См.: Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. Новосибирск, 1987. С. 14.

⁵ См.: Горшков М.К. Общественное мнение и современность. М., 1988. С. 185, 186.

⁶ См.: Кривобоков И.А. Социальный мониторинг: теоретико-методологическое обоснование статистического анализа: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 11.

⁷ Shane Paul G. Police and people. St. Lois, 1985; Charles M.T. Policing the streets, Springfield. IV. 1986.

отсекаются «нетипичные» результаты, подбираются «нужные» объекты и единицы исследования. Часто наблюдается нарушение двух этических принципов: добровольности и анонимности⁸.

В городе Омаха (США) социологи провели опрос подростков: как те воспринимают полицию. Вопросы были простыми и конкретными: Как одеты полисмены? На каких автомашинах ездят? Хорошо ли обеспечены? Как себя ведут по отношению к подросткам? Исследование провели в центре города, где обитают (как это принято в США) самые малообеспеченные граждане (мексиканцы, пуэрториканцы, афроамериканцы), на окраинах, где живут рабочие, служащие и в пригородах, где домами владеют бизнесмены, врачи, адвокаты, инженеры и т.д. Выяснилось, что восприятие подростками полисменов было совершенно различным – дети врачей и инженеров отметили, что полисмены одеты (вне службы) плохо, ездят не на лучших автомобилях, ведут себя предельно вежливо; дети бедных и безработных были восхищены одеждой, зарплатой, автомобилями полицейских, но отмечали их грубость по отношению к ним, а дети из «среднего класса» нашли у полицейских именно то, что есть у их родителей, ведь полисменами становятся молодые люди именно из среднего класса⁹.

Восприятие милиции и полиции различно и в зависимости от возраста, профессии, образа жизни. Совершенно по-разному видят милиционера турист-иностранец, пенсионер, официант, покупатель и продавец, уличный торговец. Вряд ли вызывает восторг появление милиционеров на молодежной дискотеке или на маленьком незаконном рынке.

Поэтому социологические опросы относительно авторитета милиции (полиции), ее роли в обществе, престижа милицейской профессии не могут иметь стопроцентную объективность. Люди обеспеченные, пенсионеры ждут от милиции защиты; правонарушители – наказания, а молодежь – невмешательства, по меньшей мере, нейтральности поведения.

В общественном сознании за рубежом выработался стереотип полицейского – сильного, мужественного, но грубоватого человека, готового всегда прийти на помощь, беспощадного к нарушителям и т.д. Конечно, этот образ различен в разных странах: в одних по-

лисмены чрезвычайно уважаемые (например, в США, Канаде, Западной Европе, Японии), в других они слывут взяточниками, грубыми и жестокими бездельниками.

Поэтому за рубежом опросы граждан об авторитете полиции, престиже полицейской профессии чаще всего подтверждают уже ранее проведенные исследования и не вызывают иных интересов, кроме научных.

Одна из причин искажения общественного мнения – анонимность поведения человека в большом городе (в том числе и милиционера). Так, американский психолог Стенли Милгрэм провел в ряде стран серию оригинальных экспериментов. Суть их заключалась в следующем: двенадцатилетний мальчик обращался к прохожим с просьбой помочь ему – он заблудился, голоден, у него нет денег. Реакция прохожих фиксировалась скрытой камерой. В столицах и городах-миллионерах разных стран результат был один – почти все 100 % граждан проходили мимо, не обращали внимания на мольбы мальчика. Но чем меньше был город, тем больше прохожих принимало участие в судьбе мальчика: в очень маленьких городках их число равнялось 100 %, а в деревнях почти каждый прохожий уводил мальчика к себе домой.

В другом эксперименте показывалось, что автомобиль, брошенный в деревне, мог спокойно ждать хозяина месяцами, а в сверхкрупном городе от него уже к утру оставался лишь каркас¹⁰.

Важным вопросом является объект исследования общественного мнения. Ведь нельзя предположить, что милицию всерьез интересует мнение всего населения: малолетних людей, инвалидов, банкиров, ранее судимых, домохозяек, студентов и т.д.

Представляется, что по ряду вопросов получение общественного мнения населения нецелесообразно, бесполезно и попросту не нужно. Например, мнение населения о качестве управления в системе органов внутренних дел, уровне штабной работы или оперативно-разыскной деятельности, качестве следствия и т.д. В этих случаях следует, вероятно, произвести опрос экспертов, работников прокуратуры, суда.

Учитывая специфику объекта исследования при изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел

⁸ См.: Роша А.Н. Правовые и этические основы проведения социологических исследований. М., 1994. С. 23-25.

⁹ Kuchel G.L., Pattavina J. Juveniles look at this police // Police. 1969. V.13. № 4. P. 13-17.

¹⁰ Milgram Stanley. Behavior study of obedience // Learning and the control of behavior. N.Y., 1974; Milgram Stanley. The individual in a social world. Reading, Mass. 1977.

(например, состояние общественного порядка), многие методы, применяемые различными социологическими центрами, должны корректироваться. Ведь исследователи часто опрашивают людей по месту жительства или по телефону. Для милиции необходимо знание мнения не только местных жителей, но и других: командированных из других городов; торговцев, приехавших из других мест; беженцев и вынужденных переселенцев; многочисленных в настоящее время временных работников из стран ближнего зарубежья; лиц, приехавших из других городов к родственникам; многочисленных лиц, посещающих на короткий срок данный город по самым различным делам (заметно изменились миграционные и стратификационные процессы в России за последние годы)¹¹. Чаще всего именно эта часть населения может вступать в контакт с милицией в качестве свидетелей, потерпевших, проверяемых и т.д.

Следует также отметить, что у каждой службы органов внутренних дел есть определенная категория лиц, чаще всего контактирующих с ней.

Важность изучения и замера общественного мнения в настоящее время признается практически всеми исследователями системы органов внутренних дел. При этом необходимо учитывать, что население не оценивает, не знает многочисленных и разнообразных сторон и направлений деятельности милиции, спрашивать его об этом бесполезно и неразумно (к этому же выводу пришли и социологи, которые во время опросов «играли» с опрашиваемыми, выясняя мнение о рейтинге выдуманных ими партий, движений, кандидатов). Опрашиваемый должен знать, о чем его спрашивают, понимать вопрос без дополнительных разъяснений и быть заинтересован в его решении.

Следует достаточно взвешенно относиться ко многим выводам по результатам массовых опросов, учитывать некомпетентность

¹¹ См.: Голенкова З.Т., Игитханян Р.И. Социально-стратификационные процессы в российском обществе // Вестник Московского университета. Сер. 18 // Социология и политология. 1995. № 4. С. 3–12; Красинская Е.С., Барина Н.М. Гастайбартеры в России // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 65–71; Спасибенко С.Г., Панферова В.В. Общественная жизнь: управление и самоорганизация // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 70–81.

большинства людей по многим темам, предложенным к обсуждению¹².

Вряд ли этому может помочь и введение термина «зрелое общественное мнение», которое предлагает поиск «компетентных», по мнению исследователей, респондентов¹³.

Общественное мнение, как оно понимается большинством социологов, – это состояние общественного сознания в любой его форме и на любом его уровне. Оно включает в себя все подвиды общественного сознания – экономического, нравственного, правового, идеологического. Общественное мнение плюралистично, оно не составляет единого целого, является совокупностью мнений различных социальных групп.

Общественное мнение представляет собой такое состояние массового сознания, в котором в скрытой или явной форме появляется отношение самых различных групп и слоев населения к разнообразным проблемам, событиям и фактам. Однако в структуру общественного мнения попадают лишь те проблемы, события, факты, которые вызывают интерес общества. Оно существует и тогда, когда население никто ни о чем не спрашивает. Ранее, когда понастоящему серьезно общественное мнение никто не выявлял, оно отождествлялось с «правильным» мнением, одобряющим деятельность органов внутренних дел, а субъектом общественного мнения признавалось лишь общество в целом. Поэтому для получения объективного общественного мнения необходимо учитывать три принципа – общепризнанность объекта, по которому вычисляется общественное мнение, достаточность информации и принцип диалога¹⁴.

Общественное мнение может и не совпадать с качеством деятельности какой-либо организации. Например, иногда о милиции, прокуратуре, судах какого-либо города может существовать мнение о том, что их деятельность ухудшилась, хотя это и не соответ-

¹² См.: Ошеров М.С., Спиридонов Л.И. Общественное мнение и право. Л., 1985. С. 29–30.

¹³ См.: Петров В.И. К вопросу о существовании формирования общественного мнения // Актуальные проблемы изучения и формирования общественного мнения, его использования в управлении социальными процессами. М., 1987. С. 48.

¹⁴ См.: Ефремова Г.Х., Звягинцев А.Г., Карлик А.Б. Изучение и исследование общественного мнения в деятельности прокуратуры. М., 1989. С. 7, 8; Ефремова Г.С. Криминологические проблемы общественного мнения: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1991 С. 28.

вует действительности. При этом выясняется, что на общественное мнение воздействовали какие-то отдельные факты, преступления. Поэтому и в случае с изучением проблем обеспечения общественного порядка общественное мнение – это относительная оценка, ему свойственны преувеличение недостатков, недооценка деятельности органов внутренних дел, оно подвижно, неустойчиво, часто характеризуется искажением реального состояния действительности. Оно проходит через призму всех форм деятельности, отражает сознание различных социальных групп¹⁵.

Чаще всего происходит преувеличение негативных сторон в деятельности милиции, ошибок, уровня коррумпированности, слабой технической оснащенности, экипировки, вооружения.

Соответственно и в общественном мнении часто преобладают алармистские тенденции, требования резкого усиления борьбы с преступностью, увеличения сроков наказания для преступников, расширения сферы применения смертной казни и т.д.

В настоящее время Россия превратилась в поле для проведения огромного числа массовых опросов. Население высказывает свое мнение по различным вопросам внешней и внутренней политики, религии, истории, экологии и множеству других.

Проблема оценки деятельности милиции – вопрос не менее сложный. Известно, что милиция как орган власти тесно связана с вышестоящими органами власти. Тридцать лет назад это было аксиомой: «Поскольку органы внутренних дел сами являются более сложной социальной системой, на формирование авторитета милиции оказывает воздействие не только деятельность органов внутренних дел»¹⁶. При этом подчеркивалось, что авторитет милиции неразрывен, тесно связан с авторитетом власти.

Деятельность милиции многофункциональна, в ней участвуют многие службы: следствие, дознание, оперативная и патрульно-постовая службы, дежурная часть, паспортно-визовое, кадровое подразделения и многие другие, в работе которых некомпетентен не только гражданин, но и часто отдельный работник милиции.

Оценку следственной службе ГРОВД, в первую очередь, могут дать, конечно, работники следствия УВД, соседних ГРОВД, работ-

ники прокуратуры, судьи; безусловно – адвокаты, работники оперативных служб; возможно – работники следственного изолятора.

Работу ГИБДД оценивают водители (профессионалы и любители) – в первую очередь, затем руководители автохозяйств, сами работники милиции, различного рода авторитетные люди, журналисты. Это и будет компетентное, квалифицированное, общественное мнение о работе ГИБДД, не требующее опроса граждан (по «научно обоснованной выборке»).

Такую выборку можно сделать по любой службе милиции, причем заинтересованные респонденты действительно укажут на недостатки и просчеты в ее деятельности. Что касается мнения населения, то оно отражает отношение к власти вообще и часто неотделимо от оценки деятельности администрации города, района, области.

Видно противоречие между необходимостью постоянного изучения общественного мнения о деятельности милиции в целом, с одной стороны, и признанием его изменчивости, быстрой податливости внешним воздействиям, аморфности (в общей не очень высокой компетентности) с другой. Поэтому для выяснения квалифицированной оценки о каком-либо предмете требуется не исследование общественного мнения населения, а опрос экспертов.

Общественное мнение – часть общественного сознания, в которое органически входит правосознание. Правосознание, в свою очередь, как сложная форма общественного сознания, включает в себя и правовую идеологию (систему знаний о правовых явлениях), и систему представлений и идей о том, каким должно быть право, и правовую психологию (представление о праве широких слоев населения, не искушенных в знании права, тем более в правовой науке), а также представления, выражающие отношение этих людей к праву, рациональную и эмоциональную оценку ими норм права, как справедливых или несправедливых, отношение к известной им практике применения права административными и судебными органами¹⁷.

В.К. Бабаев различает «правосознание обыденное – житейские, порой довольно поверхностные суждения о праве людей, соприкасающихся с правом в повседневной трудовой, семейной, общественной и иных сферах жизни; правосознание профессиональное – спе-

¹⁵ См.: Ошеров М.С., Спиридонов Л.И. Общественное мнение и право. Л., 1985. С. 29, 30.

¹⁶ Чистяков В.П. Социально-правовые основы авторитета советской милиции, формы и методы его укрепления: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 21.

¹⁷ См.: Поздняков Э.А. Философия государства и права. М., 1995. С. 296, 297.

циализированные правовые знания, используемые в работе профессионалов-юристов; правосознание научно-теоретическое – осмысление права и правовых явлений»¹⁸.

Исходя из этих весьма компетентных высказываний, можно сделать вывод о том, что необходимо исследовать и обыденное правосознание (общественное мнение населения), и профессиональное.

Отечественные ученые-юристы совершенно справедливо утверждают, что общественное мнение далеко не всегда может достаточно компетентно судить о сложных проблемах социальной жизни. Однако общественное мнение, по их мнению, в силу своей оценочной природы всегда несет в себе определенную оценку того или иного социального явления, составляющего предмет суждения общественного мнения. Они отмечают, что высказывания общественного мнения нередко могут показаться противоречивыми, ложными, не соответствующими научным представлениям суждений о предмете. В этих случаях легко поддаться искушению объявить общественное мнение некомпетентным, искаженным идеологическими догмами, примитивными стереотипами обыденного мышления и т.п.

Общественное мнение может формироваться не только под влиянием официальной информации, но и слухов, домыслов и т.п. Обыденный уровень массового сознания содержит значительные элементы стихийности и иллюзорности¹⁹.

К своеобразным источникам информации, средствам формирования общественного мнения можно отнести также молву, сплетни, анекдоты, которые по своим коммуникативным функциям близки информативным сообщениям и содержат сведения о реальных или вымышленных событиях. Для них, отмечают А.В. Буданов и Н.В. Кривельская, характерен целый ряд особенностей. Во-первых, факты, ставшие сюжетами слухов, в процессе передачи искажаются иногда до неузнаваемости. Во-вторых, эти проявления сознания обладают весьма высокой оперативностью и наименьшей надежностью. В-третьих, они эмоционально значимы для аудитории, их

циркулирование облегчает межличностные контакты²⁰. Поэтому правы те зарубежные исследователи средств массовой информации, которые может быть и излишне категорично считают, что общественное мнение сплошь и рядом обнаруживает свое невежество, а нередко вообще не подозревает о существовании каких-то важных проблем в стране и мире, над которыми ломают головы политики-профессионалы.

Сам факт появления слуха, стихийно возникшего или преднамеренно распространенного, говорит о том, что интерес людей к важной, по их мнению, проблеме остается неудовлетворенным через средства массовой коммуникации. Таким образом, слухи и другие подобные проявления массового сознания – это некая разновидность информации, распространенная исключительно по неформальным каналам и направляемая на удовлетворение реальной информационной потребности.

Конечно, нередко слухи содержат и определенную долю правды, но являются своеобразными «информационными шумами»²¹.

Закон Олпорта гласит: слух есть функция важности события, помноженной на его двусмысленность. Интенсивность и направленность слухов, глубина их проникновения в массовое сознание являются важным показателем состояния общества, степени социальной напряженности в нем. История возникновения слухов позволяет судить об эффективности работы, степени доверия к режиму, отмечают социологи²².

У слухов есть определенные источники формирования:

люди, которые верят всему на свете и разносят самые невероятные слухи;

граждане, стремящиеся выделиться среди окружающих своей особой информированностью;

злонамеренные распространители слухов (наказанные водители; ранее судимые, лица, обиженные милицией);

лица, выражающие определенные политические интересы;

²⁰ См.: Буданов А.В., Кривельская Н.В. Пути социально-психологического изучения и использования общественного мнения в деятельности органов внутренних дел. М., 1994. С. 13, 14.

²¹ См.: Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. Новосибирск, 1987. С. 129.

²² См.: Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. Слухи как социальный феномен // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 88.

¹⁸ Бабаев В.К. Теория современного советского права. Нижний Новгород, 1991. С. 42, 43.

¹⁹ См.: Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. М., 1995. С. 59–61.

журналисты²³.

Существуют лица, сознательно распространяющие слухи. Р.Р. Гарифуллин полагает, что в системе безопасности политических лидеров есть специальные службы дезинформации. Они могут пускать слухи с целью зондажа общественного мнения, отношения масс к тому или иному решению, которое может быть и предпринято²⁴.

Тем не менее общественное мнение, пусть искаженное, – это форма обратной связи. Оно может указать на проблемы, ошибки в системе управления, которые необходимо исправить в кратчайшие сроки²⁵.

Каковы же цели изучения общественного мнения? Практически все авторы указывают на главную – корректировку и изменение стиля, направлений форм деятельности. К этому мы добавили бы одну из главных целей – формирование позитивного общественного мнения.

Милиция может, используя отечественный и зарубежный опыт, воздействовать на средства массовой информации, а также на писателей, создающих произведения о милиции, кинорежиссеров, общественных деятелей, лидеров общественности с целью улучшения кадровой и воспитательной работы в самой милиции.

Следовательно, необходимо постоянное информирование общественности о результатах исследований, проводимых по заказам органов внутренних дел или самими сотрудниками, чтобы население знало, что на его мнение не только обращается внимание, но и оно активно используется. В результате поднимается оценка самого населения в собственных глазах, повышаются его правовая активность, поддержка и помощь милиции в самых различных формах взаимодействия.

²³ См.: Покида Н.И. Слухи и их влияние на формирование и функционирование общественного мнения: Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1990. С. 11.

²⁴ См.: Гарифуллин Р.Р. Энциклопедия блефа. Казань, 1995. С. 17, 18.

²⁵ См.: Линов Е.Н., Рахматшаева В.А. Особенности структуры самосознания в ценностных ориентациях осужденных в исправительно-трудовых учреждениях // Психологический статус личности в различных социальных условиях / Под ред. проф. В.С. Мухиной. М., 1992. С. 70–88; Балабанов К.В. Общественное мнение и организация его учета в деятельности работника внутренних дел: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1988.

Ю. Н. М а з а е в,
кандидат философских наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ, ХАРАКТЕРА И СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ

Ключевым моментом построения путей эффективного взаимодействия милиции с населением является постоянное сопоставление ожиданий граждан о приоритетных направлениях деятельности милиции с представлениями на этот счет сотрудников милиции и магистральными настроениями и мыслями интеллектуальной элиты общества.

Как показали результаты сравнительных общероссийских исследований, проведенных ВНИИ МВД России в 2003–2005 гг. среди различных групп граждан, сотрудников милиции и экспертов по репрезентативным выборкам, общие представления о том, что должны делать правоохранительные органы, обеспечивая общественный порядок, в обществе схожи. Приоритетные направления – это профилактическая работа с индивидами, склонными к нарушению порядка, контроль поведения граждан с целью предупреждения правонарушений (см. табл. 1).

В этой связи необходимо сделать акцент на том, что вектор развития социальных отношений в сфере правоохранительной деятельности милиции направлен сегодня на усиление контрольно-профилактических мер с целью предупреждения правонарушений. Идеологической установкой общества в сфере правоохранительной деятельности стало также признание борьбы с правонарушениями основной функцией социального института милиции. Идея видеть в правоохранительных органах социального партнера граждан в демократическом государстве не имеет широкой общественной поддержки. Заинтересованность в доброжелательных отношениях между населением и милицией формируется, главным образом, вокруг идеи искоренения правонарушений.

Таблица 1

**Оценка приоритетов в работе милиции
по поддержанию общественного порядка
(в % от общего числа опрошенных)**

Элементы содержания работы милиции	Показатели оценки		
	мнение сотрудников милиции	мнение населения	мнение экспертов
Контроль поведения граждан с целью предупреждения правонарушений	33	42	32
Профилактическая работа с отдельными категориями граждан, склонных к нарушению общественного порядка	47	42	52
Оказание социальной помощи гражданам в решении их проблем	15	12	10

Анализируя данные исследований о приоритетных направлениях правоохранительной деятельности, можно выделить четыре группы основных видов деятельности, к которым общественность выражает различное отношение (см. табл. 2).

К первой группе можно отнести собственно направление реализации правоохранительной функции милиции: раскрытие преступлений, обеспечение общественного порядка и безопасности граждан, защита их собственности и имущества. Из таблицы видно, что эти направления работы милиции признаются первостепенными как сотрудниками милиции, гражданами, так и экспертами. Специфика этих направлений, в социологическом плане, связана с взаимоотношениями служителей закона и его нарушителями.

Вторую группу условно можно определить как направление смешанного взаимодействия, включающего в себя: работу по предупреждению правонарушений, профилактику правонарушений среди несовершеннолетних, обеспечение безопасности дорожного движения. Это направление работы милиции по своей значимости уступает первой, занимая 3–7 места в рейтинге важности.

Таблица 2

**Мнение населения, экспертов и милиции о приоритетных направлениях
правоохранительной деятельности
(в баллах)***

№ гр.	Основные направления деятельности милиции	Группы оценки		
		население	милиция	эксперты
		ранг (балл)	ранг (балл)	ранг (балл)
I.	Раскрытие преступлений	1	1	2,7
	Обеспечение общественного порядка и безопасности граждан по месту жительства, на улицах и в общественных местах	2	2	2,9
	Защита собственности и имущества граждан	3	4	3,4
II.	Работа по предупреждению и предотвращению преступлений и правонарушений	4	3	3,4
	Профилактика правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних	5	5	3,5
	Обеспечение безопасности дорожного движения	7	6,5	4,7
III.	Социальная работа с маргинальными слоями общества (БОМЖи, беспризорные, ранее судимые, наркоманы, проститутки, алкоголики)	7	8	6,2
	Помощь населению (инвалидам и престарелым гражданам, неблагополучным, неполным семьям и др.)	7	10	7,3
	Участие в реализации социальных программ охраны общественного порядка с участием широких слоев населения	9,5	10	6,4
	Участие милиции в работе органов местного самоуправления по широкому спектру вопросов, связанных с обслуживанием населения	9,5	10	7,2

* 1 ранг – самое приоритетное направление
10 ранг – самое неприоритетное направление.

Оценки экспертов дают более точные (взвешенные) значения приоритетов направлений деятельности милиции

Третья группа, ориентированная на развитие концепции социального обслуживания населения, включает в себя социальную работу с маргинальными слоями общества, помощь слабозащищенным социальным группам, участие в реализации социальных программ охраны общественного порядка с привлечением широких слоев на-

селения, участие в работе органов местного самоуправления по широкому спектру вопросов, связанных с обслуживанием населения. Данные направления работы милиции занимают 6–10 места из десяти возможных. Для них характерно положение аутсайдера, хотя именно такой вид социальной работы милиции, с точки зрения идеологии социального обслуживания, сегодня должен стать реальной потребностью.

Отношение к данным направлениям работы милиции как экзотическим элементам социальных отношений понятно и, скорее всего, оправданно. Национальный менталитет, культура и традиции, на которых в нашем обществе строятся социальные отношения, уровень социально-экономического положения граждан и особенности политического устройства – «управляемой демократии» не создают необходимых предпосылок для усвоения большей частью населения принципов гуманитарной направленности работы милиции.

Экспертная оценка причин нереализуемости функции милиции по социальному обслуживанию населения показала следующую картину.

Возможные причины (мнение экспертов (%))

1) несмотря на объективную необходимость, милиция как социальный институт не заинтересована в изменении политики своей деятельности	19
2) население и милиция как субъекты социальных отношений в равной мере не готовы к взаимодействию на принципах социального партнерства	21
3) несмотря на объективную необходимость и субъективную востребованность реализации стратегии социального обслуживания населения в деятельности милиции, в обществе для этого пока не сложились благоприятные политические и социально-экономические условия	24

4) в российском обществе в принципе невозможна организация деятельности милиции, основанная на идеологии социального обслуживания	14
5) российская государственная машина не заинтересована в отходе от реализации репрессивной функции в деятельности милиции	12
6) для реализации стратегии социального обслуживания в деятельности милиции существуют все необходимые условия, не хватает только политической воли	5

Как можно видеть, эксперты не отвергают ни одну из перечисленных возможных причин, по которым стратегии социального обслуживания не уделяется заслуженного внимания. Более того, мнения экспертов расходятся настолько, что на статистически значимом уровне практически ни одна причина не может быть признана ведущей. И все же, три из них, на наш взгляд, более четко детерминированы особенностями социальных отношений между населением и милицией, рассмотренными в контексте настоящего исследования. Это незаинтересованность милиции в изменении политики своей деятельности (преобладающий аргумент в оценках органов управления и журналистов), в равной мере неготовность населения и милиции к взаимодействию на принципах социального партнерства (управленческий аппарат, лидеры общественного мнения) и отсутствие благоприятных политических и социально-экономических условий (управленческий аппарат, правоведа, обществоведы, лидеры общественного мнения).

Таким образом, ситуация неопределенности в осознании причин невосстребованности в правоохранительной деятельности милиции идеологии социального обслуживания тем не менее явно говорит о неготовности общества не только реализовывать ее, но и четко сформулировать.

А. А. Глухова,
кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России)

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И КОНКРЕТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопрос о причинах изучаемых явлений – один из самых сложных для каждой науки. Более того, в последнее время ученые стараются избегать самого термина «причины», считая его недостаточно корректным (хотя бы в силу многозначности), а, кроме того, высказываются сомнения относительно ценности причинных объяснений. Это положение имеет место как в отечественной¹, так и в зарубежной криминологии. По мнению американского криминолога Т. Селлина, «наука отказалась от концепции причинности и обращается к ней только для обозначения функционального взаимоотношения между определенными элементами или фактами»². При различии многих посылок представителей социологической и клинической криминологии их объединяет описательный принцип построения теорий и отказ от поиска причинно-следственных связей³. Это возможно объяснить чисто прагматическим желанием найти более эффективные способы защиты общества от преступности, нежели жесткие карательные меры (которые рассматриваются и как устаревшие, и как антигуманные). Однако, с другой стороны, воздействие лишь на последствия событий приводит к концепции так называемого контроля преступности⁴, в основе которой лежат следующие утверждения: 1) преступность есть «абсолютно нормальное для общества явление, но лишь тогда, когда оно достигает, а не превосходит

¹ См., напр.: Блувштейн Ю.Ф., Яковлев А.М. О перспективах научной разработки проблем борьбы с преступностью // Право 16. Вып. 1. Вильнюс, 1981. С. 9; Гишинский Я.И. Проблема причинности в криминологической науке // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 67.

² Селлин Т. Социологический подход к изучению преступности // Социология преступности. М.: Прогресс. 1966. С. 27.

³ См., напр.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Инфра-М Норма, 1997. С. 140, 199.

⁴ См.: Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.

определенного для каждого социального типа уровня»; 2) излишек преступности носит патологический характер; 3) если преступление действительно болезнь, то наказание за него является лекарством и не может пониматься иначе. Дальнейшее развитие этой теории привело к тому, что сегодня в работах криминологов мы находим вполне научное обоснование преступности как фактора общественного здоровья. Так, в работе российского криминолога Д.А. Ли делается вывод, что «в нормально функционирующем обществе как системе количество преступников не должно превышать числа, равного 5,6 % от общей численности населения, или наоборот, социальной системе потребно иметь именно такое количество преступников для своего нормального функционирования и развития»⁵.

Вопрос о преступности как «нормальном явлении» всерьез обсуждается криминологами и публицистами в период реформ в России⁶. Мы полностью согласны с А.И. Долговой, что «при этом практически смешиваются два понятия: «закономерность» преступности и «нормальность» преступности. То, что определенные факторы (изменено нами – А.Г.) с неизбежностью порождают массовое нарушение уголовного запрета – это одно, но то, что такое положение можно считать нормальным – это уже совсем другое». Совершенно справедливо недоумевает автор: «Нормально с каких позиций?»⁷

Как справедливо отмечает доктор юридических наук А.Я. Сухарев, «пестрый мир государств покоится на альтернативных вариантах. И даже схожие модели государственных и экономических структур несут существенные контрасты национальной криминогенности. Свидетельством тому «западническая» Япония, где за последние 30 лет темпы роста преступности остаются почти в пять раз ниже американских. Если сторонники концепции «порогонасыщенности» проецируют на Россию американскую либо западноевропейскую модель государственно-правового и экономического строительства, то, естественно, при нынешних темпах преступности Рос-

⁵ Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ. М.: Гелва, 1997. С. 103.

⁶ См.: «Нормальная преступность» или остерегайтесь мифов // Литературная газета. 1997. 15 окт.

⁷ Преступность и реформы в России / Под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. С. 56.

сия скоро может ... и обогнать «цивилизованный» Запад»⁸ и это будет выступать в качестве платы за свободу и демократию.

Конечной целью анализа виктимологических факторов преступности и конкретного преступления является совершенствование мер предупредительного воздействия на преступность путем воздействия непосредственно на потенциальных и реальных жертв преступлений.

«Вполне возможно, что наши неудачи в области предупреждения преступности обусловлены тем, что в течение столетий все внимание было сосредоточено на самом поступке или же на преступнике и не уделялось внимание жертве, которого она заслуживает»⁹.

В отечественной криминологии все справедливо говорят о таком весьма перспективном направлении в предупреждении преступлений как виктимологическая профилактика.

Напомним, что структурно вся система предупредительного воздействия на преступность состоит из двух неравнозначных частей, причем деление это носит явно условный характер. Мы придерживаемся позиции профессора В.С. Устинова, выделяющего на основе критерия целевой направленности предупредительного воздействия общесоциальное и специальное предупреждение. Если меры общесоциального предупреждения специально не направлены только на преступность, то разработка и реализация мер специальной профилактики прямо обусловлены наличием преступности и характером действующих криминогенных детерминант.

И именно в качестве элемента специального предупреждения необходимо рассматривать виктимологическую профилактику.

Под **виктимологической профилактикой** следует понимать предупредительное воздействие субъектов профилактики на факторы, детерминирующие существование преступности и виктимности, направленное на уменьшение, нейтрализацию или недопущение их влияния.

Главной **задачей**, стоящей перед субъектами виктимологической профилактики, является разработка и осуществление мер, направленных на сокращение виктимной предрасположенности возможных жертв преступлений, на обеспечение их безопасности.

⁸ См.: Сухарев А.Я. Преступность в России переходного периода. Меры государственного реагирования // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. М., 1996. С. 10–11.

⁹ Фаттах А. Виктимология: что это такое и каково ее будущее // Международное криминологическое обозрение. Т. 21. № 2–3. Париж, 1967.

Как и любая область социального управления, виктимологическая профилактика должна отвечать *принципам* законности, демократизма, гуманизма, справедливости и научности, системности, разумного целеполагания.

Законность деятельности по виктимологической профилактике означает наличие и развитие соответствующей правовой базы, неуклонное выполнение ее требований. Поскольку виктимологическая профилактика является составной частью общей системы предупреждения преступлений, то проблемные вопросы законодательного регулирования всей предупредительной деятельности являются таковыми и для виктимологической профилактики.

Проект закона о принятии основ законодательства или закона о профилактике преступлений, как писал профессор В.С. Устинов, обсуждается в научной литературе около 30 лет. Деятельность по предупреждению преступлений осуществляют разные, порой неподчиненные друг другу органы, согласно своим, ведомственным нормативным актам. Однако эта деятельность должна строиться, исходя из общих целей, задач, принципов, видов, должны быть определены субъекты этой деятельности, их компетенция и правомочия.

В настоящее время можно говорить лишь о том, что виктимологическая профилактика может осуществляться, лишь исходя из общепризнанного понимания принципа законности как исполнение всех общепринятых предписаний Конституции РФ, законодательных и иных нормативных актов, регламентирующих охрану прав и свобод человека и гражданина.

Демократизм в виктимологической профилактике означает, что она осуществляется под контролем органов власти соответствующего уровня; при необходимом участии общественных объединений и организаций; с учетом результатов мониторинга общественного мнения.

Гуманизм и справедливость виктимологической профилактики означает, что существуют пределы вмешательства в частную жизнь личности, и они не должны быть нарушены. Лица, в отношении которых она проводится, являются активными участниками этой деятельности, поскольку от их уровня самосознания в первую очередь зависит успех профилактики. Недопустимо насилие над личностью в случае, когда речь идет о профилактическом воздействии на биоло-

гические или нравственно-психологические виктимологические факторы.

Научность как принцип виктимологической профилактики означает наличие научной концепции этой деятельности, основанной на познании закономерностей системы виктимологических факторов, их роли в причинной детерминации преступности, планирование мероприятий. Учет и оценка тактических и стратегических ошибок в деятельности по виктимологической профилактики.

Системность заключается, с одной стороны, в понимании виктимологической профилактики как подсистемы предупредительного воздействия на преступность. С другой стороны, необходима комплексность мероприятий, взаимодействие субъектов профилактики, а также координация тактики и стратегии этой деятельности.

О системности виктимологической профилактики свидетельствует также наличие ее различных уровней и видов.

Разумность целеполагания означает, что виктимологическая профилактика не ставит целью механически перестроить человека. Речь идет о таком уровне самосознания, когда уровень самокритичности к себе, сложившейся ситуации позволит избежать негативного общения, могущего вылиться в преступное.

Объектом виктимологической профилактики является система виктимологических факторов. При этом, говоря об отдельных группах виктимологических факторов, необходимо иметь ввиду сугубо специфичные методы виктимологической профилактики. Если речь идет о нравственно-психологических, социальных, социально-психологических факторах, то необходимо применять одни меры. Говоря же о биологических виктимологических факторах, речь может идти о совершенно иных, скорее медицинских мерах профилактики (а подчас и об отсутствии таковых).

Субъектов виктимологической профилактики, в зависимости от места в государственной и общественной системе, можно классифицировать следующим образом:

- 1) государственные (федеральные, окружные, субъектов федераций); муниципальные;
- 2) негосударственные и немunicipальные, в том числе общественные объединения и специализированные формирования;
- 3) отдельные граждане.

Структурно система виктимологической профилактики по объему (массовости охвата) может быть представлена тремя взаимосвя-

занными подсистемами. Одна из них, специально не направленная на борьбу с преступностью и виктимностью, именуется как **общая** виктимологическая профилактика; другая – совокупность мер, осуществляемых в отношении определенных групп лиц, это **групповая** виктимологическая профилактика; третья – специально направленная на личность и поведение потенциальной или реальной жертвы – **индивидуальная** виктимологическая профилактика.

По **времени** предупредительного воздействия можно выделить раннюю, непосредственную виктимологическую профилактику, а также предупреждение повторной виктимизации.

Общая виктимологическая профилактика, являясь по сути своей близкой к общей профилактике преступности, в принципе направлена на поступательное развитие общества в целом, на его модернизацию. Но, как бы попутно, эти меры воздействуют и на виктимологические факторы преступности и на их проявления в конкретной ситуации преступления.

Жизнедеятельность любого человека протекает в условиях двух взаимодействующих социальных сфер – общественной среды (макросреды) и микросреды. Потому человеческая личность формируется как под воздействием общих политических, идеологических, материальных отношений в обществе, так и под влиянием его ближайшего окружения.

Однако и сама микросреда претерпевает определенные изменения под воздействием макросреды. В этом проявляется одна из диалектических взаимосвязей общего, отдельного и частного в формировании личности, а применительно к теме нашего рассмотрения – взаимосвязи и взаимозависимости общей, групповой и индивидуальной виктимологической профилактики.

Как правильно констатировал В.И. Полубинский, «вклад» пострадавшего в конкретное преступление очень часто объясняется тем, что морально-этические, образовательные, общекультурные «показатели» жертвы и преступника если не одинаковы, то весьма близки между собой¹⁰.

К общей виктимологической профилактике несомненно относятся следующие меры:

¹⁰ См.: Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 62.

обеспечение безопасности в государстве, в том числе создание обстановки защищенности, отсутствия страха за свою личную безопасность. Эти меры невозможны без четкого понимания основ экономической политики в государстве. Стабилизация и конкретизация социальной, финансовой, жилищной, образовательной политики;

последовательность проведения в жизнь принципов политической, правовой, бытовой, этнической культуры;

принятие соответствующих законодательных актов (о которых говорилось ранее), создающих правовую базу для профилактики виктимности и защиты жертв преступлений;

создание и финансирование специальных виктимологических изданий, циклов радио- и телепередач;

наличие государственных программ защиты потерпевших и свидетелей по уголовным делам;

формирование ассоциаций потерпевших от определенных видов преступлений (от мошенничества, должностных преступлений, насилия в семье);

предоставление гражданам информации об уровне преступности в регионе, результатах работы ОВД, о проблемах правоохранительной деятельности, о путях и формах взаимодействия населения и правоохранительных органов;

оказание государственной помощи гражданам в защите своих жилищ от посягательств: социальные программы на установку сигнализаций, укрепление дверей;

государственная политика в области реабилитации жертв преступлений. В США, например, действует более 2000 программ по защите пострадавших от преступлений, многие поддерживаются министерством юстиции.

Небезынтересен в данном случае и зарубежный опыт. Многие государства приняли законы и разработали программы, направленные на защиту и социальную поддержку жертв преступлений. Были разработаны и приняты основополагающие международно-правовые акты: Декларация ООН «Об основных принципах отправления правосудия для жертв преступлений и злоупотреблению властью» (1985 г.); Европейская Конвенция «О государственной компенсации ущерба жертвам насильственных преступлений» (1985 г.). Возникло множество национальных общественных организаций, ставящих целью поддержку и социальную защиту жертв преступлений. В 1979 г. под эгидой ООН основано Всемирное виктимологическое общество.

Отметим, что уже в 1992 г. была создана Российская Ассоциация поддержки жертв преступлений¹¹.

Групповая виктимологическая профилактика предполагает работу с категорией лиц, обладающих групповой виктимностью, возникающей вследствие принадлежности к определенной профессиональной или социальной группе.

В первом случае важное профилактическое значение имеет правильный *профессиональный отбор* кандидатов на службу в правоохранительных органах, обучение их приемам самообороны, разработка технических средств защиты их безопасности

В документах, отражающих основные направления работы с кадрами ОВД¹², подчеркивается необходимость мер по осуществлению психологического обеспечения деятельности сотрудников и проведению воспитательной работы с личным составом. Работа с личным составом в системе МВД России рассматривается как один из мощных резервов повышения эффективности оперативно-служебной деятельности.

Влияние факторов профессиональной деформации на личность специалиста, проявление профессиональной деформации делает актуальными не только вопросы диагностики этого явления, но и его профилактики в подразделениях ОВД.

Под *профилактикой профессиональной деформации* понимается система предупредительных мер, направленных на снижение вероятности развития предпосылок и проявлений рассматриваемого явления. Оптимальным вариантом осуществления такой работы является комплексное проведение мер как психологического (например, метод деловой исследовательской игры, психологическое консультирование, психотренировки, социально-психологические тренинги), так и непсихологического (аналитического, организационно-управленческого и воспитательного) характера.

Если говорить о виктимологической профилактике лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками, то здесь основными профилактическими средствами могут выступать *выявление и пресече-*

¹¹ См.: Кваши В.Е Проблема защиты жертв преступлений // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сб. материалов международного семинара. М., 1993. С. 318, 319.

¹² См., напр.: О неотложных мерах по коренному улучшению работы с личным составом в системе МВД России: Директива МВД России от 19 июля 1996 г. № 1 // Преступление и наказание. 1996. № 8. С. 54–59.

ние деятельности содержателей притонов, где происходит потребление этих зелий. Даже простое механическое *изъятие* пьяных с улиц и других общественных мест позволит предупредить в отношении них как возможные имущественные, так и насильственные преступления.

В рамках мер индивидуальной виктимологической профилактики необходимо изучение лиц с повышенной виктимностью и оказанию на них необходимого профилактического воздействия. С одной стороны оно должно быть строго индивидуализировано, а с другой – осуществляться на плановой основе.

Такие планы могут предусматривать индивидуальные *беседы* с данным человеком и лицами из числа его ближайшего окружения, отвлечение его от пустого времяпрепровождения, сомнительных компаний, иных видов негативного отклоняющегося поведения.

Не последнюю роль играют здесь разнообразные социально-полезные связи человека, включение его в социально значимую практику, нравственное воспитание личности возможной жертвы. Они преследуют цель формирования у конкретного человека чувства долга перед обществом и другими людьми, развитие контроля над эмоциями.

Не менее важна в целях предупредительной виктимологической работы и *систематическая правовая пропаганда*. Нередко правонарушения совершаются вследствие излишней доверчивости жертвы, использования виновным правовой неграмотности жертв, их малого жизненного опыта. Широкая информация граждан о типичных видах и способах совершения тех или иных наиболее распространенных преступлений имеет весьма существенное профилактическое значение.

Строгое и неуклонное соблюдение должностными лицами своих обязанностей по защите прав и интересов граждан – одна из ключевых мер индивидуальной виктимологической профилактики. Когда гражданин, которому преступлением причинен вред, не находит защиты своих прав у официальных лиц, он пытается защитить себя сам, нередко прибегая к самосуду.

Т. Н. Волкова,
доктор юридических наук, профессор
(филиал Московской государственной
юридической академии в г. Вологде)

О ВНЕДРЕНИИ СИСТЕМЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Представляется, что давно назрела необходимость разработки эффективной системы виктимологического образования, а можно сказать, воспитания населения. Несмотря на то, что с той или иной периодичностью публикуются научные работы, защищаются диссертационные исследования, посвященные проблемам виктимологии, нельзя не признать, что эффективная и масштабная деятельность по обучению населения элементарным правилам безопасного поведения в нашем криминогенном обществе на сегодня отсутствует.

У российских жертв, как показывает практика, нет чувства тревоги при явной угрозе их жизни или здоровью, у них отсутствует осторожность в общении с окружающими, зачастую они абсолютно не готовы к отражению элементарного посягательства на личные блага.

У американских виктимологов существует мнение, что ребенка нужно воспитывать с чувством потенциальной опасности. Печальная криминологическая статистика и анализ поведения потерпевших от преступлений подтверждают, что и в условиях современной России это правило становится актуальным. Открытость и наивность, доверчивость, щедрость и доброта, присущие знаменитому русскому характеру, «платят» черной неблагодарностью обладателю этих черт, когда воспользовавшийся ими преступник отнимает жизнь или здоровье, имущество и другие социально и личностно ценные блага, полноценное восстановление большинства из которых зачастую невозможно.

Множество примеров криминальной хроники свидетельствуют о случаях вопиющего легкомыслия, которое проявляли жертвы, садясь в машину маньяка, уже зная о нескольких убийствах, только что совершенных в данной местности (например, как это было в деле Вельского, насильника и убийцы семерых женщин); о трагической

наивности и безрассудной доверчивости девушек, добровольно уходящих в лес с незнакомым – убийцей.

Особо высокой виктимностью обладают российские дети. Мы не обучаем их правилам психологической безопасности, способам обеспечения защиты своей личности в условиях попытки посягательства на нее. Во-первых, наверное, потому, что это не традиционно, не принято в нашем обществе, к тому же подобное воспитание вменяется исключительно в компетенцию семьи. А во-вторых, мы на сегодняшний день и не владеем апробированной методикой грамотного виктимологического обучения, точнее, виктимологического воспитания, которое становится важной составляющей воспитания человека вообще.

В процессе виктимологического воспитания, начиная с младшего возраста, во-первых, должны закладываться основы самоуважения, без которого невозможно представить заботу о защите своей жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности и всех иных благ, гарантированных каждому гражданину Конституцией государства. Без **личной** заботы о защите данных человеческих ценностей реализация государственных гарантий представляется низкоквалифицированной полицией не способны уберечь от преступника, если отсутствуют необходимые знания по самосохранению, практика их применения у потенциальной жертвы.

Базой таковых являются привитые с детства четкие представления и понимание опасности, экстремальной ситуации, угрозы и, соответственно, определенные навыки по избежанию их, умение выйти из сложившейся обстановки с минимальным для себя ущербом.

Думается, что пришла пора не только обсуждать проблему, но ставить вопрос о государственном, широкомасштабном виктимологическом воспитании населения, и в этом направлении у автора есть конкретные реальные предложения. В первую очередь, необходимы разработка и внедрение в воспитательный процесс детских дошкольных заведений и в образовательный процесс учебных заведений специальных государственных программ по виктимологическому воспитанию детей и подростков. Именно на федеральном уровне можно охватить виктимологическим образованием максимально большое количество несовершеннолетних и молодежи.

Следует заметить, что, как показывают педагогические эксперименты, уже 4–5-летним детям вполне доступны простые обучающие игры, прививающие навыки осторожности в общении с чужими людьми, обращения с опасными предметами, концентрации внима-

ния при неординарных ситуациях, привлечения внимания посторонних людей при начавшемся посягательстве со стороны преступника, угрозе, и т.п. Разумеется, такие занятия должны проходить в интересной, игровой форме.

Например, в одном из детских садов в порядке эксперимента после просмотра театрализованной постановки русской сказки о том, как звери «дом развалили», воспитатели с помощью самих же детей-актеров рассказали о том, какая опасность может исходить от незнакомого человека, пытающегося войти в квартиру, как вести себя дома, если в дверь позвонил чужой человек, что отвечать по телефону, если родители отсутствуют. Активное участие остальных детей в обсуждении данных вопросов свидетельствовало о живом интересе в познании несколько необычных, но часто встречающихся жизненно важных проблем, понимании малолетним ребенком их значимости.

Что касается средней школы, то виктимологические знания могут маленькими «вкраплинами» внедряться в ткань образовательного процесса при изучении некоторых учебных дисциплин, например, русского и иностранного языков, анатомии, курса обеспечения безопасной жизнедеятельности, основ государства и права, физической культуры. Кроме того, вполне целесообразно введение спецкурса, посвященного основам виктимологических знаний, начиная его изучение уже в начальных классах средней школы.

Естественно, что для внедрения элементов виктимологического воспитания в процесс воспитания и образования как воспитателю детского сада, так и школьному преподавателю необходимы достаточные знания. Внесение корректив в программы подготовки данных специалистов, обеспечение литературой и методическими пособиями поможет справиться на первых порах с изучением непривычной для педагога и воспитателя, но чрезвычайно актуальной для жизни ребенка отрасли знаний. В недалеком будущем возможно и введение в учебные программы педагогических вузов отдельного курса, обучающего будущего педагога или воспитателя внедрению виктимологических знаний в систему преподавания дисциплин, в воспитательный комплекс.

Нельзя обойти вниманием вопрос о целесообразности проведения виктимологической профилактики и среди взрослого населения. Российские средства массовой информации охотно демонстрируют картины криминального насилия, подробно воспроизводя механизм совершения кровавых преступлений. Между тем, фактически ни одна из телевизионных передач, как и публикация в прессе, не заканчивается полезным для граждан комментарием относительно того,

каким образом можно избежать случившегося, какие ошибки были допущены потерпевшим, что предпринять в подобных ситуациях тем, кто рискует в повседневной жизни в них оказаться.

Книжный рынок не порадует взрослого читателя литературой, способной развить наше образование в плане обеспечения собственной виктимологической безопасности, зато всевозможные криминальные детективы, газеты с детальными фотографиями механизма совершения убийств, расчлененными трупами и т.п., а также брошюры типа «Пособие анархиста» вы приобретете без всякого труда.

«Кто не предупреждает, тот способствует», – сказал Сенека. Из анализа содержания передач криминальной тематики складывается впечатление, что российское телевидение скорее подспудно помогает преступникам совершенствовать свой криминальный профессионализм, нежели заботится о предотвращении будущих посягательств в отношении своих сограждан. Хотя, если вдуматься, главной целью любого исследования преступности, в том числе и журналистского, должно быть именно ее предупреждение, а не смакование жестокости и кровавости, вызывающее ужас и страх у обычного населения, и устойчивое желание повторить увиденное и услышанное – у лиц, страдающих психическими расстройствами и патологиями, количество которых растет ежегодно.

Анализ любого преступления или серии преступлений, обзор криминальной хроники, иные варианты освещения проблемы преступности должны обязательно включать и виктимологический аспект случившегося. Не только тревогу после увиденного злодеяния либо прочитанного о нем должен испытать телезритель и читатель (общеизвестно, что уровень тревожности и без того страшно высок среди населения России!), а получить своего рода «руководство к действию» – ценные выводы и рекомендации для обеспечения собственной безопасности, выработанные на основе чужого горького опыта.

Представляется, что проблему преступности следует решать не только предупреждением противоправных действий со стороны уголовных элементов, что является традиционным, но односторонним орудием в борьбе с криминалом. В современных условиях необходима целенаправленная и комплексная государственная виктимологическая политика, главной целью и составной частью которой является виктимологическое воспитание населения.

К ВОПРОСУ О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В последние годы преступность в России приобрела столь разрушительный характер, что никакие спонтанные программы, чрезвычайные указы и решения не способны коренным образом изменить сложившуюся ситуацию. Возникла необходимость в выработке государственной политики борьбы с преступностью, «которая бы обеспечивала единство воли всех ветвей власти, основанной на определенных принципах, и поддерживала бы соответствующие усилия государства и общества в рамках права»¹.

В настоящее время основное внимание государства сфокусировано на преступнике, на борьбе с организованной и экономической преступностью, с терроризмом, коррупцией, наркотизмом и т.д.

Между тем борьбу с преступностью нельзя считать эффективной, если не учитывать ее социальных последствий, т.е. «всего совокупного ущерба (цена преступности), который она приносит, бремени, которое несет общество и государство в борьбе с нею»². В этом плане заслуживают внимания проблемы жертв преступлений, что связано, в первую очередь, с отсутствием четкой дефиниции научно-понятийного определения «жертвы преступления», полноты исследования ее взаимосвязи с преступником с целью решения практических задач в области раскрытия и расследования преступлений, профилактики преступности в целом, индивидуализации ответственности, наконец, «не сконструирована в полной мере государственная система правовой, материальной и моральной защиты жертв преступных посягательств»³. Дискуссии об определении понятия «жертва преступления» в юридической и социологической литературе идут уже достаточно длительное время. Ряд авторов, основываясь на положениях действующего уголовно-процессуального зако-

¹ Сухарев А.Я. Долг науки жертвам преступлений // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений: Сборник научных трудов и нормативных материалов. М., 1998. С. 3.

² Гаджиева А.А. Виктимология и ее роль в профилактике преступлений: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 3.

³ Там же. С. 4.

нодательства и материального права, утверждают, что «жертвой преступления может быть только физическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред»⁴. На наш взгляд, это достаточно узкое по объему определение жертвы. Другие авторы, принимая во внимание комплексность виктимологических исследований, определяют жертву «как любого человека или социальную общность, которой преступлением был причинен вред»⁵. По нашему мнению, это более широкое, общетеоретическое определение.

В литературе понятие «жертва» имеет множество значений, например, «жертва» – тот, кто пострадал или погиб от какого-либо несчастия, стихийного бедствия или подвергся страданиям, неприятностям вследствие чего-либо⁶. На наш взгляд, особый интерес представляют положения, закрепленные в «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., о том, что «жертвами» являются «лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой»⁷. Кроме того, в термин «жертва» данный акт включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказания помощи жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвращения виктимизации.

Применительно к жертве преступления также используется уголовно-правовое понятие «потерпевший от преступления». Автор придерживается позиции С.В. Анощенковой, что «криминологическое понятие «жертва» по объему шире уголовно-правового понятия «потерпевший от преступления», так как включает в себя не только

реальных потерпевших от преступления, но и потенциальных, латентных, а также умерших потерпевших, их родных и близких, лиц, которым вред причинен непосредственно или опосредованно, которым вред причинен иными противоправными действиями лиц, которые официально признаны потерпевшими и не легитимизированных потерпевших»⁸. Кроме того, существует и виктимологическое понятие «потерпевший», которое, по мнению С.В. Анощенковой, Э.Л. Сидоренко, более узкое, чем понятие «жертва», но одновременно отличается и от уголовно-правового понятия «потерпевший». Потерпевшим в уголовном праве по своей природе может быть как физическое, так и юридическое лицо, в то же время криминологическая виктимология под потерпевшим понимает лишь физическое лицо, которому вред причинен не только непосредственно, но и опосредованно, в отличие от уголовно-правового понятия, при этом потерпевший является элементом преступной ситуации»⁹. Следует подчеркнуть, что в уголовном праве потерпевший является субъектом уголовных правоотношений, выступая при этом неким регулятором конфликтных отношений между государством и преступником, возникших в результате совершенного преступления.

На наш взгляд, четкое определение понятия «жертвы преступления» в рамках нормативных правовых актов позволит более глубоко проникнуть в сущность проблемы жертвы преступления, повысить эффективность профилактики преступности. Кроме того, жертву преступления следует рассматривать и как фактор, в значительной степени влияющий на преступность. По мнению автора, без учета взаимосвязей преступника и жертвы в генезисе преступления, их личностных и поведенческих характеристик невозможно в полной мере осуществить на должном уровне весь спектр профилактических мероприятий, направленных на снижение преступности в целом.

К вопросу о том, как государство защищает интересы своих граждан, написано и сказано немало. По словам патриарха Алексия: «Это – неизменное искушение и вековая болезнь государственности: государство свои интересы склонно автоматически отождествлять с интересами людей, а под «государственными интересами» склонно

⁴ Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 40–42.

⁵ Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. 1976. № 4. С. 76.

⁶ См.: Словарь русского языка / Под ред. Л.А. Чижко. М., 1981. С. 479.

⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985 г.

⁸ Анощенкова С.В. Учение о потерпевшем в Российском уголовном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 18.

⁹ Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 18.

понимать, прежде всего, удобство и легкость в управлении»¹⁰. Вспомним «Правду Ярослава» – первый русский Судебник. Какими доказательствами пользовались тогда судьи? Они устраивали поединки между жертвой преступления и преступником. Истина оказывалась на стороне победителя. Устраивали испытания огнем и водой, и тоже истина оказывалась на стороне того, кто выдерживал эти испытания. Таким образом, жертва преступления становилась еще и жертвой правосудия, ибо она уравнивалась с преступником в возможности доказать свою вину или невиновность, т. е. жертва оказывалась в «свободном плавании», без какой-либо правовой поддержки со стороны государства.

В настоящее время в Конституции Российской Федерации закреплено право на защиту потерпевших от преступления и злоупотребления властью (ст. 52), кроме того, потерпевшим обеспечен доступ к правосудию, а также возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти (ст. 53). Между тем государство недостаточно эффективно защищает жертвы от преступлений, террористических актов, злоупотреблений властью. Многие положения Концепции судебной реформы 1991 г. за 14 лет так и не выполнены, «в том числе положение об информировании о деятельности правоохранительных органов и доступности судебно-правовой статистики»¹¹. Органы внутренних дел не заинтересованы в принятии и регистрации заявлений и сообщений о многих видах преступлений, так как это во многом ухудшит «пресловутый» процент раскрываемости, испортит «благоприятную» картину борьбы с преступностью. Помимо этого сотрудники недостаточно активно реагируют на жалобы жертв от преступлений, поскольку считается, что любые уголовно наказуемые деяния происходят главным образом при их виктимном поведении.

На федеральном уровне не выработана единая концепция защиты жертв террористических актов. Так, в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» (1998 г.), отсутствует определение понятия «жертва террористического акта», что оставляет вне поля правового регулирования один из важнейших аспектов данной проблемы. Не секрет, что жертвы преступлений нередко отказываются сотрудни-

чать с правоохранительными органами по причине боязни мести со стороны преступников, их родственников или соучастников; это происходит не только в судебных заседаниях, но и на стадиях предварительного следствия; нередко сами жертвы пытаются решить свои проблемы при помощи «представителей преступного мира», что еще больше усиливает не только криминальную напряженность в обществе, но и качественно снижает авторитет сотрудника правоохранительного органа, отсюда ухудшается деятельность по профилактике преступности. Несмотря на то, что в августе 2004 г. был принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», обеспечивающий личную безопасность и социальные гарантии лиц, участвующих в раскрытии преступлений, на практике данный нормативный акт в полной мере не работает, так как, по мнению автора, отсутствует система правовых гарантий, надежный механизм его реализации. Автор согласен с мнением В.И. Задорожного, что «российское государство не оказывает существенной помощи жертвам преступлений и не поддерживает неспециализированные субъекты профилактики преступлений, оказывающие такую помощь. Федеральное правительство не создало механизма направления жертв за помощью в неправительственные организации»¹², хотя попытки были осуществлены в некоторых регионах Екатеринбурга, Краснодарского края и др., где неспециализированные субъекты профилактической деятельности активно сотрудничают с местной милицией и органами государственной власти в оказании помощи жертвам преступлений.

Следует признать тот факт, что виктимологическое направление профилактики преступности во многих странах (США, Германии, Италии, Швеции, Японии и др.) находится на более высоком уровне, нежели в России. Это связано, на наш взгляд, связано не только с отсутствием должного финансирования данного направления, но и с отсутствием единой государственной программы и правовых актов, которые бы в полной мере регулировали механизм реализации вопросов обеспечения безопасности, защиты жертв от преступлений, террористических актов, злоупотреблений властью, виктимологические мероприятия по профилактике преступности.

¹⁰ Слово патриарха Алексия // Известия. 1991. 15 янв.

¹¹ Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты. М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 189.

¹² Указ. раб. С. 191.

Например, в США, Германии, Японии, Великобритании повсеместно действуют программы специализированной помощи жертвам преступлений (данные положения были изначально закреплены в п. 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г.), включающие в себя «необходимую медицинскую и психологическую помощь, материальную поддержку для наиболее нуждающихся, услуги правового характера, в том числе опеку над потерпевшими в период следствия и судебного процесса»¹³. В США действует федеральная программа нравственного оздоровления американского общества с целью формирования ненасильственных установок и навыков у подрастающего населения, в апреле 2003 г. был подписан закон о защите детей, а в декабре 2003 г. был принят закон о защите жертв торговли людьми, способствующий по ряду направлений усилению всемирной борьбы против современного рабства. В российском законодательстве подобный закон просто отсутствует, а имеется лишь ст. 127¹ УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за данное деяние. В Японии, например, виктимологическими исследованиями занимаются юридические и научно-исследовательские институты, изучающие личность и поведение потерпевших; периодически проводятся международные семинары, симпозиумы, конгрессы по данным проблемам. В Германии широко действуют государственные и частные программы помощи жертвам преступлений, касающиеся вопросов обеспечения безопасности и социальной помощи лицам, пострадавшим от преступных посягательств. Кроме того, там существует разветвленная система возмещения ущерба жертвам насилия, которые имеют право на получение от государства компенсации, в соответствии с Законом «О возмещении жертвам причиненного ущерба». В Великобритании оказание помощи лицам, пострадавшим от преступления, является составной частью уголовной политики государства; более того, правительством страны разработана Программа помощи жертвам преступлений, созданы ассоциации потерпевших от преступлений. Подобные меры, к сожалению, отсутствуют в нашем государстве, и это связано с тем, что «жертвы от преступлений» по разным причинам «вписываются» в уголовную политику России. Поэтому «постоянное изучение моделей, форм и методов предупреждения преступлений, используемых экономически

¹³ Указ раб. С. 172.

развитыми зарубежными странами, позволит усовершенствовать отечественную практику осуществления виктимологической профилактики преступности»¹⁴.

Следует обратить внимание на тот факт, что все же «пробелы в правовом и недостатки в организационном обеспечении (несовершенство законодательства, информационно-аналитической работы, планирования, прогнозирования, организации взаимодействия субъектов, контроля в этой сфере), по всей видимости, не позволяют в полной мере включить виктимологическую профилактику в арсенал средств профилактической работы»¹⁵.

Несмотря на то, что властью нашего государства предпринимаются некоторые усилия по защите потерпевших от преступления и возмещению им вреда, в настоящее время отсутствует целостная, эффективно работающая система виктимологической безопасности граждан. По мнению автора, это обстоятельство вызвано, в первую очередь, «развалом» экономики, что способствует росту количества жертв различных преступлений, особенно корыстной и корыстно-насиленной направленности, связанных с торговлей людьми, незаконным оборотом оружия и наркотических средств.

В целях совершенствования виктимологической профилактики преступности в России, на наш взгляд, необходимо создать эффективную систему социальной и правовой защиты граждан от возможной виктимизации; разработать меры, направленные на устранение либо нейтрализацию виктимогенных факторов и ситуаций; целесообразно рассмотреть вопрос о создании специальных фондов борьбы с преступностью, используя средства для оказания помощи жертвам преступлений, которая включала бы в себя деятельность специальных консультативных пунктов, центров социально-психологической реабилитации и защиты данных граждан, помимо того решающих основные задачи по информированию населения о мерах защиты от преступлений, а также по проведению групповых и индивидуальных консультаций с потенциальными жертвами преступлений, оказанию им не только социально-психологической, но и медицинской помощи, прогнозированию индивидуального виктимного поведения, выявлению и нейтрализации виктимологических свойств личности; используя при этом и опыт зарубежных государств при разрешении

¹⁴ Там же. С. 192.

¹⁵ Задорожный В.И. Указ .раб. С. 3.

вопросов социальной защиты жертв преступлений. В этих целях необходимо подготовить законопроект, регламентирующий порядок возмещения государством ущерба жертвам насильственных преступлений, лишившимся трудоспособности полностью или частично, а также лицам, находившимся у них на иждивении, учитывая положения Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, а также иные международные пакты, касающиеся защиты жертв преступлений. Представляется необходимым осуществлять специальную виктимологическую подготовку сотрудников правоохранительных органов, повысить эффективность их деятельности в виктимологическом просвещении граждан, оказании консультационной помощи по вопросам защиты их физической неприкосновенности, имущества и т.д. от различных видов преступлений.

Виктимологическая профилактика, осуществляемая службами органов внутренних дел, социально необходима, экономически выгодна, так как практически не требует дополнительных материальных затрат, а при условии своевременного информационно-аналитического, организационно-методического, правового, научного, ресурсного и кадрового обеспечения, вполне эффективна и рациональна.

Таким образом, исследование проблем виктимологической профилактики преступности и защиты жертв преступлений в России создает благоприятную почву для дальнейшего решения данных вопросов как на законодательном, так и на правоприменительных уровнях.

А. Л. С и т к о в с к и й,
кандидат юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В структуре гражданских тревог россиян страх стать жертвой уголовного преступления занимает одно из ведущих мест, опережая опасения остаться без работы или заболеть неизлечимой болезнью. В обществе постепенно укореняется представление о том, что государство не способно эффективно защитить своих граждан от захлестнувшего вала преступности. Социологические исследования свидетельствуют о низкой степени доверия граждан правоохранительным органам. В 2004 г., например, доля россиян, потерпевших от преступных посягательств, составила 25,4%, при этом 31,0% пострадавших не обращались в правоохранительные органы¹.

Сознание людей заметно криминализируется, создавая основу для высокой виктимизации общества. Объективно этому способствует наличие в стране ряда мощных криминогенных факторов, выступающих катализатором количественных и качественных изменений структуры преступности. Последние хорошо известны: упадок духовных ценностей, серьезное снижение жизненного уровня населения, безработица, резкая имущественная дифференциация между богатыми и бедными, жестокость и насилие, культивируемые в средствах массовой информации, в том числе и в электронных, и др.

В структуре преступности традиционно ведущее место занимают корыстные преступления. При этом повышенную общественную опасность представляют посягательства против собственности, способом совершения которых является насилие. К ним относятся требования передачи чужого имущества или права на него, совершение иных действий имущественного характера под угрозой применения насилия или с применением насилия (вымогательство); открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия не

¹ См.: Информация ГИАЦ МВД России (по данным опроса общественного мнения, проведенного региональными подразделениями МВД России в октябре-ноябре 2005 г.).

опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого (грабеж); нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого (разбой). Наиболее распространенными составами подобных преступлений являются грабежи и разбои.

Статистические данные преступности в Российской Федерации за период с 2000 по 2005 гг. свидетельствуют о довольно напряженной виктимологической обстановке в стране. Число преступлений корыстно-насильственной направленности, по которым имеются потерпевшие, за эти годы возросло почти в два раза. Тревогу вызывает не только само увеличение, но и существующая характерная тенденция последних лет – жестокость, проявляемая в отношении потерпевших.

О степени криминальной виктимизации в России свидетельствуют масштабы вреда, наносимого грабежами, разбоями и вымогательствами, индикаторами которого являются коэффициент криминальной виктимизации, данные о количестве потерпевших, характер и размер причиненного преступными действиями ущерба.

Анализ социально-групповой распространенности потерпевших свидетельствует об особенностях корыстно-насильственной виктимизации представителей различных социальных групп населения. Статистические данные показывают, что в 2005 г. из всего количества потерпевших инкассаторы и кассиры чаще всего становились жертвами корыстно-насильственных преступлений – 96,5%. Такой высокий уровень виктимизации этой группы объясняется тем, что преступники намечают жертву, исходя из признака обладания денежными или значительными материальными средствами при далеко несовершенном обеспечении безопасности исполнения служебных обязанностей.

Почти четверть (21,7%) потерпевших от корыстно-насильственных преступлений составляют приезжие. Эти лица становятся жертвами преступлений, так как чаще других завязывают случайные и сомнительные знакомства. Для многих из них характерно виктимное поведение, проявляющееся в форме совершения неосмотрительных поступков, непринятия необходимых мер предосторожности, что нередко приводит к трагическим последствиям.

Выделив вышеуказанные группы потерпевших, следует особо отметить, что Дальневосточный федеральный округ, в частности, отличается от других территориальных образований наибольшим удельным весом потерпевших кассиров и инкассаторов, а также приезжих – 60 и 26,7% соответственно.

С позиции получения быстрых и крупных доходов от преступления сфера финансов, бизнеса и частного предпринимательства вызывает особый интерес криминальных слоев. Существовавшая в бытность уголовно-правового запрета частнопредпринимательской деятельности жесткая система конспирации коммерсантов и предпринимателей создавала определенные трудности для поиска преступниками состоятельной жертвы. С легализацией предпринимательства, ростом коммерческой активности самых разных слоев населения возможности по выбору соответствующей жертвы существенно расширились.

Наиболее тяжелая криминальная картина по корыстно-насильственной преступности, с учетом коэффициента корыстно-насильственной виктимизации, сложилась в Уральском (320,9), Северо-Западном (244,2), Сибирском (237,1), Дальневосточном (236,2) и Приволжском (217,9) федеральных округах РФ. Несколько иная ситуация наблюдается в Центральном (189,8) и Южном (104,7) федеральных округах (см. рис.1).

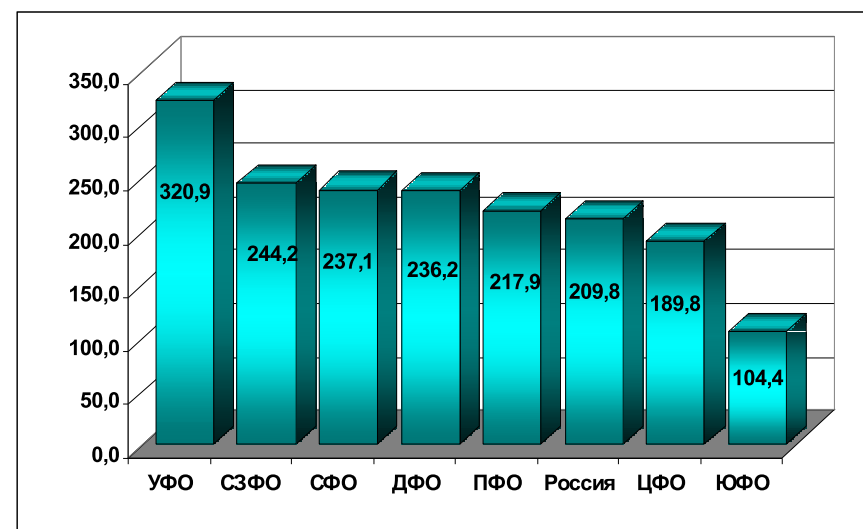

Рис. 1. Распределение уровня корыстно-насильственной виктимизации по федеральным округам Российской Федерации в 2005 г.

В последние годы в Приволжском федеральном округе сохраняются относительно стабильные показатели, характеризующие состояние корыстно-насильственной виктимизации.

Сопоставляя приведенные данные с распределением населения по федеральным округам, выявилась определенная закономерность. Центральный федеральный округ, население которого составляет большую часть населения России, по уровню корыстно-насильственной виктимизации занимает предпоследнее место, в то время как Уральский и Северо-Западный федеральные округа, общая численность населения которых меньше, чем в Центральном, по данному показателю занимают лидирующие места.

Кроме того, Уральский федеральный округ отличается самыми высокими показателями уровня грабежей и разбоев, по которым установлены потерпевшие. За последние пять лет наблюдалось его увеличение от 140,3 до 259,5 по грабежам и от 35,0 до 49,1 по разбоям. Сложная обстановка по грабежам в минувшем году отмечалась в Дальневосточном (196,5) и Северо-Западном (191,2) федеральных округах, а в последнем также и по разбоям (46,5).

Это свидетельствует о том, что криминальная обстановка, складывающаяся в этих федеральных образованиях, является весьма напряженной и требует отдельного изучения.

Самый низкий уровень преступлений, по которым выявлены потерпевшие, относящиеся к корыстно-насильственной группе, в течение последних пяти лет фиксировался в Южном федеральном округе.

Еще одной особенностью виктимологической стороны корыстно-насильственной преступности, характерной для Российской Федерации в целом, равно как и для каждого федерального образования в отдельности, является снижение удельного веса расследованных разбоев, грабежей и вымогательств, по которым установлены потерпевшие. Указанная тенденция существует одновременно с увеличением числа таких преступлений и потерпевших от них. При этом в 2005 г. их удельный вес отличался от показателей 2000 г. довольно существенно.

Виктимологический анализ состояния корыстно-насильственной преступности свидетельствует о том, что уровень виктимизации населения остается достаточно высоким и имеет тенденцию к росту.

При этом приходится признавать недостаточно эффективной работу правоохранительных органов, что в свою очередь отрицательно влияет на готовность граждан к сотрудничеству с ними, порождает неверие в способность государства и его правоохранительных органов защитить их. Согласно данным социологических опросов, более

18,2 %² жителей страны неудовлетворительно оценивают деятельность органов внутренних дел.

Вышесказанное свидетельствует о предположительно негативном развитии криминогенной и виктимогенной обстановки в будущем. Требуется принятие широкого комплекса мер, направленных на защиту личности и ее прав от корыстно-насильственных преступлений, существенного повышения уровня жизни населения, проведения активной социальной политики с учетом интересов различных групп и слоев населения. Это обстоятельство является особенно актуальным в настоящее время, так как принятие Федерального закона № 122 «Об отмене льгот различных категорий граждан» привело к дисбалансу социально-экономического положения практически всех категорий населения. Ликвидация ряда категорий льготников, опережение темпов замены льгот выплатами денежных компенсаций, а также их неадекватность вызвали массовые выступления, акции неповиновения, митинги, пикетирования.

Ожидаемые реформы систем здравоохранения и образования также могут привести к подобным проявлениям недовольства со стороны менее защищенных слоев населения, что может неблагоприятным образом отразиться на состоянии как всей преступности, так и отдельных ее видов.

Традиционный подход к профилактике корыстно-насильственных преступлений заключается в нейтрализации криминогенных факторов, детерминирующих преступное поведение. При этом виктимологическая профилактика отодвигается на второй план.

Эффективная организация виктимологической профилактики предопределена указанными и иными ее специфическими особенностями и, по нашему мнению, должна строиться на следующих концептуальных мерах и направлениях.

1. Необходимо изменить многолетний подход к профилактике, ориентированный исключительно на потенциальных правонарушителей и оставляющий за ее пределами предупредительное воздействие на потенциальных жертв.

2. Весьма своевременным стало бы создание информационной базы виктимологической профилактики, которая в настоящее время

² См.: Информация ГИАЦ МВД России (по данным опроса общественного мнения, проведенного региональными подразделениями МВД России в октябре-ноябре 2005 г.).

практически отсутствует. Речь, прежде всего, идет о создании полной и информативной системы учета жертв преступлений в государственной отчетности всех правоохранительных органов.

3. Одной из задач является психологическая перестройка правосознания работников правоохранительных органов, где важная роль принадлежит организации специализированной подготовки сотрудников по всему спектру их отношений с потерпевшими.

4. Современные реалии таковы, что жертвы и свидетели преступлений не желают сотрудничать с правоохранительными органами из соображений безопасности; важным является обеспечение безопасности тех и других.

5. Эффективное использование средств массовой информации, совершенствование форм и методов правовой пропаганды также имеют большое воспитательное и профилактическое значение для предупреждения корыстно-насильственных преступлений и защиты реальных и потенциальных жертв насилия.

6. Расширение функций подразделений службы профилактики либо создание специальных подразделений, на которые будет возложена виктимологическая профилактика потенциальных жертв корыстно-насильственных преступлений.

7. Совершенствование правовых мер, направленных на предупреждение корыстно-насильственных преступлений и защиту жертв насилия.

Кроме вышеизложенных правоохранительных мер, направленных на защиту личности и собственности, представляется необходимым проведение активной социальной политики с учетом интересов различных групп и слоев населения, усиление институтов государственной власти, улучшение условий для их деловой активности.

Иерей Александр Шестак,
кандидат юридических наук
(Московская Патриархия)

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Большое значение в принятии решения на совершение преступления или удержание от него имеет система ценностей личности человека.

На протяжении многих веков в России существовала стройная система православного воспитания. В школе, наряду с другими предметами, изучался Закон Божий. В семье с молоком матери усваивались православные ценности и традиции.

Такие заповеди, как «почитай отца своего и мать», «ни убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «не лжесвидетельствуй» и т.д. для верующего человека имели очень важное значение, поскольку именно они становились прочным фундаментом формирования всей системы ценностей человека.

Ныне же, при отсутствии четко выраженной государственной идеологии и провозглашенном равенстве конфессий, православное воспитание детей и молодежи встречает необъяснимое противодействие.

Здесь необходимо посмотреть на эту проблему с двух позиций: с позиций права и с позиций ценности православия для воспитания.

Итак, правовой аспект этой проблемы. Посещая учебные заведения, часто приходится слышать: «Церковь отделена от государства, а школа от Церкви». И эта формулировка действительно имела место в Конституции, но 12 лет назад. Сегодня мы живем в другое время и в новой Конституции мы читаем: «Религиозные объединения отделены от государства» и все. И ничего про школы не написано. И это правильно. Как можно отделить Церковь от государства, если каждый крещеный человек является членом Церкви независимо от того, безработный он или президент России. И, конечно же, нельзя создавать религиозные объединения в государственных структурах. Именно поэтому государство берет на себя обязательство всемерно содействовать реализации прав верующих, в том числе военнослужащих или государственных чиновников. И здесь мы видим: в целом ряде воинских подразделений и военных учебных заведений откры-

ваются храмы, часовни, моленные комнаты, которые действуют без образования религиозных объединений.

Практически во всех учреждениях системы исполнения наказания построены храмы, где регулярно совершаются богослужения.

Теперь перейдем к содержательной стороне рассматриваемой проблемы. Можно ли считать православное воспитание панацеей от всех бед? Конечно же, нет. По одной лишь причине – не у каждого открывается сердце на слово Божие. Но практика встреч священнослужителя с подрастающим поколением открывает им глаза на те ценности, о которых они раньше не задумывались. Из лексикона постепенно исчезает нецензурная брань, в воинских коллективах «дедовщина» становится редким явлением. В местах лишения свободы пришедшие к Богу в большинстве своем не совершают преступлений.

Для многих встреча со священником по-новому высвечивает мир и систему ценностей. Постигание смысла жизни коренным образом меняет поведение человека.

По плодам их узнаете их. Поведение человека обнаруживает его внутреннее устройство. От избытка сердца глаголют уста. Если это добрые поступки и слова, то и сердце исполнено добротой, если плохие поступки и скверные слова, значит, сердце лежит во зле.

Православное воспитание настолько объемно и многопланово, что невозможно раскрыть все его аспекты. Но основные из них попытаемся все же рассмотреть.

Всякое преступление есть грех. Следовательно, можно предположить, что и преступление, и грех имеют одну природу и имеют, по сути, одну и ту же причину. Опыт Церкви в борьбе с грехом можно использовать и в предупреждении преступлений.

Среди заповедей Божиих есть такие, которые напрямую относятся к предупреждению преступлений. Например: не убий, не укради, и более того, – не пожелай чужого. Здесь осуществляется профилактика уже на этапе пожеланий, если говорить на криминологическом языке – на этапе мотивации преступного поведения. Но в заповедях мы находим и нравственные аспекты: почитай отца своего и мать, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй.

Даже останавливаясь только на двух заповедях – «не убий», «не укради», – мы видим, что они своей профилактической направленностью объемлют насильственные и корыстные преступления, то есть почти весь уголовный кодекс.

Но нам могут сказать, что примерно такие же требования предъявляет и светская мораль, и все действующее законодательство. В чем же разница?

Если светская мораль зиждется больше на внешних факторах, сдерживающих человека от противоправного поведения (оценка окружающих, страх наказания, так велит совесть), то православный человек печется, прежде всего, о духовных ценностях, посредством которых только и возможно обретение Царствия Небесного, т. е. спасение своей души. Ценности земные подобны пыли, которая оседает, как только душа оставляет свое тело. Именно поэтому православный не продает свое Отечество за 30 и более сребренников.

Возможно, есть и в ряде других конфессий подобные ценности, которые нельзя оценить ни в рублях, ни в долларах.

В основе всякого греха (преступления) лежат человеческие страсти. Святитель Игнатий Брянчанинов писал: «Невозможно, чтобы страсти, живущие в человеке, не обнаруживались в его помышлениях, словах и действиях»¹. Удержаться от греха – значит победить страсть, многим святым это удавалось. Каждый христианин призван к святости, т. е. призван бороться восстающие в себе страсти. И в этом ему помогает Церковь. Если человек на исповеди высказывает намерение совершить преступление, священник должен убедить его отказаться от своего намерения, либо принять другие меры, препятствующие совершению греха (преступления), но без разглашения тайны исповеди.

«Страсть требует тщательного врачевания покаянием и временного искоренения противоположною ей добродетелью. Страсть не всегда выражается делом; она может тайно жить в сердце человека, обладая его чувствованиями и помышлениями. Страсть познается из того, когда человек не перестает воображать грех и услаждаться мечтанием его, когда плененный им, он уже не в силах противиться увлекающей силе греховных помышлений и картин, которые своею непотребною сладостью поглощают всю его мудрость и крепость. Страстный не перестает совершать грех в мечтании и сердечном чувстве, чрез это поддерживает свое общение с темными духами и свою подчиненность им»².

¹ Св. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 1. Сретенский монастырь. 1998. С. 529.

² Св. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. III–IV. Сретенский монастырь. 1998. С. 166

Одна из причин преступности – падение нравственности населения.

Что мы видим с экранов телевидения: целые потоки безнравственности и насилия. Мы все помним трагические моменты пожара на Останкинской телебашне. Около месяца не выходили в эфир развлекательные программы и фильмы. И что же – преступность в Москве упала почти до нулевой отметки.

Кто-то может усомниться в разжигаемости страстей и их связи с преступлением. Но давайте заглянем в Уголовный кодекс РФ, который предусматривает ответственность за разжигание национальной, религиозной розни. Какие же человеческие свойства, скорее даже страсти при этом задействуются, разжигаются? Конечно же, гордость, как некая исключительность одной национальности над другой, либо одной религии над другой, которая актуализируется в конкретном человеке, группе людей. Гордость возбуждает раздражительность, гнев, переходящую в ненависть. Мы все были свидетелями побоища в Москве после трансляции на площадях столицы футбольного матча. Да практически после каждого футбольного матча болельщики остывают от разыгравшихся страстей в кулачных потасовках. А ведь Церковь имеет целый набор средств борьбы человека со своими страстями. И не использовать этот потенциал было бы преступно.

Целомудрие и воспитание нравственности всегда ценилось на Руси. А само слово «образование» означало восстановление образа Божия в человеке.

В этой связи было бы целесообразно хотя бы на факультативной основе преподавать православную культуру, а еще лучше – закон Божий, во всех образовательных учреждениях.

Если это будет осуществлено, то уже в ближайшее время на статистическом уровне мы увидим снижение сначала преступности несовершеннолетних, а затем и общей.

Н. И. Ж е р д е в а,
кандидат социологических наук
(НИИ проблем укрепления
законности и правопорядка при
Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Благотворительная деятельность представляет одно из направлений некоммерческой деятельности, которая с принятием федеральных законов «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях» и иных законодательных актов, а также из-за резкой дифференциации населения по доходам, в нашей стране получила достаточно широкое распространение.

В настоящее время общественные объединения, занимающиеся благотворительностью, представляют собой значительную силу, обладающую материальным и людским потенциалом. По предварительным подсчетам, в России сегодня благотворительную деятельность осуществляют около полумиллиона юридических лиц. В этой связи неудивительно признание значимости благотворительной деятельности, выразившееся в инициативе крупнейших общественных организаций и благотворительных фондов объявить в России 2006 г. «Годом Благотворительности»¹, поддержанной Президентом РФ В.В. Путиным в выступлении 4 ноября 2005 г. на торжественном заседании, посвященном Дню народного единства².

Участие благотворительных организаций в профилактической деятельности – относительно новое направление участия населения в профилактике правонарушений, которое в условиях поиска новых форм и методов предупреждения преступлений, в первую очередь правоохранительными органами, безусловно, заслуживает определенного внимания со стороны науки и практики по нескольким основаниям.

¹ См.: Агентство социальной информации. 2005. 27 окт.

² См.: Официальный сайт Президента РФ www.kremlin/mainpage.shtml.

Во-первых, деятельность по предупреждению преступлений на региональном уровне в современных условиях переживает период постепенной активизации, вызванной разработкой как на федеральном, так и на региональном уровнях комплексных программ борьбы с преступностью. В общегосударственном масштабе происходит накопление опыта привлечения всех заинтересованных субъектов к участию в осуществлении разнообразных мер предупреждения преступлений. В этой связи благотворительные организации должны рассматриваться как один из перспективных участников указанных выше программ, поскольку, в большинстве случаев, оказываемая ими помощь нуждающимся в таковой по целям и задачам является профилактической деятельностью.

Во-вторых, интерес к этим структурам в настоящее время вызван тем, что попытки построения региональной системы предупреждения преступлений, возглавляемой, как правило, главой местной администрации, вызывают определенные затруднения в связи с отсутствием на местах устойчивых источников финансирования деятельности по созданию и реализации региональных программ предупреждения преступлений. В этой связи благотворительные организации и подобные им общественные объединения могут рассматриваться как своеобразные спонсоры – доноры денежных средств, оргтехники и др., – способные обеспечить планомерное и комплексное развитие работы по предупреждению преступлений в регионах.

В-третьих, как свидетельствует зарубежный опыт, благотворительные организации во многих случаях гораздо лучше справляются с предоставлением таких социальных услуг, как лечение от алкоголизма и наркомании, оказание социально-психологической помощи, социальная реабилитация и т.д. Государство и местные органы власти сохраняют ответственность за финансирование социально значимых услуг, но заключают контракты на их предоставление с независимыми некоммерческими организациями на конкурсной основе. Как правило, это обеспечивает лучшее удовлетворение запросов потребителей и меньшие затраты.

Проведенный в ходе исследования содержательный анализ уставов благотворительных организаций, прошедших регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации, Главном управлении юстиции гор. Москвы и Управлении юстиции Московской области показал, что в настоящее время около 15% таких организаций (или

каждая 6 из зарегистрированных) может рассматриваться как участник деятельности по предупреждению правонарушений.

В числе провозглашенных направлений деятельности, которая могла бы рассматриваться как нацеленная на предупреждение правонарушений, в уставах указываются: возрождение духовной нравственности, национальных и религиозных ценностей; помощь беженцам и мигрантам; помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей; материальная помощь малоимущим и многодетным семьям; содействие выполнению благотворительных, социальных и оздоровительных программ; утверждение идеалов милосердия, гуманизма и христианской благотворительности; утверждение здорового образа жизни и преодоление алкоголизма и наркомании и др.

Выборочное изучение конкретной деятельности благотворительных организаций, указавших в уставах о намерении в той или иной форме осуществлять профилактическое воздействие, проведенное в Москве и Московской области, показало, что в действительности только 8,2% от общего числа функционирующих организаций принимают участие в предупреждении правонарушений путем устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, в форме:

- поддержки мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев в осуществлении их прав, определенных международным и российским законодательством;

- оказания материальной и иных видов гуманитарной помощи лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации;

- защиты прав и интересов воспитанников и выпускников детских домов и интернатов;

- содействия молодежи в ее занятости и обучении специальностям;

- организации досуга подростков;

- организации приютов для беспризорных и детей, оставшихся без попечения родителей;

- оказания материальной и моральной поддержки лицам, находящимся в уголовно-исправительных учреждениях или освободившимся оттуда;

- разработки и организации проведения мероприятий по укреплению общественной безопасности и правопорядка в регионе и др.

Кроме того, некоторые из изученных благотворительных организаций, как установлено, занимаются социальной поддержкой и защитой граждан, социальной реабилитацией безработных, инвалидов и иных лиц; содействием в сфере образования, науки, культуры, духовному развитию личности; пропагандой здорового образа жизни, содействием в сфере физической культуры, спорта и т.д.

Так, например, благотворительный фонд социальной защиты молодежи и малоимущих «Ораториум» имени Яна Боско, созданный в Москве римско-католической церковью, организовал работу детского приюта. Органы внутренних дел доставляют подростков с улиц, чердаков, подвалов, вокзалов города в приют, сюда же поступают дети из органов опеки, комиссий по делам несовершеннолетних. В детском приюте в течение 6 месяцев несовершеннолетние адаптируются к нормальной жизни, а затем их устраивают в семьи, интернаты, детские дома. На момент посещения нами приюта, данный благотворительный фонд работал над открытием альтернативного семейного детского дома на 8–10 детей с одной мамой – воспитателем. Финансирование детского приюта и строительство нового здания детского дома осуществляется приходом католического кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы в Москве, частными лицами, проживающими в России и Германии, а также за счет средств, предоставляемых католическими приходами этих стран.

Интересен опыт работы по профилактике правонарушений и предупреждению распространения наркомании в молодежной среде в Московской области, накопленный благотворительной общественной организацией – реабилитационный клуб «Оптималист Подмосковья», работающей с 1989 г., которая реализует свою уставную деятельность по таким направлениям, как работа в учебных заведениях с несовершеннолетними по профилактике правонарушений; с подростками, отбывающими наказания в местах лишения свободы в Икшанской и Можайской воспитательных колониях для несовершеннолетних; по избавлению подростков от наркозависимости, по их социальной реабилитации.

Коллективом этой благотворительной организации за годы работы подготовлено более 500 волонтеров, из которых около 100 принимают постоянное активное участие в проведении семинаров, молодежных акций, остальные участвуют в осуществлении индивидуально-профилактической работы. В воспитательных колониях из

числа воспитанников подготовлено 87 добровольцев. В программу курса подготовки добровольцев включены основы права, возрастной психологии и медицины.

Только в Ступинском районе Московской области, где располагается благотворительная организация «Оптималист Подмосковья», постоянной профилактической работой охвачено около 3000 учащихся школ и ПУ. Такие мероприятия, как показал проведенный опрос участников молодежной акции «Скажи нет наркотикам!», крайне необходимы молодежи, поскольку они дают молодым людям необходимые знания о наркотиках, об аддиктивной зависимости, об их воздействии на здоровье и жизнь; заставляют задуматься о последствиях их применения. В ходе мероприятий, проводившихся под условными наименованиями «Наркотики и закон», «Здоровье и наркотики», «Наркотики и личность», подросткам после бесед раздавались листовки об опасности применения наркотиков, а их родителям – памятки о признаках, указывающих на возможность потребления их детьми наркотиков.

Московская региональная общественная благотворительная организация помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие» работает с 1990 года. В своей деятельности она опирается на безвозмездные услуги 25 добровольцев и с их помощью оказывает материальную, правовую и психологическую помощь беженцам и вынужденным переселенцам, а также иным лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Другая московская городская общественная организация «Российское общество Красного Креста» оказывает медико-социальную, морально-психологическую и иную помощь наиболее социально уязвимым слоям населения. Среди благополучателей – беспризорные дети, беженцы и мигранты, московские следственные изоляторы и др. В рамках программы «Беспризорные дети» этой благотворительной организацией открыт приют в Южном округе, а также центр для беспризорных детей в Западном округе Москвы. Благодаря усилиям центров медико-социальной помощи только на протяжении одного года была оказана помощь медико-социального, морально-психологического и иного характера 5620 лицам.

Московский городской благотворительный общественный Центр «Соучастие в судьбе» решает задачу защиты прав и интересов воспитанников и выпускников детских интернатных учреждений, а также оказания помощи детям-сиротам и оставшимся без попечения

родителей. Этим Центром оказывается юридическая помощь выпускникам таких детских учреждений, в судах защищаются права детей-сирот, им оказывается содействие в получении жилой площади. На момент изучения под опекой Центра находилось более 650 выпускников детских домов и школ-интернатов.

Особенностью практики благотворительной деятельности в Москве является целевое создание благотворительных организаций, призванных материально и морально поддерживать тех, чья деятельность имеет профилактическую направленность – сотрудников органов внутренних дел. Решая частные задачи, такие фонды накопили определенный опыт материальной поддержки деятельности органов внутренних дел и оказания социальной поддержки их сотрудникам.

Так, с этими целями в 1990 г. было образовано благотворительное общество «Мария», среди благополучателей которого выступают семьи сотрудников органов внутренних дел г. Москвы, нуждающиеся в материальной и социальной помощи; семьи погибших и получивших увечья при исполнении служебных обязанностей, многодетные и неполные семьи сотрудников органов внутренних дел, семьи с детьми-инвалидами, ветераны органов внутренних дел, а также инвалиды органов внутренних дел 1 и 2 групп.

Для оценки отношения руководителей благотворительных организаций Москвы и Московской области к участию в деятельности по предупреждению правонарушений был осуществлен их опрос. В ходе исследования установлено, что около половины руководителей (47%) имеют достаточный опыт практической благотворительной деятельности и занимаются ею более 3-х лет (от 3 до 5 лет – 29%, свыше 5 лет – 18%), вместе с тем немалая часть (53%) такую деятельность осуществляют сравнительно недавно (до 1 года – 16%, от 1 года до 3 лет – 37%).

Среди руководителей благотворительных организаций, которые сегодня не осуществляют деятельности, способствующей предупреждению правонарушений, около половины (43%) считают, что в будущем они вполне возможно будут ее осуществлять. В то же время каждый четвертый опрошенный руководитель благотворительной организации (26%) убежден, что он вообще не станет заниматься подобной деятельностью, а каждый третий (31%) затруднился дать ответ. Таким образом, среди нынешнего контингента руководителей благотворительных организаций, деятельность которых не содей-

ствует предупреждению правонарушений, имеется достаточный потенциал для того, чтобы направить свою деятельность в профилактическое русло.

Те из руководителей благотворительных организаций, которые считают, что их благотворительная деятельность способствует предупреждению правонарушений, отметили такие ее направления, как:

- организация досуга детей и подростков в целях профилактики молодежной преступности (указано 17,7% опрошенных);
- организация пунктов питания для малоимущих (14,5%);
- правовое и гражданское воспитание молодежи (12,9%);
- помощь детям, оставшимся без попечения родителей (11,3%);
- оказание помощи подросткам и другим гражданам в получении профессии и трудоустройстве (9,7%);

- создание центров для работы с «трудными» подростками (8,1%);
- реализация и финансирование программ по профилактике алкоголизма, наркомании и других видов зависимости (8,1%);

- оказание материальной, юридической и иной помощи беженцам и вынужденным переселенцам (6,4%);

- оказание материальной и иной помощи многодетным семьям (4,8%);

- содержание ночлежных домов и приютов для детей из неблагополучных семей, а также для женщин, подвергающихся жестокому обращению в семье (3,2%);

- оказание материальной и иной помощи подразделениям, занимающимся предупреждением правонарушений (3,2%).

Таким образом, в современных условиях основными направлениями благотворительной деятельности являются профилактика молодежной (в первую очередь подростковой) преступности (45,1%), а также оказание различной помощи гражданам, оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах (43,5%), под воздействием которых они могли бы начать совершать правонарушения.

Опрос показал, что среди граждан, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах, чаще всего (45,2%) в качестве благополучателей выступает молодежь, в особенности лица, не достигшие совершеннолетия. В этой социальной группе респондентами особо были выделены «трудные подростки из неблагополучных семей» (11,1%); несовершеннолетние, освободившиеся из воспитательных колоний (5,5%); дети, оставшиеся без попечения родителей (5,5%). Среди взрослых благополучателей опрошенные выделили лиц, осво-

бодившиеся из мест лишения свободы (8,3%), мигрантов и вынужденных переселенцев (5,5%), малообеспеченных родителей с малолетними детьми (2,8%).

Анкетирование показало, что две трети благополучателей (64%) определяется руководителями благотворительных организаций по собственному усмотрению, при участии представителей учреждений социальной защиты – 14%, органов внутренних дел – 7,2%, образования – 6,8%, совместно с работниками органов здравоохранения – 4,8%, местного самоуправления – 3,2%. Тем не менее, опрошенные руководители благотворительных организаций достаточно критично отнеслись к уровню своего взаимодействия с органами местного самоуправления и государственными структурами. В частности, оценку «удовлетворительно» заслужило состояние взаимодействия с органами внутренних дел и местного самоуправления; как неудовлетворительное оценено состояние взаимодействия с органами образования, здравоохранения и прокуратурой.

Вместе с тем изучение показало наличие практики, когда те или иные благотворительные организации, провозгласив в уставе намерение осуществлять те или иные функции, направленные на предупреждение правонарушений, в действительности в комплексе их не выполняют, ограничиваясь осуществлением одной или двух из них. В этой связи заслуживает внимания межрегиональный общественный фонд социальной безопасности «Правопорядок – Щит», который в своем уставе провозгласил такие задачи, как укрепление безопасности и правопорядка в обществе; содействие установлению в обществе легитимной эффективной системы взаимодействия государственных и негосударственных институтов, работающих в сфере охраны правопорядка, обеспечения безопасности предпринимательства; участие в организации системы поддержки правоохранительных органов путем привлечения материальных и финансовых средств негосударственных организаций; развитие взаимодействия и сотрудничества с негосударственными правозащитными структурами; оказание помощи пострадавшим от стихийных бедствий, экологических, промышленных и иных катастроф, в результате региональных вооруженных конфликтов; содействие духовному развитию человека в сферах просвещения, образования, повышения общего уровня правосознания граждан, пропаганда и распространение общеправовых знаний в целях защиты и реализации конституционных прав граждан. Однако, как оказалось, столь обширные задачи на

практике не выполняются из-за отсутствия достаточных средств и непосильно взятых на себя обязательств.

Оценивая в целом участие благотворительных организаций в деятельности по предупреждению правонарушений, следует признать его недостаточным. В определенной степени это объясняется недочетами действующего законодательства, с другой – слабым интересом со стороны глав местных администраций и руководителей правоохранительных органов к взаимодействию с благотворительными организациями.

Принимая Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», законодатель пытался яркими словами, такими как «добровольность», «свобода выбора целей благотворительной деятельности» создать у неподготовленного общественного деятеля впечатление действительной свободы выбора в деятельности благотворительных организаций. Однако анализ других статей закона показывает, что на самом деле свобода выбора целей благотворительной деятельности и форм ее существования втиснута в «прокрустово ложе» 11 направлений деятельности, перечисленных в ст. 2 этого нормативного правового акта.

Очевидно, что благотворительные и другие некоммерческие организации обладают значительным интеллектуальным, профессиональным и материальным потенциалом, который может быть направлен на профилактику правонарушений, но до сих пор остается невостребованным в полной мере, от чего «проигрывает» все общество. Действующее законодательство Российской Федерации пока еще не создало достаточной правовой базы, нацеленной на активное участие благотворительных организаций в предупреждении правонарушений.

Кроме того, анализ содержания около 300 региональных комплексных целевых программ по усилению борьбы с преступностью и обеспечению правопорядка, принятых за период 1996–2005 гг. в 78 субъектах Российской Федерации и республиканских (краевых, областных) центрах, позволил выявить только 9 документов, в которых были упомянуты единичные мероприятия с участием благотворительных организаций. В их числе оказались программы, принятые в Мордовии, Приморье, Самарской, Томской, Ярославской областях, а также в городах Москве и Саранске.

Основными причинами, оказывающими сдерживающее влияние на распространение практики участия благотворительных организаций в предупреждении правонарушений, на наш взгляд, являются:

отсутствие в действующем законодательстве прямого указания на то, что предупреждение правонарушений является одной из целей создания благотворительной организации, а также допустимости устанавливать специальные льготы материального и нематериального характера, стимулирующие развитие рассматриваемого направления благотворительной деятельности;

отсутствие среди организаторов благотворительной деятельности лиц, имеющих необходимую подготовку для проведения профилактического воздействия на благополучателей для формирования в сознании последних необходимости правопослушного поведения;

отсутствие среди добровольцев, участвующих в проведении благотворительных акций, лиц, имеющих специальную подготовку для оказания профилактического воздействия на контингент благополучателей;

преимущественное создание в средствах массовой информации образа благотворителя как лица, использующего благотворительность для прикрытия своих корыстных намерений, а не решающего посильными средствами и методами благородную задачу помощи ближним.

Вписавшись в развивающуюся рыночную экономику страны, благотворительные организации восприняли как ее положительные, так и отрицательные стороны. Как правильно отметил А.Я. Сухарев, сегодня «главным плацдармом, на котором разворачиваются криминальные сражения, является экономика. Масштабы экономической преступности достигли такого уровня, что они способны определять характер и направления самих реформ»³. Возможность свободно распоряжаться денежными средствами, материальными и иными ценностями привлекает внимание к этой сфере не только добропорядочных граждан, желающих посвятить себя делу милосердия, но и всевозможных правонарушителей. Как показало исследование, благородная миссия благотворительности оказалась удобным прикрытием для функционирования преступных группировок, сбора средств для финансирования терроризма, совершения мошенничества, лега-

лизации денежных средств, нажитых преступным путем, уклонения от уплаты налогов и т.д.

Не секрет, что некоторые благотворительные организации не выполняют по существу функций, определенных их уставами, и занимаются коммерческой и предпринимательской деятельностью с целью получения собственных доходов, используют средства фонда в корыстных целях, не по назначению используют гуманитарную помощь и др. Об этом свидетельствуют не только сообщения средств массовой информации, но и уголовные дела, возбужденные по фактам мошеннических действий и иных преступлений, в том числе заказных убийств руководителей как некоторых известных благотворительных фондов (Национальный фонд спорта, Российский фонд инвалидов войны в Афганистане и др.), так и менее известных (Ассоциация «XXI век» и «Фонд ветеранов спорта им. Л. Яшина» и др.).

Таким образом, подводя итог рассмотрению вопроса о благотворительных организациях как субъекте профилактической деятельности, следует прийти к выводу, что их привлечение к деятельности по предупреждению правонарушений, безусловно, необходимо, поскольку в них трудятся (по утверждению самих благотворителей) около 2% населения, они располагают определенным людским и материальным потенциалом, работают в непосредственном контакте с той частью населения, которая может пойти по правильному пути, если ей в трудной жизненной ситуации вовремя оказать помощь, что имеет огромное превентивное значение. Вместе с тем, при проведении отбора для сотрудничества с правоохранительными органами среди таких организаций, следует тщательно изучать, не скрываются ли под их вывеской лица, которых нужно привлекать не к сотрудничеству в деле предупреждения правонарушений, а к уголовной ответственности.

³ Сухарев А.Я. Криминальная цена экономической реформы: Труды Московской государственной юридической академии. № 1. М., 1997. С. 71.

**Р. Р. Рахимов,
Н. В. Кургаева**
(МВД Республики Башкортостан)

**УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН)**

В последние годы в России сложилась напряженная криминальная ситуация. Наиболее значимые криминогенные факторы продолжают оказывать негативное воздействие на безопасность населения, нормальное функционирование государственных и общественных институтов, состояние правопорядка. Их влияние проявляется в значительном увеличении массива преступлений, совершаемых в общественных местах, продолжающемся росте отдельных видов преступлений, направленных против личности, собственности, разрастающейся криминальной наркотизации населения, повышении опасности экстремистских проявлений, обострении террористической угрозы.

В условиях формирования правового государства и свободного гражданского общества приоритетное направление приобретает создание надежного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности населения, действенной защиты от противоправных посягательств.

Эти задачи можно решить лишь при комплексном подходе с участием, помимо правоохранительных, органов исполнительной власти и местного самоуправления, учреждений здравоохранения и образования, средств массовой информации и, конечно же, непосредственно населения. Именно взаимодействие лежит в основе новой стратегии профилактики преступлений, принятой МВД России по поручению Президента России В.В. Путина, озвученном на заседании Госсовета 26 августа 2005 г.

Многие проблемы, обуславливающие сложность криминальной ситуации, не могут быть разрешены только традиционными милицмейскими способами и методами. Ведь милиция «в нашем обществе всегда была и пока еще во многом остается инструментом, вступающим в действие после свершившегося противоправного дея-

ния»¹. Именно поэтому деятельность по противодействию преступности, осуществляемая только силами правоохранительных органов и без поддержки населения, малоэффективна. Требуется обязательное привлечение других структур, а также местных жителей; у милиции, как и у других государственных органов, чья деятельность направлена на поддержание правопорядка, нет права самоуправления, так как они состоят на службе у населения. В связи с чем привлечение рядовых граждан к работе по профилактике преступлений является одним из самых действенных механизмов, способных обеспечить общественный контроль за правоохранительной деятельностью.

Как показывают социологические исследования, здесь имеются большие потенциальные возможности: практически каждый второй опрошенный россиянин выразил желание оказать посильную помощь в борьбе с преступностью², порядка 80% жителей Башкортостана выражают готовность (безусловную или в определенных случаях) оказать содействие сотрудникам милиции³. Полагаем, что не использовать этот резерв – непозволительная роскошь для органов внутренних дел.

Осознавая это, МВД Республики Башкортостан при поддержке иных органов исполнительной и законодательной власти значительное внимание уделяет привлечению населения к работе по укреплению правопорядка по

месту жительства, охране общественного порядка и профилактике правонарушений.

Эта работа проводится по системе непрерывного профилактического воздействия на правонарушителей. Она регламентирована законом республики от 28 июля 1997 г. «Об общественных формированиях правоохранительной направленности в Республике Башкортостан» и соответствующими постановлениями Кабинета Министров.

¹ Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: Учебник / Под ред. В.Д. Малкова, А.Ф. Токарева. М., 2000. С. 19.

² См.: Аналитический материал о проблемах взаимодействия между милицией и населением. М.: ВНИИ МВД России, 2003. С. 3.

³ См., например: Оценка общественным мнением уфимцев состояния криминальной обстановки в городе и эффективности работы органов внутренних дел: Отчет о результатах исследования под руководством С.В. Егорышева. Уфа, Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права, 2003. 2005.

В осуществлении системы непрерывного профилактического воздействия на граждан особая роль принадлежит социально-профилактическим центрам, которые проводят свою работу по месту жительства граждан. В тесном взаимодействии с участковыми уполномоченными милиции, инспекторами по делам несовершеннолетних, работниками паспортно-визовых служб, жилищно-коммунальными организациями, председателями уличных комитетов и другими заинтересованными ведомствами они осуществляют профилактическую работу по месту жительства граждан, уделяя особое внимание предупреждению правонарушений на бытовой почве. Специалисты социально-профилактических центров, члены общественных формирований вошли в состав рабочих групп по профилактике бытовой преступности, созданных в сентябре-октябре 2005 г. по инициативе прокуратуры и МВД Республики Башкортостан.

На предприятиях и в организациях действуют советы профилактики, основной задачей которых является предупреждение правонарушений со стороны членов коллектива, содействие правоохранительным органам в обеспечении общественного порядка. Советы профилактики работают под руководством администрации и профсоюзных комитетов предприятий. В трудовых коллективах действуют секции по борьбе с пьянством на производстве, предупреждению хищений, индивидуально-воспитательной работы с правонарушителями, правовой пропаганды.

В республике работает более 4 тыс. общественных формирований правоохранительной направленности, насчитывающих в своих рядах свыше 28 тыс. человек. Их деятельность координируют более тысячи социально-профилактических центров. Кроме того, в рамках системы непрерывного профилактического воздействия на правонарушителей функционирует 1 100 товарищеских судов, 1 157 женсоветов, 1 087 общественных инспекций по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

В 11 городах и районах республики созданы рабочие отряды действия милиции общей численностью порядка шестисот человек. В 59 городах и районах созданы добровольные народные дружины из числа специалистов, работников предприятий и организаций. Они участвуют в охране общественного порядка, оказывая помощь органам правопорядка при проведении массовых мероприятий, а также при осложнении оперативной обстановки.

За 10 месяцев 2005 г. с участием общественных формирований правоохранительной направленности в Республике Башкортостан раскрыто 1 812 преступлений, что на 16% больше, чем за аналогичный период прошлого года, задержано свыше 15 тыс. правонарушителей. На заседаниях советов и комиссий обсуждено поведение 19 тыс. лиц, систематически совершающих правонарушения.

Наряду с представителями глав администраций районов (городов), возглавляющих социально-профилактические центры, основная роль в привлечении населения к деятельности по профилактике преступлений принадлежит участковым уполномоченным милиции. Ведь именно они (по определению) лучше других сотрудников знают проживающее на обслуживаемой территории население, оперативную обстановку на своих участках, места пребывания преступных и иных антиобщественных элементов. Именно им легче всего преодолеть анонимность и обособленность, особенно характерную для жителей крупных городов. В то же время участковые облечены властными полномочиями, что определяет их посредническую функцию в общественных конфликтах. Перечисленные качества позволяют участковым уполномоченным милиции эффективно обеспечивать общественное спокойствие, предупреждать и раскрывать преступления.

Вместе с тем приходится констатировать, что большинство жителей республики не знают своих участковых и, соответственно, не спешат поделиться с ними своими проблемами и предложениями. Без доверия населения к правоохранительным органам и, в первую очередь, к участковому милиционеру, задачи, поставленные перед органами внутренних дел министром внутренних дел России Р.Г. Нургалиевым по вовлечению граждан в работу по предупреждению правонарушений, не решить.

Поэтому по инициативе МВД РБ в течение двух месяцев в республике проходила акция «Здравствуйте, я Ваш участковый уполномоченный милиции!». В период проведения акции участковые уполномоченные осуществляли квартирный обход, вручали гражданам визитные карточки, разъясняли правомерные способы защиты жизни, здоровья и имущества от противоправных посягательств. Акция широко освещалась в средствах массовой информации. Большинство мероприятий такой акции носит постоянный характер. По окончании акции каждый житель республики должен знать своего участкового в лицо, чтобы в случае необходимости обратиться за помощью. Рес-

публиканские органы внутренних дел рассчитывают, что население более охотно будет оказывать милиции содействие в предупреждении и раскрытии преступлений.

Следует отметить и такую новую для российской милиции форму участия общественности в правоохранительной деятельности, как общественные советы при органах внутренних дел. МВД Башкортостана одним из первых в России осознало необходимость деятельности этих организаций. Они были созданы в декабре 2004 г. при министерстве, а затем и при горрайорганах. В настоящее время при ОВД Башкортостана функционирует 70 общественных советов. В их состав вошли представители органов законодательной, исполнительной, судебной власти, творческой интеллигенции, общественных, в том числе правозащитных организаций, средств массовой информации. К деятельности общественных советов привлекаются консультанты из числа руководителей подразделений министерства, горрайорганов внутренних дел.

На заседаниях общественных советов представителям общественности разъясняется позиция МВД по наиболее острым вопросам, принимаются решения о совместных конструктивных действиях, в том числе и по профилактике правонарушений.

Наряду со своей основной функцией по контролю за соблюдением органами внутренних дел прав и свобод граждан, советы взаимодействуют с государственными, в том числе правоохранительными органами по проблемам совершенствования законодательной базы, регулирующей вопросы противодействия нарушениям прав и свобод человека, участвуют в разработке концепций и программ по наиболее актуальным вопросам деятельности ОВД в области обеспечения защиты прав человека.

Так, членом общественного совета профессором М.М. Утяшевым разработана памятка для сотрудников милиции, работающих с заявлениями о фактах семейно-бытового насилия. По рекомендации общественного совета данная памятка в настоящее время используется в оперативно-служебной деятельности горрайорганов внутренних дел.

Проводимая органами внутренних дел Башкортостана работа по профилактике преступлений в жилом секторе во взаимодействии с общественными формированиями правоохранительного характера позволила значительно стабилизировать ситуацию с так называемой бытовой преступностью. Своевременно выявлено и пресечено почти 4 тыс. бытовых преступлений двойной превенции. В результате это-

го на 3,6% снизилось количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве.

В то же время ряд проблем не позволяет в полной мере реализовать имеющийся потенциал для эффективной профилактики преступлений. Вступивший в силу в мае 1995 г. федеральный закон «Об общественных объединениях» отменил действовавшие в советское время нормативные акты о добровольных народных дружинах, общественных пунктах охраны правопорядка, комиссиях по профилактике. Отсутствие федеральной законодательной базы, регламентирующей как осуществление профилактической работы в целом, так и участие населения в деятельности по профилактике преступлений, сдерживает развитие этого важного общественного института. Данное обстоятельство способствует и некоторой односторонности профилактической работы, осуществляемой милицией во взаимодействии с населением. Профилактическое воздействие направлено лишь на потенциального (реального) правонарушителя и практически не использует имеющиеся резервы ситуационной и виктимологической профилактики, крайне актуальной в условиях больших городов при высокой степени анонимности и миграционной активности жителей.

Для повышения эффективности использования всего спектра профилактических мер МВД РБ в сентябре 2005 г. в инициативном порядке разработало и направило в прокуратуру республики проект закона «О профилактике преступлений в Республике Башкортостан» для доработки и последующего внесения на рассмотрение Государственного Собрания – Курултая. Его принятие нормативно закрепит сферу ведения субъектов профилактической деятельности Республики Башкортостан по всем ее направлениям.

В заключение следует отметить, что усилия органов внутренних дел по привлечению населения к работе по профилактике преступлений не должны ограничиваться простыми призывами к людям – стать ближе друг к другу. Это сложная и деликатная задача, требующая проведения нормативных, экономических и психологических мероприятий, решение которой сегодня крайне необходимо. Совпадение государственных и личных интересов граждан в обеспечении безопасности и снижении количества правонарушений является хорошим стимулом для осуществления взаимодействия, в конечном счете – повышения эффективности противодействия преступности.

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УВД ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ
И ВОСПИТАНИЮ НАСЕЛЕНИЯ
В ЦЕЛЯХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

Происшедшие за последние годы изменения в жизни общества привели к пересмотру существующего законодательства, принятию целого ряда основополагающих нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы деятельности государства. Наряду с этим заметно осложнилась криминогенная обстановка, сопровождающаяся ростом преступности, незаконного оборота наркотиков, все более активным вовлечением в противоправную деятельность несовершеннолетних и молодежи.

Этому во многом способствует низкая правовая культура значительной части населения, что наблюдается и во Владимирской области. У многих граждан отсутствует уважение к закону, как основному условию жизнедеятельности общества. Следует отметить низкий уровень состояния системы правового просвещения, обучения и воспитания, что напрямую связано с недостаточным использованием в этих целях потенциала правоохранительных, контролирующих органов, высших учебных заведений, правозащитных организаций.

Все вышеназванные факторы способствовали формированию сложной непростой обстановки в области. Число ежегодно регистрируемых преступлений составляет в среднем 27–30 тыс., фиксируется порядка 300 убийств, 500 случаев причинения тяжкого вреда здоровью (как правило, со смертельным исходом), более 2 тыс. грабежей и разбойных нападений. Каждый день от насилия в области погибает по 1–2, а иногда – и более человек. Примерно аналогичная динамика прослеживается при гибели людей на дорогах под колесами транспорта и на пожарах. Практически не сокращается воровство в самых различных его проявлениях – от элементарных краж из подвалов, сараев, магазинов до квалифицированных, серийных, промышленных преступлений, таких как квартирные, автомобильные кражи, сматывание километров проводов, «набеги» на дачные массивы, в результате чего десятки или даже сотни людей становятся пострадавшими. К этому в последнее десятилетие добавились очень серьезные проблемы, связанные с преступлениями террористического характера, детской беспризорности, незаконной миграции и неза-

конного наркооборота. Результаты исследований, проведенных в рамках областной антинаркотической программы, показывают, что распространенность наркомании за последние 3 года возросла в 2,7 раза, а среди подростков – в 4,5 раза, что вызывает особую тревогу. Почти все названные виды преступлений, как правило, являются групповыми, совершаются с предельной жестокостью, а мотивами их становятся примитивные корысть и хулиганство. В целом, основная доля преступлений совершается абсолютно неосведомленными в правовом плане субъектами и, зачастую, в достаточно тривиальных, событийных условиях.

В 2005 г. выявлено также более 200 тыс. нарушений административного характера – хулиганств, правонарушений, связанных с употреблением спиртных напитков, паспортно-визовых правил, а также в секторе торговли.

Сложившееся положение обусловило необходимость создания в области единой системы правового просвещения и воспитания населения в целях профилактики правонарушений, консолидации усилий органов государственной власти, местного самоуправления, учреждений образования, культуры, социальной защиты населения, средств массовой информации, правоохранительных и контролирующих органов в работе по пропаганде правовых знаний, а также по формированию у населения области должного правового сознания и юридической культуры.

В настоящее время трудно отследить все новации в правовом регулировании, порой даже специалистам бывает сложно разобраться в изменениях законодательства. Однако, уровень правового сознания, правовой культуры, как показывают небольшие выборочные опросы, которые проводились в области в целях более углубленного и полноценного исследования состояния правовой осведомленности граждан (для постоянного мониторинга нет средств), характеризуется подчас незнанием элементарных понятий. Опрос в молодежной среде показал, что более 30% респондентов не могут ответить, что является основным законом, порядка 45% не имеют понятия о том, какую уголовную ответственность влечет определенное противоправное деяние. Несмотря на достаточное освещение правовых вопросов в учебных заведениях, свыше 60% опрошенных вообще не знакомы даже с такой формулировкой, как «права и обязанности несовершеннолетних».

На наш взгляд, проблема состоит не только в ограниченности и хаотичности предоставления информации по данным аспектам, но и в недостаточно компетентном разъяснении рассматриваемых вопро-

сов. Школьному учителю, например, бывает сложно во всех подробностях осветить такую тему, как «порядок и условия исполнения наказаний».

Вместе с тем профилактический же эффект от бесед, которые проводят в настоящее время по правовым вопросам представители управления исполнения наказаний Владимирской области, по отзывам самих слушателей, мощнейший.

Это явилось предпосылкой для того, чтобы еще с 2002 г. управление внутренних дел Владимирской области на уровне областной администрации и Законодательного собрания вышло с обсуждением вопроса о возможности решения проблемы правового просвещения и воспитания населения в комплексе. Ранее такие вопросы в определенной степени решались в рамках комплексных правоохранительных программ, на основе того опыта систематизировали подходы и в этой работе. Таким образом, по сути УВД области стало основным разработчиком областной целевой программы «Правовое просвещение и воспитание населения», в то же время переживая достаточно сложный период реформирования и адаптирования к новому УПК РФ и участвуя одновременно в федеральном эксперименте.

Программа «Правовое просвещение и воспитание населения» (далее – Программа) действует во Владимирской области с 2003 г. и включает в себя, в первую очередь, мероприятия по совершенствованию правового обучения в учебных заведениях, меры улучшения правового просвещения граждан, задачи правовой пропаганды в средствах массовой информации, издательскую работу по вопросам правового просвещения, методическое обеспечение. Немаловажно, что заложенные в Программу мероприятия подкреплены пусть и небольшим (учитывая достаточно ограниченные возможности областного бюджета), но реальным финансированием. Средства, в основном, идут на издательскую деятельность, публикацию различных методик. Много внимания в рамках Программы уделено проведению круглых столов, семинаров, конкурсов, общественных акций. К примеру, недавно, 30 ноября 2005 г. на базе областной научной библиотеки состоялся очередной круглый стол, посвященный актуальным вопросам противодействия наркомании и незаконному наркообороту.

Исполнители Программы – УВД и другие правоохранительные органы, департаменты и отделы областной администрации, комитет по молодежной политике, органы местного самоуправления. К участию в подобных мероприятиях привлекаются также областные средства массовой информации, представители судебных инстанций,

преподавательский состав вузов, общественные организации правоохранительной и правозащитной направленности. С 2003 г. в рамках Программы был создан координационный совет по вопросам взаимодействия в сфере правового просвещения. Сайт, где публикуются официальные материалы совета, анонсы семинаров, различных акций, других мероприятий, библиография новых методических рекомендаций, периодических изданий предоставила областная администрация.

С 2004 г. управление внутренних дел Владимирской области имеет собственный сайт, который пользуется успехом, причем в немалой степени и за счет публикации ответов на актуальные вопросы правовой сферы, комментариев конкретных ситуаций. Существует также текущий мониторинг законодательства, обратная связь с населением, что позволяет задать свой собственный вопрос, оставить свои пожелания и предложения. Серьезную помощь в этой работе оказывают средства массовой информации области как печатные, так и электронные. Следует особо отметить регулярно выходящую в эфир передачу «Право», организованную с 2003 г. на областном телевидении при нашем непосредственном участии. Для широкого круга читателей совместно с Владимирским юридическим институтом ФСИН России и Владимирскими университетами издается «Юридический вестник», в котором освещаются самые актуальные правовые вопросы.

При разработке Программы были приложены максимальные усилия с целью более глубокого и всестороннего изучения нужд всех слоев населения, возрастных категорий, учета рода занятий и даже настоящего местонахождения. Совместно с областным комитетом государственной статистики была проведена определенная работа, в процессе которой обобщались предложения различных ведомств и проводились мониторинги публикаций СМИ. Была предусмотрена также тематика для пенсионеров, которые, согласно статистике, составляют 33% населения области, для предпринимателей, для безработных и для заключенных (пенитенциарных заведений в нашем сравнительно небольшом регионе расположено немало).

И все же основной акцент Программы сделан на правовом обучении молодежи, которая требует к себе особого отношения. К сожалению, забота о молодых людях в настоящее время оставляет желать лучшего. Однако, в учебных заведениях области, в рамках Программы, представителями органов внутренних дел, суда, прокуратуры, органов соцзащиты и образования проводятся циклы лекций по гражданскому и уголовному праву, основам трудового законода-

тельства. Только сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних УВД области провели в этом году в учебных заведениях порядка двух с половиной тысяч лекций. Как было отмечено ранее, особой популярностью пользуются темы: права и обязанности несовершеннолетних, основы привлечения к уголовной и административной ответственности, порядок и условия исполнения уголовных наказаний.

В определенной степени такая работа проводилась уже несколько лет, в свою очередь, Программа помогла ее систематизировать, дала определенный толчок развитию типовых методик, позволила более широко привлекать к работе по правовому просвещению специалистов. Кроме того, ряд мер, направленных на правовое воспитание молодежи, очень удачно вошли в еще одну целевую региональную программу – «Дети Владимирской области».

Тем не менее, в этой сфере есть уже опробованные и положительно зарекомендовавшие себя формы работы УВД области, которые по-прежнему продолжают и развиваются, в определенной степени дополняя областные программы.

Например, ежемесячное проведение «горячей» телефонной линии начальника и руководства УВД является, с одной стороны, удачной формой индивидуальной просветительской работы, с другой – за счет анализа наиболее часто звучащих вопросов и проблем корректирует обучающие программы, тематику специализированного издания (выше упомянутый «Юридический вестник») и выступлений в областных СМИ. Материалы для этого готовятся отделом правового обеспечения УВД совместно с отделом информации и общественных связей, а также подразделениями ПВС, ПДН и экономико-налоговым блоком совместно с отделом по борьбе с правонарушениями на потребительском рынке, и ГИБДД. Многие вопросы решаются во взаимодействии с другими правоохранительными органами, департаментами и отделами обл администрации.

Одним из приоритетных направлений деятельности УВД является усиление действия института прямой и обратной связи с населением области. В этих целях, а также в интересах нейтрализации социального напряжения и укрепления доверия граждан к органам внутренних дел, с апреля 2005 г. в УВД работает телефон доверия, по которому осуществляется прием сообщений граждан.

В целях правового воспитания и просвещения населения в области безопасности дорожного движения УГИБДД УВД в тесном взаимодействии с областными департаментами образования, здравоохранения и другими заинтересованными организациями проводится

целенаправленная работа. На основании подробного анализа регулярно готовится и направляется в департаменты образования и здравоохранения информация о состоянии детского дорожно-транспортного травматизма с предложениями по работе с подростками и обзоры в подразделения ГИБДД горрайорганов области.

Население области через СМИ постоянно информируется о фактах дорожно-транспортных происшествий с разбором причин аварий и рекомендациями по их недопущению. В печатных изданиях периодически проводятся семейные конкурсы знатоков правил дорожного движения. Государственной инспекцией безопасности дорожного движения были опробованы многие хорошо зарекомендовавшие себя формы работы, использованные при разработке целевой Программы правового просвещения.

Это касается, в первую очередь, работы с подростками: для них организуются конкурсы, слеты, семинары, фестивали, действуют агитбригады. В целях профилактики ДТП периодически издается и распространяется печатная продукция и учебные фильмы по БДД (в том числе памятки водителю, буклеты с информацией о работе ГИБДД и нормах административного законодательства).

С ноября 2004 г. начал функционировать официальный сайт ГИБДД Владимирской области, на котором размещена информация о состоянии аварийности на дорогах области, проводимых профилактических мероприятиях и акциях. Он помог осуществить обратную связь с населением – участники дорожного движения могут задавать интересующие их вопросы, оставлять свои пожелания и предложения по координации деятельности службы.

Организован выпуск информационных бюллетеней о состоянии аварийности в области для распространения в учреждениях и предприятиях, где сотрудниками ГИБДД периодически проводятся встречи с работниками этих организаций.

Одним из особых направлений просветительской работы является профилактика терроризма и экстремизма. Она ведется совместно с УФСБ, УИН, ГУ ГОЧС, при этом учитывается ограниченность доступа к методическим рекомендациям по правовому просвещению в этой сфере. По инициативе УВД в прошлом году был организован и проведен круглый стол по проблемам экстремизма. С учетом прозвучавших предложений УВД был подготовлен и проведен цикл лекций в учебных заведениях области на тему: «Экстремизм в России: понятие, виды, способы противодействия».

Следует отметить, что органы внутренних дел за последние годы сделали важный шаг к большей открытости и доступности. Безус-

ловно, все предпринятые попытки органов правоохранительной направленности Владимирской области наладить взаимодействие с населением способствуют стабилизации обстановки в регионе. Одним из факторов устойчивости, по нашему мнению, является восстановление деятельности общественных формирований и участия их в работе по правовому просвещению. В настоящее время в этом направлении работа развивается мощнее, чем 3–5 лет назад, причем, на всех уровнях – от губернатора до глав муниципальных образований. В регионе реально действует уже 78 добровольных дружин, 113 комитетов общественного самоуправления. С участниками правоохранительных общественных формирований проводятся регулярные занятия, они обеспечиваются методиками.

Такая практика существует, например, в одном из городов нашей области – Муроме. Там достаточно четко отлажена деятельность комитетов общественного самоуправления.

В этом году действие областной Программы правового просвещения и воспитания населения заканчивается, подводятся итоги по ее реализации. Вместе с тем, в стадии окончательной доработки находится проект нового документа, который станет основой для продолжения деятельности организаций, проводивших мероприятия в рамках предыдущей Программы.

Можно сказать, что Программа по правовому просвещению и воспитанию населения была оптимальной, охватывала практически все аспекты – от нормотворчества до вопросов материально-технического обеспечения. Подсчитать бюджетную эффективность результатов действия Программы не представляется возможным, но надо помнить, что отдача от вложенных средств – это, прежде всего, предотвращенные преступления, поэтому затраты на эти цели себя оправдывают. В настоящий момент для эффективного действия нынешней Программы и дальнейшего продолжения работы по ее основным направлениям существуют два препятствия – проблемы финансирования и обеспечения специалистами кадрового состава, – не позволяющие в полной мере и конструктивно использовать весь потенциал. Тем не менее, в регионе продолжается начатая в 2002 г. работа по правовому просвещению и воспитанию населения.

Т. К. Акимжанов,
кандидат юридических наук, доцент
(МВД Республики Казахстан)

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОИСКА НОВЫХ ПУТЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

При выборе форм и методов противодействия следует учитывать особенность организованной преступности, которую очень правильно подметила известный российский ученый-криминолог А.И. Долгова, как стремление опираться на институты государства и общества, использовать их в своих целях. При этом она отмечает, что криминальная деятельность тесно переплетается с легальным предпринимательством, иной допустимой и даже поощряемой обществом деятельностью, что создает трудности вычленения собственно деятельности этих организаций и реагирования на нее, не вызывая недовольства у части населения. Отмечается также тщательная конспирация, опережение законодателя и умелое использование его просчетов, активное предупреждение нежелательных правовых решений¹.

Учитывая социально-экономические аспекты организованной преступности, главным, на наш взгляд, направлением борьбы с ней является комплексная профилактика², причем на различных уровнях (общесоциальном, специально-криминологическом, индивидуальном).

Еще в эпоху зарождения теории профилактики преступлений известный советский ученый А.Б.Сахаров отмечал, что самим понятием «профилактика преступлений» главным образом обозначается определенная система социальных мер и видов деятельности, направленных на устранение и нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений. Эти меры принято разграничивать на меры общесоциального уровня

¹ См., подробнее: Долгова А. И. Криминология. М., 1997. С. 56.

² В литературе и нормативных актах употребляются различные понятия «предупреждение», «предотвращение», «профилактика», «превенция» преступности и др. По мнению ряда авторов, эти термины идентичны по своему содержанию. См.: Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький: ВШ МВД СССР, 1975. С. 104; Теоретические основы предупреждения преступности / Под ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочкова, Г.М. Миньковского. М.: Юрид. лит., 1997. С. 42; Криминология. М.: Юрид. лит., 1979. С. 124 и др. Данную позицию мы полностью разделяем и в дальнейшем изложении термины «профилактика и предупреждение» будут употребляться как синонимы.

(общесоциальная профилактика) и специально-криминологического уровня (специальная профилактика).

Первый уровень охватывает мероприятия экономического, политического, идеологического, правового характера, обеспечивающие интенсивное развитие общества. Способствуя развитию общественных отношений в различных сферах жизни социума, не имея специальной направленности, они предназначены для решения проблемы борьбы с преступностью и служат основой эффективности применения специальных криминологических мер предупреждения преступных проявлений. А меры специально-криминологического уровня призваны целенаправленно устранять конкретные криминологические факторы, предупреждение преступности составляет их основное, а в ряде случаев и единственное содержание³.

Комплексная профилактика организованной преступности – широкая общегосударственная задача социального характера. Научные основы теории предупреждения преступлений, совершаемых организованными группировками, созданы в результате многочисленных исследований проблемы борьбы с преступностью в различных сферах экономики и социальной жизни, разработки методов и средств ее профилактики. В криминологии уже давно сложилось понятие предупреждения преступлений как совокупности различных взаимосвязанных мер, проводимых государственными органами для предотвращения преступлений и устранения порождающих их причин⁴.

³ См.: Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступности / Советское государство и право. 1972. № 11. С. 69.

⁴ См.: Марцев А. И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975; Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР // Вопросы теории. Львов, 1976; Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980; Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1975; Алексеев А.И., Сахаров А.Б. Проблемы преступлений и их устранение органами внутренних дел: Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1982; Блувштейн Ю.Д. Система субъектов и тактика профилактики правонарушений: Лекция. М.: Академия МВД СССР, 1980; Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990; Долгова А.И. Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы. 1997; Зудин В.Ф. Социальная профилактика преступлений. Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов: Из-во Саратовского ун-та, 1983; Жалинский А.Э., Костицкий М.В. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация. Львов: Вища школа, 1980; Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Юрид. лит., 1976; и др.

В Казахстане с первых дней объявления себя суверенным государством началась активная борьба по противодействию организованной преступности.

По мнению ведущего казахстанского ученого-процессуалиста М.Ч. Когамова, этот процесс берет начало с 16 февраля 1991 г., когда в УПК Казахской ССР впервые появилась норма (ст. 30–2), регламентирующая обязанность органов расследования, прокурора и суда принимать меры к обеспечению безопасности участников процесса и иных лиц⁵.

По нашему глубокому убеждению борьба с организованной преступностью не должна сводиться лишь к выявлению и обезвреживанию организованных преступных групп. Этот процесс должен предполагать более широкие и масштабные мероприятия, реализация которых способствовала бы не только ликвидации конкретных преступных формирований, но и устранению причин и условий, способствующих их функционированию.

К сожалению, как показывает практика борьбы с организованной преступностью, в государствах – участниках СНГ противодействие государства направлено в основном на низший и в незначительной мере средний уровни организованной преступности, а большая часть среднего уровня и весь высший уровень остаются по многим причинам вне сферы воздействия.

Вместе с тем в Казахстане со стороны государства принимаются активные меры по созданию благоприятных условий для противодействия организованной преступности, но, к сожалению, самой борьбы, судя по выступлениям главы государства по проблемам борьбы с преступностью⁶, не происходит.

Эффективность профилактического воздействия на организованную преступность зависит от многих условий. К ним можно отнести:

достоверность и полнота оценочных категорий (количественные и качественные показатели преступности);

целостное представление об объектах профилактического воздействия, т. е. организованной преступности;

наличие необходимых сил и средств для профилактического воздействия;

научная обоснованность и выполнимость планируемых мероприятий.

⁵ См.: Когамов М.Ч. Предварительные расследования уголовных дел в Республике Казахстан: состояние, организация, перспективы. Алматы, 1998. С. 127.

⁶ См.: Назарбаев Н.А. Сила нашего государства заключается в том, что оно открыто называет свои недостатки // Казахстанская правда. 2000. 21 апр.

Оценка эффективности профилактической деятельности организованной преступности позволяет не только проникнуть в «технологии» управления объектом профилактического воздействия, выявить дополнительные особенности организованной преступности, но и оптимально определить и установить стоимость общих затрат на профилактическую работу.

Вместе с тем эффективность профилактики организованной преступности на всех ее уровнях оценить крайне затруднительно, так как необходимы критерии оценки. Это можно сделать лишь на ее среднем и низшем уровнях.

По причине отсутствия четкого представления об объекте профилактического воздействия, в качестве которого выступает организованная преступность, в правоохранительной практике, как правило, профилактическая деятельность осуществляется и оценивается только исходя из общих соображений о влиянии на состояние преступности тех или иных причин и условий. Практически не подвергается анализу эффективность тех или иных планируемых конкретных профилактических мер. Хотя следует признать, что проблема оценки эффективности профилактической деятельности достаточно полно исследовалась как российскими, так и казахстанскими учеными⁷. Однако следует отметить, что вопросы о показателях и критериях эффективности профилактики преступлений, а тем более об особенностях профилактики организованной преступности, о профилактике преступлений в различных сферах жизни и экономики до настоящего времени не подвергались детальному изучению и остаются, как и проблемы самой организованной преступности, дискуссионными.

⁷ См.: Ананич В.А. Особенности повышения эффективности предупреждения преступлений органов внутренних дел в крупных городах. Минск, 1986; Джанашия Д.П. Криминологические основы организации руководства профилактической деятельности правоохранительных органов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; Криминологические и организационно-управленческие проблемы борьбы с преступностью. М., 1991; Еремичев И. А. Структура деятельности сотрудников полиции по профилактике преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; Портнов И.П. Профилактика преступлений в полицейской практике // Государство и право. 1995. № 10; Миндагулов А.Х. Научные основы управления в сфере профилактики преступлений: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 15; Алексеев А.И., Солопанов Ю.В. Криминологическая характеристика и профилактика рецидивной преступности: Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1982; и др.

Как известно, показатели эффективности выполнения профилактических мероприятий, благодаря которым дается оценка всей проделанной работы, осуществляемой в процессе постоянного анализа и учета служебной деятельности по определенным, заранее установленным критериям, нуждаются в постоянном совершенствовании и корректировке. В этом как раз и выражается эффективность организации профилактики организованной преступности. Не зная четких критериев оценки деятельности, нельзя ее измерить, а тем более оценить.

Издержками нашей правоохранительной системы является то, что получаемая информация в целом о преступности и об организованной преступности, в частности, в основном собирается и не подвергается глубокому анализу.

Отсутствие научного обеспечения практической деятельности органов внутренних дел привело к тому, что в МВД, ДУВД-ДВД областей, ДВДТ Республики Казахстан не на должном уровне находятся аналитическая работа, факторный анализ преступности и прогнозистическое направление. В результате работа органов внутренних дел осуществляется практически вслепую и сведена к примитивному анализу количественных показателей преступности, который проводится только за текущий и прошлый годы, а вся основная статистика преступности, ее качественные характеристики не анализируются и мертвым грузом ложатся ежегодно в отчеты ОВД.

Методики анализа преступности МВД до сих пор не разработаны, научные методы (математические, социологические и др.) анализа деятельности ОВД в борьбе с преступностью не применяются.

Органы внутренних дел не получают научных рекомендаций, реализация которых позволила бы значительно улучшить работу оперативно-следственных подразделений в первую очередь, а также остальных служб.

Следствием данного положения является то, что нет обратной связи информации и правоохранительной деятельности, т. е. информация накапливается сама по себе, а профилактическая деятельность и противодействие организованной преступности не связаны с собранной информацией.

Такой вывод был сделан Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в выступлении на совещании по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией 19 апреля 2000 г. В частности, им было сказано, что «весь Южный регион знает и жутко боится преступную

группировку «Четыре брата». Они незаконно терроризируют население уже почти десять лет, а вы все с ними боретесь. Аналогичные преступные сообщества контролируют Восточный, Западный и Северный регионы страны. Порой возникают даже сомнения в вашем желании бороться с ними, может они просто откупаются. Доклады-вают, что на оперативном учете органов внутренних дел стоит столько-то преступных авторитетов. Они у вас годами состоят на учете и продолжают совершать преступления. Убит основной свидетель по делу банды «Рыжего Алмаза» Ким, потерпевший по делу банды «Четыре брата» Мухлисов. Масса случаев запугивания и подкупа свидетелей и потерпевших. Разве это не вызов правоохранительным органам? Почему, если вы уверены, что он преступник, не привлекаете к ответственности?»⁸.

Говоря о профилактике организованной преступности как о главном направлении борьбы с ней, ее можно рассматривать и как профилактику всей преступности в трех аспектах. Во-первых, как правоприменительную деятельность, т. е. профилактика преступлений здесь выступает как правовое положение субъектов профилактики, реализуемое через их полномочия, закрепленные в законе и нормативных актах. Во-вторых, профилактика преступлений представляет собой систему правоотношений, возникающих между субъектом профилактики и объектом профилактического воздействия. В-третьих, профилактику преступлений имеет смысл рассматривать как деятельность вообще⁹.

В литературе при анализе профилактики преступлений как деятельности вообще принято определять ее как процесс недопущения преступлений, выступающий в виде совокупности различных взаимосвязанных между собой мер, проводимых как государственными, так и общественными организациями, или как осуществление системы государственных и общественных мер.

Учитывая транснациональный характер современной организованной преступности, следует принимать во внимание, что и планируемые профилактические мероприятия должны также носить характер международного сотрудничества.

И это не случайно. Организованная преступность самым своим

транснациональным характером подталкивает субъектов организованной преступности к международному сотрудничеству. Поэтому противостоять международной преступности можно лишь в условиях тесной координации правоохранительных органов различных стран¹⁰. Данный союз уже сам по себе является весьма эффективным профилактическим средством в отношении организованной преступности.

Как показывает практика, взаимодействие с правоохранительными органами зарубежных стран происходит в виде рабочих встреч, конференций и консультаций, в форме систематического обмена служебной информацией, проведения совместных широкомасштабных мероприятий и операций, работы в пограничных пунктах перехода на железных дорогах, воздушном и железнодорожном транспорте.

В настоящее время, несмотря на различия в подходах к определению преступной деятельности и борьбе с ней, государства стали уделять большое внимание вопросам международного сотрудничества в этой области. Так, например, 21–22 апреля 2005 г. состоялось очередное заседание Совета министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств, в котором приняли участие МВД Азербайджанской Республики, полиции Республики Армения, министерств внутренних дел Республики Беларусь, Грузии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Украины, а также директор Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ генерал-лейтенант милиции А.В. Боков, первый заместитель руководителя Антитеррористического центра государств-участников СНГ генерал-майор Б.С. Сарсеков, представители исполнительного комитета Содружества Независимых Государств¹¹.

В работе заседания также участвовали генеральный директор Международной организации по миграции господин Брунсон МакКинли, специальный представитель действующего

⁸ Казахстанская правда. 2000. 21 апр.

⁹ См.: Акимжанов Т.К. Взаимодействие инспекций по делам несовершеннолетних и оперативных комсомольских отрядов дружинников в профилактике правонарушений: Учебное пособие. Караганда, 1989. С. 13.

¹⁰ См., например: Яблоков Н.П. Транснациональная организованная преступность и некоторые формы международного сотрудничества в борьбе с ней / Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2001. № 4. С. 17–25.

¹¹ Протокол заседания Совета министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств 22 апреля 2005 года. Минск.

Представителя ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми госпожа Хельга Конрад, руководитель Бюро стран Европы, Западной и Центральной Азии Департамента оперативной работы Управления ООН по наркотикам и преступности господин В.Г. Феноптов.

Как известно, в 80-е годы данное направление было настолько актуальным, что некоторые ученые стали считать необходимым принятие закона о профилактике¹². Затем профилактика ушла на второй план и постепенно стала забываться.

По нашему мнению, именно в борьбе с организованной преступностью, учитывая ее латентный характер, нужны в первую очередь профилактические меры воздействия. Зарубежные эксперты считают, что воздействие на организованную преступность, учитывая ее латентность, осуществляется в основном опосредованно. Практически борьба ведется вслепую.

Известный российский ученый Г.М. Миньковский, отмечая, что предупреждение организованной преступности (преступлений), как направление профилактической деятельности, предполагает:

четкую концептуальную и понятийную характеристику этой преступности и борьбы с ней в современный период;

достаточную правовую базу; специализацию кадров, ведущих борьбу с этой преступностью, и их подготовку;

достаточное ресурсное обеспечение, современную информационную базу;

комплексное программирование, знание реального состояния и тенденций организованной преступности, обоснованные прогнозные оценки¹³.

Исходя из перечисленных направлений профилактики организованной преступности, можно увидеть, что в Казахстане в настоящее время созданы не все условия для эффективной борьбы с нею. До сих пор учеными-криминологами республики не определены концептуальная и понятийная характеристики организованной преступности. Этого нет даже в России и дальнем зарубежье. Причины данного положения кроются в следующем.

¹² См.: Миндигулов А.Х. Научные основы управления в сфере профилактики преступлений: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1990.

¹³ См.: Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 268.

Это лишняя политизация науки криминологии (отрицание наличия организованной преступности в бывшем СССР); перекосы в уголовной политике (провозглашение в конце 50-х годов об окончании борьбы с бандитизмом); смещение понятий «организованная преступность» и «организованность в преступности» и многое другое.

Кроме того, отсутствует достаточная правовая база, регламентирующая вопросы борьбы с организованной преступностью. Имеющееся законодательство только создает для нее условия, а самой борьбы как таковой не ведется.

Обеспечение эффективной борьбы с организованной преступностью во многом связано с надлежащим правовым регулированием противодействия преступности, эффективной деятельностью правоохранительных органов. За последнее время приняты и введены в действие ряд важных законодательных актов: новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан, закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие, которые даже с учетом имеющихся просчетов и недостатков представляют собой определенный шаг вперед в законодательном регулировании процесса противодействия преступности в целом и экономической преступности, в частности.

Принятие блока экономических законов позволит урегулировать сферу экономических отношений и исключить условия для хищений и коррупции. Для обеспечения эффективной профилактики организованной преступности нужно, во-первых, концептуально определить основные векторы противодействия. К ним можно отнести три взаимосвязанных направления развития законодательства: борьбу с организованной преступностью, борьбу с коррупцией, меры по отмыванию преступных доходов. По каждому из этих направлений в многочисленных публикациях, появившихся за последнее десятилетие, т. е. с момента официального признания факта существования в бывшем СССР, равно как и в Казахстане, организованной преступности, высказано немало важных предложений и рекомендаций, часть из которых уже реализована на законодательном уровне.

Однако главным документом в этом вопросе должен быть закон о профилактике и противодействии организованной преступности. Основное назначение данного нормативного акта должно сводиться к выполнению роли фундамента, на котором

должны устанавливаться другие законы, предусматривающие меры всестороннего противодействия организованной преступности и определения роли и места в данном противодействии каждого субъекта профилактики.

Не менее важно другое. В связи с особенностями организованной преступности в сфере экономики адаптироваться к различным условиям, поскольку она чутко реагирует на все угрозы своему существованию, проистекающие из усилий государства взять ее под контроль, ужесточение принимаемых мер не должно сводиться лишь к механическому привлечению к уголовной ответственности за совершение определенных преступлений. Принятие одних запретительных мер может привести к перегруппировке в криминальной деятельности: появлению новых каналов отмывания доходов, усилению конспирации, появлению специальных структур собственной безопасности, поиску новых контактов в коридорах власти и т.д. Закон о профилактике и противодействии организованной преступности должен быть нацелен на создание условий по:

- повышению роли государства и его соответствующих инстанций по преодолению влияния организованной преступности в сфере экономической деятельности на процессы законотворчества;

- повышению требований к принимаемым законодательным актам и ответственности к их разработчикам;

- обеспечению поиска нетрадиционных форм и методов противодействия организованной преступности, учета положительного отечественного и зарубежного опыта решения этих проблем;

- созданию сбалансированной системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем;

- кадровому обеспечению подразделений, ведущих борьбу с организованной преступностью.

Выделение последнего направления, связанного с подготовкой кадров, нами сделано не случайно. Специализация кадров, ведущих борьбу с организованной преступностью, в МВД РК, к сожалению, отсутствует. Ни в одном учебном заведении системы МВД РК кадры для этой сферы не готовятся, а изучаемая тема «Организованная преступность» в рамках предлагаемой дисциплины «Криминология» в объеме 6–8 часов явно недостаточна,

так как носит чисто информационный характер.

Подготовку кадров для подразделений по борьбе с организованной преступностью можно осуществлять в двух направлениях:

- 1) ввести специализацию и обеспечить подготовку в течение 4–5 лет по очной форме обучения;

- 2) путем переподготовки сотрудников из других служб.

Курсы повышения квалификации и переподготовки для подразделений, ведущих борьбу с организованной преступностью, проводятся силами центрального аппарата и сводятся к обмену опытом, а учебные или познавательные цели не ставятся.

Следовало бы на подготовку кадров обратить более серьезное внимание. Для этого необходимо предусмотреть в типовых учебных планах специальные курсы в объеме 50–60 часов по изучению организованной преступности с введением экзамена при выпуске.

Для сотрудников подразделений по борьбе с организованной преступностью целесообразно планировать курсы переподготовки (при перемещении из других служб и назначении на должность).

Если обратиться к истории функционирования подразделений по борьбе с организованной преступностью, то наблюдается нестабильность, постоянные реорганизации, что не способствует профессионализму, а напротив, дезорганизует эту работу.

В настоящее время в Казахстане отсутствует достаточное ресурсное обеспечение правоохранительных органов, призванных вести борьбу с организованной преступностью, а также нет современной информационной базы.

Кроме закона о профилактике и противодействии организованной преступности, нуждается в разработке и принятии на государственном уровне комплексная программа борьбы с организованной преступностью и ее профилактики. Этот документ, основываясь на законе о профилактике, позволит задействовать весь государственный механизм в данном процессе.

С. И. Винокуров,
кандидат юридических наук, доцент
(НИИ проблем укрепления законности
и правопорядка при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Корпоративная преступность представляет собой наиболее развитую форму организованной. При этом последняя выступает в качестве общего видового понятия. Различия между ними выражаются, главным образом, признаками, характеризующими: степень зрелости организованной преступности; специфичность форм и методов ее имплантации в государственно-правовую и социально-экономическую сферы России; масштабы подчинения криминальному диктату институтов гражданского общества; рядом других.

Для первоначального периода становления и развития организованной преступности наиболее характерными являлись криминально-силовые методы создания стартовых капиталов (рэкет, посягательство на жизнь и здоровье, уничтожение чужого имущества, иные способы устрашения и расправ). Вместе с тем несколько ранее (середина 80-х – начало 90-х годов прошлого столетия) значительная часть криминальных капиталов возникла в результате присвоения и растрат, мошенничества, взяточничества и иных экономических преступлений, совершаемых представителями номенклатуры, теневого бизнеса, работниками сферы торговли, общественного питания и т.п.

По мере накопления первоначальных капиталов возникла необходимость обеспечения их сохранности, что требовало активной физической защиты. Не случайно именно в начале 1992 г., когда стартовал криминальный передел общенародной собственности, был принят Закон Российской Федерации «О частно-детективной и охранной деятельности», который давал реальную возможность новым «собственникам», владельцам, как правило, криминальных состояний обеспечить их эффективную защиту.

Суть этого периода развития организованной преступности можно охарактеризовать, во-первых, явно криминальными способами формирования первоначальных капиталов. Подавляющая масса новых состояний появилась в результате слабо завуалированных, а

нередко и откровенно демонстрируемых политической элитой преступных деяний, признаки которых четко и определенно были прописаны в Уголовном кодексе РСФСР, а затем и Российской Федерации. И, тем не менее, благодаря противозаконной политической воле правящих в то время лидеров России, фактически 1992–1996 гг. были временем «криминальной пятилетки» в стране. Периодом, когда российской исполнительной властью был установлен своеобразный мораторий на привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших беспрецедентные по своим масштабам и вредным последствиям для страны и подавляющего большинства россиян экономические преступления.

Другим важнейшим признаком первоначального периода становления и развития организованной преступности являлся опосредованный характер ее воздействия на публичные отношения и институты гражданского общества. Чаще всего и наиболее эффективно она использовала продажность разного уровня должностных лиц. В дополнение к этому активно использовались шантаж, угрозы, а нередко и прямое физическое воздействие. Таким образом, на начальном этапе организованные преступники в основном овладели чужой собственностью только «де-факто». Что касается публичной власти, то лидеры организованной преступности поставили ее себе на службу лишь опосредованно, то есть с помощью коррупционных механизмов.

Не проявляла на первых порах преступная элита и особого внимания к публичной политике. Не будучи уверенной, что криминальная власть пришла окончательно и бесповоротно, она предпочитала в тот период времени лишний раз на публике «не светиться».

Значительно более опасное качественное состояние приобрела организованная преступность в последующем развитии (на вторичном этапе). По мере того, как криминальная элита практически полностью отмыла различными способами, в том числе и с помощью западных банков, преступно нажитые капиталы, она стала вкладывать значительную часть из них в легальную экономику. В результате этого возник новый рыночный феномен – легально-криминальная экономика. На современном этапе ее представляют мощные, разветвленные экономические структуры, контрольные пакеты акций которых принадлежат лидерам криминального бизнеса. По разным экспертным оценкам, доля преступного капитала в легальной эконо-

мике достигает от 40 до 70% (в зависимости от привлекательности ее конкретных сфер).

Кроме того, обладатели огромных сколоченных преступным путем капиталов приступили к завершающему этапу «криминальной революции»: отмыванию своих «грязных имен», т. е. уголовно наказуемых деяний прошлого. Отсюда заметная смена идеологии противозаконного бизнеса: значительно реже звучат выстрелы, не льется рекой кровь конкурентов, общественному мнению навязывается образ честного, добропорядочного, благопристойного современного бизнесмена, интенсивно осуществляется реклама благотворительной деятельности новой элиты и т.д.

Однако острота экономических противоречий между различными конкурирующими или враждующими криминальными структурами не исчезла. Она стала выражаться в использовании преимущественно финансовых и иных «рыночных» рычагов: подкупа, установления монопольно высоких или монопольно низких цен для разорения конкурентов, раздела рынков, ограничения свободной конкуренции и т.д.

Кроме этого, безусловное преимущество в криминально-конкурентной рыночной схватке дает легитимный административно-властный ресурс. Вот почему значительная часть номенклатуры организованной преступности решительно и бесповоротно лично устремилась во власть. Анализ материалов СМИ дает основания полагать, что сегодня во многих муниципальных, региональных и федеральных структурах легитимной публичной власти уже находятся многочисленные выдвиженцы – в недавнем прошлом лидеры криминальных структур.

И еще один, пожалуй, самый главный признак. В результате легализации преступно добытых капиталов, т.е. вложения их в «чистую» экономику и обретения правового статуса в результате создания юридических корпоративных объединений, криминал как бы уже на законных основаниях получил полное институциональное признание, а также государственно-правовую защиту своих криминальных интересов, превратившись в организованное множество лиц «в законе». В частности, сейчас новоявленные нувориши могут беспрепятственно создавать свои собственные силовые структуры (службы безопасности, частные охранные предприятия и др.). Кроме того, действующее законодательство предоставило легализовавшие-

муся криминалу широкие возможности для защиты своих корыстных (в том числе, зачастую, откровенно противоправных) интересов. Вполне понятно, что юридическая легализация криминально ориентированных лиц (особенно с преступным прошлым) делает корпоративную преступность еще более опасной по сравнению с ранними проявлениями организованной преступности.

С учетом изложенного, корпоративная преступность понимается нами как **масштабная, маскируемая юридическим статусом система противоправной деятельности организованного множества лиц, детерминированная криминальным характером идеологических, политических, экономических и нравственно-психологических общественных отношений, посягающая на базовые социальные ценности личности, общества и государства.** Среди такого рода ценностей, в первую очередь, следует выделить **безопасность** во всех ее многогранных проявлениях, а также **уверенность** граждан в настоящем и будущем своем благополучии.

Наиболее эффективным способом борьбы с корпоративной преступностью является ее предупреждение. Вместе с тем, именно последнее встречается на практике огромные барьеры и трудности.

Одним из наиболее значимых негативных факторов, препятствующих предупреждению корпоративной преступности в России, является снижение до критического уровня противодействия коррупции. Данный вид деятельности осуществляется безынициативно и неэффективно. Серьезным тормозом здесь является незаинтересованность самой власти вести реальную, бескомпромиссную борьбу с этим особо опасным социальным злом.

Как правило, все ограничивается декларативными, популистскими призывами к противодействию коррупции, причем нередко со стороны тех, у кого, как говорится, у самих «рыльце в густом пушку». К сожалению, реалии в данной сфере таковы, что российская власть демонстрирует неспособность кардинального решения данной проблемы. В свою очередь, коррупционный ресурс является мощным стимулом дальнейшего развития и укоренения корпоративной преступности.

Другим, весьма значимым негативным фактором, препятствующим противодействию корпоративной преступности, являются беспрецедентные масштабы легализации преступных капиталов, в результате чего значительная часть экономики страны оказалась под

контролем еще в недавнем прошлом откровенно криминальных (преступных) сообществ. Сегодня значительная их часть, используя изощренные технологии «отмывания грязных денег», трансформировалась в финансово и организационно мощные легальные структуры и приобрела статус юридических лиц (предприятий, учреждений, организаций). Это многократно умножает их возможности замаскированного осуществления преступной деятельности под прикрытием официально признанного правового статуса.

Серьезным тормозом для подавления корпоративной преступности является **масштабная криминализация** многих сфер социальной жизни россиян, укоренение в массовом сознании граждан преступного образа жизни, как предпочтительного стандарта достижения личного успеха в современных условиях жизнедеятельности российского общества.

Поскольку стратегия предупреждения преступности вообще и корпоративной, в частности, определяется уголовной политикой государства, в основе которой лежат волевые установки руководства страны, необходимо, в первую очередь, разработать в рамках Совета безопасности Российской Федерации специальный политический документ «Государственная стратегия борьбы с преступностью в Российской Федерации на период до 2010 года». В документе должно быть признано существование в стране корпоративной преступности как наиболее опасной формы развития организованной. Однако основной акцент в нем должен быть сделан на определении государственных приоритетов в выработке комплекса стратегических мер борьбы с преступностью. В качестве одного из главных приоритетов, как представляется, должно быть выделено предупреждение наиболее опасных видов преступности, в том числе корпоративной.

Практическая реализация стратегических приоритетов в сфере предупреждения корпоративной преступности требует эффективной законодательной политики. Здесь, в первую очередь, необходимо подчеркнуть комплексный характер законодательных решений в различных областях социальной практики. В частности, имеется в виду кардинально новое осмысление и принятие законодательных новелл не только в области уголовно-правовых отношений, но и в сферах административного, гражданского, предпринимательского, финансового и других отраслей права.

Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее действенным механизмом, способным обеспечить эффективное решение принципиально новых подходов к предупреждению корпоративной преступности, является кардинальная переработка уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства.

При этом целесообразно, в первую очередь, сформулировать принципиально новые подходы к предупреждению рассматриваемого вида преступности в уголовном законодательстве Российской Федерации с учетом положений международно-правовых актов.

Так, в соответствии с положениями Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности¹ (Палермо, 12 декабря 2000 г.), европейской Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.), других международно-правовых документов считаем целесообразным ввести в российском уголовном законодательстве институт уголовной ответственности юридических лиц в том числе за корпоративные преступления. С этой целью в Уголовном кодексе Российской Федерации следует:

- а) определить понятие, основания, условия и пределы уголовной ответственности юридических лиц;
- б) по-новому раскрыть содержание понятия «соучастия юридических лиц», а равно смешанного соучастия физических и юридических лиц в совершении преступления;
- в) разработать порядок возложения уголовной ответственности на юридическое лицо, при котором не исключается возможность такой же ответственности физических лиц, совершивших преступления.
- г) определить применительно к юридическим лицам основания и особенности привлечения их к уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности и наказания; основания, условия и виды наказаний, применяемые к юридическим лицам и т.д.

¹ В ст. 10 Палермской Конвенции прямо говорится, что «каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции».

Введение в российском законодательстве уголовной ответственности юридических лиц имело бы большое профилактическое значение для борьбы с корпоративной преступностью.

Кроме того, представляется целесообразным в рамках поиска принципиально новых подходов к противодействию корпоративной преступности разработать уголовно-правовую конструкцию корпоративных преступлений, имея в виду определение понятия «корпоративное преступление», перечень его основных и дополнительных признаков, в том числе отягчающих уголовную ответственность и т.д.

С учетом положений упомянутых международных конвенций целесообразно не только восстановить в уголовном законодательстве Российской Федерации институт конфискации имущества, но и, приспособив его к новым экономическим условиям, предусмотреть возможность дополнительной конфискации того имущества, которое получено от использования преступных доходов в предпринимательской деятельности. Это особенно актуально для предупреждения корпоративной преступности.

Целесообразно дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации главой «Особенности уголовной ответственности и наказания за коррупционные преступления», предусмотрев следующую ее конструкцию.

В первой статье данной главы целесообразно дать понятие коррупции и коррупционных преступлений с учетом вышеназванных конвенций ООН и Совета Европы.

В следующей статье необходимо определить квалифицирующие признаки коррупции, имея в виду установление круга лиц, в том числе юридических, которые могут быть субъектами данных преступлений; определение сфер, где возможно совершение коррупционных деяний; установление их целей и мотивов и др.

В последующей статье сформулировать особенности уголовной ответственности и наказания за коррупционные преступления, предусмотрев, в отношении коррупционеров – физических лиц, в частности:

а) неприменение условного осуждения (ст. 73 УК РФ);

б) обязательность применения следующих видов наказания: лишения свободы на определенный срок; конфискации имущества; лишения права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания на срок от 3 до 5 лет.

Целесообразно проработать вопрос о внесении изменений в ст. 35 («Совершение преступлений группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)»), имея в виду необходимость отграничения преступлений, совершаемых организованными преступными группами от посягательств со стороны преступного сообщества (преступной организации). Последнее представляет собой качественно новое преступное образование, которое является корпоративным объединением и не может быть раскрыто через организованную преступную группу.

Преступное сообщество представляет собой такую криминальную организацию, которую более правильно, как представляется, именовать корпоративным множеством лиц. Данное понятие может характеризоваться количественным признаком – 10 и более лиц. Причем, здесь за основу принимается десятичный счет множества (в отличие от единичного при определении групповой преступности), то есть количество соучастников может исчисляться десятками.

Кроме количественных параметров корпоративное множество лиц может характеризоваться и качественными. К ним следует отнести: обретение корпоративным объединением формы и статуса юридического лица; систематическое планомерное осуществление преступной экономической деятельности для извлечения максимальной прибыли; скрытое насилие либо осуществление иных противозаконных принудительных экономических и (или) силовых мер для достижения монопольного положения в определенной предпринимательской и иной сфере и т.п.

Реализация предлагаемых новел в уголовное законодательство безусловно влечет за собой пересмотр отдельных важных положений уголовно-процессуального законодательства. В этой связи считаем необходимым внести существенные изменения в УПК Российской Федерации. В частности, важно отметить особую принципиальную значимость отражения в нем в качестве одной из задач – предупреждение преступлений, как важнейшего ориентира для правоприменительной практики, в том числе и для предупреждения корпоративной преступности.

Поскольку, как отмечалось ранее, значительным препятствием в деле предупреждения корпоративных посягательств является коррупция, следовательно, повышение эффективности борьбы с нею представляет исключительную важность. В соответствии с требованиями ст. 19 Конституции Российской Федерации представляется необходимым существенно сократить, предусмотренный ст. 447 Кодекса перечень отдельных категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Данное предложение можно обосновать практикой правоприменения, которая убедительно свидетельствует, что неприкасаемость многих высоких должностных лиц многократно умножает масштабы коррупции, а вместе с ней и корпоративной преступности.

Кроме того, целесообразно для более полного обеспечения неотвратимости наказания за совершенные корпоративные преступления предусмотреть в УПК РФ самостоятельную главу, определяющую особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными сообществами. С учетом крайне высокой вероятности их агрессивного, наступательного противодействия выявлению и раскрытию совершаемых ими уголовных посягательств, в том числе и в сфере экономической деятельности, следует обеспечить возможность более широкого использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании маскируемых преступниками корпоративных преступлений. Кроме того, здесь необходимо было бы предусмотреть возможность более оперативного принятия следователем процессуальных решений и действий под контролем прокурора.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ

1. Проблема борьбы с организованной преступностью в настоящее время продолжает оставаться актуальной. Статистические данные свидетельствуют, что с начала 90-х годов прошлого века происходило стабильное увеличение числа организованных преступных формирований (банд, организованных групп, преступных организаций) (табл. 1) и росло количество совершаемых ими преступлений (табл. 2)¹.

Т а б л и ц а 1

**Динамика числа выявленных организованных преступных формирований
в 1990–1995 гг.**

Выявлено организованных преступных формирований	1990	1991	1992	1993	1994	1995
	785	952	4352	5691	8059	8222

Т а б л и ц а 2

Динамика числа преступлений, совершенных организованными преступными формированиями в 1990–1996 гг.

Количество преступлений, совершенных организованными преступными формированиями	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
	3515	5119	10707	12431	19422	19604	27994

¹ Данные В.Н. Осипкина, цит. по: Криминология – XX век. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2000. С. 430.

В 1997–2003 гг. продолжалось нарастание криминальной активности участников организованных преступных формирований (табл. 3). В 2000–2004 гг. после некоторого снижения возросло число зарегистрированных фактов участия в бандах, незаконных вооруженных формированиях, преступных организациях (сообществах). При этом привлекалось к уголовной ответственности и осуждалось все меньшее число участников организованных преступных формирований. Опросы в 2003 г. экспертов (судей, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб) показали, что большинство из них оценило состояние и тенденции организованной преступности как крайне неблагоприятные².

Т а б л и ц а 3

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных членами организованных преступных формирований в 1997–2003 гг.

Зарегистрировано преступлений	Годы						
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Количество преступлений, совершенных членами организованных преступных формирований по уголовным делам, оконченным расследованием в отчетном периоде							
Абс. число	26 837	27 098	31 082	34 231	32 020	24 716	29 795
В том числе: количество преступлений, совершенных в отчетном периоде							
Абс. число	22 027	20 987	25 039	27 362	25 721	20 125	24 096
В том числе: количество преступлений, совершенных членами организованных преступных формирований по уголовным делам, направленным в суд (из числа дел, оконченных расследованием в отчетном периоде)							
Абс. число	26 279	26 685	30 710	33 350	31 053	24 107	28 237
Из них: количество преступлений, совершенных организованными группами							
Абс. число	19 494	22 761	26 092	28 659	27 078	20 858	24 544

² См.: Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. С. 517–520.

2. В этой связи актуальной остается проблема эффективной борьбы с организованными преступными формированиями. Думается, что основным этапом процесса должна быть система профилактики данного вида преступности. Необходимо заметить, что разработка теории социальной профилактики продолжается несколько десятилетий, и этой проблеме посвящены работы Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, М.М. Бабаева, С.И. Герасимова, В.В. Голина, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, К.Е. Игошева, Д.А. Керимова, Г.М. Миньковского, Г.С. Саркисова, А.Я. Сухарева, В.С. Устинова и других ученых.

Вместе с тем в криминологии нет единого мнения о соотношении понятий «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» и «пресечение» преступности. А.И. Алексеев пишет, что на совпадении буквального смысла этих терминов настаивают ученые, преподаватели университетов, юридических институтов, а также научно-исследовательских учреждений системы правоохранительных органов (прокуратуры, суда, юстиции). Позиции разграничения указанных терминов применительно к преступности обычно придерживаются авторы, работающие в системе органов внутренних дел³.

Профессор А.И. Долгова правильно пишет, что при предотвращении преступлений речь идет о своевременном обнаружении фактов замышления, приготовления к их совершению; под пресечением понимается реагирование на начавшееся преступное поведение, прежде всего в стадии приготовления (например, при приискании, изготовлении или приспособлении лицом средств или орудий совершения преступления, приискании соучастников преступления либо при ином умышленном создании условий для совершения преступления)⁴. Соглашаясь с автором, заметим, что стадия пресечения преступности (отдельных ее видов), как элемент системы борьбы с преступностью, имеет место на определенном этапе совершения преступления или осуществления преступной деятельности (напри-

³ См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: Монография. М.: НОРМА, 2001. С. 10–11.

⁴ См.: Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. С. 435–436.

мер, когда речь идет об организованных преступных формированиях).

Профилактика⁵ преступлений представляет собой систему мер предупредительного характера, воздействующих на причины и условия совершения криминализированных действующим уголовным законом общественно-опасных деяний, а также иных правонарушений, характеризующихся высокой степенью общественной опасности, и лиц, их совершающих (или потенциально способных это сделать). По существу, речь идет о криминологической профилактике, которая является основой уголовно-правовой профилактики. Уголовно-правовая профилактика, в свою очередь, есть часть социальной профилактики.

Криминолог Г.А. Аванесов в систему уголовно-правовой профилактики включает: профилактику, осуществляемую в рамках уголовного права; уголовно-процессуальную профилактику; криминалистическую; исправительно-трудовую и криминологическую. Особенностью уголовно-правовой профилактики является ее направленность непосредственно на недопущение преступного поведения, на выявление причин и условий такого поведения, обстоятельств, ему способствующих. Осуществляется она в отношении лиц, совершивших преступление или покушавшихся на него, или склонных к такому деянию в силу своих антиобщественных установок; в отношении осужденных. Таким образом, мерам уголовно-правовой профилактики, в отличие от общесоциальных, свойственно преобладание элементов принуждения, что определяет масштабы этой профилактики, которые сравнительно ограничены применимостью соответствующих норм права. Криминологическая профилактика, относящаяся к юридической области и являющаяся по своему содержанию социальной, связана с экономикой, демографией, психологией, иными областями знаний, а также другими отраслями права (гражданское, семейное, трудовое и др.), образует разветвленную, многоаспектную и многоуровневую систему профилактики⁶.

⁵ В рамках статьи, не вдаваясь в полемику по данному вопросу, полагаем целесообразным рассматривать термины «предупреждение» и «профилактика» как тождественные, отражающие суть одного и того же явления.

⁶ См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., Академия МВД СССР, 1980. С. 401.

3. В теории криминологии среди субъектов профилактики преступности выделяются неспециализированные и специализированные. Основанием их разграничения служат особенности правовых полномочий.

К специализированным субъектам профилактической деятельности относятся органы суда, прокуратуры, юстиции, внутренних дел, Федеральная служба безопасности и иные правоохранительные органы, а также межведомственная комиссия по социальной профилактике правонарушений Правительства Российской Федерации, действующая в соответствии с положением о ней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1997 г. Неспециализированными субъектами называют все иные организации (в том числе государственные органы, работающие с людьми), юридические и физические лица, средства массовой информации, участвующие в профилактике преступлений (школа, семья, министерства здравоохранения и образования и т.д.)⁷. Таким образом, государство через систему его органов является как специализированным, так и неспециализированным субъектом профилактики преступлений, или основным субъектом профилактики преступности (в широком смысле).

В качестве примера профилактической деятельности государства в борьбе с организованной преступностью можно привести ряд документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Так, в приказе Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о защите прав субъектов предпринимательской деятельности» от 17 августа 2005 г. указано, что материалы прокурорских проверок и обращения субъектов предпринимательской деятельности, поступающие в органы прокуратуры, свидетельствуют о повсеместном грубом нарушении прав предпринимателей, в первую очередь малого и среднего бизнеса, как органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, так и органами государственного контроля (надзора) и их должностными лицами при проведении проверок субъектов предпринимательской деятельности.

⁷ См.: Аванесов Г.А. Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. С. 439–442.

Распространены факты поборов и вымогательства в отношении предпринимателей со стороны криминальных элементов и организованных преступных группировок. В этой связи заместителям Генерального прокурора России, начальникам главных управлений, управлений и отделов Генеральной прокуратуры РФ, прокурорам субъектов Федерации, городов и районов, приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам приказано: принять решительные меры по укреплению законности в сфере защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, особенно субъектов малого и среднего бизнеса; повысить уровень прокурорского надзора в этой области; бескомпромиссно реагировать на вскрытые факты коррупции и других злоупотреблений и превышения служебных полномочий со стороны должностных лиц органов государственного контроля (надзора); особое внимание обратить на недопустимость взимания последними платы с субъектов предпринимательской деятельности за проведение мероприятий по контролю, за исключением случаев, установленных законом; решительно пресекать факты незаконного применения к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям мер принуждения и ответственности и др.

Приказ Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» от 22 июня 2001 г., предписывает, что прокурорский надзор должен обеспечивать реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних и молодежи, пресечение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Органам прокуратуры России приказано добиваться безусловного исполнения органами и учреждениями системы профилактики, их должностными лицами требований закона о выявлении беспризорных и безнадзорных детей, семей, находящихся в социально опасном положении, а также о соблюдении ими обязанности информировать о них компетентные органы для защиты и восстановления прав детей; в случаях, не терпящих отлагательства, инициировать изъятие детей из неблагополучных семей, предъявлять в суды иски об ограничении и лишении родительских прав.

Профилактика организованной преступности осуществляется на основе всего комплекса общесоциальных и специально-криминоло-

гических мер. Решающее значение, по мнению С.И. Герасимова, имеет подрыв экономических корней организованной преступности, разработка и последовательное осуществление комплекса организационно-управленческих, финансовых налоговых и других мер, создающих невыносимые условия для криминального бизнеса и направленных на вытеснение из сферы производства и распределения криминальных методов регулирования экономических отношений, пресечение движения и легализации преступных капиталов.

На уровне специальной профилактики, отмечает С.И. Герасимов, традиционный набор мер применительно к организованной преступности во многом не применим. Здесь мало эффективны профилактические беседы сотрудников милиции, оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве и т.п. В предупреждении организованной преступности акцент должен делаться на специальную профилактику с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов. Актуальной задачей является приведение в действие общепревентивного и частнопревентивного механизмов соответствующих уголовно-правовых норм (об ответственности за преступления, типичные для организованной преступности, за организацию преступных сообществ). Наряду с уголовно-правовыми запретами требуется принять специальный закон о борьбе с организованной преступностью, в котором необходимо регламентировать основания, поводы, порядок и иные аспекты деятельности правоохранительных, финансовых, налоговых и других контролирующих органов по противодействию этому виду преступности⁸.

В.С. Устинов справедливо указывает, что резкий переход к рыночным отношениям сопровождался неизбежными криминогенными издержками, которые могут быть сокращены внесением существенных корректив в процесс реформ, не изменяющих сущности российского общества как демократического и рыночного. Повлиять на масштабы организованной преступности можно усилением социальной ориентации реформ: подъем материального производства; повышение жизненного уровня населения; сокращение уровня доходов между различными категориями граждан; поддержка малого пред-

⁸ См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Указ. соч. С. 368–369.

принимательства; усиление внимания к культуре, к сохранению позитивных традиций, к воспитанию подрастающего поколения⁹.

Особого внимания государственных органов в деле профилактики организованной преступности требует проблема информационной безопасности России. Это связано с негативными тенденциями, происходящими в данной области общественных отношений. Так, криминологический анализ деятельности средств массовой информации в настоящее время позволяет говорить о негативном, порой антисоциальном влиянии последних на общественное сознание. Речь, прежде всего, идет о распространении среди населения антиобщественных взглядов, установок и представлений, которые поощряют либо порой открыто провоцируют нарушение норм российского законодательства. К примеру, в постановлении Государственной Думы Российской Федерации от 18 марта 1998 г. указано, что некоторые российские телекомпании, пользуясь несовершенством законодательства, своей деятельностью наносят ущерб общественной нравственности, демонстрируя продукцию откровенно циничного, непристойного и оскорбительного характера, фактически пропагандируют порнографию, культ насилия и жестокости, способные побуждать к совершению преступлений¹⁰.

При этом идет формирование негативного образа закона, государственной власти, правоохранительной системы и правопорядка в стране в целом. Так, результаты исследования двух различных групп населения (студенческая молодежь и лица среднего возраста) о состоянии преступности в стране показали, что 2/3 опрошенных оценивают такое состояние как неблагоприятное, в том числе ухудшающееся – 38,9 %, катастрофическое, угрожающее самому существованию государства – 26,0 %. По мнению 2/3 опрошенных, реально существует опасность криминального заражения общества, а каждый пятый считает, что подобный процесс уже приобрел необратимый характер¹¹.

⁹ См.: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. Питер, 2002. С. 389.

¹⁰ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 30 марта 1998 г. № 13. Ст. 1486.

¹¹ См.: Ключкова А.В., Пристанская О.В. Информационные предпосылки криминализации общественного сознания // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 2. С. 19.

В общественном сознании культивируются нормы и стереотипы поведения криминальной среды, в речевую культуру населения внедряется блатной жаргон, насаждаются элементы блатного творчества, пропагандируются характерные для криминальной субкультуры способы решения споров и выяснения отношений.

Особое внимание следует обратить на воздействие, которое оказывают средства массовой информации на уровень правовой культуры молодежной среды. К сожалению, не всегда это воздействие носит положительный характер. Широкое распространение порнографии, сцен насилия и физической расправы, культивирование элементов криминальной субкультуры на телевидении, в прессе негативно отражается на психике молодого поколения, неспособного порой адекватно реагировать на эти процессы. Как результат такого влияния СМИ на современную молодежь – отмечается рост немотивированной агрессии, нетерпимости к инакомыслию и деформации социальных стереотипов, распространение в молодежной среде правового нигилизма. Систематическое напоминание о безнаказанности крупных коррупционеров, создание романтического образа членов преступных группировок в СМИ дезориентирует молодежь в выборе жизненного пути.

Велико содержание негативной и откровенно антисоциальной информации в сети Интернет. Широкое распространение порнографии, сцен насилия, агрессивных виртуальных игр создает в сознании индивида сюрреалистическое представление действительности. Распространение в виртуальной паутине специальной литературы по тактике и стратегии проведения расследования уголовного дела, тактике задержания, о психологических приемах ведения допроса, литературы о методах внедрения в доверие человека, по созданию агентурной сети и др., а также различных рекомендаций о совершении правонарушений и способах «ухода» от юридической ответственности, служит потенциальным источником информации для преступного элемента.

4. Следует согласиться с теми учеными (например, А.И. Алексеев, А.И. Зубков, А.И. Долгова, В.А. Номоконов, С.Л. Сибиряков и др.), которые отмечают необходимость дальнейшего совершенствования профилактической деятельности государства в борьбе с ор-

ганизованной преступностью. Представляется, что оно могло бы осуществляться по следующим направлениям:

необходимо решение проблемы обеспечения безопасности участников уголовно-процессуальной деятельности и иных участников борьбы с организованной преступностью;

борьба с высокоорганизованными преступными формированиями предполагает наличие специальной подготовки, поддержание качественного кадрового уровня и материально-ресурсного обеспечения соответствующих подразделений правоохранительной системы;

актуально постоянное совершенствование правовой основы борьбы с учетом изменений общества и трансформации организованной преступности, ее высокоорганизованной преступной деятельности;

взаимодействие и координация усилий всех субъектов, участвующих в борьбе с организованной преступностью;

необходимы активные государственные меры по недопущению эскалации социального неблагополучия до этапа, продуцирующего организованную преступность;

важно не допускать криминального контроля над территориями, объектами, социальными группами;

необходимо своевременное и качественное обеспечение населению всего комплекса услуг социальной направленности, альтернативного криминальным проявлениям (трудоустройство, социальная защита и др.);

уместна дальнейшая законодательная разработка проблемы информационно-безопасности Российской Федерации;

актуально создание и развитие программ правового воспитания и просвещения российского общества, с целью формирования у населения правосознания, правовой культуры, уважения к закону и правомерного поведения.

В. А. Бурковская,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАЦЕЛЕННОГО НА БОРЬБУ С ЭКСТРЕМИЗМОМ В РОССИИ

Актуальность проблемы совершенствования деятельности государственных органов по борьбе с различными проявлениями экстремизма, в том числе с терроризмом, не вызывает сомнений. Однако, несмотря на то, что в последние несколько лет в Российской Федерации сложилась соответствующая нормативно-правовая база, ситуацию в этой сфере нельзя признать благополучной.

Полагаем, что назрела необходимость закрепления в одном документе единой антиэкстремистской стратегии, которая, как справедливо отметил В.В. Устинов, «должна охватить весь спектр возможностей государства по контролю над терроризмом и экстремизмом»¹.

На наш взгляд, такой документ должен носить рамочный характер, поскольку включение в него норм прямого действия без предваряющего серьезного анализа существующего законодательства может привести к трудноразрешимым коллизиям и лишить его предупредительного потенциала, как это произошло с действующим Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. Следующим этапом создания целостной системы антиэкстремистского законодательства должно стать системное реформирование уже существующих нормативно-правовых актов либо разработка новых специальных законов с целью устранения пробелов, противоречий. Среди основных направлений реформирования можно, например, назвать следующие.

Направления системного реформирования законодательства, регулирующего издательскую деятельность, а также устанавливающего правомерные ограничения свободы слова как меры предупреждения криминального религиозного экстремизма.

¹ Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. 2003. № 3. С. 6.

1. В частности, представляется необходимым принятие нормативного акта, который бы содержал обязательный перечень выходных данных печатных изданий. В дальнейшем следует дополнить ст. 13.22. КоАП РФ «Нарушение порядка объявления выходных данных» ч. 2 в следующей редакции: «Выпуск (изготовление) или распространение неперiodического печатного издания без указания в установленном порядке выходных данных, а равно с неполными или заведомо ложными выходными данными – влечет за собой ...»

2. Полагаем, что лишение организации права на осуществление издательской деятельности должно осуществляться в судебном порядке. В связи с этим п. 2 ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» целесообразно изложить в следующей редакции: «Организация, дважды в течение двенадцати месяцев осуществившая издание экстремистских материалов, подлежит лишению судом прав на ведение издательской деятельности».

В рамках совершенствования законодательного обеспечения административной юстиции в России был разработан Кодекс административного судопроизводства (КАС) Российской Федерации², двадцать шестая глава которого посвящена особенностям производства по делам об оспаривании решений по вопросам регистрации или отказа в регистрации, ликвидации, запрета приостановления или иного ограничения деятельности объединений. В нормах, закрепленных в данной главе КАС, регламентируются некоторые аспекты деятельности судов по рассмотрению дел в связи с осуществлением организацией террористической деятельности. Актуальность такого закона не вызывает сомнений. Он должен касаться не только террористических организаций, но и экстремистских. Кроме того, считаем целесообразным дополнить проект КАС РФ правовыми предписаниями, регламентирующими особенности рассмотрения дел о лишении организации права на издательскую деятельность в связи с изданием экстремистских материалов.

В связи с особой общественной опасностью издания подобных материалов представляется возможным вернуться к лицензированию издательской деятельности в целом.

² См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Российская юстиция. 2004. № 3. С. 6–42.

3. Полагаем возможным расширить содержание понятия «экстремистские материалы» за счет включения в этот круг, во-первых, всего спектра материалов, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; во-вторых, также материалов, содержащих информацию о необходимых компонентах, способах изготовления самодельных взрывных устройств, рекомендации по их применению, организации уличных драк, ведению боевых действий и т.д.

В настоящий момент, исходя из положений ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», таковыми являются публикации, касающиеся лишь двух аспектов, а именно: обоснования или оправдания национального и (или) расового превосходства; оправдания практики совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

4. Следует ускорить принятие уже подготовленных проектов законов об установлении ответственности за изготовление, распространение, хранение в целях использования экстремистских материалов.

Вместе с тем этот вопрос требует дополнительной проработки с точки зрения недопущения незаконного ущемления прав и свобод граждан.

Например, как поступать с хранящимися в библиотеках экземплярами работ лидеров Национал-социалистической рабочей партии Германии, которые могут быть признаны судом экстремистскими, согласно положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Изъятие их из фондов и уничтожение, в конечном счете, противоречит задачам борьбы с экстремизмом, поскольку без изучения этого явления невозможна разработка стратегии противодействия.

Выход из этой ситуации видится в разработке режимов пользования подобными материалами, их хранения, распространения издания. За основу могут быть взяты положения ст. 129 «Оборотоспособность объектов гражданских прав» Гражданского кодекса РФ.

5. В Законе «О средствах массовой информации» необходимо предусмотреть обязанность уведомлять соответствующие органы

о выпуске периодического печатного издания, за неисполнение этого требования установить административную ответственность.

Направления совершенствования правового регулирования информационного поля в части, относящейся к предупреждению экстремизма.

1. Требуется развитие специального законодательства, регламентирующего деятельность провайдеров и детализирующего механизм их ответственности, а также криминализация действий владельца сайта за размещение на нем противоправной информации³.

2. Следует активизировать деятельность по присоединению Российской Федерации к международным договорам в этой сфере, в частности, к Конвенции о киберпреступности (Будапешт, 2001 г.) и Дополнительному протоколу к Конвенции о киберпреступности, посвященному вопросу криминализации актов расизма и ксенофобии, совершенных с применением компьютерных сетей (Страсбург, 2003 г.).

Направления совершенствования законодательства, регулирующего контроль за деятельностью религиозных и общественных объединений.

1. Необходимо, на наш взгляд, обязать общественные и религиозные объединения (группы) информировать⁴ о начале своей деятельности органы государственной власти или органы местного самоуправления, а также ввести административную ответственность за неисполнение указанного требования. Предложенные меры, с одной стороны, не создадут существенных препятствий для развития институтов гражданского общества, а с другой, позволят эффективнее предупреждать злоупотребления свободой совести, правом на объединение.

2. В уведомлении о создании и начале деятельности группы должна содержаться информация о наименовании, месте нахождения, виде религиозного или общественного объединения, его руководстве (лидере), вероисповедании (для религиозных объединений)

³ См.: Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт. М., 2004. С. 213.

⁴ Настоящее предложение не означает фактического введения в Российской Федерации запрета на деятельность незарегистрированных объединений, поскольку процедура уведомления не предполагает регистрации объединения как юридического лица.

и идеологической основе (для общественного объединения), целях, задачах и основных формах деятельности.

Следует предусмотреть возможность осуществления контроля органами юстиции, а также органами местного самоуправления за соответствием деятельности объединения целям, указанным в уведомлении.

3. С целью устранения внутриотраслевой и межотраслевой казуистичности представляется целесообразным из проекта федерального закона «О противодействии терроризму» изъять нормы, регламентирующие механизм ликвидации террористической организации, сделав ссылку на Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Направления совершенствования положений Особенной части УК РФ.

1. Оптимальным решением проблемы устранения конкуренции между составами преступлений, предусмотренных ст. 239, 282¹, 282² УК РФ, может стать исключение из УК РФ ст. 282¹, 282² с внесением соответствующих изменений и дополнений в ст. 239 УК РФ.

2. Целесообразно, на наш взгляд, перенести квалифицирующий признак, предусмотренный в ч. 2 ст. 280 УК РФ («совершенные с использованием средств массовой информации»), в ч. 1 этой статьи по аналогии со ст. 282 УК РФ.

3. Следует сформулировать ч. 2 ст. 280 УК РФ в следующей редакции: «Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения» по аналогии с ч. 1 ст. 282 УК РФ.

4. Интернет все чаще используется экстремистскими организациями для пропаганды своих идей. Результаты проведенного нами опроса студентов юридических факультетов показали, что 67% респондентов знают о существовании сайтов экстремистской направленности, а 2% – их регулярно посещают⁵. А ведь именно молодежь и подростки, в силу присущих возрасту психологических особенностей являются наиболее благоприятной средой для усвоения крайних взглядов.

Как представляется, названные выше обстоятельства повышают степень общественной опасности призывов к осуществлению экс-

⁵ Была опрошена 1 000 студентов юридических факультетов вузов России (Москва, Воронеж, Новосибирск) в 2003, 2004 гг.

тренистской деятельности, что обуславливает необходимость введения в ст. 280 УК РФ дополнительного признака: «использование сети Интернет».

Аналогичные изменения должны быть, на наш взгляд, внесены и в ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Предложенное решение позволило бы избежать многочисленных следственных и судебных ошибок, нарушений прав и свобод граждан. Применение казуистического способа формулирования уголовно-правовых предписаний, по справедливому замечанию А.В. Наумова, является наиболее эффективным для целей правоприменения⁶, особенно при криминализации «новых» видов общественно опасных деяний или не известных ранее способов их совершения.

Кроме того, обозначенный подход, что немаловажно, соответствует международным стандартам в этой области, которые сформулированы в Дополнительном протоколе к Конвенции о киберпреступности, посвященному вопросу криминализации актов расизма и ксенофобии, совершенных с применением компьютерных сетей (Страсбург, 2003 г.). Европейский законодатель полагает целесообразным создать в государствах - участниках договора правовую основу для привлечения к ответственности лиц за распространение через всемирную компьютерную сеть ксенофобских и расистских материалов (ст. 3), националистически мотивированных угроз (ст. 4) и оскорблений (ст. 5), а равно за пособничество в совершении указанных деяний (ст. 6).

5. Исключить из УК РФ примечания к ст. 205, 282¹, 282² УК РФ, как противоречащие целям общей превенции терроризма и экстремизма.

6. Исключить из текста ст. 205¹ УК РФ признак «склонение лица к участию в деятельности террористической организации».

Предлагаемая редакция позволит привлекать к ответственности за создание, руководство или участие в религиозном или общественном объединении или иной организации, деятельность которых сопряжена с любыми проявлениями экстремизма, например, с терроризмом, что положило бы конец малопродуктив-

⁶ См.: Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 22–23.

ной дискуссии о целесообразности конструирования и закрепления в УК РФ специальной нормы о создании террористической организации⁷.

7. Включить в текст ст. 239 УК РФ признак «иные организации», заменить признак «к совершению противоправных деяний» признаком «к экстремизму».

8. Анализ материалов уголовных дел показывает, что прямые призывы к осуществлению экстремистской деятельности встречаются достаточно редко. Вместе с тем пропаганда экстремизма, обосновывающая необходимость подобных действий, очень распространена. Насыщенность информационного поля подобными материалами изменяет правосознание граждан, формируя ощущение легитимности насильственных методов решения конфликта.

На наш взгляд, расширение содержания диспозиции ст. 280 УК РФ оказало бы благоприятное воздействие на состояние защищенности основ конституционного строя.

В этой связи мы считаем возможным предложить следующую редакцию наименования ст. 280 УК РФ: «Пропаганда осуществления экстремистской деятельности», с одновременным использованием развернутого определения понятия «пропаганда» в тексте названной статьи.

9. Как показала изученная нами практика, очень высокий уровень обобщения, использованный законодателем для построения уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 282 УК РФ, является недостаточно эффективным с точки зрения защиты общественного спокойствия.

Изучение зарубежного опыта установления уголовной ответственности за посягательства на общественные отношения, обеспечивающие межконфессиональное и межнациональное спокойствие, свидетельствует, что законодатель при описании объективной сто-

⁷ См.: Лунеев В.В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право. 2002. № 6. С. 34–35; Волченков В.В. Актуальные проблемы законодательного обеспечения борьбы с терроризмом в современных условиях России // Терроризм и безопасность на транспорте: Сборник материалов III международной научно-практической конференции, 3–4 марта 2004 г. М., 2004. С. 153; Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 9.

роны соответствующих составов преступлений использует конструкции, достаточно четко описывающие преступное деяние. Так, в ряде стран криминализированы: угрозы либо призывы к насилию по отношению к представителям той или иной группы (ст. 8 УК Швеции, ст. 135а УК Норвегии, ст. 130 УК Германии, ст. 137е Голландии); оскорбление лиц в зависимости от расы, вероисповедания и других признаков (ст. 135а УК Норвегии, ст. 257 УК Польши); пропаганда национальной ненависти (ст. 249 УК КНР).

Изученные материалы уголовных дел и доследственных проверок, равно как и публикаций, показывают, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в подавляющем большинстве случаев выражается в формировании негативного, неуважительного отношения к определенной части населения, т. е. в пропаганде ненависти либо вражды. Это достигается посредством использования лексических средств, имеющих отрицательную эмоциональную оценку (оскорблений), приписывания группе изгоев тайных и опасных для остальной части социума планов и намерений, изложения способов их нейтрализации, указаний на изначальную враждебность той или иной общности⁸.

В связи с этим представляется возможным предложить следующую редакцию ч. 1 ст. 282 УК РФ: «Пропаганда ненависти, вражды либо превосходства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенная публично, в том числе с использованием средств массовой информации, ...».

⁸ Подробнее см.: Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: Методические рекомендации. М., 1999. С. 4–6.

С. В. Киселев,
кандидат юридических наук, доцент
(МВД Республики Карелия)

ОБ ОПЫТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И СЛУЖБ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАРЕЛИИ В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед органами внутренних дел страны, является обеспечение правопорядка и безопасности населения в условиях террористической угрозы.

При стабильной политической и социально-экономической ситуации в Республике Карелия основной задачей органов внутренних дел является проведение оперативно-профилактических мероприятий, направленных на предупреждение террористических актов в местах массового пребывания людей, усиления охраны объектов особой важности и жизнеобеспечения. Вопросы противодействия терроризму, в том числе об организации взаимодействия подразделений нашли свое закрепление в плане основных организационных мероприятий МВД Карелии, а также постоянно обсуждаются на коллегиях и оперативных совещаниях различного уровня.

В целях координации и практической отработки вопросов по устранению условий для деятельности террористической и экстремистской направленности реализуются межведомственные, совместные с другими правоохранительными органами, планы по выявлению и пресечению деятельности террористических и экстремистских формирований, а также по борьбе с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Для обеспечения безопасного функционирования объектов особой важности, жизнеобеспечения и транспорта МВД Карелии с участием других заинтересованных служб организуется проведение комплекса мероприятий, направленных на усиление их защиты.

На постоянном контроле руководства МВД Карелии находятся вопросы по нарушениям режима хранения боеприпасов и взрывчатых веществ на складах, расположенных на территории республики,

о мерах по недопущению возможных террористических и экстремистских акций при проведении массовых общественных мероприятий; по предупреждению и пресечению анонимных проявлений с угрозами террористического характера и др.

Органами внутренних дел республики во взаимодействии с ОВД на транспорте осуществляются постоянные проверки объектов транспорта (железнодорожные вокзалы, места отстоя ж/д транспорта, автовокзалы, аэропорты, речные и морские порты) и прилегающих территорий для своевременного выявления террористов и их пособников. В ходе проверок с руководством этих объектов проводятся инструктажи о необходимости усиления досмотровых и охранных мер, ориентирования сотрудников на повышение бдительности. По результатам проверок направляются представления руководству транспортных ведомств об устранении выявленных недостатков.

Обеспечен ежедневный контроль за передвижениями на автомобильном и железнодорожном транспорте через базу данных «Розыск-Магистраль» и «Поток». С целью исключения фактов перевозки взрывчатых веществ, оружия и наркотических средств сотрудниками ОВД на транспорте проводятся контрольные проверки поездных бригад на предмет провоза пакетов, бандеролей и т.п.

Подразделения паспортно-визовой службы и по делам миграции при участии других служб проводят совместные оперативно-профилактические мероприятия по противодействию незаконной миграции, проверке соблюдения правил регистрации и паспортной системы как гражданами России, так и иностранными гражданами и лицами без гражданства, физическими и юридическими лицами, организациями, привлекающими иностранную рабочую силу.

С лицами, въехавшими по туристическим визам и обращающимися для регистрации по частным адресам, с лицами, въехавшими в порядке безвизового въезда, во время регистрации проводятся беседы для выяснения фактической цели пребывания. Поддерживается постоянный контакт ПВС со службой участковых уполномоченных милиции при проверках соблюдения иностранными гражданами правил пребывания в РФ. Организован компьютерный учет всех временно и постоянно находящихся в республике иностранных граждан.

С использованием АИПС «ФР-Оповещение» проверяются все задержанные и подозрительные лица на предмет причастности к

террористическим актам и другим преступлениям. Совместно со службами транспортных ведомств разработана система контроля за перемещением опасных и разрядных грузов.

Установлено тесное взаимодействие МВД Карелии с другими правоохранительными органами республики по обмену информацией и совместным оперативно-профилактическим мероприятиям по выявлению лиц, склонных к совершению действий антиобщественного, преступного и террористического характера, а также юридических и физических лиц, оказывающих финансовую помощь незаконным вооруженным формированиям

В органах внутренних дел Республики Карелия накоплен значительный опыт организации информационного обеспечения контроля за оперативной обстановкой. Автоматизированная информационная система «Оперативная обстановка», предназначенная для учета всех зарегистрированных на территориях обслуживания ОВД Карелии сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях, помимо формирования ежесуточных сводок о зарегистрированных преступлениях и происшествиях в каждом ГО-РОВД и в целом по республике, позволяет осуществлять контроль за разрешением всех зарегистрированных заявлений, сообщений и иной информации на уровне ГО-РОВД и особо значимых преступлениях на уровне МВД Карелии, формировать статистические сведения о складывающейся оперативной обстановке в целом по республике, в разрезе районов и городов за сутки, неделю, месяц и т.д., анализировать результаты работы различных служб по выявлению и раскрытию преступлений, эффективности работы СОГ на местах происшествий, проведения специальных операций и т.п.

Результаты работы органов и подразделений МВД Карелии за истекшие сутки ежедневно рассматриваются на рабочем совещании у министра внутренних дел Карелии с участием руководителей служб и отчетами дежурной части и ответственных руководителей о проделанной работе.

Сведения, содержащиеся в различных отчетах, накапливаются в информационно-аналитической системе «Регион», предназначенной для формирования информационно-аналитических материалов о состоянии преступности на территориях обслуживания и результатах работы органов, подразделений и служб за различные периоды отчетности горрайорганов и МВД республики, в сравнении с анало-

гичными показателями субъектов России в Северо-Западном федеральном округе и Российской Федерации в целом.

Доступ к базе данных системы «Регион» имеют пользователи локально-вычислительной сети аппарата МВД Карелии, а также горрайорганы в режиме удаленного доступа по выделенным и коммутируемым каналам связи. Это позволяет руководителям различного уровня оперировать едиными данными, в основе которых формируемые Информационным центром государственные, ведомственные и местные отчеты, а также предоставляемые ГИЦ МВД России обобщенные данные в целом по стране и по федеральному округу. Другие сведения, например формируемые службами или горрайорганами по своей инициативе, руководством МВД Карелии к рассмотрению не принимаются.

В настоящее время в МВД Карелии осуществляется реализация проекта по созданию единой цифровой системы передачи данных («голоса», компьютерной информации и в перспективе видеоизображений). Это позволит в полной мере минимизировать информационные потоки по сбору данных и повысить качество и эффективность информационного обеспечения практической деятельности органов внутренних дел Карелии на основе современных безбумажных технологий.

По инициативе органов внутренних дел активно внедряются системы видеонаблюдения и экстренного вызова милиции на улицах, площадях, в местах массового пребывания граждан, других общественных местах.

Состояние антитеррористической защищенности населения Республики Карелия находится на постоянном контроле руководства МВД Карелии и антитеррористической комиссии республики, возглавляемой главой Республики Карелия.

Решением антитеррористической комиссии Республики Карелия из числа сотрудников различных министерств, ведомств и предприятий были созданы ее 9 рабочих групп по различным направлениям, в том числе по вопросам противодействия терроризму на объектах железнодорожного транспорта на территории республики и по вопросам противодействия терроризму на объектах промышленности, автомобильного, авиационного, речного транспорта и связи.

С целью усиления мер по антитеррористической защищенности населения МВД Карелии направило в антитеррористическую комиссию ряд предложений, нацеленных на обеспечение безопасности

граждан в местах массового скопления людей, в том числе на объектах воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта, а также техническую укрепленность объектов жизнеобеспечения. Часть из них нашли свое отражение в решениях антитеррористической комиссии, в том числе:

рекомендовать органам местного самоуправления установить в местах массового пребывания людей, а также школах, больницах, театрах, домах культуры и т.д. системы экстренного вызова «гражданин-милиция»;

оборудовать посты ДПС и въезды в г. Петрозаводск заградительными ограждениями, препятствующими сквозному движению;

рекомендовать правоохранительным органам Республики Карелия усилить взаимодействие по выявлению, предупреждению и пресечению противоправных действий общественных и религиозных объединений республики, фактов подготовки и осуществления этими объединениями действий экстремистского характера, обратив особое внимание на их деятельность в молодежной среде, местах межэтнической напряженности.

Важнейшей организационной основой взаимодействия органов государственной власти республики, органов местного самоуправления и правоохранительных органов являются республиканская и районные (городские) программы борьбы с преступностью, в которых важнейшее место отводится, прежде всего, мероприятиям, направленным на укрепление антитеррористической защиты населения.

Как показывает практический опыт работы органов внутренних дел Карелии, в целях повышения уровня организации совместной деятельности различных ведомств необходимо определить на законодательном уровне полномочия глав субъектов Российской Федерации по координации антитеррористической деятельности на территории соответствующих субъектов Российской Федерации по принципу, аналогичному организации мобилизационной подготовки.

Кроме того, следует внести изменения в уголовное законодательство, усиливающие ответственность за должностные преступления, терроризм, преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, сбытом взрывчатых веществ и изготовлением взрывных устройств, разжигание национальной, религиозной и расовой розни, незаконный оборот наркотических средств.

Актуальной задачей общепрофилактической деятельности органов внутренних дел является восстановление общественных формирований правоохранительной направленности, укрепление связи с населением. Необходимо более активно организовывать выступления работников милиции, прежде всего участковых уполномоченных, по вопросам борьбы с преступностью и охраны общественного порядка перед населением.

Правовой основой добровольного участия жителей Республики Карелия в охране общественного порядка является закон Республики Карелия «Об участии жителей Республики Карелия в охране общественного порядка», принятый Законодательным Собранием Республики Карелия 24 февраля 2005 г.

Данный закон определил формы такого участия в целях укрепления взаимодействия жителей Республики Карелия с правоохранительными органами и органами местного самоуправления. Участие граждан в охране общественного порядка может быть индивидуальным (пропаганда правовых знаний; содействие правоохранительным органам в профилактической работе с лицами, склонными к совершению правонарушений; содействие органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; иные не запрещенные законодательством формы участия в охране общественного порядка) и коллективным (членство или участие в общественных объединениях, созданных и действующих в порядке, установленном Федеральным законом от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях», и уставные цели которых предусматривают оказание содействия правоохранительным органам; участие в работе народной дружины муниципального образования). Однако, как представляется, требуется скорейшее принятие и закона на федеральном уровне.

Данные предложения, безусловно, не исчерпывают всего круга вопросов темы. Тем не менее, их решение, как показывает опыт, будет способствовать активизации борьбы с терроризмом.

В. Г. Г р и б,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России);
А. В. М а ж н и к о в
(Московская финансово-промышленная академия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Мировое сообщество осознало, что самой большой опасностью для человечества является интенсивно растущая национальная и транснациональная преступность, которая в настоящее время включает в себя как традиционно уголовные, так и военные, экономические и глобально-террористические угрозы. С целью достоверной характеристики криминальной ситуации в стране и ее влияние на взаимодействие правоохранительных органов России и зарубежных стран в борьбе с экономической преступностью проанализируем основные криминологические показатели, отражающие главные тенденции экономической преступности, характерные для современного этапа экономического развития России.

Доминирующей криминологической тенденцией в первые три года нового тысячелетия стал существенный рост общего объема преступности на Евразийском континенте, в том числе на всем постсоветском пространстве, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля над расширяющимися процессами криминализации общественных отношений¹.

Характеристики экономической преступности имеют сравнительно недавнюю историю. В США этому направлению были посвящены работы по исследованию «беловоротничковой» преступности преимущественно должностных лиц в сфере бизнеса. В экономическую преступность включают в основном преступления, посягающие на отношения в рыночной сфере. Перечень этих преступле-

¹ См.: Прогноз криминальной ситуации на территории Российской Федерации в 2005 году. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 3.

ний колеблется от 20 до 30 составов и касается законодательства по регламентированию новых рыночных отношений; антимонопольного, финансового и налогового законодательства.

В российском уголовном законодательстве составы преступлений экономической направленности включены в главу 22 УК РФ, все они объединены корыстным мотивом.

В общих чертах суть экономической преступности в рыночных условиях заключается в преступлениях против государственных экономических отношений, экономических интересов негосударственных юридических лиц, интересов потребителей товаров и услуг.

Нечеткость уголовно-правовых понятий экономической преступности, отсутствие непрерывности статистических учетов во времени и по характеристикам – все это не могло не сказаться на процессе борьбы с данными видами преступлений. Свидетельством служит статистика зарегистрированных преступлений экономической направленности. Так, по итогам 2004 г., преступления экономической направленности характеризуются следующими показателями: всеми правоохранительными органами страны выявлено на 6,9% выше показателя аналогичного периода прошлого года (АППГ). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем объеме экономической преступности вырос до 33,0%. Количество выявленных тяжких и особо тяжких преступлений составило 126,8 тыс. Наиболее значимое место в структуре выявленных экономических преступлений занимают следующие криминальные сегменты: преступления против собственности – 104,6 тыс. (+6,5%); преступления в сфере экономической деятельности – 48,6 тыс. (+34,7%); преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – 5,2 тыс. (–11,9%); преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – 29,6 тыс. (+18,0%). Особо отметим, что количество фактов взяточничества, выявленных за 11 месяцев 2004 г., составило 8,6 тыс., что на 19,2% выше АППГ. Этот показатель свидетельствует о росте коррупционной преступности на территории Российской Федерации. По оценкам ведущих экспертов, размеры «теневой» экономики в России продолжают оставаться на недопустимо высоком уровне. На территории нашей страны они измеряются величиной порядка 25–45% от всего валового внутреннего продукта. Современная экономическая преступность тесно связана с организованной, которая представляет собой сложную криминальную систе-

му организованных преступных групп и преступных сообществ (организаций), осуществляющих свою социально-опасную деятельность, отличающуюся высокой степенью вреда для всего российского общества².

Итоги 11 месяцев 2005 г. показывают, что активность преступных групп и сообществ на территории Российской Федерации носит возрастающий характер. За период с января по ноябрь организованными группами или преступными сообществами совершено 25,6 тыс. преступлений, что на 9,6% выше АППГ. Причем, правоохранительными органами выявлено 9,7 тыс. лиц, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (+4,8%)³. Соответственно возросло количество преступлений, ущерб от которых исчислялся в крупном и особо крупном размерах. Судя по статистическим данным, стали более активно применяться новые нормы УК РФ.

Наряду с традиционными формами, сохранившимися со времен административно-командной системы, широкое распространение получают новые виды экономических преступлений (незаконное предпринимательство; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем; незаконные сделки с валютными ценностями и т.д.). В последние годы вновь наметилась тенденция к росту преступлений, совершаемых в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Так, за 9 месяцев 2005 г. правоохранительными органами выявлено более 7 тыс. преступлений, совершенных в рассматриваемой сфере, что на 35,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Подводя итог рассмотрению различных сегментов современной преступности, соответствующих имеющейся классификации видов, типов и форм разнообразных криминальных проявлений, следует обратить внимание на то, что каждое из указанных проявлений имеет свои динамические особенности. Изменения во времени, т. е. ди-

² Под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать сплоченную организованную группу, созданную для совершения тяжких и (или) особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданных в тех же целях (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

³ Криминогенные явления, связанные с проникновением в экономическую сферу различных форм преступности, в том числе организованной, рассматривались в специальных исследованиях и публикациях ВНИИ МВД России, поэтому мы на них в настоящей статье останавливаться не будем.

намика каждого отдельно взятого показателя криминогенной обстановки, как правило, не совпадает с динамикой общего объема преступности и отражает сложные социально-криминологические процессы, происходящие в обществе.

Завершая краткую количественную оценку текущей криминальной ситуации на территории страны в сфере экономики, следует отметить, что ряд традиционных статистических показателей недостаточно достоверно отражает реальную степень напряженности оперативной обстановки. Это касается в первую очередь регистрируемого количества преступлений, а также показателей, отражающих уровень экономической преступности, организованной преступности и коррупции.

Нельзя не отметить, что статистическая картина также зависит от нарастающей латентности преступности и изменения ее качественных характеристик.

Интенсивное развитие международных отношений при одновременном росте преступности влечет за собой повышение активности преступной среды по установлению международных связей, увеличение количества преступлений транснационального характера на территории России. Если раньше в условиях относительной международной изоляции российский криминал на международной арене играл мизерную роль в системе международной преступности, то сегодня можно говорить о стремительном вливании российской преступности в международную, особенно развиты такие контакты у членов экономической организованной преступности.

На территории России растет количество преступлений, связанных с легализацией криминальных доходов от транснациональной преступности. Особую опасность представляет незаконный транснациональный оборот наркотиков, оружия, нефтепродуктов, фальшивых денег, культурных ценностей. Тенденция к международному сотрудничеству экономической организованной преступности привела к тому, что Россия стала страной, где сложились благоприятные условия для экспансии наркобизнеса, возникли и крепнут транснациональные связи между контрабандными группами, занимающимися торговлей антиквариатом, художественными и историческими ценностями, вывозом за пределы России цветных и стратегических металлов, распространением фальшивых денежных знаков и ценных бумаг; появились и развиваются новые для нас виды преступной деятельности – торговля «рабами», в том числе женщинами, контра-

бандный транзит жителей стран третьего мира в развитые капиталистические страны, преступления в отношении иностранных граждан и их имущества по «наводке» из-за рубежа, а также в игорном бизнесе, проституции, рэке и других. Налаживаются контакты и по другим видам и направлениям преступной деятельности. Настоящим бедствием для западных стран стали угон и транзит через Россию автотранспортных средств.

Как зарубежная, так и российская преступность успешно проникают в законную сферу предпринимательства и легализуются в тех отраслях, которые недоступны для правового преследования. Криминальный капитал пытается легализоваться в международной финансовой системе, используя ее для «отмывания» «грязных» денег. Денежные средства от незаконной внешнеэкономической деятельности лидеры экономической организованной преступности перечисляют на банковские счета за рубежом. Так, по данным НЦБ Интерпола РФ России и стран, на территории которых расположены банки, принимавшие незаконно вывезенные денежные средства российских бизнесменов, на подобные финансовые контакты зачастую шли банки Германии и Австрии (в каждом 6 и 7 случаях). Для хранения «грязных» денег используются банки США и Великобритании («Chemikal Bank», «New York City Bank», «Bank of New York N.Y.»)⁴.

В связи с этим остро встает проблема консолидации усилий правоохранительных органов разных стран в борьбе с организованной преступностью; возникла необходимость взаимодействия между соответствующими службами различных государств в расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами. Вместе с тем получению и реализации информации о нелегально вывезенных капиталах, сосредоточенных в иностранных банках, их аресту, конфискации и возврату в Россию препятствует отсутствие правовой базы по обеспечению такой деятельности в нашей стране и организации взаимодействия с зарубежными правоохранительными органами.

Следует отметить низкую эффективность нынешнего российского законодательства о международном розыске преступников и их

⁴ См.: Состояние оперативной обстановки в России за 2003–2004 гг. М.: ГИЦ МВД России, 2004. С. 14.

экстрадиции. До сих пор не выработана ведомственная нормативная база, регламентирующая деятельность всех правоохранительных органов по этим вопросам, отсутствует четкий механизм по осуществлению оперативно-поисковых мероприятий по международному розыску преступников, задержанию, аресту и передаче их инициаторам розыска, также не урегулирована процедура и основания объявления преступников в международный розыск («красный» лист Интерпола). В связи с этим актуальной для правоохранительных органов России становится задача максимального использования возможностей международного сотрудничества и зарубежного опыта в деле совершенствования организации по борьбе с экономической преступностью. Так, наиболее эффективной формой работы против участников российских организованных преступных формирований, занимающихся преступной деятельностью на территории других государств, по нашему мнению, является получение информации о наличии у них незаконных финансовых средств в зарубежных банках, а также недвижимости.

Российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за сокрытие средств в иностранной валюте и укрытие от налогообложения. Получение подобных сведений способствует возбуждению уголовного преследования в отношении данной категории лиц с последующей их экстрадицией.

Основу международно-правовой базы взаимодействия российских и иностранных правоохранительных органов на сегодняшний день составляют договоры, заключенные еще СССР, но обязательные для Российской Федерации как государства-правопреемника. В настоящее время Россия является участницей таких международных договоров, как: Международная конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков (1929 г.); Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции (1949 г.); Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.); Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются (1978 г.); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.); Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) и др.

По нашему мнению, приоритетным направлением развития и совершенствования правовой базы борьбы с транснациональными проявлениями организованной преступности является присоеди-

ние Российской Федерации к заключенным под эгидой Совета Европы Европейской конвенции об экстрадиции (1957 г.), Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам (1959 г.), Европейской конвенции о международной силе решения по уголовным делам (1970 г.), Конвенции о передаче осужденных лиц (1983 г.), Европейской конвенции о правонарушениях, связанных с культурной собственностью (1985 г.) и Конвенции об «отмывании», выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990 г.), а также в совершенствовании отечественного законодательства в связи с этим.

Важную роль в правовом и организационном обеспечении борьбы с организованной преступностью, имеющей транснациональный характер, играют и межведомственные соглашения о сотрудничестве, заключенные МВД с международными организациями. Среди этих документов следует, прежде всего, назвать Меморандум (1989 г.) о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия между МВД СССР и Центром по социальному развитию и гуманитарным вопросам Отделения ООН в Вене, Международным научно-исследовательским институтом ООН по проблемам преступности и правосудия (ЮНИКРИ), Хельсинским европейским институтом по предупреждению преступности и борьбе с ней (ХЕЮНИ). В названном Меморандуме, в частности, предусмотрены обмен информацией и проведение взаимных экспертных консультаций по проблеме предупреждения организованной преступности и противоправных явлений в крупных городах. Этот документ предусматривает также возможность для соответствующих подразделений правоохранительных органов России непосредственного обмена с ЮНИКРИ и ХЕЮНИ информацией по организационно-правовым вопросам борьбы с криминальными сообществами, проведения экспертизы и занятий по повышению профессиональной подготовки специалистов в соответствующей области.

Весьма актуальной становится задача расширения и повышения эффективности двусторонних связей правоохранительных органов России с правоохранительными ведомствами зарубежных стран в борьбе с организованной преступностью. Так, со странами-участницами СНГ такое сотрудничество проводится на базе подписанной 22 января 1993 г. в г. Минске Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголов-

ным делам, а с другими государствами бывшего Союза ССР (Азербайджаном, Кыргызстаном, Литвой, Эстонией и Молдовой) – на двусторонней основе. К сожалению, реализация положений данных документов на практике не получила должного распространения.

Тем не менее, многие вопросы взаимодействия России с другими странами в области борьбы с преступностью регулируются в двусторонних межведомственных договорах. Из них следует выделить такие правовые акты, как Соглашение о сотрудничестве с МВД Австрийской Республики в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью (1990 г.), Соглашение о сотрудничестве с МВД ФРГ в борьбе с организованной преступностью (1991 г.) и Соглашение о сотрудничестве с МВД Итальянской Республики в борьбе с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (1993 г.). Названные соглашения о сотрудничестве предусматривают обмен данными, относящимися к различным формам организованной преступности и борьбе с ней; обмен оперативной информацией о возможных контактах между преступными объединениями и группами, действующими в странах; выявление и исследование причин, процессов, образования, динамики, структуры и форм организованной преступности и т. д.

В настоящее время установлены деловые контакты с ФБР США, БКА Германии, полицией Швеции, Болгарии, Финляндии и других стран. Проводятся совместные оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия по розыску международных преступников, находящихся на территориях других государств. Имеются позитивные результаты взаимодействия с правоохрнительными органами США, Германии, Израиля, Швеции, Финляндии.

Медленно внедряется в практику правоохрнительных органов России имеющийся богатый опыт борьбы с мафиозными структурами ряда зарубежных стран (США, Японии, Италии, ФРГ и др.). Поэтому недостаточно используется потенциал международного сотрудничества в совершенствовании борьбы с преступностью, особенно с ее организованными формами и проявлениями, выходящими за рамки государственных границ, так называемыми транснациональными преступлениями. Предотвращение и раскрытие преступлений, имеющих международный характер, и борьба с ними требуют более широкого и оперативного обмена достоверной и новейшей

информацией между национальными правоохрнительными органами. Укрепление этой формы обмена данными имеет огромное значение для выявления, задержания и наказания транснациональных преступников.

К сожалению, современная статистика не содержит сведений, прямо указывающих на международный характер совершенных преступлений. Условно к ним можно отнести преступления, связанные с иностранцами (как совершенные в отношении их, так и самими), и другие преступления. К последним можно отнести преступления, прямо указывающие на их отношение к международной сфере (например, контрабанда, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники и др.) и преступления, которые могут совершаться как внутри страны, так и за рубежом (мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, и др.)

В заключение подчеркнем, что борьба с экономической организованной преступностью, которая не признает государственных границ, требует создания единого международного механизма сотрудничества, унификации международного законодательства для борьбы с ней. В этой связи одной из актуальных задач повышения эффективности борьбы с организованными преступными группировками остается приведение законодательства России в соответствие с международными конвенциями и соглашениями по вопросам борьбы с терроризмом, наркобизнесом, организованной преступностью, а также заключение межправительственных и межведомственных соглашений для пресечения совместными усилиями деятельности преступных транснациональных групп.

Разумеется, в статье отмечены не все вопросы, характеризующие позитивные и негативные стороны взаимодействия правоохрнительных органов России и зарубежных стран в борьбе с экономической преступностью. Однако, как нам представляется, поднятые предложения и пути их решения могут представлять интерес как для сотрудников правоохрнительных органов, так и для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

А. Ю. Чупрова,
кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Высокий уровень криминализации современной российской экономики очевиден, однако вряд ли кто сможет достаточно точно определить его не только абсолютные, но и относительные величины. Данные о состоянии преступности конкретного вида основательно различаются в зависимости от того, кем предоставляется информация. Так, по данным МВД России, в 1997 г. на территории Российской Федерации был выявлен 241 факт легализации преступных доходов, за что, по материалам Верховного Суда России за это деяние осуждено 5 человек; в 1998 г. зафиксировано 1 003 преступления (осужден 21 человек), в 1999 г. – 965 преступлений (осужденных – 21), в 2000 г. – 1784 преступлений (осужденных – 28), в 2001 г. – 1439 (осуждено 28 человек), в 2002 г. – 1076 (осуждено 27 человек), в 2003 г. – 1620 (осуждено 11 человек). Аналогичная ситуация складывается при сопоставлении данных МВД и Верховного Суда и по другим экономическим преступлениям.

Представители правоохранительных органов сталкиваются с серьезными проблемами и при квалификации иных преступных деяний экономической направленности, в том числе и традиционных, не требующих специальных экономических знаний. Во многом это объясняется недостатком опыта работы сотрудника на определенном направлении, стремлением выполнить «план» по раскрытым преступлениям, незнанием позиции руководящих судебных органов по конкретной категории уголовных дел. Недостаточная квалификация сотрудников правоприменительных структур приводит к тому, что неправомерно привлекаются к уголовной ответственности лица, в поведении которых присутствуют признаки гражданско-правового деликта, уходят от ответственности виновные в тяжких преступлениях, правовая оценка не соответствует истинной тяжести совершенного посягательства. Эти ошибки не только негативно сказываются на авторитете органов внутренних дел, но и связаны с серьезными нарушениями основополагающих принципов уголовного права: справедливости и неотвратимости ответственности. Причем, неточности в квалификации имеют место как при расследовании тра-

диционных преступлений, так и в случаях привлечения к ответственности за новые для российского уголовного закона преступления.

Более 80% преступлений экономической направленности совершаются в группе, более сорока процентов – организованными группами. Однако это обстоятельство не находит адекватного отражения в следственной практике. Многие крупные уголовные дела дробятся на эпизоды для предоставления отчетов об эффективной деятельности подразделений ОБЭП. Далеко не всегда сотрудники ОВД стремятся выявить преступные связи всех участников преступных групп, организованная преступная деятельность смешивается со сложным соучастием, что влечет неверную правовую оценку действий преступников.

Так, исследование уголовных дел о финансовых пирамидах показало, что правоприменительные органы весьма редко квалифицируют действия их создателей как совершенные организованной группой, хотя для этого имеются все основания. Эти преступления совершаются исключительно группой лиц. В среднем срок действия пирамиды составляет не менее 6-8 месяцев, основной состав группы практически не меняется, все действия участников координирует руководитель или руководящее звено. Присутствие указанных признаков позволяет с очевидностью говорить о наличии сплоченной группы, применяющей одинаковые приемы и методы для завладения средствами потерпевших. Однако лишь в 25% исследованных уголовных дел виновным вменялось в вину мошенничество, совершенное организованной группой. В остальных случаях деятельность организаторов пирамиды рассматривалась как совершенная группой лиц по предварительному сговору либо поведение некоторых участников организованной группы оценивалось как пособничество в мошенничестве либо подстрекательство к мошенничеству, вопреки разъяснениям, данным Верховным Судом РФ в постановлениях пленумов «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» и «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В соответствии с этими постановлениями действия участников организованной группы квалифицируются как действия исполнителей без ссылки на ст. 33 УК РФ, независимо от характера выполняемой ими роли.

Более того, в нескольких уголовных делах в одних и тех же действиях субъектов, создавших пирамиду, была усмотрена совокупность ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 3 ст. 159 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 159 УК РФ, хотя оба лица выступали и как организаторы, и как непосредственные исполнители одного продолжаемого мошенничества.

В правоприменительной практике встречались и другие крайности. В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ преступным сообществом признается организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Верховный Суд Российской Федерации нередко в своих решениях подчеркивал, что преступное сообщество не создается для совершения одного, пусть даже тяжкого преступления, и состоит из двух и более организованных преступных групп. В финансовых пирамидах несколько человек образуют группу с четко сформулированным намерением собрать как можно больше денежных средств у неопределенно большого числа доверившихся им людей, используя для этого один хорошо отработанный способ обмана. Таким образом, преступная деятельность виновных складывается из множества тождественных эпизодов, охватываемых единым умыслом и целью, и образует единое продолжаемое преступление. А это исключает присутствие в содеянном субъектами такого ключевого признака преступного сообщества, как совершение нескольких преступлений. Кроме того, пирамидальные структуры объединяют весьма небольшое число организаторов (от двух до семи в исследованных уголовных делах). Вряд ли можно признать правильной квалификацию по ст. 210 УК РФ действий руководителей или создателей мошеннических групп (пусть даже хорошо организованных), состоящих из двух, трех, пяти человек. Говорить в подобных случаях о наличии преступного сообщества было бы некорректно.

В то же время, когда имелись очевидные признаки преступного сообщества, правоприменители не всегда квалифицировали содеянное по ст. 210 УК РФ. Например, деятельность нескольких преступных групп, создавших самостоятельные пирамидальные организации в разных городах, контролировалась группой из нескольких неоднократно судимых лиц, проживавших совсем в другом городе. Построенная последними структура включала четыре самостоятельные организованные группы, управляемые из одного центра, в котором аккумулировались собранные с потерпевших средства, разрабатывались планы создания новых структур, решался вопрос о руководителях уже созданных подразделений. В таком случае применение для правовой оценки ст. 210 УК РФ представляется необходимым.

Действия организаторов финансовых пирамид причиняют серьезный ущерб гражданам. «Взносы» потерпевших, как показало исследование практики, варьировались от 1 400 до 2 900 долларов США с одного клиента. Средний ущерб от деятельности одной пирамиды составил 3,6 млн рублей, а среднее число потерпевших –

около 80 человек. Однако в трети уголовных дел субъектам не вменялось в вину совершение мошенничества в крупном размере. В отдельных случаях действия мошенников квалифицировались как причинение значительного ущерба гражданину. Подобная правовая оценка вряд ли может быть признана правильной, поскольку субъектами совершалось единое продолжаемое мошенничество, целью которого являлось получение виновными как можно большего дохода. И в теории, и на практике общепризнанно: при продолжаемых преступлениях причиненный ущерб суммируется. Поэтому оценка содеянного должна базироваться не на величине потерь одного потерпевшего, а на сумме ущерба, причиненного всем обманутым участникам. Такие действия следует квалифицировать, в зависимости от размера вреда, как мошенничество, совершенное в крупном или особо крупном размере.

Финансовые пирамиды, как и другие сложные и многоэпизодные дела о мошенничестве, требуют определенного опыта расследования, серьезной не только правовой, но и экономической подготовки. Такие навыки могут приобрести лишь сотрудники, специализирующиеся на расследовании конкретных видов преступлений. Необходимость «узкой специализации» правоприменителей и создания особых подразделений по борьбе с наиболее опасными преступлениями признали во многих странах.

Например, в Сингапуре существует специальное агентство, занимающееся борьбой с коррупцией – Бюро расследования случаев коррупции (БРСК). Это независимое агентство, которое занимается расследованиями и предотвращением коррупции в общественном и частном секторах страны. Во главе бюро стоит директор, отчеты-вающийся лично перед премьер-министром.

В Великобритании подобная практика уже стала традиционной. Для борьбы с преступлениями в сфере экономики создана специальная служба – Отдел по борьбе с серьезными мошенничествами (Serious Fraud Office) – СФО. Основаниями отнесения расследования преступлений экономического характера к компетенции этой структуры являются: сумма ущерба (выгоды от незаконных действий) превышает 1 000 000 фунтов стерлингов; преступление имеет международный характер, широкий общественный резонанс; расследование данного деяния требует специальных познаний, например, в области финансовых рынков, а также если имеется необходимость в

использовании специальных полномочий СФО, предоставленных ему ст. 2 Акта об уголовном правосудии 1987 г.¹

В апреле 2005 г. в Великобритании был принят новый закон (Serious Organised Crime and Police Act 2005). Перед его принятием правительство опубликовало «белую бумагу» – «Один шаг вперед – Стратегия двадцать первого века для победы организованной преступности», в которой определило три основные направления своей деятельности в противодействии организованной преступности:

- разрушение активности криминальных предприятий;
- уменьшение прибыльности организованной преступности;
- возрастание риска быть задержанным и осужденным.

Доклад был одобрен как правительством, так и общественностью, предложения МВД Великобритании практически без изменений вошли в закон. В соответствии с этим законодательным актом создавалась новая служба – Агентство по борьбе с серьезной организованной преступностью и определялись его полномочия. Основной функций агентства является предотвращение и расследование серьезной организованной преступной деятельности и уменьшение последствий преступлений такого рода. Сотрудники агентства могут возбуждать уголовные дела по преступлениям, совершенным организованными формированиями, оказывать помощь полиции и иным правоохранительным органам в расследовании и предотвращении указанных правонарушений, заниматься расследованием любого преступления, если оно входит в сферу интересов агентства, заключать соглашения с любыми лицами и организациями в любом государстве, если это соответствует основным функциям агентства. Полномочия этой структуры весьма широки и напоминают во многом полномочия упраздненного нашего управления по борьбе с организованной преступностью, что вне всякого сомнения было ошибкой. Английские коллеги рассматривают специализацию правоохранительных структур как основной путь к увеличению раскрываемости преступлений экономической направленности, совершаемых организованными формированиями.

В Акте о серьезной организованной преступности 2005 г. подчеркивается настоятельная необходимость сделать экономическую преступность менее выгодной. К сожалению, российское законодательство и судебная практика идут в противоположном направлении.

В соответствии со ст. 43 УК РФ одной из целей наказания является предупреждение преступлений. Это достигается в том числе и с

помощью назначения за совершенное преступное деяние справедливого наказания, отражающего его опасность. В делах о финансовых пирамидах такой позиции суда не прослеживается. В 64% уголовных дел, вне зависимости от суммы похищенного и наличия такого признака, как совершение преступления организованной группой, было назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы. Так, двум виновным, обманувшим 212 человек и причинившим ущерб на сумму 8,7 млн рублей, было назначено наказание (с применением ст. 64 УК) в виде лишения свободы сроком на 2 года и 2 года 6 месяцев условно. Еще один активный участник этой группы был осужден на 2 года 6 месяцев с применением ст. 64 УК. Подобный подход к правовой оценке опасных преступлений является ущербным.

Экономическая преступность, как синоним криминальной деловой активности, подчиняется всем законам экономики и именно экономический подход к разрешению этой проблемы позволит остановить рост этих преступлений и добиться постепенного снижения их числа.

Высокий уровень рентабельности отдельных видов преступной деятельности вовлекает в нее значительное число людей, желающих быстро получить необлагаемый налогом доход. Перечень правонарушений останется бесконечно длинным до тех пор, пока уголовное законодательство неадекватно оценивает опасность преступлений в сфере экономики, оставляя криминальный промысел занятием безопасным и высокодоходным. Установленная уголовным законом система штрафов за преступления экономической направленности не способна реализовать цели как общего, так и специального предупреждения. Уровень фактического рецидива в преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательства, достигает 70%, уровень раскрываемости же не превышает (для самого распространенного нарушения – незаконного предпринимательства) – 15%.

В такой ситуации экономия репрессии, проявляющаяся в исключении конфискации имущества из системы наказаний, может лишь стимулировать еще больший рост преступлений экономической направленности. Незначительное увеличение размеров штрафов не может рассматриваться как равноценная замена этому виду наказания.

Установленные законом виды штрафов в современных условиях не могут реально скорректировать в сторону уменьшения уровень экономической преступности. Более того, современные размеры этого вида наказаний провоцируют совершение преступлений. По мне-

¹ <http://www.sfo.uk/cases/cases.asp>.

нию самих предпринимателей (опрошено 76 человек, представляющих малый бизнес), наказание в виде штрафа не способно «задушить» их нелегальный бизнес, а отказ от конфискации позволит впредь не беспокоиться о состоянии материальной базы, уже созданной в процессе незаконной деятельности и необходимой для дальнейшего ее развития. Ответственность за нарушения таможенного или налогового законодательства, как это ни парадоксально, значительно строже, поэтому нередко случаи, когда лица, нарушившие таможенные законы, просят возбудить против них уголовное дело, а не решать вопросы в административном порядке, объясняя это боязнью потерпеть огромные убытки или прекратить экономическую деятельность в данной сфере. Таким образом, уголовная ответственность, несмотря на декларируемую строгость, не расценивается правонарушителем как наиболее жесткая реакция государства на общественно опасное поведение.

Штраф как метод экономического воздействия на криминальную деловую активность должен отвечать следующим требованиям: сократить доходность и экономическую эффективность преступной деятельности и тем самым устранить экономическую базу для ее воспроизводства. Подобный опыт уже имеется в странах с развитой экономикой, в частности, в США. Законодательство как отдельных штатов, так и федеральное, которое в основном регулирует ответственность за экономическую преступность, не содержит общих ограничений размеров штрафа. Его величина дифференцирована в зависимости от опасности совершенного преступления и возможного уровня преступных доходов. В английском праве максимальные размеры штрафа также не ограничены и зависят от тяжести совершенного деяния.

В российском праве подобный опыт борьбы с экономическими (налоговыми) преступлениями уже имел место. Нарушение налогового законодательства влекло согласно УК РСФСР 1926 г. (ст. 60) наказание в виде штрафа, размер которого был кратным сумме неуплаченного лицом налога. Представляется, что возрождение штрафа этого вида за экономические преступления существенно уменьшит доходность преступной деятельности и число ее резервистов.

В. В. Белинский
(ДЭБ МВД России)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МВД РОССИИ

Анализ статистических данных показывает устойчивую тенденцию к росту экономической преступности, правда, с некоторым спадом после финансового кризиса. Это подтверждает тезис о том, что количество и изощренность экономических преступлений нарастают с развитием экономического оборота, что обуславливает необходимость постоянных, опережающих возможное негативное развитие криминогенной ситуации, мер.

Предупреждение экономических и налоговых преступлений является одним из приоритетных направлений деятельности подразделений экономической безопасности МВД России. В целях повышения эффективности общепрофилактического воздействия на процессы, относящиеся к их компетенции, предпринимается комплекс мер организационного и практического характера. Последние сосредоточены на **наиболее значимых сферах экономической деятельности**, которые определены поручениями Президента Российской Федерации и приказами министра внутренних дел Российской Федерации.

Департаментом по экономической безопасности (ДЭБ) МВД России организована специальная оперативно-профилактическая операция «Энергия», совместно с региональными органами Роспотребнадзора проведено общероссийское оперативно-профилактическое мероприятие «Контрафакт–2005»¹. В соответствии с поручением Совета Безопасности Российской Федерации, в целях противодействия незаконному вывозу за рубеж древесины, а также другим нарушениям российского законодательства в лесопромышленном комплексе проведены оперативно-

¹ В ходе мероприятия проверено 15 423 предприятий, осуществляющих реализацию объектов интеллектуальной собственности. В результате возбуждено 364 уголовных дела (165 – по ст. 146 УК РФ), изъято контрафактной продукции на сумму 200 919 236 руб.

профилактические мероприятия в рамках межрегиональной операции «Лес».

Под приоритетный контроль правоохранительных органов взяты **наиболее важные объекты экономики**. В результате анализа и систематизации по отраслевой и территориальной принадлежности ДЭБ МВД России совместно с ФНС России определены 1746 объектов первоочередного оперативного внимания, которые, как правило, отнесены к категории крупнейших налогоплательщиков. Сотрудники Департамента и подразделений по экономической безопасности субъектов Российской Федерации ориентированы на работу по организации целенаправленных мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений, представляющих наибольшую общественную опасность.

При определении основных мер по предупреждению экономических преступлений, безусловно, необходимо исходить из криминологической характеристики рассматриваемых деяний. Поэтому при планировании мер по предупреждению экономических преступлений учитываются наиболее распространенные приемы и способы их совершения. В целях повышения эффективности работы по информированию Президента Российской Федерации, федеральные органы государственной власти об угрожающих факторах в экономике государства и подготовки предложений по их предупреждению и пресечению организован сбор, обработка и анализ сведений об угрозах экономической безопасности Российской Федерации и иных значимых негативных явлениях в сфере компетенции органов обеспечения экономической безопасности.

Так, в ходе оценки ситуации, сложившейся в сфере борьбы с легализацией доходов, установлено широкое проведение расчетов с использованием вексельной схемы, что является криминальным вариантом альтернативной системы денежных переводов, позволяющей недобросовестным хозяйствующим субъектам оставаться вне поля зрения контролирующих и правоохранительных органов.

В ходе проведения проверочных мероприятий в отношении законности возмещения НДС по экспортным операциям установлено, что в ряде банков в итоге финансовых операций по переводу денежных средств реального (фактического) их перемещения не происходит, то есть платежи носят фиктивный характер.

Анализ полученных данных позволяет обеспечить концентрацию сил правоохранительных органов на приоритетных направлениях борьбы с экономической преступностью и, как следствие, стабилизировать состояние оперативной обстановки путем решения задач, связанных с противодействием криминальному влиянию.

Исходя из криминологической характеристики экономической преступности, можно выделить несколько важных предварительных условий с тем, чтобы заранее обеспечить должную результативность предпринимаемых предупредительных мер. Экономические и налоговые преступления, как никакие другие, не являются единовременным актом, а представляют собой сложную систему решений и действий. Они «зреют» в сознании и поведении личности в виде целей и мотивов. В этой связи в теории и практике правоохранительной деятельности традиционно выделяют три стадии процесса **предупреждения** преступлений, обозначаемые терминами «профилактика», «предотвращение» и «пресечение».

На самой ранней стадии такого созревания преступного умысла необходима профилактика в виде совокупности целенаправленных разъяснительных, воспитательных, принудительных и иных мер, направленных на устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Имеются в виду факторы экономического, социального, политического, правового, воспитательного и организационного характера, предопределяющие противоправное поведение субъектов. Они достаточно многообразны и специфичны для группы экономических и налоговых преступлений. Как свидетельствует эмпирический и исследовательский материал, «питающую среду» таких правонарушений образует около ста детерминант, в том числе несовершенство налогового и гражданского законодательства, правовой нигилизм, безнаказанность за совершенные правонарушения, несовершенство государственного администрирования и т.д.

В обязанности органов внутренних дел входит находить, вскрывать, делать явными данные обстоятельства и в пределах своих прав принимать меры к их устранению, нейтрализации или ослаблению их негативных последствий.

В числе наиболее важных следует указать меры по выработке единой государственной идеологии, ориентирующей на правомерное решение проблем, связанных с осуществлением экономической дея-

тельности. В результате их реализации в сознании граждан должны утвердиться полезные для общества стереотипы о том, что осуществление финансово-хозяйственной деятельности правомерным путем возможно и выгодно, а неправомерное поведение в этой сфере легко выявляется и строго наказывается.

Ориентация государства на либерализацию сферы экономики, ее правомерное (а не теневое) развитие дает основания рассчитывать, что есть необходимые социальные предпосылки для начала декриминализации сознания и поведения россиян, реального движения по пути к цивилизованному гражданскому обществу. Важное значение имеет вытеснение из сознания граждан правового нигилизма.

Комплекс социальных мер должен включать мероприятия, направленные на выработку у россиян навыков и умений решать вопросы владения, использования и распоряжения своим имуществом в условиях рыночной экономики.

Формы такой активной профилактики могут быть разнообразными: разъяснительно-профилактическая работа среди руководителей хозяйствующих субъектов предпринимательской деятельности, участие и выступление по актуальным проблемам представителей подразделений по экономической безопасности МВД России на межведомственных конференциях, семинарах, заседаниях, круглых столах, публикации по вопросам соблюдения налогового законодательства в средствах массовой информации и др.

К профилактическим мерам в политической и государственно-правовой сфере необходимо отнести создание надежных технологий контроля за функционированием различных звеньев системы управления экономикой страны. Комплекс предупредительных мер следует направить на противодействие коррупции в государственном аппарате и органах муниципального управления. Важно постепенно преодолеть тенденцию к превращению коррупции в обычный товар рыночной экономики. Снижение уровня коррупции является важной социальной предпосылкой для повышения результативности борьбы с экономическими преступлениями.

Другой комплекс мер, ориентированных на эту сферу, должен быть направлен на преодоление кризиса и совершенствование технологий взаимодействия институтов власти. ДЭБ МВД России реализует вышеуказанные меры в тесном взаимодействии с другими

подразделениями МВД, а также с ФСБ, ФСНК, ФТС России и др. Для организации эффективного межведомственного информационного обмена с ФНС России в структуре центрального аппарата министерства создана межведомственная рабочая группа, задачей которой является обеспечение и координация совместной работы.

Такое взаимодействие дает практические результаты. В 2005 г. в рамках совместного с ФНС приказа о взаимодействии в ДЭБ МВД России поступило 116 материалов о нарушениях, содержащих признаки преступлений. По материалам ФНС России проведено 18 совместных проверочных мероприятий, общая сумма выявленного ущерба составила 2,78 млрд рублей.

В 2005 г. совместно с ФНС в сфере производства и оборота алкогольной и табачной продукции проведено 7 проверок, по результатам которых возбуждено 6 уголовных дел. Общая сумма выявленного ущерба составила свыше 500 млн рубл., сумма предотвращенного ущерба – 228 млн рублей. Одним из примеров эффективного взаимодействия с органами ФНС является также выявление и документирование схем уклонения от уплаты акцизов и НДС крупнейшими заводами – производителями алкогольной продукции, расположенными в Северокавказском регионе.

Сложилась эффективная практика проведения совместно с Пограничной службой ФСБ России и Федеральной таможенной службой России оперативно-профилактических мероприятий по защите водных биоресурсов страны в рамках общероссийской операции «Путина»².

Помимо изложенного, задачу предупреждения преступлений перед органами внутренних дел целесообразно рассматривать в плане их предотвращения, т.е. принятия упреждающих мер, когда имеются данные о

² В 2004 г. оперативными группами выявлено 11 624 правонарушения в рыбной отрасли. По материалам органов внутренних дел возбуждено 9 921 уголовное дело. К уголовной ответственности привлечено 7 488 человек, к административной – 387 юридических и 26 133 физических лица. Изъято 16 420 единиц орудий лова, 1 045 транспортных средств, 1 032 единицы огнестрельного оружия и 10 508 единиц боеприпасов. Пресечена деятельность 23 организованных преступных групп. В 1 квартале 2005 г. по фактам незаконного оборота водных биоресурсов возбуждено 1 727 уголовных дел, направлено в суд 1 173 уголовных дела, привлечено к уголовной ответственности 749 лиц; сумма установленного ущерба составила более 206 млн рублей.

возможном их совершении (конкретными лицами, в конкретном месте, в конкретное время, конкретными орудиями и т.п.). В таких ситуациях милиция должна нести полную ответственность.

Так, с учетом информации органов внутренних дел о фактических обстоятельствах сделок, имеющих признаки фиктивности и устремленности на легализацию денежных средств, направленных в Банк России, отозваны лицензии на осуществление банковской деятельности у 11 кредитных организаций. В ноябре 2005 г. с участием ЦБ и ФНС России проведена скоординированная операция в отношении одного из коммерческих банков, в котором одновременно были заблокированы счета 100 фирм, обладающих признаками фиктивности. Общая сумма заблокированных средств превысила 44 млн рублей. Из теневого оборота выведено свыше 200 млн рублей.

Основными мерами, ориентированными на экономическую сферу, должно стать совершенствование налоговой системы России, с тем, чтобы налоги стали менее обременительными и более дифференцированными. Масштабность налоговой реформы оказывает заметное влияние на собираемость налогов, в то же время основные положения реформы направлены на реальное снижение налогового бремени.

При этом следует отметить, что эффективное налоговое администрирование является основой противодействия налоговой преступности, однако, внесенные в налоговое законодательство изменения имеют и негативные стороны. Так, с января 2006 г. упрощается порядок принятия к вычету НДС – исключено требование обязательной оплаты за приобретенный товар. Анализируя имеющийся опыт деятельности, можно прогнозировать, что данное новшество создает дополнительные условия недобросовестным налогоплательщикам для махинаций с возмещением налога, в результате чего может произойти снижение налоговых поступлений в бюджет.

С 1 января 2005 г. изменения коснулись порядка налогообложения подакцизной продукции. Практически по всем видам данных товаров увеличены размеры ставок, что рассматривается как один из инструментов увеличения поступлений в бюджет. Вместе с тем, это приведет к увеличению стоимости алкогольной продукции, что будет способствовать активизации производства более дешевого алкоголя в теневом секторе.

Последние несколько лет сложилось нетерпимое положение с деятельностью «фирм-однодневок». До сих пор эта проблема не нашла должного разрешения, тогда как практика европейских стран доказывает, что решить ее можно, возложив ответственность за фиктивные сделки на реальный бизнес. Так, практически во всех странах обязанность доказывания затратной части по проведенным финансово-хозяйственным операциям лежит на налогоплательщике, который сам должен представить исчерпывающие доказательства реальности сделки, а налоговый орган вправе принять либо не принять отраженную затратную часть к налогоисчислению. Для этого необходимо принципиально изменить взаимоотношения государства и бизнеса, убрав из Налогового кодекса принцип «презумпции невиновности» в экономике.

Кроме того, целесообразно внести изменения в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц», предусмотрев, в частности, введение обязательного контроля органами внутренних дел подлинности и достоверности паспортных данных руководителей и учредителей организаций для исключения государственной регистрации их по недействительным и подложным паспортам. Запретить осуществление государственной регистрации по доверенности, а также представление документов по почте.

В последние годы правоохранительные органы активно противодействуют криминальным проблемам недружественных поглощений. Обобщение и анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что наблюдается негативная тенденция увеличения количества преступлений данной категории, при этом подавляющее большинство захватов объектов сопровождается регистрацией недостоверной информации в ЕГРЮЛ. С целью устранения указанных пробелов следует предусмотреть предоставление регистрирующему органу права проводить проверку достоверности представленных для регистрации сведений.

Наряду с изложенным, следует отметить, что в целях общепрофилактического воздействия на экономическую и налоговую преступность необходимо на законодательном уровне установить административные барьеры, препятствующие использованию различных налоговых льгот недобросовестными налогоплательщиками, создать

равные условия для производственной и предпринимательской деятельности.

Кроме того, важными мерами, ориентированными на экономическую сферу, должно стать упорядочение процесса приватизации, а также иных видов перераспределения собственности. Целый комплекс мероприятий должен быть посвящен в этой связи усилению различных форм государственного и общественного контроля за ним.

К специальным мерам по предупреждению экономических преступлений следует отнести совершенствование уголовного законодательства, что представляет важное направление предупреждения экономических преступлений.

Специалисты ДЭБ МВД России и органов обеспечения экономической безопасности принимают активное участие в подготовке проектов федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части уточнения составов и ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ, установления ответственности за уничтожение документов бухгалтерского учета, за оборот фальсифицированных или недоброкачественных лекарственных средств, усиления уголовной ответственности за нарушения на финансовом рынке и др.

Таким образом, можно считать, что органы обеспечения экономической безопасности обладают достаточно широким арсеналом оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, административно-правовых и организационных средств, которые можно отнести к мерам специально-криминологического характера, направленным на непосредственное предупреждение экономических преступлений.

Е. П. Антипова
(Северо-Западный филиал
Российской академии правосудия)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЛАТЕНТНОСТИ

Обосновывая необходимость выделения налоговой преступности в качестве самостоятельного вида преступности, мы опираемся на позицию, в соответствии с которой преступления отличаются друг от друга по многим криминологическим параметрам. Не учитывать этого – значит заведомо не иметь возможности целенаправленно и дифференцированно вести борьбу с различными проявлениями преступности. Ведь неоднородность преступлений требует и различных подходов в борьбе с ними.

К числу основных характеристик налоговой преступности большинство авторов относит состояние, динамику, уровень, латентность и структуру¹.

Налоговую преступность нельзя признать принципиально новым общественно опасным социально-правовым явлением для России. В различные периоды в той или иной степени велась борьба с преступными нарушениями налогового законодательства, которая в отдельные годы приобретала исключительно острый характер. Например, в 1922 г. по РСФСР за уклонение от государственных повинностей и налогов были осуждены 20 572 человека. Эти цифры до сих пор являются самыми высокими в истории отечественного налогообложения².

С сожалением следует отметить, что становление современной российской налоговой системы сопровождается значительным ростом числа налоговых преступлений и правонарушений. По оценкам специалистов, в результате неисполнения налогоплательщиками

¹ См.: Долгова А.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В. Понятия советской криминологии. М., 1985. С. 15.

² См.: Потапов С.Н. Налоговая преступность как угроза экономической безопасности России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 8–9 апреля 2003 г. Воронеж: Изд-во Воронеж ин-та МВД России, 2003. С. 127–128.

своих обязанностей государство ежегодно недополучает от 30 до 40% бюджетных средств. Уклонение от уплаты налогов получило широкое распространение, носит массовый характер и является главной причиной непоступления налогов в государственную казну.

Судить об истинном состоянии налоговой преступности возможно при помощи методов экономико-правового анализа, основывающихся на использовании различной экономической информации. По нашему мнению, о реальных масштабах налоговой преступности в той или иной степени свидетельствуют следующие показатели:

значительный разрыв между официальными и реальными доходами населения;

очевидная разница между расходами на потребление отдельных граждан (приобретение в больших объемах валютных ценностей, недвижимости, автомобилей, предметов обстановки и дорогостоящих услуг) и декларируемыми ими доходами;

скрытая занятость населения (наличие значительного числа работающих на предприятиях, не зарегистрированных в налоговых органах или осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность);

рост объема денежной наличности, находящейся во внебанковском обороте (использование «черного нала» в расчетах с другими предприятиями, оплате труда);

обострение кризиса неплатежей, заключающееся в неспособности или нежелании организаций рассчитываться деньгами с другими хозяйствующими субъектами в рамках коммерческой деятельности (преобладание бартерных операций, использование в расчетах векселей и иных ценных бумаг), а также с бюджетом (зачеты, натуральная оплата);

снижение собираемости налогов, отмечающееся даже в период ожидания сезонного роста поступлений налогов в бюджет;

увеличение из года в год значительными темпами размера бюджетной недоимки;

повышение объемов капиталов, незаконно вывозимых за рубеж (открытие счетов в зарубежных банках, приобретение компаний и ценных бумаг за рубежом)³.

³ См.: Потапов С.Н. Указ. соч. С. 127, 128.

Следует отметить, что в последнее время специалистами предпринимаются успешные попытки использования специальных научных методик для определения масштабов уклонения от уплаты налогов. Например, достигнуть указанного результата предлагается посредством сопоставления предполагаемой базы взимания НДС с фактическими поступлениями по данному налогу. Авторы методики предпочли не использовать данные по налогу на прибыль, поскольку у экономических субъектов существуют прямые стимулы скрывать ее (т. е. занижать базу налогообложения), а получение независимых показателей прибыли (помимо тех, которые сообщают организации) практически невозможно⁴.

Суть ее заключается в том, что базой взимания НДС на соответствующей территории является совокупный объем добавленной стоимости, оцениваемый органами статистики как валовой региональный продукт (он примерно равен валовому внутреннему продукту, произведенному в рассматриваемом регионе). Однако для определения реальной налоговой базы из валового регионального продукта необходимо вычесть добавленную стоимость в сфере производства благ, освобожденных от налогообложения. База взимания НДС оценивается путем деления поступлений от этого налога и официально регистрируемой задолженности по его уплате на ставку налога (10–20%) за анализируемый период. По окончании расчетов, произведенных на основе данной методики, уровень уклонения от уплаты налогов на территории Российской Федерации равен показателю 36,7% (в Москве – 41,8%). По всей видимости, эти результаты имеют достаточно высокую степень достоверности, поэтому позволяют оценить реальные размеры налоговой преступности. Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что аналогичные расчеты по налогу на прибыль своим итогом имели бы более высокий показатель, так как данный налог в этом смысле является более уязвимым.

Среди основных причин высокой латентности, выделяемых специалистами применительно к экономическим преступлениям⁵, на

⁴ См.: Николаенко С., Лиссоволик Я., Мак Фаркар Р. Специальный доклад «Теневая экономика в российских регионах» // Обзор экономики России. Основные тенденции развития. 1997 г. IV: Пер. с англ. М., 1998. С. 238–240.

⁵ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. С. 259.

счет преступлений в сфере налогообложения следует отнести отсутствие потерпевших и иных лиц (кроме органов налогового контроля), заинтересованных в их выявлении. В результате совершения налоговых преступлений прежде всего затрагиваются интересы государства. Население же в основной массе относится к нарушителям налогового законодательства терпимо или даже сочувственно и не только не оказывает содействия государственным контролирующим и правоохранительным органам в их выявлении, но и способствует совершению преступлений. Зачастую работники предприятия знают о нарушениях налогового законодательства со стороны руководителей предприятий, но, тем не менее, крайне редко предпринимают какие-либо действия для того, чтобы воспрепятствовать этому. Повсеместное распространение получила практика выплаты работникам с их согласия заработной платы из неучтенной денежной наличности и без надлежащего оформления в бухгалтерских документах.

К числу иных причин высокого уровня латентности налоговой преступности следует отнести:

изобретательность налоговых преступников;

тщательную маскировку совершаемых ими налоговых преступлений;

отсутствие явных следов, указывающих на совершение налоговых преступлений;

наличие большого промежутка времени (от одного года и более) между моментом совершения и моментом выявления налогового преступления.

Отдельные авторы в качестве искусственных причин латентности называют недостатки в деятельности органов, в обязанности которых входит раскрытие налоговых преступлений⁶.

Вышеприведенные показатели позволяют получить общее представление об уровне налоговой преступности. Однако анализ распространенности преступности предполагает также определение ее интенсивности. Основываясь на данных о зарегистрированных фактах налоговых преступлений, можно определить коэффициент налоговой преступности. Коэффициент преступности рассчитывается как отношение числа фактов преступлений и числа лиц, совершивших

преступления, к численности населения возраста уголовной ответственности⁷. Если в 1992 г. в Российской Федерации в расчете на 100 тыс. человек, имеющих возраст уголовной ответственности, коэффициент налоговой преступности составлял в среднем чуть более 0,1 преступления, то в 1996 г. – уже 5,7. Доля налоговой преступности в общей структуре преступлений экономической направленности, имевшая первоначально незначительные показатели, за этот же период возросла до 2,3% и стала сопоставима с такими преступными проявлениями, как фальшивомонетничество (3,6%), незаконное предпринимательство (3,8%) или незаконные сделки с валютными ценностями (6,3%).

Априори преступность характеризуется не только количественными, но и качественными показателями. К последним относится ее структура. Обратившись к показателям 1996 г., можно убедиться в высоком удельном весе в налоговой преступности (73,5%) сокрытий доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения. При этом более 55% преступлений данного вида совершалось в особо крупных размерах. Это обстоятельство дополнительно указывает на значительно возросшее число крупных собственников, не желающих по различным причинам платить налоги в государственный бюджет и использующих для этих целей различные ухищрения и маскировки, надеясь избежать разоблачения. Преступления, заключающиеся в противодействии или неисполнении требований налоговой службы в целях сокрытия доходов (прибыли) или неуплаты налогов, составляют 21,8%, уклонение от подачи декларации о доходах – 3,7%, иные – менее 1%⁸. Приведенные данные свидетельствуют о том, что лиц, считающих возможным оказать открытое противодействие органам налогового контроля, гораздо меньше, чем тех, которые склонны использовать различные ухищрения для уклонения от исполнения своих налоговых обязательств. Небольшое количество преступлений, связанных с порядком декларирования доходов физическими лицами, объясняется тем, что неудачная диспозиция соот-

⁷ См.: Методика анализа преступности: Методическое пособие / Под ред. О.В. Сороки. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1986. С. 21.

⁸ См.: Зрелов А.П., Краснов М.В. Современные способы противодействия организованной экономической и налоговой преступности // Право и политика. М., Nota Bene, 2003. № 11. С. 77–82.

⁶ См.: Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 64.

ветствующей статьи УК РФ делала ее практически неприменимой. Ответственность же за иные преступления против порядка налогообложения предусматривалась непродолжительное время. Данные 1997–1998 гг. свидетельствуют о некоторых изменениях в структуре налоговой преступности, происшедших за последнее время. На уклонение от уплаты налогов с организаций пришлось уже 79,3% всех преступлений в сфере налогообложения; при этом доля преступлений, совершаемых неоднократно, впервые составила за год более 5%. Последний показатель свидетельствует о наличии так называемого специального рецидива, характеризующего степень корыстной направленности налоговых преступников, а, следовательно, и о высокой устойчивости налоговой преступности.

Статистика свидетельствует о том, что преступные посягательства, направленные на уклонение от уплаты налога на прибыль, составляют 43,6% от общего числа налоговых преступлений, НДС – 28,4%, налогов, уплачиваемых в дорожные фонды, – 6,7%, подоходного налога с физических лиц – 3,7%, акцизов – 1,2%, налога на имущество предприятий – 0,9%⁹. Из этого следует, что налоговые преступления направлены на уклонение от уплаты тех налогов, которые предусматривают наиболее крупные отчисления в бюджет. Иные налоги также достаточно часто оказывались неуплаченными в результате преступных действий, однако это происходило преимущественно из-за того, что они имели общий объект налогообложения с вышеуказанными обязательными платежами. Преобладание преступлений, связанных с неуплатой налога на прибыль, объясняется уязвимостью механизма его исчисления, предусматривающего целый ряд исключений и изъятий, а также наличием льгот по его уплате, которые незаконно используются. В данном случае оказывает влияние и повышенный уровень корыстной мотивации у преступников, ведь удержание в своей собственности полученной прибыли и является их главной целью.

Основную налоговую нагрузку в Российской Федерации несут организации, поэтому наибольшее распространение получили преступления, связанные с исчислением и уплатой налогов с юридических лиц. Из всех числившихся на учете юридических лиц лишь 436 тыс. (16,6%) вносят платежи регулярно, 1 млн 307 тыс. (49,8%)

имеют задолженность перед бюджетом и около 787 тыс. (29,9%) не представляют бухгалтерскую отчетность, не платят налоги или находятся в налоговом розыске¹⁰. Практика показывает, что налоговые преступления совершаются в различных хозяйствующих субъектах независимо от форм их собственности. Однако следует отметить, что в организациях, основывающихся на частной форме собственности, выявляется более 80% таких преступлений. Эта закономерность определяется тем, что право управления на предприятиях, основанных на частной форме собственности, как правило, принадлежит ограниченному кругу лиц. Обычно руководящие органы на таких предприятиях возглавляются их фактическими владельцами, а должный внутренний финансовый контроль отсутствует.

Определенный интерес представляет также распределение нарушений налогового законодательства по сферам деятельности налогоплательщиков. На долю предприятий, осуществляющих торговлю продуктами питания, приходится 23,8% налоговых правонарушений; торгующих товарами народного потребления – 15,9%; занимающихся оказанием услуг – 12,1%; осуществляющих финансово-кредитные операции – 9,3%; торгующих недвижимостью – 7,9%; производящих продукцию металлообработки и машиностроения – 7,2%; осуществляющих нефтедобычу и нефтепереработку – 5,1%; предприятий металлургии – 1,8%; производителей химической и нефтехимической продукции – 1,5%; производителей электроэнергетики – 0,7%¹¹. Таким образом, вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о том, что подавляющее число налоговых правонарушений совершается в торговой сфере. Владельцы предприятий торговли стремятся получать оплату наличными деньгами за реализуемые ими товары, что позволяет им использовать денежную наличность во внебанковском обороте, что, в свою очередь, значительно затрудняет осуществление налогового контроля и способствует сокрытию денежных средств от налогообложения. Проанализируем состояние налоговой дисциплины в различных сферах предпринимательской деятельности.

¹⁰ См.: Варнавская Н. Хороший налогоплательщик – живой налогоплательщик // Коммерсантъ Daily, 2003. 17 октяб.

¹¹ См.: Федеральные органы налоговой полиции России: итоги 2001 года // Налоговая полиция. 2002. № 3. С. 2.

⁹ См.: Там же.

Огромные налоговые потери несет государство на рынке алкогольной продукции. Несмотря на принимаемые Правительством РФ меры по восстановлению государственной монополии на оборот спирта и алкогольной продукции, взять его под должный налоговый контроль до сих пор не удается. Согласно опубликованным данным, с 1989 по 2001 гг. общая сумма недополученных бюджетом средств по этой статье составила около 70 трлн руб. В настоящее время доля налоговых поступлений от оборота алкоголя составляет всего 3–5%¹².

Необходимо проследить и территориальную распространенность налоговой преступности. В 2000 г. ее наивысшие показатели отмечались в Центральном регионе, где было зарегистрировано 614 налоговых преступлений, Сибирском – 613, Северо-Кавказском – 605 и Уральском – 544. В других регионах соответствующие значения оказались ниже: в Поволжском и Волго-Вятском регионах выявлено 424 преступления в сфере налогообложения, в Северном и Северо-Западном – 325, Дальневосточном – 293, Центрально-Черноземном – 262¹³.

Таким образом, тема криминологического анализа налоговой преступности актуальна еще и в связи с имеющимися проблемами совокупности налоговых преступлений и незаконного предпринимательства. Эта тема затронута в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 1997 г. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов». Его п. 4 устанавливает, что «в соответствии с Законом Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц» (прекратил действие в связи с введением в действие НК РФ) налогообложению подлежат доходы, полученные физическим лицом в связи с осуществлением им любых видов предпринимательской деятельности».

Исходя из этого, действия виновного, занимающегося предпринимательской деятельностью без регистрации или без специального разрешения либо с нарушением условий лицензирования и уклоняющегося от уплаты налога с доходов, полученных в результате

такой деятельности, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171 и 198 УК РФ.

Разделяют данную точку зрения и некоторые специалисты. Так, В.П. Верин отмечает: «...Действия виновного, занимающегося предпринимательской деятельностью без регистрации или без специального разрешения либо с нарушением условий лицензирования и уклоняющегося от уплаты налога с доходов, полученных в результате такой деятельности, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171 и 198 УК РФ»¹⁴.

Однако п. 4 постановления Пленума по законам логики подлежит переработке. Предпринимательская деятельность, осуществляемая физическим лицом без разрешения, лицензии или с нарушением условий лицензирования, является незаконной, а соответственно, не подлежащей налогообложению. Доходы, полученные от такой деятельности, являются преступными и в полном объеме подлежат изъятию в пользу государства.

В случае привлечения физического лица к ответственности за уклонение от уплаты налогов с доходов, полученных в результате незаконного предпринимательства, государство как бы признает легальность полученного дохода, так как только законно полученные доходы подлежат налогообложению.

Таким образом, уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов с доходов, полученных от незаконной предпринимательской деятельности, наступать не может.

¹² См.: Состояние законности в Российской Федерации (2000–2001 годы): Аналитический доклад / Отв. ред. А.Я. Сухарев. М., 2002. С. 15.

¹³ См.: Федеральные органы налоговой полиции России: итоги 2001 года // Налоговая полиция. 2002. № 3. С. 3.

¹⁴ Верин В.П. Преступления в сфере экономики. М., 2001. С. 101.

Н. С. Винокурова,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

ОСОБЕННОСТИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для более глубокого и всестороннего рассмотрения сущности и особенностей корыстно-насильственных преступлений в сфере экономической деятельности и отграничения их от других видов деяний целесообразно предварительно дать криминологическую классификацию уголовных посягательств, в основу которой положены признаки: «**преступное насилие**» и «**корыстные побуждения**».

В этой связи следует отметить, что рассматриваемые преступления являются, в первую очередь, частью умышленных уголовных посягательств. Поэтому в дальнейшем речь будет идти исключительно о последних.

В соответствии с таким подходом можно выделить следующие виды умышленных преступлений, в которых присутствуют либо отсутствуют упомянутые выше признаки: насильственные, насильственно-корыстные, корыстно-насильственные, корыстные и нейтральные.

Основной характеристикой **насильственных** преступлений является физическое либо психическое насилие, то есть целенаправленное умышленное деяние, преследующее цель *уничтожения, разрушения, устрашения, повреждения* или иного **непосредственного причинения вреда** охраняемым уголовным законом правам, свободам, имуществу, личности, обществу и государству. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что причинение вреда по времени, как правило, наступает сразу же после насильственного воздействия. Исключением из общего правила может выступать, например, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Кроме того, как представляется, значимым признаком данного вида преступлений является личный, **непосредственный контакт** насильственного преступника с жертвой его посягательства. Примерами насильственных преступлений являются: убийство, умышлен-

ное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, умышленное уничтожение чужого имущества, терроризм и некоторые другие уголовные деяния.

Насильственно-корыстные преступления характеризуются целым рядом дополнительных признаков. Однако здесь в первую очередь следует отметить доминирующую роль насилия, как объективного (внешне проявляющегося) признака преступления, обуславливающего наивысшую степень общественной опасности насильственных посягательств. Неслучайно поэтому насилие прописано в диспозиции уголовно-правовой нормы. При этом важно учитывать, что оно зачастую является главным, а нередко и единственным условием реализации корыстной цели (мотива) преступником (например, убийство по найму). Именно поэтому мы классифицируем этот вид преступлений как **насильственно-корыстный**.

Вместе с тем обращает на себя внимание появление в данной группе преступлений корыстной цели (мотива), чего нет в насильственных преступлениях. Кроме того, целесообразно отметить, что в насильственно-корыстных преступлениях значительно более часто проявляются ситуации, когда угроза причинения насилия реализуется не сразу, а спустя достаточно продолжительный период времени (скажем, при вымогательстве).

Среди преступлений данного вида основу составляют посягательства против собственности (грабеж, разбой, вымогательство). Вместе с тем сюда могут быть отнесены и некоторые другие уголовные деяния (например, похищение человека из корыстных побуждений).

Корыстно-насильственные преступления в сфере экономической деятельности характеризуются существенными особенностями по сравнению с насильственно-корыстными посягательствами. Специфика данных преступлений обусловлена, в первую очередь, значительным своеобразием экономических рыночных отношений.

С учетом этого целесообразно рассмотреть некоторые наиболее существенные особенности, характеризующие экономические отношения, складывающиеся в условиях рыночной экономики. Здесь важно подчеркнуть, что специфика совершения корыстно-насильственных преступлений в новых экономических реалиях в значительной мере определяется внутренними закономерностями и

противоречиями частнособственнических, корыстных установок субъектов рыночных отношений.

Следует учитывать, что ключевой фигурой этих отношений является потребитель (клиент, покупатель, заказчик и т.п.), поскольку только он способен обеспечить реализацию конечной цели всей предпринимательской деятельности – получение прибыли. Видимо, не случайно в рыночной экономике получил признание в качестве принципа тезис «клиент всегда прав». Таким образом, потребитель, в конечном итоге, определяет востребованность произведенных товаров и услуг. Вот почему борьба за потребителя, в том числе с помощью рекламы, является одним из важнейших направлений современного бизнеса.

Важным инструментом в этой борьбе является удовлетворение спроса путем наращивания объема, ассортимента, качества товаров и услуг, т.е. предложения. Действительно, теоретически подобная логика рынка обуславливает целесообразность притока в сферу экономической деятельности максимально возможного числа производителей, соперничающих между собой за благосклонность, внимание и, в конечном итоге, за выбор со стороны потребителя. Отсюда с необходимостью вытекает вывод об определяющем характере, приоритетности такого эффективного рыночного инструмента, каким является **конкуренция** – один из главных механизмов регулирования рыночных отношений в современной экономике.

Вместе с тем конкуренция предполагает соревнование, соперничество, борьбу субъектов экономической деятельности между собой. Причем, борьба между ними может осуществляться различными способами:

а) **цивилизованными способами**, когда лидер экономического соревнования достигает преимуществ за счет соблюдения установленных нормативными актами правил экономического поведения, а также реального, фактического достижения высоких результатов производственной или иной экономической деятельности (разработки новых технологий, внедрения новейших материалов и оборудования, внедрения новых систем управления производством и сбытом продукции, повышения качества производимой продукции и услуг и т.д.). Следует иметь в виду, что такой вариант организации производства требует капиталоемких затрат, длительного периода отра-

ботки технологических процессов производства, расходов на рекламу своей продукции и услуг и т.п.

Мировая практика показывает, что такой способ организации производства ставит перед предпринимателями объективные трудности, сложности, дополнительные финансовые, ресурсные и кадровые затраты, что ведет к удорожанию продукции или услуг. В свою очередь оно влечет за собой понижение конкурентоспособности этих товаров и услуг, поскольку другие производители могут добиваться результатов, используя иные, более простые экономичные и быстро-достижимые способы, средства, механизмы, технологии;

б) **нецивилизованными способами**, когда субъекты экономической деятельности используют внешне легальные (законные) экономические рычаги, схемы, технологии для юридического прикрытия криминальной по своей сути экономической экспансии и получения в конечном итоге противоправного результата. Суть такой экономической деятельности характеризуется тем, что ее недобросовестные участники используют имеющиеся в законодательстве противоречия, пробелы, рассогласования. Такого рода правовые изъяны позволяют недобросовестным предпринимателям использовать внешне законные правовые механизмы для реализации своих преступных целей.

Такое экономическое явление можно продемонстрировать на примере так называемого недружественного захвата (поглощения) предприятия, организации, учреждения. В подобных ситуациях криминально ориентированные субъекты используют, например, возможности приобретения по завышенной цене контрольного пакета акций для захвата руководящих постов на конкретном предприятии и последующего его захвата в целях преднамеренного разорения, банкротства, расхищения активов данного предприятия;

в) **противоправными способами, приемами, средствами, технологиями**. Стремление решать конкурентные задачи таким путем связано с желанием субъектов экономической деятельности добиться конкурентных преимуществ путем снижения, а то и полного исключения из своей экономической деятельности капиталоемких затрат на реальное повышение эффективности производства товаров и услуг по всей технологической цепочке, от ее начала до конца (например, добыча сырья для металлургической промышленности и тому подобное).

Например, гораздо проще добиться доминирования на рынке товаров и услуг (скажем, сельскохозяйственной продукции) не путем реального наращивания производства сельхозпродукции, что требует значительного вложения капиталов (финансовых, кадровых и иных ресурсов), а с помощью искусственного ограничения конкуренции и, в частности, ограничения доступа на рынок других производителей. Однако в условиях, когда на рынок сельхозпродукции устремляются многие реальные производители, то для их вытеснения с рынка необходимо применять силовые ограничения, т. е. **насилие**, поскольку иным способом в рамках противоправной деятельности добиться доминирования на рынке практически невозможно.

Отмеченная выше специфика экономических рыночных отношений обуславливает и особенности корыстно-насильственных преступлений в этой сфере. Прежде всего, следует сказать о том, что здесь возможно проявление как обычного («классического») насилия, так и весьма специфичного, которое можно определить как **экономическое**.

Представляется вполне оправданным дать несколько иное, более приближенное к специфике рыночных отношений, определение «**экономического насилия**», которым мы и будем оперировать применительно к корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым исключительно в сфере экономической деятельности.

Итак, под «насилием» в рассматриваемой сфере мы будем понимать **обусловленную корыстной мотивацией деформацию (нарушение) субъектом преступлений, регулируемых законодательством рыночных отношений и механизмов, в целях разорения (осуществления различных способов завладения активами) других участников экономической деятельности, если это повлекло причинение им существенного ущерба**.

Определяя понятие деформации, мы вкладываем в него не только разрушение, осуществляемое путем физического или психического насилия, но и иные способы принудительного воздействия на участников рыночных экономических отношений. Например, путем псевдоправового воздействия в результате корпоративного сговора производителей, устанавливающих монопольные цены на реализуемую продукцию, пользующуюся повышенным спросом.

В подобной ситуации, как представляется, имеет место давление на потребителя, принуждение его оплачивать сверхприбыль монопо-

листам. Таким образом, целенаправленная деформация (разрушение) рыночных отношений может характеризоваться не только «классическим» физическим (психическим) насилием, но и **социально-правовым принуждением**, когда противоправные деяния лиц, совершающих экономические преступления, облекаются в юридическую форму (с помощью ведомственных нормативных правовых актов) и становятся обязательными для исполнения физическими и юридическими лицами, которым причиняется при этом противозаконный имущественный вред.

К числу **корыстных преступлений** следует отнести уголовные посяательства, при совершении которых субъект руководствуется исключительно корыстной целью (мотивом), и не намерен использовать насилие по отношению лично к потерпевшему. Правда, здесь необходимо отметить, что на практике вполне возможно перерастание корыстных в насильственно-корыстные деяния (например, перерастание кражи в грабеж). К числу корыстных преступлений можно отнести кражи, мошенничества, присвоения, растраты и другие аналогичные преступления.

Завершая криминологическую классификация умышленных преступлений насильственного, корыстно-насильственного, корыстного и иного характера, следует отметить категорию уголовных посятельств, которую условно можно обозначить как **нейтральные**. Их характерной особенностью является то, что они могут совершаться и без насилия, и без корыстной мотивации. Среди подобного вида преступлений следует в качестве примера назвать незаконное приобретение наркотических средств для личного потребления – ст. 228 УК РФ, незаконное хранение оружия для личных коллекционных целей – ст. 222 УК РФ и другие.

О. Ю. Ш а д р и н,
кандидат юридических наук, доцент;
К. В. С т е п а н о в
(Южно-Сахалинский факультет
Дальневосточного юридического института
МВД России)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ

В контексте угроз экономической безопасности криминализация является одной из ключевых, влияющих на стратегические процессы развития региона, общества и государства.

Потенциальная опасность криминализации биоресурсной экономики Дальневосточного региона России объективно усиливалась самой направленностью реформ, так как этапу первоначального накопления капитала, необходимому для полноценного развития рыночных отношений, неизбежно сопутствует обострение кризисных явлений в экономической жизни общества. Важнейшим фактором, обусловившим криминализацию биоресурсов, стало разрушение механизмов государственного влияния в данной сфере.

Воздействие этого фактора проявилось через следующие основные обстоятельства:

общее обострение криминогенной ситуации, в результате чего сформировавшаяся ранее вокруг и внутри «теневой экономики» криминальная инфраструктура, найдя себе новое поле деятельности после появления самостоятельных предпринимательских структур, порожденных экономическими реформами, не встретила необходимого государственного противодействия; соответственно, рыбная отрасль изначально развивалась в зоне криминогенного воздействия, подчиняясь «правилам игры», принятым в этой среде, что, в свою очередь, неизбежно привело к криминализации самого рыбопромышленного комплекса региона;

неспособность государства выполнять свои обязательства по защите «законопослушных рыбаков», вынудившая их обеспечивать условия своей деятельности (в том числе защиты своих прав, обес-

печения выполнения договорных обязательств с партнерами и т.п.), опираясь на негосударственные структуры, которые в таких условиях неизбежно принимали криминальный характер, что в свою очередь привело к криминализации экономических отношений;

непредсказуемость экономической политики государства, стимулировавшая «уход» капитала из зоны государственного воздействия (будь оно экономическим или административным, уголовным), т. е. становление его как «теневого». Это, в свою очередь, повлекло преимущественное инвестирование капитала в сферу добычи и оборота морских биоресурсов, «втягивая» в нее остатки производственного инвестиционного потенциала, так как размещение капитала в сфере незаконного оборота позволяет, во-первых, при необходимости, быстро изъять капитал, и, во-вторых, – скрыть капитал от любых форм государственного надзора.

Следует отметить, что последствия от преступлений, связанных с незаконной добычей, переработкой и оборотом водных биоресурсов, сказываются на экологической и продовольственной, а также в целом на экономической безопасности региона.

Переход на путь рыночных отношений видоизменил структуру преступлений в сфере биоресурсов. Активное развитие новых форм собственности и предпринимательства, несовершенство многих правовых норм привели к тому, что в деятельности преступных групп существуют различные национальные и транснациональные группировки, технически оснащенные, которые активно действуют на нашей границе, занимаясь добычей морских биоресурсов с нарушением российского законодательства. При этом обращает на себя внимание то, что организованными группами совершаются не единичные преступления, а совокупности (комплексы) разных, но взаимосвязанных одной целью преступлений, которые обеспечивают им систематическое получение криминального дохода от незаконного промысла.

Способы незаконной добычи и экспорта морепродукции весьма разнообразны и постоянно совершенствуются по мере ужесточения противодействия со стороны силовых структур. Наиболее распространено браконьерство в запрещенных районах, промысел запрещенными активными орудиями лова, сокрытие истинных уловов в промысловых журналах и радиоотчетах, использование так называемых научных квот, нелегальная миграция между территориаль-

ными водами России, исключительной экономической зоны и иностранными портами; неучтенные перегрузы улова в море на российские и иностранные транспорты и процессоры; многообразные квалифицированные формы подделки промысловых документов, коносаментов, печатей таможенных и пограничных служб; невозвращение из-за границы средств в инвалюте, незаконный ввоз валюты из-за рубежа, уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов, безосновательное возмещение из бюджета налога на добавленную стоимость, за экспортные операции, увод судов под «чужой флаг», подкуп сотрудников контролирующих служб, командиров ПСКР не только в целях искажения результатов контроля, но и для обеспечения с их помощью безопасности браконьерского промысла.

Современная ситуация в рыбной отрасли характеризуется тем, что отсутствует государственная поддержка, в частности, Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» не имеет прямого действия и требует принятия дополнительных нормативных правовых актов.

Одобренная правительством «Концепция развития рыбного хозяйства РФ на период до 2020 года» предусматривает финансовое оздоровление предприятий, возрождение промыслового судостроения, создание наибольшего благоприятствования для реализации готовой продукции на внутреннем рынке. Однако, далеко не все, что пишется на бумаге, претворяется в жизнь.

Добыча, переработка и реализация водных биоресурсов стала одной из магистральных в реформируемой экономике Дальневосточного региона, криминализация данной сферы оказывает прямое влияние на общую криминальную ситуацию в Дальневосточном Федеральном округе (ДФО).

Особую опасность в этом контексте представляет складывающаяся в регионе ситуация с экономической преступностью. Понятие экономической преступности в российской юридической науке спорно. Но, при любом уголовно-правовом и статистическом подходе экономическая преступность по сути своей была и остается ядром корыстной преступности. «Экономическая преступность как форма бизнеса» в рыбохозяйственном комплексе Дальневосточного Федерального округа представляет собой более серьезную угрозу для экономики региона, чем традиционные формы преступности.

Выделяется высокая латентность и системность данного явления в сфере биоресурсов. Тенденции одних экономических преступлений взаимосвязаны, а часто взаимообусловлены изменениями других. На наш взгляд, основная причина высокой латентности – отсутствие конкретных лиц, заинтересованных в выявлении экономических преступлений. Прямой и косвенный ущерб терпит государство. При совершении взяточничества и коммерческого подкупа фактические жертвы не считают себя таковыми, ибо они имели свою выгоду. Государство пока беспомощно проконтролировать весь спектр экономических посягательств на водные биологические ресурсы.

Поэтому данные, которые будут анализироваться ниже, следует воспринимать максимально критически. Они лишь в самой малой мере отражают уровень экономических деяний и чуть больше – их общие тенденции. По данным межведомственной комиссии при представителе Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе по общественной безопасности, в 2003 г. выявлено 2 392 преступления (что на 20,4% больше, чем в предыдущем году), затрагивающих сферу биоресурсов. Возбуждено 1 657 уголовных дел и направлено в суд 1 392 дела, к уголовной ответственности привлечено 1 737 человек, размер причиненного ущерба составил 1,3 млрд рублей. Среди выявленных преступлений в сфере охраны биоресурсов Дальневосточного региона доминируют контрабанда, браконьерство, нарушения законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне, различные виды хищений и налоговые преступления, что составляет 72% от всех зарегистрированных преступлений. По информации РУБОП МВД РФ при ДФО, организованными преступными формированиями в 2003 г. контролировалось более 40% всей добычи и экспорта морепродуктов региона¹.

Среди зарегистрированных преступлений преобладает незаконная добыча водных животных и растений или браконьерский лов морепродуктов, который по своему размаху сопоставим с легальным ловом. Передача функций охраны рыбных запасов исключительной экономзоны и континентального шельфа Федеральной пограничной службе ощутимых результатов в противодействии данным преступлениям не дала. Незаконно выловленные морепродукты, как предмет

¹ См.: Статистический сборник ГУ МВД при ДФО. Хабаровск, 2004. С. 4–5.

экологического преступления, в дальнейшем трансформируется в другие преступления уже экономической направленности. Проведенный анализ уголовных дел показывает, что технология преступной деятельности в сфере биоресурсов соединяет в себе систему преступлений, объединенных в единую цепь преступного поведения. Эта цепь характеризуется наличием основных и подчиненных преступлений.

Многие виды экономических преступлений в сфере морских биоресурсов связаны с внебанковским налично-денежным обращением. В основе роста неконтролируемой наличной денежной массы, циркулирующей в экономике региона и внебанковского движения денежных средств, лежат две причины. Во-первых, это неразвитость финансово-кредитной системы, заставляющая рыбопромышленников обращаться к наличному денежному обороту; а, во-вторых, постоянный рост экономической преступности, деятельность которой неизменно связана с нелегальным обращением денег и, прежде всего, наличных средств, передвижение которых наиболее трудно контролируется. Устранение первой причины напрямую зависит от общего хода реформ в стране. Борьба же с «теневой экономикой» и с функционирующим внутри нее неконтролируемым наличным денежным оборотом является одним из главных направлений деятельности силовых структур.

Опасность наличного оборота денежных средств связана, прежде всего, с возникновением значительной массы неучтенных финансовых средств, которые выводятся из-под таможенного и налогового контроля, исключаются из ресурсной базы налогообложения, что усиливает дефицит бюджета, ведет к инфляционным процессам. В частности, по оценкам экспертов налоговой инспекции, ежедневный выброс на региональный денежный рынок находящихся вне налогового контроля «обналиченных денег» составляет порядка 200 млрд руб.²

Большинство прогнозов, касающихся определения тенденций экономической преступности в ближайшие годы, предсказывают ее дальнейший рост. Особенно это связано с тем, что происходящий в стране активный процесс формирования рынка обуславливает разви-

тие современных экономических реалий, приводя к появлению новых видов экономических преступлений. Результатом криминализации сферы биоресурсов и экономической системы региона в целом стало проявление тенденций подчинения экономической, а впоследствии возможно всей политической жизни региона специфическим экономическим интересам криминальных структур, что в свою очередь исключает реформирование материально-технической базы отрасли в направлении формирования современной технологической структуры и ведет к соответствующим социально-экономическим последствиям.

Говоря о предупреждении экономической преступности региона, следует отметить, что основная роль принадлежит системе мероприятий общегосударственного уровня по стабилизации экономики рыбной отрасли, росту производства, достижению баланса экономической эффективности и социальной справедливости. Без стабилизации экономики сферы биоресурсов, повышения ее эффективности и усиления социальной направленности практически все профилактические меры организационно-хозяйственного, управленческого, технического и административно-правового характера едва ли смогут улучшить ситуацию.

Необходимым становится внесение определенных корректив в организацию научных исследований по изучению проблем экономической безопасности и криминализации экономики биоресурсов на уровне региона.

Для успешной реализации профилактических мер становится необходимым осознание важности противодействия экономической преступности, выявление степени и форм обратного воздействия преступности на социальную и экономическую сферы.

К комплексу организационно-технических мер профилактики относятся мероприятия по упорядочению российского экспорта биоресурсов, декларирование выловленной на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне морепродуктов и продукции из них.

В условиях расширения сферы финансовых злоупотреблений, различного рода таможенных и налоговых правонарушений, способствующих укреплению «теневых» структур и росту экономической преступности, особая роль принадлежит мероприятиям, направленным на реализацию жесткой налоговой политики и совершенствованию

² См.: Материалы международной научно-практической конференции «Прибрежное рыболовство – XXI век». Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2003. С. 17.

ние фискальной системы внешнеэкономической деятельности. Созрела необходимость законодательного определения порядка таможенного и валютного контроля при вывозе продукции из исключительной экономической зоны Дальневосточного региона России.

Особую роль в усилении профилактики экономической преступности приобретает система криминологической экспертизы, основой которой могут стать комиссии, объединения, ассоциации независимых экспертов из числа специалистов-криминологов, юристов, экономистов, социологов, ученых других специальностей и специалистов-рыбопромышленников, осуществляющих постоянный экспертный мониторинг социальной эффективности действующего законодательства, различных программ экономического и социального характера.

Существенную помощь в улучшении контроля за движением криминального капитала может оказать создание единого централизованного регистра, а на его основе – банка данных о функционирующих на территории Дальневосточного региона субъектах рыбохозяйственной и связанной с ней торгово-посреднической и финансово-кредитной деятельности.

Содержание мероприятий, способствующих декриминализации экономики биоресурсного потенциала Дальневосточного региона, должно иметь самое серьезное обоснование и конкретизацию мер в этой области с учетом всех факторов. Первоочередными, по нашему мнению, мероприятиями должны быть следующие:

пересмотр существующей нормативной базы, обеспечивающей функционирование экономической системы региона с точки зрения ее криминологической оценки, при этом первоочередного внимания требует государственная правовая база управления технологической цепочкой «вылов – переработка – реализация водных биоресурсов»;

создание норм ответственности за криминальную экономическую деятельность, отвечающих современным экономическим реалиям России; здесь в полной мере следует использовать зарубежный опыт сочетания уголовной и гражданско-правовой ответственности, предусматривающей имущественные санкции, направленные на подрыв экономической базы незаконной экономической деятельности в сфере биоресурсов;

создание механизмов, препятствующих «отмыванию» незаконно приобретенных капиталов на стадиях добычи, переработки и реализации морепродуктов;

определение распространения на исключительную экономическую зону нормативных таможенных правил Российской Федерации с обязательным декларированием морепродукции и оплатой таможенных сборов для промысловых судов;

исключение возможности регистрации коммерческих организаций рыбохозяйственного комплекса по подложным документам и несуществующим адресам, а также не располагающих необходимыми для нормальной работы промысловым флотом, основными и оборотными фондами;

предусмотреть обязанность для банков и других финансовых организаций сообщать о необычных валютных и финансовых сделках соответствующим органам, наделенным полномочиями проводить дальнейшее расследование;

наделение правоохранительных органов необходимыми, реальными правами для установления, отслеживания и замораживания средств, полученных в результате незаконной рыбохозяйственной деятельности. Дополнительно включить их, как «органы, осуществляющие государственный контроль» в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»;

установление повышенной уголовной, административной и финансовой ответственности налогоплательщиков – юридических лиц и граждан за экономические преступления и правонарушения в крупных и особо крупных размерах.

усиление санкций ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных животных и растений» с учетом санкций Закона РФ «О континентальном шельфе», предусмотрев лишение свободы до 5 лет, а в случае совершения преступления организованной группой или с причинением крупного ущерба – от трех до восьми лет лишения свободы.

М. Х. Г е л ь д и б а е в,
доктор юридических наук, профессор
(Северо-Западный институт
повышения квалификации ФСКН России);
И. Д. М а л ь ц а г о в
(Краснодарская академия МВД России);
Ю. Д. Ф е д о р о в а
(Санкт-Петербургский университет
аэрокосмического приборостроения)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

За последние годы в российском обществе особенно актуальной стала тема коррупции и противодействия ей. В то же время нельзя не признать факт, что коррупционная преступность существует не только в России, но и во множестве стран мира. Многие криминологи, социологи и политологи не только России, но и зарубежных стран выделяют как отдельный вид политическую коррупцию. Очевидно, что именно политическая коррупция является наиболее опасной для общества и государства в целом. Однако нельзя также не признать тот факт, что такой коррупции сложнее всего противодействовать, поскольку она, как правило, не сводится к разовой передаче денег, иных материальных ценностей либо предоставлению каких-либо услуг гражданином должностному лицу за его действия или бездействие, а предполагает зачастую выстраивание определенных схем и в большинстве случаев представляет собой достаточно длительный процесс.

Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению причин политической коррупции, необходимо определить, что же следует понимать под данным термином. Легального определения политической коррупции нет. Сам же термин «коррупция» можно найти только в Федеральном законе «О Федеральной службе безопасности» (в редакции от 30 июня 2003 г.), где в ст. 10 «Борьба с преступностью и террористической деятельностью» говорится, что «органы федеральной службы безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию шпионажа, террористической деятельности, организованной

преступности, коррупции, незаконного оборота оружия и наркотических средств, контрабанды и других преступлений...». Таким образом можно утверждать, что законодатель выделяет коррупцию в качестве отдельного вида преступлений. Однако в Уголовном кодексе России данное понятие отсутствует, что дает повод к широкому обсуждению этой темы в юридической литературе и неоднозначному пониманию указанного термина не только учеными-правоведами, но и работниками правоохранительных органов. Несомненно, понятие «коррупция» уже настолько прочно укоренилось в общественном сознании как характеристика преступлений, обладающих определенной спецификой, что в ближайшее время все-таки должно произойти его законодательное закрепление. Сейчас же под коррупцией в научной литературе чаще всего понимаются такие преступления, как легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем; злоупотребление должностными полномочиями, получение и дача взятки; служебный подлог.

Что же касается политической коррупции, то она отличается от коррупции в широком смысле слова рядом присущих только ей черт, к которым можно отнести:

- 1) специальный субъект данного преступления не просто должностное лицо, а носитель политической власти;
- 2) связь совершенного деяния с осуществлением политической власти;
- 3) направленность посягательства на правовые блага, лежащие в сфере политики¹.

При этом коррупционными преступлениями в этом смысле будут являться незаконное финансирование деятельности политических партий и имеющих политическую власть групп; незаконное финансирование избирательных кампаний; получение имущественных благ, имущественных и неимущественных услуг, используемых для осуществления политической власти, и др.

Немаловажную роль в изучении политической коррупции играет выяснение ее детерминант. Следует сказать, что в различных государствах коррупция обусловлена множеством как общих, так и специфических факторов. Рассмотрим, какие причины совершения коррупционных преступлений существуют на сегодняшний день в Рос-

¹ См.: Политическая коррупция в России (материалы круглого стола) // Государство и право. 2003. № 3. С. 110.

сии и по каким направлениям должно идти противодействие их совершению. При этом надо отметить, что причины возникновения политической коррупции во многом схожи с причинами возникновения коррупции в широком смысле слова.

Масштабы коррупционной преступности, ее специфика и динамика – следствие многочисленных проблем, сопровождающих Россию на современном этапе.

Связь между коррупцией и порождающими ее проблемами двусторонняя. С одной стороны, эти проблемы усугубляют коррупцию, а их решение может способствовать уменьшению коррумпированности. С другой стороны, масштабная коррупция консервирует и обостряет проблемы переходного периода, мешает их решению².

В целом все детерминанты коррупции можно условно разделить на две группы: общие проблемы, которые присущи большинству стран, и специфические, российские проблемы.

К общим проблемам, порождающим коррупцию, можно отнести следующие:

1. Трудности преодоления наследства тоталитарного периода, которые прежде всего выражаются в отходе от закрытости и неподконтрольности власти, безусловно, способствовавших процветанию коррупции.

2. Несовершенство законодательства. В данном случае фактором, благоприятствующим росту коррупционной преступности, может быть как полное отсутствие закона, регулирующего соответствующие общественные отношения, так и наличие такого закона, сформулированного неоднозначно либо содержащего оценочные признаки³. В таком случае у должностных лиц имеется возможность применять этот закон по собственному усмотрению, с целью личного обогащения.

3. Неэффективность и бюрократизация институтов власти. Тоталитарные режимы строят громоздкий государственный аппарат. Бюрократические структуры стойки и хорошо приспособляются к выживанию при самых тяжелых потрясениях. Причем, чем энергичнее преобразования, тем больше энергии и изобретательности тратится аппаратом на собственное сохранение. В итоге окружающая жизнь стре-

мительно меняется, а бюрократические институты и, следовательно, система управления отстают от изменений.

4. Слабость гражданского общества, отрыв общества от власти. Демократическое государство в состоянии решать свои проблемы только путем кооперации с институтами гражданского общества. Спад социально-экономического положения граждан, всегда сопровождающий начальные стадии модернизации, вызываемое этим разочарование, приходящее на смену прежним надеждам, – все это способствует отчуждению общества от власти, изоляции последней. Между тем ни низовая, ни верхушечная коррупция не могут быть подавлены без усилий общественных организаций.

5. Отсутствие демократических политических традиций. Проникновению коррупции в политику способствуют:

несформированность политической культуры;

неразвитость партийной системы, когда партии не в состоянии брать на себя ответственность за подготовку и продвижение своих кадров;

несовершенство выборного законодательства, чрезмерно защищающего депутатский статус, не обеспечивающего реальной зависимости выборных лиц от избирателей, провоцирующего нарушения при финансировании избирательных кампаний.

К специфическим российским проблемам относятся:

1. Слабость судебной системы. Она представляет собой одну из основных проблем переходного периода. В СССР суды, работавшие под нажимом партийных органов, нередко были ширмой в делах, связанных с коррупцией. Система тотального партийного надзора приучала людей искать защиту в партийных организациях, а не в судах. После распада этой системы на ее месте образовалась правовая брешь, не заполненная до сих пор.

2. Неразвитость правового сознания населения и его правовой культуры, что, в свою очередь, порождает отсутствие массового сопротивления коррупции. Многие граждане либо не считают отдельные факты коррупции деяниями противоправными, либо не верят в правовую защиту от подобных преступных посягательств.

3. Можно также говорить о социокультурных предпосылках коррупционной преступности в России. Их суть сводится к тому, что в современном обществе существуют две противоположные точки зрения на власть. Согласно одной из них власть представляет собой тяжелое бремя ответственности за судьбу общества. Это иде-

² См.: Гладких В.И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. 2001. № 3. С. 32.

³ См.: Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 6. С. 6.

альная модель властных отношений⁴. В то же время на бытовом уровне представления о власти чаще всего связываются с получением от нее определенных выгод. Она ассоциируется с престижем властного института, материальным благополучием, возможностью осуществлять свою волю в отношении других и использовать чужие ресурсы в своих интересах.

Изначально предполагается, что представители власти всего лишь находятся на службе у общества и за свой труд получают от него вознаграждение. Вне служебных обязанностей они должны взаимодействовать с остальными членами общества как обычные люди, тем более что их частные интересы, в принципе, не отличаются от интересов других людей. В противном случае может быть нарушен общественный баланс, а именно его они уполномочены поддерживать и обеспечивать. Но это скорее теория, чем практика⁵. На самом же деле злоупотребления властью в различных формах и масштабах имеют место повсюду. Причем здесь можно выделить определенную закономерность: чем меньше общество контролирует своих служащих, тем больше они склонны к злоупотреблениям. Речь в данном случае идет именно об обществе, а не о государстве⁶. Вероятно, эффективный контроль за властью возможен только в условиях развитого гражданского общества. Люди должны научиться ощущать свое гражданское равенство с представителями власти, видеть четкое различие между их должностными полномочиями и частными интересами.

Несомненно, что коррупция оказывает негативное влияние на все стороны жизни общества. Как уже было отмечено, связь проблем, порождающих коррупцию, и самой коррупции двусторонняя. Это выражается и в том, что последствия коррупционной преступности одновременно являются причинами ее дальнейшего роста. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть и наиболее существенные последствия коррупции, которые в свою очередь можно условно разделить на экономические, политические и социальные.

⁴ См.: Закс В.А. Социокультурные предпосылки коррупции // Государство и право. 2001. № 4. С. 53.

⁵ См.: Тимергалиева О. Антикоррупционное законодательство России и проблемы его осуществления // Право и политика. 2000. № 1. С. 56.

⁶ См.: Закс В.А. Указ. соч. С. 53.

Экономические последствия коррупции.

1. Коррупционная преступность приводит к расширению так называемой теневой экономики, что влечет за собой уменьшение налоговых поступлений в бюджет государства. Результатом этого процесса является утрата государством рычагов управления экономикой, а также обострение социальных проблем из-за невыполнения бюджетных обязательств.

2. Неэффективно используются бюджетные средства, в частности, при распределении государственных заказов и кредитов.

3. Происходит утрата доверия агентов рынка к способности власти устанавливать и соблюдать честные правила рыночной игры. Данный процесс ведет к ухудшению инвестиционного климата, а, следовательно, не решаются проблемы преодоления спада производства.

Политические последствия коррупции.

1. Политика ставит своей целью не общенациональное развитие и достижение общественного блага, а обеспечение властвования олигархических групп.

2. В результате уменьшения доверия населения к власти растет ее отчуждение от общества.

3. Снижается политическая конкуренция. Граждане разочаровываются в ценностях демократии, тем самым ставится под угрозу существование самих демократических институтов.

4. Падает престиж страны на международной арене, растет угроза ее экономической и политической изоляции⁷.

5. Увеличивается риск перехода от демократии к диктатуре на фоне борьбы с коррупцией.

Социальные последствия коррупции.

1. Значительная часть бюджетных средств отвлекается от целей общественного развития. В результате этого снижается способность власти решать социальные проблемы.

2. Возрастает и закрепляется имущественное неравенство. Коррупция обуславливает несправедливое перераспределение денежных средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения. При этом возможностью осуществления политической власти обладают только представители олигархических групп.

⁷ См.: Гладких В.И. Указ. соч. С. 32.

3. Дискредитируется право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества. Возрастает вера населения в несправедливость законодательства и всей правовой системы в целом. В общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан перед преступностью и перед лицом власти.

Как видно, причины и последствия проявления коррупции захватывают практически все сферы общественной жизни, являясь при этом взаимопроникающими и взаимообуславливающими. В этой связи невозможно устранить все причины, порождающие коррупционную преступность, решить все связанные с ней государственные и общественные проблемы одномоментно. Противодействие коррупции – длительный процесс. Антикоррупционная политика должна стать постоянной частью государственной политики. Это означает, что необходимо разработать и запустить в действие антикоррупционную программу, которая должна со временем перерасти в постоянно функционирующую систему ограничения коррупции. Разработка и реализация такой программы должна базироваться на точном понимании природы коррупции, на анализе причин неудач противодействия ей.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве содержится ряд мер, направленных на борьбу с коррупционными преступлениями. Например, по Конституции РФ (ч. 2. ст. 46) права потерпевших от злоупотреблений властью охраняются законом, но, как показывает практика, наше законодательство далеко от совершенства. Порой должностные полномочия беззастенчиво эксплуатируются исключительно в корыстных целях, а покарать это зло не в силах не только простые граждане, но и компетентные ведомства.

Дело в том, что правоохранительные структуры России противодействуют коррупции на основе действующего законодательства, которое пока далеко от совершенства. Народная мудрость донесла до наших времен меткое сравнение: «Закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло»⁸. Сохраняя верность этой печальной традиции, отечественные законы формулируются так, что могут быть истолкованы произвольно, а в такой ситуации вряд ли стоит ждать положительных результатов от работы правоохранительных органов. К решению проблемы надо подходить комплексно, т.е. одновременно бороться с последствиями (раскрытие и расследование коррупцион-

ных преступлений, а также принятие мер по возмещению причиненного ими ущерба) и устранять причины этого уродливого явления⁹.

В связи со сказанным хотелось бы в очередной раз напомнить, что правоохранительная деятельность – не единственный элемент в системе мер противодействия распространению коррупции. Здесь немаловажная роль отведена профилактике преступности, в том числе на стадии разработки законов и подзаконных нормативных актов, а также на этапах их совершенствования.

Но в то же время ссылками на несовершенство существующей правовой базы нередко прикрывается собственная бездеятельность. Во всяком случае, Уголовный кодекс РФ содержит предостаточно норм, посредством которых ряды коррупционеров можно «проредить». Он, в частности, позволяет карать за должностные преступления, а также за такие проявления коррупции, как мошенничество, присвоение и растрату, совершаемые с использованием служебного положения (п. «в» ч. 2 ст. 159, п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ).

Коррупционные преступления могут быть квалифицированы по таким статьям Уголовного кодекса, как ст. 174 – легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем; ст. 285 – злоупотребление должностными полномочиями, ст. 290 – получение взятки; ст. 291 – дача взятки; ст. 292 – служебный подлог. Однако в УК не содержится норм, по которым можно было бы квалифицировать такие действия коррупционного характера, как:

участие должностных лиц в коммерческой деятельности в целях извлечения личной прибыли;

использование служебного положения для передачи государственных средств в коммерческие структуры с целью получения личной выгоды;

предоставление должностными лицами льгот коммерческим структурам с целью извлечения личной прибыли¹⁰.

Если же говорить о проявлениях коррупции политической, то в большинстве случаев будут возникать проблемы с их квалификацией по действующему УК РФ, поскольку данные преступления обладают своей спецификой, которая сводится к тому, что они совершаются

⁸ Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991. С. 123.

⁹ См.: Голубев В.В. Злоупотребление должностными полномочиями как основа отечественной коррупции // Законодательство. 2002. № 6.

¹⁰ См.: Гладких В.И. Указ. соч. С. 32.

именно в политической сфере и преследуют не просто корыстные, а политические интересы.

Необходимость принятия новой комплексной программы противодействия коррупционной преступности очевидна. Однако, планируя такую программу, необходимо исходить из ряда предпосылок.

Антикоррупционные мероприятия не должны быть разовой акцией. По ее завершении коррупция может приобрести новые формы и масштабы.

Противодействие коррупции не может ограничиваться лишь законодательными мерами. Для реализации соответствующих нормативных актов должны быть созданы экономические условия.

Противодействовать необходимо не отдельным проявлениям коррупции или ее последствиям, а всему комплексу причин, ее порождающих.

Антикоррупционная программа должна реализовываться на всех уровнях, начиная с «низовой» коррупции и заканчивая высшим уровнем политического руководства страны.

Из этих положений следует, что антикоррупционная политика прежде всего должна быть направлена на решение следующих задач:

организация противодействия коррупции на всех ее уровнях;

сужение круга условий, обуславливающих рост коррупции;

создание условий для своевременного выявления коррупционных преступлений и применения реального наказания за причиненный ими вред;

формирование в общественном сознании неприятия коррупции на всех ее уровнях и во всех формах.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что политическую коррупцию и коррупционную преступность в целом можно рассматривать в различных значениях: криминологическом, уголовно-правовом, социальном, политическом. Но в любом случае на ее проявление и динамику будет влиять целый комплекс причин. Поэтому нельзя оказывать противодействие коррупции, исключив лишь одну группу детерминант. Понятно, что данная проблема должна быть решена в целом, а для этого необходимо устранить все причины, ее порождающие.

П. Н. К о б е ц,
доктор юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Появление в экономике страны новых хозяйствующих субъектов в сфере производства, торговле, области услуг, сложившиеся между ними отношения конкуренции за рынок сбыта обусловили принятие новых норм в уголовном законодательстве. В действующем Уголовном кодексе России содержится гл. 22 под названием «Преступления в сфере экономической деятельности». Это понятие вошло в научный оборот.

В памятниках уголовного права XIX в. не содержалось единой группы экономических преступлений. Однако анализ уголовного законодательства прошлого столетия позволяет утверждать, что уже тогда деяния, посягавшие на нормальный ход экономической жизни общества, были криминализованы.

Определить место деяний, которые с позиции современного законодателя относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности, невозможно без анализа системы преступлений как таковой. Научные системы складывались и развивались под влиянием господствовавших в обществе представлений общей теории государства и права, философии права и других наук мировоззренческого характера, практических шагов в законодательстве. Первоначально уголовные законы подразделяли на две большие группы. Обоснование такого деления приведено в записке М.М. Сперанского: «Сколько ни многосложны кажутся деяния, но все они относятся к государству вообще или к частным лицам в особенности. Из сего двоякого отношения деяний возникают два главных разделения законов. Законы, устанавливающие отношения частного человека ко всему государству, называются законами права публичного, или политического. Законы, коими учреждаются отношения частных лиц между собою, именуются законами гражданскими»¹. В работах по русскому уго-

¹ См.: Тюнин В.И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) // Государство и право. 2000. № 11. С. 73.

ловному праву подразделение преступлений на две группы – против частной сферы и против государства – встречается до начала второй половины XIX столетия. В каждую из названных групп входили деяния, которые мы относим к преступлениям в сфере экономической деятельности (экономическим преступлениям).

В определенной мере развитию взглядов русских юристов на систему преступлений способствовало принятие французского *Code penal* 1810 г. Чрезмерно широкий объем, придававшийся в нем понятию «публичное преступление», включение в эту группу деяний, посягавших на интересы государства, а также личности, обусловил выделение в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны «общественных благ». Характеризуя преступления против общества, правовед Л.С. Белогриц-Котляревский писал: «Посягательства этого рода отличаются от государственных преступлений не только тем, что объектом их является не подвижной, крайне изменчивый политический интерес, а более или менее постоянный, непреходящий интерес всего общества, не зависящий от той или другой формы политического уклада, но еще и тем, что непосредственно здесь подвергается нападению общество, а не государство. Посягательство на эти интересы непосредственно колеблет основы всего или вернее, всякого общежития»².

В более поздних работах русских криминалистов все чаще встречается деление преступлений на три большие группы: против благ отдельного лица, против общества и против государства, которое становится общепринятым. В основании построения системы Особенной части русского уголовного права лежала идея о том, что все разнообразные отношения человека к человеку распадаются на три главные сферы: частногражданскую, общественную и государственную. Следовательно, и преступные деяния, писал криминалист И.Я. Фойницкий, «направляясь против отношений одной из этих сфер, распадаются на три группы, которым усвоены названия посягательств против отдельного лица или частных благ, против общества и против государства»³.

Огромное количество составов преступлений, содержащихся в уголовных законах Российской империи, не могло четко уложиться в

рамках предложенной схемы. Это обстоятельство вызывало потребность выделения в каждой из названных сфер трехчленной классификации более мелких рубрик. Основу такого деления составляли отличия в объектах преступных посягательств. Исходя из таких различий, И.Я. Фойницкий делил все преступления против частной сферы на посягательства против благ личности, каковыми являются жизнь, здоровье, честь, свобода, и на посягательства против имущества.

Наибольшую сложность представляло построение научной классификации преступлений против общества. Проблема заключалась в большом количестве посягательств, относимых доктриной к разряду преступлений против общества разнообразностью самих деяний, объективной способностью их причинять вред различным отношениям в рамках трехчленной классификации. Анализ общей концепции построения научной системы Особенной части уголовного права, основу, которой составляла трехчленная классификация главных сфер жизни российского общества, позволяет сказать, что общего понятия «экономических преступлений» не существовало. Деяния, которые отнесены действующим уголовным законодательством к названной группе преступлений, были рассредоточены внутри законодательной (официальной) системы преступлений.

В целях более подробной характеристики преступных посягательств, совершаемых в сфере экономической деятельности, и более точного определения места их в системе преступлений Особенной части обратимся к анализу каждой из основных сфер уголовно-правовой охраны (частных благ, общества и государства). Под государством представители науки уголовного права в XIX столетии понимали не только институты власти. В государстве, писал известный государствовед П.Д. Калмыков, «различают: 1) главу его, 2) органическое тело государства и 3) собственность государства»⁴.

В группе посягательств, которые названы преступлениями против государственной собственности, находились деяния, названные нами экономическими преступлениями. В классификации П.Д. Калмыкова они получили общее название преступлений против собственности государства. Сюда были включены посягательства против казенного имущества; монетного права казны; прав казны на раз-

² См.: Там же. С. 74.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

личные доходы (с гербовой бумаги, горной промышленности, соляного, питейного, табачного и таможенного промыслов). Последняя группа преступлений, по мнению Калмыкова, не подлежала дальнейшей научной классификации в силу огромного множества деяний и их разнохарактерности. Все преступления против собственности государства помещались в разделе 7 «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» Уложения о наказаниях 1845 г., в последующем несколько раз переиздававшегося. Преступлениями против казенного имущества автор называл предусмотренные ст. 548-555 Уложения. В их числе – охота и ловля в запрещенное время и в запрещенном месте, другие виды «самовольного пользования». Объектом этих преступлений считалось право владения и пользования казны своим имуществом. Второй класс преступлений против собственности государства составляли посягательства против монетного права, а их объектом называлась обязанность не нарушать права казны на чеканку монеты и выпуск кредитных билетов. Объектом третьей группы посягательств являлась обязанность платить казне установленные таможенные пошлины и налоги.

Схожая система преступлений против собственности государства была предложена юристом А. Лохвицким в его Курсе русского уголовного права. Количество посягательств, относимых ранее к «самовольному пользованию», включаемых в группу преступлений против казенного имущества, значительно сократилось. Причиной тому послужило включение в Уложение о наказаниях ст. 548, которая декларировала защиту казенной собственности с помощью уголовно-правовых норм, охраняющих частную собственность. Лишь наиболее опасные виды деяний, такие как разработка на казенных землях золота, серебра или платины, по-прежнему включаются в подгруппу «самовольное пользование». Меняется взгляд на фальшивомонетничество и его объект. Вредность подделки монеты автор видит уже не в нарушении права, принадлежащего государству, а в подрыве «общественного кредита»⁵. Такого же взгляда А. Лохвицкий придерживался и в отношении таможенных нарушений. Другие авторы все чаще стали включать названные преступления в группу «посягательств общественных».

⁵ См.: Там же. С. 75.

К посягательствам против частных благ господствующая доктрина относилась большую группу преступлений, которые носили название имущественных. На характеристике научных представлений об имущественных преступлениях следует остановиться более подробно, поскольку именно в среде этих посягательств возникает, развивается группа посягательств, интегрировавшихся впоследствии в «экономические преступления». Отнесение доктриной уголовного права имущественных преступлений к посягательствам на частную сферу не означало, однако, что вред этими преступлениями причинялся исключительно отдельным индивидам. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. составы имущественных посягательств содержались в пяти главах раздела 12 «О преступлениях и проступках против частных лиц». Кроме того, составы имущественных преступлений встречаются почти во всех разделах, например, в разделе 5 «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». Первоначально концепция имущественных преступлений исходила из понимания их как грубого нарушения субъективных прав граждан на вещи. Предметом таких посягательств выступало чужое движимое имущество в смысле физической вещи – *res in corpore*. Сами посягательства получили общее название – «похищение». К числу признаков, характеризующих похищение, относились: изъятие виновным из владения другого лица чужого имущества; перенесение его в свое владение; наконец, последствие такой деятельности – «ущерб на стороне потерпевшего и совпадающая с ним по предмету прибыль в имуществе виновного».

С развитием гражданского оборота все более усложняется объект правовой охраны имущественных преступлений. Наряду с правом собственности и имущественными правами, как-то владения, распоряжения, пользования, а также обязательственными, сюда начинают относить «имущество вообще». Единого понимания «имущества вообще» в среде криминалистов конца XIX и начала XX столетий не было. Основными были две точки зрения. Согласно первой, родоначальником которой являлся немецкий криминалист Меркель, под «имуществом вообще» понималась совокупность ценностей, находящихся у субъекта (экономическая теория имущества). В науке гражданского права эту точку зрения отстаивал правовед К.П. Победоносцев, который предлагал «прибегнуть к отвлечению и, не останавливаясь на содержании права, соединенного с каждым отдельным

предметом обладания, представить все имущество в виде отвлеченного количества»⁶.

В последующем в соответствии с экономической теорией имущества под ним (имуществом) стали понимать «умопостигаемую денежную массу»⁷.

Приверженцы второй точки зрения для выработки понятия «имущества вообще» использовали положения юридической теории имущества и определяли его «как совокупность ценностей, предоставленных правом, как совокупность принадлежащих лицу прав, имеющих меновую стоимость».

Среди русских правоведов, изучавших объект имущественных преступлений, получила распространение классификация имущественных посягательств, основу которой составляли две основные группы. Первые были направлены против «материальной вещи» или «определенного предмета внешнего мира, являющегося объектом имущественных прав другого лица». Вторые направлялись против «имущества, понимаемого как право на имущество, совокупность имущественных благ, охватывающих собой как материальные вещи, так и те или иные права по имуществу, а также имущественные выгоды».

Расширение содержания понятия «имущество» за счет включения в его состав имущественной выгоды (имущественного интереса) в сочетании с отнесением деяний, посягающих на такое имущество, к частноправовой сфере способствовало отнесению новых преступлений к категории имущественных. Среди этих преступлений увеличивалось количество посягательств, называемых современными исследователями преступлениями экономическими.

Некоторые экономические преступления нашли свое место в группе «наказуемой недобросовестности в отношениях по имуществу». В рассматриваемой системе имущественных преступлений наказуемая недобросовестность включала в себя следующие подгруппы деяний: злоупотребление доверием (*untreu*); наказуемое пользование доверчивостью, неопытностью и страстями лица для причинения ему вреда по имуществу; наказуемые сделки по имуществу; наказуемое неисполнение и уклонение от исполнения имущественных

обязательств, в частности банкротство и неосторожная несостоятельность; деяния, наказуемые в целях предупреждения и устранения опасности неисполнения или уклонения от исполнения обязательств по имуществу.

Русскому уголовному законодательству общее понятие «злоупотребления доверием» становится известно с принятием Уголовного уложения 1903 г. В числе существенных элементов злоупотребления доверием ученые называли наличие полномочий на стороне деятеля, употребление этого полномочия вопреки интересам доверителя и имущественный вред от него доверителю. К частным случаям злоупотребления доверием причислялись преступления, аналоги которых находятся в гл. 22 и 23 Уголовного кодекса России. Это, например, деяние, состоящее в открытии тайн приказчиками в ущерб кредиту их хозяев (ст. 1187 Уложения о наказаниях). Сюда было отнесено использование капиталов, полученных от правительства на цели, не предназначенные для этого, выпуск не обеспеченных облигаций, закладных листов, выпуск облигаций или иных ценных бумаг в количестве, свыше разрешенного (ст. 579, 580 Уложения 1903 г.).

В группу «наказуемых сделок по имуществу» были отнесены продажа и покупка шлихового (самородного) золота, заведомо для виновного не освобожденного от оплаты горною податью (ст. 616 Уложения о наказаниях). Это преступление напоминает деяние, предусмотренное в ст. 191 УК России. Сюда же было включено хорошо известное современному уголовному закону преступление, состоящее в покупке и продаже имущества, добытого заведомо преступным путем (ст. 1670 Уложения о наказаниях).

Самостоятельную подгруппу «наказуемой недобросовестности по имуществу» образовывали деяния, посягавшие на имущественные интересы, вытекающие из обязательственных отношений. Преступления эти получили название уголовно наказуемого банкротства (в широком смысле слова). Объектом банкротства признавались права кредиторов на удовлетворение имущественных требований, а также чужие обязательственные права. Уголовно наказуемым банкротством являлась несостоятельность подложная (злонамеренное банкротство) и несостоятельность неосторожная (простое банкротство).

Наконец, последнюю подгруппу «недобросовестности по имуществу», по классификации И.Я. Фойницкого, составляли преступления, примыкающие к уголовно наказуемому банкротству. Сюда

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 75.

включались злоупотребления служащих в различных коммерческих учреждениях (банках, товариществах на паях, акционерных обществах); деяния, наказываемые в целях предупреждения дальнейшего развития несостоятельности; недобросовестные действия, совершаемые во вред кредиторам при отсутствии признаков уголовно наказуемого банкротства.

Отдельные посягательства, относимые к экономическим преступлениям, были включены в группу посягательств «против отвлеченной собственности». К отвлеченной собственности наряду с правами, принадлежащими авторам, на художественные произведения и изобретения относили и права на использование товарных знаков (промышленную собственность). Примером уголовно-правовой охраны прав на использование товарных знаков являлась норма ст. 13571 Уложения о наказаниях.

К рассмотренной системе имущественных преступлений достаточно близкие классификации предлагались другими исследователями. Отличия состояли в количестве преступлений, которые относили к имущественным. Так, например, Л.С. Белогриц-Котляревский к числу имущественных преступлений причислял стачки (соглашения) торговцев или промышленников с целью повышения цен на предметы первой необходимости или понижения цен, результатом которых было ограничение или прекращение их поставки и реализации (ст. 913 и 1180 Уложения о наказаниях).

Оригинальная система имущественных преступлений была предложена А.Н. Круглевским. В ее основание были положены следующие объекты посягательств: право собственности, какие-либо части права собственности (владение, распоряжение, пользование), психические явления (переживания по поводу нарушения имущественных интересов) и имущественные действия. Будучи противником позиции понимания «имущества вообще» как совокупной имущественной массы, автор расширял объект имущественных преступлений за счет включения в него имущественных интересов, нарушение которых вызывает психические явления (переживания лица) и имущественные действия. Под имущественными действиями понималась свобода поведения лица в отношении принадлежащего ему имущества либо имущественных прав.

К группе посягательств на психические имущественные блага были отнесены действия, состоящие в нарушении чужой деловой или промышленной тайны. При совершении преступления, состоя-

щего в разглашении служащим коммерческой тайны с целью причинить вред хозяину (ст. 545 Уголовного уложения), непосредственным объектом преступления признавалось доверие публики к промышленной или торговой деятельности лица или коммерческого предприятия.

Такие преступления, как банкротство во всех его видах, а также деяния, примыкающие к банкротству, относились к посягательствам на имущественные действия. К ним относились также незаконная конкуренция и разглашение чужой промышленной тайны с целью предоставления для использования ее третьими лицами.

При создании научной классификации деяний, посягающих на общественную сферу жизни, ее составители, очевидно, испытывали еще большие трудности, чем при построении системы имущественных преступлений. Свидетельством тому являются значительные отличия изученных классификаций по количеству групп деяний, их названиям и внутреннему содержанию. Принцип деления всех преступлений на частные и публичные, использовавшийся всеми криминалистами, не подвергался сомнению, однако, как справедливо отмечал И.А. Покровский: «Граница между публичным и частным правом на протяжении истории далеко не всегда проходила в одном и том же месте, области одного и другого многократно менялись». Кроме того, «в каждый данный момент эти границы не представляют резкой демаркационной линии. Как по сию, так и по ту сторону границы, как в области публичного, так и в области частного права всегда есть большие или меньшие отступления в сторону противоположного принципа»⁸.

Характерной особенностью преступлений против общественной сферы криминалисты считали их способность причинять вред общественному доверию. Отмечая такое свойство общественных посягательств, Н.А. Неклюдов писал, что они грозят «неопределенной массе лиц и предметов или же вводят в обман общественное доверие не только частных, но и должностных лиц посредством подлога и подделки документов и знаков, служащих удостоверением какого-либо житейского факта, события или отношения». Все общественные преступления автор делил на две большие группы: 1) «общеопасные», куда были отнесены такие, как поджог, порча железной дороги, и им

⁸ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Юрист, 1998. С. 40–41.

подобные и 2) направленные на «сокрытие истины, существенной для всего общества, как, например, подлог, подделка, лжесвидетельство».

Преступления против «общественного доверия» относились к общественным посягательствам и по классификации Л.С. Белогриц-Котляревского. Названные посягательства он сводил к трем типам: подлог документов, подделка печатей, штампов и клейм или удостоверениеительных знаков и подделка денежных и ценных знаков.

Наиболее подробная классификация преступлений и проступков против публичного строя была дана в работе В.В. Есипова. Учитывая сложный характер объектов преступлений, при построении своей системы он использовал смешанный подход, отказавшись от строгого деления посягательств на частные и публичные. «Преступления против повинностей, монетные и таможенные» были помещены в группу посягательств «против прав государства и общества», а «преступления против общественного благоустройства и благочиния» вошли в посягательства «против прав общества и прав частных».

Вперед Российской империю ожидали социальные потрясения, изменившие ее политический и экономический строй. В новых исторических условиях наука, ориентируясь на новые источники уголовного права, сформулировала иной взгляд на систему Особенной части, в которой экономические преступления по-прежнему были разобщены.

В советское время подход к построению научной классификации преступлений коренным образом меняется.

В. Ф. Воробьев,
кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЖИЗНИ И БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В процессе демократической эволюции ювенально-правовых отношений органов государственного и муниципального управления с молодежью, ее организациями действует ряд закономерностей, которые связаны, во-первых, с социальной обусловленностью государства и его обратным воздействием на молодежь; во-вторых, с тесным взаимодействием самоуправленческих звеньев в сфере жизнеобеспечения молодежи; в-третьих, с преемственностью и творческой активностью представительной власти в процессе регулирования ювенальной системы. Основой для всех этих закономерностей служит не только социальная, но и ювенально-правовая обусловленность жизнеобеспечения и безопасности несовершеннолетних. Рассмотрим три аспекта данной проблемы.

Первый аспект. При анализе развития органов государственного управления учитываются стратегические цели всей организации и отдельных звеньев управления, отражающие органическую целостность процесса создания и развития в стране правовой власти, стремящейся к благополучию молодежи. Наряду с этим происходит и ювенально-правовая интеграция национальной системы жизнеобеспечения и безопасности несовершеннолетних во взаимосвязи и взаимодействии с системами других стран. Ювенально-правовая интеграция выступает в качестве критерия развитости системы регулирования единого ювенального пространства и показателя самоорганизанности его системы.

Второй аспект – системный ювенально-правовой подход к сущности отношений власти с молодежью, ибо включает требование использовать такие рычаги и стимулы развития, с помощью которых происходит укрепление государства, накопление его социальных ресурсов.

Третий аспект. Рассмотрение обобщающего показателя эффективности развития отношений власти с молодежью, которым являет-

ся улучшение жизни молодых людей, углубление свободы и саморегулирования, обеспечивающих благосостояние молодежи и свидетельствующих о целостности, комплексности и устойчивости организации государственной власти.

С учетом обозначенных выше трех аспектов исследования проблемы правовой ювеналистики сущностная характеристика модели регулирования отношений права, власти и молодежи в Российской Федерации представляет собой систему динамичных изменений в проведении социально-ювенальных решений государства, идей правовой ювеналистики, связанных с переходом к новому уровню демократизации и стабилизации.

Концепция правового развития ювенальных отношений власти государства с молодежью представляет собой совокупность научных идей и практических мер, определяющих направленность деятельности органов правового управления по проведению молодежной политики в целях жизнеобеспечения несовершеннолетних. В государстве общенародного благосостояния гарантируются единство ювенального пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода ювенальной деятельности. Концепция содержит систему взглядов, идей и положений, дающих ключ для верного понимания ювенально-правового процесса.

Ювенально-правовое развитие российской государственности, ее представительной и исполнительной ветвей включает: во-первых, содержание, статус, направленность государственных регуляторов на изучение в комплексе ювенально-политической действительности; во-вторых, использование целостных, системных теорий, определяющих тенденций роста взаимосвязанности государства, экономики и права; в-третьих, сравнительный анализ ювенально-правового статуса органов власти различных уровней; в-четвертых, обогащение традиционных государственно-правовых идей, модифицирование их под воздействием рыночных условий; в-пятых, проблемы прогнозирования прогрессивных изменений в политической и экономической системах общества, а отсюда – моделирование новых отношений органов государственного и муниципального управления в ювенальной сфере.

Назначение рассматриваемого статуса состоит именно в том, чтобы стимулировать взаимосвязи государственных, региональных и местных территориальных интересов в единый общенародный инте-

рес жизнеобеспечения несовершеннолетних. Между ювенально-правовым развитием органов власти и социально-экономическими условиями их деятельности просматривается непосредственная зависимость, сложный характер которой выражается в следующем. Существует ряд ступеней и звеньев, через которые происходит взаимодействие между ювенальными, материальными, идеологическими условиями жизни. На демократизацию процесса воспитания молодежи в России оказывают влияние многочисленные факторы, среди которых материальный фактор является определяющим. Главное принадлежит общенародным интересам, молодежной политике государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие несовершеннолетних. В свою очередь органы госвласти располагают широким правовым инструментарием для демократизации своей ювенальной деятельности. Так, гражданское законодательство представляет собой целостную картину осознанно регулируемой ювенальной действительности. Используемые при этом юридические средства способствуют прогрессу развития Российской Федерации и ее субъектов.

Осуществление собственного правового регулирования субъектами Федерации ювенальной жизни в современных условиях позволяет определять содержательные, сущностные черты ювенально-правового статуса региональных органов управления:

представительные органы – структуры государственного регулирования ювенального развития субъектов РФ;

участие республик, краев, областей, автономий в преодолении кризиса жизнеобеспечения несовершеннолетних;

полномочия субъектов Федерации в ювенальной сфере;

деятельность субъектов Федерации по совместному с РФ ведению вопросов в данной сфере;

взаимосвязь ювенально-регулятивной роли органов государственной власти с политическим устройством общества.

Учитывая неразработанность данного статуса, следует раскрыть смысл и назначение категории «ювенально-правовой статус органов государственной власти».

Рассматриваемый нами статус характеризуется своей целевой направленностью. В нем выражено не только своеобразие властной деятельности государственных органов, но и социальная направленность ювенальных отношений, подчиненных согласованному, эффективному взаимодействию правовых и ювенальных средств жиз-

необеспечения. В обновляемом законодательстве субъектов РФ необходимо закрепить возросшую роль органов управления республик, краев, областей и автономий, не ограничиваясь пассивным проведением ювенальной политики, разработанной центром, недостаточно учитывающей особенности деятельности органов власти субъектов Федерации с точки зрения действенности мер по разграничению предметов ведения в ювенальной сфере. Естественно, Федерация посредством установления основных принципов, системы и порядка деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов осуществляет регулирование сфер, отнесенных к ее ведению ст. 71 Конституции РФ.

Конституционное законодательство, развивая положения Основного закона, конкретизирует порядок проведения в жизнь правовых актов конституционного характера, регулирующих условия ювенальной деятельности в масштабах государства. Субъекты Федерации вне пределов Конституции осуществляют регулирование социального, в том числе и ювенального развития на своей территории, а также участвуют в выработке общегосударственных решений по развитию региональной ювенальной политики и путей их реализации; формируют органы государственного управления и определяют их ювенальные функции.

Конституционное законодательство РФ призвано определять полномочия государственных органов Федерации, их отношения с органами своих субъектов по регулированию и защите системы жизнеобеспечения несовершеннолетних, а также права и обязанности его участников, их преимущества и льготы. Жизнь требует, одновременно с делегированием функций и прав из центра на места, расширения ювенальных полномочий органов местного самоуправления. Предпочтительнее вариант создания центральных звеньев управления по инициативе и решению нижестоящих органов, когда «наверх» делегируются исключительно те функции, которые не соответствуют управленческой природе «низов» и не могут эффективно осуществляться ими.

Ювенальные функции органов государственной власти не остаются без внимания государствоведения. Однако процесс делегирования полномочий «сверху вниз» и обратно не исследуется основательно, а функциональный срез государственного регулирования жизнеобеспечения и безопасности несовершеннолетних остается мало изученным. И суть проблемы не только в том, что ювенально-

правовые функции органов управления, осуществляемые в процессе демократизации и стабилизации развития РФ, пока не раскрывались на монографическом уровне. Главное – удовлетворить потребности общества в правовых трудах государствоведов, ставшие особенно заметными на этапе выхода общества из кризиса, когда решаются вопросы защиты детства, улучшения благосостояния молодежи, формирования инфраструктуры социально ориентированного обеспечения жизни несовершеннолетних.

В юридических науках изучаются лишь отдельные функциональные особенности ювенально-правовых явлений. Вопросы же функциональной характеристики, демократизации отношений государства и системы безопасности несовершеннолетних, в частности, совершенствования регулирования ею ювенальных отношений, т. е. правовой защиты молодежи, остаются «белыми пятнами». В силу этого до сих пор не ясно, есть ли необходимость выделять ювенальные функции государственной власти, ее органов, поскольку устоялось понятие общих функций государства.

Действительно, единство и согласованность органов в системе государственного и муниципального управления не исключают необходимости разграничения их функций. В силу разделения властей, а также труда по развитию системы жизнеобеспечения и безопасности несовершеннолетних перед представительными органами и исполнительными органами управления стоят схожие задачи, но решаются они неодинаково. Первые, в отличие от исполнительных органов, решают в сфере ювенальной деятельности важнейшие вопросы ювенальной политики и жизни молодежи, направляя и координируя деятельность всех государственных органов, учреждений и хозяйствующих субъектов в целях осуществления полномочий, закрепленных Конституцией России за представительной властью в ювенальную сферу.

Попытка выяснения сущности ювенально-правового функционирования конституционных органов власти не означает, что анализ их деятельности надо строить на совершенно новой правовой основе. Напротив, надо исходить из общего комплекса правовых идей, имеющихся в обществе, и, как следствие этого, не ограничиваться предварительной постановкой вопроса о ювенальной функции государства, его власти. Что же касается правомерности функций, выдвигаемых в качестве предмета настоящего исследования, насколько

они близки к истине, покажет дальнейшее их изучение и обсуждение.

Сегодня приходится говорить не обо всех, а только о таких направлениях, без которых не может идти правовой процесс регулирования системы и без которых не может быть обеспечена самостоятельность ювенально-правовых функций представительных и исполнительных органов власти.

Так, в деятельности федеральных органов можно выделить следующие ювенально-правовые функции: установление основ федеральной политики в области ювенального развития; обеспечение свободы ювенальной деятельности; ювенально-управленческую и др.

Такое разграничение функций и их обоснование, по-видимому, может вызвать возражения, правомерность которых не исключается в силу действия многочисленных факторов, конкретизирующих названные выше функции. Возможные возражения могут быть объяснены также рядом причин, связанных с противоречивостью осуществления процесса демократизации ювенальных отношений. Дело не только в том, что общепризнанная в литературе тема функций государства, его органов власти до сих пор вызывает полемику. Не исключена возможность таковой и относительно выделенных ювенальных функций, потому что в силу кризиса российской государственности она требует новых, всесторонних исследований.

Когда речь идет об ювенально-конституционной функции органов власти, то имеются в виду не одни лишь демократические процессы в области ювенального развития, а, прежде всего, деятельность людей по удовлетворению общественных интересов и отношений, складывающиеся в процессе укрепления государства.

Содержание регулирования ювенального развития России выражается в ответственности РФ, ее субъектов в обеспечении их социально-ювенального прогресса.

Исследование ювенально-конституционной функции власти государства означает движение в познании их сущности от внешнего ее проявления в виде формы, структуры регулирования к внутренней природе, то есть к сущности в полном объеме. Разумеется, государственные и муниципальные органы заняты развитием не одной лишь ювенальной сферы, но и многими внутренне согласованными функциями обеспечения благосостояния несовершеннолетних. Ибо сущность никогда не исчерпывает сфер своего развития одной сферой, а раскрывается во всем многообразии своих проявлений.

Реализация властью своих ювенальных функций в интересах государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития направлена на конкретизацию роли своих органов в территориальной структуре государства, которая определяется федеральным законодательством с учетом наличия в стране местного самоуправления. Наиболее четко просматривается такая тенденция в функциональных связях государственного и местного самоуправления с социальными, историческими условиями и ювенальными особенностями. Поэтому ювенально-конституционная функция государственных органов отличаются от функциональных связей между последними и функциями местного самоуправления вследствие многообразной взаимозависимости структурных элементов власти. Под ювенальной связью вообще понимают такое отношение, при котором изменение одних объектов есть условие изменения других. Ювенально-конституционная функция не обладает свойствами простой суммы ювенальных взаимосвязей. Они представляют собой проявление движения структуры конституционно установленной организации управления с присущим ей ювенальным воздействием на процесс обеспечения жизни несовершеннолетних.

Ювенально-конституционная функция органов муниципального управления тесно соотносится с экономическими и ювенальными (благотворительными) функциями государства, взаимосвязаны с общими направлениями его деятельности.

Виды деятельности, включаемой в содержание рассматриваемой функции, складываются не просто из множества разнообразных ювенальных действий, а представляют собой цельную обособленную систему действий, качественно отличающуюся от примыкающих к ним других функций органов власти – организационно-управленческой, информационной, законодательной, правоохранительной. Однако многообразие функций не исключает тесной их взаимосвязи и взаимообусловленности, отражающих сложную ювенально-правовую природу и многих органов государства.

Специфические особенности органов различных ступеней не исключают возможности выделять то общее, что дает основание считать ювенально-правовую деятельность власти самостоятельным направлением. Все ее звенья призваны своей властно-ювенальной деятельностью обеспечивать государственное регулирование жизнеобеспечения и безопасности несовершеннолетних. Последнее в органическом единстве с конституционным регулированием составля-

ет важнейшую часть функционирования государственного механизма роста благосостояния молодежи.

В совершенствовании ювенально-управленческой и рыночно-прогностической функций важное место принадлежит наукам конституционного права и государственного управления, которые опираются на объективные законы развития экономики и конституционного законодательства. Ведь научно достоверный путь демократизации ювенально-правового процесса открывается не только в итоге проведения ювенальной политики. Такое направление является результатом развития управления и самоуправления в ювенальной сфере.

Из этого вытекают две конкретные ювенальные функции государственной власти: жизнеобеспечительная и ювенально-управленческая. Ни одно теоретическое объяснение ювенально-правового процесса не может быть полным и убедительным, если оно не опирается на самостоятельность молодежи тех или иных территорий.

Чтобы повысить эффективность правового регулирования системы безопасности ребенка, требуется разнообразие форм воспитания с жизнеобеспечением несовершеннолетних в единстве с разнообразием ювенально-конституционной и жизнеобеспечивающей функций органов государственного и муниципального управления, ответственных за решение ювенальных задач.

Было бы исторически оправданным и логически обоснованным всестороннее закрепление в законодательстве РФ и ее субъектов ювенальной основы управления, которой является жизнеобеспечение и организация учебы и труда как общественно целесообразной деятельности по обеспечению роста благополучного состояния молодежи.

Регулирование отношений жизнеобеспечения и ювенальной безопасности есть самостоятельная функция власти и властно-организующей деятельности не только Федерации, но и ее субъектов, охватывающей саморегулирование в области ювенального развития РФ и ее республик, краев, областей, автономий. Ни одна территория не может стать ювенально благополучной без согласованного, социально сильного механизма, призванного коллективно направлять ювенальную жизнь населения на улучшение благосостояния молодежи.

И. П. Черникова
(Академия управления МВД России)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Конвенция ООН о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 1989 г. и ратифицированная Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г., признает ребенка носителем всех общечеловеческих прав с момента рождения, и неотъемлемость этих прав приобретает силу нормы международного права.

Конституцией Российской Федерации и другими нормами отечественного законодательства наряду с основными правами и свободами человека и гражданина установлены основные гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних. К ним можно отнести: общедоступное бесплатное начальное общее, основное общее, среднее полное общее образование; начальное профессиональное, среднее и высшее профессиональное образование (на конкурсной основе), воспитание в образовательных учреждениях; предоставление бесплатного медицинского обслуживания; социальное обслуживание и социальная защита, в том числе выплата государственных пособий гражданам, имеющим детей, в связи с рождением и воспитанием последних; обеспечение права на жилище в соответствии с законодательством Российской Федерации; оздоровление и отдых, в том числе – детей, проживающих в экстремальных условиях, а также на территориях, неблагоприятных в экологическом отношении и признанных таковыми в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; проведение мероприятий по социальной адаптации и социальной реабилитации; оказание квалифицированной юридической помощи.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина как обязанность государства реализуется через его политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Основой государственной политики в данной области выступает система социальных гарантий реализации предусмотренных Конституцией социальных и иных прав гражданина.

В ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определены цели государственной политики в интересах детей:

осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией РФ, недопущение их дискриминации, упрочнение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их нарушенных прав;

формирование правовых основ гарантий прав ребенка;

содействие духовному и нравственному развитию детей, воспитанию у них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества¹.

В Федеральном законе № 120–99г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» закреплены государственные субъекты, обеспечивающие не только предупреждение безнадзорности и правонарушений, но и охрану прав несовершеннолетних, контроль за состоянием воспитательной работы с ними, оказание помощи семье и несовершеннолетним в пределах своей компетенции. Основными элементами механизма государственной системы профилактики являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы образования, органы опеки и попечительства, здравоохранения, социальной защиты населения, занятости, а также органы внутренних дел, в том числе подразделения по делам несовершеннолетних милиции общественной безопасности (ПДН).

Следует отметить, что в настоящее время в наиболее общем виде под системой (от греч. *systema*) понимается совокупность элементов, образующих определенную целостность и находящихся в отношениях и связях друг с другом².

Любая система характеризуется рядом универсальных системообразующих признаков, присущих всем системным образованиям³. Систему всегда следует рассматривать как целостное сложное структурное образование, представляющее собой совокупность функциональных компонентов, взаимодействующих между собой для достижения определенной цели.

¹ См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802; 2000. № 30. Ст. 3121.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 610.

³ См.: Теория управления в сфере правоохранительной деятельности. М., 1990. С. 39.

Структурные элементы системы взаимосвязаны как между собой, так и с окружающей их внешней средой функционирования. Для всех систем характерны иерархичность построения и динамизм, связанный как с внешними воздействиями, так и с внутренними противоречиями.

Существенным признаком системы является непрерывная циркуляция информации и между ее структурными элементами, и между системой в целом и окружающей внешней средой (т. е. прямые и обратные связи между субъектами и объектами системы)⁴.

Субъектами государственной системы профилактики следует считать совокупность государственных организаций, осуществляющих на различных уровнях планирование мероприятий по предупреждению правонарушений, управление этими мероприятиями, их непосредственную реализацию, имеющих в этой связи определение права и обязанности и несущих ответственность за достижение намеченных целей.

Наибольшее распространение получило деление субъектов профилактики на специализированные и неспециализированные. Такой точки зрения, например, придерживаются Н.И. Ветров, А.И. Долгова, К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский и другие ученые.

К специализированным субъектам относятся участники профилактической деятельности, для которых задачи предупреждения правонарушений являются основными или профилирующими. В их число входят суды, органы прокуратуры, внутренних дел, налоговой полиции, федеральной службы безопасности, юстиции, таможенной службы, общественные формирования правоохранительной направленности и, конечно же, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Под неспециализированными субъектами профилактики понимаются органы и должностные лица, которые выполняют задачи по предупреждению правонарушений наряду с обеспечением своих основных функций, носящих более общий характер. Для таких органов, как справедливо отмечал криминолог А.И. Алексеев, борьба с преступностью и правонарушениями не является единственной профилирующей и даже основой (одной из основных), но в силу социальной природы преступности они в состоянии решать задачи упреждающего противодействия социально негативным явлениям⁵.

⁴ См.: Основы управления в органах внутренних дел: Учебник / Под ред. А.П. Коренева. М., 2001. С. 41–43.

⁵ См.: Алексеев А.И. Предупреждение преступности // Криминология: сборник для юридических вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 353.

К данной группе субъектов профилактики относятся органы законодательной и исполнительной власти, органы местного самоуправления, органы государственного контроля, общественные формирования, в том числе политические партии, движения, различные конфессии, благотворительные организации и т. д.

Общие подходы к делению органов и учреждений на специализированные и неспециализированные субъекты профилактики требуют коррекции с учетом специфики деятельности по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Это обуславливает неоднозначные точки зрения ученых на классификацию данных организаций. По мнению В.Д. Ермакова и Н.И. Крюковой, государственные органы, организации, должностные лица и граждане, участвующие в борьбе с преступностью несовершеннолетних, в зависимости от выполняемого объема работы, времени, затрачиваемого при решении соответствующих задач, степени приоритетности данного направления в общем объеме этой сферы деятельности, подразделяются на три блока.

Первый блок составляют субъекты, которые функционально специализированы для работы с несовершеннолетними правонарушителями. Это комиссии по делам несовершеннолетних, подразделения по делам несовершеннолетних, специализированные социальные службы, центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, воспитательные колонии.

Ко второму блоку можно отнести субъекты, функционально специализированные для борьбы с правонарушениями, в том числе и среди несовершеннолетних (прокуратура, милиция, суд).

Третий блок включает в себя субъекты, осуществляющие профилактические и иные функции борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, как одно из направлений их широкой социальной деятельности: дошкольные и школьные учреждения, профессиональные училища, детские лечебно-профилактические учреждения, органы опеки и попечительства, органы социальной защиты, обеспечения занятости подростков и другие.

Однако предлагаемые подходы к классификации не в полной мере учитывают требования Федерального закона № 120–99 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», касающиеся перечня органов и учреждений, осуществляющих такую деятельность, а также их функции. В частности, названный закон установил в п. 1 ст. 4 исчерпывающий перечень органов, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. К ним относятся комиссии

по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защиты населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел.

Важным организационным элементом, обеспечивающим функционирование механизма управления, являются положения п. 2 ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г., предусматривающие, что в органах, входящих в систему профилактики, могут создаваться учреждения для выполнения отдельных функций по названной линии работы.

В настоящее время они находятся в подчинении или входят в структуру:

органов внутренних дел (к таким учреждениям относятся подразделения по делам несовершеннолетних, центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, подразделения участковых уполномоченных, криминальной милиции и другие);

органов по делам молодежи (социально-реабилитационные центры для подростков и молодежи, центры социально-психологической помощи для подростков, молодежные клубы, центры профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи и иные учреждения органов по делам молодежи);

органов управления социальной защитой населения (социальные приюты для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, территориальные центры социальной помощи семье и детям, центры психологической помощи населению и иные учреждения социального обслуживания);

органов управления образованием (в их структуру входят специальные общеобразовательные школы, специальные профессиональные училища, (коррекционные) образовательные учреждения открытого и закрытого типа, детские дома, школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, образовательные учреждения начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, начального профессионального и среднего профессионального образования, а также другие учреждения, осуществляющие образовательный процесс).

Среди субъектов профилактики, относящихся к системе органов внутренних дел, значительный объем функций по предупреждению правонарушений несовершеннолетних возложен на **подразделения по делам несовершеннолетних** районных, городских отделов (управлений) внутренних дел, отделов (управлений) внутренних дел

муниципальных образований, отделов (управлений) внутренних дел закрытых административно-территориальных образований, отделов (управлений) внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте⁶.

Приказ МВД России от 26 мая 2000 г., регламентирующий деятельность указанных подразделений, также возлагает на сотрудников всех подразделений горрайлинорганов внутренних дел обязанности по выявлению несовершеннолетних правонарушителей и родителей, отрицательно влияющих на поведение детей. Наибольшим объемом информации по этим вопросам обладают участковые уполномоченные милиции, следователи и работники подразделений криминальной милиции. На каждое лицо сотрудник соответствующего подразделения милиции составляет рапорт, который после рассмотрения начальником горрайлиноргана внутренних дел или его заместителем передается в ПДН.

Успешная организация работы по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в существенной степени зависит от участия в ней органов и учреждений, не входящих в систему профилактики.

Как показывает практика, участие в предупреждении безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних принимают не только субъекты, входящие в систему профилактики, но и иные субъекты, которые в научных публикациях называют неспециализированными. Подобная работа других органов и учреждений осуществляется в пределах их компетенции в порядке, определенном законодательством Российской Федерации и (или) законодательством субъектов Российской Федерации⁷.

Для регламентации работы субъектов, не входящих в систему профилактики, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. использует различные методы, но чаще всего применяется бланкетный характер определения функций и полномочий органов и учреждений. К ним относятся федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уголовно-исполнительные инспекции органов юстиции, общественные объединения, детские и молодежные организации.

⁶ См.: Статья 20 Федерального закона № 120–99 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». СЗ РФ № 26–99. Ст. 3177 (с изменениями и дополнениями).

⁷ Такой порядок предусмотрен, например, в федеральных законах «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об образовании» и других.

В отношении некоторых органов, учреждений, организаций и их работников дополнительно регламентированы отдельные обязанности и права. В их число входят учреждения (органы) культуры, досуга, спорта, туризма; отдельные органы исполнительной власти, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба; начальник органа внутренних дел, оперативный дежурный органов внутренних дел и т. д.

Кроме субъектов, относящихся к государственным органам и учреждениям, осуществляющих противодействие безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних, существуют и негосударственные институты⁸.

Их деятельность основана на личной инициативе граждан и организаций и носит сугубо профилактическую направленность (организация воскресных школ для несовершеннолетних при церковных приходах, организация летнего отдыха детей, в том числе из неблагополучных семей, организация кабинетов психологической и юридической помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и т. п.).

Необходимо отметить, что вовлечение общественности предполагает также и участие в формировании государственной политики в данной области, а, кроме того, и осуществление общественного контроля за деятельностью субъектов государственной системы профилактики на всех уровнях в целях выявления случаев неправомерного использования представителями власти своих полномочий или неисполнения возложенных на них обязанностей и принятия неотложных мер по данным фактам⁹.

Характеризуя социальные отношения, возникающие между общественностью и субъектами профилактики, необходимо отметить, что законодательно не закреплён механизм правового регулирования взаимодействия между ними. Дальнейшее организационно-правовое регулирование участия общественности в процессе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних выступает в качестве необходимого направления преобразования системы профилактики.

⁸ См.: Государственная политика предупреждения преступности несовершеннолетних и защиты их прав. М., 2003. С. 19.

⁹ См.: Сапунов А.Г., Кобзарь И.А. Противодействие преступности несовершеннолетних // Общественная безопасность. М., 2002. № 7. С. 38.

В. А. Плешаков,
доктор юридических наук, профессор
(ИМПЭ им. А.С. Грибоедова)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

На различных этапах научных исследований ученые изучали разнообразные виды преступности (организованная преступность, практически все виды преступности несовершеннолетних, женская преступность, преступность в городах, в сельской местности, насильственная, корыстная и другие виды преступности). И эти исследования отражали традиционные направления, изучаемые криминологией. Однако в последние годы предметом изучения стали и взаимосвязи различных видов преступности между собой. Это отвечает и запросам практики деятельности правоохранительных органов¹, и современным теоретическим исследованиям². Одним из таких направлений является исследование взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних.

Говорить о взаимосвязи преступности взрослых и преступности несовершеннолетних значит не только напоминать общеизвестные истины, но и говорить о феномене, который всегда был, есть и будет. Эта связь многообразна, многопланова и проявляется в разных типах и формах. При этом взаимосвязь преступности взрослых и несовершеннолетних в основном выявлялась на уровне корреляционной зависимости (фиксировался процесс взаимосвязи динамических и структурных изменений статистических показателей взрослой преступности и преступности несовершеннолетних), не вникая в более конкретные и глубокие причинные связи. Проведенное нами комплексное исследование, в том числе и опрос экспертов из числа сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на преступлениях несо-

¹ Автор принимал активное участие в подготовке указания Генерального прокурора Российской Федерации, министра внутренних дел Российской Федерации: «О дополнительных мерах по предупреждению групповой и организованной преступности несовершеннолетних».

² См.: Организованная преступность и ее влияние на разные виды преступлений, другие социальные явления: Организованная преступность – 4 / Под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация. 1998. Раздел 2.

вершеннолетних и на борьбе с организованной преступностью, подтвердил такую связь. Он показал, что практически все эксперты – 85% удостоверили наличие взаимосвязи и взаимовлияния этих видов преступности, отрицали это лишь 4%. Больше всего экспертов – 39% указали на то, что организованная преступность не вмешивается в деятельность криминальных группировок несовершеннолетних, а лишь использует в своих целях отдельных членов этих группировок или не входящих в группы несовершеннолетних правонарушителей. Несколько меньше экспертов – 34% склонились к мнению, что организованная преступность контролирует лишь отдельные устойчивые криминальные группировки несовершеннолетних. И только 13% считает, что организованная преступность контролирует их большинство. Это подтверждают и данные о связи организованной преступности и преступности несовершеннолетних в отдельных регионах страны.

На вопрос, в чем заключается взаимосвязь и взаимовлияние взрослой организованной преступности и преступности несовершеннолетних, большинство экспертов (42%) ответили, что представители взрослой организованной преступности подбирают себе несовершеннолетних правонарушителей для выполнения отдельных поручений. 28% экспертов убеждены, что они готовят себе смену и рекрутируют из числа несовершеннолетних участников криминальных подростковых групп подготовленных членов для низового звена своих групп. На то, что взаимосвязь и взаимовлияние осуществляется посредством перехода взрослеющих наиболее опытных и подготовленных членов группировок несовершеннолетних во взрослые организованные преступные группы указало 25% экспертов. Примерно равное количество экспертов, соответственно 16 и 15%, считают, что представители взрослой организованной преступности, как правило, напрямую не вмешиваются в деятельность криминальных группировок несовершеннолетних, но собирают информацию об их членах и их деятельности для возможного использования в своих целях, а также, что непосредственного контакта между ними, как правило, нет, а взаимовлияние осуществляется через опосредованное перенятие подростками навыков организованной преступной деятельности. Значительно меньше экспертов (от 3 до 6%) высказались за то, что связи организованной преступности и криминальных группировок несовершеннолетних жесткие и что подростки находятся под контролем взрослых.

По мнению экспертов, организованные преступные группировки (далее – ОПГ) взрослых наиболее часто используют несовершеннолетних для совершения тяжких преступлений, где они играют роль пособников (наводчиков, разведчиков, подстраховщиков и т.п.) – 49%; реже – 30% опрошенных, для проведения отвлекающих правоохранительные органы действий (массовых драк, других хулиганских проявлений) и 20% высказались за то, что наиболее часто несовершеннолетние используются для совершения разного рода вымогательств (рэкеты); еще реже – для исполнения функций «торпед» – провоцирования на насильственные действия, устранение конкурентов в низшем звене и т.п. – 13% опрошенных; всего 6% считают, что наиболее часто несовершеннолетних используют при совершении каждый раз все более тяжких преступлений, повышая тем самым «профессиональный» уровень подростков.

Проведенное исследование позволило выявить различные виды связей взрослой, в том числе организованной преступности с преступностью несовершеннолетних. Такие связи, на наш взгляд, можно объединить в различные типологические группы. Типологизацию мы связали с формой и способом их реализации³. На наш взгляд, с естественной долей условности по форме можно выделить следующие основные типы причинной взаимосвязи взрослой преступности и преступности несовершеннолетних: **«преступно-преемственная»** и **«причинно-обуславливающая»**. По способу их можно обозначить так: **«физическая»**, или непосредственная, и **«информационная»**. Рассмотрим эти типы связи.

1. Основной связью, воспроизводящей преступность вообще, является **«преступно-преемственная»**. По данным статистики и научных исследований, 60% всех взрослых рецидивистов первое преступление совершили в несовершеннолетнем возрасте. Именно во времена своей юности эти лица освоили «азы» преступной деятельности, от «невинного» мелкого хулиганства до тяжких преступлений. В детской колонии, специальных учебных заведениях они уже прошли первые «университеты» преступного искусства, прониклись философией преступного мира. Такой багаж делает естественными следующие криминальные шаги и одновременно дает своего рода пропуск в ряды

зрелых преступников. «Преемственность» взрослой преступности и преступности несовершеннолетних в данном случае состоит в том, что знания, навыки, опыт передаются не столько от взрослых к молодым, сколько наоборот: бывшие подростки приходят со своими знаниями, опытом, «связями», которые они не только используют в собственной преступной деятельности, но делятся ими со своими старшими поделщиками, пополняя общий криминальный арсенал.

2. **«Причинно-обуславливающая»** связь выражается, во-первых, в том, что существуют общие причины взрослой преступности, особенно молодежной и преступности несовершеннолетних – это особенно наглядно отражается в статистических показателях той и другой преступности. Как правило, если не вмешивались какие-либо объективные процессы (амнистия, изменение законодательства, различные катаклизмы, стихийные бедствия, войны, эпидемии и т.п.), оба вида преступности сохраняют определенную стабильность и сходство основных тенденций (динамика изменения, практически стабильность уровня, показатели криминальной пораженности населения в возрасте 14–17 и 18–29 лет и др.). Кроме того, сами проявления взрослой преступности являются во многих случаях причиной совершения преступлений несовершеннолетними. Взрослая преступность воспроизводит саму себя из преступности несовершеннолетних и поэтому является причиной существования последней. Преступность же несовершеннолетних поскольку в свою очередь воспроизводит взрослую преступность, является причиной ее восполнения.

Таким образом, связь преступности несовершеннолетних и взрослых двусторонняя. В преступности несовершеннолетних отражаются обычаи, традиции, опыт, стереотипы поведения взрослой преступности. В свою очередь взрослая преступность пополняется за счет притока взрослеющих несовершеннолетних, которые несут с собой свои специфичные традиции, опыт, связи. Новое пополнение несет с собой молодую энергию, силу, поддерживая и вдохновляя ветеранов преступного мира.

3. Термином **«физическая»** связь преступности взрослых и несовершеннолетних подчеркивается непосредственное, основанное на прямом контакте, взаимодействие взрослых преступников и подростков, в процессе которого и происходит целенаправленное криминальное воздействие на подростков. Таким образом, в отличие от предыдущего варианта, здесь направление воздействия – от старшего к младшему поколению преступников. Пожалуй, наиболее характерны

³ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 10–11; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. С. 11–15.

ми примерами такой непосредственной связи могут служить общеизвестные ситуации, когда взрослые преступники готовили себе смену из числа подростков. Создавались целые школы по подготовке карманных, квартирных воров, попрошаек и т.п., в которых обучались подростки самого разного возраста. Современный пример такого обучения приводит в своей диссертации Ф.М. Абубакиров⁴. «Центр по подготовке молодых преступников» существовал недавно в Хабаровском крае, где на одном из островов Амура, в палаточном лагере ежегодно в летнее время собирались наиболее активные представители преступного сообщества, подростки из числа школьников, учащихся ПТУ, не работающие и не учащиеся. В отдельные дни их собиралось до 40 человек, подбор и приглашение этих подростков осуществлялся и через ранее вовлеченных лиц. Описываемую «школу воровского резерва» организовали криминальные авторитеты г. Комсомольска-на-Амуре. Под опекой профессиональных преступников подростки, средний возраст которых не превышал 15 лет, постигали азы «воровских законов», которым следует общеуголовная организованная преступность, приобретали связи, специфические криминальные навыки. Происходила интенсивная консолидация несовершеннолетних с лидерами организованных преступных формирований. Этот палаточный лагерь имел самое непосредственное отношение к «общаку», содержался на общие средства преступных формирований. Подобный пример можно привести и по городу Москве, где в Таганском районе в общеобразовательной школе была организована спортивная секция по рукопашному бою, которую вел один из членов таганской организованной преступной группировки. «Наставник» наряду с обучением подростков приемам драки приобщал их и к преступной деятельности, где его подопечные применяли полученные «знания» на практике.

Взрослые достаточно часто привлекали несовершеннолетних для достижения своих корыстных преступных целей, используя их неподсудность из-за возраста, неприметность для окружающих, возможность проникать в недоступные для взрослых (ввиду малых габаритов) места. Охраняя несовершеннолетних от преступного влияния взрослых, законодательство многих стран мира предусматривает уголовную, административную, гражданско-правовую ответственность за

вовлечение лиц, не достигших совершеннолетия, в противоправную деятельность.

4. Если в предыдущем случае криминогенное воздействие в самых различных его формах исходит от представителей криминального мира, вступающих в непосредственный физический контакт с подростками, следующий тип связи – **«информационный»** – не имеет такого определенного субъекта влияния. Первоисточником, питающим преступность несовершеннолетних в случае, к которому мы переходим, является сам по себе факт существования феномена преступности в обществе, как определенного типа поведения, привлекательного в силу различных обстоятельств для достаточно широкого круга подростков и молодых людей. Мы здесь делаем акцент не только на преступности, как совокупности объективных фактов (событий), а, во-первых, на информационной стороне процессов преступности, то есть о том, как и что молодое поколение узнает о преступности из самых различных источников, вбивающих зачастую в головы незрелых подростков сведения самого дурного свойства. Во-вторых, речь идет об идеологическом, психологическом, воспитательном воздействии на подрастающее поколение, которое далеко не всегда напрямую детерминировано преступностью и криминальным миром, но оно основывается на той информации, которая, попадая на почву деформированного сознания определенной части подростков, соответственно преобразуясь, приобретает криминогенное значение.

Итак, объектом воздействия здесь становится психология личности и социальных групп. Другими словами, дело касается сферы индивидуальной социальной психологии.

«Информационная» связь, о которой идет речь, осуществляется через освоение несовершеннолетними, молодежью «романтики», традиций, обычаев, искусства, жаргона блатного мира, т.е. идеологии и философии его. Существует множество каналов передачи этой идеологии от непосредственных рассказов «бывалых уроков» до телепрограмм, фильмов, книг, периодической печати, где пропагандируется насилие, жестокость, коварство. Идеологией преступной жизни в настоящее время пронизаны практически все сферы нашей жизни.

Традиции «продолжения рода» всегда были сильны и свойственны преступной среде. Одно из основных правил, которым руководствуются организованные преступные сообщества, требует вовлечения в свою среду новых членов. С этой целью они распространяют уголовно-воровские традиции среди несовершеннолетних: азартные

⁴ См.: Абубакиров Ф.М. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия организованной преступной деятельности несовершеннолетних: Дис... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД России, 1995. С. 62.

игры, наркотики, вовлекают в проституцию, внедряют свой сленг (жаргон), татуировки и, в конце концов, вовлекают в свой образ жизни.

Подросток с этой идеологией начинает сталкиваться уже в семье, где ранее судимые родители ее пропагандируют. В школе, ПТУ, где порой «правят бал» неформалы, также идет активное приобщение к этой «культуре». По месту жительства в дворовых компаниях, в состав которых нередко входят ранее судимые, вернувшиеся из мест ограничения или лишения свободы (воспитательные колонии, спецшколы, спецучилища), также идет прямая передача криминального «опыта». Настоящими «университетами» преступности являются места лишения свободы, где вольно или невольно молодые преступники приобщаются к преступному образу жизни.

Описанные типы связи взрослой преступности и преступности несовершеннолетних не исчерпывают всего многообразия их взаимодействия. Особую остроту в настоящее время все больше приобретает взаимосвязь взрослой организованной преступности и преступности несовершеннолетних. Распространяя свои интересы на несовершеннолетних, взрослая организованная преступность все более жестко контролирует криминальные проявления в среде подростков. От наблюдения «со стороны» за криминальными «шалостями» несовершеннолетних до прямого вовлечения их в свои круги, от косвенной передачи «зонных» традиций, уголовной романтики до создания специальных школ по подготовке рекрутов низшего звена организованной преступности, – таков достаточно широкий спектр влияний организованной преступности взрослых на преступность несовершеннолетних. При этом связи взрослой преступности и преступности несовершеннолетних конкретизируются, наполняются новым содержанием, исходя из интересов наиболее опасного вида преступности – организованной.

1. Первый выделенный нами тип связи («преступно-генетическая») применительно к организованной преступности дифференцируется на **пенитенциарно-преемственную, инициативно-преемственную и принудительно-преемственную.**

1.1. **Пенитенциарно-преемственная** связь организованной преступности с преступностью несовершеннолетних реализуется в местах лишения свободы, где отбывающие наказание бывшие «малолетки» вплотную встречаются с «профессионалами» организованной преступности, которые приобщают их к своему клану, обучают тра-

дициям, тактике действий, «вводят» в свой круг, передают необходимые связи, знакомят с нужными людьми. При этом представители организованной преступности, как правило, заранее, еще «по воле» или в колонии получают характеристику на него, присматриваются к «молодому», проверяют его, а потом уже начинают приближать к себе. Начальный этап приобщения несовершеннолетнего к организованной преступности может проходить и в воспитательной колонии, где организованная преступность через своих полпредов-несовершеннолетних, уже втянутых в деятельность взрослых организованных групп и отбывающих наказание за совершенные в составе такой группы преступления, осуществляют его проверку, испытание, а потом приближают к себе, «доверяют» знакомиться с «воровской» почтой, приобщают к преступной элите колонии, поручают выполнение отдельных заданий и т.п.

1.2. **«Инициативно-преемственная»** связь реализуется в то время, когда подросток, взрослея, либо «перерастая» криминальные «забавы» несовершеннолетних, стремится сам к более серьезной преступной деятельности. При этом он руководствуется интересами получения большей материальной выгоды от своей преступной деятельности, поднятия своего авторитета в глазах товарищей, защиты со стороны преступных авторитетов от нападков врагов или конкурентов. В этом случае несовершеннолетний или молодой взрослый ищет возможности «выхода» на представителей организованной преступности, нанимается к ним на исполнительские роли в качестве охранника или боевика, пособника при совершении преступлений и т.п. При этом кандидат часто предлагает свои услуги для выгодного преступления (наводка на богатых соседей, знакомых и т.п.), использования своих или родительских связей в целях совершения выгодных противоправных сделок, использования возможностей возглавляемой им группировки несовершеннолетних и т.п.

1.3. **«Принудительно-преемственная»** связь осуществляется при прямом вовлечении несовершеннолетних в деятельность организованных преступных группировок взрослых, либо представители организованной преступности сами создают организованные группы несовершеннолетних. В первом случае взрослая группировка сама вовлекает подготовленного для выполнения «черновой» работы группировки или выгодного (имеющего богатых, высокопоставленных или работающих в правоохранительных органах родственников) им несовершеннолетнего. Создание группировки подростков, как правило,

необходимо для отвлечения от взрослых внимания правоохранительных органов, выполнения группировкой подсобных для взрослых функций (угон автомобилей, снятие запчастей для последующей передачи взрослым, разведка и т.п.). То есть «принудительно-генетическая» связь реализуется в процессе вовлечения несовершеннолетних в организованные группы взрослых. Здесь под этой связью понимается только сам процесс вовлечения и предпринимаемые для этого меры, совместная же деятельность вовлеченных подростков и их «вовлекателей» охватываются уже другой «непосредственно-физической» связью, о которой будет сказано ниже.

2. «**Причинно-обуславливающая**» связь реализуется организованной преступностью более эффективно, чем другими видами взрослой преступности. Эта эффективность выражается прежде всего в том, что действительная картина распространения преступности, и это постоянно отмечается в средствах массовой информации, такова, что организованная преступность проникла во все сферы общества, многие преступно нажитые капиталы легализованы и работают на «мафию» довольно успешно. Бывшие преступники становятся «крутыми» дельцами большого бизнеса, а то и крупными политиками и т.д., и т.п. Таким образом, обеспокоенность распространением организованной преступности в стране, высказываемая буквально везде, является лучшей рекламой, играет роль притягательной силы для подрастающего поколения. Именно эта «популярность», эффективность корыстной, а не демонстративной насильственной преступности послужила одной из основных причин переориентации неформальных подростково-молодежных группировок по месту жительства с демонстративно-хулиганских действий на корыстную, но более законспирированную, жестокую и в то же время «эффективную» преступную деятельность. Именно организованная преступность и ее новые преступления явились основным толчком освоения подростками сугубо взрослых преступных деяний, жестоких, не знающих жалости ради получения материальной выгоды.

2.1. То есть организованная преступность стала одной из основных причин ужесточения, повышения общественной опасности общей преступности, особенно преступности несовершеннолетних. Эта, если можно так назвать, «**коренная причинно-обуславливающая**» связь организованной преступности и преступности несовершеннолетних находит основное свое выражение в усиливающейся тяге подростков к криминалитету для обеспечения себе «красивой», богатой жизни,

подчас формирует на данном этапе их жизненные приоритеты, увеличивает уровень криминальной пораженности подросткового населения страны.

2.2. Действие «коренной причинно-обуславливающей» связи дополняется подстрекательской, вдохновительной политикой конкретных представителей организованной преступности в отношении несовершеннолетних правонарушителей. И эта политика направлена на реализацию еще одного вида рассматриваемого типа связи – «**конкретной причинно-обуславливающей**», что подразумевает подстрекательские действия представителей организованных преступных групп, являющихся причиной вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность вообще и в преступную деятельность организованных преступных групп, в частности.

3. Следующий тип связи взрослой преступности и преступности несовершеннолетних – «физическая», или непосредственная, используется организованной взрослой преступностью в следующих вариантах.

3.1. «**Косвенно-физическая**», когда организованная преступность не раскрываясь, не обнаруживая себя, использует несовершеннолетних в своих целях. Это происходит тогда, когда представители организованной преступности под различными предлогами, через авторитетного в подростковой среде ранее судимого, знакомого взрослого дают «советы» организаторам группировок несовершеннолетних, как действовать в том или ином случае, не раскрываясь и не обнаруживая себя; когда ранее судимое лицо, имевшее опыт деятельности в организованных взрослых преступных группах, потеряв или сознательно не восстанавливая связь с ними, создает под своим руководством организованную группу подростков.

3.2. «**Жестко-физическая**» связь применяется организованными взрослыми преступными группами в случаях, когда их представители используют уже «рекрутированных» в свои ряды несовершеннолетних для выполнения подсобных функций, а также тогда, когда взрослые через вовлеченных в свои группировки организаторов, руководителей антиобщественных группировок несовершеннолетних используют его подопечных (которые, как правило, не знают об этом) в своих целях. Эта связь реализуется и в том случае, когда представители взрослой организованной преступности сами руководят уже созданными ими группами несовершеннолетних, навязывая им свой образ жизни, порядки, организуя совершение преступлений и других противоправных деяний по указанию или для достижения целей взрослой организованной группы. То есть в отличие от «принудительно-

генетической» связи, «жестко-физическая» включается уже после реализации «принудительно-генетической», это процесс использования несовершеннолетних в деятельности организованной преступной группы взрослых уже после их вовлечения в эту группу.

4. «Информационная» связь также реализуется организованной преступностью по-разному, в зависимости от места ее применения, субъектов-проводников этой связи и способов передачи самой идеологии этой специфичной преступной жизни.

4.1. Таким образом, можно выделить **«пенитенциарно-информационную»** связь, когда идеология организованной преступности передается в условиях мест лишения свободы (ИК, ВК, СИЗО, ИВС), включая места ограничения свободы, специальные учебные заведения, центры временной изоляции несовершеннолетних и т.п.

4.2. **«Непосредственно-информационная»** связь осуществляется через носителей идеологии организованной преступности, то есть при непосредственном контакте представителей организованной преступности с несовершеннолетними.

4.3. И **«пропагандистско-информационная»** связь реализуется через различные источники массовой информации, тюремную субкультуру, бытующую в отдельных слоях населения. Причем, сама идеология организованной преступности по своему содержанию отличается от просто идеологии преступной жизни, тюремной «романтики». В ее основе опора на сильную, умную личность, способную организовать хорошо структурированную, сплоченную, гибкую группировку, умеющую подавить конкурентов не только силой, но и мастерством. Основные пропагандируемые достоинства организованных групп – умение эффективно противостоять или с помощью любых методов склонять на свою сторону государственные, в том числе правоохранительные, органы, умение добывать большие финансовые средства любым путем, обеспечение «красивой», богатой жизни членам группировки, защита их от правоохранительных органов, конкурентов, оказание помощи во время следствия, суда, отбывания наказания и т.п. То есть эта идеология адаптирована к современной ситуации, менее консервативна, чем традиционная воровская, а поэтому более привлекательна для несовершеннолетних и молодежи.

Приведенная типологическая характеристика взаимосвязи взрослой, в том числе организованной, преступности, очевидно, не является исчерпывающей, однако, на наш взгляд, позволяет конкретизировать исследования этой еще малоизученной проблемы.

М. Е. Труфанов,
кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Кавказский государственный
технический университет)

ОБОСНОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СИСТЕМЕ ЭЛЕМЕНТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Применение норм права всегда составляло объект пристального внимания отраслевых юридических наук. Это обусловливается, в первую очередь, тем, что в процессе применения права достигается наиболее результативное воздействие государства на регулируемые общественные отношения в целях их упорядочения и совершенствования.

Правоприменительная политика современного государства, по мнению правоведа А.В. Малько, это вид деятельности государства, который сегодня чуть ли не значимее правотворчества. Причинами тому автор называет неисполнение или плохое исполнение законов, потребность исполнителей в «обрамлении» закона массой приказов и инструкций, потерю законом своего первоначального содержания после уточнения подзаконными актами, расширение сферы усмотрения чиновника¹. С таким утверждением трудно не согласиться, но несколько лаконичнее выглядит правовая позиция С.С. Алексеева, который пишет: «Применение права – это второй по значению после правотворчества, а при известных социальных и правовых условиях и не менее важный фактор, существенно влияющий на правовое регулирование»².

Становление и осуществление правовой политики в сфере государственного администрирования выразительно проявляется в ходе реализации комплекса правовых и социальных мер по ликвидации детского неблагополучия. Политика правоприменения воплощает в себе, как одно из направлений, стратегию и тактику профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

¹ См.: Малько А.В. Формы реализации и виды правовой политики / Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003. С. 166.

² Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд. перераб. и доп. М.: НОРМА, 2002. С. 266.

Существование и специфика правовой политики в области применения норм административного права обусловлена, главным образом, следующими факторами: а) наличием многофункциональной, сложно организованной системы потенциальных субъектов административно-правовых отношений, успешное взаимодействие которых предполагает проведение в этой сфере единой государственной политики; б) необходимостью эффективной реализации воли законодателя с учетом динамики общественных отношений. Что в полной мере свойственно сложившейся сегодня в России системе властного воздействия на девиантное поведение подростков.

Научно-обоснованная правовая политика в области применения административно-правовых норм – это, прежде всего, необходимая гарантия обеспечения прав и свобод личности, ее чести и достоинства. Вопросы гарантированности прав несовершеннолетних, укрепления законности и правопорядка, неотвратимости юридической ответственности и другие актуальнейшие проблемы современного российского государства здесь переходят из категории популярных терминов в сферу их практической реализации.

Определяя содержание правовой политики в области применения административно-правовых норм, очень важно подчеркнуть следующий момент. Применение норм данной отрасли права возможно как органами и должностными лицами исполнительной власти, так и органами правосудия. Ее сущностное проявление характеризуется наличием научно-теоретического, директивного, организационного и оценочного элементов.

Научно-теоретический элемент административной правоприменительной политики включает в себя научно-мировоззренческое обоснование исходных положений применения норм административного права, места и роли в системе средств обеспечения интересов государства, общества и личности; определение форм правоприменительной деятельности с учетом особенностей общественных отношений. Проблема в том, что этот компонент имеет огромное значение, но он не всегда стабильный. Наиболее значительные, кардинальные изменения в административной правоприменительной политике происходят как раз тогда, когда существенно трансформируется ее концептуальная часть.

Общая концепция административной правоприменительной политики, вырабатываемая высшими органами государственной власти, должна учитывать то тревожное состояние, которое отмечают российские ученые. Все чаще в молодежной среде проявляются элементы противоправной самоорганизации, остро встает вопрос о профилак-

ке преступлений, совершаемых подростками в группах. Особую тревогу вызывает состояние рецидивной преступности несовершеннолетних.

Правоприменительно сложно видеть наиболее значимые направления работы в условиях, когда оценка результативности профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в отдельных случаях несопоставима. Так, по мнению представителей МВД России, в последнее время удалось достичь определенных позитивных результатов профилактической работы среди несовершеннолетних³. В то же время представители Генеральной прокуратуры высказывают мнение о том, что активность органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних падает⁴. Такое положение ни практически, ни теоретически обосновать невозможно.

Научно-теоретическое осмысление данной проблемы ведет к тому, что необходима реконструкция ранее утраченной координационной функции. Учитывая необходимость активизации действий государственных органов по ликвидации детской беспризорности и правонарушений, МВД России вышло с предложением к Правительству РФ о формировании правительственной комиссии с возложением координирующих функций на Министерство внутренних дел. Сомнения по поводу такой инициативы связаны с тем, что органы прокуратуры, основываясь на п. 2 ст. 1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации», могут претендовать на обладание координационной функцией по исследуемому вопросу.

Директивная часть административной правоприменительной политики представляет собой результат познания и оценки государственной властью сложившейся практики применения норм административного права с точки зрения ее соответствия интересам общества, основополагающим требованиям права. На этом уровне в общий курс вносятся необходимые коррективы в виде целевых комплексных программ, национальных планов действий в интересах молодежи, нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, приказов и

³ См.: Голубовский В.Ю. Совершенствование деятельности органов внутренних дел и других субъектов системы профилактики по предупреждению правонарушений несовершеннолетних / Совершенствование деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Материалы круглого стола, 29 апр. 2005 г. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 14–17.

⁴ См.: Манаенкова Н.В. К вопросу о совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Указ. сборник. С. 49–56.

указаний министерств, решений разного уровня коллегий и координационных совещаний. Политический аспект в данном случае состоит в том, чтобы обеспечить единообразное использование наиболее оптимальных при данных условиях средств административно-правового воздействия на систему профилактики правонарушений несовершеннолетних. Однако к настоящему времени в Российской Федерации образовался огромный разрыв между моделями общественных отношений, которые формируются законодательством о правах ребенка, и действительной ситуацией в данной сфере.

Организационный компонент административной правоприменительной политики конкретизируется в основных направлениях и формах организационного обеспечения правоприменения. Сюда относятся вопросы кадрового обеспечения уполномоченных органов, определение эффективных форм контроля их деятельности, информационно-методическое и материально-техническое обеспечение правоприменительной деятельности. Суть данного аспекта в вопросах профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, создании организационных ресурсов, необходимых для решения поставленных задач. Недооценка данного аспекта может превратить административную правоприменительную политику из инструмента эффективного государственного управления в набор декларативных форм.

Анализ ситуации свидетельствует, что попытки стабилизировать положение в подростковой среде мерами организационного характера, решениями федеральных органов исполнительной власти не подкреплены активными действиями субъектов профилактики на местах. Серьезную проблему образует уровень квалификации потенциальных субъектов профилактической работы. Во многих случаях инспекторский состав федеральных служб и агентств не соответствует тем профессиональным требованиям, которые бы позволили эффективно решать возложенные на них задачи. Подобную проблему может образовать резкое увеличение численного состава соответствующих должностей.

Первоочередными задачами являются: неуклонное проведение в жизнь принципа профессионализма во всех звеньях системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, занятых вопросами властной реализации административно-правовых норм; повышение социального статуса субъектов профилактической работы; повышение социально-экономических и политико-правовых гарантий их деятельности; качественное усовершенствование основ подготовки и переподготовки специалистов.

В отличие от директивной части, которая весьма динамична, организационная часть более консервативна и формализована. В нашем случае нельзя обойти вниманием проблему деятельности субъектов

системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по исполнению Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Отчасти она обусловлена несовершенством существующей нормативно-правовой базы, корректировка которой осуществляется крайне медленно и неэффективно.

Серьезные нарекания имеют место в работе территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Это основное звено не получило штатного и ресурсного наполнения и функционирует, по существу, на общественных началах. На наш взгляд, следует согласиться с мнением А.С. Дугенца о том, что комиссии обязаны защищать несовершеннолетних от любых противоправных действий против подрастающего поколения. А вершить правосудие в отношении их по аналогии с оправдавшим себя зарубежным опытом должны представители судебной власти⁵.

Оценочную часть административной правоприменительной политики образуют ее результаты и перспективы. Все усилия заинтересованных субъектов в конечном счете направлены на то, чтобы добиться соответствующего качества правоприменительной деятельности, обеспечить решение тех задач, которые рассматриваются действующей властью как наиболее важные, существенные сегодня и в перспективе. Достаточно отчетливой характеристикой государственной политики в исследуемой сфере являются новые, зарождающиеся формы профилактической работы. Так, например, можно отметить активизацию военно-патриотического воспитания молодежи в Ставропольском крае.

Разработка и официальное утверждение системы административных процедур, формирование и введение в действие судов ювенальной юстиции вызывает бурные споры, но вместе с тем достаточно отчетливо характеризует общую линию государства на совершенствование системы административно-правового регулирования, придание ей большей гибкости и социальной чувствительности. Позитивные результаты последнего времени в исследуемой сфере были связаны с использованием административных рычагов, реализацией поручений Президента Российской Федерации, решений правительственной комиссии, Межведомственного оперативного штаба.

⁵ См.: Дугенец А.С. Некоторые проблемы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав / Совершенствование деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Материалы круглого стола, 29 апр. 2005 г. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 79.

ПОДГОТОВКА ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Значительная часть тех, кто побывал в местах лишения свободы в несовершеннолетнем возрасте, возвращается туда обратно, будучи взрослыми. Действительно, эту закономерность подкрепляет то обстоятельство, что в воспитательные колонии в настоящий момент попадают по большей части несовершеннолетние с серьезным криминальным опытом, имеющие зачастую не одну условную судимость. Это также те лица, в отношении которых суд не нашел возможным применить альтернативные лишению свободы виды наказания. Правосудие, действительно, стало мягче по отношению к несовершеннолетним, и «за решетку» попадают по большей части те, которых не удалось исправить другими методами и средствами.

В результате у многих работников правоохранительных органов и органов исполнения наказаний в отношении таких подростков складывается стереотип. «Он все равно опять сядет», «он в любом случае опять совершит преступление» – так говорят многие практики о тех осужденных воспитательных колоний, которые готовятся к освобождению. С бытовой, житейской точки зрения данные люди, может быть, и правы, но в позиции профессионала таким взглядам не место. Ведь их следствием зачастую является оправдание бездействия и невыполнения своих должностных обязанностей.

Статья 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в качестве целей уголовно-исполнительного законодательства полагает исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Таким образом, вторичная профилактика преступности входит в цели уголовно-исполнительного законодательства, а, следовательно, в цели деятельности органов уголовно-исполнительной системы. Далее, Кодекс (ст. 9) подробно излагает, что входит в понятие «исправление» и говорит о *средствах исправления*: установленный порядок отбывания наказания, воспитательная работа, общественно

полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Действительно, в арсенале органов, исполняющих наказание, есть такое сильное средство, как «установленный порядок исполнения и отбывания наказания». Несовершеннолетний, оказавшийся в местах лишения свободы, в любом случае, какое количество условных судимостей у него бы ни было, какое жестокое преступление он бы ни совершил, переносит определенный стресс, и сложно представить, что такой подросток через несколько дней или недель не начнет обдумывать причины и истоки того, почему он оказался «за решеткой». Поэтому само лишение свободы, безусловно, сильно воздействует на мировоззрение молодого человека. Возникнет желание никогда больше не оказаться в местах лишения свободы. Вопрос в том, возникнет ли оно в виде желания «не совершать преступления» или желания «не попадаться»?

В рамках данной темы не стоит углубляться в дискуссию по поводу целесообразности применения такого вида наказания к несовершеннолетним и о том, что такое лишение свободы – «зло или добро». Данный вид наказания существует и активно применяется органами судебной власти. Поэтому задачей практических работников становится за время пребывания подростка в местах лишения свободы прилагать усилия к исправлению осужденного и недопущению совершения им повторного преступления. Такая профилактическая работа должна проходить в процессе осуществления воспитательной, образовательной, психологической, досуговой работы в воспитательных колониях. И эти направления деятельности нуждаются в постоянном совершенствовании. Однако не менее важным аспектом является блок работы по *подготовке осужденных воспитательных колоний к освобождению*.

Можно долго говорить о причинах молодежной преступности; пожалуй, никто не будет спорить с тем, что для значительной части осужденных жизненные обстоятельства, социальная и семейная неустроенность послужили такими причинами. Поэтому, если Уголовно-исполнительный кодекс определяет задачу исправления и недопущения повторного преступления, то неприемлемыми следует считать те случаи, когда мы «выпускаем на свободу» подростков неподготовленными, когда они обречены на ведение асоциального образа жизни.

Приведем пример. Осужденный И. (16 лет) был помещен для отбывания наказания в воспитательную колонию. При задержании при нем отсутствовали какие-либо документы. Со слов И., он приехал в Москву из Таджикистана и жил на вокзале на протяжении последних четырех лет. До этого его жизненные обстоятельства складывались следующим образом. В Таджикистане у семьи И. была квартира, однако он часто убегал из дома, и однажды, после длительного отсутствия (более года) по возвращении домой он обнаружил, что в квартире живут чужие люди, а мать умерла. И. некуда было идти и он «подался» в Москву с другими такими же беспризорными ребятами. Осужденный помнит, что у него есть бабушка в Волгограде, но где конкретно она проживает и ее фамилию вспомнить не может. Сотрудники группы социальной защиты пытались связаться с посольством Таджикистана, чтобы попросить о содействии, однако посольство ответило отказом в связи с отсутствием подтверждения таджикского гражданства И. До освобождения И. остается один месяц, его ситуация до сих пор не разрешена.

Очевидно, что существующее регулирование работы по подготовке к освобождению осужденных воспитательных колоний, и, в частности, несовершеннолетних, должно быть усовершенствовано как в части нормативно-правового регулирования, так и методического обеспечения такой деятельности. В последнее время в ряде воспитательных колоний Российской Федерации в сотрудничестве с их администрацией общественными организациями проводятся различные проекты, направленные на оказание содействия в подготовке осужденных к освобождению. Так, в колониях Казанской, Колпинской, Новооскольской, Томской, Абаканской, Канской, Ангарской, Костромской, Димитровградской, Камышинской и других усилена работа по подготовке к освобождению. Положительный опыт подобной практики должен быть обобщен и распространен.

Рассмотрим также нормативно-правовое регулирование работы по подготовке к освобождению. Уголовно-исполнительный кодекс в главе 22 (помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними) фиксирует несколько ключевых положений, на которых должна строиться работа по подготовке осужденных к освобождению. Однако при первом же рассмотрении очевидно, что некоторые из них нуждаются в корректировке и дополнении. Так, положение ч. 1 ст. 180 УИК о том, что за шесть месяцев до ис-

течения срока лишения свободы администрация учреждения уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях, безусловно, должно быть уточнено в части работы с осужденными воспитательных колоний и дополнено.

В процессе работы по проекту «ИнформУспех» и «ИнформУспех-2» (по подготовке осужденных к освобождению и постпенитенциарному сопровождению) сотрудниками Фонда ИНДЕМ было выявлено, что *индивидуальную работу* с осужденными воспитательных колоний гораздо целесообразнее строить не по плановому методу подготовки к освобождению за шесть месяцев, а по методу работы «со случаем». В понятие «случай» мы включаем сложную жизненную ситуацию подростка, которая требует разрешения и проработки. В рамках проекта был разработан алгоритм оценки сложности «случая». Индивидуальный подход заключается в том, что ситуация одного подростка может оказаться настолько сложной, что к ее разрешению необходимо приступить уже на стадии поступления подростка в воспитательную колонию. Для некоторых осужденных, напротив, требуется гораздо меньшее количество времени, чтобы получить от органов местного управления, служб занятости по месту жительства информацию об обеспечении жильем, будущем трудоустройстве и т.д. Алгоритм оценки «случая» включает в себя своеобразную «матрицу», деленную на несколько тематических блоков: оценка обеспеченности жилищных нужд, критерии оценки готовности к выбору профессии, образование, здоровье, семейное устройство, документационный статус. Положение о группе социальной защиты и учета трудового стажа осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ в п. 5.1.1. предполагает при подготовке к освобождению «проведение беседы с каждым осужденным, в процессе которой выясняется, где эти лица намерены проживать, работать или учиться после освобождения, имеется ли связь с родственниками, характер взаимоотношений с ними, наличие у осужденного необходимых документов, его жизненные планы, готовность к обеспечению жизнедеятельности».

Проведение подобных бесед с осужденными воспитательных колоний целесообразно, по нашему мнению, строить с использованием алгоритма оценки «случая». Это поможет, во-первых, рационализировать время, затрачиваемое сотрудником на разговор и сбор информации; во-вторых, более конкретно определить те виды помощи, в которых нуждается осужденный при подготовке к освобождению и построить план оказания такой помощи; в третьих, подготовить информацию для социальных служб, в которые воспитаннику необходимо обратиться после освобождения.

Положение о группе социальной защиты и учета трудового стажа предполагает также (п. 5.1.2). проведение занятий с освобождающимися осужденными в «Школе подготовки осужденных к освобождению». Опыт проведения проектов «ИнформУспех» и «ИнформУспех-2» показал целесообразность наполнения таких занятий адаптированным для подростков правовым материалом. Имеет смысл освещать во время занятий такие темы, как освобождение от наказания, жилье и жилищные права несовершеннолетних, регистрация по месту жительства, трудоустройство и работа, образование, семейные отношения, здравоохранение, социальное обеспечение и некоторые другие. Следует привлекать к проведению занятий не только сотрудников колоний, но и специалистов социальных служб, комиссий по делам несовершеннолетних, служб занятости, общественных организаций и др.

Необходимо дополнить Положение нормой об обязанности при подготовке осужденных к освобождению проводить профориентационную работу, по крайней мере с осужденными воспитательных колоний. Данная потребность обусловлена тем, что зачастую низкий интеллектуальный уровень и завышенные запросы не позволяют молодому человеку определиться с профессией. Профориентационная работа, безусловно, проводится при обучении осужденных в ПТУ, а также непосредственно на производстве, тем не менее, далеко не все осужденные ассоциируют свое трудовое будущее с полученной в местах лишения свободы профессией; для некоторых приобретенная специальность кажется непрестижной и ассоциируется с отбыванием наказания. В этой связи необходимо создать у молодых людей, по возможности, полное представление об имеющихся профессиях и вероятность их получения после освобождения, об учебных заведениях, где данную профессию можно получить. Такая работа может

проводиться как с использованием специальной литературы и профориентационных тестов, так и видеофильмов о профессиях.

Другой аспект, который необходимо учитывать при подготовке к освобождению, это предусмотренная законом материальная помощь осужденным. Остается невыясненной ситуация с обеспечением бесплатного проезда до места жительства такой категории осужденных, как граждане иностранных государств. Эта проблема особенно актуальна для несовершеннолетних осужденных иностранцев. Часть 1 ст. 181 Уголовно-исполнительного кодекса говорит о том, что «осужденным, освобождаемым от лишения свободы, обеспечивается бесплатный проезд к месту жительства». Тем не менее, практика колоний в этой части разнится: в некоторых случаях билет приобретается только до границы РФ. Думается, что целесообразнее было бы определить положение, согласно которому «все осужденные, граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства обеспечиваются бесплатным проездом до места жительства».

Часть 4. ст. 181 следует расширить в части обязанности администрации выяснять возможность встречи освобождаемых лиц их родственниками либо другими лицами и разъяснения необходимости встречи освобождаемых лиц.

Безусловно, социальные проблемы – отсутствие занятости, неопределенность в выборе профессии, отсутствие информации о своих правах и обязанностях, жилищная неустроенность, оставление без попечения родителей – факторы, которые способствуют криминализации поведения несовершеннолетних. Обеспечив максимально решение этих проблем во время пребывания подростков в воспитательной колонии и при подготовке к освобождению, мы в значительной степени предотвратим повторное совершение преступления с их стороны.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

С давних пор человечество волновала проблема подрастающего поколения, которое приходит на смену старшему поколению. Современная цивилизация при постоянном стремлении все законодательно конкретизировать и детализировать пришла к верному выводу о том, что в случае совершения преступления несовершеннолетним мера ответственности и порядок рассмотрения дела должны быть особенными, отличными от общих правил. Уголовная статистика на протяжении длительного времени фиксирует тенденцию постоянного роста преступности несовершеннолетних и ее омоложения.

Современная уголовная политика Российской Федерации направлена на усиление борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при одновременном смягчении уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. Проявляется это, прежде всего, в увеличении предусмотренных УК РФ видов наказания, не связанных с изоляцией от общества, расширении круга оснований их применения, совершенствования регламентации их исполнения. Уголовное законодательство и правоприменительная практика развиваются по пути расширения наказаний без изоляции от общества, которые занимают все более значимое место. Сегодня, в целом по стране, их доля достигла 60% в общем числе наказаний, назначаемых судами. Из 256 статей УК РФ 192 (75%) предусматривают возможность применения альтернативных наказаний, большая часть которых исполняется уголовно-исполнительными инспекциями¹.

Об эффективности исполнения наказаний без изоляции от общества свидетельствует и сравнительно низкий уровень преступности среди осужденных в период отбывания наказания. По итогам 2000 г., он составил 1,1%, а за последние 4 года снизился на 0,5%. В настоя-

щее время функционирует 1 871 инспекция, из них 385 являются межрайонными. В 628 административно-территориальных образованиях районного (городского) звена инспекции отсутствуют. Фактическая численность персонала инспекций составляет 3,5 тыс. человек. Однако будущее, безусловно, за службой альтернативных наказаний. В последнее время в значительной степени повышен статус инспекций, подняты потолки специальных званий по занимаемым должностям, а также должностные оклады их сотрудникам, установлено льготное исчисление выслуги лет (1 месяц за 1,5)².

С сентября 2000 г. осуществляется проект «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации». Цель его состоит в сокращении применения наказания в виде лишения свободы за счет расширения и более эффективного исполнения альтернативных наказаний и мер уголовно-правового характера. Он предполагает совершенствование работы уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными, которые составляют свыше 90% от общего количества осужденных без изоляции от общества, а также создание условий для введения в действие наказания в виде обязательных работ. Итогом данного проекта стало принятие Федерального закона от 28 декабря 2004 г., которым были введены в действие положения УК РФ о наказании в виде обязательных работ. Однако к назначению обязательных работ на практике суды еще не приступили. В распоряжении судов остались только два действенных наказания: реальное и условное лишение свободы. Вместе с ростом преступности это стало причиной того, что в местах лишения свободы содержится недопустимо много заключенных, которые живут, мягко говоря, в ненадлежащих условиях и многие из которых после освобождения снова совершают преступления. Вот и приходится судьям при назначении наказания делать такой небогатый выбор³.

Мировая практика применения наказаний в виде общественных работ – «аналог обязательных работ» свидетельствует о его высокой эффективности при решении задачи исправления осужденного. Однако за рубежом этот труд работодателем не оплачивается. В рос-

² См.: Болтков С.А. Уголовно-исполнительные инспекции: грани взаимодействия // Ведомости УИС. 2004. № 1. С. 6–9.

³ См.: Морозов Р.М. Проблемные вопросы введения в действие обязательных работ и расширения законодательных пределов исполнения наказания в виде исправительных работ и штрафа // Человек: преступление и наказание. Рязань, 2004. С. 18–23.

¹ См.: Кощеева Л. Исправление осужденных без изоляции от общества // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 69–70.

сийской же практике администрация организации обязана ежемесячно перечислять в соответствующий бюджет финансовые средства за выполненные осужденными работы. Это обстоятельство значительно снижает привлекательность для работодателя использования труда осужденных к обязательным работам, что может стать препятствием для их трудоустройства.

Теперь обратимся к статистическим данным о количестве несовершеннолетних, осужденных в Вологодской области за период с 1998 по 2004 гг. Сравнительный анализ видов преступности позволяет сказать, что преступления носят более выраженный агрессивный характер, возрастает количество насильственных преступлений против личности. По данным этой же статистики, условное осуждение является одним из самых распространенных видов наказания, применяемого к несовершеннолетним осужденным.

В 2001 г. судами области было осуждено к лишению свободы 186 несовершеннолетних, из них условно – 81%, реально – 19%. В 2002 г. было осуждено к лишению свободы 955 несовершеннолетних, из них условно – 71%, реально – 29%. В 2003 г. было осуждено 1 175 несовершеннолетних, из них условно – 72%, реально – 28%. В 2004 г. было осуждено 914 несовершеннолетних, из них условно – 69%, реально – 31%⁴.

Широкое применение условного осуждения вполне объяснимо. В УК РФ предусмотрено достаточно много различных видов наказания. Однако падение уровня жизни, безработица, распространенность случайных и тайных видов заработка сделали штрафы и исправительные работы трудноисполнимыми. Большое количество осужденных лишены постоянного места работы, имеют крайне низкий уровень доходов. Что толку назначать штраф или реальные исполнительные работы осужденному, не имеющему никакого постоянного источника доходов?

Что касается ареста, ограничения свободы, то они только формально определены в законе. Для них требуются средства, которых нет, что еще раз подтверждает бесполезность присутствия в законе этих наказаний, так как государство не может обеспечить их практическую реализацию и определить порядок их отбытия на законода-

тельном уровне. Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что условное наказание широко распространено в судебской практике, а статистика подтверждает достаточно высокую эффективность его применения.

В настоящее время существует два подхода к решению вопроса о назначении второго условного наказания. Согласно первому подходу, суд назначает условное наказание по второму приговору, а первый приговор оставляет на самостоятельное исполнение. Согласно же второму подходу, который на наш взгляд является более правильным, несовершеннолетнему осужденному в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменяется условное осуждение по предыдущему приговору и по правилам ст. 70 УК РФ назначается окончательное наказание, которое на основании ст. 73 УК РФ признается условным.

К проблеме, имеющей первостепенное значение, необходимо отнести развитие у несовершеннолетних, к которым неоднократно применяется условное осуждение, комплекса безнаказанности. Дело в том, что некоторые из них вообще не воспринимают условное осуждение как наказание, а считают, что им в очередной раз погрозили пальцем и простили. Дело усугубляется часто повторяющимися амнистиями, устраняющими последствия предыдущих судимостей. Развитие комплекса безнаказанности приводит к совершению все более и более тяжких преступлений.

Обратимся к такой мере наказания, которая назначается несовершеннолетним, как штраф. В данном случае так же существует проблема, которая заключается в том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Фактов взыскания штрафа непосредственно с родителей не имеется. Да и само включение возможности уплаты штрафа родителями за детей вряд ли является целесообразным. В этом вопросе представляется правильной позиция профессора Российской академии правосудия А.В. Бриллиантова, согласно которой анализируемое новое положение уголовного закона входит в противоречие с доктриной уголовного права,

⁴ См.: Журавлев А.В. О практике рассмотрения судами Вологодской области уголовных дел в отношении несовершеннолетних: Бюллетень судебского сообщества Вологодской области. № 5. 2005. С. 69–80.

изложенной в ст. 5 и 60 УК РФ, что уголовная ответственность связана с виновностью и должна быть личной⁵.

Перейдем к применению принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ. Нужно отметить, что судами подобные меры применяются очень редко. Так, в 2002 г. меры воспитательного характера были применены в семи случаях, в 2003 г. – лишь в трех⁶.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних составляют значительную часть дел, рассматриваемых судами. Наличие специфических правил рассмотрения и допускаемые судами ошибки свидетельствуют о необходимости проведения обобщений и формировании более стабильной практики при рассмотрении судьями уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Следует поддержать идею создания в Российской Федерации специализированных ювенальных судов. Так же необходимо отметить целесообразность рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних коллегиально в составе судьи и двух народных заседателей, так как в настоящее время подавляющее большинство уголовных дел рассматривается единолично судьей.

⁵ См.: Ашокарев А.В. Без изоляции от общества // Ведомости УИС. 2004. № 1. С. 10–11.

⁶ См.: Михлин А.С., Антонян Ю.М., Поздняков В.И. Совершенствование деятельности воспитательно-трудовых колоний и профилактика молодежной преступности: Сборник научных трудов. М.: НИИ МВД России, 1992. С. 15.

А. С. Михлин,
Заслуженный деятель науки России,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России)

ИНСТИТУТ СУДИМОСТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВА

Анализ уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступления, показывает, что такие отношения не прекращаются после отбывания наказания, а сохраняются в пределах срока судимости. Состояние судимости и является тем правовым основанием, которое позволяет ограничить права граждан и возложить на них определенные обязанности¹.

Говоря о судимости как о правовом основании ограничения прав граждан, следует иметь в виду сложную правовую природу этого института. Судимость обычно определяется как особое правовое состояние человека, совершившего преступление, осужденного, отбывшего наказание или освобожденного от него досрочно. Срок судимости состоит из двух частей: время отбывания наказания и время после освобождения от его отбывания.

Течение первой части начинается в момент вступления приговора в законную силу. Это обстоятельство четко зафиксировано в законе (ч. 1 ст. 86 УК), однако социальная обусловленность такого решения вызывает у нас сомнения. Допустим, что в момент провозглашения приговора лицо, осужденное за убийство, покушается на жизнь свидетеля. Такое покушение представляется значительно более опасным, чем совершенное после вступления в законную силу приговора или после отбывания наказания. Однако содеянное не будет особо опасным рецидивом и вообще не будет рецидивом. Правильно ли это? На наш взгляд, такое преступление следует считать совершенным при рецидиве при условии, что приговор впоследствии вступит в законную силу. Но для этого, конечно, следует изменить закон.

¹ См.: Стручков Н.А. Научная основа совершенствования исправительно-трудового права // Труды Высшей школы МООП СССР. Вып. 16. М., 1967. С. 133; Никифоров Б.С. О рецидиве и судимости // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 100; Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. С. 87.

Первая часть срока судимости оканчивается при отбытии основного и дополнительного наказания или досрочном освобождении осужденного. Продолжительность второй части срока судимости зависит от категории совершенного преступления (ч. 3 ст. 86 УК). Неблагоприятные последствия для осужденного в этот период могут проявиться при совершении нового преступления. Кроме того, могут быть ограничены трудовые права лица, имеющего судимость (например, невозможность работать в правоохранительных органах или на материально-ответственных должностях). Как видим, здесь в полной мере проявляется предупредительная роль судимости. Вместе с тем этот период можно рассматривать как стадию закрепления результатов исправления осужденного. Однако трудно согласиться с позицией А.Л. Ременсона, который писал, что этот период нельзя рассматривать как стадию уголовной ответственности или продолжение государственного принуждения².

Закрепление результатов исправления не может происходить само по себе, одним лишь течением времени. Следовательно, нужна целенаправленная работа с лицом, связанная с контролем, с реакцией на его отклонение от норм поведения, а тем более – на правонарушение.

К сожалению, на практике дело обстоит так далеко не всегда. Информация об освобожденных от наказания должна быть в местных органах внутренних дел. Но предупредительно-воспитательная работа проводится главным образом с лицами, чье поведение имеет внешнее антиобщественное проявление (пьянство, мелкое хулиганство, иные нарушения общественного порядка). Все остальные лица, в том числе и нуждающиеся в закреплении результатов исправления, но не проявляющие себя явной антиобщественной деятельностью, остаются вне поля зрения каких-либо государственных или общественных органов, призванных предупреждать преступность или бороться с ней.

При таких обстоятельствах состояние судимости превращается не в стадию закрепления результатов исправления, а в «своеобразный испытательный срок»³, который течет независимо от поведения судимого лица.

² См.: Ременсон А.Л. Институт судимости и вопросы предупреждения рецидива // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1981. С. 154. Задачу закрепления результатов исправления видит в этом периоде судимости и В.В. Голина (Голина В.В. Понятие отбытого наказания при погашении судимости // Проблемы социалистической законности. Вып. 2. Харьков, 1977. С. 85).

³ Кафаров Т.М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. 1972. С. 246.

Слабость работы с такими лицами в значительной мере объясняется отсутствием правовой регламентации их обязанностей. Если за ними не установлен административный надзор, то какие бы то ни было воспитательные мероприятия могут проводиться только с их согласия, а административный надзор, несмотря на действующий закон, на практике не применяется.

В литературе делалось предложение об издании в законодательном порядке «Положения о судимости»⁴, где были бы отражены все обязанности и права судимых лиц, а также их правоограничения. Издание такого документа упорядочило бы комплекс вопросов, связанных с правовым статусом судимых лиц, и поэтому принесло бы определенную пользу делу укрепления законности, охраны прав граждан и предотвращения рецидива.

Казалось бы, этот вопрос достаточно ясен. И действительно, по общему мнению всех криминалистов, с момента снятия (погашения) судимости уголовно-правовое отношение прекращается. Поэтому факт совершения преступления и отбывания наказания должен считаться аннулированным. Исходя из этого, нужно признать, что после снятия судимости отбытое наказание не может иметь юридического значения и учитываться при оценке лица, независимо от его последующего поведения. Уголовный кодекс РФ именно так решает данный вопрос (ч. 6 ст. 86 УК).

Правовая регламентация института судимости в УК РФ существенно изменилась по сравнению с УК РСФСР 1960 г., причем изменилась, к сожалению, к худшему. Нынешняя редакция ст. 86 УК вызывает ряд возражений.

В ч. 1 ст. 86 УК определяется юридическое значение судимости в уголовном праве. При этом указывается, что судимость «учитывается при рецидиве преступлений и при назначении наказания». Между тем роль судимости этим не исчерпывается. Она имеет значение также при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности (см. ст. 75 и 76) и от наказания (ст. 80¹ УК).

В ч. 2 ст. 86 содержится утверждение, что «лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым». Среди шести видов освобождения от наказания гл. 12 УК называет: условно-досрочное – ст. 79, замену неотбытой части наказания более мягким наказанием – ст. 80, освобождение

⁴ См.: Кафаров Т.М. Указ. соч. С. 255; Зельдов С.И. О правовом статусе судимых лиц // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 97.

от наказания в связи с болезнью – ст. 81, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей – ст. 82. Между тем, эти основания освобождения от наказания не могут влечь погашения судимости.

Условно-досрочное освобождение при определенных обстоятельствах может быть отменено после освобождения лица с направлением его для отбывания наказания. Может ли идти речь об отбывании наказания за преступление после погашения судимости?

При замене наказания более мягким лицо будет отбывать наказание, хотя и более мягкое, за совершенное преступление. О каком же погашении судимости может идти речь при неотбытом наказании?

Освобожденные по болезни в случае выздоровления могут быть направлены для отбывания наказания (ч. 4 ст. 81 УК). Как это можно сделать при погашенной судимости?

Отсрочка отбывания наказания предоставляется женщине до достижения ребенком 14-летнего возраста, после чего ее судьбу решает суд, который может освободить ее от отбывания наказания, но может и заменить его более мягким. Возможно ли это при снятой судимости?

На все поставленные вопросы могут быть даны только отрицательные ответы. Следовательно, об отсутствии судимости можно говорить только применительно к лицам, освобожденным от наказания в связи с изменением обстановки или истечением сроков давности. Законодатель, видимо, имел в виду отсутствие судимости у освобожденных от уголовной ответственности.

Серьезное сомнение вызывает решение вопроса о сроках погашения судимости. Прежде всего, единственным критерием, в соответствии с которым устанавливается продолжительность сроков погашения судимости у лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, является категория совершенного преступления. Между тем, специальные исследования показывают, что категория совершенного преступления, а равно назначенный и отбытый срок наказания не оказывают существенного влияния на интенсивность рецидива⁵. Вероятность совершения нового преступления должна быть основным критерием при решении вопроса о сроке погашения судимости.

Исследования, проведенные А.Ю. Соболевым и другими авторами, показали, что важнейшее влияние на интенсивность рецидива оказыва-

ет не тяжесть, а характер совершенного преступления и такие факторы, как возраст виновного, число судимостей, основание освобождения. Между тем, все эти факторы, в том числе и рецидивоопасность⁶ разных преступлений, в законе не учитываются.

Подход к установлению сроков погашения судимости, который дан в ст. 86 УК РФ, ни в законе, ни в литературе никак не обосновывается.

Еще один недостаток действующего закона заключается в том, что у всех освобожденных судимость погашается автоматически истечением тех или иных сроков. Для решения вопроса о том, обоснованно ли это правило, следует установить, насколько велика вероятность совершения данным лицом нового преступления. Такая вероятность определяется взаимодействием разных факторов: характера преступлений, их рецидивоопасности, числа совершенных преступлений и, наконец, временным интервалом между ними.

Если между преступлениями прошел значительный промежуток времени, и их нельзя считать звеньями в преступной биографии виновного – надо подходить к нему как к впервые совершающему преступление, в противном случае – как к рецидивисту. Что же касается тех категорий осужденных, вероятность совершения новых преступлений которыми в силу их высокой общественной опасности велика, то к ним требуется индивидуальный подход. В указанных случаях следует отказаться от автоматического погашения судимости и уполномочить определенный орган государства выяснить вопрос о возможности снятия судимости индивидуально, применительно к конкретному лицу. Таким органом является суд, который должен решать вопрос о возможности снятия судимости с некоторых категорий осужденных, как это и было предусмотрено в УК РСФСР 1960 г.

Трудность решения вопроса об установлении оптимального порядка снятия или погашения судимости заключается в том, что в момент снятия, а тем более погашения судимости неизвестно, совершит ли данное лицо новое преступление – и если да, то когда и какое именно. Поэтому последующее поведение может только прогнозироваться. И факторы, которые должны учитываться в этом прогнозе, – число и характер совершаемых преступлений.

Не подвергая сомнению общее правило о погашении судимости у большинства осужденных по истечении определенных установленных

⁵ См.: Соболев А.Ю. Сроки судимости в уголовном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 25.

⁶ См.: Зелинский А. Ф. «Рецидивоопасность» отдельных видов преступлений (специальный рецидив) // Труды ВСПШ МВД СССР. Волгоград, 1974. № 10. С. 22.

в законе сроков, мы все же полагаем, что судимость у наиболее опасных категорий преступников должна сниматься судом в индивидуальном порядке. К таким категориям преступников должны быть отнесены, по крайней мере, осужденные за особо тяжкие преступления и при особо опасном рецидиве. Это коснется осужденных к смертной казни и помилованных Президентом, многократных убийц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, членов бандитских групп, виновных в терроризме, захвате заложников, похищении людей и др. Для решения вопроса о том, исправились ли они, нужен индивидуальный подход, который возможен лишь при рассмотрении дела судом. Автоматический подход здесь неприемлем.

Исходя из текста ч. 5 ст. 86 УК, суд может досрочно снять судимость даже сразу после освобождения. Было бы целесообразным установить правило о досрочном снятии судимости не ранее истечения половины установленного для погашения судимости срока. Это даст возможность изучить поведение лица после освобождения.

Действующий закон создает парадоксальное положение: лицо, отбывающее наказание в колонии строгого и даже особого режима за преступление, совершенное при рецидиве, может перестать быть рецидивистом во время отбывания наказания, и в этом случае есть основания ставить вопрос о переводе его в колонию общего режима.

Вопрос этот в силу его неясности был разрешен Пленумом Верховного Суда РФ, который в постановлении от 12 ноября 2001 г. указал, что «если во время отбывания наказания истек срок погашения судимости за одно или несколько преступлений, которая явилась основанием для назначения осужденному исправительной колонии строгого или особого режима по последнему приговору, то назначенный по приговору суда вид колонии не подлежит пересмотру, а лицо не переводится в исправительную колонию другого вида режима»⁷. Такое решение представляется единственно правильным, так как лицо осуждается за совершение определенного преступления, а в момент его совершения предыдущие судимости не были ни сняты, ни погашены.

Однако решение вопроса о погашении судимости, независимо от последующего совершения преступлений, представляется нам принци-

пиально неправильным. Значительно более удачной была редакция ст. 57 УК РСФСР 1960 г., в ч. 4 которой говорилось: «Если лицо, отбывшее наказание, до истечения срока погашения судимости вновь совершит преступление, течение срока, погашающего судимость, прерывается. Срок погашения судимости по первому преступлению исчисляется заново после фактического отбывания наказания (основного и дополнительного) за последнее преступление. В этих случаях лицо считается судимым за оба преступления до истечения срока погашения судимости за наиболее тяжкое из них».

Смысл срока погашения судимости заключается в том, чтобы проверить, исправился ли освобожденный. Для чего же погашать судимость, если он сам доказал, что не исправился?

Позиция законодателя тем более непонятна, что наличие судимости имеет значение только при совершении нового преступления. Значит, новая редакция статьи о судимости – поощрение рецидивистам. Вряд ли такая позиция социально обоснована.

Статья 57 УК РСФСР устанавливала, что срок отбывания наказания исчисляется исходя из фактического срока отбывания наказания. Такая формулировка вытекала из концепции погашения судимости: продолжительность срока ее погашения зависела от отбытого срока наказания. Статья 86 УК РФ исходит из погашения судимости в зависимости от категории преступления. Однако ч. 4 ст. 86 говорит: «...срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказания». При чем же здесь отбытый срок? Видимо, законодатель имел в виду другое: при досрочном освобождении срок погашения судимости исчисляется с момента фактического освобождения от наказания. Но тогда правильнее было бы сформулировать соответствующую норму следующим образом: «срок погашения судимости лица, досрочно освобожденного от отбывания наказания, исчисляется с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного наказания».

Изложенное показывает, что необходимо совершенствовать правовую регламентацию рассматриваемого института. Судимость должна погашаться лишь у лиц, которые утратили общественную опасность и исправились. В этом случае отпадает необходимость в придании юридического значения факту отбывания наказания.

В свете сказанного нельзя поддержать Ю.И. Шутова, который анализирует понятие лица, ранее отбывавшего лишение свободы, в свете

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. М.: Мир, 2001. С. 113.

института судимости, но о правомерности существования его в законе не ставит вопроса. Его не смущает даже необходимость пересмотра некоторых вопросов теории правоотношений. Как указывает Ю.И. Шутов, «по утвердившемуся в настоящее время преобладающему пониманию, уголовное правоотношение... прекращается с отпадением правового значения судимости. Учитывая правовые последствия лишения свободы, – продолжает автор, – следует признать, что уголовные правоотношения, связанные с отбыванием этого наказания, не прекращаются в момент погашения или снятия судимости»⁸.

При такой постановке вопроса нужно признать, что уголовное правоотношение виновного с государством, раз возникнув, должно существовать пожизненно. В этом случае теряется смысл самого факта погашения и снятия судимости, а может идти речь лишь об отпадении некоторых правоограничений.

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы. Главным из них является то, что правовым основанием применения к освобожденным правоограничений является судимость. Отсюда вытекает, что погашение (снятие) судимости должно аннулировать факт осуждения и исключать какие-либо правовые последствия, вытекающие из него. Вместе с тем порядок, а также сроки погашения и снятия судимости должны быть усовершенствованы, а правоограничения точно перечислены в специальном законодательном акте.

Наличие судимости приводит к некоторым правоограничениям осужденного и потому играет превентивную роль. Судимость может способствовать предупреждению рецидивных преступлений у осужденных как во время отбывания ими наказания, так и после выхода на свободу.

⁸ См.: Шутов Ю.И., Правовое понятие лиц, ранее отбывавших лишение свободы, и институт судимости // Проблемы эффективности уголовного наказания. Свердловск, 1975. С. 106, 116.

М. В. Гончарова,
кандидат юридических наук;
В. И. Шиян,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России);
А. Г. Липилин
(ГУВД Московской области)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, РАНЕЕ СОВЕРШАВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследование преступности лиц, ранее совершавших преступления, и борьба с ней является важной задачей общества и государства. Значимость этой деятельности определяется особо негативным влиянием таких преступников на воспроизводство первичной преступности и тем самым на осложнение криминологической ситуации в стране; ростом совершения тяжких и особо тяжких преступлений, количество которых превышает 60% в структуре всей преступности. Решение этой задачи осложняется особенностями лиц, ранее совершавших преступления, стойкостью их антиобщественной установки; продолжаемой преступной деятельностью, несмотря на принимаемые меры; профессионализмом; вредным влиянием, оказываемым на неустойчивых лиц, распространением криминальной субкультуры.

Совокупность преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, и совокупность таких лиц составляют рецидивную преступность.

По нашему убеждению, было бы ошибочным рассматривать понятие «рецидивной преступности» в узких правовых рамках. Безусловно, уголовно-правовая характеристика позволяет определить суть того или иного антиобщественного явления, но она ограничена.

Это заключается прежде всего в том, что лицо, совершившее неоднократно ряд преступлений и впервые представшее перед судом, независимо от количества и тяжести этих деяний, рассматривается в качестве впервые осужденного. Деяния, совершенные таким лицом, либо караются по правилам совокупности преступлений или по правилам повторного преступления, либо могут рассматриваться как единое продолжаемое преступление. Однако во всех случаях такой

субъект по действующему уголовному законодательству не является рецидивистом.

По этому поводу еще в начале XX в. известный криминолог Б.С. Утевский писал: «Известное и притом немалое число осужденных, судившихся впервые, и ранее совершали иные или тождественные преступления, часто притом многократно, в течение нескольких лет, но были задержаны и судимы только один раз. К сожалению, статистика рецидива таких преступников рецидивистами не считает. Достаточно, однако, просмотреть судебную хронику, чтобы убедиться в больших размерах фактического рецидива. Все подобные по подобным делам считаются, как не судившиеся ранее, не рецидивистами»¹.

Кроме того, Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» упразднил правовой институт неоднократности преступлений, что существенно сузило рамки института рецидива преступлений. Так, по новому закону не могут образовывать рецидив судимости за преступления небольшой тяжести, а также судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы. Из статей Особенной части УК РФ исключены все указания на неоднократность и рецидив как на квалифицирующие обстоятельства преступления. Наряду с этим в законе сохранены, правда в измененном виде, понятия опасного и особо опасного рецидива, но их правовое значение сведено к тому, чтобы служить лишь обстоятельством, отягчающим наказание. От других подобных обстоятельств его отличает только то, что назначенный с его учетом срок наказания не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ².

Криминологический (фактический) рецидив включает наиболее широкое его понимание, так как учитывает совершение лицом любо-

го нового преступления, независимо от того привлекалось (или нет) к уголовной ответственности либо отбывало (не отбывало) наказание за предыдущее деяние, от сроков давности и наличия судимостей.

Криминологическое понятие рецидива заключается в установлении факта повторения преступления. Имеется в виду любой вид множественности преступлений безотносительно к осуждению за их совершение, отбытию наказания, отрезку времени, истекшему между первым и последующими преступлениями³.

Выделяют следующие юридические признаки криминологического рецидива:

факт совершения первого (или предыдущего) преступления;

наличие обвинительного приговора по первому (или предыдущему) преступлению или наличие постановлений органов дознания, следователя, прокурора, суда о передаче дела виновного в подразделение по делам несовершеннолетних и др.;

факт совершения второго (или последнего) преступления;

обвинительный приговор за второе (или последнее) преступление или постановление органа дознания, следователя, прокурора, суда о передаче дела виновного в подразделение по делам несовершеннолетних и др.⁴;

факт осуждения лица за первое преступление и факт совершения после осуждения второго преступления, независимо от того, отбыло ли данное лицо наказание за ранее совершенное преступление⁵.

Можно сформулировать следующее понятие криминологического (фактического) рецидива. Криминологический рецидив – это совершение уголовно-наказуемых деяний как лицами, к которым применялось уголовное наказание либо меры, его заменяющие (независимо от снятия или погашения судимости за прежние преступления), так и лицами, к которым уголовно-правовые меры воздействия не применялись.

При криминологическом рецидиве устанавливается мера эффективности действий соответствующих правоохранительных органов по выявлению реально имевших место преступлений и лиц, их со-

¹ Утевский Б.С. Рецидив и профессиональная преступность // Проблемы преступности. Вып. 3, 4. 1928. С. 89.

² См.: Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 131.

³ См.: Гальперин И.М. Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. С. 214.

⁴ См.: Урмонас А.И. О понятии рецидива преступлений. Вильнюс, 1975. С. 174.

⁵ См.: Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений. Саратов, 1978. С. 9.

вершивших, а также определяется степень криминогенности личности преступника, временно являющегося безнаказанным.

Личность преступника, ранее совершавшего преступления – это совокупность его взаимосвязанных социально-значимых отрицательных свойств, которые во взаимодействии с внешними условиями и обстоятельствами обуславливают совершение повторных преступлений. Эта личность обладает большим преступным опытом, отработанными способами совершения преступных деяний и в некоторой степени привыкшая к тяжелым условиям отбывтия уголовного наказания.

Для лиц, ранее совершавших преступления, типичны крайний индивидуализм и эгоизм, отсутствие социально полезных жизненных целей, узость и примитивность интересов и потребностей, неуважение к общепринятым ценностям, социальная безответственность.

По мере продолжения и активизации преступной деятельности все более возрастает устойчивость антиобщественных взглядов и привычек. Их степень позволяет говорить уже о формировании и реализации противоправной установки, обуславливающей предпочтение преступного варианта поведения, готовность к нему при наличии к этому возможности. Происходит пополнение социально-негативных знаний, преступного опыта. Социально полезные связи заменяются отрицательными. С ростом числа судимостей надобность в общении все более удовлетворяется за счет контактов с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. Для многих лиц характерно не только отсутствие потребности в труде, но и осознанно отрицательное отношение к общественно полезной деятельности, стремление к паразитическому образу жизни. Их интересы сосредоточены на удовлетворении за чужой счет примитивных, а то и извращенных запросов⁶.

Для того, чтобы точнее оценить криминогенную ситуацию в регионах Российской Федерации, проанализируем следующие категории лиц, ранее совершавших преступления, и их деяния, предусмотренные ст. 105 (убийства), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 131 (изнасилование), 158 (кража), 159 (мошенничество), 161 (грабеж), 162 (разбой), 163 (вымогательство) УК РФ.

Анализ проводится за период с 2000 по 2004 гг.⁷ Учитывая, что в регионах существует разная плотность населения и активность правоохранительных органов, то оценивается не количественный, а качественный показатель – уровень криминальной активности этих лиц в расчете на 100 тыс. населения, в возрасте от 14 лет.

По итогам 2004 г. выявлено 316 227 лиц, ранее совершавших преступления. Изучение статистических данных ГИАЦ МВД России показало, что наибольший уровень криминальной активности таких лиц отмечается в Томской области, где с 2000 по 2002 гг. он был самым высоким, причем в 2000 г. этот показатель достигал максимального значения (930,8). С 2003 по 2004 гг. там наблюдалось снижение уровня криминальной активности, а наивысший показатель фиксировался в Республике Алтай. Среди регионов, в которых также регистрируется значительное число исследуемых лиц, выделяются Усть-Ордынский Бурятский и Коми-Пермяцкий автономные округа (см. рис. 1).

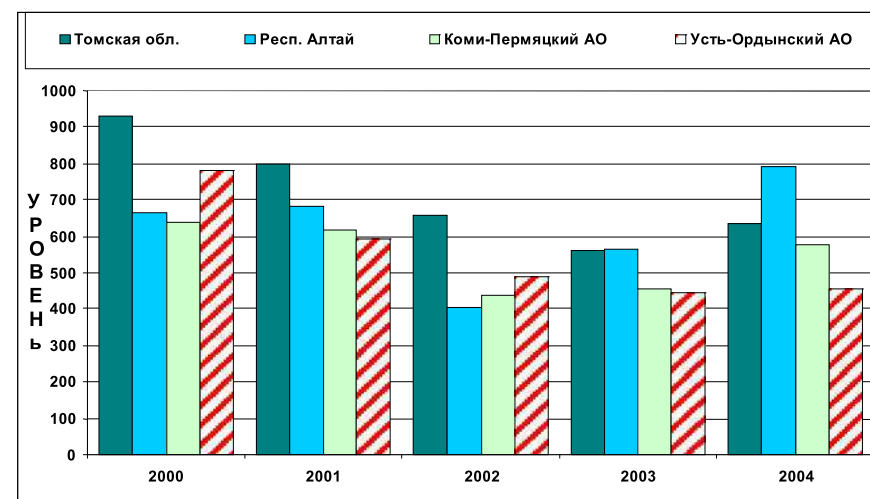

Рис. 1. Динамика криминальной активности лиц, ранее совершавших преступления, в регионах с наибольшими значениями

⁶ См.: Липилин А.Г. Криминологические аспекты рецидивной преступности // Преступность и общество. Вып. № 3. М., 2004. С. 110.

⁷ Авторский коллектив ограничивается изучением статистики по 2004 г. включительно, так как форма № 458 ГИАЦ МВД России не дифференцирована, а составляется по итогам истекшего года.

Максимальный уровень криминальной активности особо тяжкой преступности лиц, ранее совершивших преступления, на протяжении всего рассматриваемого периода фиксируется в Республике Тыва (от 72,7 до 113,1). Подобная же тенденция отмечается в Читинской области, Республике Бурятия, Коми-Пермяцком автономном округе и Пермской области.

При анализе тяжкой преступности лиц, ранее совершавших преступления, выделяются Республика Алтай, Коми-Пермяцкий автономный округ и Томская область, в которых уровень криминальной активности наибольший, также как и по преступности таких лиц в целом.

По убийцам, ранее совершавшим преступления, самые высокие показатели отмечаются в Республике Тыва, где уровень их криминальной активности был максимальным, начиная с 2000 г., и находился в пределах от 27,2 до 41,7. Исключением является 2002 г., когда лидирующую позицию по данному показателю занимал Коми-Пермяцкий автономный округ, который также отличается высокими значениями на всем протяжении анализируемого периода. В этой связи не лишним будет упомянуть Республику Бурятию и Иркутскую область, хотя уровень криминальной активности по убийствам там несколько ниже, чем в вышеперечисленных регионах, однако также отличается достаточно высокими параметрами на всем протяжении рассматриваемого периода. В Бурятии он находился в пределах от 17,9 до 20,5, в Иркутской области – от 15,6 до 18,8.

Также как и у убийц высока криминальная активность лиц, причинивших тяжкий вред здоровью в Тыве, где в последние пять лет этот показатель был, примерно, в два раза выше, чем в других регионах России (в 2000 г. – 69,3; 2001 г. – 60,3; 2002 г. – 56,9; 2003 г. – 73,6; 2004 г. – 77,9). Для сравнения: в Республике Алтай, в которой один из самых высоких уровней криминальной активности, он составил в 2000 г. – 22,4; 2001 г. – 38,5; 2002 г. – 28,1; 2003 г. – 23,5; 2004 г. – 40,9. Аналогичная особенность отмечается в Коми-Пермяцком автономном округе.

Кроме того, в Тыве и Коми-Пермяцком автономном округе самый значительный уровень криминальной активности лиц, совершивших изнасилования. Высоки показатели по изнасилованиям и в Республике Алтай.

В Коми-Пермяцком автономном округе при сохранении стабильно высокой криминальной активности, по сравнению с другими регионами России, выявилась специфическая особенность темпов снижения и роста криминальной активности лиц, совершивших изнасилования. Так, в 2000 г. уровень их криминальной активности был 11,8, в 2001 г. – 4,2, в 2002 г. – 10,8, в 2003 г. – 4,2, в 2004 г. – 16,3, т.е. прирост (снижение) составляет 2,5–3 раза. Отметим также Корякский автономный округ, в котором с 2000 по 2002 гг. наблюдалось последовательное увеличение криминальной активности насильников (с 4,2 до 12,9), в 2003 г. этот показатель снизился до тысячных долей, а в 2004 г. вновь увеличился до 5,1. Выявленные резкие изменения уровня криминальной активности в Коми-Пермяцком и Корякском автономных округах свидетельствуют о необъективной регистрации таких преступлений в этих регионах.

Криминальная активность воров, ранее совершавших преступления, на протяжении последних пяти лет наиболее высока в Томской области, Усть-Ордынском Бурятском и Корякском автономных округах. При этом в Томской области самый значительный удельный вес этой категории лиц, в среднем он составляет 59% за исследуемый период.

Томская область отличается и высокой криминальной активностью мошенников, которая в 2004 г. достигла наибольшего значения – 17,4. Однако максимальный уровень зафиксирован в Мурманской области (18,9).

С 2000 г. зафиксирован рост уровня криминальной активности грабителей в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе, а начиная с 2003 г., этот показатель наибольший по сравнению с другими регионами (57,4), в 2004 г. эта особенность сохранилась (67,0). Стабильно высокие показатели фиксируются в Томской и Пермской областях, начиная с 2003 г., в Новосибирской области также отмечаются наиболее высокие показатели 39,9 и 40,7 соответственно. Кроме того, на протяжении всего рассматриваемого периода в Пермской области один из самых высоких уровней криминальной активности лиц, совершивших разбой (в 2000 г. – 33,6, 2001 г. – 30,4, 2002 г. – 26,7, 2003 г. – 23,5, 2004 г. – 26,6). Наибольшие значения этого показателя отмечаются в Ярославской области и Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе, в 2004 г. он составил

31,0 и 28,7 соответственно. В последнем из перечисленных регионов выявлен самый большой удельный вес таких лиц (75%).

По итогам 2004 г., в Эвенкийском автономном округе зафиксирован самый высокий уровень криминальной активности вымогателей (14,6). В Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе удельный вес таких лиц составлял почти 100%. Этот показатель ниже, чем уровень в Эвенкийском автономном округе (6,4), однако на протяжении всего анализируемого периода, за исключением 2001 г., этот регион занимал одно из первых мест. Подобная ситуация, складывалась и в Коми-Пермяцком автономном округе.

Незначительный уровень криминальной активности лиц, ранее совершавших преступления, как по преступности этой категории в целом, так и по отдельным составам, отмечается в Чеченской, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках, Ингушетии, г. Москве и Московской области.

Вывод о складывающейся благополучной обстановке был бы преждевременным. Скорее можно предположить, что в кавказских регионах реальное состояние не отражается в силу распространенных, зачастую патриархальных, национально-религиозных традиций. С другой стороны, это является и сдерживающим фактором.

Анализируя сложившуюся криминологическую ситуацию в г. Москве и Московской области, необходимо отметить, что подобные статистические данные не могут являться объективным индикатором происходящего. На наш взгляд, прежде всего данные официальной статистики не могут отражать реальное состояние этого явления, поскольку базируются на легальном представлении о рецидиве. Коэффициент криминальной активности здесь снижался с 2000 по 2004 гг. – в г. Москве с 127,3 до 83,2, в Московской области с 109,0 до 87,3 на фоне существенной интенсификации криминогенных факторов, отсутствия надежных гарантий для лиц с криминальным прошлым, возрастающих трудностей их ресоциализации после отбытия наказания, ослабления предупредительных возможностей органов внутренних дел, пассивного отношения других государственных органов и общественности к указанной проблеме.

Кроме того, выявление таких лиц зачастую становится весьма затруднительным, особенно в случаях их транзитного передвижения через территорию г. Москвы и Московской области. Также может

быть неизвестен и сам факт совершения такого преступления, если потерпевший не является жителем города.

Москва и Московская область отличаются повышенной мобильностью населения, выражающейся во внутригородской миграции населения, трудовой маятниковой миграции жителей пригорода и эпизодической миграции приезжих. В свою очередь миграционные потоки граждан, не являющихся жителями города, порождают миграцию преступности и преступников.

На основании вышеизложенного уровень криминальной активности лиц, ранее совершавших преступления, в регионах Российской Федерации распределяется следующим образом. Наибольшие его показатели зафиксированы в Томской области, Республике Алтай, Усть-Ордынском Бурятском и Коми-Пермяцком автономных округах. Кроме того, Коми-Пермяцкий автономный округ отличается одним из самых высоких уровней криминальной активности этих лиц по особо тяжкой и тяжкой преступности, а также по убийствам, изнасилованиям, причинению тяжкого вреда здоровью и вымогательствам. О напряженной криминологической ситуации в целом свидетельствуют данные по Республике Тыва. В Пермской области и Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе – по корыстно-насилованным посягательствам.

**О РОЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ПРОФИЛАКТИКЕ СРЕДИ ЛИЦ, РАНЕЕ СУДИМЫХ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Неотвратимость наказания преступника и есть лучшая профилактика. Невозможно перевоспитать уже состоявшегося человека, тем более рецидивиста.

Совершение повторных преступлений свидетельствует о наличии у лица стойкой антиобщественной установки, упорного нежелания подчиняться требованиям закона. Такие лица, как правило, совершают преступления, характеризующиеся повышенной общественной опасностью, тяготеют к созданию организованных преступных групп (сообществ), вовлекают в преступную деятельность новых лиц, особенно молодежь, отдавая предпочтение руководству перед непосредственным исполнением преступного замысла. Такая позиция помогает им чаще всего оставаться безнаказанными, тогда как вся вина за содеянное ложится на менее опытных соучастников преступлений.

Среди лиц, признаваемых рецидивистами в криминологическом смысле, наибольшую общественную опасность представляют имеющие неснятую и непогашенную судимость, а внутри этой группы – осужденные, отбывавшие наказание в виде лишения свободы.

Рецидивная преступность есть в любом государстве. Борьба с ней означает устранение причин, ведущих к ее возникновению. К таким причинам относят факторы, обуславливающие преступность в целом, а также продуцирующие именно рецидивную преступность. Среди них выделяются социально-экономические, социально-политические, нравственно-психологические, организационно-правовые. И если для оздоровления экономики, повышения уровня жизни значительной части населения, преодоления межнациональных и этнических конфликтов, повышения уровня культуры (включая правовую) требуется много времени и затрат, то уже сегодня можно повлиять на некоторые организационно-правовые факторы, прежде всего, совершенствование действующего законодательства, право-

применительной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также правоохранительных органов.

В настоящее время основной контроль за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, ложится на органы внутренних дел, хотя в УК РФ указано, что этим должен заниматься специализированный государственный орган, который до сих пор не определен.

Законотворческая деятельность осуществляется двумя путями: изменяются действующие правовые нормы или принимаются новые законодательные акты. Вместе с тем следует отметить, что не все новеллы заслуживают положительной оценки. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 9 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации», снижающий минимальный размер срока, по отбытии которого возможно освободить осужденного условно-досрочно либо заменить ему наказание более мягким, и устанавливающий одинаковые сроки для применения этих видов досрочного освобождения от отбывания наказания. При отсутствии в законе четких критериев определения степени исправления осужденных нельзя гарантировать, что до истечения назначенного судом срока наказания на свободу не будут выходить лица, не изменившие своего намерения продолжить преступную деятельность.

Физическая изоляция осужденных от общества ведет не только к утрате ими социально полезных связей (с семьей, трудовыми коллективами, друзьями и т.д.), но и к ослаблению адаптивных механизмов саморегуляции. После освобождения осужденные должны самостоятельно решать проблемы трудового и бытового устройства. Многие пытаются решать их еще в период отбывания наказания – во время выездов за пределы исправительных учреждений. Однако полностью решить эти вопросы не удастся, поэтому, как отмечается в материалах переписи, после освобождения с трудностями в устройстве на работу могут столкнуться 30,3% осужденных при рецидиве и 24,5% осужденных впервые. Вместе с тем следует отметить, что после выхода из исправительного учреждения граждане, отбывшие наказание, не остаются предоставленными самим себе. Государ-

ство в лице уполномоченных органов предпринимает попытки помочь таким людям в социальной адаптации, подобрать место жительства, устроить на работу. Согласно данным переписи, после освобождения от предыдущего наказания в виде лишения свободы помощь в трудовом и бытовом устройстве была оказана 22,9% лиц, которые отбывали наказание впервые, 20,6% – имевшим более одной судимости. Не была оказана помощь нуждавшимся в ней соответственно 11,7 и 16,8% осужденных.

Таким образом, в среднем каждому шестому освобожденному государство (либо чиновники, не желающие тратить на них слишком много времени) не в силах оказать помощь, хотя бывшие заключенные не могут самостоятельно решить все проблемы, с которыми приходится сталкиваться человеку, возвращающемуся в общество после отбытия наказания. Социальная неустроенность становится причиной совершения ранее судимыми новых преступлений, в том числе, чтобы добыть средства к существованию.

Успешной реализации на практике правовых предписаний, обязывающих соответствующие органы оказывать освобожденным из мест лишения свободы помощь в устройстве на работу и получении жилья, препятствуют не только объективные, но и субъективные факторы. В условиях массовой безработицы трудно получить хорошую и высокооплачиваемую работу даже лицам, не имеющим судимости.

Учитывая негативное отношение в обществе к тем, кто отбывал наказание, можно с уверенностью предположить, что таким гражданам найти работу будет еще сложнее. К тому же освобождаемые не всегда имеют профессию или квалификацию, позволяющую им претендовать на занятие престижной должности. Согласно материалам переписи, основную массу осужденных к лишению свободы составляют рабочие (33,0% среди осужденных впервые и около 28,0% среди рецидивистов) и лица, не имевшие до ареста или осуждения определенный род занятий (49,0 и 60,0% соответственно). В исправительных учреждениях обучают только рабочим специальностям.

Таким образом, большинству освобожденных из мест лишения свободы приходится делать выбор между возможностью честно трудиться в качестве рабочего, получая невысокую заработную плату, и возвратом к прежнему ремеслу, приносившему более значительные

доходы, но связанному с риском вновь оказаться в исправительном учреждении.

Сегодня за чертой бедности находится более 30% населения Курской области. Почти треть из них являются иждивенцами, из которых около 80% дети и молодежь до 25 лет.

Численность экономически активного населения составляет 539 тыс. человек, или 48,8% от общего количества граждан области. При этом 45 тыс. человек, или 7,6% данной категории людей, фактически не заняты ни в одной из отраслей экономической или социальной деятельности, т. е. являются безработными. Согласно данным социологических исследований, практически треть из их числа составляет молодежь в возрасте от 16 до 29 лет.

Специалисты Департамента службы занятости населения (ФГСЗН) и УВД Курской области изучили статистические показатели численности граждан, освобождаемых из мест лишения свободы и численность граждан такой категории, обращающихся в центры занятости населения.

Установлено, что в Курской области ежегодно освобождается около 1 тыс. человек осужденных, но в районные (городские) центры занятости обращается не более 10%. Для объяснения такого положения сделано предположение о том, что заключенные были мало информированы об услугах, предлагаемых службой занятости населения.

Совместными усилиями во всех исправительных учреждениях области была организована работа передвижных справочно-консультационных пунктов для осужденных. Здесь граждане, освобождаемые из мест лишения свободы, получают информацию о наличии вакантных рабочих мест, квалификационных требованиях к представителям различных специальностей, возможностях смены профессии и т.д. Проблемы трудоустройства этой категории граждан рассматривались на заседаниях областного координационного комитета содействия занятости лиц, освобожденных из мест лишения свободы и на заседаниях областной межведомственной комиссии по профессиональной ориентации и психологической поддержке. Областная служба занятости населения совместно с УВД приняли активное участие в подготовке материалов и статей для ведомственной газеты управления исполнения наказаний «За чертой свободы». Был

подготовлен видеоматериал с разъяснением законодательства Российской Федерации о занятости населения для проката по кабельному телевидению исправительных учреждений региона.

Изучение статистических сведений выявило, что количественные показатели, характеризующие уровень социально-профессиональной адаптации бывших заключенных, не потерпели существенных изменений. По-прежнему в службу занятости населения обращалось не более 10% граждан, освобожденных из мест лишения свободы, а среди ставших на учет в эту службу желающих повысить свою квалификацию или получить новую конкурентоспособную профессию – менее 5%.

Устранение только одной группы причин, порождающих рецидивную преступность, не даст ощутимых положительных результатов. Необходима комплексная, целенаправленная деятельность государства по ликвидации (или, по крайней мере, нейтрализации) всей совокупности выделенных факторов. Однако нельзя не признать, что повышение эффективности борьбы с рецидивной преступностью среди лиц, отбывших уголовное наказание, в значительной мере зависит от степени правовой урегулированности вопросов оказания им необходимой помощи в бытовом и трудовом устройстве, а также от готовности и желания работников соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления оказать такую помощь. Нельзя также забывать и о необходимости своевременного выявления лиц указанной категории и взятия их на учет в целях проведения с ними индивидуальной профилактической работы.

Опыт борьбы с преступностью во многих странах показал целесообразность установления контроля над некоторыми категориями граждан, освободившихся из мест лишения свободы.

До 2002 г. в Российской Федерации в отношении наиболее криминальной части освобожденных совершеннолетних лиц устанавливался административный надзор, что положительно влияло на профилактику среди данной категории граждан. Конечно, отдельные пункты административного надзора устарели и утратили свою актуальность, однако, как свидетельствуют данные опроса участковых уполномоченных милиции, значительная часть освобождающихся лиц, отбывавших наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, вновь встают на преступный путь. Практика показы-

вает, что на совершение новых преступлений, в основной своей массе опасных и дерзких, большинство ранее судимых лиц идут сознательно, предварительно тщательно их готовя и оценивая, применяя ранее приобретенные навыки и криминальный опыт и не размениваясь по мелочам, что профессия преступника стала для значительной их части основной, а преступный образ жизни – единственно возможным.

Как ранее было сказано, с каждым годом ухудшаются возможности для социальной реабилитации лиц, возвратившихся из мест лишения свободы. С ростом уровня безработицы ранее судимым становится практически невозможным обеспечить себе и своей семье приемлемые материально-бытовые условия существования иным, кроме криминального, способом. Общество не любит «изгоев», даже в брачных объявлениях зачастую присутствует фраза: «Ранее судимых прошу не беспокоить».

В связи с этим в современных условиях задача борьбы с повторной преступностью приобретает особую значимость, имеет комплексный характер и требует к себе повседневного внимания не только со стороны правоохранительной системы, но и всех органов государственной власти.

Само существование государства предопределяет наложение некоторых ограничений на права и свободы своих граждан во имя благополучия всего общества. Поэтому необходимо вернуться к практике применения административного надзора, реализовав его в соответствующем федеральном законе. Это, по моему мнению, укрепило бы в целом основы организации борьбы с рецидивной преступностью, способствовало бы повышению ее эффективности.

П. Н. К о б е ц,
доктор юридических наук, доцент;
Д. В. В л а с о в
(ВНИИ МВД России)

СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОГО РЕЦИДИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В РОССИИ

В рамках данной публикации, говоря о рецидиве преступлений, мы будем исходить из его расширительного понимания, рассматривая в качестве такового совершение нового умышленного преступления любым лицом, ранее осуждавшимся за совершение умышленного преступления, независимо от того, погашена или снята судимость за него.

Одним из первых, кто обратился к специальному рассмотрению динамики преступного поведения рецидивистов, был А.Ф. Зелинский¹. Автор в ряде своих работ приводил многочисленные данные о том, какие изменения претерпевает преступная деятельность лица, начавшего ее с совершения того или иного рода посягательств, какие обстоятельства оказывают наиболее существенное влияние на характер совершаемых рецидивистом преступлений, т. е. на структуру рецидива. «Структура рецидива, – писал А.Ф. Зелинский, – это соотношение между преступлениями, совершенными одним и тем же лицом»². По аналогии структура преступного рецидивного поведения – это соотношение между преступлениями, совершенными одним и тем же рецидивистом. Иначе говоря, структура преступного рецидивного поведения есть отражение взаимосвязи между преступлениями, составляющими рецидив преступлений, образующими преступную деятельность конкретных лиц, их индивидуальную «преступную биографию».

Используя термин «структура», мы связываем свои представления о чем-то завершенном, неизменном на данный момент времени. Однако проведенное нами исследование показало, что, как и любая структура, структура преступного рецидивного поведения достаточно подвижна и может развиваться, означая тем самым

продолжение преступной деятельности, совершение лицом нового умышленного преступления. От того, насколько быстро будет совершено очередное преступление, сколь интенсивной будет преступная деятельность, зависит и интенсивность, скорость развития, изменения структуры преступного рецидивного поведения.

Мы полагаем, что наряду с понятием «структура преступного рецидивного поведения» при исследовании преступной деятельности рецидивистов целесообразно использовать также термин «структура судимости»: первой, второй, третьей, любой иной. Это позволит проанализировать, за какие преступления лица осуждались впервые, во второй, третий, четвертый и т.д. раз, а также проанализировать по новому уголовному законодательству эффективность наказания как средства предупреждения рецидива преступлений.

Проведенное нами исследование показало, что круг посягательств, совершаемых рецидивистами (независимо от того, каким по счету является то или иное преступление), довольно своеобразен и охватывает далеко не все преступления, ответственность за которые предусмотрена ныне действующим законодательством. Так, в структуре рецидива практически отсутствовали либо встречались крайне редко такие виды посягательств, как преступления против военной службы, должностные преступления и преступления против государственной власти. Наряду с этим рецидивистами часто совершались и совершаются посягательства против собственности, жизни и здоровья, свобод и достоинства граждан, против общественного порядка и общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности и др. Видимо, сказалось то обстоятельство, что отдельные преступления вообще редко совершаются любой категорией рецидивистов.

В результате в число совершенных рецидивистами преступлений вошли посягательства, предусмотренные почти 30 статьями УК РФ, что побудило нас прибегнуть к их классификации. За основу деления преступлений на виды было принято их криминологическое родство, то есть классификация оказалась близкой к той, которую использовал в своих исследованиях А.Ф. Зелинский³.

Рассмотрим предложенную нами квалификацию⁴.

¹ См.: Зелинский А.Ф. О некоторых закономерностях в чередовании преступлений при рецидиве // Труды Высшей следственной школы. Вып. № 9. Волгоград, 1970. С. 20.

² Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. Харьков, 1980. С. 5.

³ См.: Зелинский А. Ф. Указ. соч. С. 8–10.

⁴ См.: Кобец П. Н., Власов Д. В. Состояние и особенности рецидивной преступности в России // Актуальные проблемы юриспруденции и юридического образования / Под. ред. В.А. Мухачева. Киров, 2005. С. 85–98.

К первой группе преступлений были отнесены ненасильственные корыстные посягательства, предусмотренные ст. 158–160, ч. 1 ст. 166 УК РФ. Наиболее часто эту группу посягательств представляли кражи и угон.

Во вторую группу были выделены посягательства, предусмотренные ст. 161–163, ч. 2–4 ст. 164 и ст. 209 УК РФ, т. е. открытые корыстные насильственные посягательства на собственность. По своей общественной опасности эти преступления стоят на одном из первых мест и являются гораздо более опасными, чем посягательства, отнесенные нами к первой группе.

Третью группу образовали умышленные насильственные посягательства на жизнь и здоровье – ст. 105, 111, 112, 115–117 УК РФ.

В четвертую группу вошли преступления, предусмотренные ст. 131–135, а также ст. 121, 122 УК РФ. Их совершение свидетельствует о специфической направленности умысла виновного, удовлетворении своеобразных человеческих потребностей.

Пятая группа включила в себя хулиганство и некоторые иные умышленные насильственные посягательства на общественный порядок, общественную безопасность, здоровье населения и порядок управления: ст. 119, 212, 213, 228, 317, 318, 319, 321 УК РФ. Наиболее часто при этом встречались преступления, предусмотренные ст. 213, 228, 318, 319 УК РФ.

Все остальные преступления, крайне редко совершаемые рецидивистами, вошли в группу иных преступлений, которая при анализе структуры преступного рецидивного поведения в расчет не принималась. Если же в структуре преступного рецидивного поведения встречались преступления, ответственность за которые предусматривалась иными по сравнению с ныне действующим уголовным законом статьями, нами производилась соответствующая «переквалификация», что в полной мере отвечало требованиям, предъявляемым к исследованию преступной деятельности рецидивистов, охватывающей нередко большой промежуток времени.

Следует также подчеркнуть, что наш подход был несколько отличен от методики анализа структуры рецидива, использовавшейся А.Ф. Зелинским. В отличие от него, сопоставлению подвергались не только первое с последующими преступлениями, но и каждое предшествующее с каждым последующим: второе и третье, третье и четвертое, четвертое и пятое и т. п. С одной стороны, нас интересовало, какие преступления совершаются рецидивистами после осуждения за посягательство того или иного вида; с другой сто-

роны, совершение какого-либо вида посягательства предшествует тому или иному преступлению. Сочетая, таким образом, перспективный и ретроспективный анализ структуры преступного рецидивного поведения, удалось проследить «преступную биографию», «преступную карьеру» каждого лица в отдельности и всех изученных рецидивистов в целом, выявить наиболее распространенные варианты преступного поведения лиц, длительное время занимающихся совершением преступлений.

Настоящее исследование показало, что «преступная биография» большинства рецидивистов начинается с совершения корыстных преступлений, прежде всего краж (37,9%). 31% рецидивистов впервые были привлечены к уголовной ответственности за совершение хулиганства, 17,7% – за грабежи и разбои, 12,4% – за иные преступления.

Выясняя особенности приобщения к преступной деятельности различных категорий рецидивистов, было установлено, что у лиц, осуждавшихся большее число раз, «преступная биография» начиналась с совершения корыстно-ненасильственных либо тяжких насильственных преступлений, реже – с хулиганства.

Статистические сведения позволили сделать ряд выводов относительно преступной деятельности рецидивистов, ее начала и продолжительности. Во-первых, длительной преступной деятельности способствовало раннее проявление у лиц корыстных мотивов, устаревание которых из психологии лиц, осужденных впервые, может явиться хорошей предпосылкой для того, чтобы их преступная деятельность не получила своего продолжения в виде рецидива преступлений. Аналогичное предположение можно высказать и в отношении жестокости, проявлявшейся у рецидивистов в самом начале «преступной карьеры» и приводившей к совершению умышленных убийств, причинению потерпевшим различной тяжести телесных повреждений.

Сказанное, однако, не означает, что преступная деятельность лица, впервые совершившего кражу или убийство, будет всегда более продолжительной по сравнению с преступной деятельностью того, кто впервые был осужден за совершение хулиганства, грабежа или разбоя и др. Ведь преступная деятельность рецидивиста тесно связана с последующим отбыванием этими лицами наказаний, являющихся важным средством предупреждения дальнейшей преступной деятельности виновных. Поэтому прогнозировать число

возможных преступлений лица на основе учета характера первого из них нам представляется весьма сомнительным.

Данные проведенных исследований дают основание утверждать, что преступное поведение рецидивистов характеризуется тем, что оно включает в себя несколько преступлений, различающихся по их квалификации, характеру и степени общественной опасности и др. Чтобы проследить его особенности применительно к каждой судимости, нами были рассмотрены структуры каждой из судимостей: первой, второй, третьей и последующих, а также и структуры наказаний, назначенных за совершение преступлений по соответствующим судимостям.

Очевидно, что структура различных судимостей не является одинаковой, что является отражением особенностей динамики преступного поведения исследуемой категории рецидивистов, совершения ими то одного, то другого вида посягательств на протяжении всей «преступной биографии».

Рассматривая в структуре каждой из имевшихся у рецидивистов судимостей долю корыстных ненасильственных преступлений, нельзя не обратить внимания на ее величину: она больше доли любой другой группы преступлений, о какой бы судимости ни шла речь.

Это свидетельствует о большой распространенности корыстных мотивов в психологии рецидивистов, чаще других лежащих в основе преступного поведения этой категории осужденных на протяжении всей их «преступной карьеры». При этом значительная доля посягательств рассматриваемой группы сохраняется, в основном, благодаря совершению виновными краж.

Доля грабежей и разбоев (преступлений второй группы), по мере увеличения числа судимостей в структурах последних, стабильно снижалась, что ввиду повышенной общественной опасности этого рода преступлений является положительным. По мере роста числа судимостей рецидивисты все реже совершают (из преступлений этой группы) разбои, несколько чаще – грабежи. Иными словами, можно говорить об уменьшении силы мотивов корыстно-насильственного характера, постепенном перерастании их в корыстные либо в корыстные с меньшей насильственной окраской.

Для того, чтобы более четко представлять изменения в преступном поведении рецидивистов, связанном с осуждением за данную группу посягательств, следует рассмотреть перспективу и ретро-

спективу этого поведения. Нами было установлено, что, по мере роста числа судимостей, рецидивисты, осуждавшиеся ранее (накануне) за посягательства второй группы, все реже совершали преступления, объединенные нами в третью группу, а также посягательства, связанные с нарушением общественного порядка и безопасности (45,8; 21,6; 8,9% лиц и т.д.).

Таким образом, по мере увеличения продолжительности преступной деятельности, связанной с предшествующим осуждением за корыстно-насильственные преступления, она все реже бывает нацелена на нарушение общественного порядка и безопасности, чаще – на причинение вреда собственности, на ущемление прав и свобод граждан, на другие правоохраняемые интересы.

В каждой из структур судимостей рецидивистов доля преступлений третьей группы не превышала 4%, что затрудняет обсуждение вопроса о закономерностях преступного поведения изучаемых лиц, связанного с осуждением за такого рода посягательства. Вместе с тем можно утверждать, что после осуждения за такие преступления, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, другие тяжкие насильственные посягательства рецидивисты, по мере роста числа судимостей, чаще осуждались за преступления первой, второй, третьей, четвертой групп, реже – за хулиганства и другие посягательства, объединенные нами в пятую группу (31,8; 26,2; 15,1% лиц и т. п.). С ростом числа судимостей процент рецидивистов, ведущих паразитический образ жизни, возрастает (4,7; 12,3; 19,2% лиц и т. д.).

Иначе говоря, психология «убийц» (лиц, осуждаемых за преступления третьей группы) по мере роста числа судимостей все чаще перерождается в психологию лиц, ведущих паразитический образ жизни. К этому можно добавить, что большая часть преступлений, связанных с лишением потерпевших жизни, причинением тяжкого вреда здоровью, совершается рецидивистами на так называемой бытовой почве, т. е. в результате ссор, скандалов, возникающих нередко между лицами этой категории после употребления ими спиртных напитков, иных обстоятельств, возникающих при ведении паразитического образа жизни.

Сходной с долей преступлений третьей группы является в структурах каждой из судимостей доля посягательств, объединенных нами в четвертую группу (изнасилование, заражение венерической болезнью и др.). Вместе с тем она все же снижается по иному, чем доля преступлений третьей группы, сохраняя свою вели-

чину, в основном, за счет преступлений, предусмотренных ст. 131, 132, 135 УК РФ.

Доля же преступлений четвертой группы в структурах судимостей лиц, которые осуждались только два раза, является примерно в три раза меньшей по сравнению с соответствующим показателем, установленным нами у лиц, осужденных три и более раза.

Доля преступлений, вошедших в пятую группу, является второй по величине после преступлений первой группы, о структуре какой бы судимости мы ни вели речь, что свидетельствует о присущих рецидивистам особенностях, отличающих осуждаемых за хулиганство и другие преступления против общественного порядка и безопасности. Поэтому можно сделать вывод, сходный с тем, который касался роли корыстных мотивов в продолжение преступной деятельности рецидивистами: устранение из психологии рецидивистов черт, присущих лицам, осуждаемым за пятую группу преступлений, является одним из важных путей сокращения продолжительности преступного поведения изучаемых лиц, уменьшения числа совершаемых ими преступлений.

При рассмотрении, каким образом изменяется направленность преступной деятельности рецидивистов, осуждавшихся ранее (в предшествующий раз) за хулиганство, установлено, что очередным преступлением является преимущественно преступление из этой же – пятой группы (от 15 до 45% лиц). В то же время в среднем каждый четвертый рецидивист, совершавший хулиганство, вновь осуждается за корыстное ненасильственное преступление; по мере роста числа судимостей лицами данной категории все реже совершаются преступления второй, третьей, четвертой групп.

Лица, осужденные во второй раз за хулиганство, также довольно часто совершают подобного рода посягательства. Причем доля преступлений пятой группы в структурах судимостей однократного рецидива гораздо больше доли этих же посягательств в структурах судимостей трехкратного и более рецидива (соответственно 25 и 45%). Поэтому в качестве общего вывода о характере преступной деятельности исследуемых лиц следует признать положение о том, что она является чрезвычайно динамичной, имея в виду при этом совершение рецидивистами (какое бы число судимостей они ни имели) различных по своей направленности посягательств.

Учитывая данное обстоятельство, а также то, что выявленные нами особенности структуры рецидивного поведения присущи каждой категории рецидивистов, мы склонны рассматривать их в ка-

честве типичных; а обладающее определенными закономерностями поведение будет проявляться у всех лиц, неоднократно совершающих преступления. Закономерности изменения личности и преступного поведения лиц могут рассматриваться как основания для совершенствования норм об ответственности той или иной группы лиц, как криминологические основания этому⁵.

Выясняя, в каком соотношении находятся преступления, совершенные рецидивистами, в целом применительно к каждому из имевшихся осуждений, мы получили следующие данные: после совершения третьего по счету преступления (третьего осуждения), в случае продолжения преступной деятельности рецидивисты все чаще совершают преступления, входящие в другие группы, реже – отнесенные к одной группе, а также одноименные. Иначе говоря, преступное поведение, начиная с четвертого преступления, становится все более изменчивым, свидетельствует о многообразии личностных негативных потребностей исследуемых лиц после указанного периода.

Наряду с этим наблюдается большая «устойчивость» (в смысле направленности преступных посягательств) преступного поведения лиц, осужденных во второй раз, около 40% из которых совершают одноименные или однородные преступления.

Характерно, что окончание преступной деятельности, как правило, связано с совершением лицом посягательства, сходного или одноименного с тем, за которое оно осуждалось в предшествующий раз. Иначе говоря, отказ от совершения новых преступлений чаще связан с устойчивостью, узкой направленностью преступного поведения рецидивистов, тогда как совершение разнородных посягательств, наоборот, может свидетельствовать о большой вероятности возврата лица к преступной деятельности. Не исключено, что решающим фактором, побуждающим лиц отказываться от совершения новых преступлений, является наличие в уголовном законодательстве положений, позволяющих назначать рецидивистам более строгие наказания (с учетом норм об ответственности за неоднократность, совокупность, рецидив преступлений).

Сказанное позволяет заключить, что общественная опасность личности ярко проявляется в преступном поведении не только у тех, кто совершает определенные виды преступлений (например, только хулиганство), но и у лиц, осуждаемых за различные виды престу-

⁵ См.: Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников. Томск, 1973. С. 59.

плений. При совершении большого числа преступлений преступная деятельность наиболее часто связана с совершением различающихся по своему характеру преступлений, а не однородных посягательств. Именно от лиц, изменяющих направленность своего преступного умысла, наиболее вероятно ожидать продолжения преступной деятельности.

В связи с этим особый интерес представляют данные об общественной опасности совершаемых рецидивистами преступлений. В отечественной юридической литературе на этот счет существуют различные мнения. По данным одних ученых, с ростом числа судимостей у рецидивистов общественная опасность их преступной деятельности постепенно возрастает, другие – высказывают абсолютно противоположное мнение⁶.

В связи с этим нельзя не заметить, во-первых, что в основе производимых расчетов лежали различные методики оценки общественной опасности посягательств. Во-вторых, соответствующие выводы строились на результатах сопоставления общественной опасности преступлений, входящих в структуры судимостей (первой, второй, третьей и др.), т. е. посягательств, совершенных разными людьми. Вследствие этого удавалось получить лишь обобщенные сведения о структуре преступного поведения множества лиц, а динамика индивидуального преступного поведения оставалась неисследованной. Поясним это на простом примере. Допустим, изучается преступное поведение 100 рецидивистов, среди которых 20 человек впервые были осуждены за тяжкие преступления, а остальные – за преступления средней тяжести. Вторым же преступлением у 30 из 100 лиц были тяжкие преступления, а у 70 – преступления средней тяжести. Казалось бы, из этого можно сделать вывод о том, что, по мере роста числа судимостей, рецидивисты совершают все более опасные преступления.

Однако не исключено, что на самом деле ситуация является иной: из первых 20 человек (впервые совершивших тяжкие преступления) лишь 15 совершили тяжкое преступление (т. е. прежней опасности), еще 5 – преступления средней тяжести, а остальные 15 тяжких преступлений совершили те, кто ранее был осужден за преступления средней тяжести. Очевидно, что тяжесть вновь со-

вершенных преступлений и предшествующих преступлений меняется у отдельно взятых лиц совсем неоднозначно. Не исключено, что при продолжении преступной деятельности тяжесть вновь совершенных и предшествующих посягательств у конкретных лиц вновь изменится (а некоторые из рецидивистов вообще больше не допустят нарушений уголовного закона).

Поэтому для объективной оценки изменений общественной опасности преступной деятельности рецидивистов важно проследить за «преступной карьерой» конкретных лиц, сопоставляя при этом опасность каждого предшествующего и последующего преступлений. Сложность такого анализа применительно к рецидивистам очевидна, и мы с такой проблемой столкнулись, когда для обеспечения репрезентативности выборки пришлось изучить биографии нескольких сотен человек.

Получение оптимального ответа затруднено еще и потому, что проблема критериев оценки общественной опасности посягательств еще не получила своего окончательного решения в юридической науке⁷.

Произведя соответствующие расчеты, мы установили, что общественная опасность совершаемых рецидивистами посягательств редко оставалась неизменной. Абсолютное большинство лиц совершали то более опасные, то менее опасные преступления по сравнению с теми, которые им предшествовали. Каждый пятый рецидивист совершал либо более опасные, либо менее общественно опасные преступления. Если взять за 100% всех обследованных осужденных, то окажется, что ко второму осуждению лишь около 60% лиц совершили посягательства, сходные по своей опасности с предшествовавшим посягательством; к третьему осуждению доля таких лиц составляла около 16%; к четвертому осуждению – около 4% и т. д.

⁶ По мнению Ю.Д. Блувштейна, самым верным способом оценки общественной опасности преступлений являются «экспертные оценки» (см.: Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М.: Юрид. лит., 1974. С. 176); Г.И. Забрянский в качестве единственно верного показателя, отражающего общественную опасность преступления, рассматривает размер санкции, указанной в уголовно-правовой норме (см.: Забрянский Г.И. Методика изучения преступности. Краснодар: Кубанский ун-т, 1976. Вып. 212. С. 204–218.); Л.В. Кондратюк предлагает определять общественную опасность посягательства, исходя из усредненной законодательной оценки за его совершение, а для приведения различных видов наказания к единому показателю использует коэффициент эквивалентности (см.: Кондратюк Л.В. Система криминологических показателей и методы их вычисления. М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. С. 22–23).

⁷ См.: Солопанов Ю.В. Рецидивисты, отбывающие наказание в местах лишения свободы. М.: ВНИИ МВД СССР, 1972. С. 27–28; Берекашвили Л.Ш., Кирилова И.С. Криминологическая характеристика женщин, совершивших преступления. М.: ВНИИ МВД СССР, 1976. С. 25.

Следовательно, по мере продолжения преступной деятельности лица вероятность того, что оно совершит посягательство, сходное по опасности с ранее совершенными преступлениями, постепенно снижается. Одновременно возрастает вероятность совершения рецидивистом либо более опасного, либо менее опасного преступления. А так как среди лиц, осуждавшихся большее число раз, являлась большей долей для тех, кто имел изменчивую (в смысле опасности образующих ее преступлений) «преступную карьеру», можно сделать вывод о том, что одним из условий большей длительности преступной деятельности является осуждение рецидивистов за самые различные по своей опасности преступления.

Выявляя зависимость между числом осуждений и изменением общественной опасности совершаемых лицом преступлений, мы установили, что к третьему осуждению опасность совершаемых рецидивистами преступлений в большинстве случаев возрастала, но к четвертому осуждению доля лиц, совершивших более опасные посягательства, наоборот, понижалась. Иначе говоря, преступная деятельность большинства рецидивистов после третьего осуждения становится менее опасной.

Следует подчеркнуть, что опасность преступлений, совершаемых лицами с «действующими» судимостями, в целом мало отличалась от преступлений, которые совершаются рецидивистами после погашения (снятия) судимости. Значит, ныне действующие и предусмотренные уголовным законом сроки погашения судимости не позволяют выделить из числа всех рецидивистов тех лиц, от которых можно с большей вероятностью ожидать совершения наиболее опасных преступлений, чья личность, таким образом, обладает повышенной общественной опасностью. Это, в свою очередь, побуждает нас специально рассмотреть вопрос об интенсивности преступной деятельности рецидивистов.

Соответствующий анализ показал, что очередные преступления совершались рецидивистами по истечении различного времени нахождения на свободе. В среднем же пребывание на свободе было наибольшим перед третьим осуждением, наименьшим – перед четвертым и последующими осуждениями.

Названная особенность в интенсивности преступного поведения рецидивистов была выявлена и применительно к лицам, осуждавшимся разное число раз. Время нахождения на свободе рецидивистов перед каждым из осуждений в среднем не превышает трех лет, а наименьшее время лица находились на свободе накануне со-

вершения третьего по счету преступления, когда погашаются многие из имевшихся у лиц судимостей. Поэтому исследуемая категория лиц, много раз совершая преступления, имеет все же значительное число погашенных или снятых, т. е. не «действующих» судимостей. Почти половина (43,5%) рецидивистов находилась на свободе менее одного года и лишь 17,9% – свыше пяти лет.

Учитывая, что рецидивисты в среднем находятся перед очередным осуждением на свободе не более трех лет, можно утверждать, что их преступное поведение характеризуется большей интенсивностью преступного поведения, следовательно, и большей общественной опасностью личности.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что изучение интенсивности преступной деятельности каждого лица показало, что среди рецидивистов очень незначительна доля тех, кто бы находился каждый раз на свободе менее года, а также свыше пяти лет. Чаще всего продолжительность нахождения лица на свободе изменялась в пределах от одного года до пяти лет. Если предположить, что в течение этого времени за рецидивистом осуществлялся бы надежный контроль, проводились действия по предупреждению с его стороны нового преступления, то число преступлений, совершаемых этой категорией лиц, сократилась бы более, чем в два раза.

Отмеченные особенности продолжительности нахождения рецидивистов на свободе сказались и на количестве судимостей, которые имеются у тех, кто попадает на скамью подсудимых. Как свидетельствует статистика, среди рецидивистов стало с 2000 г. уменьшаться число лиц, имеющих как одну, так и несколько судимостей⁸. Возможно, это явилось результатом, прежде всего, позиции законодателя, который отказался от правил, позволявших прерывать течение сроков погашения судимости, что, в конечном счете, сказалось на общих параметрах современной рецидивной преступности.

Основными характеристиками последней, как известно, являются состояние, структура и динамика⁹, а сама рецидивная преступность традиционно рассматривается криминологами как совокупность умышленных общественно опасных посягательств, со-

⁸ См.: Кобец П.Н., Власов В.Д. Понятие и развитие научных взглядов на проблему рецидива // Научные труды филиала Московской государственной юридической академии в г. Кирове. № 10 / Под ред. С.М. Кочои. Киров, 2005. С. 79.

⁹ См.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 221.

вершаемых ранее осуждавшимися за умышленные преступления в определенный период времени на конкретной территории¹⁰.

Оценивая состояние современной рецидивной преступности, следует, прежде всего, указать на то, что рецидивистами в России совершается почти треть всех преступлений, по которым выявляются подозреваемые. Одновременно рецидивисты составляют примерно 20–25% всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений. Иначе говоря, рецидивисты ежегодно совершают более 650 тыс. преступлений, причем почти 400 тыс. из них являются ранее судимыми, в том числе около 50 тыс. лиц совершают преступления, признанные опасным либо особо опасным рецидивом.

В начале нового тысячелетия в структуре рецидивной преступности произошли существенные изменения: в числе рецидивистов возросла доля лиц, совершивших тяжкие преступления (умышленные убийства, тяжкий вред здоровью, изнасилования, разбои, грабежи и др.) Заметно активизировалась групповая деятельность рецидивистов, отмечается тенденция к возрождению в их среде элементов профессионализма, появляются бандитские и другие организованные преступные группы, совершающие особо опасные преступления и имеющие в своем распоряжении автоматическое оружие и автотранспорт. Повышенная опасность совершаемых рецидивистами преступлений объясняется не только преимущественно групповыми действиями рецидивистов, но и особой дерзостью и жестокостью самих преступных деяний.

Каждый рецидивист неизбежно когда-нибудь совершает последнее в своей жизни преступление. У кого-то это преступление будет вторым по счету, у кого-то – третьим, четвертым и т. д. И хотя правоприменитель не всегда может знать, будет ли конкретное преступление последним для того или иного человека, он невольно стремится к этому, используя возможности уголовного закона как при квалификации соответствующего посягательства, так и при назначении наказания виновному.

¹⁰ См.: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С. 218.

А. Б. С к а к о в,
кандидат юридических наук, профессор
(Управление Комитета УИС Министерства юстиции
Республики Казахстан по г. Алматы
и Алматинской области)

ВЛИЯНИЕ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НА ПРОФИЛАКТИКУ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

С первых дней установления своей независимости и суверенитета Республика Казахстан предпринимает активные действия, направленные на строительство в нашей стране правового государства, на формирование правовой системы, которая осуществляла бы эффективное правовое регулирование всех социальных, экономических и иных процессов, происходящих в обществе. При этом наша республика своим приоритетным направлением деятельности определила обеспечение прав, свобод и законных интересов людей. Необходимость защиты неотъемлемых прав и свобод граждан послужила принятию Концепции правовой политики в Республике Казахстан, утвержденной Указом президента от 20 сентября 2002 г. В то же время требование обеспечения прав человека распространяется и на осужденных, составляющую часть казахстанского общества.

Значительным шагом в гуманизации исполнения наказаний явилось принятие в декабре 2002 г. закона, в соответствии с которым внесены изменения в санкции более чем 40 составов преступлений, направленных на смягчение наказаний. В том числе, санкции 13 составов преступлений дополнены видами наказаний, альтернативными лишению свободы. Кроме того, в Казахстане были освобождены от отбывания наказания около 20 тыс. человек в результате проведенных амнистий. Предпринятые меры позволили значительно сократить численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Если в 2002 г. Казахстан был на третьем месте по количеству осужденных, лишенных свободы, то в 2004 г. наша республика переместилась на 19 место в мире.

Сокращение численности лишенных свободы несколько улучшило социальную обстановку, однако в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция роста количества осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Особую роль в деле борьбы с преступностью призваны играть исправительные учреждения, в деятельности которых, в условиях глубоких деформаций в экономических и социальных сферах, образовался целый комплекс проблем. Одна из них – рост пенитенциарного рецидива в местах лишения свободы.

Резкое усиление криминогенности поведения осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, объясняется размерами и структурными изменениями преступности в стране, которая угрожает устоям государства и безопасности граждан. За последние 15 лет уровень преступности в Казахстане вырос более чем в два раза, что, естественно, негативно отразилось на оперативно-режимной обстановке в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Более половины осужденных отбывают наказания за насильственные и корыстно-насильственные преступления, около 60% – осужденные молодого возраста (от 18 до 30 лет) и ранее неоднократно судимые. Существенно осложняют оперативно-режимную обстановку в пенитенциарных учреждениях осужденные, придерживающиеся воровских традиций преступного мира. К ним можно отнести «воров в законе», «лидеров» и «авторитетов», которые составляют специфическую паразитическую прослойку в структуре спецконтингента. По данным Комитета уголовно-исполнительной системы Минюста Республики Казахстан, в настоящее время на оперативно-профилактическом учете состоят более 400 осужденных указанной категории. Именно они активно проводят работу по насаждению в среде осужденных, особенно молодого возраста, традиций и обычаев криминальной среды, работу по организации группового неповиновения требованиям режима содержания, преследуют осужденных, не желающих подчиняться им. В настоящее время все более отчетливо просматривается нарастающая тенденция усиления давления лидеров преступного мира на сотрудников исправительных учреждений и членов их семей. В этих целях они применяют шантаж, угрозы физической расправы, подкуп сотрудников. В этой связи в деятельности исправительных учреждений приобретает все большую актуальность проблема обеспечения безопасности лиц, отбывающих наказание, идет поиск оптимальных способов и средств ее решения.

Анализ деятельности уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы показывает, что в результате проводимой государством гуманизации уголовной политики на фоне сокращения общего количества осужденных меняется ее качественная структура. В част-

ности, около 80 % от всей численности осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, привлечены к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. При этом наблюдается количественный рост численности осужденных, совершивших преступление повторно. Данное обстоятельство требует изменения порядка и условий содержания осужденных в исправительных учреждениях закрытого типа, а именно – постепенного перехода от отрядной системы содержания осужденных (100–150 чел.) к камерному типу содержания, а для колоний-поселений – по типу общежития (1–4 чел.).

Качественные изменения в структуре различных категорий осужденных непосредственно отразились на социальной обстановке в учреждениях. В настоящее время мы наблюдаем рост пенитенциарной преступности в исправительных учреждениях Казахстана, что свидетельствует о нежелании осужденных надлежащим образом отбыть назначенное судом наказание. Так, 35,2% осужденных, совершивших преступления в пенитенциарных учреждениях, совершили побег из мест лишения свободы; 29,5% проявили акты злостного неповиновения законным требованиям администрации исправительных учреждений, хулиганство совершили 5,7%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 5,8%, убийство – 1,9%, преступления, связанные с наркотиками, совершили 2,4% и т.д.

Учитывая данные обстоятельства, Министерство юстиции Казахстана в рамках разрабатываемой Концепции развития уголовно-исполнительной политики в Республике Казахстан через государственные программы намерено осуществить строительство тюрем, следственных изоляторов и арестных домов современного уровня для покамерного содержания осужденных в соответствии с мировыми стандартами.

Предстоит изменить порядок и условия отбывания наказания осужденными, лишенными свободы. Принимая во внимание, что исполнение наказания осуществляется по прогрессивной системе, необходимо пересмотреть структуру и виды исправительных учреждений, положив в основу их классификации степень изоляции осужденных от общества. В этих целях следует продолжить работу по переводу мест лишения свободы с лагерного на камерный тип, а для колоний-поселений – на тип общежития из расчета 1–4 чел. в одной комнате. В соответствии с этим, установить следующие исправительные учреждения (тюрьмы):

тюремны открытого типа (место колоний-поселений, где осужденные будут иметь возможность при соблюдении ими установленных условий порядка отбывания на осуществление их права на получение общеобразовательного, профессионального образования и осуществление трудовой деятельности вне пределов тюрьмы, а также выезд к близким родственникам в выходные и праздничные дни) для содержания лиц, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений по неосторожности; впервые осужденных к лишению свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также осужденных, переведенных из тюрем полуоткрытого типа в порядке поощрения;

тюремны полуоткрытого типа (где камеры будут закрываться только в ночное время) для содержания осужденных к лишению свободы за совершение умышленных преступлений, не подлежащих направлению в тюрьмы открытого типа и осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений;

тюремны закрытого типа (где камеры будут закрыты постоянно, и осужденные, следственно-арестованные и арестованные будут из них выводиться только на прогулки, свидания, на проведение уголовно-процессуальных действий и т.д.) для содержания следственно-арестованных, арестованных и осужденных к пожизненному лишению свободы, а также к лишению свободы за совершение преступлений при особо опасном рецидиве.

В этих целях Министерство юстиции Казахстана намерено продолжить поэтапное создание необходимого количества тюрем, отвечающих требованиям международных стандартов (в каждом областном центре и больших городах либо вблизи от них), путем реконструкции имеющихся и строительства новых. При этом необходимо обеспечить исполнение уголовных наказаний по прогрессивной системе отбывания наказания, осуществляя дифференцированный и индивидуальный подход к определению порядка и условий содержания осужденных, а также изменения условий отбывания наказания по мере их исправления. Тюремны полуоткрытого и открытого типа могут находиться в пределах одного исправительного учреждения, но в различных специализированных локальных блоках с соблюдением необходимых соответствующих условий режима содержания. Следственно-арестованные и арестованные содержатся отдельно от осужденных. Тюремны открытого типа располагаются отдельно от вышеуказанных учреждений.

Поэтапный переход осужденных из одного вида учреждения в другое в зависимости от их поведения обеспечит реализацию прогрессивной системы отбывания наказания, а также будет стимулировать осужденных к правопослушному поведению и создаст соответствующие условия для их социальной адаптации.

В условиях прогрессивной системы как способа организации процесса отбывания любого вида уголовного наказания, при котором правовой статус осужденного в зависимости от его поведения меняется либо в сторону расширения объема предусмотренных прав, либо в сторону их ограничения, очень важное значение имеет определение степени исправления осужденного.

Принимая во внимание данное обстоятельство, на наш взгляд, необходимо в уголовно-исполнительное законодательство включить более подробную классификацию как положительно, так и отрицательно характеризующихся осужденных. Положительно характеризующиеся осужденные должны быть разделены на **четыре** группы (встающие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, окончательно вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление), а отрицательно характеризующиеся – на **три** (нарушители установленного порядка отбывания наказания; лица, систематически нарушающие установленный порядок отбывания наказания; злостные нарушители). При этом за каждой классификационной группой будет закреплена возможность конкретным способом изменить свое правовое положение.

Таким образом, строительство новой уголовно-исполнительной системы, а также полномасштабное внедрение прогрессивной системы исполнения наказаний, несомненно, улучшат социальную обстановку в пенитенциарных учреждениях, обеспечат безопасность как осужденных, так и персонала пенитенциарных учреждений. Кроме того, будут созданы надлежащие условия для проведения действенных профилактических мероприятий по снижению уровня пенитенциарного рецидива.

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ КАК ОДНА ИЗ МЕР ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В последнее время применительно к определению деятельности по воздействию на преступность со стороны государства и общества употребляется множество терминов: «борьба», «война», «контроль», «противодействие», «предупреждение», «сдерживание», «профилактика», «управленческое воздействие», «реагирование» и другие. Необходимо отметить, что по своему смысловому значению данные термины не идентичны. По мнению ряда ученых, более широко употребляется термин «борьба с преступностью»¹. По мнению А.И. Долговой, «борьба с преступностью означает активную, наступательную деятельность путем воздействия на процессы детерминации, обусловливания этого антисоциального явления и применения к лицам, нарушающим уголовный закон, соответствующих мер государственного принуждения»². Соглашаясь с данной позицией, отметим, что наряду с термином «борьба с преступностью» в международных нормативно-правовых актах активно употребляется термин и «предупреждение преступности»³. Отдельные авторы указывают, что «целью *предупреждения* преступлений, как и целью борьбы с *преступностью*, является противодействие криминальным процессам в обществе, *обеспечение сдерживания*, сокращение преступности и темпов ее роста, защита личности, общества и государства от преступных посягательств»⁴. При этом указывается, что термин «предупреждение» применим в сочетании «предупреждение преступлений», но не вполне точным является его употребление в значении «предупреждение преступности»: поскольку предупреждение (недо-

пущение) преступности как негативного объективно существующего в любом обществе социального явления практически невозможно»⁵. Данная точка зрения, безусловно, заслуживает уважения, однако полагаем, что «недопущение» преступности применительно к процессу ее предупреждения (или профилактики) скорее носит целевой, но не содержательный характер. Наряду с вышеуказанными терминами в современной юридической литературе также применяется термин «сдерживания преступности». Так, например, В.С. Комиссаров, характеризуя состояние преступности в России, активно применяет термин «сдерживания преступности». Вопросы воздействия на преступность «обсуждались и решались в течение многих столетий, единой терминологии в этом отношении до сих пор, по крайней мере в российской науке и практике, не выработано»⁶.

В.С. Комиссаров полагает, что «основную нагрузку в системе мер сдерживания преступности несут социально-экономические условия жизни общества... Правовые меры имеют весьма ощутимое значение для сдерживания преступности, но не следует переоценивать их роли»⁷. В целом соглашаясь с данной позицией, рассмотрим какое значение имеют правовые (государственно-правовые) меры для сдерживания преступности на примере процесса реализации уголовно-правовых запретов.

Некоторые ученые полагают, что «к уголовно-правовому регулированию (в особенности к запретам) необходимо обращаться лишь в случаях крайней, действительной в том необходимости. Приоритет должен быть отдан иным социальным нормам и правовым нормам с менее острым карательным содержанием»⁸.

С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, общественные отношения должны по возможности в меньшей степени регулироваться уголовно-правовыми нормами. Однако не вполне понятно утверждение о том, что как можно в меньшей степени следует обращаться к запретам. Если в данном случае речь идет о запрещающих уголовно-правовых нормах (нор-

¹ См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 132; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 35–37.

² Доглова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 535–536.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/110 от 14 декабря 1990 г. «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)».

⁴ Криминология: Учебник / Под ред. проф. В.Д. Малкова М., 2004.

⁵ Там же.

⁶ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 35.

⁷ См.: Интервью с В.С. Комиссаровым, доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Законодательство. 2000. № 9.

⁸ Дуонов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 38.

мах-запретах), то это положение автора является вполне логичным, но если речь идет об уголовно-правовых запретах, то подобная позиция является в определенной степени спорной. Полагаю, в данном случае имелось ввиду, что отношения уголовной ответственности должны возникать только в случае крайней необходимости. Ведь «уголовная ответственность есть карательное уголовно-правовое отношение, возникающее в связи с совершением преступления между государством, установившим уголовно-правовую норму, и нарушившим ее лицом, складывающееся из предусмотренных законом и определенных приговором суда взаимных прав и обязанностей его сторон, направленных на утверждение социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений»⁹. Но отношения уголовной ответственности возникают только в ходе реализации запрещающей уголовно-правовой нормы, но не в ходе реализации уголовно-правового запрета.

В Уголовном кодексе РФ имеются не только запрещающие уголовно-правовые нормы, но также управомочивающие и обязывающие. Реализация соответствующих уголовно-правовых норм проходит в форме использования прав, исполнения обязанностей, соблюдения запретов, правоприменения. При этом обращает внимание тот факт, что для реализации запрещающих уголовно-правовых норм фактически применяются две формы: соблюдение запретов и правоприменение. Это объясняется тем, что запрещающие уголовно-правовые нормы являются двусторонне-обязывающими. Однако, говоря о реализации уголовно-правовых запретов, мы будем говорить только об одной из названных выше форме реализации права — соблюдении запретов.

При рассмотрении проблемы реализации уголовно-правовых запретов возникают следующие вопросы. Что такое позитивная и негативная уголовная ответственность? Как связаны эти понятия с реализацией запрещающих уголовно-правовых норм и уголовно-правовых запретов? Возникают ли общественные отношения при реализации уголовно-правовых запретов? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Известные ученые-юристы М.Д. Шаргородский и О.С. Иоффе считали, что «сам факт существования запретительных норм уголовного права, карающих за совершение общественно опасного деяния,

⁹ Там же. С. 27.

воздействует на отдельных лиц, склонных к совершению преступлений, и удерживает их от совершения преступных действий. Однако здесь нет еще правоотношения и потому не может быть также и уголовно-правового регулирования»¹⁰. С.М. Богданов полагает, что «устанавливая те или иные запреты на общественно опасное поведение людей в обществе, уголовное право непосредственно не регулирует общественные отношения, а способствует их укреплению и развитию в интересах государства»¹¹. По существу аналогичной позиции придерживается В.К. Дуюнов, утверждающий, что «поведение человека, не нарушающего уголовно-правовой запрет, не находится в уголовно-правовом поле, не регулируется уголовным правом, не происходит в рамках уголовно-правового отношения... Люди не совершают преступления не в силу наличия правовых норм, правовой урегулированности их отношений, а потому что это естественно, это норма. Ненормальным является как раз обратное — совершение преступлений, происходящее даже вопреки правовым запретам»¹². Схожей позиции придерживается О.Э. Лейст, считающий, что «при нарушении запретов охраняющие их санкции реализуются только через правоотношения, но сам запрет действует вне правоотношений»¹³.

Противоположной позиции по данному вопросу придерживается А.В. Наумов, который считает, что «уголовный запрет, — пишет он, — налагает на граждан обязанность воздерживаться от совершения преступления, и потому призван регулировать поведение людей в обществе». Более того, «отношения по поводу воздержания лиц от совершения преступления, вытекающие из уголовно-правового запрета»¹⁴ (общепредупредительные уголовно-правовые отношения), ученый А.В. Наумов считает второй разновидностью отношений, которые входят в предмет уголовно-правового регулирования. С.С. Алексеев полагает, что «введение юридических запретов оказывается необходимым в случаях, когда в социальной действительности

¹⁰ Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 108.

¹¹ Уголовное право. Общая часть. Т. 1. Екатеринбург, 1992. С. 16.

¹² Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 37.

¹³ Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 515.

¹⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 14, 19.

сти существуют (реально или в виде возможности) факты нарушений пределов дозволенного, в связи с этим возникает опасность для общества и требуется обеспечить при помощи юридического запрета типичные массовые процессы жизнедеятельности»¹⁵. Хотя автор прямо не говорит, что содержащая запрет норма уголовного права порождает правоотношения между государством и гражданами, способными совершить преступные деяния, придерживается, по видимому, этой точки зрения. Такой вывод можно сделать из разработанной им теории общих и конкретных правоотношений.

Полагаю, что в данном вопросе следует придерживаться второй из обозначенных выше позиций. Практически всеми учеными признается тот факт, что преступление является разновидностью общественных отношений, но оно может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. Общественные отношения, возникающие в ходе реализации уголовно-правового запрета, являются односторонними общественными отношениями, носящими «пассивный» характер (реализуемыми в форме бездействия). Этой разновидности правоотношений присущи все признаки, свойственные всем остальным правовым отношениям, в то же время по своему содержанию они обладают определенной спецификой.

В структуре правоотношений, возникающих при реализации уголовно-правовых запретов, можно выделить три элемента: объект, субъект, содержание. Более детально остановимся на рассмотрении объекта и субъектов данных правоотношений. В теории права под *объектом* правоотношений обычно понимают «то реальное благо, на достижение, использование или охрану которого направлена реализация субъективных прав и обязанностей участников правоотношений»¹⁶. Определив подобным образом понятие «объект правоотношений», попробуем определить объекты правоотношений, возникающих по поводу реализации уголовно-правового запрета. На первый взгляд может показаться, что у данных правоотношений нет объекта. Действительно, если принимать под объектом правоотношений материальные и нематериальные блага, являющиеся объектами большинства существующих правоотношений, то определить объект правоотношений, возникающих в связи с реализацией уго-

ловно-правового запрета, будет практически невозможно. Но следует иметь в виду, что объектами правоотношений в теории права принято считать не только материальные и духовные блага, личные немущественные блага, но и непосредственно сами действия обязанного лица или их результат¹⁷. Полагаю, что объектами правоотношений, возникающих в связи с реализацией уголовно-правового запрета, следует считать непосредственно сами действия обязанного лица и их результат. Поведение участника (ов) правоотношений – это взаимодействие его с окружающей средой. Выражается оно либо в действии (активное поведение), либо в бездействии (пассивное поведение). Поведение может выступать в качестве объекта правоотношений, но это один из многих объектов, а не единственный, как считают представители монистической теории. Объектом правоотношения является, как правило, поведение обязанного лица. Результаты поведения участника(ов) правоотношений – это те последствия, к которым приводит то или иное действие или бездействие. Многие правоотношения и устанавливаются ради того, чтобы путем поведения лиц добиться определенного результата. В этом случае не само поведение будет объектом правоотношения, а именно результат поведения¹⁸. В данном случае объектом правоотношений, возникающих в связи с реализацией уголовно-правового запрета, будет состояние стабильности, правопорядка и законности в политических, экономических, социальных, культурных и иных отношениях, урегулированных нормами других отраслей права.

Субъекты правоотношений – это лица или организации, за которыми государство признает способность быть носителями субъективных прав и субъективных юридических обязанностей. Правоотношения, возникающие на основании уголовно-правового запрета, не однородны по своему субъективному составу. Н.И. Пикуров отмечает, что «если речь идет об охране публичных благ, таких как общественный порядок, общественная безопасность и т. п., субъектами правовой связи являются адресаты запрета, с одной стороны, и государство, требующее соблюдения запрета, – с другой. Введение же уголовной ответственности за посягательство на частный интерес

¹⁵ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 74.

¹⁶ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 2000. С. 339.

¹⁷ Подробнее см.: Теория государства и права: Учебник. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 542–543; Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник. М., 2001. С. 306–308.

¹⁸ См.: Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 427.

означает, что правоотношения, возникающие на основании уголовно-правового запрета, приобретают более сложный характер. В их структуру включается еще один субъект – обладатель частного блага»¹⁹. С подобной классификацией правоотношений, возникающих по поводу реализации уголовно-правовых запретов, следует согласиться, отметив при этом, что основным субъектом данных правоотношений всегда является адресат уголовно-правового запрета.

Как полагает А.В. Наумов, по характеру воздействия на граждан запрета, содержащегося в уголовно-правовых нормах, все общество условно можно разделить на три группы. Одну составляют те граждане, поведение которых не вызывает необходимости установления уголовно-правовых запретов. Они не совершают преступлений в силу осознания того, что преступление противоречит не только интересам других лиц, общества и государства, но и их личным нравственным представлениям о добре и зле. Другую группу образуют лица, для которых существование угрозы наказания недостаточно и которые все же совершают преступления, несмотря на наличие уголовно-правовых запретов. «Промежуточную» группу составляют граждане, которые не совершают преступлений именно потому, что опасаются уголовного наказания.

Таким образом, уголовно-правовой запрет фактически регулирует поведение не всех членов общества, а некоторой его части²⁰. Ю.М. Ткачевский придерживается несколько иной точки зрения, утверждая, что представляется верным мнение тех юристов, которые считают, что уголовно-правовые запреты адресованы не всем гражданам, а только тем из них, которые склонны к совершению преступлений и нуждаются во внешнем сдерживающем влиянии, воздействии²¹.

Полагаю, что с данными авторами следует согласиться в том, что субъектами правоотношений, возникающих по поводу реализации уголовно-правовых запретов, являются «не все члены общества». В то же время необходимо отметить, что понятие «субъектов правоотношений», возникающих по поводу реализации уголовно-правовых запретов и субъектов уголовной ответственности, – поня-

тия различные, взаимосвязанные друг с другом. Так, минимальный возраст уголовной ответственности не может быть ниже возраста, когда у человека образуются определенные правовые представления, когда он в состоянии уяснить и усвоить уголовно-правовые запреты. При дифференциации возраста уголовной ответственности учтена и возможность несовершеннолетних по-разному воспринимать и оценивать различные правовые запреты²². Следовательно, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, и возраст, с которого субъект способен к осознанию уголовно-правовых запретов, разные понятия. Возраст уголовной ответственности – это усредненный возрастной период, установленный законодателем конкретного государства, на основании определенных психологических знаний о способности субъектов осознавать значение своих действий и руководить ими. Возраст, с которого субъект способен к осознанию уголовно-правовых запретов, конкретно индивидуален. Возрастная разница в осознании уголовно-правовых запретов определяется не только в зависимости от уровня социально-психологического развития личности, но в ряде случаев, например, лексико-этимологической сложностью конкретного уголовно-правового запрета. Многие запреты, которым государство придает значение уголовно-правовых, доступны для понимания уже малолетнего ребенка: нельзя брать чужое, нельзя драться и т.д. Тогда как для привлечения лица к уголовной ответственности требуется, чтобы у него были известный уровень правосознания, способность оценивать не только фактическую сторону своих поступков, но и их социально-правовую значимость.

Таким образом, возраст, с которого субъект способен к осознанию уголовно-правовых запретов, является одним из критериев установления возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Конкретный субъект может адекватно воспринимать и осознавать действующие уголовно-правовые запреты, но при этом еще не достиг возраста, с которого формально он может быть привлечен к уголовной ответственности при совершении деяний, на которые установлен такой запрет. Может быть и наоборот. Следовательно, субъектами правоотношений, возникающих по поводу реализации уголовно-правовых запретов, могут быть физические лица, способные в зависимости от индивидуальных социально-психологических характеристик к осознанию соответствующих запретов.

¹⁹ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: Монография. Волгоград, 1998. С. 46.

²⁰ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 13.

²¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 202.

²² Там же. С. 273.

Рассматривая вопрос о субъектах правоотношений, возникающих в связи с реализацией уголовно-правовых запретов, необходимо затронуть тему об осознании соответствующих запретов субъектами (адресатами запрета). Так как ценность уголовно-правового запрета проявляется при его осознании и воплощении в жизнь, а реализация уголовно-правового запрета невозможна без его осознания, считается, что законодатель обязан учитывать существенную разницу в подготовленности адресатов к восприятию предписания. Как уже отмечалось, запрещающая уголовно-правовая норма обращена и к гражданам, обязанным соблюдать запрет, и к правоприменительным органам. В то же время упрощение же текста уголовного закона, приближение его к типичному уровню бытового разговорного языка означает ослабление такой его необходимой черты, как точность и однозначность²³. Значительно усложняет восприятие уголовно-правового запрета наличие бланкетного признака, который является сигналом правоприменителю о том, что для квалификации преступления необходимо не только привлечение соответствующего нормативного материала, но и владение терминологией конкретной области знаний. В необходимых случаях данная проблема решается с помощью приглашения специалиста, что вполне вписывается в уголовно-процессуальную процедуру применения уголовного закона.

Итак, норма, устанавливающая запрет, да и вообще всякая регулятивная норма не может реализовываться принудительным способом²⁴. Уголовные меры принуждения (например, лишение свободы) являются не принудительным осуществлением запрета, а последствием нарушения запрета. Там, где действует регулятивная норма, не может быть места государственному принуждению, потому что правовая норма не нарушается из себя. По мнению Е.Я. Мотовиловкера, в этом случае правонарушение не влечет продолжение действия нарушенной нормы, а начинает действие новой охранительной нормы

²³ Пиголкин А.С. считает, что «стремление к простоте и доступности закона не должно, однако, наносить ущерб полноте, точности и глубине формулирования нормативных положений, не должно приводить к упрощенчеству и примитивизму». Подробнее см.: Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 20.

²⁴ См.: Крашенинников Е.А. Охранительные и регулятивные нормы – относительно самостоятельные разновидности норм советского права // Процессуальные вопросы повышения эффективности правового регулирования социалистических общественных отношений. Ярославль, 1981. С. 64.

как ее юридический факт²⁵. Схожей позиции по данному вопросу придерживается Н.И. Пикуров, считающий, что в случае нарушения уголовно-правового запрета рассматриваемая норма вводит в действие другие связанные с ней уголовно-правовые нормы, образуя вместе с ними новую систему, ориентированную на выполнение функции уголовного преследования лица, совершившего преступление, либо решения задач уголовного права иным путем (освобождение от уголовной ответственности и т. п.)²⁶.

В этом случае разногласия в основном касаются признания или отрицания уголовно-правовых отношений абсолютного типа, возникающих на основе самого факта существования правоотношений, связанных с реализацией уголовно-правовых запретов. Признание факта существования абсолютных отношений имеет не только теоретическое значение. Это реальные отношения, которые существуют во времени и пространстве. Только отталкиваясь от их содержания, можно определить состояние правопорядка, которое в идеале может существовать и без нарушения запретов. Именно ненарушенный правопорядок и составляет одно из условий существования общества.

²⁵ См.: Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 109.

²⁶ См.: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: Монография. Волгоград, 1998. С. 94.

О. Ю. Я к и м о в,
кандидат юридических наук
(Университет Российской академии образования);
С. С. Я к и м о в а
(Саратовский юридический институт МВД России)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ УК РФ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ¹

Одним из основных направлений улучшения общей и частной превенции видится повышение эффективности уголовно-правовых норм. Эффективной может быть признана лишь та уголовно-правовая норма, которая криминологически обоснована, уголовно-политически выверена и технико-юридически верно сформулирована.

В связи с этим обращают на себя внимание терминологические и смысловые ошибки, имеющиеся в нынешних редакциях ст. 174, 174.1 УК РФ. Так, термин «*легализация*», применительно к названию данного преступления, является юридически некорректным, так как в теории права он имеет совсем иной смысл, чем тот, в котором стал использоваться в уголовном праве. Более точным представляется термин «*отмывание*», давно применяемый для обозначения данного преступления в международном праве.

В ст. 174 УК РФ говорится о предметах легализации, приобретенных *преступным путем*, а в ст. 174.1 УК РФ – о предметах легализации, приобретенных в результате совершения *преступления*. Данное разночтение представляется необоснованным, так как и первый, и второй варианты предполагают совершение как одного, так и нескольких преступлений.

В диспозиции ст. 174 УК РФ упоминаются «другие лица», которые приобрели денежные средства или иное имущество преступным путем. Указание на «других лиц» во множественном числе представляется ошибочным, так как первоначальное преступление может быть совершено и одним лицом.

Возражение вызывает также использование в диспозициях ст. 174 и 174.1 УК РФ терминов «финансовые операции» и «сделки» во мно-

жественном числе и, кроме того, объединение их соединительным союзом «и». По буквальному толкованию получается, что для признания легализации оконченной необходимо, чтобы виновный совершил минимум две «финансовые операции», плюс минимум две последующие «сделки», а всего, таким образом, четыре самостоятельных действия, хотя, очевидно, что придание правомерного вида деньгам или имуществу на практике может произойти уже после совершения с ними и одной (первой же) «финансовой операции» или «сделки».

По этому поводу Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение, что «по смыслу закона ответственность по ст. 174 УК РФ или по ст. 174.1 УК РФ наступает и в тех случаях, когда виновным лицом совершена лишь одна финансовая операция или одна сделка с приобретенными преступным путем денежными средствами или имуществом»². Однако его позицию нельзя признать основанной на законе. Дело в том, что, в отличие, скажем, от уголовного закона Украины³, термины «финансовые операции» и «сделки» упоминаются в диспозициях ст. 174 и 174.1 УК РФ именно во множественном, а не единственном, числе (и, кроме того, повторяем, объединены соединительным союзом «и»). Поэтому, с каким бы уважением мы не относились к постановлению Пленума Верховного Суда РФ, тем не менее его разъяснения носят лишь рекомендательный характер и он не вправе толковать закон вопреки *языковым* нормам. Иначе, получается, что своим толкованием Пленум создает новую уголовно-правовую норму, не закрепленную в законе.

Кроме того, сложно согласиться с разъяснением Пленума, что под «финансовыми операциями» и «другими сделками», указанными в ст. 174 и 174.1 УК РФ, следует понимать *действия* с денежными средствами, ценными бумагами и иным имуществом, *независимо от формы и способов их осуществления*, направленные на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав или обязанностей. Примерно такой подход мы уже предлагали ранее

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 1. С. 3–7.

³ В ст. 209 Уголовного кодекса Украины («Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем») при описании объективной стороны также используются термины «финансовая операция» и «сделка», причем в единственном числе. Поэтому проблем толкования здесь не возникает.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках российско-украинского исследования по проекту № 05–03–91304а/Ук совместно с Национальной академией наук Украины.

(законодательно определить легализацию как любое *действие*, направленное на придание правомерного вида...⁴), однако в данном случае позицию Пленума также нельзя признать основанной на законе. Дело в том, что «финансовые операции» и «сделки» с денежными средствами и иным имуществом, приобретенными преступным путем – это вовсе не *любые* действия с ними, как полагает Пленум, а только «финансовые операции» и «сделки», как это сказано в законе. Несмотря на известные трудности в толковании термина «финансовые операции» (он не разъясняется не только в т.н. «позитивном» (базовом) законодательстве, но даже в экономических словарях), понимать под ними любые действия, как это предлагает Пленум, означает толковать закон расширительно, что противоречит принципу законности.

С учетом сказанного, следует признать, что в нарушение конституционного принципа разделения властей Верховный Суд РФ действительно взял на себя функции законодателя, о чем говорилось в юридической литературе⁵.

Предмет преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, разделен на «денежные средства» и «иное имущество», на наш взгляд, без достаточных оснований, так как понятие «имущество» охватывает и «деньги». Исключение же из предмета легализации денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, представляется необоснованным, так как нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом, независимо от их должностного и имущественного положения (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), а также отраслевые принципы справедливости (ст. 6 УК РФ) и, опять же, равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Согласно закону, предмет легализации должен быть получен преступным путем. Это породило ненужную, на наш взгляд, дискуссию о том, необходим ли для признания доходов «преступными» вступивший в законную силу приговор суда по так называемому первоначаль-

начальному преступлению. Несмотря на очевидную, на наш взгляд, надуманность проблемы, точка зрения о необходимости такого приговора получила некоторое распространение. Вышеназванный Пленум Верховного Суда РФ даже вынужден был разъяснить по этому поводу, что «при постановлении обвинительного приговора по ст. 174 УК РФ или по ст. 174.1 УК РФ судом должен быть установлен факт получения лицом денежных средств или иного имущества, заведомо добытых преступным путем либо в результате совершения преступления». То есть факт получения лицом легализуемых денежных средств или иного имущества должен быть установлен судом, *рассматривающим* дело о легализации, *при* постановлении приговора по факту этой легализации.

Сторонники противоположной точки зрения ссылаются на ст. 49 Конституции РФ, согласно которой «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Однако, во-первых, в Конституции сказано, что лицо *считается* невиновным, а никто и не предлагает считать его виновным до вынесения приговора. При рассмотрении дела о легализации суд проверяет не только факт совершения легализации, но и факт совершения первоначального преступления. До вступления же приговора суда в законную силу лицо по-прежнему будет считаться невиновным. Во-вторых, если признавать доходы «преступными» не иначе, как на основании вступившего в законную силу приговора суда, то данное правило придется распространять на все случаи, когда что-либо необходимо признавать *преступным*. Например, прежде, чем квалифицировать действия субъекта как «убийство с целью сокрытия другого преступления», придется сначала дожидаться приговора суда о том, что скрываемое с помощью убийства *событие* действительно является *преступлением*, и только потом можно будет вменить пункт «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

То же самое можно сказать и о задержании лица, совершившего преступление. Как известно, закон разрешает причинять вред такому лицу, «если иными средствами задержать его не представлялось возможным» (ст. 38 УК РФ). Однако прежде, чем применять оружие, милиционер, преследующий преступника, должен будет сначала дожидаться приговора суда, устанавливающего, что преследуемое им лицо действительно совершило *преступление* (а не административное правонарушение или аморальный поступок) и лишь потом причинять

⁴ См.: Якимов О.Ю. О недостатках законодательного регулирования противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов // Уголовное право. 2003. № 1. С. 100–102; Якимов О.Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-политические и уголовно-правовые проблемы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2004. С. 8.

⁵ См.: Лопашенко Н.А. Толкование Пленумом Верховного Суда РФ норм об ответственности за незаконное предпринимательство и легализацию // Уголовное право. 2005. № 2. С. 40–43.

вред при его задержании. Кроме того, ст. 38 УК РФ дает возможность причинять вред лицу не только при его задержании за совершение преступления, но и для пресечения возможности совершения им новых преступлений. А откуда может быть уверенность, что лицо намеревалось совершить именно преступление, если по поводу этого преступления не только нет еще приговора суда, но даже оно само еще не совершено? При таком подходе легче вообще запретить работникам милиции применять оружие.

Поэтому, *приобретение* предметов легализации является *преступным* не с момента вступления в законную силу приговора суда в отношении лица, совершившего первоначальное преступление, а с того момента, когда в этом «приобретении» полномочным лицом или органом будет установлено достаточное количество данных, указывающих на признаки преступления.

Законодательное описание легализации как совершение одних только «финансовых операций», «сделок» и «использования предметов легализации в предпринимательской или иной экономической деятельности», представляется неоправданно узким. Во-первых, законодатель сам же рассматривает «финансовую операцию» как разновидность «сделки»: в диспозициях ст. 174 и 174.1 УК он указывает, что «финансовая операция» является хоть и «другой», но «сделкой». Во-вторых, «использовать» денежные средства или иное имущество в предпринимательской или иной экономической деятельности никаким иным способом, кроме как посредством все тех же «финансовых операций» и других «сделок», невозможно. Денежные средства или иное имущество, используемые в предпринимательской или иной экономической деятельности, изначально оказываются предметом *хотя бы одной* «финансовой операции» или «сделки», а этого уже должно быть достаточно для состава легализации. В-третьих, некоторые действия по приданию правомерного вида деньгам или имуществу вообще невозможно определить *только* как «финансовую операцию», или *только* как «сделку». Например, покупка валюты в обменном пункте на деньги, вырученные от продажи наркотиков, может быть признана и «финансовой операцией» (так как покупатель передает кассиру наличные деньги), и «сделкой» (так как покупка валюты есть не что иное, как разновидность договора купли-продажи). В-четвертых, некоторые легализационные действия вообще невозможно определить *ни как* «финансовую операцию», *ни как* «сделку». Например, классический персонаж из к/ф «Бриллиантовая рука», отмывший преступно

нажитый капитал посредством якобы случайного обнаружения клада при археологических раскопках, не может быть привлечен к ответственности за легализацию, так как инсценировка обнаружения клада не является ни «финансовой операцией», ни «сделкой», ни тем более «предпринимательской или иной экономической деятельностью». Поэтому, для описания объективной стороны легализации действительно правильнее было бы, на наш взгляд, использовать термин «*действие*» (в ед. числе). Это позволило бы охватывать «финансовую операцию», «сделку», любую форму использования денег или имущества в предпринимательской или иной экономической деятельности, а также любые *другие* действия, направленные на придание правомерного вида деньгам или имуществу, приобретенным преступным путем, причем не являющиеся ни «финансовой операцией», ни «сделкой». Однако сделать это можно только путем внесения соответствующих изменений в уголовный закон, а не его толкованием.

Частным случаем (способом) легализации, по нашему мнению, является подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства, выделенная законодателем в отдельную норму (ст. 326 УК). Как известно, идентификационный номер транспортного средства (VIN) присваивается транспортному средству заводом-изготовителем, так же, как и номер кузова, шасси и двигателя. Данные номера проверяются при постановке транспортного средства на учет и в других случаях. Поэтому они всегда должны соответствовать номерам, указанным в паспорте транспортного средства и свидетельстве о регистрации. Это же касается и государственного номерного знака. Подделка или уничтожение идентификационных номеров автомобиля, кузова, шасси и двигателя осуществляется субъектами для того, чтобы иметь возможность внешне законно пользоваться похищенным автомобилем или продать его. Иными словами, это необходимо им для придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению данным автомобилем, а «придание правомерного вида» является ни чем иным, как легализацией (отмыванием)⁶.

Подделка удостоверения или иного официального документа (ст. 327 УК РФ) тоже может выступать частным случаем легализации

⁶ А.С. Никифоров, комментируя ст. 326 УК РФ, верно указывает, что «цель эксплуатации или сбыта имеется тогда, когда лицо совершает подделку, уничтожение указанного предмета для того, чтобы эксплуатировать транспортное средство, т. е. *пользоваться им как своим* (курсив – *авт.*) или сбыть его (продать и т.п.)». В кн.: Комментарий к УК РФ / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: Юрист, 1996. С. 751.

(отмывания) имущества. Например, подделка документа о праве собственности на похищенную автомашину также *придает правомерный вид* этой автомашине.

Вызывает возражение подход законодателя к вопросу о дифференциации ответственности за легализацию. Квалифицирующие обстоятельства, указанные в ч. 3 и 4 ст. 174 УК, отягчают ответственность лишь за деяние, предусмотренное частью второй данной статьи (а не частью первой, как это должно быть по правилам дифференциации). Получается, что совершение легализации *«группой лиц по предварительному сговору»*, *«лицом с использованием своего служебного положения»*, либо *«организованной группой»* отягчает ответственность виновных лишь в том случае, если они «отмывают» сумму, превышающую один миллион рублей. В противном случае (т. е. если «отмываемая» сумма не превышает этого размера), субъекты рискуют получить лишь штраф, даже если будут объединены, например, в организованную группу. Учитывая же, что иных, кроме штрафа, видов наказания санкции ч. 1 ст. 174 и 174.1 УК РФ не предусматривают, виновные могут не платить даже штраф – все равно заменить его будет нечем.

Количественное выражение «крупного размера» (свыше одного миллиона рублей), как квалифицирующего признака легализации (ч. 2 ст. 174, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ), представляется чрезмерно завышенным. По нашему мнению, его необходимо снизить до 250 тыс. рублей, как, например, в нормах о хищениях (Примечание 4 к ст. 158 УК), что способствовало бы унификации уголовного закона.

Недостатком дифференциации представляется и отсутствие «особо крупного размера» как особо квалифицирующего признака легализации. В связи с этим, полагаем, необходимо дополнить ст. 174 УК РФ частью четвертой: «То же деяние, совершенное в особо крупном размере», количественное выражение которого должно превышать 1 млн руб.

Санкции норм об ответственности за легализацию не отражают высокой степени ее общественной опасности. Наказание по ч. 1 ст. 174 УК РФ должно составлять, на наш взгляд, не менее 6 лет лишения свободы, что имело бы должный профилактический эффект. Вместе с тем необходимо установить и нижнюю границу санкции ч. 1 ст. 174 УК РФ, как и в остальных частях. Это позволило бы и индивидуализировать наказание, и ограничить неоправданно широкое судебское усмотрение. По части первой нижняя граница наказания должна

составлять, на наш взгляд, 3 года лишения свободы. Санкция части 2-й должна предусматривать от 6 до 9 лет лишения свободы, части 3-й – от 9 до 12 лет, части 4-й – от 12 до 15 лет. Хотелось бы подчеркнуть, что мы не призываем здесь к усилению репрессивности уголовного закона, ведь наказание за легализацию *уже сейчас* составляет до 15 лет лишения свободы (ч. 4 ст. 174.1 УК). Мы лишь призываем упорядочить верхние и нижние границы санкций, чтобы наказание за квалифицированную легализацию было предусмотрено выше, чем за так называемую простую, а за особо квалифицированную – выше, чем за квалифицированную. В нынешних же санкциях норм о легализации это правило учитывается.

Отказ законодателя от конфискации имущества как вида уголовного наказания представляется необоснованным. По нашему мнению, необходимо вернуть в УК РФ положения, касающиеся конфискации. В санкции ч. 1 ст. 174 УК РФ конфискация имущества должна предусматриваться в качестве возможной меры наказания. За квалифицированную и особо квалифицированную легализацию конфискация должна быть безальтернативной.

Отсутствие в законе специальной нормы об освобождении от уголовной ответственности за легализацию в связи с деятельным раскаянием представляется недостатком индивидуализации. Полагаем, необходимо дополнить ст. 174 УК РФ специальным примечанием, согласно которому «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если явилось с повинной, добровольно выдало органам власти предметы легализации или иным образом способствовало раскрытию преступления, и если в его действиях нет иного состава преступления».

Устранение отмеченных недостатков, на наш взгляд, повысило бы эффективность норм УК РФ о легализации преступных доходов и способствовало общей и частной превенции.

М. И. М а м а е в,
кандидат юридических наук
(Академия экономической безопасности
МВД России)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОБЕЛОВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Государство, строящее экономику на принципах рынка, не может не предпринимать активные меры к пополнению своего бюджета (от этого зависит реализация любых социальных программ, обороноспособность и проч.). Вместе с тем любой хозяйствующий субъект, что вполне закономерно, стремится к рационализации своей хозяйственной деятельности. В числе направлений по минимизации расходов налоговая сфера имеет весомое значение вследствие того, что при строгом следовании всем предписаниям государства уровень налогообложения может превысить все фактические доходы экономической единицы.

Содержат ли общественную опасность действия лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность и совершающего сделку, единственной целью которой является уменьшение налоговых платежей и при этом правомерно использующего гражданско-правовые средства? Если да, то вступают ли общественные интересы, связанные с поступлением денежных средств в бюджет, в противоречие с частными интересами по распоряжению своим имуществом?

Баланс интересов, на первый взгляд, находится на границе законодательно определенного предела свободы предпринимательской деятельности, следующего из конституционных принципов и, пока, к сожалению, не всегда конкретизируемых в отраслевых нормах. Фактически налицо различие критериев должного поведения субъектов предпринимательской деятельности – не нарушать законодательные нормы (как при уменьшении налоговых обязательств посредством гражданско-правовых средств) и не нарушать правовой режим, вытекающий из общих конституционных и отраслевых принципов (принципов права).

Методов уменьшить налоговые выплаты, используя гражданско-правовые средства, формально не нарушая закон, практикой пред-

принимательской деятельности выработано достаточно много. Они фактически детерминированы отсутствием органической взаимосвязи между различными отраслями права, в основном финансового и гражданского. В этом смысле как никогда актуальны слова немодного ныне Ф. Энгельса: «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий»¹.

По данным МВД России, ущерб для бюджета России в 2004 г. только от одной разновидности налоговой оптимизации – трансфертных цен² составил примерно 1 трлн руб.³

Масштабы такого рода явления можно также оценить, хотя это говорит только о тенденции, по показателям поступления в бюджет РФ – налога на добавленную стоимость, ведь в первую очередь схемы уменьшения налоговых обязательств рассчитаны на наиболее крупные налоги. Например, за 11 месяцев 2004 г. показатели роста поступлений этого основного для российского бюджета налога были наиболее низкими по сравнению с другими налогами. Ниже были только показатели роста налогов на имущество и акцизы, поступления которых уменьшились (из-за отмены акцизов на природный газ)⁴.

Насколько много методов, настолько много и определений такого рода отклоняющегося экономического поведения, которое в настоящее время не имеет однозначной правовой оценки, если не считать следующей из смысла отдельных решений Конституционного Суда РФ⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

² Под трансфертной ценой (Transfer price) понимается цена, применяемая хозяйствующими субъектами в сделках между филиалами, подразделениями и подконтрольными фирмами, действующими в одной или разных странах.

³ См.: Коммерсантъ. 2004. 2 нояб.

⁴ См.: Российская экономика: прогнозы и тенденции». 2004. № 2. С. 9.

⁵ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим п. 11 ст. 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации"».

Под терминами «налоговая оптимизация» и «минимизация налогов» на практике широкое распространение получило использование налогоплательщиком всех предусмотренных налоговым законодательством освобождений от налоговых обязательств по каким-либо основаниям (различного рода льготы и т.д.). Хотя по своей сущности указанное – не что иное, как исполнение конституционной обязанности по уплате налогов и сборов, конкретизируемое в налоговом законодательстве. Поскольку различного рода налоговые преференции – это часть социально-экономической политики, проводимой государством.

Налоговое планирование – это и есть деятельность финансового менеджмента хозяйствующего субъекта, в том числе по своевременному и полному использованию предусмотренных законодательством налоговых льгот и иных преференций. Осуществление налогового планирования – это неотъемлемая часть любой предпринимательской деятельности. Вместе с тем такая деятельность не должна быть обусловлена только одной целью – уменьшением налоговых обязательств путем формального изменения правового состояния или вида осуществляемой предпринимательской деятельности.

Отмеченная практика, видимо, явилась следствием отсутствия системного правового регулирования налоговых отношений, сложившихся до принятия Налогового кодекса РФ. Упомянутый свод законов, хотя и не решил проблему полностью, но, по крайней мере, приобрел определенную отраслевую целостность.

Предшествующий период характеризовался постоянной «конкуренцией» налоговых норм как по вертикали, так и по горизонтали. Подчас подзаконные акты противоречили уже действующим законодательным актам. И те, и другие могли вкладывать разный смысл в ряд институциональных понятий. Но самое главное, изъятия в виде различных льгот и освобождений носили характер конъюнктурных преференций, противоречащих сущности публичной власти. Показателен здесь пример с налоговыми льготами для Национального фонда спорта⁶.

⁶ Национальный фонд спорта (НФС), созданный в 1992 г. по инициативе Ш. Тарпищева, советника Президента РФ. В 1994 г. фонд получил право беспоглобно импортировать алкоголь и табачные изделия, и подконтрольные ему фирмы были освобождены от уплаты косвенных налогов. Это поставило российских произ-

В настоящее время эти понятия в том смысле, который в них вкладывается, уже фактически должны стать рудиментом. Вместе с тем законодательно закрепленные налоговые требования при успешном использовании недобросовестных налоговых схем отдельными предпринимателями превращаются в фикцию, а императивный метод правового регулирования налоговых правоотношений только создает фон для диспозитивного характера действий налогоплательщиков.

Приходится констатировать, что директивы законодателя в сфере налогообложения не совпадают со сложившимися общественными установками и менталитетом. Причин тому несколько. Одни обусловлены негативным отношением личности к отчуждению ее собственности в любой форме. Другие (основные на сегодняшний день) являются следствием нестабильности социально-экономических отношений, сложившихся в России.

Изменение общественного сознания и, соответственно, сложившейся модели поведения в рассматриваемой сфере требует в рамках налоговой политики включения и определенного семантического подхода.

Понятие «налоговая минимизация», широко используемое в специальной литературе, а иногда и в подзаконных нормативно-правовых актах⁷, только на уровне ассоциативного восприятия может вызывать иллюзию законного уменьшения налоговых обязательств без изменения экономического содержания осуществляемой деятельности или правового состояния.

Поведение недобросовестного хозяйствующего субъекта может иметь две тождественных по цели, но различных по форме совокупности действий. Первая включает в себя совершение сделки, единственной целью которой является неуплата налогов и сборов, используя при этом наступившие последствия такой сделки. Вторая – действия организационного характера для использования взаимозависимости хозяйствующих субъектов с разным правовым состоянием в целях уменьшения налоговых обязательств.

Для обозначения и тех, и других в практике гражданского оборота используются такие термины, как «оптимизация через дого-

водителей на грань банкротства. См.: Указ Президента РФ от 22 ноября 1993 г. № 1973.

⁷ См., например: приложение к постановлению Минтруда РФ от 17 мая 1999 г. № 8.

вор», «оптимизация путем замены отношений», «оптимизация через оффшорную юрисдикцию», «оптимизация путем льготного предпрятия» и т.д.

Касаясь первого варианта отклоняющегося экономического поведения, отметим, что гражданское законодательство (ст. 169 ГК РФ) признает сделки ничтожными, если они совершены с целью, противоречащей основам правопорядка и нравственности. Соответственно последствия таких сделок признаются недействительными. В доход Российской Федерации в данном случае взыскивается все полученное по сделке.

Цель уклониться от уплаты налогов, безусловно, противоречит основам правопорядка и нравственности, следовательно, сделка, совершаемая хозяйствующим субъектом с целью уклониться от уплаты налогов, ничтожна. Причем ничтожна не только по основаниям ст. 169 ГК РФ, но и ст. 170 ГК РФ: притворная сделка, т. е. сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом ее существа, применяются относящиеся к ней правила.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 25 июля 2001 г. по ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» указал, что в случае непоступления в бюджет соответствующих денежных средств для установления недобросовестности налогоплательщиков налоговые органы вправе (в целях обеспечения баланса государственных и частных интересов) осуществлять необходимую проверку и предъявлять в арбитражных судах требования, обеспечивающие поступления налогов в бюджет, включая иски о признании сделок недействительными и о взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам, как это предусмотрено п. 11 ст. 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации».

Вторая совокупность действий организационного характера направлена на уменьшение налоговых обязательств путем использования взаимозависимости хозяйствующих субъектов с разным правовым состоянием. То есть, наиболее распространенной является ситуация, при которой фирма «А» учреждает в «оффшорной» террито-

рии (на территории льготного налогообложения) фирму «В». Затем, например, сырьевые ресурсы поставляются последней с минимальной наценкой, гораздо ниже рыночной стоимости, с тем, чтобы максимально уменьшить налоговые платежи, в первую очередь налог на прибыль. После чего фирма «В» реализует эти сырьевые ресурсы по рыночной стоимости. Вся прибыль при этом остается в распоряжении собственников данных предприятий, к примеру, в виде дивидендов по итогам деятельности фирмы «В», так как на территориях льготного налогообложения, особенно зарубежных, как правило, системную уплату налогов заменяет ежегодный взнос.

Согласно п. 2 ст. 40 НК РФ, налоговые органы вправе при осуществлении контроля за полнотой исчисления налогов проверять правильность применения цен по сделкам в подобных случаях: между взаимозависимыми лицами (ст. 20 НК РФ); при отклонении более чем на 20% в сторону повышения или в сторону понижения от уровня цен, применяемых налогоплательщиком по идентичным (однородным) товарам (работам, услугам) в пределах непродолжительного периода времени. При применении последствий сделок, которые фактически имелись ввиду сторонами, следует исходить из статического характера отношений налогообложения, регулируемых финансовым правом, которым предшествуют гражданско-правовые отношения с теми же субъектами.

В определении Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г., касаясь требований налоговых органов для применения вычета по налогу на добавленную стоимость, выходящими за рамки формального соблюдения отраслевых, в частности, гражданских норм, указано, что другой подход позволял бы недобросовестным налогоплательщикам с помощью инструментов, используемых в гражданско-правовых отношениях, создавать схемы незаконного обогащения за счет бюджетных средств, что приводило бы к нарушению публичных интересов в сфере налогообложения и к нарушению конституционных прав и свобод других налогоплательщиков.

Негативные последствия таких действий налогоплательщиков проявляются также в функционировании ряда социально-экономических институтов. Так, одной из составляющих конституционно закрепленной свободы экономической деятельности является защита от недобросовестной конкуренции (ч. 2. ст. 34 Конституции РФ). При совершении субъектами предпринимательской деятельности действий, направленных только на уменьшение налоговых пла-

тежей по содержанию, а по форме экономически значимых, возникают затраты, в экономической теории именуемые издержками. Сюда входят и консалтинговые услуги, и технические расходы (регистрация новых юридических лиц, изменение правового состояния, связанные с заключением договоров и организацией документооборота, а также с риском различного характера и т.д.). Будучи категорией материальной, в данном контексте они существенно влияют на финансовый результат конкретной экономической деятельности. При этом, имея условно-абсолютный характер, эти затраты не коррелируют с конкретными экономическими результатами деятельности и полученными доходами.

Поэтому до определенного уровня дохода недобросовестному хозяйствующему субъекту более выгодно совершить налоговое правонарушение, в том числе криминальное, путем просто сокрытия объекта налогообложения или искажения отчетных документов. В этом случае такая предпринимательская деятельность не получает активного развития и более широкого охвата рынка в силу синдрома так называемого безбилетника «free-rider problem».

Следовательно, в относительном исчислении, при равной фактической доступности такого поведения, экономическая эффективность в целом и конкурентоспособность напрямую зависят от абсолютных величин активов, находящихся в распоряжении субъекта предпринимательской деятельности. Следствием этого явилась неэффективность государственных программ поддержки малого предпринимательства и ставшая уже критической разница в доходах различных слоев общества.

Так, значение децильного коэффициента⁸ в России, по официальным данным, в 3 квартале 2003 г. равнялось 14,1. Верхняя граница значения децильного коэффициента в развитых странах равняется 7–8 разам, а приближение к 10 считается социально опасным⁹.

Следует отметить, что лицо, своими действиями создающее для себя иной правовой режим, который уменьшает обязательства по уплате налогов и сборов, получает от государства такую же защиту своего права собственности, как и не совершающее аналогичных действий.

⁸ Отношение максимального денежного дохода у 10% наименее и минимального денежного дохода у 10% наиболее обеспеченного населения.

⁹ См.: Богатые и бедные // Экономика России: XXI век. 2004. № 14.

Таким образом, общественная опасность этого явления очевидна. Могут ли составлять такие действия объективную сторону состава преступления, предусмотренного уголовным законом? То есть, достаточна ли общественная опасность, чтобы данные действия были признаны уголовно наказуемыми? Если эти действия повлекли неуплату налогов в крупном размере относительно статического состояния налогоплательщика и были умышленными, думается, что да.

Основной функцией уголовно-правовых норм является охранительная, и это определяет соотношение уголовного права с регулятивными отраслями права, хотя следует учитывать, что в научной литературе по этому вопросу отсутствует единство подхода¹⁰. Указанная функция предопределяет, что уголовно-правовые нормы не создают собственного правового режима предпринимательской деятельности, в отличие от гражданско-правовых норм.

Если непосредственно регулятивные нормы не содержат прямого запрета совершать действия, приводящие к неуплате налоговых платежей посредством искажения реального экономического содержания деятельности или состояния налогоплательщика, то охранительными они будут являться по отношению к основополагающим принципам права, закрепленным конституционно и вытекающим из основ отраслевого законодательства.

Например, ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ являются бланкетными, так как предмет не исполняемой обязанности формулируется налоговым правом, но в тоже время уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 179 УК «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», является охранительной по отношению к конституционным и общим принципам гражданского законодательства.

Указанная функция уголовного права должна проявляться при установлении уголовной ответственности за нарушение, в том числе конституционных принципов, до момента, пока они не будут конкретизированы в отраслевом, в частности, регулятивном законодательстве. Это относится не в последнюю очередь к действиям, направленным на уменьшение налоговых платежей гражданско-правовыми средствами.

¹⁰ См.: Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 112.

В данном случае у уголовно-правовых норм не возникает регулятивного начала относительно налоговых отношений, так как охранительная функция реализуется посредством охраны конституционных принципов осуществления экономической деятельности и непосредственно норм регулятивного законодательства, устанавливающих общие начала предпринимательской деятельности – ст. 8, ч. 2 ст. 34 Конституции, п. 2 ст. 209 ГК РФ.

С 1991 г. налоговое законодательство подвергалось значительным изменениям, в том числе и несистемным. До последнего времени наряду с положениями второй части Налогового кодекса продолжали действовать налоговые платежи, установленные еще Законом РФ от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». Фактически «...процесс изменений и дополнений в налоговое законодательство превратился в перманентный»¹¹.

Не лучше обстоят дела и с уголовно-правовым регулированием налоговых правоотношений. В 1998 г. введение в диспозиции ст. 198 и 199 УК РФ признака уклонения «иным способом» позволило избежать ситуации, когда налоги начислялись и не уплачивались, но одновременно были размыты рамки уголовно-правовой ответственности.

В этих условиях нечеткость регулирования порождает не столько однозначное принятие субъектом предпринимательской деятельности законодательно установленных норм поведения, сколько поиск такой линии поведения, которая с точки зрения полезности будет наиболее целесообразна. Издержки на реализацию такого поведения и могут являться одним из критериев отграничения незаконного уменьшения налоговых обязательств от законного.

В этой связи одним из направлений уголовной политики в сфере экономики должно явиться создание условий, при которых издержки от прямой уплаты налогов будут меньше, чем связанные с созданием модели поведения хозяйствующего субъекта, используемой для уменьшения налоговых обязательств с помощью гражданско-правовых средств.

В пример нередко приводятся правовые установления законодательной модели США. «Всякий вправе так устроить свои денежные дела, чтобы свести размеры причитающихся налогов к минимуму; никто не обязан планировать свои прибыли и убытки к всеобщему удовольствию Министерства Финансов. Не существует даже ни-

какого патриотического долга для граждан увеличивать собственные налоговые выплаты» (Из выступления судьи Хенда по делу Хельверинга против Грегори в Федеральном суде Соединенных Штатов в 1934 г.)¹².

Заемствование дефиниций прецедентного права должно происходить с учетом складывающейся социально-экономической ситуации и особенностей правового регулирования, которые детерминировали те или иные решения судов. Так, в 1934 г. заканчивался только первый этап программы государственной политики, вошедшей в историю как «Новый курс» администрации президента США Т. Рузвельта, теоретической основой которого стали разработки английского экономиста Д. Кейнса¹³. Этот период характерен активным вмешательством государства в сферу экономических отношений, ограничениями свободы предпринимательской деятельности, направленными на выход из тяжелейшего экономического кризиса, охватившего крупнейшие страны с рыночной экономикой, в первую очередь коснувшегося США, начавшись со стагнации фондового рынка в 1929 г.

Цель была достигнута, одна из основных проблем – проблема перепроизводства – решена. И законодательная «модель» поведения в сфере предпринимательской деятельности, как разновидности экономической, уже не соответствовала правовой модели. Естественно, стал срабатывать компенсационный эффект, правовые установления стали отторгать излишнее присутствие публично-правовых интересов в предпринимательской деятельности. Баланс установился не сразу, поэтому одно из проявлений такого отторжения проявилось, например, в деле Gregory v. Helvering.

Тем более, что впоследствии в правовой системе США и ряда европейских стран принципы «приоритета содержания над формой» и «деловой цели» стали непосредственно проявляться в вопросах правового регулирования, как отношений, связанных с доминирующим положением на рынке (антимонопольного законодательства), так и налоговых отношений.

Таким образом, реформирование механизма социально-экономической политики предполагает необходимость в органичном соотношении диспозитивных и императивных начал регулятивных

¹² См.: Gregory v. Helvering, 293 U.S. 465, 14 AFTR 1191 (1935).

¹³ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости процента и денег. М., 1978. С. 157.

¹¹ См.: Шишко И.В. Указ. соч. С. 35.

отраслей права и касающихся баланса частно-правовых и публично-правовых интересов.

На взгляд автора, необходима криминализация деяния субъектов предпринимательской деятельности, которое включает в себя проведение финансово-хозяйственных операций, а также совершение действий, влекущих гражданско-правовые последствия, основной целью которых является неуплата налогов и сборов при одновременном отсутствии экономического смысла.

Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за рассматриваемые деяния, может быть представлена дополняющей Уголовный кодекс РФ ст. 199.3, изложенной в следующей редакции:

«Статья 199.3. Налоговое мошенничество

1. Налоговое мошенничество, то есть сопряженное с обманом оформление предпринимательской деятельности, искажающее действительное содержание или существенные условия проводимых финансово-хозяйственных операций, с целью уклониться от уплаты налогов и (или) сборов, совершенное руководителем организации, либо иным лицом, выполняющим управленческие функции в этой организации, или индивидуальным предпринимателем, повлекшее неуплату налогов и сборов в крупном размере, – наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей, либо лишением свободы на срок до шести лет».

Направленность рассматриваемого отклоняющегося экономического поведения внешне может проявляться в различных формах и быть неограниченным по времени и определяться только целью. Поэтому и криминализация такого деяния целесообразна при фактически наступивших общественно опасных последствиях, выраженных в непоступлении налогов и (или) сборов в бюджет, в абсолютно-определенном (крупном) размере. В данном случае он может соответствовать крупному размеру, установленному в примечании к ст. 169 УК РФ.

Процесс совершенствования регулятивных отраслей законодательства, в первую очередь финансового и гражданского, несогласованность и пробелы которых и являются благоприятными условиями подобного рода правонарушений, должен привести к утрате необходимости уголовно-правового воздействия.

В. Б. Ткаченко,
кандидат юридических наук
(ОЗГС АПУ ПД МВД России)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Демократические преобразования в нашем обществе, связанные с формированием новых экономических, политических, культурных и других видов общественных отношений, стали объективным этапом развития Российского государства.

Важным направлением, несомненно, является осуществление правового реформирования законодательной, исполнительной и судебной власти на основе (приоритете) прав и свобод человека. Признав на государственном уровне и законодательно закрепив общепризнанные права и свободы человека, государство взяло на себя обязанность не только за их реализацию и соблюдение, но и за их защиту (ст. 2 Конституции РФ).

Названная функция в современной России реализуется всеми ветвями государственной власти, однако ведущая роль в механизме (аппарате) государства отведена судебной власти. Она выполняет государственную функцию защиты прав и свобод человека и гражданина. Права и свободы определяют не только смысл, содержание и применение законов и деятельность законодательной и исполнительной властей, но и смысл и содержание деятельности самой судебной власти¹.

Представляется, что реформирование судебной власти, начатое в конце 80-х годов, было и продолжает оставаться одним из приоритетных направлений деятельности нашего государства. В этом заинтересованы не только граждане, организации и предприятия, но и различные ведомства и министерства, в том числе и Министерство внутренних дел Российской Федерации. Так, например в 2004 г. к органам внутренних дел и внутренним войскам было предъявлено

¹ См.: Лазарева В.А. Судебная власть и уголовное судопроизводство // Государство и право. 2001. № 5. С. 51.

79 тыс. 680 исков². Только за первое полугодие 2005 г. было предъявлено 48 тыс. 138 исков и их количество продолжает расти³. Участие представителей органов внутренних дел в судебном процессе с каждым годом увеличивается; проблемы, связанные с реформированием судебной власти, напрямую затрагивают интересы МВД России. Решения судебных органов оказывают влияние не только на качество, но и на характер правовой работы, осуществляемой органами внутренних дел, что и определило актуальность рассматриваемого вопроса.

Рассматривая совершенствование судебной власти в России, необходимо отметить, что к настоящему времени оно прошло уже несколько этапов, в результате которых было сделано немало. Однако существующее законодательное регулирование судебной власти, ее правоприменительная деятельность оставляет желать лучшего. В частности, отдельные авторы отмечают, что положение в судебной системе не улучшилось, а в определенных аспектах даже ухудшилось; появились негативные явления, которые ранее в такой мере не наблюдались: волокита, коррупция, некомпетентность, недоверие к правосудию и т.п.⁴ Это нашло свое отражение и в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2005 г., где отмечалось, что «...если часть российского общества будет по-прежнему воспринимать судебную систему как коррумпированную – говорить об эффективном правосудии будет просто невозможно»⁵.

Реформирование судебной власти связано с множеством проблем, к которым можно отнести недостаточное финансирование, нехватку судебных кадров и, как следствие, высокую служебную нагрузку на судейский корпус, недостаточный уровень профессиона-

лизма, обеспечение независимости судей, коррумпированность и т.п.⁶

Каждая из этих проблем нуждается в детальном анализе, разработке эффективных мер, направленных на их устранение, использовании методов правового прогнозирования, правового эксперимента и других.

Существенным направлением, связанным с обеспечением эффективности судопроизводства, является не только материально-техническая оснащенность судебных органов (надлежащее обеспечение современной оргтехникой, средствами на ремонт зданий, почтовых и хозяйственных расходов), но и переход на «электронное правосудие» с использованием новейших технологий (электронное документирование, общение сторон через Интернет, не обращаясь в суд, получение информации о сроках принятия дела к производству, сроки рассмотрения, получение судебного акта по электронной почте)⁷.

Данное направление связано не только с введением новых технических новшеств, но и с их процессуальным закреплением и использованием, которые могли бы уменьшить значимость вышеназванных проблем.

Важным элементом существующего судопроизводства является его точная фиксация (отражение), закрепление всех юридически важных фактов, возникающих в процессе судопроизводства.

Действующий порядок фиксации судебного процесса (заседания) предполагает в качестве основного ее способа письменную форму – составление протокола (ст. 230 ГПК РФ, ст. 155 АПК РФ, ст. 259 УПК РФ), к которому предъявляются определенные требования по форме и содержанию, равно как и к срокам составления и подписания протокола, которые составляют **от одного** (ч. 4 ст. 155 АПК РФ) **до трех и более дней** (ч. 3 ст. 230 ГПК РФ, ч. 6 и 7 ст. 259 УПК РФ).

⁶ См.: Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2004. № 8. С. 8–10.

⁷ См.: Иванов А. Арбитраж уходит в Интернет // Российская газета. 2005. 18 окт.; См.: Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 9.

² Письмо Министерства внутренних дел Российской Федерации «О направлении Обзора о состоянии правовой работы» от 30 марта 2005 г. № 1/ 1831.

³ Письмо Министерства внутренних дел Российской Федерации «О направлении Обзора» от 13 сентября 2005 г. № 1/ 6287.

⁴ См.: Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. 2001. № 10. С. 22; Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2004. № 8.

⁵ Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 10.

Замечания относительно полноты и правильности (точности) составленного протокола лицами, участвующими в деле, сторонами, а также их представителями предъявляются в срок **от трех** (ч. 6 ст. 155 АПК РФ, ч. 1 ст. 260 УПК РФ) **до пяти дней** (ст. 231 ГПК РФ) после подписания протокола или ознакомления с ним.

Рассмотрение представленных замечаний на протокол судебного заседания осуществляется в срок **от одного** (ч. 7 ст. 155 АПК РФ, ч. 2 ст. 260 УПК РФ) **до пяти дней** (ч. 2 ст. 232 ГПК РФ).

Таким образом, срок рассматриваемого этапа судебного производства может варьироваться в рамках от четырех до десяти и более дней, что усложняет его и приводит к необоснованным издержкам судопроизводства. При этом существующий механизм фиксации судебного производства и его корректировки (посредством подачи в письменной форме замечаний на протокол с указанием на допущенные в нем неточности и (или на его неполноту) представляется не эффективным, не обеспечивающим в полной мере гарантии точности и полноты судебного заседания, фиксации юридически значимых фактов, что создает возможность нарушения законных прав и свобод человека.

Порядок точного закрепления (фиксации) судебного заседания стенографической записью, аудио- и (или) видеозаписывающими техническими средствами допускается в процессе с судебского усмотрения. Также судья **по своему усмотрению принимает решение** и о предоставлении права лицам, участвующим в деле, осуществления кино- и фотосъемки, видеозаписи судебного заседания. При этом необходимо отметить, что сделанная кино- и фотосъемка, видеозапись судебного заседания не является процессуально закрепленным, юридически значимым материальным носителем, приобщаемым к замечаниям на протокол судебного заседания. Исключение составляет арбитражное судопроизводство, где **судья может прилагать** материальные носители проведенной лицом, участвующим в деле, аудио- и (или) видеозаписи судебного заседания (ч. 6 ст. 155 АПК РФ).

Законодательно предоставленное право лицам, участвующим в деле, осуществлять аудиозапись (ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 7 ст. 10 ГПК РФ, ч. 7 ст. 11 АПК РФ) на практике малоэффективно и зачастую вызывает раздражение или открытую неприязнь судьи, что

можно рассматривать как психологическое воздействие, как правило, приводящее к невозможности использования технических средств.

Современные технические средства позволяют фиксировать события в достаточно длительном временном отрезке, с необходимым качеством (цифровая видеозапись), на компактном материальном носителе (в сжатом формате). Введение и обеспечение обязательного «электронного документирования», фиксации судебного производства технически и юридически представляется возможным и необходимым. Это позволило бы решить либо уменьшить объем проблем, связанных с реформированием судопроизводства в нашей стране.

Во-первых, эта мера могла бы обеспечить предупреждение всех форм коррупции, фактов недостойного поведения судей, а также предотвращать и даже исключать отдельные факты взяточничества судей⁸. Используя «электронное документирование», фиксацию судебного заседания, судебское сообщество могло бы оценивать как недостойное поведение судебского корпуса, выраженное в принятии заведомо незаконных решений судьями, в том числе и в грубом нарушении материальных и процессуальных законов⁹, так и восстанавливать «доброе имя», честь судьи, основывающего свою деятельность на принципе независимости (ст. 120 Конституции РФ).

Кроме этого, обязательная фиксация судебного разбирательства позволила бы снизить степень давления на судей и повысить их уровень безопасности¹⁰.

Во-вторых, осуществлять кадровую политику путем выявления профессиональной непригодности к дальнейшему отправлению правосудия. А также позволило бы вовремя совершенствовать профессиональную подготовку, уровень правовой культуры судей.

В-третьих, позволило бы обеспечить открытость правосудия, что способствовало бы обеспечению более высокой ответственности судей за качество принимаемых судебных актов. Судейский корпус

⁸ См.: Яковлев В.Ф. Указ. соч. С. 7.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Бородин С.В., Кудрявцев В.Н. О судебной власти в России // Государство и право. 2001. № 10. С. 23-24.

для успешного отправления правосудия нуждается в доверии общества, граждан. Недостаточная открытость правосудия препятствует росту такого доверия¹¹.

В-четвертых, это смогло бы обеспечивать законность, объективность и полноту осуществления апелляционного, кассационного и надзорного производства, что снизило бы процент судебной ошибки, а, следовательно, и количество нарушений прав и свобод человека; способствовало бы сокращению сроков и качества обращений в апелляционные и кассационные инстанции.

В-пятых, с введением обязательной фиксации судебного заседания участники процесса могли бы ставить вопрос об уровне профессиональной защиты их интересов (прав и свобод) адвокатским корпусом, законными представителями и т.п.

В-шестых, это позволило бы повысить ответственность, а также правовой и профессиональный уровень государственных служащих, непосредственно или косвенно связанных с конкретным судебным разбирательством (работники прокуратуры, поддерживающие государственное обвинение, сотрудники и работники следственных подразделений, органов дознания и т.п.).

В заключение можно отметить, что предложение о введении «электронного документирования», фиксации судебного процесса потребует дополнительного рассмотрения и переосмысления сложившихся стереотипов, в том числе и в части значительных материальных вложений, необходимых для его реализации.

Вместе с тем можно согласится с В.Ф. Яковлевым в том, что реализации Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы Российской Федерации на 2002–2006 годы» недостаточно для того, чтобы в полной мере удовлетворить потребности наших граждан в получении эффективной судебной защиты¹². Что предполагает продолжение поиска, разработки и реализации действенных механизмов, направленных на защиту наших прав и свобод.

¹¹ См.: Яковлев В.Ф. Указ. соч. С. 8.

¹² Там же. С. 9.

О СОСТОЯНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Взаимодействие с органами государственной власти по вопросам предупреждения преступлений является одной из важнейших задач Следственного комитета (СК) МВД России.

Основной формой профилактики следователя является ст. 158 УПК РФ – внесение представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, удельный вес которых к окончанным уголовным делам за 11 месяцев 2005 г. составил 95%.

Говоря сегодня о профилактике, следует признать, что УПК РФ значительно ограничил профилактические возможности следствия.

Во-первых, считаю необходимым расширить полномочия начальника следственного отдела, так как ст. 39 УПК не регламентирует порядок внесения обобщенных представлений.

Во-вторых, внесение представления для следователя из обязанности трансформировалось в право. При этом внести представление, исходя из смысла ст. 158 УПК РФ, он может только по направленным в суд и прекращенным уголовным делам, а не по приостановленным производством уголовным делам, которых теперь большинство.

Проведенный нами анализ показал, что эффективность вносимых представлений низка. Руководители предприятий в большинстве случаев (60%) реальных мер по устранению указанных в представлениях нарушений закона не принимают.

В то же время есть подразделения, где эту проблему успешно решают. Так, в СУ при УВД г. Глазова и Глазовского района (Удмуртская Республика) представления об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, в большинстве случаев вручаются руководителям организаций под расписку. Устранение недостатков проверяется участковыми уполномоченными милиции. Лица, не принявшие надлежащих мер к устранению недостатков, привлекаются к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Учитывая это, во все органы предварительного следствия

нами направлены указания о порядке применения в практической деятельности положений данной нормы.

В соответствии с Положением о СК руководители органов предварительного следствия ежегодно докладывают в СК о проделанной работе и представляют копии обобщенных представлений. На их основе и по результатам анализа следственной практики начальником СК вносились обобщенные представления в:

Главное ракетно-артиллерийское управление Минобороны РФ (о обеспечении сохранности вооружения);

Гостехнадзор РФ (о хищениях ВВ и ВУ);

Ассоциацию российских банков (о преступлениях должностных лиц сферы кредитно-финансовой системы);

министерства здравоохранения и образования (о коррупции);

Федеральное агентство по недропользованию Министерства природных ресурсов РФ о принятии мер по составлению реестра действующих и замороженных скважин, что позволит более эффективно противостоять криминализации ТЭК.

Для более полного эффекта мы стараемся шире использовать возможности средств массовой информации, в особенности телевидение и радио.

Ежеквартально проводятся брифинги МВД России. Так, в 2005 г. были проведены брифинги на темы:

«Об организации расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или при их участии», где акцентировалось внимание на роли родителей, которые порой сами виноваты в правонарушениях подростка;

«О расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми». Сотрудники СК принимают участие в разработке законопроекта «О противодействии торговле людьми», которым значительно усиливается ответственность за вовлечение в занятие проституцией, организацию занятия проституцией, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В соответствии с распоряжением начальника СК каждый руководитель подразделения ежеквартально выступает на радио и в СМИ. Значительно активизировалась работа по взаимодействию Следственного комитета с телевидением.

Принято участие в подготовке съемок программы «Честный детектив» телеканала «Россия» о расследовании Следственным

управлением по Центральному федеральному округу уголовного дела о хищениях на Внуковском авиаремонтном заводе, документального фильма о Щелокове (телекомпания ОРТ), телевизионных сюжетов ТК «Первый канал» о возбуждении уголовных дел о контрабанде, о мошенничестве с государственными наградами, ТК «Рен-ТВ» о результатах расследования уголовного дела о разбойных нападениях (управления по расследованию организованной преступной деятельности против общественной безопасности и в сфере экономики Следственного комитета при МВД России). И, как результат, пресс-служба СК признана лучшей в МВД России.

В Управлении контроля и методического обеспечения функционируют четыре отдела, которые специализируются по линиям расследования преступлений УР, ДТП, в сферах экономики и налогообложения. Его сотрудники осуществляют контроль за расследованием преступлений, вызвавших большой общественный резонанс, представляющих повышенную сложность в расследовании, а также обобщают судебно-следственную практику по более чем сорока линиям и направлениям следственной деятельности. Основная задача – подготовка обзоров, методических рекомендаций, выработка предложений, направленных на эффективность деятельности, в том числе и на предупреждение преступлений.

Установлено, что для сохранности культурных ценностей и предотвращения краж автотранспорта, устранения возможности сбыта и легализации похищенного имущества необходимо введение скрытой маркировки.

С целью профилактики и снижения преступлений, совершенных несовершеннолетними, СК при МВД России постоянно решает вопросы, направленные на активизацию работы ОВД и следователей по выявлению взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную деятельность.

В этом году Президентом поставлена задача обеспечить безопасность дорожного движения, которая неразрывно связана с состоянием наших автомобильных дорог. Необходимо отметить, что СК совместно с ВНИИ МВД России еще в 2003 г. обозначили эту проблему, разработали и направили на места методический обзор о практике привлечения должностных лиц, ответственных за аварийное состояние дорог, с рекомендациями следователям детально отражать в протоколах состояние дорожного полотна и принимать профилактические меры реагирования.

Для предотвращения преступлений, совершенных с применением оружия, СК принимает участие в мероприятиях, направленных на установление каналов поступления оружия в незаконный оборот и повышение эффективности работы ОВД по выявлению фактов незаконного оборота оружия. Лишь один пример.

СК первый отреагировал на внесенные изменения в ст. 222 УК РФ, в соответствии с которыми в декабре 2003 г. была исключена уголовная ответственность за оборот всех видов гладкоствольного огнестрельного оружия. Из-за того, что в редакции статьи было пропущено одно слово «охотничьего», необоснованно было декриминализировано хранение, ношение и приобретение гладкоствольных пистолетов (ИЖ-71), «обрезов», самодельных «поджиг», гранатометов, которые также является «гладкоствольным огнестрельным оружием». Уже 13 января 2004 г. областной суд Ростовской области прекратил уголовное дело по ст. 222 УК РФ в отношении ранее судимого за убийство и разбой А.А. Зуйченко. Действительно данная поправка явилась «новогодним подарком» или «неофициальной амнистией» для криминальных элементов. Нам пришлось выступать на «Милицейской волне», давать интервью по данной проблеме в «Российской газете», вносить поправки в законодательство.

Говоря о профилактике преступлений в сфере экономики, необходимо отметить, что с 2005 г. в деятельность следователей введена практика направления в Росфинмониторинг запросов в целях предотвращения возможности легализации криминальных доходов и обнаружения новых способов отмыwania денежных средств через фирмы-однодневки, зарегистрированные по подложным паспортам.

Одной из причин, способствующих созданию указанных фирм, является несовершенство действующего законодательства, в частности, Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц».

По этому закону проверка документов не проводится, а срок регистрации коммерческих организаций, установленный действующим законодательством, составляет всего 5 дней (в Германии проверка проводится в течение 30 суток).

По данным ГУВД Москвы, при такой системе регистрации в столице ежедневно регистрируется до 50 подобных фирм, их количество в городе достигает уже 950 тыс. Используя различные способы незаконных финансовых операций, именно фирмы-однодневки

нередко уходят от налогообложения, используются и при захвате и перепродаже предприятий, о которых так часто пишут в газетах.

Несовершенство Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц», равно как и ФЗ «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью», позволяет так называемым рейдерам создать правовую основу для завладения чужой собственностью.

Механизм захвата прост – фальсифицируются документы об избрании органов управления общества (ООО, ОАО) и сведения о смене руководства на «внеочередном общем собрании акционеров», которые предоставляются в налоговую инспекцию, проверяющую только формальное наличие всех документов без соответствующей проверки. После этого «новый директор» (действует по подложному паспорту), получив подлинные, подтверждающие право на управление компанией документы – выписку их единого государственного реестра юридических лиц, может с полным формальным основанием представлять данное юридическое лицо в государственных органах власти. Затем заключается договор с ЧОПом, сотрудники которого захватывают для преступника предприятие и выдворяют «старых» руководителей, после чего начинается серия перепродаж (через фирмы-однодневки) недвижимости для создания видимости законности прихода «добросовестного покупателя», который, чаще всего, и оказывается истинным заказчиком захвата. И если этот процесс своевременно не предупредить, то бизнес потерпевшего обречен. Доказать, что этот бизнес ранее принадлежал ему, не удастся, таково российское законодательство. Именно так были захвачены Мытищинский и Чебоксарский электромеханические заводы, Тульский и Сокольский целлюлозно-бумажных комбинаты.

Изучение практики расследования криминальных поглощений и захватов рейдерами предприятий позволило сделать вывод: почти в каждом втором случае незаконного завладения правами на имущество юридического лица в налоговых инспекциях совершается регистрация недостоверной информации о назначении нового руководителя предприятия и фальсификации учредительных документов.

Когда принимались указанные законы, наши законодатели забыли высказывание итальянского реформатора уголовного права XVIII в. Чезаре Беккариа: «Мудрый законодатель предупредит преступление, дабы не быть вынужденным наказывать за него».

В этой связи нами совместно с Департаментом экономической безопасности разработан проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в эти федеральные законы. Предложения получили принципиальное одобрение на заседании временной комиссии Федерального Собрания Российской Федерации. Проект находится на согласовании в МНС России.

Самым приоритетным направлением работы для профилактики мы считаем совершенствование федерального законодательства нормативно-правовой базы. За 9 месяцев 2005 г. рассмотрено 57 проектов федеральных законов, из них 24 связаны с внесением изменений в УК Российской Федерации и 18 – в УПК Российской Федерации.

Именно несовершенство действующего уголовно-процессуального законодательства является одной из причин ухудшения результатов деятельности органов внутренних дел. В частности, из-за несовершенства ст. 223 УПК РФ следователь практически лишен возможности эффективно руководить процессом раскрытия преступлений.

В результате за 11 месяцев 2005 г. не было раскрыто 1,5 млн преступлений (+28,3%), из которых треть (453 тыс.) – это тяжкие и особо тяжкие преступления.

Принимая во внимание, что неотвратимость наказания является центральным инструментом в борьбе с преступностью и основным профилактическим средством, можно сделать вывод, что данную проблему надо срочно решать.

Спор о необходимости внесения изменений в ст. 223 УПК РФ между ДООП и СК необоснованно затянулся, и поэтому руководству Министерства надо определить, что важнее и приоритетнее: либо мы расследуем и доводим до суда уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, либо будем отвлекаться на мелочевку, которую нам поставляет дознание.

Справочно. С 1 июля 2002 г. в подследственность органов дознания, функционирующих в системе МВД России, дополнительно передано 37 составов преступлений небольшой и средней тяжести, не представляющих, как правило, большой общественной значимости и сложности в их расследовании. Такая мера призвана способствовать снижению нагрузки на органы предварительного следствия, что позволило бы сосредоточить их усилия на расследовании уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях.

На практике сложилась негативная ситуация, когда органы дознания, зачастую по причине волокиты, стали передавать в органы предварительного следствия для дальнейшего расследования значительное количество уголовных дел, причем заволокиченных (без проведения первоначальных следственных действий).

Так, в ОВД Таганского района г. Москвы сложилась практика, когда по уголовным делам о преступлениях, отнесенных в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ к подследственности органов дознания, после возбуждения их дознавателями в постановлениях о передаче уголовных дел для производства предварительного следствия указывается, что «по делу проведены первоначальные следственные действия, а лицо, совершившее преступление, не установлено», хотя фактически следственные действия не проводились. А в Ленинском РУВД Приморского края неочевидные уголовные дела дознавателями практически не возбуждаются и такие материалы передаются в следствие. Подобная практика существует и в ряде других регионов Российской Федерации.

В обзорном письме ДООП МВД России от 21 декабря 2004 г. содержится категорический запрет выезда дознавателей на места происшествий по преступлениям, по которым лица, их совершившие, не установлены. В ряде регионов (Приморский край) руководители органов дознания ссылаются на требования приказа МВД России от 11 августа 2003 г. в части запрета выезда дознавателей на места происшествий по указанной категории преступлений и возбуждения по ним уголовных дел.

За 3,5 года действия УПК почти 1 млн уголовных дел (937 930), по которым лица, совершившие преступления, не установлены, были переданы из органов дознания для производства предварительного следствия, где нагрузка на следователя по расследованным уголовным делам за 10 месяцев 2005 г. составила 36 уголовных дел (при расчетной 24 уголовных дела в год) и в 2 раза превысила нагрузку дознавателей (17,9 дел в этот же период). На практике нагрузка доходит до 200 уголовных дел в год. Такие уголовные дела фактически не расследуются, приостанавливаются, что влечет нарушение прав граждан на их доступ к правосудию.

Безусловно, что сегодня для органов внутренних дел наиболее острый вопрос – это невозможность (УПК РСФСР это допускал) заочного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении скрывшихся от следствия и дознания и объявленных в

федеральный розыск подозреваемых, обвиняемых (заочное заключение судом под стражу предусмотрено лишь в случаях объявления обвиняемых в международный розыск).

В результате только за 2003–2004 гг. из числа объявленных органами предварительного расследования в федеральный розыск 183,6 тыс. граждан почти 41 тыс. подозреваемых, обвиняемых осталась разысканной, что способствовало совершению этими лицами других преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких.

На практике предложенный законодателем порядок задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (за сотни и тысячи километров от места производства предварительного расследования) подозреваемого, обвиняемого, скрывшегося от органов предварительного расследования, сегодня не срабатывает.

Подготовленный нами проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» предусматривает установление возможности заочного принятия судом решения о заключении под стражу лиц, скрывшихся от органов предварительного следствия и объявленных в федеральный розыск (обсуждается в Научно-экспертном совете по уголовному, уголовно-процессуальному законодательству при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации).

Считаем необходимым также изменить порядок возбуждения уголовного дела. Получение согласия на возбуждение уголовного дела сегодня значительно снижает эффективность раскрытия и расследования преступлений. *Установленный ст. 146 УПК Российской Федерации порядок, при котором прокурор дает согласие на возбуждение уголовного дела, создает серьезные препятствия к своевременному возбуждению уголовного дела, проведению неотложных следственных действий, в том числе с участием защитника, а также оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступления, задержанию подозреваемого, закреплению следов и сбору доказательств на первоначальном этапе расследования. Процедура возвращения следователя с места происшествия за получением согласия прокурора на возбуждение уголовного дела влечет за собой упущенное время и инициативу по сбору и закреплению доказательств. Кроме того, прокуроры не в состоянии реально осуществлять своевременный тотальный контроль за всеми 3 млн возбуждаемых ежегодно уголовных дел.*

восстановить и усовершенствовать в соответствии с международными стандартами институт конфискации имущества, ратифицировать Конвенцию ООН против коррупции и имплементировать ее в российское законодательство.

Международные правовые акты, определяющие общие принципы отношения к частной собственности¹, не препятствуют государствам устанавливать своим внутренним законодательством необходимые ограничения в ее использовании, в том числе в виде конфискации имущества в качестве наказания за совершение преступлений и частичного ограничения презумпции невиновности.

Законодательство ряда стран, в том числе США (Закон Рика), предусматривает при возбуждении уголовных дел о коррупции, вымогательстве и наркотрафике процедуру ареста всего имущества, средств и активов обвиняемого. Последний должен в судебном порядке доказать, что имущество принадлежит ему на законных основаниях. Законодательством предусмотрена и повышенная уголовная ответственность за совершение двух и более указанных преступлений.

От положительного решения изложенных проблемных вопросов во многом зависят результаты работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью и, соответственно, отношение российских граждан к способности милиции, прокуратуры, суда защитить их права, законные интересы лиц, пострадавших от преступлений.

¹ Статья 1 (Защита собственности) Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.) ETS № 009 с изменениями от 11 мая 1994 г. устанавливает, что «никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права», причем это «не умаляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами».

ФУНКЦИИ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Под функцией уголовно-правовых норм понимается определяемое социальным назначением основное направление их воздействия на общественные отношения¹. Именно в функциях проявляется активная роль уголовного права, его социальное назначение.

Если считать доказанным, что основное социальное назначение права заключается в регулировании общественных отношений, то выражением основной социальной функции уголовного права следует признать уголовно-правовое регулирование.

В то же время в литературе принято говорить и о специальных функциях уголовного права. К таковым обычно относят:

- а) охранительную функцию, т. е. функцию охраны общественных отношений от преступных посягательств;
- б) регулятивную функцию, т. е. функцию организации, упорядочивания, урегулирования общественных отношений, возникающих в результате совершения общественно опасных деяний;
- в) восстановительную функцию, т. е. функцию восстановления нарушаемых преступлениями общественных отношений².

Охранительная функция уголовного права проявляется в том, что она, участвуя в регулировании общественных отношений, главным образом охраняет их от наиболее опасных посягательств. Эти нормальные, позитивные отношения непосредственно регулируются нормами других отраслей права: государственного, гражданского, трудового, семейного, таможенного, налогового, административного и т. д. В их регулировании уголовное право играет вспомогательную (охранительную) роль. Эту роль очень наглядно в форме развернутой метафоры раскрыл М.И. Ковалев: «Если представить себе, — пи-

шет он, — совокупность социально-политических и социально-экономических отношений, подлежащих охране, в виде огромного склада каких-то материальных ценностей, то уголовное право можно вообразить себе в виде сторожа такого склада. Этот сторож не имеет отношения к внутренней деятельности склада, к организации использования накопленных ценностей и т. д. Его задача заключается лишь в том, чтобы на них не было посягательства, чтобы они оставались в сохранности»³.

Сказанным, однако, не исчерпываются все функции уголовного права. Иначе оно было бы лишь придатком перечисленных отраслей. Уголовное право выполняет и регулятивную функцию, ибо именно оно (и никакая другая отрасль) самым непосредственным образом регулирует отношения, возникающие между государством и гражданами в результате совершения последними общественно опасных деяний. Эти отношения и составляют содержательную сторону регулятивной функции уголовного права.

Выполняя охранительную функцию, уголовное право защищает группу позитивных общественных отношений, вытекающих из природы современного общества. Охраняя их, уголовное право обеспечивает нормальное функционирование и беспрепятственное развитие таких отношений. Другая группа отношений, являющаяся объектом осуществления регулятивной функции уголовного права, также вытекает из природы нашего общества, хотя и носит негативный, конфликтный характер. Их регулирование уголовным правом направлено на нейтрализацию таких конфликтов, вытеснение из жизни общества, предупреждение рецидивов в будущем. Уголовное право обеспечивает не только охрану соответствующих общественных отношений, но и выполняет «своеобразную регулятивную функцию по вытеснению из социальной практики антиобщественных отношений или препятствованию их возникновения»⁴.

Между охранительной и регулятивной функциями уголовного права имеется тесная связь: регулируя группу негативных общественных отношений, уголовное право охраняет позитивные отноше-

¹ См.: Григорьев Н.В., Сабитов Р.А. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Хабаровск, 1993. С. 23.

² См.: Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 20.

³ Ковалев М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. Свердловск, 1971. С. 24.

⁴ Галиакбаров Р.Р. Совершение преступления группой лиц. Омск, 1980. С. 16.

ния. В этом находит свое проявление диалектика взаимодействия обеих функций, благодаря которой «уголовно-правовая норма едина в функциях: охраняя, она регулирует и, регулируя, — охраняет»⁵.

Вместе с тем рассматриваемые нормы выполняют следующие функции: 1) обеспечения раскрытия и расследования преступлений; 2) предупреждения преступлений и посткриминальных проступков.

Под нормами, обеспечивающими раскрытие и расследование преступлений, следует понимать совокупность уголовно-правовых норм, содержащихся в Общей и Особенной частях УК РФ, которые направлены на обеспечение раскрытия и расследования преступлений путем установления уголовной ответственности за воспрепятствование их раскрытию и расследованию, освобождения от уголовной ответственности, либо смягчения наказания.

Известно, что до настоящего времени не изжит латентная преступность, часть преступлений остается без должного государственного реагирования, подчас проходят длительные сроки с момента совершения преступления до его раскрытия, что в совокупности отрицательно сказывается на авторитете уголовного закона и правоохранительных органов, его применяющих. Наше государство располагает достаточным арсеналом средств, необходимых для обеспечения быстрого и полного раскрытия преступлений. В их числе комплекс уголовно-правовых средств, целевое назначение которых состоит в том, чтобы способствовать раскрытию преступлений и их надлежащему расследованию⁶. Содержащиеся в них предписания призваны обеспечить возможное или должное поведение лиц в процессе раскрытия преступлений, в том числе посредством применения к ним мер поощрения либо санкций.

Деятельность виновного, направленная на способствование раскрытию и расследованию совершенного преступления, имеет серьезное значение и для реализации профилактической функции уголовного закона. Предупреждение преступлений — одна из функций уголовного права, которая закреплена в ч. 1 ст. 2 и ч. 2 ст. 43 УК РФ.

⁵ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989. С. 44.

⁶ Более подробно см.: Кашапов Р.М. Уголовно-правовые средства раскрытия и расследования преступлений. Хабаровск, 2003.

Естественно, нельзя сводить функцию профилактики только к действию санкции уголовно-правовой нормы. В борьбе с преступностью наказание не является единственным средством, что закреплено в ч. 2 ст. 2 УК РФ. Из диспозиции указанной статьи следует, что к лицам, совершившим преступления, помимо различных видов наказания применяются и иные меры уголовно-правового характера.

Рассмотрим некоторые особенности превентивного действия названных выше норм. Во-первых, их превентивный заряд обращен к лицам, совершившим преступление. Следовательно, речь идет о специальном предупреждении, суть которого состоит в том, чтобы не допустить совершения нового преступления со стороны указанных лиц⁷.

Во-вторых, в превенции преступлений и посткриминальных проступков участвуют как диспозиция, так и санкция норм, обеспечивающих раскрытие и расследование преступлений. Общая превенция выражается в угрозе наказания, содержащейся в санкциях рассматриваемых норм (ч. 3 ст. 78, ст. 303, 304, 306–311, 316 УК). Большое предупредительное значение имеют нормы, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений, которые не предписывают субъекту каких-либо конкретных действий или воздержания от совершения общественно опасных деяний, но предоставляют возможность свободно распоряжаться, естественно в определенных рамках, своими правами, выбрать тот или иной вариант поведения. Например, лицо, совершившее преступление, имеет право явиться с повинной в правоохранительные органы. В этом случае оно не обязывается, а побуждается к явке с повинной путем обещания поощрения — смягчения наказания (п. «и» ч. 1 ст. 61, ст. 62, 64, ч. 1 ст. 65 УК РФ) или освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, примечания к ст. 127-1, 204, 205, 205-1, 210, 228, а также ст. 90, 92, примечания к ст. 275, 276, 278, 291 УК РФ).

Н.Ф. Кузнецова пишет: «Сформулированная именно как деятельное раскаяние норма (примечание к ст. 275, 276, 278 УК) за год подтвердила свою профилактическую действенность. Директор ФСБ Н.Д. Ковалев ее высоко оценил, ибо она дает возможность не нака-

⁷ См.: Марцев А.И. Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977. С. 6.

зывать человека, который был завербован, тяжких преступлений против государства не совершил и жил под психологическим гнетом постоянно ожидаемого разоблачения. Профилактические потенции деятельного раскаяния далеко не исчерпаны. В перспективе, как представляется, деятельное раскаяние вполне можно было бы распространить и на целый ряд других норм средней тяжести»⁸. На наш взгляд, сказанное относится не только к указанному примечанию, но и к другим нормам о деятельном раскаянии.

«Профилактическая работа правоохранительных органов должна строиться таким образом, чтобы лица, совершившие преступления, знали, какие посткриминальные действия уголовный закон стимулирует и какие меры государственного поощрения установлены за их совершение»⁹.

Проведенные нами исследования показывают, что даже осужденные слабо знают поощрительные нормы уголовного права. Мы провели анкетный опрос 1 тыс. человек (мужчин, женщин), отбывающих наказание в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов. Одни вопросы анкеты касались знания ими некоторых поощрительных норм уголовного права, остальные – способствования раскрытию и расследованию преступлений.

Мы солидарны с А.Д. Сафроновым в том, что отсутствие учета активного способствования раскрытию преступления, явки с повинной при назначении наказания может вызвать у субъекта недоверие к правосудию, нежелание содействовать ему в раскрытии преступлений, совершенных этим и другими лицами в будущем. Такое отрицательное отношение виновных к правосудию повышает уровень латентности преступлений, не способствует укреплению принципа неотвратимости наказания за каждое совершенное преступление, а значит, снижает и профилактическое значение уголовного законодательства¹⁰.

⁸ Кузнецова Н.Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. 1998. № 1. С. 16–17.

⁹ Григорьев Н.В., Сабитов Р.А. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Хабаровск, 1993. С. 24.

¹⁰ См.: Сафронов А.Д. Об одном аспекте профилактического действия уголовного закона // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1976. № 4. С. 75.

Для получения более эффективных результатов в работе оперативно-розыскных подразделений, следователей и уголовного судопроизводства в целом необходимо, чтобы лица, «втягиваемые в орбиту» уголовного процесса, давали правдивые показания, подкрепленные соответствующими действиями, содействовали установлению и розыску всех соучастников преступления, имущества, добытого в результате преступления, а также всех сопутствующих преступлению обстоятельств и выявлению преступной деятельности в полном объеме. Для достижения этого необходимо, чтобы сотрудники оперативных подразделений правоохранительных органов, следователи, прокуроры использовали в своей работе нормы, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений, побуждали того или иного соучастника к деятельному раскаянию, разъясняли, что закон предусматривает освобождение от уголовной ответственности, смягчение наказания тем, кто явился с повинной, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, возместил причиненный ущерб, оказал помощь следствию путем выдачи похищенного имущества и орудий совершенного преступления, показа места захоронения трупа, изобличения соучастников на очной ставке и т. д.

Однако применение подобных методов воздействия не всегда приводит к желаемому результату. Одна из причин – недостатки в деятельности органов предварительного расследования и суда. Бывает, что лицам, оказавшим помощь в раскрытии преступной группы, суд назначает строгую меру наказания наравне с другими соучастниками¹¹. Такая практика вызывает у осужденных чувство несправедливости, не способствует их исправлению и перевоспитанию, затрудняет оперативную работу, расследование и предупреждение преступлений.

¹¹ См.: Зелинский А.Ф. О некоторых вопросах предупреждения преступлений // Вопросы уголовного права. М., 1966. С. 76; Курашвили Г. О правдивых показаниях свидетелей и деятельном раскаянии обвиняемых // Соц. законность. 1979. № 12. С. 48; Джандарбеков И.А. Предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 16-17; Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ярославль, С. 19.

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Криминальная обстановка на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. даже по прошествии более чем сорока лет после окончания Кавказской войны была очень напряженной. Во многом это было вызвано социально-демографической политикой государства в отношении коренного населения. Одной из акций имперской власти на Северном Кавказе, вызвавшей впоследствии межэтнические конфликты, было переселение коренного населения из мест исторического проживания на другие земли. В первую очередь ему подверглись самые непокорные народы Северного Кавказа – чеченцы и ингуши. Плодородные земли по течению реки Терек были освобождены и заселены казаками.

Земельный вопрос явился одной из причин политической нестабильности на Северном Кавказе. Временно командующий Кавказской армией генерал-адъютант Г.Д. Орбелиани направил 4 июля 1861 г. по этому поводу представление военному министру Д.А. Милютину, в котором обосновал необходимость скорейшего распределения земель между горскими народами Кавказа. Он писал: «Война, продолжавшаяся на Северном Кавказе в течение десятков лет, не позволяла нам серьезно заняться устройством материального быта туземцев; мы разрушили старый порядок владения землями, но не могли создать никакого нового порядка. Общества, отдельные аулы и даже отдельные семейства, приносившие покорность, или оставляемы были на старых местах их жительства, или, что бывало чаще, переселялись на новые указанные им места, но как в том, так и другом случае им указывали земли только примерно и временно. Затем, по требованию военных обстоятельств, из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления, и раз поселенных на новых местах, по требованию этих же обстоятельств, снова переселяли, и иногда по несколько раз, с места на место; но и при этом новом поселении земли указывали туземцам только в примерном количестве и для временного пользова-

ния. ... В настоящее время, когда Восточный Кавказ умиротворен, а на Западном можно предвидеть скорое окончание продолжительной и кровавой борьбы, необходимо приступить к упрочению устройства быта туземцев Северного Кавказа; первым шагом к этому должно быть наделение горцев постоянными землями. Это будет, конечно, самую действительную меру для предупреждения в стране новых восстаний»¹.

Неудовлетворенность новой властью привела к различным формам протеста коренных народов Кавказа, одной из которых являлась эмиграция в Турцию. Переселение населения в Турцию было инициировано феодалами, не желавшими терять своих привилегий, и духовенством, призывавшим к уходу со своих земель и тем самым продолжить войну против «неверных».

До 1859 г. массового переселения горцев в Турцию не было. Они имели право совершать паломничество отдельными семьями в Медину и Мекку, получая каждый раз особое для этого разрешение. С 1859 г. начался массовый исход горцев из родных мест для поселения в Турцию.

Следует отметить, что переселение горцев в Турцию происходило с ведома царских властей, поскольку данное мероприятие позволяло избавиться от части беспокойных, потенциально опасных жителей империи, а также способствовало освобождению земель, пригодных для возделывания.

Горцам Терской области императором Александром II было разрешено переселяться в Турцию через сухопутную русско-турецкую границу, в то время как горцы Западного Кавказа переселялись туда морским путем.

В Турции переселенцев ждала тяжелая участь. Русский консул Мошнин в письмах генералу Карцову писал, что только в Трапезундском лагере, где было высажено 247 тыс. черкесов, к моменту написания письма, умерло более 30 тыс., а при отправке их оттуда в Варну и Константинополь смертность в пути следования составляла на каждые 4,5 тыс. погруженных от 40 до 60 человек в сутки, а среди оставшихся в лагере 63 290 черкесов – ежедневно от 180 до 250 человек. Подобная статистика смертности переселенцев-черкесов отмечалась в Батуме, Самсуне и других северо-восточных портах Тур-

¹ Исторический архив. 2004. № 2. С. 185, 186.

ции². В лагерях переселенцев был голод, вынуждавший мужчин поступать на службу в турецкую армию, а женщины и дети во многих случаях продавались в рабство.

Испытав лишения, переселенцы (особенно чеченцы и ингуши) стремились возвратиться в родные места. Однако это удалось немногим. Из ушедших в 1865 г. в Турцию более 23 тыс. чеченцев вскоре возвратилось лишь 2 тыс. человек. По данным А.П. Берже, с 1866 по 1871 гг. включительно в Российскую империю вернулось лишь 3 098 чеченцев³.

Места, оставленные горцами, переселившимися в Турцию, были заселены казаками из губерний Левобережной Украины, области Войска Донского, соседних округов земли бывшего Войска Черноморского, одновременно переводились государственные крестьяне на земли Ставропольской губернии и северных уездов Терской области. В 70-х годах XIX в. Северный Кавказ стал наиболее заселяемым регионом Российской империи, в этот период туда переселилось около 350 тыс. человек. Наибольшее количество мигрантов прибыло в Кубанскую область (175,4 тыс. человек), на втором месте находилась Ставропольская губерния – около 80 тыс. человек, на третьем – Терская область (70 тыс. человек). В 80-е годы XIX в. на Северный Кавказ прибыло 380 тыс. человек, в 90-е годы – также 380 тыс. человек преимущественно русских и украинцев из центральных губерний страны⁴.

Насильственное вмешательство Российской империи в жизнь горцев, повлекшее изменение сложившихся устоев, демографической структуры кавказского общества, переселенческая политика государства обусловили характер взаимоотношений горцев с русскими. Это повлияло и на состояние преступности на Северном Кавказе.

Состоянию преступности и другим негативным моментам кавказской жизни был посвящен ряд заседаний Государственной думы.

Депутат граф Бобринский в своем выступлении 5 февраля 1909 г. на заседании Государственной думы, на котором рассматривался кавказский запрос, в подтверждение критической криминаль-

ной ситуации на Северном Кавказе привел выдержку из прошения казачьего населения Терской области к генерал-адъютанту И.И. Воронцову-Дашкову, назначенному в 1905 г. наместником Кавказа: «Какой вред мы терпим от беспокойной и злонамеренной части туземного плоскогорного и горского населения через грабежи, разбои и всякого рода воровство, не прекращающиеся со времени покорения Кавказа, т. е. в течение более 40 лет...».

Депутат Лисичкин на этом же заседании следующим образом обрисовал положение в Терской области: «Грабежи и убийства, конечно, продолжались со времени кавказской войны, но особенно они усилились в то время, когда казаки были мобилизованы во время японской войны. Я должен обрисовать картину жизни казаков и другого русского населения Терской области. Благодаря этим грабегам и убийствам, казаки и прочее русское население до сих пор обрабатывают свои поля не иначе, как с оружием в руках, как было в то время, когда завоевывали Кавказ. Они выезжают на поля с восходом солнца и возвращаются с полей до захода солнца, ибо всякий рискнувший остаться в поле за это время делается жертвой разбойников-горцев. Проезд из одного селения в другое является немыслимым, потому что всякий рискнувший несомненно будет ограблен или убит. Дерзость разбойников дошла до того, что они нападали в больших, в многолюдных городах на магазины почти днем и разграбляли их»⁵.

По сведениям Г.А. Ткачева, за период с 1900 по 1908 гг. в Терской области было похищено 15 852 лошади, 10 167 голов крупного рогатого скота. В денежном выражении это составило 2 209 311 рублей⁶.

Однако было бы несправедливым обвинять поголовно все коренное население Северного Кавказа в совершении преступлений. Оно также подвергалось преступным посягательствам со стороны криминальных элементов – представителей своих народов, только может быть несколько меньше, чем русское население Северного Кавказа. В частности, на Грозненском съезде чеченский депутат Песа Акбулатов в ответ на жалобы казаков на воровство и разбои высказал следующее: «Вы терпите что? Мы терпим больше. К вам едет

² См.: Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 191, 192.

³ См.: Там же. С. 165.

⁴ См.: Кабузан А.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996. С. 96, 100.

⁵ Кавказский запрос в Государственной Думе. Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. Тифлис, 1909. С. 9, 41, 42.

⁶ См.: Ткачев Г.А. Казаки и туземцы в Терской области. По поводу толков о казачьем многоземельи и забижении горцев. Владикавказ, 1910. С. 36.

воровать не всякий. Наши воры, прежде чем воровать у вас, сдают экзамен у нас, в наших аулах»⁷.

Помимо противоречий во взаимоотношениях коренного населения Северного Кавказа с русскими имела место вражда между различными коренными народами. Думская комиссия по запросам 5 мая 1912 г. в своем докладе отметила следующее: «Комиссия, разумеется, далека от мысли переносить вину отдельных преступников на всю народность, но следует засвидетельствовать, что в силу длительных ненормальных условий, при которых формировалась общественная жизнь Кавказа, народные массы не могли усвоить и до сих пор этой простой истины: в них живо еще чувство ненависти к некоторым народностям. Так, ингушей и чеченцев ненавидят, например, кабардинцы, осетины и лезгины, а этим последним тою же монетою платят чеченцы. Причины этого лежат в глубине истории, и уничтожить это явление можно лишь с помощью длительных культурных мероприятий»⁸.

В литературе того времени было указано, что из коренного населения, например, в Терской области, наибольшее количество преступлений совершалось чеченцами и ингушами, однако подчеркивалось, что «во всякой народности есть в известных % т.н. «преступный элемент», подлежащий ведению юстиции и полиции. Есть он, конечно, среди всех народностей Теркой области, не исключая казаков и русских»⁹. Что касается коренного, то отмечалось, что «в то время, как осетины, кабардинцы, ногаи, кумыки и пр. более мелкий горный народ, мирно живут, не выделяясь из общей массы, о подвигах чеченцев и ингушей говорит весь местный край...»¹⁰.

Имперская администрация на Кавказе с последних лет Кавказской войны была вынуждена принимать достаточно жесткие меры по противодействию преступности покоренных народов. В частности, заслуживают внимание приказы начальника над чеченским народом полковника Беллика. В качестве примера можно привести приказ от 21 ноября 1859 г., в котором отмечалось: «Воровство между чеченцами усилилось до такой степени, что оно делается тяжким

для народа». В целях прекращения преступлений («воровства») был разработан ряд правил, запрещавших бесконтрольную отлучку горцев из мест своего проживания, установивших особый порядок приобретения и учета скота и лошадей¹¹.

В «Записке о мерах, принимавшихся, и вновь проектируемых для спокойствия, охраны и благосостояния горского населения Кубанской Области в трех ее уездах: Екатеринодарском, Майкопском и Баталпащинском» указаны меры, предпринятые для охраны личной и имущественной безопасности населения. В частности, учреждены ночные караулы и обходы в станицах и поселках; в горских аулах за счет взносов, получаемых от каждого двора, образована конная стража; аульные общества связывались круговой порукой, обязанные в случае невыдачи преступников возмещать ущерб потерпевшему; при купле-продаже лошадей и крупного рогатого скота продавцу и покупателю необходимо было иметь письменное свидетельство о законности приобретения и принадлежности животных; за выдачу и поимку преступников устанавливалось денежное вознаграждение; горцы могли покидать места своего проживания только на основании специального разрешения и др.¹²

В Терской области были приняты «Правила об имущественной охране русского населения Терской области от хищничества горцев»¹³.

Очень распространенной мерой по предупреждению преступлений была высылка неблагонадежных лиц из мест проживания, в том числе за пределы Кавказа. Статья 26 «Учреждения управления Кавказского края» (1883 г.) предусматривала, что «в случае значительного, в той или другой местности Кавказа, усиления следующих преступлений: сопротивления правительственным властям, убийств, разбоев, грабежей, скотокрадства и пристаносодержательства, Главноначальствующему предоставляется тех принадлежащих к туземному населению лиц, которых, по имеющимся у местной административной власти достоверным сведениям об участии их в означенных преступных действиях, оказываются вредными для общественного порядка и безопасности – удалять в избранную для сего местность в пределах Кавказского края, с воспрещением всякой из нея

⁷ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1911. С. 40.

⁸ Цит. по: Гатагова Л.С. Межэтнические отношения // Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 155.

⁹ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ См.: Там же. С. 55–57.

¹² Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454, оп. 2, д. л. 50, 50 об, 51, 51 об, 52, 54, 54 об, 55.

¹³ ГАКК. Ф. 454, оп. 2, д. 131, л. 24 об, 25.

отлучки в течение определенного срока, не свыше, однако, пяти лет, а также высылать из края, на такой же срок, на жительство в места, которые будут назначены для сего Министром Внутренних Дел»¹⁴.

На заседании Государственной Думы 5 февраля 1909 г. помощник наместника Его Императорского Величества на Кавказе сенатор Мицкевич в своем выступлении особо указал на меры, принимаемые для предупреждения преступлений: 1) размещение экзекуционных отрядов в тех туземных селениях, жители которых укрывали преступников; 2) формирование за счет местных средств партизанских отрядов из отставных казаков и других охотников; 3) расположение особых сторожевых постов и секретных дозоров в тех пунктах, через которые чаще всего проходили шайки разбойников; 4) использование охотничьих (разведывательных) команд от войсковых частей для содействия властям по преследованию и задержанию преступников; 5) объявление всему горскому населению области, что все расходы по содержанию экзекуционных отрядов, секретов и сторожевых постов и убытки, причиненные потерпевшим, будут полностью относиться за счет тех сельских обществ, которые укрывали разбойников и не способствовали со своей стороны к задержанию их; 6) изъятие оружия у жителей селений, которые до сих пор не обезоружены¹⁵.

Местное население за пособничество преступникам подвергалось штрафам. Например, по статистике администрации на аулы грозненского округа за два с половиной года (1909–1912 гг.) было наложено штрафов на 74 960 рублей, в том числе за пособничество известному абреку Зелим-хану¹⁶.

Одной из крайних мер по пресечению деятельности преступников было расселение населенных пунктов, в которых оказывалось содействие преступникам. Таким образом, мирное население изгонялось с обжитых мест, что порождало дополнительное его недовольство имперской администрацией. Так, в газете «Правда» за 24 мая (6 июня) 1912 г. под наименованием «Упрощенный способ» была опубликована телеграмма из Владикавказа следующего содержания: «В целях облегчения борьбы с неуловимым Зелим-ханом,

постоянно находящим себе приют в многочисленных горных аулах, возбужден вопрос о расселении 37 хуторов Введенского округа»¹⁷.

31 июня 1912 г. на заседании Государственной Думы рассматривался запрос по поводу насилий карательных отрядов на Кавказе. Депутат Покровский-2^й второй заявил, что *«ааи еіеінодаоёу Еааеа-га, ааеіноау ндаіе м аоаіііа еііоіа-аіеіа іаііеаіеу, іа нн а-еа ндаоу аіоа іаоёііаеёіноё-аіеё ндаіноае, ааеіноааеа е ааеіноаао іа дуніе іедаеіа, еае а оіеіеі ÷оі çаіаааіііе ндаіа»* (выд. авт. – С.Н.). Далее, рассматривая историю запросов по этой проблеме, он указал, что первый запрос был внесен думской оппозицией 15 марта 1910 г. В запросе говорилось о том, что чины карательных отрядов, действующих против разбойников, как офицеры, так и солдаты, ведут себя как разбойники по отношению мирного туземного населения, допускают насилия и чинят разорение. Думское большинство ответило на данный запрос молчанием. Однако после того, как разбойниками среди бела дня 27 марта того же года в Терской области было ограблено Кизлярское казначейство, выяснилось, что карательные отряды оказались совершенно бессильны предотвратить нападение разбойников, хотя администрация была заранее предупреждена о готовящемся преступлении. 5 ноября оппозиция была вынуждена внести очередной запрос по тому же «большому» вопросу.

Далее, Покровский 2-й отметил, что в запросе говорилось о превращении борьбы с одним из знаменитых абреков Зелим-ханом «в форму нетерпимую ни в одном правовом государстве». Принимаемые меры были направлены не столько к поимке Зелим-хана и его шайки, *«нѣіеіі іоіоеа і еоііа іе а ÷аі іаііаеіііа еіаіоіііа іаііеаіеу е ÷оі і аау юе ідаадаоёеіііа і ііноіу іоі нѣноа і а ÷оі о іаііеаіеу нѣіаеёііііа оаіааіеа а оіі, ÷оі і ааііоёу-оёу ааі еіеінодаоёе іаідааеаіу іа нѣіеіі іоіоеа аадаа çа-еёі-оаіа, нѣіеіі іоіоеа і еоііа іаііеаіеу»* (выд. авт. – С.Н.)¹⁸.

Рассматривая деятельность властей по противодействию преступности на Кавказе, А.С. Френкель указал, что «главный недостаток всех мероприятий, направленных против разбоя на Кавказе, состоит в том, что все эти мероприятия были случайными, отрывоч-

¹⁴ Учреждение управления Кавказского края. Тифлис, 1883. С. 10.

¹⁵ Кавказский запрос в Государственной Думе. С. 81–82.

¹⁶ Правда. № 1–204. 1912 г. Полный текст / Под общ. ред. М.С. Ольминского и М.А. Савельева. Вып. 1 № 19. (22 мая (4 июня) 1912 г.). М., 1933. С. 284.

¹⁷ Правда. № 1–204. 1912 г. Полный текст / Под общ. ред. М.С. Ольминского и М.А. Савельева. Вып. 1 № 21. (24 мая (6 июня) 1912 г.). М., 1933. С. 314.

¹⁸ Правда. № 1–204. 1912 г. Полный текст / Под общ. ред. М.С. Ольминского и М.А. Савельева. Вып. 2. № 28. (1(14) июня 1912 г.). М., 1933. С. 6–7.

ными, имели характер временных мер, лишь для данной местности и для данного случая предпринятых»¹⁹, при «разрешении вопроса о разбое, принималась во внимание не совокупность всех причин порождающих его, не корень его происхождения, а лишь некоторые случайные явления, почему либо бросающаяся в глаза администратору или публицисту»²⁰.

Принимая все возможные меры по предупреждению преступлений со стороны местного населения – «туземцев», администрация некоторыми из них усилила негативное отношение местного населения к имперской власти, что находило выражение в противоправных деяниях, направленных против русского населения Кавказа. В своем большинстве местное население было покорено силовыми методами, а не осознанием более выгодного существования в составе Российской империи. В начале XX в. В.П. Погожев отмечал: «Успешная борьба с разбойничеством на Кавказе не может строиться исключительно на применении силы, в особенности репрессиях по отношению к целым массам населения. Лучшее средство к уничтожению разбойничества – культурный подъем инородцев и развитие в них разумной самостоятельности»²¹.

Преступность на Северном Кавказе – проблема историческая, обусловленная геополитическим положением и особенностями развития данного региона. События на рубеже XX – XXI вв. на Северном Кавказе вызывают необходимость принятия более эффективных мер по противодействию преступности. При этом обязателен учет исторического опыта, поскольку многие факторы, обуславливавшие преступность во второй половине XIX – начале XX вв. имеют место и в настоящее время.

¹⁹ Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском Юридическом Обществе 10-го января 1898 г.). Тифлис, 1898. С. 3.

²⁰ Френкель А.С. Указ. соч. С. 2.

²¹ Погожев В.П. Кавказские очерки. СПб., 1910. С. 528.

М. Х. Г е л ь д и б а е в,
доктор юридических наук, профессор
(Северо-Западный институт
повышения квалификации ФСКН России)

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДГОТОВКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ В РОССИИ

Подготовка полицейских кадров является составной и необходимой частью общего процесса реформирования всей правоохранительной системы российского государства.

Несмотря на то, что на официальном уровне заявлено о завершении структурных преобразований в данной сфере, думается, что эти изменения не коснулись сущностного содержания предполагаемых перемен.

Реальных изменений требует не только сложившаяся в годы советской власти существующая правоохранительная система, но внутреннее ее содержание, которое отражалось бы на каждом представителе «силовых» структур. При этом акцент следовало бы делать не только на внешних структурных изменениях, которые приводят к перераспределению функций, слиянию, переподчинению, изменению названий подразделений, сколько на новых экономических, финансовых, психологических подходах к служебной деятельности полицейских кадров, особенно к процессу их подготовки. При этом совершенно ясно, что придется вдумчиво и выборочно использовать зарубежный опыт, потребуется более глубокий подход, чем простая смена «вывески», хотя и этот шаг можно занести в позитив постперестроечного процесса, если он будет касаться не второстепенных названий, а существа вопроса. Имеется в виду, прежде всего, отказ от архаичного названия «милиция» и замена его на понятный во всем мире термин «полиция», что специально использовал автор в названии данной статьи.

Думается, что нет необходимости приводить все аргументы, которые уже звучали по этому вопросу на научных конференциях на разных уровнях и от разных ученых. Этот вопрос очевиден, мы просто стучимся в «открытую дверь», достаточно хотя бы взглянуть, кто из бывших союзных республик сохранил прежнее название, и тенденция будет понятна.

Более сложным, дискуссионным и, возможно, многофакторным является вопрос **качественной** подготовки полицейских с учетом зарубежного опыта и в соответствии с теми реальными изменениями, которые произошли в нашей стране и в мире в связи с распадом СССР, переменами в странах Восточной Европы и идущими процессами глобализации в мире.

Зарубежный опыт подготовки полицейских кадров в условиях западной цивилизации опирается на вполне определенную практику, культуру, традиции, жизненные ценности и менталитет западного гражданина. Имея конкретную прикладную направленность в своей деятельности и выполняя социальный заказ государства – готовить высококласных специалистов, высшие школы и полицейские академии, решая поставленную перед ними задачу, дают курсантам необходимые знания и навыки, ориентированные на повседневные нужды полиции. Подготовка обучаемых должна отвечать самым последним достижениям в области расследования и раскрытия преступлений, в сфере профилактики преступности. Будущим полицейским необходимо знать новые методы поддержания правопорядка в обществе, уметь общаться с людьми разной национальности, возраста, пола и темперамента. Курсантов и слушателей следует обучать методике осмотра места происшествия, умению разбираться в оставленных следах совершенного или предполагаемого преступления, оказывать первую помощь пострадавшим, навыкам вождения автомобиля, работать со средствами связи и еще многому, что им потребуется в их повседневной работе. Как результат, на «выходе» должны быть подготовленные практики, способные решать задачи в сфере борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка, а не широкоэрудированные интеллигенты с высшим образованием.

При этом сдавать экзамены курсанты, как правило, могут только два раза. Вторая неудачная попытка ведет к автоматическому отчислению. «Уважительные» причины курсантов в расчет не принимаются. Какие-то «просители» или «адвокаты» как из числа самих преподавателей, так и из числа посторонних лиц, должны отсутствовать в принципе. Неудачность курсантов никогда не ставится в зависимость от профессионализма преподавателя и не дает повод руководству учебного заведения в чем-то обвинять педагога или сомневаться в его педагогическом мастерстве. Только педагог может оценить педагога. Если курсант не желает учиться, то, как бы не был квалифицирован специалист, он не в состоянии заставить курсанта

принять и понять эти знания. Другими словами, и один человек может привести лошадь к водопою, но и сорок пить ее не заставят.

Западная высшая школа (в самом общем ее понимании) не требует от преподавателя наличия у него кандидатской или докторской степени. Только богатый и успешный практический опыт работы является подтверждением его высокой квалификации и удачной карьеры. Периодически преподаватели меняются и часть из них возвращаются к практике, чтобы быть в курсе последних нововведений. Такая ротация кадров давно и отлично зарекомендовала себя в западном мире. Преподавание гражданскими педагогами с университетскими дипломами также встречается в полицейских учебных заведениях и связано это со специальными курсами или определенной специализацией.

Разумеется, использование любого опыта предусматривает его творческое переосмысление и, видимо, нецелесообразно, например, вводить одинаковые нормативы по физической подготовке для мужчин и женщин при обучении полицейского. Между тем, некоторые идеи хотелось бы поддержать, хотя они и могут вызвать ответную аргументацию отечественных исследователей по данной проблеме.

Так, известно, что полиция во всем мире не производит материальные блага, но она их охраняет, поддерживает и обеспечивает надлежащее функционирование. При этом государство в своей экономической деятельности предусматривает те необходимые и существенные затраты в расходной части бюджета, которые бы реально покрывали потребности правоохранительных органов в их повседневной службе. Полиция не должна финансироваться по остаточному принципу, а ее сотрудники должны чувствовать престижность своей профессии. Не надо стесняться вводить материальный фактор в перечень тех стимулов, которые не применялись в советское время, и о котором «забыли» в постперестроечную эпоху. Одного энтузиазма полицейских и призывов к исполнению долга сегодня явно недостаточно для качественного исполнения ими своих служебных обязанностей. Всегда нужно не только помнить о банальной истине, что дешевая полиция – дорого обходится государству, но и надо что-то делать для изменения создавшегося положения.

Статьи расходов в учебных заведениях должны иметь не только полную обеспеченность по начислению денежного содержания, но у них должна быть возможность в приобретении в достаточном количестве горюче-смазочных материалов, осуществлении ремонтных

работ, покупки канцелярских принадлежностей, предусмотрены расходы на командировки и т.д. Курсант, входя в чистое красивое помещение, уже как бы «с порога» настраивается окружающей обстановкой на качественную учебу. А та материальная помощь, которая может оказываться полицейским, должна идти именно по назначению, а не использоваться для «латания дыр» повседневных нужд. Такая порочная практика развращает руководство, не стимулирует его к поиску финансовых резервов и не способствует повышению авторитета у подчиненных.

Дополнительные источники финансирования у учебного заведения, с его научным потенциалом, всегда имеются хотя бы в силу того, что существует возможность заключения хозяйственных работ по разработке научных программ, проектов, аналитических обзоров и т.п., но для этого требуется поиск заказчика, что не всегда делается настойчиво и не быстро приводит к положительному результату. То, чего не требовалось делать в советское время, к сожалению, этим приходится заниматься в нынешних условиях. Но потраченные усилия не пропадут даром, если грамотно использовать заработанные средства и, например, поддержать руководство кафедр для их обустройства и создания достойных условий труда профессорско-преподавательскому коллективу.

Думается, было бы правильным шире использовать в учебном плане чтение на спецкурсах авторских программ, если в учебном заведении работают специалисты, способные разработать и представить на обсуждение ученому совету вуза достойную программу спецкурса. Отход от шаблона, когда в любом вузе существовал четко очерченный перечень предметов и когда авторская школа не могла быть достойно представлена, должен приветствоваться и поощряться. Но при этом нельзя забывать госстандарт и необходимо соблюдать все пропорции в преподавании предметов для базового образования. Полагаем, что компромисс при понимании существа проблемы и желании можно будет найти всегда.

Наконец, должен найти отражение совершенно новый подход в отечественных силовых структурах, который ранее в них никогда не применялся и который не сразу найдет своих сторонников в силу его «революционности». Имеется в виду нивелирование окладов представителей правоохранительных органов, имеющих одинаковые должности, но работающих в разных ведомствах. Это сразу ликвидирует проблему «перетечки кадров», что сейчас ограничивается

приказами, а тогда проблема исчезала бы на финансовом уровне. Полицейский выбирал бы себе место службы, исходя из его функциональных особенностей в том или ином ведомстве, не завидуя своему коллеге на такой же должности в другом ведомстве. Это во многом решило бы нехватку кадров в нынешней милиции, ибо ликвидировать имеющийся некомплект личного состава и одновременно готовить качественные кадры – задача не решаемая, по крайней мере, в сегодняшних условиях.

Однако, если говорить о качестве подготовки полицейских (в нашем понимании и по отечественным стандартам) и количественной стороне этого вопроса, то приходится решать ставшую уже вечной дилемму, доставшуюся от советского прошлого: как выпустить в правоохранительную систему максимальное количество молодежи, которую с нетерпением ждут на «местах» и не потерять достойное качество подготовки курсантов и слушателей. Думается, получить два максимальных показателя объективно невозможно. Надо чем-то жертвовать. При такой постановке вопроса жертвовать надо количеством, но никак не качеством.

Во-первых, при сравнении степени подготовки абитуриентов, а в последующем первокурсников с теми, кто поступал лет десять назад, к сожалению, приходится констатировать явное снижение уровня знаний. Многие из них имеют настолько низкие знания, что в принципе не в состоянии овладеть учебным материалом по подготовке специалистов, соответственно в будущем выполнять прямые функции на должном уровне.

Во-вторых, желание выдать «на-гора» максимальное количество выпускников приводит к тому, что лиц, отчисленных за неуспеваемость с одного факультета, затем восстанавливают на другом, где они также не в состоянии овладеть программным материалом. Эта политика не может работать на престиж вуза.

В-третьих, имеется суждение, что профессорско-преподавательский состав предъявляет повышенные требования на зачетах и экзаменах, а отсюда такое большое количество неудовлетворительных оценок. Они, якобы, требуют от курсантов таких же знаний, что и сами имеют, будучи дипломированными специалистами. Уверен, что эта точка зрения очень далека от действительности, а опыт преподавания докторов наук, профессоров, доцентов, старших преподавателей – залог работы профессионалов высочайшего класса, которые уважают свой предмет, знают его и любят, а поэтому оценивают

знания объективно, не выходя за рамки учебной программы. Годы их педагогической практики – бесценный багаж методического мастерства.

В-четвертых, есть мнение, что некоторым курсантам просто не дано учиться, но они, закончив вуз, становятся прекрасными следователями, дознавателями, оперативными уполномоченными и т.д. С этим можно соглашаться, но только отчасти и с большими условностями. Такое возможно только как исключение. Объективно же если весь комплекс знаний усвоен на «удовлетворительно», т. е. посредственно, то такой же посредственный будет и специалист в будущем. Не знаю, кто готов верить, например, свое здоровье врачу, который в медицинском вузе учился еле-еле на «три». Можно ли в этом случае говорить, что основная масса студентов, в последующем, на практике будет лечить на «пять»? Ответ, думается, очевиден.

Надо укреплять финансовую базу вузов, менять ориентиры, ценности и установки, иначе нам не победить коррупцию, не справиться с организованной преступностью, а некомплект кадров и низкий профессиональный уровень определенной части милиции по-прежнему будут угрожающе большими. Главное – это осознание необходимости кардинальной реформы в подготовке кадров для правоохранительной системы и проявление воли высшим руководством страны в принятии соответствующих решений. Эти и связанные с ними обстоятельства подчеркивают необходимость требовательной переаттестации устаревших и не отвечающих требованиям времени структур правоохранительной системы.

Необходимость перехода на качественно новый уровень очевидна. Важной составляющей совершенствования правоохранительной системы, способной выполнять задачи обеспечения правопорядка в обществе и безопасности населения, прав и свобод человека и гражданина от любых форм преступных посягательств, является подготовка именно полицейских кадров.

А профессорско-преподавательский состав учебных заведений, думается, не заставит себя долго ждать и готов сделать реальные и результативные шаги в нужном направлении по подготовке качественных полицейских кадров. В этом смысле примечателен опыт, складывающийся в Северо-Западном институте повышения квалификации ФСКН России, который уже осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации полицейских кадров.

Этот институт начал образовательную деятельность как Центр подготовки сотрудников налоговой полиции ФСНП России в г. Санкт-Петербурге в соответствии с приказом директора Департамента налоговой полиции Российской Федерации от 21 февраля 1994 г. Центр осуществлял первоначальную профессиональную подготовку и повышение квалификации начальников отделов (служб), главных и ведущих специалистов по специальностям: борьба с налоговыми преступлениями, обеспечение собственной безопасности, борьба с коррупцией и другие.

9 июня 2000 г. приказом директора ФСНП России Центр был преобразован в Санкт-Петербургский филиал Академии налоговой полиции ФСНП России.

2 августа 2002 г. приказом директора ФСНП России филиал академии был преобразован в Санкт-Петербургский институт повышения квалификации сотрудников налоговой полиции ФСНП России.

18 июля 2003 г. приказом Председателя Госнаркоконтроля России учебное заведение было переименовано в Санкт-Петербургский институт повышения квалификации Госнаркоконтроля России, который приступил к подготовке сотрудников для территориальных органов Госнаркоконтроля России.

В соответствии с п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 июля 2004 г. «Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков» и на основании приказа директора ФСКН России от 10 сентября 2004 г. «О переименовании институтов повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» учебное заведение было переименовано в Северо-Западный институт повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.

Институт имеет филиал в г. Уфе, созданный на основании приказа директора ФСКН России от 14 сентября 2004 г. «О создании Уфимского филиала Северо-Западного института повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков».

За 10 лет своего существования учебное заведение функционировало стабильно, основное внимание в работе уделялось повышению эффективности и качества подготовки полицейских,

укреплению связи теоретического обучения с практикой работы территориальных органов.

Институт располагает высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. При этом высокий уровень преподавания обеспечивается и тем, что преподаватели, привлекаемые к учебно-воспитательной работе, являются ведущими специалистами в различных областях знаний, в которых они осуществляют исследовательскую, преподавательскую или практическую деятельность.

Таким образом обучающиеся получают знания из «первых рук», что позволяет вести учебный процесс, основываясь на самых последних достижениях в науке и технике.

Институт обладает достаточной учебно-методической и материальной базами, имеет необходимые научные, административные и хозяйственные структурные подразделения.

Слушатели и профессорско-преподавательский состав СЗ ИПК ФСКН России, в том числе и практические работники, привлекаемые к учебному процессу, имеют возможность использовать для учебной и методической подготовки общую и специальную библиотеку, спортивный зал для игровых видов спорта, борцовский зал, тренажерный комплекс. В названном учебном заведении имеется столовая. Личный состав Института обеспечивается необходимым медицинским обслуживанием, а для оказания оперативной медицинской помощи в Институте имеется амбулатория, оснащенная современным медицинским оборудованием.

Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России изначально был создан для обучения полицейских кадров и в настоящее время является полицейским учебным заведением, в основном отвечающим предъявляемым требованиям в соответствии с международными и европейскими стандартами в сфере обучения специалистов для правоохранительной деятельности. При этом данное учебное заведение в состоянии существенным образом улучшить именно качество подготовки полицейских кадров для новой России.

Г. В. Антонов-Романовский,
кандидат юридических наук
(НИИ укрепления законности
и правопорядка при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ В СВЕРХКРУПНОМ ГОРОДЕ¹

Оценка интенсивности и характера миграционных процессов в России представляет значительные сложности из-за высокого уровня притока нелегальных мигрантов. Так, Минэкономразвития России, основываясь на официальных данных о регистрируемой массе находящихся в стране иностранцев, приходит к выводу о сокращении прироста мигрантов из-за снижения интенсивности иммиграционных потоков и превращении России из лидеров миграции в аутсайдеры.

Анализ данных о динамике преступности мигрантов из зарубежных стран за 2000–2004 гг. приводит к иному выводу – о возрастании уровня миграционных потоков в Россию. Этот вывод мы делаем на основе данных о преступлениях, динамика которых в наименьшей степени «плясала» из-за резких изменений в уголовном законодательстве и практике его применения.

В зарубежных криминологических исследованиях такая группа преступлений чаще всего именуется «индексной», мы в своем исследовании именуем ее «показательной», в смысле наиболее точно демонстрирующей реальную динамику преступности мигрантов. В нее вошли убийства, умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, грабежи, разбои, кражи и хулиганства.

Показательная группа преступлений, совершенных в России мигрантами-иностранцами (без данных по Москве), возросла с 2000 по 2004 гг. на 83,4%. Для сравнения скажем, что по данным о совершении всех преступлений их количество осталось на прежнем уровне (+0,9%). Рост преступности не граждан России, по нашей оценке, обусловлен в основном не повышением их криминальной активно-

¹ Доклад построен на материалах аналитического обзора, подготовленного в 2005 г. сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка в составе ведущего научного сотрудника Г.В. Антонова-Романовского (рук. авт. коллектива), старшего научного сотрудника Е.Г. Горбатовской, научного сотрудника Н.С. Матвеевой и младшего научного сотрудника А.А. Литвинова.

сти (в расчете на определенное их количество: 10 тыс., 100 тыс. человек и т.п.), а увеличением численности.

Возрастание интенсивности неконтролируемых миграционных потоков обостряет криминальную ситуацию в стране. В особенности это относится к центрам притяжения миграционных потоков, основным из которых в России является Москва. В Москве за 2000–2004 гг., по данным ЗИЦ ГУВД г. Москвы, количество совершенных иностранцами преступлений, относящихся к показательной группе, возросло на 126,5%², а жителями Москвы – на 20,0%. Это тоже много, но их прирост меркнет на фоне роста преступности иностранцев.

Для понимания общей картины преступности мигрантов в Москве следует сказать, что число совершенных в столице преступлений показательной группы иногородними лицами – гражданами России за то же время увеличилось почти вдвое (+95,2%), но все же меньше, чем совершенных иностранцами.

Следует обратить внимание на одно очень важное обстоятельство, серьезно затрудняющее оценку преступности нелегальных мигрантов.

Статистические формы не предусматривают выделения такого важного показателя, как наличие временной регистрации или наличия поддельных документов о ней у мигрантов, совершивших преступление или ставших его жертвой. В уголовных делах, как правило, это также не фиксируется, как и не выясняется длительность пребывания мигранта в регионе, где он совершил преступление или стал потерпевшим от него. Необходимо соответствующими нормативными правовыми актами ввести также показатели в статистические формы и предусмотреть обязательное выяснение указанных обстоятельств в ходе расследования преступлений. Это мнение подавляющего большинства опрошенных нами в Москве сотрудников органов прокуратуры и милиции, занимающихся борьбой с преступностью иногородних лиц.

Акцентировать внимание на оценке тенденций преступности мигрантов в г. Москве по динамике преступлений показательной группы следует еще и потому, что динамика общего количества расследованных преступлений, совершенных иногородними лицами в столице, в значительной мере зависела от практики выявления лиц, пользовавшихся поддельными документами для легализации пребы-

вания в городе (ст. 327 УК РФ). С 2000 по 2004 гг. их количество стремительно росло, а с начала 2005 г. еще стремительнее сокращается.

Количество жителей бывших республик СССР, привлеченных к ответственности по ст. 327 УК РФ, с 2000 по 2004 гг. возросло в Москве почти в 50 раз (+ 4656,8%) а, например, жителей Узбекистана – почти в 150 раз (+14157,1%).

Из 13 766 иностранцев, привлеченных в 2004 г. в Москве к уголовной ответственности, 7 072, или 51,4%, составили те, кто был уличен в совершении преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. В 2000 г. они составляли всего 2,2%.

В 2005 г., в сравнении с 2004 г., наоборот, ожидается резкое сокращение количества этих преступлений, совершенных мигрантами, по нашим оценкам, не менее чем вдвое. Эти расчеты сделаны по данным о расследованных в первой половине 2005 г. преступлениях, отнесенных к гл. 32 УК РФ³. Количество этих преступлений за I полугодие 2005 г. в сравнении с АППГ сократилось на 60%.

Эти перепады в практике привлечения к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ полностью исказили динамику преступности иногородних лиц в Москве в 2000–2004 гг., рассчитываемую по общему их количеству или сумме совершенных ими преступлений.

Анализ данных о привлечении к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ в Москве свидетельствует о том, что в условиях возрастания количества нелегальных мигрантов до «критической массы» начинает «лихорадить» практику выявления этой группы миграционных преступлений. Объективно свертывание выявления лиц, нелегально пребывающих в Москве, на руку эксплуатирующим труд гастарбайтеров работодателям. Поэтому как основное направление деятельности по сокращению количества нелегалов в Москве, и, соответственно, преступности, является развертывание реальной борьбы с эксплуатацией труда мигрантов. Необходимо выстроить законченную модель противодействия, лишаящую работодателей экономического смысла в этом. Вершиной ее является установление уголовной ответственности юридических лиц, злостно нарушающих административные предписания о прекращении использования труда нелегалов.

Рост в Москве количества совершаемых мигрантами преступлений обусловлен не только увеличением в городе их общего количе-

² Оценка тенденций преступности мигрантов по динамике расследованных преступлений корректна в силу того, что раскрывать преступления иногородних лиц в целом сложнее, чем местных жителей. Экстраполяция может только занижить, а не завysить темпы прироста совершенных ими преступлений.

³ В 92% 2004 г. в Москве преступления, квалифицированные по ст. 327 УК РФ, составили среди всех преступлений, входящих в гл. 32 УК РФ.

ства, но и повышением их криминальной активности. Это связано с возрастанием среди них абсолютного числа и доли молодых лиц, приезжающих в Москву без ясных представлений о возможностях адаптации в ней к нормальной жизни или с откровенно преступными целями. Наибольший прирост за период с 2000 по 2004 гг. дали возрастные группы преступников-мигрантов несовершеннолетних (14–17 лет) – 61,8% и молодежи (18–24 лет) – 59,1%. Среди преступников-иностранцев количество лиц молодежного возраста даже удвоилось (+93,9%).

Индексы, расположенные в интервале до 0,3, рассматриваются как крайне слабо выраженные по интенсивности препятствования борьбе с преступностью иногородних лиц; в интервале от 0,3 до 0,4 – слабо выраженные, от 0,4 до 0,5 – средне выраженные, от 0,5 до 0,6 – сильно выраженные и свыше 6 – сверхсильно выраженные.

с. 46. При этом целый ряд этнических криминальных структур достигает существенного успеха. По ответам экспертов был выведен индекс успешности проникновения в правоохранительные органы этнических криминальных структур. Наиболее это удастся делать дагестанским (0,610)⁴, азербайджанским (0,561), чеченским (0,537) и армянским (0,534) криминальным структурам. Также в значительной мере успешно это делают грузинские (0,460), ингушские (0,437) и абхазские (0,409) криминальные структуры.

Yēñ'āddōū ēdāēíá íēēēí íōáíēāpō āīēí íāēíññōū ídēāēā:ā íēý íāōēííāēūñ ūō āēāñíō ē íāūēí ē íōíōēēāēōēēā ýōíē:āñēíē ídāññōōííññōē.

Так, пессимистические ответы сотрудников органов прокуратуры на вопрос о возможности привлечения национальных общин и диаспор к профилактике экономической преступности (формализованный ответ: «практически ни в какой мере») колеблется от 96,3% – в отношении таджикской, цыганской и чеченской диаспор до 76,7% – в отношении армянской.

Эксперты проявляют практически такое же неверие в возможность привлечения национальных общин и диаспор к профилактике этнической общеуголовной преступности. Негативные ответы на вопрос о возможности установления профилактического сотрудничества с конкретными диаспорами указывает от 96,3% экспертов – сотрудников органов прокуратуры в отношении цыганской диаспоры до 66,7% – в отношении армянской диаспоры.

Сказанное приводит к выводу о необходимости разработки плана и программы последовательного устранения негативного влияния этнических организованных преступных групп на жизнь национальных общин и диаспор Москвы и одновременного вовлечения их актива и институтов в предупреждение этнической преступности.

Другой важный вывод, вытекающий из нашего исследования, состоит в том, что большую предупредительную роль в борьбе с миграционной преступностью может и должна сыграть реальная, последовательная борьба с коррупцией в правоохранительных органах.

Н. И. Ципуренко,
кандидат исторических наук, доцент
(ВНИИ МВД России);

Т. Я. Гобозов,
кандидат юридических наук
(Московский университет
МВД России)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНЕ

Современная миграционная ситуация, «являясь следствием сложной социально-экономической обстановки, свидетельствует о том, что для достижения социального процветания и экономического прогресса требуется твердая воля государства и внимание всего российского общества к достижению в стране прочного правопорядка и законности в области регулирования миграционных процессов»¹.

После обстоятельного анализа сложившейся в начале нового столетия миграционной и социально-экономической ситуации произошла корректировка миграционной политики, по крайней мере в структурном и правовом отношении. Отныне миграционные процессы являются прерогативой деятельности интегрированного федерального органа исполнительной власти – Федеральной миграционной службы (ФМС), подведомственной Министерству внутренних дел России.

Получив под воздействием объективных обстоятельств статус правоохранительного органа, ФМС России по совокупности стоящих перед ней государственных задач имеет преимущественно правоохранительный характер деятельности по регулированию миграционных процессов в стране. Западная пресса увидела в данном организационно-правовом шаге российских властей отступление от принципов демократии. Однако оставим эти паллеативные рассуждения без комментариев.

⁴ Здесь и далее в скобках указаны значения индексов.

¹ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. М., 2003. С. 1.

Совершенствование государственного управления в области миграционной политики внушает определенный оптимизм. Практически заново создано центральное учреждение по миграции с соответствующим финансовым, кадровым и ресурсным обеспечением. Заметно активизировался процесс формирования территориальных органов ФМС России. В основном разграничены обязанности между центральной, региональными и местными властями, а также общественными, неправительственными организациями, занимающимися проблемами мигрантов. В целом определены полномочия МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации в области миграции, приоритеты и основные направления их деятельности по регулированию миграционных процессов. Создан центральный банк данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих на территории страны, с подключением программно-аппаратных комплексов. Нормативно установлены полномочия директора ФМС России при решении вопросов в сфере миграции и др. Однако действенных механизмов реализации многопрофильных и чрезвычайно сложных миграционных процессов пока не создано.

Оптимизация функционирования Федеральной миграционной службы предполагает постоянное совершенствование как общероссийского законодательства, так и законодательства субъектов Российской Федерации. Представляется, что базовые федеральные законы, заложившие основы миграционной политики и регулировавшие ее в 90-е годы прошлого века – «О беженцах», «О вынужденных переселенцах», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы», «О мерах по введению иммиграционного контроля», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» и некоторые другие – морально устарели.

Считаем, что ни один из перечисленных законов в полной мере не отвечает сегодняшним миграционным реалиям. В частности, в ряде регионов ситуация с беженцами и вынужденными переселенцами по-прежнему остается напряженной. По официальным данным, в настоящее время около 1,5 млн наших соотечественников, бежавших в «смутные времена» от погромов и вооруженных конфликтов из бывших советских республик в Россию, фактически находятся на

нелегальном положении и годами ждут получения российского гражданства. Нередко приобретение такового превращается в товар. Правда, в истекшем году российское гражданство приобрели свыше 484 тыс. человек². Хочется надеяться, что обновление миграционного законодательства упростит процедуру получения российского гражданства, ускорит интеграцию социально незащищенных соотечественников в российское общество, ибо люди, живущие в своей стране, возвращающиеся на историческую родину, по определению, «нелегалами» быть не могут, должны быть легализованы.

Корректировка государственной миграционной политики с учетом несколько изменившейся в последние годы социально-экономической и демографической обстановки влечет за собой безусловное изменение законодательства. Его существенного обновления и дополнения требует возрастающая глобализация миграционных процессов на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье.

Неотложным является принятие федерального закона, предусматривающего внесение изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с образованием обновленной Федеральной миграционной службы. Требуют пересмотра нормативные акты, определяющие ее статус в части, касающейся расширения полномочий руководящего состава службы, регламентации формирования и деятельности ее территориальных органов, равно как и представительств за рубежом.

Пристального внимания заслуживает совершенствование правового регулирования миграционных процессов на уровне субъектов Российской Федерации. Анализ регионального миграционного законодательства свидетельствует о том, что в последнее десятилетие не удалось проводить сколько-нибудь последовательную миграционную политику, реализуемую по четкой вертикали от федерального центра к регионам.

В результате в ряде субъектов были приняты законодательные акты, противоречащие нормам Конституции Российской Федерации

² См.: Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году. Аналитические материалы. М.: МВД России, 2006. С. 58.

и федеральному законодательству, главным образом ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», «О вынужденных переселенцах», «О правовом положении иностранных граждан» и др.³

Сложившаяся ситуация в сфере регионального миграционного законодательства в условиях социально-экономического и демографического неблагополучия населения, его периферийной нищеты и абсурдности жизни ведет к ослаблению позиций федерализма, представляет открытую угрозу безопасности страны, хотя и не каждый миграционный процесс может рассматриваться в категориях «национальной безопасности». Действующие в этой области всевозможные программы, проекты, соглашения многолетней давности утратили актуальность, стали малоэффективными, так как были ориентированы лишь на борьбу с последствиями, а не на устранение причин многих региональных проблем.

Министерство внутренних дел России, которому подведомственны федеральные и региональные органы исполнительной власти по миграционной службе, не является субъектом законодательной инициативы. Между тем, находясь в эпицентре всех событий, происходящих в стране, ведомство вправе и обязано участвовать в законодательном процессе, инициировать его, предлагая пути решения возникающих проблем, в том числе и в реализации миграционной политики. На интегрированную в его структуру ФМС России возложена обязанность разработки по направлениям своей деятельности проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, участия в подготовке проектов договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, а также координация деятельности подразделений МВД по совершенствованию миграционного законодательства.

В ближайшей перспективе предстоит кардинально обновить ныне действующее законодательство по основным вопросам миграционной политики. Остановимся лишь на некоторых из них, на наш взгляд, ключевых: регламентация въезда и последующего пребывания на российской территории иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе с целью осуществления трудовой деятель-

ности; выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства (депортация) и усиление их ответственности за нарушение прав пребывания на территории России; уголовная, административная и материальная ответственность за организацию незаконной миграции; профилактика преступлений и правонарушений, связанных с нарушениями миграционного законодательства.

С определенной долей уверенности можно констатировать, что проблемы с иностранными гражданами и лицами без гражданства, беженцами и вынужденными переселенцами во многом возникли из-за отсутствия должного внимания к ним со стороны государства. Изначально миграционная политика России в отношении, скажем, беженцев и вынужденных переселенцев была основана не на принципе их защиты, а на защите государства от них. До недавнего времени проблема миграции исконно русского населения не была осознана как приоритетная российскими властями, пытавшимися различными запретительными мерами удержать русскоязычное население там, где его застало неосмотрительное, мягко говоря, разрушение Советского Союза.

Подобная «идеология» миграционной политики явилась следствием ряда факторов: отставания правовой базы по регулированию иммиграции и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны от потребностей реальной обстановки в России; «прозрачности» практически всего периметра российских границ с сопредельными государствами постсоветского пространства, несбалансированности последними национального законодательства по борьбе с незаконной миграцией; неисполнения действующего законодательства в области въезда и пребывания иностранных граждан в стране, отсутствие необходимой меры ответственности за допускаемые мигрантами и их покровителями нарушения.

По-прежнему остается устойчивой тенденция ежегодного увеличения в стране объемов миграции иностранных граждан и лиц без гражданства, преимущественно выходцев из Украины, Молдовы, государств Кавказа и Средней Азии. Вряд ли стоит опираться на официальную статистику, согласно которой на территории России в настоящее время нелегально находится 4,7 млн иностранцев. Независимые эксперты называют другую цифру, как минимум, в два раза большую. По данным ФМС России, только в 2003 г. на территорию

³ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

Российской Федерации въехало свыше 18 млн мигрантов, около 3 млн из которых осели в стране незаконно. Почти аналогичная картина наблюдалась и в последующие годы. Недостоверность миграционной статистики налицо.

Национальный рынок труда испытывает нарастающее давление иностранной рабочей силы. Происходит накопление нереализованного трудового потенциала при сохранении высокого уровня безработицы. Заметим попутно, что безработные экономисты, инженеры, врачи, программисты, офицеры, выпускники учебных заведений пополняют резерв социального недовольства, особенно в провинциальной России. Таковы гримасы криминально-вольного рынка.

К 2010 г. прогнозируемая численность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации может превысить 20-миллионный рубеж. Строго придерживаясь принципа политкорректности, смеем утверждать, что если в экстренном порядке не упорядочить в этой области федеральное законодательство, то можно прийти к печальным последствиям. Мы далеки от метафоры «второе Косово», событий ноября 2005 г. во Франции или декабрьских того же года межэтнических столкновений в Австралии. Однако, как следствие, приходится констатировать, что в настоящее время сложилась крайне нездоровая ситуация в отечественной миграционной сфере. Но это следствие, а причина? Последняя требует специального научно-правового осмысления.

Законодательно неупорядоченная иммиграция негативно воздействует на внутривнутриполитическую ситуацию в стране, заметно сказывается на социальной сфере, влияет на национальный рынок труда, является благоприятным источником теневого сектора российской экономики, ухудшает криминогенную обстановку. По данным МВД России, только за один квартал 2003 г. к административной ответственности были привлечены более 200 тыс. иностранных граждан⁴, а за первое полугодие 2004 г. – свыше 290 тыс. человек. В приемники-распределители были помещены 1100 иностранных граждан, нарушивших правила паспортно-визового режима, около 700 из них были депортированы. В течение 10 месяцев 2005 г. зарегистрировано 43 099 преступлений, совершенных иностранными граж-

данами и лицами без гражданства, или на 3,9% больше, чем за аналогичный период прошедшего года.

Конечно, на вызовы преступной миграционной среды реагировать нужно, причем оперативно. Но не менее важным, на наш взгляд, было бы использовать превентивные меры и подходы, определить приоритет предупредительной деятельности правоохранительных органов по основным направлениям борьбы с преступностью, в том числе и в области нарушений миграционного законодательства.

Криминальный фон преступности в значительной мере создают мигранты – выходцы из суверенных государств постсоветского пространства. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2004 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства, находившимися на территории Центрального федерального округа России, было совершено 25 703 преступления, в том числе гражданами из стран СНГ – 24 632 преступления⁵, т. е. более половины всех преступлений лиц данной категории, совершенных на всем российском пространстве.

Анализ располагаемых нами данных о численности рабочей силы, используемой легально и нелегально в стране, позволяет утверждать о необходимости упорядочения российского законодательства в области внешней трудовой миграции. В 2005 г., по самым скромным подсчетам, на территории России осуществляли трудовую деятельность свыше 700 тыс. иностранных работников, что в 1,6 раза больше, чем в 2004 г. Вместе с тем легальная трудовая миграция не превышала 10–15% реального числа работников-мигрантов.

Привлечение иностранной рабочей силы в российскую экономику в условиях надвигающегося демографического кризиса, высокой смертности населения считаем положительным явлением. Однако действующее российское законодательство пока не обеспечивает достаточной юридической базы для борьбы с незаконной миграцией. Особенно нуждается в реформировании законодательство, направленное на сокращение латентных иммиграционных потоков, в частности, незаконное привлечение и использование иностранной рабочей силы. Оно должно включать, на наш взгляд, четкую юридиче-

⁴ См.: Журнал российского права. 2003. № 4. С. 120.

⁵ См.: Состояние преступности в Центральном федеральном округе за январь-декабрь 2004 года. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 26.

скую регламентацию базовых критериев и процедур въезда иностранных граждан в пределы России.

Предстоит серьезно обновить законодательство в области осуществления контроля за работодателями в целях соблюдения ими норм уголовного и трудового законодательства, а также международных норм в отношении трудящихся-мигрантов. Только один пример. На пленарном юбилейном заседании Государственной Думы Федерального Собрания РФ, состоявшемся 11 марта 2005 г., отмечалось, в частности, что в Москве на предприятиях крупнейшей строительной компании «ДОН-Строй» (ДОН – дома особого назначения. – Авт.) и ее подрядных организациях в рабских условиях трудятся 60 тыс. гастарбайтеров, приехавших на заработки преимущественно из ближнего зарубежья. Этой армии дешевой рабочей силы работодатели в течение полугода не выплачивали зарплату, в результате строители-рабы объявили забастовку. Суммарный долг компании-монстра перед Пенсионным фондом, Фондом медицинского страхования достиг 40 млн долларов⁶. Подобные примеры можно было бы множить и множить. Наличие нелегальной миграции выгодно многим хозяйствующим субъектам в виду слабости миграционного законодательства, равно как и структур, призванных с ней бороться.

На это обстоятельство обратил внимание Президент РФ в Послании Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г., текст которого гласит: «Мы заинтересованы в притоке квалифицированных, легальных трудовых ресурсов. Но еще немалое число предпринимателей в России пользуются выгодами нелегальной миграции. Ведь бесправный иммигрант особенно «удобен» для неограниченной эксплуатации. Он... потенциально опасен с точки зрения правонарушений»⁷. На стадии разработки законов и подзаконных актов необходимо выстроить законченную модель противодействия эксплуатации труда мигрантов, лишаящую работодателей экономического смысла в ней.

⁶ См.: Советская Россия. 2005. 12 мар.

⁷ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации: Текст выступления Президента РФ В.В. Путина перед депутатами Федерального Собрания в Кремле 25 апреля 2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апр.

В настоящее время практически отсутствуют правовые основы защиты интересов национальной безопасности и прав коренного населения, которое в ряде регионов сталкивается с внутренними угрозами со стороны неконтролируемых мигрантов, особенно выходцев из государств Кавказа и Средней Азии. Аксиома: население не должно подвергаться миграционным издержкам, равно как и иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на российском пространстве, также не должны характеризоваться слабой защищенностью от различных преступных посягательств, особенно со стороны криминальных бизнес-сообществ.

Нуждаются в обновлении нормативные правовые акты, определяющие меры защиты прав и интересов не менее 20 млн наших соотечественников, проживающих в странах так называемого ближнего зарубежья. Требуется активизировать законотворческую работу в области межгосударственного правового регулирования миграционных процессов (заключения или ратификации (творческой пролонгации) двусторонних соглашений), особенно со странами Балтии, где наблюдаются сплошные ограничения в правах русскоязычного населения.

По данным российских СМИ, в правительстве Латвии, например, официально существует специальная аналитическая группа «по противодействию консолидации русской общины». Задача спецгруппы заключается в том, чтобы не допустить объединения русских общественных организаций в борьбе за права русскоязычного меньшинства. Больше того, националистические структуры стран Балтии не покидает мысль о репатриации русского населения на родину. Их лидеры не принимают всерьез «грозную» риторику Кремля. Считаем, что главным элементом поддержки соотечественников в прибалтийских и других постсоветских государствах является принципиальная и последовательная позиция России, в том числе и на правоприменительном уровне.

Целесообразно в оперативном порядке создать и в правовом отношении обеспечить функционирование российских центров в структурах СНГ для защиты наших соотечественников, равно как и других этнических меньшинств, проживающих в ближнем зарубежье. По поводу оформления таких центров, особенно обеспечения их необходимыми правовыми актами, сегодня существуют диаметрально

но противоположные, хотя и научно обоснованные, точки зрения: от виктимности до толерантности. Научное разномыслие всегда было и останется, ибо «естественным состоянием науки является дискуссия».

Требует постоянного совершенствования правовая база института административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства. Примечательно, что ежегодно из Российской Федерации выдворяются (депортируются) десятки тысяч нелегальных мигрантов. Только в 2005 г. в целях профилактики правонарушений со стороны иностранных граждан проведено более 2 млн проверок мест их пребывания. За нарушение правил проживания привлечено к административной ответственности свыше 1,35 млн иностранных граждан и лиц без гражданства. По судебным решениям в административном порядке выдворено из России 75,8 тыс. нарушителей⁸. Пресечены попытки незаконного въезда десятков тысяч иностранцев, среди которых было немало наркодельцов, лиц уголовного и люмпенизированного мира, представляющих для правоохранительных органов оперативный интерес.

Несовершенство законодательства крайне затрудняет практику реализации института административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, препятствует должному взаимодействию в сфере контроля федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за нелегальной миграцией, последовательному выполнению норм административного законодательства о правовых основаниях назначения и исполнения данного вида административного наказания.

Государственная правовая политика в области незаконной миграции, будучи целостной по своей сути, принципам построения и механизму реализации, объективно требует, как справедливо отмечают многие специалисты, конкретной регионализации, по крайней мере на уровне динамично развивающихся субъектов Российской Федерации. Дифференцированный подход позволил бы скорректи-

ровать взаимодействие властей, исключить возникающие противоречия на законодательном уровне между центром и регионами.

Регионализация национальной политики в области незаконной миграции предполагает, как нам представляется, локализацию различного толка надуманных, экстремистских движений, ныне действующих в ряде регионов страны. В частности, возникшее в Москве три года назад «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), выступающее под лозунгами «Россия для русских», «Москва для москвичей», «Очистим город от непрошенных гостей», «Россия принадлежит нам» и др., является крайне националистическим, русофобским, разжигающим межнациональную рознь. Действующие вне закона, подобные «этнические чистильщики» не способны сдерживать наплыв нелегалов, которых в столице, по разным оценкам, от 1,5 до 3 млн человек. Полагаем, что упорядочить миграционные процессы, в том числе и в столичном регионе, могут не бесперспективные «движения», а обстоятельные федеральные законы по миграции, которые должны быть первоочередными в думском законодательном портфеле.

Совершенствование законодательства в области регулирования миграционных процессов предполагает дальнейшее развитие фундаментальных научных исследований, касающихся социально-экономических, юридических, психологических и других основ правового регулирования, организации проведения мониторинга и научного прогнозирования, повышения профессионального уровня персонала. Удивительно, но факт: до настоящего времени нет даже нормативного определения самого термина «мигрант». В академических, а тем более масс-медийных публикациях почти не предпринимаются попытки определить содержание данного понятия, выстроить внутреннюю классификацию, очертить допустимые границы его применения.

Одним из приоритетных направлений является, на наш взгляд, социологические исследования криминологических аспектов миграционных процессов. По данным официальной статистики, в стране орудуют сотни организованных преступных групп (ОПГ), большинство из которых сформировано по этническому признаку.

В частности, МВД Башкортостана отмечает наличие в республике нескольких ОПГ, состоящих из выходцев из Закавказья

⁸ См.: Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 г.: Аналитические материалы. С. 57.

и Средней Азии. По данным ГУВД Краснодарского края, на его территории действует более 150 ОПГ. В Удмуртии зарегистрировано 8 этнических ОПГ, осуществляющих незаконный оборот наркотиков и алкогольной продукции, кражи, разбои, грабежи. Чеченские ОПГ в Ростовской области занимаются незаконной предпринимательской деятельностью, оборотом оружия и наркотиков, контролируют реализацию горюче-смазочных материалов⁹. 47 этнических национальных группировок действуют на территории Московской области, специализирующихся на торговле, контрабанде, игорном бизнесе и др. Подобные примеры не единичны.

Устойчиво растет количество правонарушений, совершаемых иностранными гражданами, особенно нелегалами. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, только в 2004 г. было зарегистрировано 41 331 правонарушение, совершенное иностранцами на территории Российской Федерации, что почти на 20% больше, чем в предыдущем году.

Строго следуя духу и букве Конституции РФ, федеральным и конституционным законам, общепризнанным принципам и нормам международного права, научный оперативно-аналитический поиск оптимального решения с учетом законодательного оформления должен вестись при полном соблюдении демократических ценностей и процедур. Вместе с тем вся система мер борьбы с организованной преступностью должна быть адекватной сложившейся обстановке.

Настало время для проведения скрупулезной кодификационной работы в сфере правового регулирования миграционных процессов с учетом требований, вытекающих из научно обоснованного подхода к развитию теории и практики данного законодательства. Как справедливо отмечает профессор Т.Н. Москалькова, «нарастающее количество правовых актов, регулирующих миграционные процессы, становится крайне неудобным как для

сотрудников правоохранительных органов, так и для граждан»¹⁰. Существующее миграционное законодательство нуждается в элементарной каталогизации.

Преобразования, начавшиеся в процессе организационно-правовой корректировки миграционной политики, настоятельно требуют научной систематизации и объединения законодательных актов, регулирующих процессы миграции, в единую согласованную систему. Начало их унификации и кодификации уже положено научно обоснованной концепцией Миграционного кодекса, в котором будут систематизированы основные нормы, регулирующие права и обязанности иностранных граждан в области трудовой миграции, беженцев и вынужденных переселенцев. Планируется также проведение кодификационной работы и по другим направлениям государственной миграционной политики.

Таким образом, корректировка миграционной политики в целях ее оптимизации предполагает безусловное упорядочение – обновление, конкретизацию, унификацию – законодательства, ее регламентирующего. Нужны сбалансированные законодательные акты, которые учитывали бы социально-экономические, демографические, национальные, геополитические и иные проблемы, придали бы миграционным процессам позитивную направленность, скорректировали современную демографическую ситуацию в стране.

Нынешняя миграционная ситуация требует и новых подходов к реализации правовых основ регулирования миграционных процессов, прежде всего совершенствования правовой базы как внешней, так и внутренней миграции, организации и проведения мероприятий превентивного характера, отвечающих современным миграционным реалиям, разработки оптимальных механизмов контроля за реализацией обновленного законодательства.

⁹ См.: Современные миграционные процессы в России (социологический аспект): Аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2004.

¹⁰ Москалькова Т.Н. Перспектива развития законодательных основ деятельности МВД России // Профессионал. 2004. № 1. С. 10.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ

Реформирование социально-экономической сферы страны привело, помимо других негативных последствий, к значительному увеличению безработицы, переходу большей части населения России за черту бедности. Все это оказало влияние на необходимость перемещения огромного количества граждан России, а также граждан ближнего и дальнего зарубежья на новое место жительства, либо временного пребывания в поиске работы, а также в иных целях, в том числе криминальных.

Масштабы миграции граждан России и иностранцев опережают возможности государства по социализированию с нужной интенсивностью потока мигрантов и соответственно этому созданию эффективной системы мер предупреждения их преступности.

В притягательных, по мнению иногородних лиц, территориях (главным образом, это городские агломерации) происходит интенсивное формирование национальных общин и диаспор. Однако под напором возрастающей волны соотечественников они стали утрачивать качества института адаптации иногородних лиц и начали приобретать качества паразитирующего и дезорганизирующего института в принимающем обществе.

В настоящее время город не может опереться на национальные общины и диаспоры в борьбе с этнической преступностью. Во многом это определено тем, что материальное благополучие национальных общин и диаспор в значительной мере зависит от доходов в теневой, в том числе откровенно криминальной экономике.

Наиболее притягательной территорией для мигрантов в России является, прежде всего, ее столица, куда, в основном, направлены маршруты миллионов как российских граждан, так и граждан иных государств. По оценкам экспертов, в Москве ежедневно находятся до 3 миллионов приезжих. Общее количество лиц, пребывающих в Москве без регистрации, оценивается на уровне 600–800 тыс. человек, из них из дальнего зарубежья – 100–150 тыс. человек. В их числе жители Подмосковья, работающие или обучающиеся в столице; находящиеся в Москве в служебной командировке, на лечении, транзитом; прибывшие на временную работу, т. е. лица, выполняю-

щие важную социальную и экономическую функцию. Наряду с указанными выше категориями, среди временно находящихся в столице значительную долю составляют лица, обладающие повышенной криминогенностью, в том числе скрывающиеся от органов правосудия и следствия, преступные группы гастролеров, лица без определенного места жительства и др.

Миграция может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на социально-экономическую стабильность в обществе. Безусловно, миграция является одним из важных факторов социально-экономического развития Москвы. Благодаря притоку иногородней рабочей силы обеспечивается устойчивая работа многих секторов экономики города – строительство, транспорт, коммунальное хозяйство и др. За счет осевших на постоянное жительство поддерживается на приемлемом уровне состояние демографической ситуации в городе.

Однако по целому ряду составляющих приток приезжих, особенно незаконная миграция, несет в условиях непростого состояния рынка труда серьезную угрозу экономической, социальной, общественной и санитарно-эпидемиологической безопасности столицы. В результате массового притока в город избыточной рабочей силы нарушается регулирование рынка труда, понижается мотивация работодателей к применению трудосберегающих технологий. Падение доходов населения из-за обесценивания труда ведет к маргинализации отдельных слоев жителей столицы и самих приезжих, сдерживая рост производства товаров и услуг на предприятиях города.

В своей совокупности, в основном незарегистрированная в паспортных и миграционных службах, огромная по своей численности часть населения столицы из числа приезжих лиц имеет значительный криминальный потенциал, который оказывает весьма негативное влияние на состояние оперативной обстановки в Москве, на уровень обеспечения правопорядка, защиты личной безопасности граждан, их имущества. Под их влиянием происходят процессы криминализации ряда сфер экономики города, монополизации отдельных секторов экономики криминальными этническими группировками.

Дисбаланс между масштабами потоков приезжих и возможностью найти работу с достойной оплатой труда, а также несовершенство законодательства, определяющего порядок регистрации граждан Российской Федерации и иных граждан по месту временного пребывания – в числе причин вовлечения приезжих в противоправное поведение.

Проведенное в 2005 г. исследование показало, что из числа лиц, приезжающих в Москву, каждый пятый-шестой прибывает в столицу без определенной социально значимой цели. Среди мотивов, чаще всего служащих причинами таких регулярных, а иногда и еже-

дневных поездок, выступают желание бесконтрольно провести свободное время (45–55%); встречи со знакомыми из числа постоянных жителей Москвы (15–20%); стремление любым способом, не исключая и противоправные, достать средства, необходимые для посещения ресторанов, игровых клубов, приобретения спиртного, наркотиков (15–20%); для подготовки или совершения правонарушений, как правило, определенного вида (7–10%). Эта многотысячная группа лиц, не имеющая социально значимых мотивов пребывания в столице, весьма активно реализует свой криминальный потенциал.

Анализ данных всей преступности показывает, что в 2004 г. иногородними в гор. Москве было совершено 42,4% преступлений из числа расследованных, в то время как в целом по стране – примерно только каждое десятое (9,2%). Рост числа преступлений, совершенных иногородними лицами, привел к существенному увеличению их доли в структуре преступности Москвы – с 32% в 1997 и 2000 гг. до 42% в 2004 г.

В период с 2000–2004 гг. произошел интенсивный прирост числа иногородних преступников во всех возрастных группах, а наиболее заметные негативные сдвиги произошли в динамике числа возрастных групп 14–17 лет и 18–24 лет.

Самый высокий прирост наблюдался по группе приезжих несовершеннолетних (14–17 лет), который составил 61,8%. При этом обращает на себя внимание то, что прирост приезжих несовершеннолетних преступников из числа жителей других регионов России оказался выше этого показателя и составил 94,2%.

Примерно в той же пропорции увеличивалось количество лиц из числа приезжих, совершивших преступления в возрасте от 18 до 24 лет (+59,1%). В отличие от несовершеннолетних, наиболее высокий прирост среди иногородних преступников этого возраста наблюдался среди иностранцев (+ 93,9). Менее интенсивно (по сравнению с младшими возрастами) увеличилось число привлеченных к уголовной ответственности приезжих преступников, относящихся к более старшим возрастным группам: 25–29 лет (+37,1%), 30–49 лет (+18,3%), 50 лет и старше (+16,2%).

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что возрастные группы приезжих преступников несовершеннолетнего возраста (14–17 лет) и лиц молодежного возраста (18–24 лет) характеризовались в анализируемый период повышенной криминальной активностью.

На рис. 1 проиллюстрированы особенности динамики за период с 2000 по 2004 гг. различных возрастных групп жителей Москвы и иногородних лиц, совершивших преступления в столице.

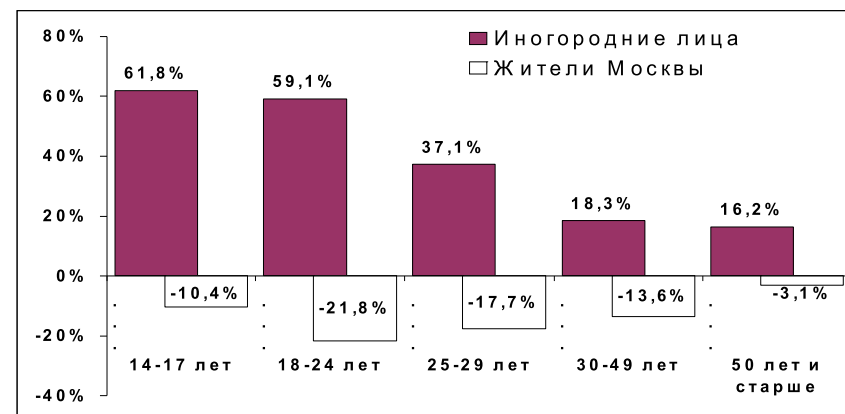

Рис. 1. Прирост за период с 2000 по 2004 гг. различных возрастных групп жителей Москвы и иногородних лиц, совершивших преступления в столице

Для сравнения отметим, что в динамике числа москвичей, привлеченных к ответственности за совершение преступлений в столице, в рассматриваемый период наблюдалось снижение показателей по всем возрастным группам. Значительно уменьшилось число преступников-москвичей в возрасте 18-24 лет (-21,8%), далее за ними следуют возрастные группы 25–29 лет (-17,7%), 30–49 лет (-13,6%), 14–17 лет (-10,4%), 50 лет и старше (-3,1%).

По мнению автора, все вышеизложенное свидетельствует о необходимости:

- разработать программу систематического изучения (мониторинга) миграционной ситуации в Москве, в том числе ее криминальной составляющей. Привлечь к его проведению научные учреждения и неправительственные организации (общественные объединения);

- развернуть работу по активному включению этнических общин, диаспор и землячеств в профилактику правонарушений, совершаемых соотечественниками и земляками;

- разработать Государственную концепцию миграционной политики.

Приведенное выше позволяет сделать вывод о том, что работа по совершенствованию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью иногородних лиц в гор. Москве представляет несомненную важность.

**НЕКЛАССИЧЕСКИЙ
ОБРАЗ БЮРОКРАТИИ КАК ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВЕННО-ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(«СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»)**

Почему одна за другой исчезали восточные цивилизации древности, достигшие точки наивысшего расцвета? Почему рухнула Римская империя на апогее своего могущества? Почему уступила свое место на исторической арене Византия? Почему прекратил существование СССР на самой высокой точке своего развития?

Причины исторического парадокса упадка величайших цивилизаций человечества, находящихся на пике своего развития, всегда волновали умы ученых. Одной из возможных причин может служить наличие для всех развитых государственных образований высшей степени организованности управленческого слоя – бюрократии.

Появление бюрократии, как и любой социальной структуры, обусловлено ходом исторического развития общества. Процессы социализации напрямую связаны с трудовой деятельностью, направленной на производство материальных благ (в первую очередь – средств жизнеобеспечения) и обустройства окружающей среды обитания и самого общества, для «лучшей адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности»¹. По сравнению с другими материальными системами, общественные образования имеют иную форму и степень организации и самоорганизации. Основные отличия объясняются наличием двух тенденций, оказывающих взаимное влияние друг на друга. Это формы самоорганизации и организации, которые одновременно выражены, как:

стихийности, которая характерна как для отдельных индивидов, так и для ряда общественных сфер. Главной особенностью стихийности является то, что «результаты ее заранее не осознаются людьми»²;

сознательность, направленная на выполнение конкретных задач и достижения определенных целей. Как правило, в интересах конкретных социальных слоев (например, классов), целых народов и государств. Для

достижения результатов столь масштабных и долговременных перспектив и создаются определенные государственные и общественные организации. Функциональные задачи государственных образований призваны выполнять представители конкретной же социальной группы – бюрократии.

Несмотря на то, что сознательное (или организованное) начало общества вырастает из стихийности, оно, в свою очередь, порождает стихийность. Данный взаимообратный процесс хорошо показан уже К. Марксом.

Рассматривая генезис революционных процессов, уничтоживших абсолютную монархию, К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», показал, как происходило развитие общих основ современной европейской бюрократии. Этот процесс плотно увязан с буржуазными и буржуазно-демократическими революциями. Сущность любой революции заключается в сломе старой системы общественных отношений и структурирующих их начал и организации. Но смогли ли буржуазные революции, похоронившие «абсолютные монархии» в Европе, окончательно избавиться от всего наследия старых политических режимов? Возможно ли, полностью разрушив старую, построить принципиально новую политическую систему? Опыт развития цивилизации указывает, что еще никому это не удавалось. Революции, имевшие своей задачей коренное преобразование общества, только способствовали дальнейшему развитию прежних порядков и укреплению бюрократии.

Маркс не говорит о причинах возникновения «новой» бюрократии, он лишь анализирует результаты революционных преобразований в Западной Европе.

Противоречия между политическими ценностями абсолютизма и идеями парламентского суверенитета привели в конечном итоге к торжеству парламентаризма. Но, победив в борьбе и сломав старый аппарат управления, революция не уничтожает бюрократию, а только видоизменяет, способствуя ее дальнейшему развитию и увеличению. Смена государственного строя и стиля руководства не привели к исчезновению бюрократии как таковой. На смену старому аппарату управления пришел новый, к тому же, более мощный. Все это происходит за счет усиления роли исполнительной власти. «Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, ... этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело ... общества и затыкающий

¹ Рузавин Г.И. Методология научного познания: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 209.

² Рузавин Г.И. Указ. соч. С. 209–210.

все его поры, возник, по Марксу, в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять»³.

Таким образом, революционные процессы не только не разрушают старую систему общественных отношений в сфере управления, сколько оказывают соответствующее влияние на ее дальнейшее развитие. Потому что, пришедшие к власти в результате революционных преобразований «не в состоянии ... управлять без поддержки со стороны многочисленного класса...»⁴, как и их предшественники до своего поражения.

Из анализа революционных преобразований можно сделать следующие выводы:

революция уничтожает абсолютизм и одновременно укрепляет позиции бюрократии, увеличивая ее не только количественно, но и качественно тем, что она получает новую «легитимацию» – действует от имени народа, оправдывая тем самым одно из своих главных достижений – централизм государственной машины;

происходит усиление неподконтрольности государственной власти обществу, что вызывает к жизни необходимость оптимизации деятельности представительных органов власти и общественных организаций, независимых от центральной власти⁵.

Сама же власть сохраняет свою легитимность до тех пор, пока деятельность класса профессионалов-управленцев удовлетворяет чаяниям основной части населения. Недовольство деятельностью бюрократии может привести к ее свержению, т. е. к новым революционным преобразованиям. Подобное возможно при наличии двух условий:

высокой степени недовольства основной массы населения, как правило, среднего класса;

наличие в среде недовольных организованного меньшинства для «выполнения функций правящего класса»⁶.

Каждую революцию рано или поздно сменяет период реакции или становления нового порядка управления, вызванный, прежде всего, усталостью населения от бесконечных преобразований и насущной необходимостью стабильности и порядка. Поэтому парламентская республика,

сменившая монархию, в своей борьбе против революции вынуждена «... усилить, вместе с мерами репрессий, средства и централизацию правительственной власти»⁷. При формировании новых органов власти старая «структура правящих классов имеет преимущественное значение в определении политического типа»⁸ управления. Столь удивительная живучесть «старых» порядков и форм объясняется влиянием традиций⁹ господствующих в обществе. Дело вовсе не в том, что любая «... укоренившаяся традиция давно препятствовала и сейчас стоит на пути научного прогресса ...»¹⁰. Главное заключено в том, что в основе всякой национальной особенности лежат традиции, сформировавшиеся на ранних периодах развития человеческих сообществ.

Хотя тип, структура новых органов власти в разных странах полностью зависят от «уровня цивилизации различных народов»¹¹, есть единая черта для всех «новорожденных» слоев управленцев – тяготение в сторону увеличения.

Каждое революционное проявление в социальной среде и реакция преодоления последствий социальных катаклизмов приводит к дроблению аппарата власти по отдельным направлениям деятельности и увеличению числа лиц, исполняющих государственно-властные функции. То есть усиление диктата власти исполнительной, развитие власти судебной сопровождается ростом числа тех, кто исполняет все эти функции и обязанности – бюрократии. И хотя представители этого социального слоя находятся в меньшинстве по отношению ко всему обществу, тем не менее, оказывают на него значительное влияние. По причине своей организованности, так как «...суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна»¹².

Таким образом, по мере углубления преобразований в обществе, усложнения общественных отношений, бюрократия превращается в

³ См.: Маркс К. Указ. соч. С. 83.

⁴ См.: Моска Г. Указ. соч. С. 187–198.

⁹ Традиция (от лат. *traditio* – передача) – элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Приводится по материалам Интернет: <http://encycl.accoona.ru/?id=73917>.

¹⁰ Моска Г. Указ. соч. С. 187–198.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

³ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч. М., 1986. Т. 4. С. 82.

⁴ Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.

⁵ См.: Авдеева Ю.Н. Феномен бюрократии в современных социальных системах: Дис... канд. философ. наук. М., 1999. С. 19.

⁶ См.: Моска Г. Указ. соч. С. 187–198.

определенную социальную группу со своими законами развития и правилами игры. «Первая французская революция, – отмечал К. Маркс, – поставившая себе задачу уничтожить все ... особые власти, чтобы создать гражданское единство нации, должна была далее развить то, что было начато абсолютной монархией, – централизацию, но вместе с тем она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти»¹³.

Дальнейшее развитие общества характеризуется не только усложнением отношений внутри его. Не прекращающийся процесс разделения труда, способствовавший возникновению новых отраслей государственного управления, сопровождается проникновением последнего во все сферы жизни как общества в целом, так и отдельного человека. Прежде всего, это находит свое проявление в попытках подчинения всякой общественной инициативы интересам государства. «Всякий *общий* интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самостоятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности...»¹⁴.

В то же время в этом положении заключено и главное условие преобразования бюрократии – смена элит. Верх совершенства бюрократии находит выражение в подчинении ей всех сфер общественной жизни. Такое всеобщее проникновение и вмешательство в общественную жизнь ведет к параличу основы развития общества – движению вперед.

Остановка в развитии всегда ведет к стагнации. Временные периоды стагнации – явление в истории человечества не редкое. Известны различные периоды у разных народов, но полной остановки в развитии всей цивилизации не происходит. Не происходит по той причине, которая в синергетическом подходе к теории систем получила название феномена саморазвития.

Общество является системой, подверженной в своем развитии законам теории систем, в основе которых лежат законы так называемой термодинамики, проявляющиеся в любой материальной системе. Действие законов в социальной сфере приводит к различным результатам. Кибернетик Нортон Винер писал: «Мы погружены в

жизнь, где мир в целом подчиняется второму закону термодинамики: беспорядок увеличивается, а порядок уменьшается...»¹⁵.

Данное предположение нашло свое рассмотрение в работах основоположников синергетики¹⁶ Г. Хакена и И. Пригожина, показавших, какое значение для развития мира представляет способность к самоорганизации. Кроме того, они доказали, что закономерности явлений самоорганизации не ограничиваются областью неживой природы; они распространяются на все материальные системы¹⁷. Это вытекает из процессуальности материальных систем. Все процессы, протекающие в различных материальных системах, могут быть разделены на два типа:

во-первых, процессы, протекающие в замкнутых системах (они «направлены» к установлению равновесного состояния, которое, при определенных условиях, меняет вектор направленности, устремляясь к максимальной степени неупорядоченности или хаоса);

во-вторых, процессы, протекающие в открытых системах (в которых при определенных условиях, из хаоса могут самопроизвольно возникнуть упорядоченные структуры, что и характеризует их стремление к самоорганизации).

Основными характеристиками первого типа процессов являются равновесность и линейность; главными характеристиками второго типа, в которых проявляется способность к самоорганизации и возникновению диссипативных структур, является неравновесность и нелинейность.

Свое понимание феномена самоорганизации Г. Хакен связывает с кооперативными (согласованными) процессами, происходящими в открытых системах, а И. Пригожин – с возникновением диссипативных структур, спонтанно возникающих в открытых неравновесных системах.

Процесс возникновения диссипативных структур объясняется следующим образом. Пока система находится в состоянии термоди-

¹³ Маркс К. Указ. соч. С. 83.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 49.

¹⁶ Синергия (от греческого *synergia* – сотрудничество, содружество) – совместное действие в социологии – совместный труд во всех областях человеческой жизни как основа общности. Приводится по: Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2000. С. 414.

¹⁷ См.: Хакен Г. Синергетика. М., 1980. С. 16.

намического равновесия, ее элементы ведут себя независимо друг от друга, в силу чего к образованию упорядоченных структур они пока неспособны. Происходящие внутренние «флуктуации, или случайные отклонения системы от некоторого среднего состояния, в открытых системах не подавляются, а ...усиливаются при этом по мере возрастания неравновесности между системой и окружающей средой»¹⁸. Любая открытая система при взаимодействии с окружающим миром испытывает определенное внешнее воздействие. Под его влиянием внутренние флуктуации, все более расшатывая систему, разрушают существующие связи между ее компонентами. Таким образом, когда система под воздействием энергетических взаимодействий с окружающей средой переходит в неравновесное состояние, ситуация при этом меняется. Возникшая неустойчивость, достигнув своего критического состояния, приводит систему к качественным изменениям состояния. Элементы такой системы начинают действовать согласованно. Между ними возникают корреляции, когерентное¹⁹ взаимодействие. В результате и возникает диссипативная структура, в которой независимое (беспорядочное) поведение элементов сменилось согласованным (кооперативным) движением, что приводит к образованию новых структур. Накопленная в процессе преобразований энтропия²⁰ в системе рассеивается (или диссипируется) в окружающую среду.

После своего возникновения такая структура не теряет резонансного возбуждения, которое ее порождает. Одним из свойств такой структуры является ее повышенная «чувствительность» к внешним воздействиям. Изменения во внешней среде оказываются фактором генерации и фактором отбора различных, структурных конфи-

¹⁸ Рузавин Г.И. Указ. раб. С. 215.

¹⁹ Когерентность (от лат. *cohaerere* – быть связанным) – взаимосвязь. Принцип когерентности заключается в утверждении, что все существующее находится во взаимосвязи. Приводится по: Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2000. С. 213.

²⁰ Энтропия (от греч. *entropia* – поворот, превращение) – понятие, впервые введенное в термодинамике в 1865 г. Р. Клаузиусом для определения меры необратимого рассеивания энергии. См.: Интернет: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/126/734.htm>., Энциклопедический словарь толковый глоссарий – acciona.ru г. Москва. Приводится по материалам Интернет: <http://encycl.acciona.ru/?id=73917>.

гураций. Материальная система такого типа включается в процесс самоорганизации.

Социальная действительность в структурном аспекте представлена различными уровнями. Структурные уровни социальной действительности находятся в неоднозначно-линейных связях между собой (например, уровень наций и уровень государств). Переплетение разных уровней в рамках общества порождает представление о господстве случайности и хаотичности в социальной действительности. Но внимательный анализ обнаруживает наличие в нем фундаментальной структурности – главных сфер общественной жизни, коими являются материально-производственная, социальная, политическая и духовная сферы, имеющие свои законы и свои структуры. Все они определенным образом субординированы в составе общественно-экономической формации. Эти формации структурированы, в том числе в плане изменений, обуславливая генетическое единство общественного развития в целом. Другими словами, можно сказать, что общество – это система отношений между людьми, равная совокупности общественных отношений²¹.

Бюрократия возникает в открытых социальных системах и по сути является открытым системным образованием. Подверженная открытым процессам и колебаниям, она постепенно становится упорядоченной структурой. Но, по характеру выполняемых социальных задач, бюрократия изначально имеет свойственные только ей черты:

порожденная профессиональными качествами его представителей, *замкнутость* социального слоя управленцев, доступ в который с течением времени для стороннего индивида становится невозможным;

вызванная спецификой выполняемых задач, *корпоративность*, определившая в конечном итоге правила поведения основной массы представителей;

необходимость строгой соподчиненности, проявившаяся в *иерархичности* и вылившаяся, в свою очередь, в косность основных звеньев вертикали управления.

Следует оговориться, что для эффективной работы бюрократии развитие таких качеств необходимо, поэтому в процессах ее внут-

²¹ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2000. С. 461–465.

ренней самоорганизации они играют решающую роль. Протекание этих процессов условно можно разделить на два этапа:

1) стихийный, при котором самоорганизация подсознательно направлена на совершенствование основных качеств внутри социального слоя управленцев и к установлению и совершенствованию равновесного состояния самой системы управления. Это в свою очередь приводит к превращению бюрократии в совершенно замкнутую систему со всеми характерными чертами и свойствами;

2) сознательный, характерный стремлением бюрократии занять в общественной жизни ведущую роль. Ее действия сознательно направлены не на решение социально значимых задач, а на сохранение своих привилегий.

Давление государства в лице бюрократии постепенно приобретает всеобъемлющий характер, что характеризуется двумя существенными моментами.

1. Постепенное ухудшение внутренних характеристик бюрократии. Именно на этом этапе развития происходит ее деградация.

Профессионализм вырождается в замкнутость, т.е. для того, чтобы попасть в этот социальный круг, требуется не столько соответствующие образование и навыки, сколько наличие определенных связей (*протекционизм*), подкрепленных, как правило, определенными материальными ресурсами (*коррупция*).

Корпоративность выражается не столько в коллективном стиле управления, направленном на эффективное решение социально значимых задач (*этика управленческого поведения*), сколько в специфических правилах поведения, приобретающих все более негативный оттенок, вызывающий возрастающую критику со стороны общества.

Иерархия порождает косность вначале в сфере управления (*бюрократизм*), затем во всех областях общественной жизни (*равнодушие и безразличие*).

Высшая степень организованности и порядка внутри бюрократии представляет собой питательную почву для таких преступных явлений, как коррупция, злоупотребление служебными полномочиями и т.д. В сочетании с полным подчинением общественной системы государству приводит к появлению форм государственной (*фашизм, тоталитаризм*) или организованной (*мафия*) преступности.

2. Проникновение во все сферы общественной жизни заключается в стремлении превратить общество в совершенную равновесную

структуру. Но весь парадокс заключается в совершенстве. Чем совершеннее система, тем менее она подвижна и готова к изменениям, к которым, тем не менее, она стремится. Неравновесные процессы в изолированной системе сопровождаются ростом энтропии, они приближают систему к состоянию равновесия, в котором энтропия максимальна²², т. е. к точке критического состояния системы. Поэтому любое внешнее или внутреннее воздействие может вывести ее из равновесия и ввергнуть в хаос революционных преобразований.

Первоначальные внутренние воздействия, выражающиеся в стихийном выступлении низов, постепенно приводят к осознанию нижних слоев управления, занимаемых представителями верхнего уровня средних классов общества к осознанию необходимости перемен. После чего внутренние процессы переходят в сознательную фазу, характеризующуюся высокой степенью организованности, сознательностью и, что самое главное, наличием организованного меньшинства²³. То есть, средний класс, отстраненный до этого момента от управления, выходит на политическую арену борьбы за власть.

Таким образом, такие социальные образования, как общество и государство, представляющие собой «сложные системы *качественно* меняют свое макроскопическое состояние в результате изменений, происходящих на микроуровне»²⁴.

Изменения на микроуровне носят количественный характер и являются *управляющим параметром* системы. При достижении им критической точки происходят качественные изменения системы, т. е. ее переход в новое макроскопическое состояние. Анализ критического состояния системы, ее перехода в новое качество имеет решающее значение для понимания процесса самоорганизации.

Случайные флуктуации, отклоняющиеся от равновесного состояния системы, в ходе взаимодействия с внешним миром и возрастания неравновесности самой системы с течением времени возрастают и при достижении критической точки детерминируют, придавая системе новое необходимое направление движения. Однако оно зависит от ряда случайных факторов. При этом, учитывая заимствованный из

²² Энциклопедический словарь толковый глоссарий – Accoona.ru г. Москва // Приводится по материалам Интернет: <http://encycl.accoona.ru/?id=73917>.

²³ См.: Моска Г. Указ. соч. С. 187-198.

²⁴ Рузавин Г.И. Указ. соч. С. 216.

математики принцип бифуркации²⁵, можно утверждать, что в результате сложившихся обстоятельств система может избрать несколько вариантов дальнейшего развития.

Процесс изменений на микроуровне приводит не только к изменению состояния системы, но и к возникновению множества различных системных образований. Причем их количество зависит от сложности самой системы (чем она сложнее, тем большее количество и вариантов). Конфигурации таких образований различны по своему устройству и внутренним характеристикам, но, тем не менее, управляются параметрами порядка.

Каким образом это происходит, показал Г. Хакен, сформулировавший принцип управления (подчинения) параметрам порядка²⁶. «В определенном смысле параметры порядка действуют как кукловоды, заставляя марионеток двигаться. Однако между наивным представлением о параметрах порядка как о кукловодах и тем, что происходит в действительности, имеется одно важное различие. Оказывается, что, совершая коллективное действие, индивидуальные системы, или «куклы» сами воздействуют на параметры порядка, т.е. на «кукловодов»²⁷.

Для понимания процессов самоорганизации данный принцип имеет особое значение. При огромном множестве вариаций компонентов, существующих в сложных системах и создающих большое число состояний, количество параметров порядка в происходящих процессах немного. Но, несмотря на свою малочисленность, параметры порядка имеют огромное влияние не только на происходящие процессы, но и на их причины. Подобная взаимосвязь указывает на то, что «поведение компонентов системы подчиняется и управляется параметрами порядка, но в тоже время сами параметры порядка появляются в результате взаимодействия компонентов системы»²⁸. Такое представление о «циклической причинности, включающее признание

обратного влияния действия на породившую его причину»²⁹⁰, объясняет очень многое. Например, живучесть традиций, которые, видоизменяясь с течением времени, тем не менее продолжают играть в общественном развитии немаловажную роль.

Сравнение генезиса революционных процессов, представленного К. Марксом и феномена саморазвития, рассмотренного Хакеном и Пригожиным, дает нам возможность составить картину саморазвития бюрократии.

Возникая как элемент открытой социальной системы, бюрократия сама в ходе развития общества постепенно превращается в открытую систему. Но, являясь продуктом жизнедеятельности человеческих сообществ, индивиды которых на заре своего развития бессознательно пришли к необходимости осуществления функции управления, бюрократия, по мере развития, сознательно стремится к защите «групповых» интересов, которые имеют тенденцию к латентным формам существования и т.д.

Для реализации своих интересов и защиты полученных результатов бюрократия стремится к подавлению общества, выражающегося в превращении его в замкнутую систему.

Первоначально это проявляется во внутренних изменениях характеристик бюрократии, так необходимых для слоя управленцев. По мере дробления функций управления и связанного с этим процессом увеличения числа представителей, бюрократия стремится к подчинению общества своим интересам. Проникновение бюрократии во все сферы общественной жизни постепенно превращает социум в изолированную (замкнутую) систему. Но попытка привить всем остальным элементам общественной жизни законы внутреннего развития бюрократии и приводит к социальным потрясениям, избежать которых не удастся, несмотря на уровень понимания социальных процессов современной наукой.

²⁵ Бифуркация – приобретение нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров. Основы теории бифуркации заложены А. Пуанкаре и А.М. Ляпуновым в начале XX века, затем эта теория была развита А.А. Андроновым и его учениками.

²⁶ См.: Хакен Г. Основные понятия синергетики // Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 29 // Рузавин Г.И. Указ. соч. С. 217.

²⁷ Там же.

²⁸ Рузавин Г.И. Указ. соч. С. 218.

²⁹ Там же.

ФАКТОРЫ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Проблема причинности преступности, несмотря на то, что является одним из основных объектов криминологических исследований с момента возникновения этой науки, остается до настоящего времени наименее разрешенной.

Специалистами выделяется множество факторов преступности, по некоторым оценкам, существует до 300 основных детерминант преступности в целом¹, многие из которых оказывают свое негативное влияние и на должностную преступность.

Криминогенные факторы должностной преступности можно выделить в следующие шесть основных групп: экономические, политические, социально-психологические, организационные, кадровые и нормативные.

1. Экономические факторы

Нестабильное состояние и слабость государственной экономики, высокий уровень инфляции и безработицы, недостатки в сфере производства и распределения материальных ценностей крайне негативно влияют на многие процессы, протекающие в обществе, особенно на преступность. Многочисленными криминологическими исследованиями давно доказана прямая зависимость роста уровня преступности от ухудшения экономической ситуации в государстве. Должностная преступность, как составная часть общей преступности, объективно зависит также от негативных тенденций в экономике.

Одним из немаловажных экономических факторов преступности является имущественная поляризация населения. Еще древнегреческий философ Платон отмечал, что для устранения одного из основных факторов преступности законодатель должен установить пределы бедности и богатства. «Допустимо, чтобы имущество самых состоятельных лишь в четыре раза превышало «богатство» самых

бедных»². Позже этот тезис был подтвержден в ходе экономических исследований академика Л.И. Абалкина³ и криминологических исследований А.Б. Сахарова, который указывал, что «...более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальный доход и т.д.) лучше, но зато значительно контрастнее (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп... Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности, с размером, остротой этого различия, т. е. с противоречием как таковым»⁴. Особенно остро существенная разница в доходах ощущается государственными служащими. Так, опрошиваемые сотрудники правоохранительных органов г. Москвы, чье материальное положение намного лучше, чем у коллег в регионах, заметно чаще последних отмечали необходимость повышения заработной платы⁵.

Такой фактор должностной преступности, как несовершенство в механизме управления государственной собственностью, особенно сильно проявился в период проведения реформ, в процессе надуманной приватизации, когда ранее действовавшая система управления государственной собственностью была упразднена, а новая еще не сформировалась, что создавало почву для многочисленных должностных злоупотреблений.

Экономическая необеспеченность приоритета предупреждения преступлений применению мер уголовной репрессии, недостаточное финансирование правоохранительных органов также являются одним из немаловажных факторов, влияющих на рост должностной преступности.

² Платон. Законы: Сочинения: В 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 219.

³ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 10.

⁴ Сахаров А.Б. Социальные условия и преступность // Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М., 1979. С. 29–30.

⁵ См.: Королева М.В. Коррупция в сфере правоохранительной деятельности // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 93, 94.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984.

2. Политические факторы

Криминологами давно опровергается довольно распространенное ошибочное мнение, что проблема противодействия преступности является исключительной прерогативой правоохранительных органов. Без участия всей государственной системы, всего общества задача минимизации уровня преступности недостижима. В этой связи особое значение приобретает наличие политической воли руководства государства реально (т. е. не декларативно), целеустремленно и последовательно противодействовать преступности.

В особенности данное положение актуально для решения проблемы должностной преступности. Многими исследователями отмечается, что зачастую решение о привлечении к уголовной ответственности высокопоставленных должностных лиц принимается не из-за наличия или отсутствия юридических оснований, а исходя из политической целесообразности, узкопартийных интересов, степени близости этого лица к руководству государством. Случаи привлечения к уголовной ответственности высокопоставленных государственных служащих в России крайне редки, и, как правило, возбуждение уголовного дела против коррумпированных чиновников, занимавших высокие должности, связано с их оппозиционностью правящим партиям, с конфликтом интересов. К сожалению, лозунг борьбы с коррупцией часто используется для борьбы с политическими противниками. Как верно подметил Н.И. Мельник: «Заявления о решительной и последовательной борьбе с коррупционерами, постановления и указы, которые принимаются в контексте таких заявлений, если они не базируются на достоверном намерении лидеров государства реально и системно противостоять коррупции, не стоят ровным счетом ничего. Более того, они вредны для борьбы с коррупцией, ибо провозглашаются и принимаются совсем с иной целью – ввести народ в заблуждение, убедив его в том, что государство о нем заботится и принимает решительные меры по борьбе с коррупцией. Те одинокие резонансные дела, которые возникают в отношении отдельных высокопоставленных чиновников, избличенных в коррупции, при таком подходе не имеют ничего общего с системной борьбой с коррупцией. Они являются больше результатом противостояния политических и уголовно-финансовых кланов, необходимости удовлетворения власть предержащими лицами личных или корпора-

тивных интересов, нежели результатом целенаправленной антикоррупционной деятельности правоохранительных органов»⁶.

В подобной ситуации наличие политической воли является решающим фактором противодействия должностной преступности. Под политической волей обычно понимается то, что «при наличии законных оснований закон применяется к какому-либо лицу, независимо от занимаемой должности, политических пристрастий, родства, близости к политическому руководству и других подобных обстоятельств. При отсутствии политической воли, самое совершенное антикоррупционное законодательство обречено на декларативное существование, а деятельность правоохранительных органов – на имитацию борьбы с коррупцией»⁷.

Представляется также, что недостаточно последовательная и целеустремленная уголовная политика государства в сфере противодействия должностной преступности (например, отмена конфискации имущества лиц, виновных в совершении этих преступлений) также является одной из детерминант подобных преступлений.

Среди политических факторов должностной преступности немаловажную роль играет отчуждение большей части населения от управления государственными делами, от контроля над системой мер борьбы с преступностью. Государство не только не стимулирует активность гражданского общества в деле управления государством, в противодействии преступности, но, напротив, фактически всячески препятствует этому.

3. Социально-психологические факторы

К сожалению, общество в целом довольно равнодушно относится к должностной преступности. Так, по данным исследования В.М. Егоршина, отношение населения к проституции намного негативнее, чем к коррупции: 37% опрошенных граждан оправдывают существование взяточничества, и лишь 25% – проституцию⁸. Как точно отмечает профессор А.И. Долгова: «Признание коррупции в

⁶ См.: Мельник Н.И. Понятие коррупции // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 221.

⁷ Там же. С. 221.

⁸ См.: Егоршин В.М. Экономическая преступность и безопасность современной России (теоретико-криминологический анализ): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 32.

среде государственных служащих нормальным явлением, подобно чаевым в среде швейцаров, является важным фактором формирования криминальной мотивации»⁹.

Некоторые эксперты указывают, что среди факторов коррупции значительную роль могут играть определенные этнокультурные традиции и обычаи, кланово-родовые пережитки, которые в известной мере программируют поведение личности. Так, по свидетельству У.Т. Сайгитова, в Дагестане коррупция не просто имеет место, «а ею пропитано все общество на различных уровнях; методы коррупционного характера не просто предпочтительны при реализации каких-либо задач известного плана, а необходимы, ибо в ином случае зачастую сопряжены с невероятными трудностями, потерей времени»¹⁰. В подобных условиях даже порядочные, не коррумпированные государственные служащие, будучи связаны куначеско-патронажными обязательствами, порой не могут позволить себе проявить принципиальность. Таким образом, «коррупция становится составной частью национальной культуры, поэтому лица, использующие такие методы, могут быть удивлены, если им сказать, что то, что они делают, является бесчестным и неэтичным»¹¹. Примечательно, что подобные социально негативные традиции более распространены, по свидетельству многих исследователей, в южных странах. Возможно, отсутствие в культуре северных народов подобных обычаев является одним из факторов самого низкого в мире, по оценкам организации *Transparency International*, уровня коррупции в скандинавских странах.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что издавна существовавшие в обществе криминогенные традиции проявились в наиболее значительной степени в последнее десятилетие XX века. Развал СССР, многочисленные нарушения в ходе приватизации, длительный экономический кризис, крайне высокая степень расслоения общества на его ничтожную богатую часть и подавляющее большинство населения, живущего за чертой бедности, а,

следовательно, произошедшая насильственная смена нравственных ориентиров оказали негативное влияние на сознание граждан. Как отмечают некоторые исследователи¹², в психологии значительной части населения произошли существенные изменения: большинство граждан уверено, что разбогатеть честным путем невозможно, что власть предрежащие заботятся преимущественно о собственном благополучии, демократические механизмы не эффективны и т.д. Подобные трансформации в психологии населения и, соответственно, государственных служащих, утрата значительной частью населения общепризнанных человеческих идеалов в сфере общежития социума, низкий уровень правовой солидарности населения с уголовным законодательством также являются питательной почвой для должностной преступности.

В то же время некоторые специалисты, преимущественно экономисты и политологи, отмечают определенные положительные функции коррупционной преступности, которая, по их мнению, способствует развитию предпринимательства, гибкости рынка и т.п. Подобные суждения можно сравнить с рассуждениями о пользе курения: успокаиваются нервы, притупляется чувство голода, коммуникативные функции и т.п. Однако и в том, и в другом случае постепенно разрушается организм человека.

Росту должностной преступности способствует распространенный в обществе правовой нигилизм. Значительная часть населения, вовлеченная прямо или косвенно в теневую экономику, привыкшая получать зарплату в конвертах и уклоняться от налогов, будучи свидетелем многочисленных злоупотреблений и нарушений закона, начинает относиться к нормам права как к чему-то необязательному, особенно если речь не идет об общеуголовных преступлениях. Граждане привыкают нарушать закон, дача взятки не считается чем-то крайне аморальным. Распространение в обществе криминальной субкультуры (криминальный жаргон используют не только средства массовой информации, но и многие политические деятели), криминализация значительной доли населения, пьянство, наркотизм и дру-

⁹ Криминология / Под общ. ред. А.Н. Долговой. М., 1997. С. 507.

¹⁰ Сайгитов У.Т. Специфика причин коррупции в Республике Дагестан // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 42.

¹¹ Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996.

¹² См., например: Фролова Л.И. Социально-политические последствия коррупции в России // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 46–50; Васильев В.Л. Психологический анализ генезиса коррупции // Там же. С. 51–52.

гие социальные девиации также способствуют значительному росту преступности.

Также и государственные служащие, будучи частью общества и испытывая его влияние, зачастую не всегда добросовестно относятся к нормативным предписаниям, психологически готовы к нарушению закона. Некоторая часть граждан еще на момент поступления на государственную службу рассчитывает получать определенные доходы путем систематических должностных злоупотреблений, оправдывая это недостаточным материальным обеспечением служащих¹³.

Определенную негативную роль играют и неразвитые традиции этики публичной службы, недостаточно четко сформированное понимание чести государственного служащего. В частности, существовавшее издавна понятие офицерской чести в настоящий момент во многом девальвировалось.

Среди морально-психологических факторов, способствующих должностной преступности, можно отметить и не всегда позитивное отношение общества к правоохранительным органам. По данным А.Н. Варыгина и О.В. Шляпниковой, в России не доверяют милиции около 50% опрошенных ими граждан¹⁴.

4. Организационные факторы

Недостаточно эффективная организация контроля деятельности государственных служащих, чрезмерная закрытость, а порой, необоснованная корпоративная солидарность большинства государственных органов, недостаток гласности и прозрачности в их деятельности, слабость внутреннего, ведомственного контроля создают благоприятную почву для должностной преступности. Представляется, что подобные условия имеют как объективную природу, вызванную определенным несовершенством механизма государственного управления, так и субъективную – значительное число государственных служащих подобное положение вполне устраивает. Обилие проверяющих (лицензирующих) предпринимательскую деятельность органов и, как следствие, многочисленные инструкции и нор-

мативные акты, регламентирующие их деятельность, также создают почву для коррупции. Необходимо гармонично сочетать целесообразный контроль над бизнесом со стороны государства с ограничением избыточного вмешательства государственных органов в экономическую сферу.

В другую группу организационных факторов должностной преступности входят: слабое взаимодействие правоохранительных органов, противоречия в компетенции органов, осуществляющих борьбу с преступностью, несоответствие системы мер борьбы с преступностью целям такой борьбы, перегрузка системы уголовной юстиции, низкий уровень профессионализма органов правоохранительной сферы, недостаточное материально-техническое их обеспечение.

Следует отметить также слабую эффективную организацию деятельности аналитических подразделений правоохранительных органов, недостаточное количество сотрудников, целенаправленно занимающихся подобной работой – отсюда просчеты в прогнозировании криминологической ситуации, планировании и осуществлении предупредительной деятельности.

Способствует распространению должностной преступности и недостаточная научная и криминологическая обеспеченность деятельности органов внутренних дел, направленная на противодействие преступности. В данном случае имеется ввиду как слабая научная исследованность многих проблем, недостаток методических рекомендаций практической направленности, так и игнорирование органами государственного управления, правоохранительными органами существующих научных разработок, последних достижений науки, равно как и не вполне эффективный механизм внедрения результатов научных исследований в практическую деятельность.

Специалистами давно отмечается необходимость систематического проведения криминологической экспертизы законопроектов и принятых ранее нормативных актов на предмет их криминогенности. В научной литературе часто встречаются небезосновательные утверждения о том, что определенные нормативные акты специально принимаются для облегчения совершения хищений государственной собственности, других должностных преступлений.

¹³ Cușnir V. Autoritatea publică, corupția și crima organizată // Strategia combaterii criminalității organizate în Republica Moldova. Chișinău: ARC, 1997. P. 94.

¹⁴ См.: Варыгин А.Н., Шляпникова О.В. Коррупция в органах внутренних дел // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 106.

5. Кадровые факторы

Недостатки в подборе и профессиональной подготовке кадров государственных служащих, и, как следствие, их низкий профессионализм и некомпетентность способствуют распространению должностной преступности. В этой связи представляет определенный интерес то обстоятельство, что 91%, опрошенных сотрудников правоохранительных органов России дали низкую оценку профессиональной подготовке своих коллег¹⁵.

Вместе с тем среди факторов должностной преступности следует отметить и социальную незащищенность государственных служащих, хотя, по нашему мнению, этот фактор не является решающим. Как отмечают специалисты, «прямая причинно-следственная связь между уровнем оплаты труда государственных служащих и вероятностью коррупции отсутствует»¹⁶. Просто для подкупа низкооплачиваемых чиновников можно тратить меньше денег, а подкуп высокооплачиваемых должностных лиц обойдется дороже.

Негативным фактором является и чрезмерная раздутость управленческого аппарата, бюрократизм, протекционизм. По некоторым данным, в России за годы реформ управленческий аппарат государства вырос в полтора раза¹⁷, по другим источникам – более чем в два раза¹⁸, численность же личного состава МВД России превысила таковую в МВД СССР и КГБ СССР вместе взятых¹⁹.

¹⁵ См.: Королева М.В. Указ. раб. С. 96.

¹⁶ Колодкин Л.М. Франция объявляет войну коррупции // Состояние законности, борьбы с преступностью и коррупцией. М., 1993. С. 210.

¹⁷ См.: Наумова Т.В. Рыночные реформы в российском измерении // Социологические исследования. М., 1998. № 1. С. 59.

¹⁸ Для сравнения: государственный аппарат РСФСР и центральных органов власти СССР составлял в период правления И.В. Сталина 532 тыс. человек, при Н.С. Хрущеве – 500 тыс., при Л.И. Брежнев – 753 тыс., при М.С. Горбачеве – 643 тыс., а в период правления Б.Н. Ельцина государственный аппарат России достиг 1 110 тыс. человек // Аргументы и факты. 1998. № 22.

¹⁹ См.: Кривошеев В.В. Коррупция как проявление криминализации российского общества // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 29.

6. Нормативные факторы

Недостаточно четкая регламентация деятельности государственных служащих, дублирование друг друга отдельными государственными органами создают благоприятную почву для всевозможных должностных злоупотреблений.

Существующие пробелы и коллизии в законодательстве, определенные противоречия законов и подзаконных нормативных актов, отсутствие должной регламентации многих вопросов, а иногда, напротив, избыточная регламентация способствуют бюрократизму, произволу чиновников и коррупционной преступности, а также затрудняют эффективную деятельность по противодействию должностной преступности. Примером противоречия различных законодательных актов может служить вопрос о размере стоимости подарка государственному служащему. Например, Гражданский кодекс РФ допускает подарки незначительной стоимости, а Уголовный кодекс РФ позволяет любой подобный подарок считать взяткой.

Крайне негативное влияние на криминогенные процессы оказывает нестабильность, неупорядоченность законодательства. В первой половине 90-х годов тотальные изменения в законодательстве государств, возникших после развала СССР, были вполне оправданы, однако принятие недостаточно обоснованных и продуманных законов привело к необходимости внесения постоянных изменений в нормативные акты, что приводит к их меньшей эффективности, а также способствует возможным злоупотреблениям должностных лиц, которые призваны воплощать в жизнь данные правовые акты. Отсутствие эффективного механизма реализации ряда нормативных актов антикоррупционной направленности приводит к аномии, бездействию закона.

Одним из факторов, препятствующих эффективной борьбе с должностной преступностью, является также иммунитет некоторых категорий должностных лиц, совершивших преступления, крайне сложная процедура привлечения их к уголовной ответственности.

Таким образом, устранение или снижение негативного влияния перечисленных факторов должностной преступности является залогом уменьшения ее уровня.

Г. В. Антонов-Романовский,
кандидат юридических наук, доцент;
Г. Ф. Коимшиди,
кандидат технических наук, доцент
(НИИ укрепления законности и правопорядка
при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

СОСТОЯНИЕ УЧЕТНО-РЕГИСТРАЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Одной из важных составляющих уголовной политики является обеспечение учетно-регистрационной дисциплины. В идеале должна регистрироваться вся поступающая в конкретные правоохранительные органы информация о совершенных преступлениях. Однако между идеальной и реальной ситуациями есть существенная разница. Среди факторов, порождающих различие между ними, следует назвать, во-первых, практическую возможность сбора и должной обработки такой информации службами, в чью компетенцию это входит; во-вторых, федеральные, региональные и местные критерии оценки эффективности противодействия преступности. Эти критерии являются важным элементом реальной уголовной политики. В таких критериях сплетены в клубок интересы различных властных структур и правоохранительных ведомств не только по обеспечению правопорядка, но и в получении положительной оценки своей правоохранительной деятельности от населения, политических и экономических элит общества и, главное, для правоохранительных органов – их внутреннего и внешнего руководства.

В советское время учетно-регистрационная практика была подчинена политической цели демонстрации, успешности в борьбе с преступностью. Попытки переломить этот подход, исходя из потребностей обеспечения правопорядка, не давали нужного эффекта. Идеологические потребности гасили эти начинания. К сожалению, стереотип оценки уровня правоохранительной деятельности по динамике регистрируемых преступлений трудно изживаем и сохраня-

ется, несмотря на понимание объективной необходимости обеспечения наиболее полного учета и регистрации преступлений.

Анализ динамики статистических показателей числа преступлений по России за период с 1991 по 2004 гг. показывает, что сам по себе относительно полный учет и регистрация совершенных преступлений не может обеспечить повышения эффективности противодействия преступности. Требуется комплексный подход в решении более общей по отношению к учетно-регистрационной дисциплине задачи совершенствования оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы по выявленным преступлениям.

Разрыв между повышением уровня обеспечения учетно-регистрационной дисциплины и непродуктивностью оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы по зарегистрированным преступлениям может вызвать нежелательный эффект. Качество этой работы должно быть также повышено. При этом речь идет не столько об организационно-распорядительном ее совершенствовании, сколько о серьезном увеличении ее материального, финансового и кадрового обеспечения. Результаты анализа указанных статистических данных дают дополнительный аргумент в пользу названного тезиса.

Без значительных ресурсных вливаний качество оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы при увеличении объема регистрируемых преступлений снизится из-за «распыления» сил. С другой стороны, увеличивающийся разрыв между массой зарегистрированных и раскрытых преступлений способен спровоцировать волну недоверия населения к правоохранительным органам. Суть этого эффекта состоит в том, что незнание реального уровня преступности «усыпляет» общественное мнение. Именно на достижение этого эффекта нацелена практика стабилизации и искусственного сокращения уровня учитываемых и регистрируемых преступлений. Если такая практика носит устойчивый характер, то она становится важной частью уголовной политики, камуфлирующей реальное положение дел в борьбе с преступностью. Такая линия в уголовной политике позволяет вводить в заблуждение общественное мнение о реальном состоянии правопорядка. Но она одновременно

объективно усиливает разрушающее воздействие преступности на общество, которой не дается должного отпора.

Анализ динамики статистических показателей по России за период с 1991 по 2004 гг. раскрывает особенности подхода к обеспечению учетно-регистрационной дисциплины. Мы наблюдаем колебания в характере этого подхода. Приходится также констатировать отсутствие сочетания повышения требовательности к учетно-регистрационной дисциплины с соответствующим улучшением состояния оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы по зарегистрированным преступлениям.

Обратимся к анализу динамики статистических данных по форме 1А за 1991–2004 гг. (см. рис.1). На рисунке представлены данные, характеризующие динамику зарегистрированных преступлений, числа преступлений, по которым дела закончены расследованием и числа преступлений, по которым уголовные дела впервые приостановлены производством.

Число зарегистрированных преступлений¹ складывается из так называемых легко раскрываемых и трудно скрываемых преступлений. Динамика числа преступлений, по которым уголовные дела окончены расследованием, характеризует часть всей преступности, состоящую в основном из преступлений, которые в настоящее время правоохранные органы умеют раскрывать. Динамика преступлений, по которым уголовные дела впервые приостановлены, характеризует в основном ту совокупность преступлений, раскрытие которых современные возможности и состояние оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы обеспечить не могут. Кроме того, что очень важно для данного анализа, динамика нераскрытых преступлений позволяет судить о возможностях правоохранных органов не регистрировать те преступления, на расследование которых требуются значительные материальные и кадровые ресурсы, а их, как правило, крайне не хватает. Это главное, что гасит перспективу раскрытия таких преступлений и порождает практику сокрытия последних от учета и регистрации.

¹ Здесь и далее под преступлениями мы понимаем деяния с признаками преступлений, так как используем данные статистики МВД России.

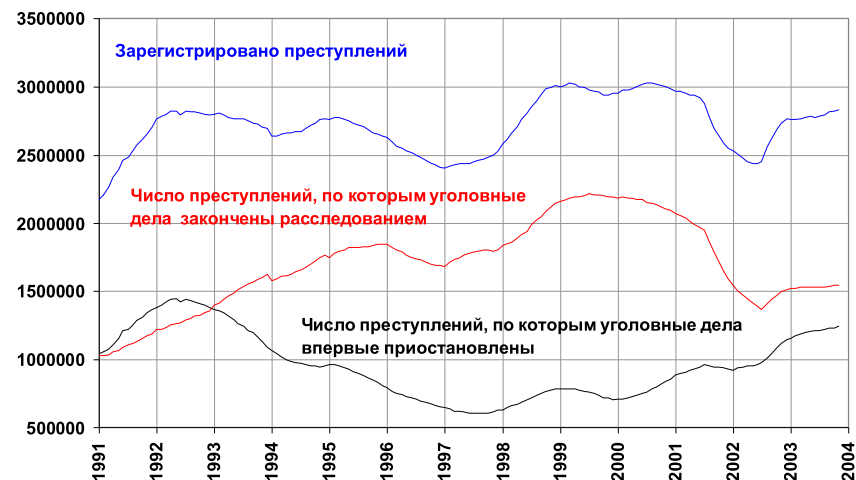

Рис. 1. Динамика статистических показателей числа преступлений (Россия)

До 1997 г. в динамике числа преступлений, по которым уголовные дела окончены расследованием, наблюдалась тенденция равномерного роста – каждый год число расследованных уголовных дел увеличивалось примерно на 165 тыс.

Если наблюдался устойчивый рост определенной части преступности, то, по-видимому, должна была бы расти и вся преступность. Однако, достигнув в 1993 г. уровня 2,8 млн зарегистрированных преступлений, этот показатель начал несколько снижаться до 2,6 млн зарегистрированных преступлений в 1996 г. Это снижение тесно связано с сокращением числа преступлений, по которым уголовные дела были впервые приостановлены. Снижение их численности началось с середины 1993 г.

До октября 1993 г. рост числа преступлений, по которым уголовные дела были впервые приостановлены, превышал рост числа преступлений, по которым уголовные дела были расследованы. Простые математические расчеты показывают, что если бы в 2001 г. регистрационная дисциплина правоохранных органов была бы на уровне 1993 г., то было бы зарегистрировано около 4,5 млн преступлений вместо 2 млн 952 тыс.

Регистрация такого количества преступлений за год не представляется невероятной. Уровень латентных преступлений в на-

стоящее время, по оценкам криминологов, значительно превышает количество выявленных. При этом следует учитывать, что и в 1992–1993 гг. учетно-регистрационная дисциплина была на не достаточно высоком уровне.

Способна ли нынешняя дежурная часть МВД России зарегистрировать и должным образом обеспечить первоначальные следственные действия по такому количеству преступлений? Вопрос риторический. При сохранении нынешнего состояния, скорее всего, нет.

Возможна ситуация, когда сегодняшний уровень технической обработки поступающей информации о совершенных преступлениях не будет соответствовать ее объему. Эта информация распределяется неравномерно по всем дежурным частям МВД России. Удвоение поступления такой информации в целом по России означает, что в отдельные отрезки времени в отдельные дежурные части она будет поступать на порядок в большем объеме, чем сейчас.

В 1997 г. был введен в действие новый УК России. В результате в динамике числа преступлений, по которым уголовные дела были закончены расследованием, изменилась тенденция роста на тенденцию снижения. В дальнейшем этот показатель стал вновь расти. В 1999 г. он почти достиг значения, соответствующего той тенденции, которая наблюдалась до 1997 г.

В 1998 г. произошли существенные изменения в учетно-регистрационной практике. Были приняты меры, направленные на повышение учетно-регистрационной дисциплины, которые, в частности, сопровождались жесткой критикой в СМИ МВД по проблеме сокрытия преступлений. В Академии управления МВД России в августе 1998 г. был проведен круглый стол по проблеме регистрационной дисциплины. Это привело к тому, что в 1999–2001 гг. количество зарегистрированных преступлений поднялось и стабилизировалось на уровне около 3 млн.

Некоторое снижение числа регистрируемых преступлений, наблюдавшееся после 1999 г. до 2002 г., скорее всего свидетельствует о том, что правоохранные органы вышли на тот момент на предельные возможности регистрации и раскрытия преступлений. Внутренние резервы для совершенствования этой работы, по всей видимости, были исчерпаны. Можно полагать, что на тот период правоохранные органы были способны обеспечивать раскрываемость на уровне не более 2100–2200 тыс. преступлений в год. Об

этом косвенно свидетельствует рост в 2001 г. количества приостановленных уголовных дел.

Достаточно неожиданно на динамике расследованных и приостановленных уголовных дел сказалось сочетание в 2002 г. сохранения высокого уровня учетно-регистрационной дисциплины с декриминализацией ряда менее опасных преступлений. В связи с декриминализацией этих деяний, которые в массе своей легче раскрываемы, резко сократилось количество уголовных дел, заканчиваемых расследованиями. В то же время количество преступлений, по которым уголовные дела были впервые приостановлены, даже немного увеличилось. Это говорит о том, что сокращение количества уголовных дел за счет декриминализации части составов преступлений не привело к автоматическому увеличению числа раскрытых преступлений. Качество оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы за счет сокращения их объемов не повысилось.

Уровень возможностей правоохранных органов по раскрытию преступлений остался прежним, а сокращение из-за декриминализации количества легче раскрываемых преступлений выразилось в том, что уровень преступлений, по которым уголовные дела окончены расследованием, понизился до 1 550 тыс. раскрытых за год преступлений. Это говорит о том, что декриминализация части составов преступлений не привела к автоматическому улучшению состояния правопорядка. Качество правоохранный деятельности от сокращения ее объема не повысилось.

Сказанное позволяет сделать следующий вывод: повышение уровня учетно-регистрационной дисциплины, а также декриминализация какой-либо части составов преступлений сами по себе без подкрепления совершенствованием оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы не может привести к улучшению состояния правопорядка.

Рассмотрим последствия совершенствования регистрационно-учетной дисциплины после приказа ГП РФ и МВД России от 16 мая 2005 г., направленного на укрепление законности при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

На протяжении 11 месяцев 2005 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 3 236 234 преступлений, что на 587 658 (или 22,2%) больше, чем за аналогичный период прошлого года. Ежемесячно на протяжении 2005 г. регистрировалось больше преступлений, чем за аналогичные месяцы в прошедшем году (см. таблицу 1).

Таблица 1

Число зарегистрированных преступлений (в тысячах, за месяц)

	январь	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сентяб.	окт.	нояб.	дек.
2004 год	211,9	230,1	261,3	239,7	228,3	256,9	231,7	243,1	254,4	250,4	240,8	245,2
2005 год	226,6	245,2	287,1	263,0	289,5	332,2	303,0	326,3	330,8	322,4	310,3	
темпы прироста (%)	6,9	6,6	9,9	9,7	26,8	29,3	30,8	34,2	30,0	28,8	28,9	

За первые четыре месяца 2005 г. прирост числа зарегистрированных преступлений в России составлял 8,4% (1 021 814 преступлений за январь – апрель 2005 г. против 942 927 преступлений за АППГ). За девять месяцев он вырос до 20,7% (2 603 590 преступлений за январь – сентябрь 2005 г. против 2 157 395 преступлений за АППГ).

Следует отметить, что за первые семь месяцев действия приказа (май – ноябрь 2005 г.) в стране было зарегистрировано 2 214 420 преступлений, что на 29,8% больше, чем за аналогичный период прошлого года (1 705 649 преступлений).

За эти же семь месяцев число зарегистрированных убийств и покушений на убийство сократилось на 1,9% (в мае-ноябре 2005 г. – 17 837 убийств, против 18 182 убийства за АППГ). По-видимому, это свидетельствует о том, что динамика реальной преступности в России стабилизировалась и ее реальный рост не превышает 7–10%. А указанный выше рост общего числа зарегистрированных преступлений на 29,8% является следствием действия управленческого фактора – некоторое снижение латентности. И в результате в июне 2005 г. в России было зарегистрировано наибольшее количество преступлений на протяжении одного месяца (332 167).

А в динамике числа преступлений, уголовные дела о которых окончены расследованием (см. таблицу 2), существенных изменений не произошло.

За первые четыре месяца 2005 г. прирост числа таких преступлений в России составлял 7,8% (562 744 преступлений за январь – апрель 2005 г. против 521 830 преступлений за АППГ). За семь следующих месяцев он вырос до 9,2% (988 522 преступлений за май – ноябрь 2005 г. против 905 205 преступлений за АППГ).

Таблица 2

Число преступлений, уголовные дела о которых расследованы (в тысячах, за месяц и за год)

	январь	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сентяб.	окт.	нояб.	дек.
2004 год	114,7	125,9	151,0	130,2	128,6	155,6	116,1	123,2	142,8	116,9	122,0	142,3
2005 год	123,7	135,8	164,1	139,0	142,4	169,1	128,0	136,6	156,3	126	130,1	
темпы прироста (%)	7,8	7,9	8,7	6,8	10,7	8,7	10,2	10,9	9,5	7,8	6,6	

Зато в динамике числа преступлений, уголовные дела о которых впервые приостановлены (см. таблицу 3), произошли наиболее существенные изменения.

Таблица 3

Число преступлений, уголовные дела о которых впервые приостановлены (в тысячах, за месяц и за год)

	январь	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сентяб.	окт.	нояб.	дек.
2004 год	95,2	111,5	87,6	92,7	99,4	93,9	107,0	109,0	98,6	118,6	119,2	132,3
2005 год	106,6	118,1	91,8	99,8	108,9	106,3	139,6	161,1	153,6	183,3	183,9	
темпы прироста (%)	12,0	5,9	4,8	7,7	9,67	13,2	30,5	47,8	55,8	54,6	54,3	

За первые шесть² месяцев 2005 г. прирост числа таких преступлений в России составлял 8,8% (631 626 преступлений за январь – июнь 2005 г. против 580 393 преступлений за АППГ). За пять следующих месяцев он вырос до 48,8% (821 583 преступлений за июль – ноябрь 2005 г. против 552 270 преступлений за АППГ).

Следует отметить, что, начиная с июня 2005 г., динамика количества зарегистрированных за месяц преступлений стабилизировалась на уровне 325 тысяч.

Оценивая показатели таблицы 1, необходимо подчеркнуть, что они продолжают четко отображать волнообразный характер учетно-регистрационной практики, особенность которой состоит в том, что всплески преступности совпадают с периодом ежеквартального подведения итогов правоохранительной деятельности и обострения внимания руководителей ведомств к количественным показателям регистрируемой преступности. Это свидетельствует о том, что и в

² Естественно, действие приказа на число преступлений, уголовные дела о которых впервые приостановлены, начинается на два месяца позже.

современных условиях показатель количества зарегистрированных преступлений на местах продолжает корректироваться.

Изучая динамику основных видов преступлений (таблица 4), можно отметить следующее. Несмотря на общий рост количества зарегистрированных преступлений (на 22,2%) и на рост тяжких и особо тяжких преступлений (14,4%), наименее латентные виды преступлений или увеличились незначительно, или уменьшились. При этом отмечается значительный рост наиболее латентных видов преступлений.

Таблица 4

Динамика зарегистрированных преступлений

Преступления	11 месяцев 2003 г.		11 месяцев 2004 г.		11 месяцев 2005 г.	
	Всего	Динамика к 11 месяцев 2002 г. (в %)	Всего	Динамика к 11 месяцев 2003 г. (в %)	Всего	Динамика к 11 месяцев 2004 г. (в %)
Все преступления	2554183	10,2	2648576	3,7	3236234	22,2
В том числе:						
Тяжкие и особо тяжкие	1000036	-21,7	862859	-13,7	986806	14,4
Убийства	28980	-2,4	29078	0,3	28428	-2,2
Причинение тяжкого вреда здоровью	52734	-3,3	53042	0,6	53936	1,7
Изнасилования	7456	-2,7	8193	9,9	8558	4,5
Кражи (всего)	1045606	24,8	1158574	10,8	1425392	23,0
Кражи из квартир	238215	-2,2	231311	-2,9	242529	4,8
Грабежи	176653	18,1	226587	28,3	308801	36,3
Грабежи с проникновением	17864	-9,0	16436	-8,0	16038	-2,4
Разбои	43633	4,1	49578	13,6	57011	15,0
Разбои с проникновением	9641	-13,3	4627	-52,0	4534	-2,0
Хулиганство	124869	1,2	23053	-81,5	27395	18,8
Экономической направленности	359801	1,9	384494	6,9	411719	7,1
Взятка (дача и получение)	7138	1,8	8510	19,2	9419	10,7
Связанные с наркотиками	166440	-5,5	139963	-15,9	160818	14,9

Таким образом, совершенствование учета, регистрации и обработки статистической информации о преступлениях в Российской Федерации без повышения качества оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы может привести к следующему:

1. Дежурная часть МВД России достаточно быстро выйдет на предел своих возможностей. В дальнейшем она будет либо удерживать регистрацию преступлений на определенном уровне, либо регистрировать всю поступившую информацию о совершенных преступлениях. Во втором случае это может привести к снижению числа преступлений, по которым уголовные дела будут оканчиваться расследованием, из-за увеличения объема оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы.

2. Можно полагать, что улучшение работы дежурной части МВД приведет к тому, что сначала увеличится доверие к ней граждан и, соответственно, возрастет число обращений в правоохранительные органы жертв преступлений. Это будет способствовать еще большему росту числа зарегистрированных преступлений. В последующем отсутствие роста раскрываемости преступлений, скорее всего, ослабит доверие населения к правоохранительным органам.

3. Рост числа зарегистрированных преступлений приведет к значительному росту числа преступлений, по которым уголовные дела будут приостанавливаться. Это может спровоцировать не подкрепленное дополнительным ресурсным обеспечением требование руководства повысить качество ОРД, дознавательной и следственной работы. Такое давление «сверху» может спровоцировать понижение уровня учетно-регистрационной дисциплины.

4. С ростом количества зарегистрированных преступлений вначале на коротком отрезке времени несколько возрастает также число преступлений, по которым уголовные дела оканчиваются расследованием³. Однако в дальнейшем этот показатель, скорее всего, станет снижаться, так как возрастет объем оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы при тех же, что и ранее, ее возможностях.

5. Необходимо комплексное решение проблем уголовной политики. Улучшение состояния учетно-регистрационной дисциплины должно сопровождаться и подкрепляться повышением качества оперативно-розыскной, дознавательной и следственной работы. Это должно базироваться на росте ее ресурсного обеспечения. Только в таком случае можно добиться реального улучшения состояния правопорядка.

³ Это объясняется известной корреляционной зависимостью между числом зарегистрированных преступлений и числом преступлений, уголовные дела о которых окончены расследованием.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (опыт проведения классификации)

В настоящее время преступность в России представляет собой одну из наиболее болезненных общественно значимых проблем, поскольку криминогенная обстановка в стране остается сложной. Ее анализ свидетельствует о том, что на уровне различных регионов она имеет различный характер, связанный, прежде всего, с неравномерностью развития экономических, социальных, демографических, культурных, географических и других аспектов функционирования административно-территориальных образований. Развитие региональной криминологии не вызывает абсолютно никаких сомнений. Это обусловлено переносом центра тяжести решения проблем, связанных с противодействием преступности, на региональный уровень, учетом специфических криминогенных факторов, определяющих региональную преступность.

Настоящая статья посвящена попытке исследования региональных различий насильственной преступности, в качестве «измерителя» которой был выбран коэффициент убийств¹ – ($K_{уб}$). Он отражает интенсивность насильственной преступности и показывает уровень пораженности исследуемого региона преступлениями.

Для распределения регионов на статистически однородные группы по выбранному дифференцирующему показателю – ($K_{уб}$) был применен дисперсионный анализ². Достоинство этого метода

¹ Это обусловлено тем, что убийства – наименее латентный вид преступления, который практически полностью (за исключением лиц, пропавших без вести) находит свое отражение в статистике. Но сравнивать регионы с разной численностью населения по абсолютным показателям было бы некорректно. Поэтому для сопоставления регионов необходимо использовать относительный показатель – коэффициент убийств (количество зарегистрированных убийств, приходящихся на 100 тыс. жителей того или иного региона). Доступность и простота расчета, отсутствие информационно-статистических пробелов и сравнимость делают $K_{уб}$, в некоторой степени, надежным измерителем региональной насильственной преступности.

² Описание метода дисперсионного анализа представлено, например, в работе М.Д. Волкова и Л.В. Кондратюк: Опыт криминологической классификации регионов // Сб. науч. трудов ВНИИ МВД России. 1980 г., № 53.

состоит в том, что он позволяет определить степень однородности объектов (в нашем случае – регионов) каждой классификационной группы³.

Применение дисперсионного анализа позволило разделить исследуемую совокупность регионов на 4 группы. В первую вошли регионы с высокой пораженностью насильственной преступностью; во вторую – со средневысокой пораженностью; третью – со средней и четвертую – со средненизкой.

Особенностью регионов **первой** группы является не только высокие значения дифференцирующего показателя (41,9), превышающие средние значения по России в 2 раза, но и его наибольший прирост. Иными словами, в отношении жителей этих регионов совершается и будет совершаться больше убийств, чем в других регионах страны.

Обращают на себя внимание беспрецедентно высокие показатели прироста в Чукотском АО (180%), что позволило ему не только войти в состав 1 группы, но и в число регионов с наивысшей степенью пораженности убийствами.

Подавляющее большинство регионов **второй** группы имеют положительные значения прироста, однако эти показатели ниже, чем у регионов первой группы. Направление прироста в сторону увеличения свидетельствует, прежде всего, о возрастающей пораженности населения этой группы, что может способствовать их переходу к регионам с высокой степенью насильственной пораженности.

В **третью** группу вошли регионы, уровень убийств в которых приближен к среднероссийскому показателю и практически у всех из них зарегистрировано его снижение.

Наибольшие значения уровня убийств зарегистрированы в Свердловской области (29,2), Агинско-Бурятском АО (28,9), Красноярском крае (28,6), Республике Карелия и Оренбургской области (28,2). Наименьшие значения отмечены в Воронежской области (13,1) и Республике Адыгея (12,6).

Особенностью **четвертой** группы является снижение $K_{уб}$ практически во всех регионах, за исключением Краснодарского края, Республики Дагестан и Москвы.

³ Величиной, характеризующей однородность объектов в каждой группе, является коэффициент вариальности.

Высокие значения дифференцирующего показателя⁴ указали на необходимость исключения из классификационной совокупности 4 регионов: Республики Тыва, Эвенкийского и Коми-Пермяцкого АО и Читинской области. Остановимся на региональной специфике насильственной преступности в этих образованиях (см. рис. 1).

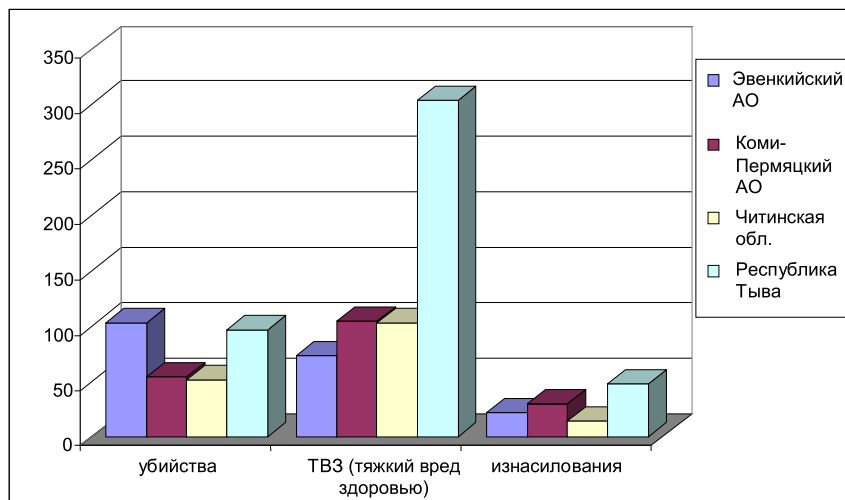

Рис. 1. Уровни насильственной преступности в указанных регионах

Самое высокое значение дифференцирующего показателя отмечено в Эвенкийском АО (102,9), что почти в 5 раз больше среднероссийского (22,2). Его годовой прирост в округе составил 100%. Несмотря на то, что абсолютные значения убийств за 2004 и 2005 гг. находятся в пределах одного порядка (4 и 8 соответственно), разница в относительных показателях существенна (74,2 – в 2004 г. и 102,9 – в 2005 г.). Такие высокие значения прироста обусловлены малочисленностью населения округа – 17,5 тыс. жителей.

При исследовании региональных аспектов преступности на протяжении нескольких лет обращает на себя внимание ее состояние в Республике Тыва. Показатели насильственной преступности в указанном регионе по-прежнему являются самыми высокими по стране

⁴ Отклонение уровня убийств в них больше трехкратного стандартного значения и составляло 11,9; 8,5; 7,0; 3,4 соответственно.

в целом. При этом на каждое убийство приходится 3 случая причинения тяжкого вреда здоровью ($K_{уб} = 96,6$; $K_{ТВЗ} = 303,4$). Уровень изнасилований превышает среднероссийский показатель в 8 раз. Таким образом, можно говорить о том, что Тыва является зоной максимальной криминальной пораженности насильственной преступностью.

Сравнение плотности населения каждой классификационной группы и соответствующего им среднего дифференцирующего показателя позволило отметить, что чем выше плотность населения, тем ниже коэффициент убийств.

Региональное распределение насильственной преступности по выбранному дифференцирующему признаку позволило определить некоторые закономерности: неравномерность, устойчивость и криминальная дифференциация регионов.

Таблица 1 распределения регионов на территории Российской Федерации выражается в том, что наименьшее число регионов находится в крайних группах классификации, где «худший» – класс негативной зоны (высокий уровень насильственной пораженности) и 4 – лучший класс позитивной криминогенной зоны (средне-низкий уровень насильственной пораженности). Полученное распределение имеет асимметричный вид (в правую сторону), что указывает на дисбаланс криминогенных и антикриминогенных детерминант, т. е. происходит «сдвиг» в распределении регионов на группы под воздействием каких-либо доминирующих факторов. В случае усиления этого воздействия смещение будет еще более сильным, в ином случае – распределение станет нормальным⁵.

Неравномерность распределения находит косвенное подтверждение в другом проявлении свойства неравномерности территориального распределения преступности – в наибольшей концентрации регионов в переходной криминогенной зоне⁶. В большинстве регионов Российской Федерации сохраняется определенный баланс факторов, стимулирующих преступность и препятствующих ей. Это

⁵ Такое же асимметричное распределение (вправо) отмечалось и в классификациях 2002 и 2004 гг. по тому же дифференцирующему признаку. Подобное сохранение позиций такого распределения позволяет говорить о продолжающемся воздействии на систему «извне» К таким воздействиям могут быть отнесены социально-демографические, экономические, а также организационно-управленческие и другие.

⁶ В математике это соответствует теории размытого множества.

обусловлено тем, что региональная концентрация сильных криминогенных и антикриминогенных факторов – явление редкое.

Несмотря на количественные и качественные изменения насильственной преступности, произошедшие за последние годы для большинства регионов Российской Федерации, ее территориальное распределение остается достаточно *стабильным*.

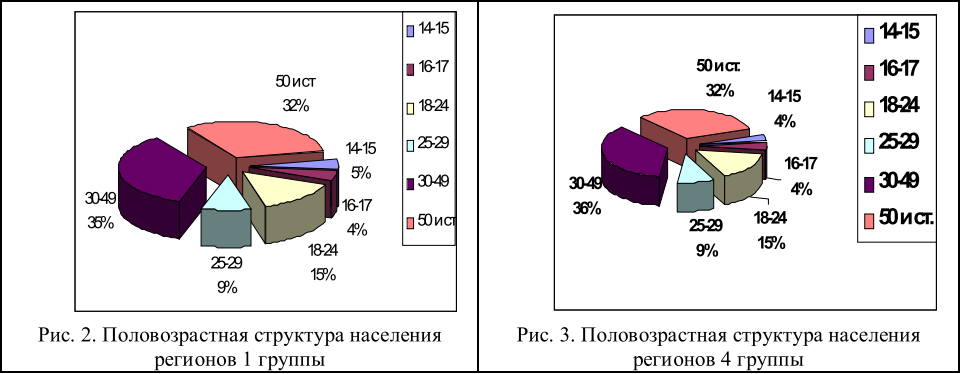
Анализ проведенных исследований (классификации 2002, 2004 и 2005 гг.) позволил отметить стабильность места в ранжированном ряду по дифференцирующему показателю у регионов первой группы. Иными словами, можно выделить регионы, спецификой которых на протяжении достаточно длительного периода являлась высокая степень насильственной пораженности⁷. Вместе с тем следует заострить внимание на регионах, характеризующихся резким ростом криминального насилия, которые из «переходной» группы регионов в течение года вошли в состав класса с высокой насильственной пораженностью. К их числу относятся Магаданская область и Чукотский АО, в которых прирост составил 58,3% и 180% соответственно (для сравнения: по России – 1,0%).

Сравнение регионов со средненизкой степенью насильственной пораженности (4 группа) позволило отметить следующее. Во-первых, по сравнению с 2004 г., в 2005-м сохранили свои места большинство регионов данной классификационной группы (89%), что позволяет говорить о поддержании стабильности и благоприятной криминальной ситуации с насильственной преступностью в них. Во-вторых, необходимо выделить регионы, вошедшие в состав четвертой группы в 2005 г. по сравнению с 2002 г. (Краснодарский край и Саратовская область) за счет снижения числа совершенных убийств.

В целях наглядной *карты* насильственной преступности в стране выделим каждую классификационную группу на географической карте России. Обнаружилась весьма существенная концентрация регионов с высоким уровнем убийств в южной, азиатской и дальневосточной частях Российской Федерации. Своеобразно расположена группа регионов с уровнем убийств ниже среднего (4 группа). Они распределились на две условные подгруппы – центральную (Липецкая, Белгородская, Саратовская области и Москва)

и южную, образуемую республиками Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия (Алания) и Краснодарским краем.

Для проверки гипотезы – не связаны ли различия в интенсивности убийств с половозрастной структурой населения – были взяты две противоположные группы с высокой (1 группа) и средненизкой (4 группа) степенью насильственной пораженности и проведено сравнение половозрастной структуры населения. Оказалось, что регионы с высокими и низкими коэффициентами убийств обладают примерно одинаковыми характеристиками (см. рис. 2,3). Удельный вес мужчин, проживающих в регионах первой группы, незначительно выше аналогичного показателя для четвертой группы (48,4% и 46,8% соответственно).

Таким образом, различия в интенсивности насильственной преступности в рассматриваемых классификационных группах связаны не с половозрастной структурой населения, а, как представляется, обусловлены разной степенью активности одних и тех же социальных групп. С этой целью был рассчитан ряд показателей (специальных коэффициентов): криминальная активность несовершеннолетних, взрослого населения и лиц, ранее совершавших преступления, позволяющих оценить пораженность той или иной группы (см. рис. 4).

⁷ К таким регионам относятся Республика Бурятия, Иркутская и Курганская области, Приморский и Хабаровский края.

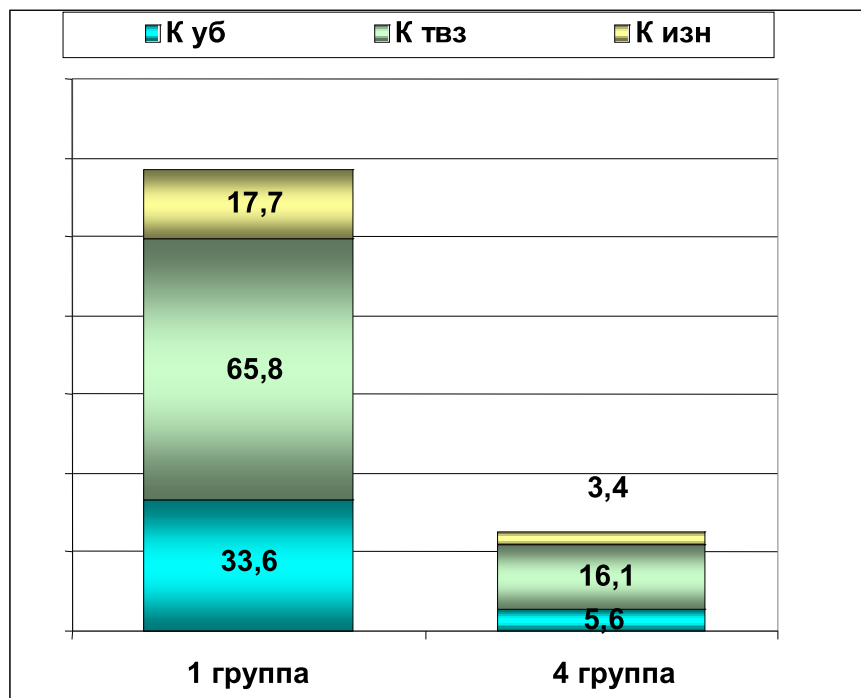

Рис. 4. Распределение коэффициента криминальной активности несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления в регионах 1 и 4 классификационных групп

По указанному коэффициенту криминальная активность несовершеннолетних 1 и 4 групп различалась в 5 и более раз. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее криминально активны подростки в регионах с высокой степенью криминальной пораженности насильственными преступлениями.

Подобное соотношение специальных коэффициентов сохраняется и для взрослого населения (см. рис. 5). Так, жители регионов, относящихся к первой группе, в 4 раза чаще совершают насильственные преступления (за исключением изнасилований), чем взрослое население противоположной группы.

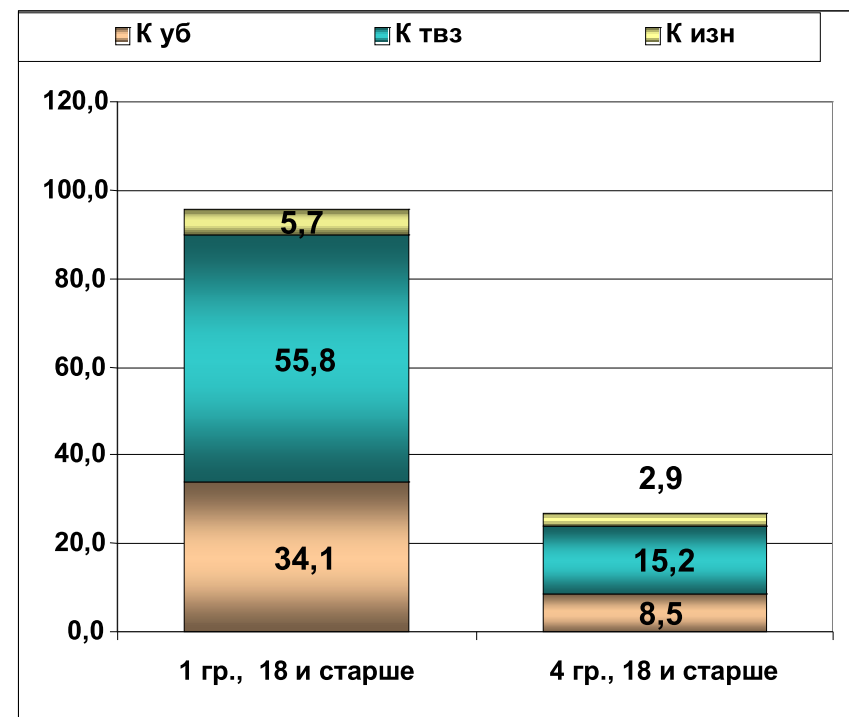

Рис. 5. Распределение коэффициента криминальной активности лиц от 18 лет и старше, совершивших насильственные преступления в регионах 1 и 4 классификационных групп

По коэффициентам рецидивной преступности регионы 1 и 4 групп различались гораздо более резко (см. рис. 6): криминальная активность лиц, ранее совершавших преступления, в семь раз выше по убийствам, в пять раз – по причинению тяжкого вреда здоровью и в три раза – по изнасилованиям.

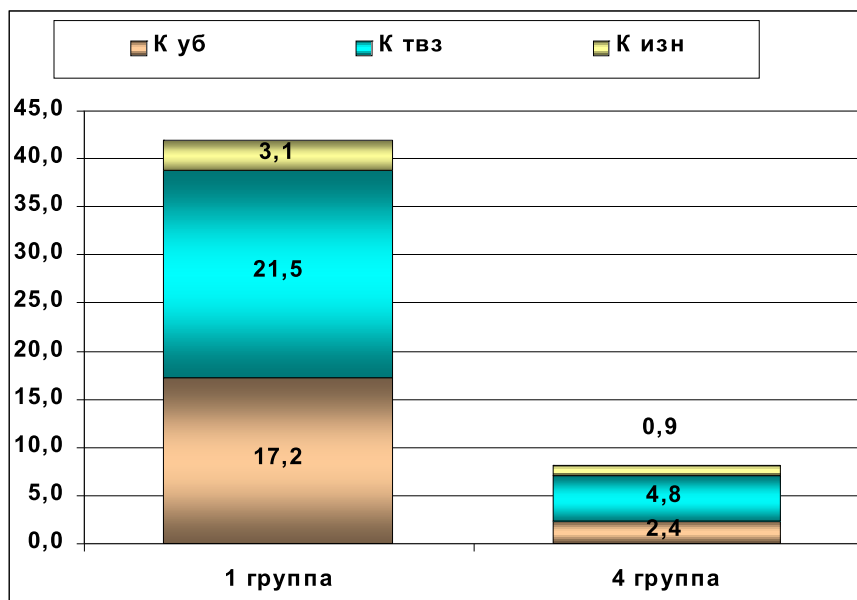

Рис. 6. Распределение коэффициента криминальной активности лиц, ранее совершивших преступления в регионах 1 и 4 классификационных групп

Таким образом, выдвинутая гипотеза о том, что региональные различия обусловлены разной степенью активности одних и тех же категорий лиц, совершивших насильственные преступления, подтвердилась. В регионах, отличающихся высокой пораженностью убийствами, отмечена и высокая активность несовершеннолетних, взрослого населения, лиц, ранее совершавших преступления, и наоборот.

Данный анализ предполагал также изучение показателей, характеризующих пораженность каждой группы корыстной и корыстно-наси́льной преступностью. В ходе исследования было рассмотрено распределение выделенных нами групп по среднему уровню наиболее распространенных преступлений (грабежей, разбоев, краж, преступлений экономической направленности), а также лиц, совер-

шивших преступления в группе и в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. При этом выявлено, что специфика распределения регионов по степени пораженности насильственной преступностью практически полностью определяет пораженность регионов другими видами преступных деяний. Кроме этого, необходимо отметить, что высокой пораженности насильственной преступности соответствует высокая криминальная активность несовершеннолетних, лиц, ранее совершавших преступления, совершивших преступления в группе, а также в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что степень пораженности регионов насильственной преступностью является своеобразным «индикатором» криминальной ситуации как в отдельно взятом регионе, так и в стране в целом.

Г. Ф. Коимшиди,
кандидат технических наук, доцент;
И. А. Черникова,
кандидат юридических наук;
М. В. Фортунч
(ВНИИ МВД России)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ, РАСКРЫТЫХ И НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Успешное решение задачи совершенствования борьбы с преступностью во многом зависит от достоверности данных, которые характеризуют состояние, динамику и структуру преступности. Государственная уголовно-правовая статистика является одним из основных источников для получения таких данных. Ее неполнота порождается, прежде всего, наличием неучтенных преступлений. Это обстоятельство существенно нарушает права человека, создает препятствия для доступа к правосудию.

К сожалению, несмотря на предпринимаемые руководством различных ведомств усилия, направленные на повышение качества учета и регистрации преступлений, до настоящего времени не удалось создать отвечающую современным требованиям учетно-регистрационную систему. Причины этого: не должное реагирование на заявления и сообщения граждан, укрытие их от регистрации, искажение или фальсификация статистических данных, а также низкое материально-техническое обеспечение и предельные возможности правоохранительных органов.

В настоящее время немаловажное значение, на наш взгляд, имеет и то обстоятельство, что правоохранительные органы как система исчерпали свои внутренние резервы. Они достигли максимума в реализации возможностей по исполнению одной из основных функций – раскрытию преступлений. Это обстоятельство становится более очевидным, если рассмотреть динамики общего числа зарегистрированных преступлений (вход в систему «правоохранительные органы»), а также раскрытых и нераскрытых преступлений (выход из системы «правоохранительные органы»).

Как следует из графика, начиная с 1993 г. и до середины 2000 г. разрыв между числом зарегистрированных и раскрытых преступлений неуклонно уменьшался. Далее начался обратный процесс – разрыв стал увеличиваться. И это несмотря на небольшой рост числа раскрытых преступлений, начавшийся с 2003 г. Противоположная картина наблюдается в динамике нераскрытых преступлений.

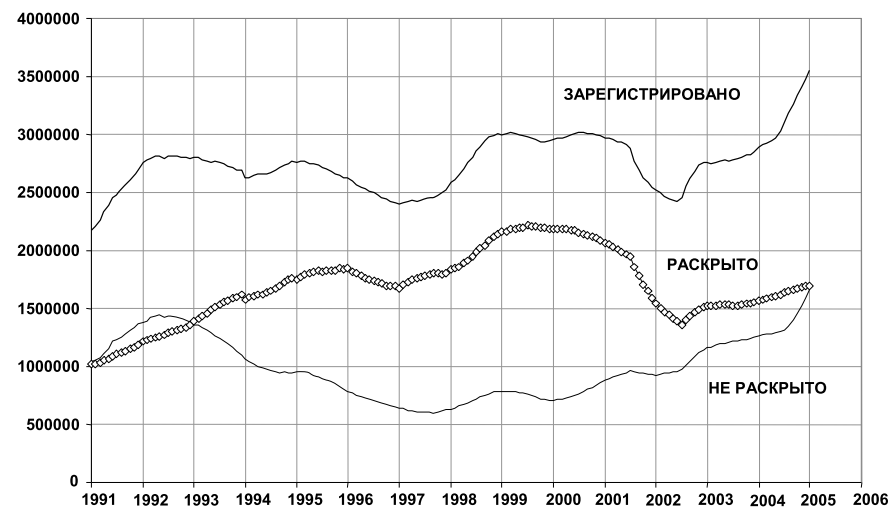

Рис. 1. Динамика общего числа преступлений, зарегистрированных раскрытых и нераскрытых

До конца 2000 г. разрыв между нею и динамикой общего числа зарегистрированных преступлений увеличивался, а с 2001 г. стал сокращаться. Таким образом, взаимосвязи между числом зарегистрированных преступлений и числом раскрытых или нераскрытых преступлений с течением времени изменяются.

Для установления количественных характеристик этих взаимосвязей нами проведен корреляционный анализ² между темпом прироста числа зарегистрированных преступлений и темпами прироста раскрытых и нераскрытых преступлений по итогам 2005 г. При этом следует отметить, что 16 мая 2005 г. был введен в действие совместный приказ Генеральной прокуратуры и МВД России, направленный на повышение учетно-регистрационной дисциплины. Это привело к тому, что темпы прироста как числа зарегистрированных, так и числа раскрытых и нераскрытых преступлений до приказа и после него были различными. Так, если до приказа темп прироста числа зарегистрированных преступлений составлял 8,4% по отноше-

² Использовалась методика расчета, приведенная в Методике анализа и прогнозирования преступности для штабных подразделений различного уровня. М., 1994; Информационные технологии управления в ОВД. М., 1997. С. 609–613, 674.

нию к аналогичному периоду прошлого года (АППГ), то после приказа – 29,8%. На раскрытые преступления приходилось 7,8% до приказа и 8,4% после приказа, а для нераскрытых преступлений – 8,8% и 50,1%, соответственно.

Поэтому корреляционный анализ проводился как для начала года (время до приказа), так и для его конца (время после приказа).

Зависимости темпов прироста числа раскрытых и нераскрытых преступлений от темпа прироста числа зарегистрированных преступлений представлены на рис. 2 – 7, позиция «А» на которых соответствует периоду с января по апрель 2005 г. (до приказа), позиция «Б» – с мая по декабрь 2005 г. (после приказа)³.

Для установления корреляционной зависимости между анализируемыми показателями были выбраны данные по федеральным округам страны, так как на больших образованиях заметнее статистические закономерности (закон больших чисел).

Результаты корреляционного анализа для исследуемых показателей общего числа преступлений даны на рисунках 2 и 3.

Исследования показали, что практически нет корреляционной зависимости⁴ темпа прироста общего числа **раскрытых** преступлений от темпа прироста числа **зарегистрированных** преступлений у обоих исследуемых интервалов 2005 г. (см. рис.2). Коэффициенты корреляции составляли соответственно $R^2=0,01$ и $R^2=0,02$.

Также наблюдается слабая корреляционная зависимость ($R^2=0,10$) темпа прироста нераскрытых преступлений от темпа прироста числа **зарегистрированных** преступлений за период до приказа (см. рис. 3, «А»). При этом для этого периода характерно следующее. Увеличение темпа прироста числа зарегистрированных преступлений на 1,0% вызывает увеличение темпа прироста нераскрытых преступлений на 1,76%. Однако из-за того, что корреляционная зависимость слабая, разброс значений темпов прироста нераскрытых преступлений в федеральных округах в этом случае будет достаточно высоким (см. рис. 3, «А»).

³ Для нераскрытых преступлений периоды соответственно были январь-июнь и июль-декабрь 2005 г. Так темп прироста числа зарегистрированных преступлений стал значительно увеличиваться с мая 2005 г., темп прироста числа нераскрытых преступлений, соответственно, через два месяца.

⁴ Взаимосвязь считается слабой, если коэффициент корреляции меньше 0,3; умеренной – от 0,3 до 0,5; заметной – от 0,5 до 0,7; высокой – от 0,7 до 0,9 и очень высокой – от 0,9 до 0,99.

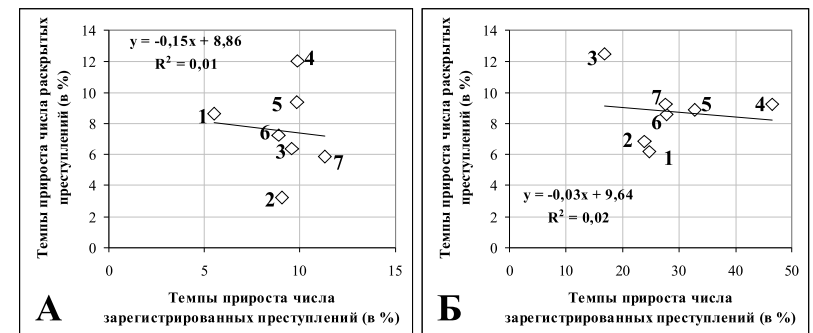

Рис. 2. Распределение федеральных округов по темпам приростам числа зарегистрированных и раскрытых преступлений по итогам 2005 г.

(«А» до приказа; «Б» после приказа)

- 1 – Центральный федеральный округ;
- 2 – Северо-Западный федеральный округ;
- 3 – Южный федеральный округ;
- 4 – Приволжский федеральный округ;
- 5 – Уральский федеральный округ;
- 6 – Сибирский федеральный округ;
- 7 – Дальневосточный федеральный округ.

Иная картина выявлена для периода после приказа (см. рис. 3, «Б»). Этому интервалу 2005 г. соответствует высокая корреляционная зависимость ($R^2=0,88$) между темпами прироста **нераскрытых** и **зарегистрированных** преступлений. Из этой зависимости следует, что увеличение темпа прироста числа зарегистрированных преступлений на 1% вызывает увеличение темпа прироста нераскрытых преступлений на 1,68%.

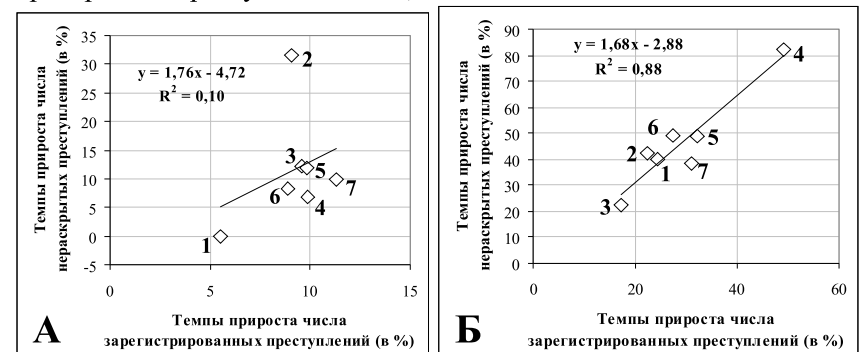

Рис. 3. Распределение федеральных округов по темпам прироста числа зарегистрированных и нераскрытых преступлений по итогам 2005 г. («А» до приказа; «Б» после приказа)

Исходя из того, что увеличение числа зарегистрированных преступлений в 2005 г., на наш взгляд, произошло за счет латентной части преступности, рассмотрим также корреляционные зависимости в указанные периоды по таким латентным видам преступлений, как грабежи и кражи всех видов.

За период январь–апрель 2005 г. увеличение темпа прироста числа зарегистрированных грабежей на 1,0% вызывало увеличение темпа прироста раскрытых грабежей на 0,68% (рис. 4, «А»). Однако корреляционная зависимость между этими показателями слабая ($R^2=0,20$). За период май–декабрь 2005 г. корреляционная зависимость несколько возросла ($R^2=0,28$), но все равно осталась слабой. В это время увеличение темпа прироста числа зарегистрированных грабежей на 1,0% способствовало увеличению темпа прироста раскрытых грабежей лишь на 0,18% (рис. 4 «Б»).

Таким образом, можно считать, что темп прироста грабежей, уголовные дела по которым окончены расследованием, практически не зависят от темпа прироста зарегистрированных преступлений этого вида. И это соответствует всему 2005 г.

Высокая корреляционная зависимость (рис. 5) выявлена между темпами прироста числа нераскрытых и зарегистрированных грабежей на протяжении всего года (до приказа $R^2=0,90$ и после приказа $R^2=0,78$). При этом в первый период увеличение темпа прироста числа зарегистрированных грабежей на 1,0% вызывало увеличение темпа прироста приостановленных грабежей на 3,56%, а во второй – на 1,27%.

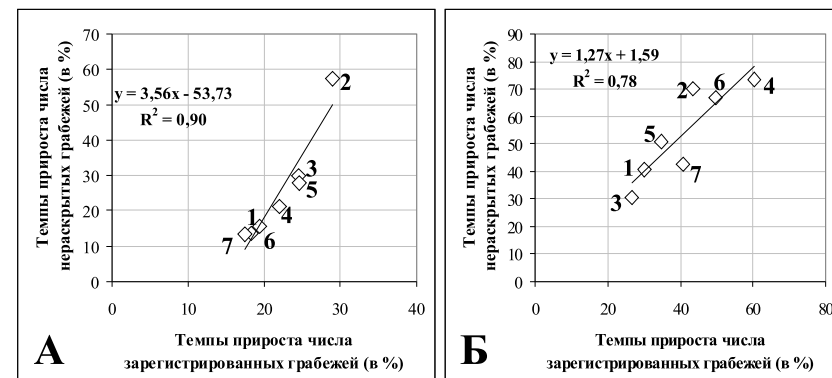

Рис. 5. Распределение федеральных округов по темпам прироста числа зарегистрированных и нераскрытых грабежей по итогам 2005 г. («А» до приказа; «Б» после приказа)

Корреляционная зависимость (см. рис. 6) между темпами прироста раскрытых и зарегистрированных краж всех видов, также как и между соответствующими показателями грабежей, слабо выражена (до приказа $R^2=0,25$ и после приказа $R^2=0,13$).

Как показано на позиции «А» рисунка 6, увеличение темпа прироста числа зарегистрированных краж всех видов на 1,00% в первый период 2005 г. вызывало увеличение темпа прироста раскрытых краж только на 0,35%. В последующий период (см. рис. 6, «Б») увеличение темпа прироста числа зарегистрированных краж на 1,00% вызывало уже увеличение темпа прироста раскрытых краж только на 0,13%.

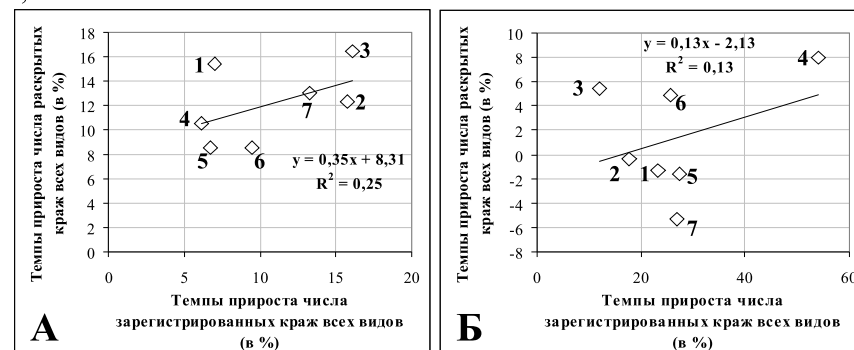

Рис. 6. Распределение федеральных округов по темпам прироста числа зарегистрированных и раскрытых краж всех видов по итогам 2005 г. («А» до приказа; «Б» после приказа)

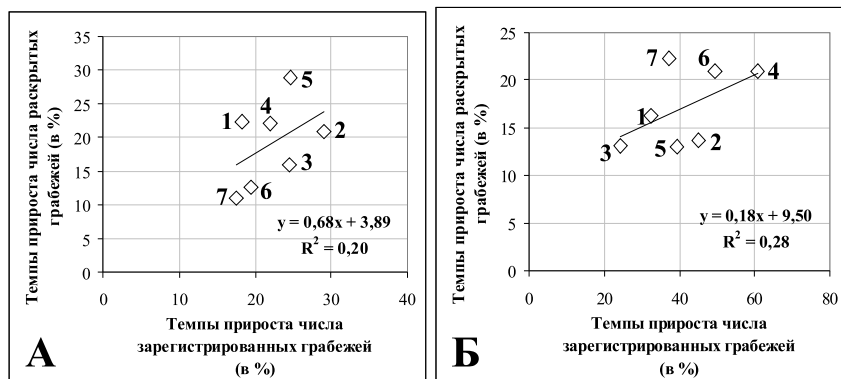

Рис. 4. Распределение федеральных округов по темпам прироста числа зарегистрированных и раскрытых грабежей по итогам 2005 г. («А» до приказа; «Б» после приказа)

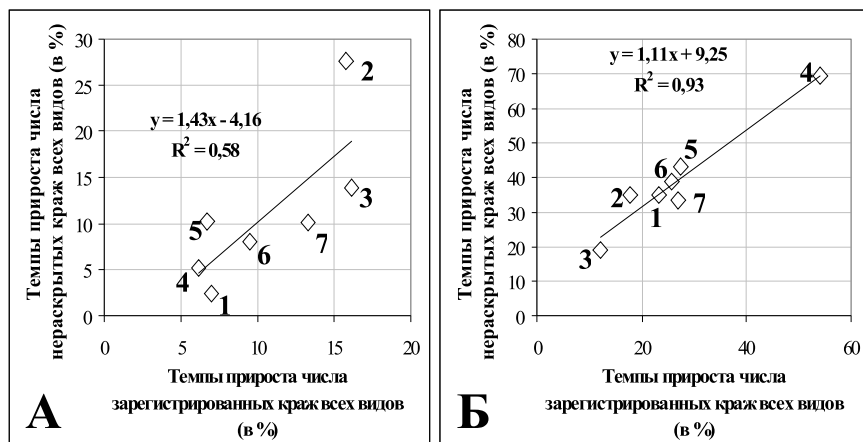

Рис. 7. Распределение федеральных округов по темпам прироста числа зарегистрированных и нераскрытых краж всех видов по итогам 2005 г. («А» до приказа; «Б» после приказа)

Исследованием установлена заметная корреляционная зависимость ($R^2=0,58$) темпа прироста числа не раскрытых краж всех видов от темпа прироста числа зарегистрированных краж всех видов в первый период 2005 г. (рис.7, «А»). Во второй период года (после приказа) эта корреляционная зависимость стала весьма высокой — $R^2=0,93$ (Рис.7, «Б»). Увеличение темпа прироста числа зарегистрированных краж вызывал для первого периода увеличение темпа прироста нераскрытых краж на 1,43%, а во второй — на 1,11%.

Таким образом, исследованием установлено отсутствие корреляционных зависимостей между темпами прироста зарегистрированных преступлений и темпами прироста раскрытых преступлений (как для общего числа преступлений, так и для наиболее латентных ее видов). Это свидетельствует о том, что в настоящее время правоохранительные органы раскрывают около 1 млн 700 тыс. преступлений, независимо от увеличения или снижения числа зарегистрированных преступлений. То есть, мы имеем косвенное подтверждение того, что правоохранительные органы вплотную приблизились к предельным возможностям по раскрытию преступлений.

Это также подтверждается и наличием высокой прямой корреляционной зависимости между темпами прироста числа зарегистрированных преступлений и темпами прироста нераскрытых преступлений. При этом темпы прироста числа нераскрытых преступлений существенно опережают темпы прироста числа зарегистрированных преступлений. То есть, в настоящее время увеличение числа зарегистрированных преступлений фактически приводит только к увеличению числа преступлений, уголовные дела по которым впервые приостановлены.

Вывод. Простое укрепление учетно-регистрационной дисциплины только за счет внутренних резервов правоохранительных органов, на наш взгляд, не может привести к увеличению числа раскрытых преступлений и, соответственно, к улучшению оперативной обстановки в стране.

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ
С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ,
НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ВМЕНЯЕМОСТИ**

В 1996 г. Уголовным кодексом Российской Федерации впервые была введена норма, согласно которой «вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности» (ст. 22 УК РФ), что послужило дополнительным стимулом изучения проблемы преступности лиц с психическими расстройствами.

Весьма показательно в этом отношении появление за последние годы в юридической литературе монографических работ с такими обобщающими названиями, как «Криминалистическая патопсихология», «Криминальная психиатрия», «Уголовно-релевантные психические состояния», «Аномальный субъект преступления», «Агрессия и психическое здоровье», «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах» и др. За рубежом это направление занимает приоритетное положение и изучается в рамках клинической криминологии.

Рассматриваемая проблема оформилась в различные концептуальные направления, которые во многом отражают позиции исследователей психологов, врачей-психиатров, социологов и т. д. По этой причине обобщение и систематизация весьма затруднены.

Широкий диапазон данных об удельном весе психических расстройств, не исключаяющих вменяемости среди лиц, совершивших насильственные преступления, наводит на мысль, что само понятие «психические расстройства» трактуется либо чрезвычайно широко, либо узко.

В целом до настоящего времени не сложилась единая и непротиворечивая система взглядов на природу и криминогенную значимость психических расстройств. Такое положение дел объясняется несколькими причинами, главными из которых, на наш взгляд, можно назвать следующие.

Во-первых, психические расстройства, не исключаяющие вменяемости, имеют чрезвычайно широкий спектр проявлений, которые до настоящего времени не систематизированы. Это позволяет одним исследователям психологизировать, другим – психопатологизировать психические расстройства, не исключаяющие вменяемости. Более того, до настоящего времени не прекращаются дискуссии между специалистами, с одной стороны, считающими непатологические формы насильственно-преступного поведения типичными, а с другой – придерживающимися мнения, что практически при любом тяжком преступлении имеют место либо отклонения со стороны психодинамических функций центральной нервной системы (ЦНС), либо имеющая характер патологии деформация личностных свойств.

Данная проблема имеет прямое отношение и к естественнонаучной позиции исследователя: во многом именно от нее будет зависеть, какими механизмами он наделяет степень взятой на себя ответственности (реактивными, подсознательными, психофизиологическими, психогенетическими или иными).

Вторая проблема лежит в плоскости системно-методологических средств анализа, которые в криминологии насильственных преступлений находятся в стадии становления. Насильственное преступление – это многомерное и неоднородное по своей природе явление, поэтому монодисциплинарный подход, до сих пор встречающийся в криминологии, всегда будет отражать лишь одну сторону этого сложного деструктивного явления. Из истории криминологии мы знаем, что абсолютизация таких причинно-следственных связей может приводить к ошибочным теоретическим концепциям (антропологическим, расовым, «опасного состояния», психогенетическим и др.).

Третья проблема состоит в том, что модель преступного поведения у лиц с психическими расстройствами принципиально отличается от традиционных схем, которые приводятся в криминологической литературе. Обычно такие схемы включают мотивы, условия, цели, средства, ценностные ориентации, самоконтроль и являются ориентиром при анализе причинно-следственных отношений, а также оценки субъекта и субъективной стороны состава преступления. Однако при аффективно-доминантных преступлениях, особенно у лиц с психическими расстройствами, эти элементы могут только меняться местами и выпадать. Например, смыслообразующий мотив преступления может замещаться эмоционально-волевой логикой по-

ведения, условия – ситуационностью, принятие решения – импульсивностью, целенаправленность – стереотипными формами поведения. Самоконтроль может осуществляться на фоне аффективно-суженного сознания, ценностные ориентации подменяются инфантильными установками и т. д.

Хотя в континууме нормы и патологии указанные особенности не выходят за рамки вменяемого поведения, они создают большие трудности при квалификации состава преступления: оценки субъекта и субъективной стороны преступления, степени общественной опасности преступления и преступника, формы вины и характера умысла.

Четвертая проблема заключается в том, что патопсихологические механизмы, лежащие в основе психических расстройств, не исключая вменяемости, обладают свойством изоморфизма, т. е. один и тот же деструктивный поступок может быть обусловлен различными механизмами и наоборот, один и тот же механизм мог порождать различные формы (проявления) деструктивного развития личности.

Такая ситуация наблюдается обычно при явлениях, которые имеют чрезвычайно широкие и многоуровневые связи. В данном случае говорится о такой общенаучной проблеме, как соотношение «социального и биологического», «сознательного и подсознательного», «врожденного и приобретенного», «нормы и патологии». Речь идет о междисциплинарном синтезе и интегративном подходе в изучении данной проблемы. В криминологии он обычно направлен на вскрытие устойчивых и закономерных связей, которые имеют или могут иметь место в перспективе. К сожалению, обобщить и систематизировать данные этого направления – задача весьма сложная, поскольку они базируются на исходно различных посылках.

Пятая, может быть, самая главная проблема состоит в том, что в настоящее время при многочисленных моделях преступного поведения практически отсутствуют исследования, направленные на изучение факторов и механизмов деструктивного процесса. Между тем даже при аффективно-доминантных насильственных преступлениях они не возникают вдруг или в силу случайно сложившейся ситуации. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что большинство людей, при прочих равных условиях, не совершают и не совершат насильственных преступлений.

Применительно к насильственным преступлениям, у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, строго детерминированные события отсутствуют, так что построить более или менее строгие зависимости факторов невозможно. Однако мы считаем, что между крайними вариантами однозначной детерминации и полной неопределенности имеется ряд промежуточных ступеней. Они зависят от регресса психической деятельности, который имеет различные фазы и стадии.

В этой связи считаю необходимым и важным дальнейшую систематизацию различных подходов в изучении природы и криминогенной значимости психических расстройств.

Недостаточная изученность криминологического аспекта изложенной проблемы соответственно отражается на степени практического и теоретического освоения проблематики психических расстройств субъекта преступления в уголовном праве.

Например, по данным сводных отчетов судов общей юрисдикции Российской Федерации¹, применение ст. 97 УК составляет не более 10% в среднем по России от общего количества признанных судебно-психиатрической экспертизой (СПЭ) ограниченно вменяемыми. В ряде регионов по отношению к лицам, совершившим насильственные преступления, этот показатель составляет менее 5%. Хотя по результатам ранее проведенных исследований удельный вес осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (за преступления против личности), в среднем составляет 65-70%².

¹ Форма № 10.2 Минюста России (фиксирует только число осужденных, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, которым было назначено принудительное лечение).

² См.: Антонян Ю.М. Криминальная психиатрия как частная криминологическая теория // Советское государство и право. 1990. № 10; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступление и психические аномалии. М., 1998; Брыка И.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц с непатологическими психическими отклонениями, не исключающими вменяемости: Дис... канд. юрид. наук. М., 2000; Калманов Г.Б. Предупреждение насильственных преступлений сотрудников органов внутренних дел (криминологические и патопсихологические аспекты): Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2001; Законодательство Российской Федерации в области психиатрии: Комментарий к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ГК и УК РФ (в части, касающейся лиц с психическими расстройствами) / Под общ. ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: Спарк, 2002; Георгадзе З.О., Царгасова Э.Б. Судебная психиатрия: Учебное пособие / Под ред. З.О. Георгадзе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004 и др.

Сравнить этот опыт с опытом зарубежных стран (Франция, Германия, Италия, Япония, Швейцария, Сан-Марино, Финляндия, Болгария и др.), где предусмотрено признание таких лиц ограниченно вменяемыми, весьма проблематично. Дело в том, что в отличие от доктрины российского уголовного права, их законодательства в большинстве случаев идут по пути жесткого увязывания уменьшенной вменяемости со смягчением наказания. Отечественное законодательство исходит из того, что существуют расстройства, которые могут учитываться судом при вынесении приговора, но не обязательно приводят к смягчению наказания и ни при каких условиях не могут привести к освобождению лица от уголовной ответственности. Иначе говоря, преступление, совершенное лицом в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, не обусловлено непосредственно этим расстройством.

Другая проблема лежит в плоскости особенностей психических состояний, которые нередко являются фоном для насильственных преступлений, совершаемых по аффективно-доминантному типу. Дело в том, что такого рода насильственные преступления возникают при аффективно-суженном сознании. Зная влияние различных психических аномалий на психику, с определенной долей уверенности можно оценить, в какой степени психические нарушения повлияли на поведение лица при совершении преступления. Причем экспертной оценке подлежит не любое имеющееся у субъекта психическое расстройство, а лишь такое, которое в данной конкретной обстановке совершения преступления действительно ограничивало указанную способность. Так, например, повышенную эмоциональную возбудимость вследствие психопатии или травматического поражения головного мозга, если субъект совершил агрессивные действия в ответ на оскорбление или аморальный поступок потерпевшего, следует оценивать как фактор, ограничивающий его способность руководить своими действиями. Но такое же расстройство при совершении мошеннических действий не всегда ограничивает эту способность.

Следует заметить, что мнения некоторых судебных психиатров и юристов по этому вопросу существенно расходятся. Так, по мнению И.А. Кудрявцева, роль психических аномалий в развитии или проявлениях инкриминируемого противоправного деяния может быть транзиторной, по сути дела исключительной, связанной с трагическим стечением случайных ситуационных условий, с констелля-

цией неблагоприятных обстоятельств, в систему которых включена психическая (личностная) аномалия. В этом случае, указывает автор, ее влияние на криминальный рецидив, сохраняющуюся общественную опасность личности обвиняемого минимально. В связи с этим меры принуждения могут вообще не применяться³. Г.В. Назаренко полагает, что, поскольку психические отклонения изменяют скорость психической реакции, затрудняют восприятие окружающей обстановки и прогнозирование последствий своих действий, чем способствуют непредусмотрительности, беспечности, являющимися характерными признаками субъективной стороны преступлений, они вполне могут учитываться в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказаний аномальным лицам, совершившим неосторожные преступления, при наличии прямой связи между наступившими общественно опасными последствиями и психической аномалией⁴.

Возможно, наряду с уголовно-правовыми критериями содеянного необходимо ввести психологический (связанный с субъективной стороной преступления, допускающего способность лица сознавать фактические обстоятельства совершаемого деяния) и социальный (отражающий степень общественной опасности преступления и преступника) критерии.

Развитие клинической криминологии в свою очередь будет способствовать конкретизации субъективных признаков состава аффективно-доминантных насильственных преступлений; объективному разграничению смежных по составу преступлений и наполнению более емким содержанием форм вины; качественному и количественному ранжированию дефектов правосознания; обеспечению принципов законности, справедливости и гуманизма в процессе осуществления правосудия в отношении лиц с психическими аномалиями, индивидуализации мер наказания, повышению эффективности применения средств профилактики и реабилитации.

³ См.: Кудрявцев И.А. Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы: Методические рекомендации. М., 1985. С. 24.

⁴ См.: Назаренко Г.В. Унификация уголовно-правовых критериев психической недостаточности // Сборник статей Орловского ЮИ МВД России. Орел, 1998. С. 8–11.

Л. М. И с а е в а,
кандидат биологических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Многообразие преступных деяний, трудность их выявления и раскрытия, в значительной степени связанная с особенностями способа совершения, делает необходимым применение специальных познаний на самых ранних этапах выявления и предупреждения преступлений. Особый интерес вызывает использование специальных познаний в профилактике и предупреждении преступлений именно в сфере информационных технологий в связи с их новизной и сложностью. Именно здесь можно продемонстрировать, как для профилактики, казалось бы, узкоспециального преступления требуются познания специалистов в различных науках – психологии, информатики, биологии и т.д.

Можно выделить несколько направлений, которые только начинают активно использоваться для профилактики преступлений в сфере информационных технологий. Следует отметить, что, понимая важность новых подходов к предупреждению преступлений, они активно разрабатываются или финансируются коммерческими фирмами.

Первым направлением можно считать предварительное тестирование сотрудников при приеме на работу, которое невозможно без использования именно специальных познаний. Ряд фирм при приеме на работу проводят тестирование с использованием полиграфного устройства. Такое исследование может дать информацию о наличии у человека психо-физиологических реакций, возможно свидетельствующих о совершении в прошлом противоправных деяний, склонности к определенным поступкам и т.п. Особенностью проведения такого тестирования является: возможность осуществления только на основании письменного согласия тестируемого; физиологические ограничения, запрещающие проведение исследования с использованием полиграфного устройства (физическое или психическое истощение; наличие психического заболевания или острой стадии заболевания, связанного с нарушением сердечно-сосудистой или дыха-

тельной системы; регулярное употребление наркотических веществ; беременность и т.д.) и др.

По мнению американских экспертов, проверка на полиграфе – лучший способ дать кандидатам на работу понять, что фирма серьезно настроена против каких-либо правонарушений. Производство опроса с использованием полиграфного устройства нанимаемого на работу персонала и периодические проверки работающих сотрудников являются весьма эффективным средством профилактики и контроля различных видов хищений: зарубежная практика давно показала, что уровень безопасности предприятия тем выше, чем безжалостнее отсеиваются кадры. Плюсом является и то, что проверки с использованием полиграфа занимают во много раз меньше времени и обходятся в итоге значительно дешевле, чем стандартные кадровые проверки. В целом, по оценкам американских специалистов, используя полиграф, предприниматель, как минимум, на 25% повышает вероятность того, что принятые на работу сотрудники окажутся честными людьми.

Проблемным в использовании полиграфа следует считать отсутствие стандартизированных методик. Поэтому при привлечении специалиста-полиграфолога следует обращать особое внимание на его квалификацию, так как от этого зависит правильность составления им вопросника и оценки психофизиологической реакции тестируемого. При всем этом результаты исследования на полиграфе носят вероятностный характер и не могут являться доказательствами. Поэтому делать вывод о «благонадежности» сотрудника или кандидата на должность только на основании результатов полиграфного тестирования контрпродуктивно.

Другим направлением использования специальных познаний для профилактики преступлений можно считать установление потенциальной личности преступника или жертвы в результате составления их психологического или криминологического портрета. Зарубежные психологи уделяют особенное внимание хакерам-инсайдерам. Они считают, что самая большая угроза безопасности фирмы исходит от собственного персонала. В качестве одного из решений проблемы рекомендуется специальное программное обеспечение WarmTouch, позволяющее отслеживать поведение рабочего коллектива и на ранней стадии выявлять признаки раздражения или изменения в психологии работников. Система отслеживает все каналы коммуникаций, включая электронную почту, сервисы мгновенных

сообщений, личные веб-страницы работников. При этом на каждого пользователя составляется подробное досье с архивом всех сообщений. Естественно, мониторинг ведется с помощью клавиатурных sniffеров, которые тщательно документируют все нажатия клавиш на клавиатуре. Информация анализируется в реальном режиме времени, а профили пользователей автоматически обновляются, так что руководитель может отслеживать ситуацию также в реальном режиме времени.

«Шпионских» программ в настоящее время достаточно много. Коммерческие сканеры клавиатуры, такие как Spector Pro, Eblaster, WinWhatWhere, XPCSpy, Desktop Surveillance Personal Edition следят за всеми действиями, связанными с компьютерной информацией, совершенно незаметно. Они отмечают не только каждую нажатую клавишу, но и каждое посещение веб-сайта, сообщение электронной почты или ICQ; делают копии экрана и пересылают их вместе с другими отчетами удаленному компьютеру без ведома пользователя. Однако, правоохранительные органы, как правило, могут использовать такие системы только по решению судебной власти. Использование систем подобного рода без соответствующей санкции суда может быть расценено как несанкционированный доступ к компьютерной информации (ч. 2 ст. 272 УК РФ). А вот работодатель имеет право устанавливать системы слежения на принадлежащем ему оборудовании. Часто этот пункт вносится в содержание контракта, заключенного с работодателем. Полученная таким образом информация может служить достаточным основанием для увольнения. Например, в октябре 1999 г. фирма Хегох уволила сорок сотрудников, которые слишком много находились в Сети «не по делам фирмы».

Особое место в профилактике преступлений в области информационных технологий отводится службам безопасности организаций, а также отдельным сотрудникам или фирмам, осуществляющим проверку уязвимости систем защиты информации. Во многих организациях руководитель полагает, что чем дороже защитная программа, тем надежнее защита. Это не всегда так. Возможность совершения преступления зависит не только от возможностей программного оборудования, но и от общей организации труда. Поэтому стоит обращаться в специализированные фирмы, которые могут провести имитацию атаки и продемонстрировать прорехи системы защиты.

Например, методы проникновения во внутреннюю сеть организации и последующей кражи информации достаточно хорошо известны. Наиболее действенным является внедрение в систему про-

граммы-закладки. В зависимости от поставленных целей программа-закладка может, например, перехватывать пароли пользователей или по определенному критерию находить необходимую информацию на жестких дисках. В дальнейшем собранная информация отправляется по электронной почте на заранее обусловленный адрес. Такие случаи достаточно распространены и в России.

В этом способе есть два самых трудных для взломщика момента: установка программы-закладки («троянского коня») и передача разведанной информации, во время которых несанкционированную деятельность проще всего обнаружить. Причем, именно исходя из технических особенностей, можно утверждать, что чем больше объем внедряемой программы или объем передаваемых такой программой данных, тем выше вероятность того, что это будет обнаружено и пресечено. Указанием на возможность внедрения во внутреннюю компьютерную сеть «троянского коня», например, банков служат неожиданные «сбои» систем и следующие за такими «сбоями» случаи использования реквизитов платежных карт клиентов банков мошенниками. Если банк столкнулся с этим, то для выявления совершенных и предупреждения дальнейших преступлений следует, прежде всего, изучить программное обеспечение всей банковской сети, так как с достаточной уверенностью можно предположить, что хакеры нашли «дыру» в программном обеспечении и использовали ее для внедрения «троянского коня».

Более сложным для выявления является передача информации посредством стеганографии. В этом случае особая роль в выявлении преступлений отводится администратору сети. Для него это не составляет труда, так как администратору системы, как правило, не нужно просматривать каждый файл в поисках недозволенных вложений. Он анализирует адреса, в которые отправляется почта и с каких узлов принимаются файлы. Если есть необъяснимые отправления, то, возможно, они содержат стеганоинформацию. Например, кто-то из должностных лиц банка периодически отправляет своему другу фотографии деревьев, птиц и т.п.

Особое внимание следует уделять анализу системности заявлений от граждан. Бывают ситуации, когда информация о преступлении, в силу технической невозможности его осуществления, кажется безосновательной, но в таком случае следует обратиться к специалистам в этой области. Именно такие сообщения помогают выявить новые способы совершения преступлений, на первый взгляд невероятные, тем самым предупреждая их дальнейшее совершение. Характерным примером может служить дело Анилы и Ваниты Сингх,

ставших жертвами мошенничества: во время нахождения в ЮАР в банкоматах Лондона по реквизитам их кредитной карты Diner's Club International было получено 80 тыс. долларов. Уверенные в своей невиновности, Сингхи отказались гасить задолженность, за что банк обвинил их в мошенничестве и подал в суд, настаивая на абсолютной надежности своих систем. Английский криптограф Андерсон, ранее обративший внимание на участвовавшие сообщения о похожих историях с «фантомными изъятиями», вызвался выступить экспертом-свидетелем со стороны защиты. Используя аналитический метод, получивший название «дифференциальный анализ», было показано, что, подавая в защищенный криптопроцессор вместе с банковским счетом также и тщательно подобранную таблицу усечения, можно определить истинный PIN всего за пятнадцать попыток. То есть за полчаса обеденного перерыва в банке внедрившийся туда сообщник мошенников может подобрать до 7 тыс. PIN-кодов клиентов. Понятно, что воспользоваться этим способом может лишь сотрудник с достаточно высоким уровнем доступа к компьютерным системам банка. Однако, по результатам исследования компании Ernst and Young, около 82% выявляемых ныне мошеннических финансовых операций приходится именно на таких лиц. При этом теоретически доступ к компьютерным системам банка можно осуществить и со стороны – посредством Интер или Интранета, к тому же информацию о счетах можно использовать и для снятия денег через Интернет.

Таким образом, вырабатывая методы и направления профилактики преступлений в сфере компьютерной информации, нельзя концентрироваться только на отработке безопасности электронных систем защиты. Следует не забывать и о «человеческом факторе». Наиболее эффективные системы профилактики должны учитывать все компоненты и работать на опережение преступлений.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Очевидно, создатели современного Интернета не предполагали, что призванная служить общему прогрессу человечества, слому всяческих «железных занавесов», интенсификации научного и культурного обмена всемирная информационная сеть окажется орудием в руках преступников, явится инструментом, позволяющим реализовать самые разнообразные преступные замыслы.

Вновь созданное информационное пространство стремительно освоили преступники различных мастей. Преступные посяательства на финансовые средства и информацию, пропаганда насилия и наркотиков, торговля людьми и индустрия детской порнографии, сайты разнообразных террористических организаций – все это реальность сегодняшнего Интернета.

Ежегодно количество выявленных органами внутренних дел преступлений в сфере информационных технологий увеличивается в 1,8 – 2 раза. Если в 1997 г. в России было выявлено только 17 преступлений такого рода, то в 2003 г. их число уже превысило десять тысяч.

Анализ уголовной статистики показывает, что 55% из числа преступлений, совершаемых в сети Интернет, составляет неправомерное использование сетевых реквизитов, используемых при авторизации. 10,6% составляет распространение контрафактной программной продукции (компьютерное пиратство), 8% – порнографии, 4,1% – вредоносных программ, телефонное пиратство (фрикинг) – 3%, мошенничества с пластиковыми картами (кардинг) – 1,5%, разглашение сведений ограниченного доступа – 2,4%¹.

С увеличением в мире числа компьютеров постоянно возрастает угроза нашествия вредоносных программ, распространяемых через Интернет. Не остается в стороне от этого явления и Россия, которая исторически была в лидерах по производству компьютерных вирусов и сейчас не отстает от других стран в этом аспекте. Увеличение числа компьютерных

¹ См.: Кузнецов А. *Борьба с преступлениями, совершаемыми с использованием сети Интернет*: Материалы VI международной конференции «Право и Интернет». М., 2004.

вирусов по всему миру связано, прежде всего, с тем, что любой человек, имеющий дома компьютер, немного изучив программирование, может попрактиковаться в написании вируса. Причем существует легальная и нелегальная литература, которая может помочь ему в этом, специальные программные инструменты для написания вирусов, позволяющие из простого вируса, написанного студентом-первокурсником, создать сложный экземпляр, на анализ которого у специалиста уйдет много времени. Имея возможность выхода в компьютерную сеть, вирус за очень короткое время можно легко распространить среди большого количества пользователей в разных регионах, пользующихся услугами этой сети. Примеров тому достаточно много.

С ростом числа компьютерных сетей и вовлечения большого числа организаций и частных лиц в глобальную сеть Интернет вирусы перестают разделяться на российские и иностранные. В настоящее время вирусы не знают границ, не признают таможен и могут оказаться в компьютере любого человека. Нельзя отгородиться от всего информационного мира железным занавесом и считать себя в безопасности. Эта проблема на сегодняшний день является одной из острейших. Так, если в конце 80-х годов по оценке специалистов, в «обращении» находилось всего около 100 типов вирусов², то в настоящее время счет идет уже на десятки тысяч.

По мнению специалистов МВД России, рост этих преступлений, связанный с резким расширением российского сегмента сети Интернет и существенным увеличением числа ее пользователей, будет продолжаться и в будущем.

Основными особенностями описываемых преступлений, как правило, являются значительный материальный ущерб, высокий уровень латентности, организованный и трансграничный характер преступных групп, многоэпизодность, скоротечность реализации преступного замысла, сложность установления факта совершения преступления и идентификации преступника.

Совершению подобных преступлений способствуют многочисленные правовые пробелы, недостаточная подготовка сотрудников правоохранительных органов, обусловленная необходимостью использования специальных познаний в области компьютерных технологий и связи, проблемы оснащения правоохранительных органов техническими сред-

ствами для обнаружения и контроля за этим видом преступности, несовершенство механизмов сбора и юридического закрепления доказательств.

Следует остановиться на специфичности субъектов, совершающих преступления в сети Интернет. Чаще всего это высокоинтеллектуальная личность, обладающая профессиональными навыками в области информационных технологий. С точки зрения психофизических характеристик компьютерный преступник является, как правило, яркой, высокообразованной, нестандартно мыслящей и творческой личностью. Внешне его поведение редко отличается от установленных в обществе социальных норм поведения. Кроме того, практика свидетельствует, что компьютерные преступники в своем большинстве не имеют криминального прошлого.

Анализ личности выявленных преступлений показывает, что более 80% преступников составляют несовершеннолетние и высокообразованные молодые люди в возрасте до 30 лет.

Девиантное поведение молодежи во многом не соответствует закономерностям отклоняющегося поведения людей среднего и старшего возраста. Современная криминология объясняет нарушение молодыми людьми общепринятых норм поведения наличием у них специфической системы ценностей, противопоставляемой официально одобряемым или общепризнанным нормам поведения. Как правило, анализ преступности, прежде всего профессиональной, опирается на теорию асоциальных субкультур, но применительно к рассматриваемому вопросу такой подход не всегда оправдан. Чаще бывает, что молодой человек, не отрицая самого факта содеянного, не признает свою вину или нарушает правовой запрет, который в принципе не отвергает.

К сожалению, не только молодое поколение совершает преступления с использованием сети Интернет. Рост совершивших преступления наблюдается и в других, более старших возрастных категориях. Постепенный переход людей из одной возрастной группы в другую не означает отказа от тех действий, которые они совершают или хотели бы совершить.

Комплексный подход к обеспечению предупреждения преступлений, совершаемых в сети Интернет, должен включать в себя психологические, культурологические, правовые, административные, технические аспекты его формирования. Это актуализируется тем, что на сегодняшний день превалирует технический подход в обеспечении информацион-

² См.: Popular Science. 1989. Vol. 235. №3. Sept. P. 59.

См. также: Касперский Е. Компьютерные вирусы в MS-DOS. М., 1992.

ной безопасности, а снижение негативного влияния человеческого фактора зачастую отходит на второй план.

Анализируя состояние систем защиты информации и профилактики преступности в сфере высоких технологий, необходимо определить значения правосознания в области информации и информатизации. На сегодня здесь много неопределенного и ложно толкуемого, особенно в части реализации принципа свободы и открытости информации. Так, зачастую под свободой информации понимается ее искусственный отрыв от источников происхождения и областей применения.

Вся информация, в том числе и виртуальная, является отражением материального мира и отношений, сложившихся в обществе. В этой связи нельзя говорить об общем правовом регулировании сети Интернет. Возможно лишь правовое регулирование конкретных взаимоотношений субъектов, его использующих. У Интернета отсутствует физическое воплощение и, следовательно, любые законодательные посылы к нему заведомо не могут иметь адресата, так как за понятием «Интернет» скрываются организации, обеспечивающие его функциональность, пользователи, проживающие в разных странах мира, аппаратно-программные средства и т.д.

Все вышесказанное показывает широту стоящей проблемы и невозможность ее решения отдельными мерами без учета человеческих и общественных факторов как основных элементов любой информационной среды, вследствие чего данная проблема должна постоянно находиться в поле внимания криминологических исследований.

В свою очередь криминологические рекомендации по использованию технических средств должны определяться спецификой выполняемых ими функций, а не привязкой к конкретным конструкторским или иными инженерно-техническими решениями. В этой связи важно определиться и с пределами их исследования, имея в виду, что различные технические средства не являются предметом изучения криминологии; не может идти речи о подмене естественно-технических отраслей знания, благодаря которым эти средства создавались. Не вызовет сомнений утверждение, что криминология не может и не должна подменять в решении собственно технических проблем специальные отрасли знания.

В то же время актуальность вопроса обусловлена тем, что освещение этих проблем недостаточно полно представлено в криминологических работах. Задача, безусловно, заключается не в самостоятельном решении криминологами инженерно-технических вопросов, а в постановке выявляемых проблем перед специалистами соответствующих отраслей знания.

Приоритетными задачами криминологов в обеспечении предупреждения преступлений в сети Интернет являются:

выявление потребностей правоохранительной деятельности в новых программных и аппаратных средствах;

выявление и устранение недостатков технического характера, способствующих совершению преступлений;

формулировка криминологических требований, которым должны удовлетворять вновь создаваемые программные и аппаратные средства;

разработка рекомендаций по нормативному регулированию применения программных и аппаратных средств;

разработка криминологических методик применения программных и аппаратных средств.

Приведенный перечень задач может быть изменен в зависимости от конкретной ситуации. Например, эти задачи должны решаться в полном объеме, когда необходимо создать принципиально новое программно-техническое средство (или комплекс средств), либо ограничиваться разработкой специальной методики применения, если такое средство заимствуется из общей техники и не требует каких-либо конструктивных изменений.

Решение проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием сети Интернет, требует системного и комплексного подхода к обеспечению защиты компьютерной информации, профилактике компьютерной преступности.

Однако до настоящего времени не выработана стройная система мер по взаимодействию субъектов правоохранительной деятельности государственных органов, общественных и коммерческих организаций в данной области. Не определена политика государства к единым правовым и техническим нормам в области защиты информации от преступных посягательств, что приводит к дисбалансу и дестабилизации системы безопасности в области высоких технологий.

Создание такой системы, включающей в себя широкий спектр нормативно-правовых и организационно-технических мероприятий, позволило бы эффективно противодействовать преступлениям, совершаемым в сети Интернет.

Кроме того, регулирование поведения человека в области информатизации должно быть обеспечено не только правовыми и техническими стандартами, но и этическими нормами, которые все в большей мере должны формировать правосознание и правила поведения, которые не нуждаются в государственном принуждении, а органически входят в регуляторы отношений людей и организаций.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В целях согласования усилий всех субъектов законодательной инициативы, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по совершенствованию и развитию национального законодательства, практики его применения, а также механизма имплементации норм международного права по принятию мер противодействия интеллектуальному пиратству в Российской Федерации необходимо создание концепции предупреждения преступлений в сфере интеллектуальной собственности.

Полный комплекс мер по недопущению совершения преступлений, как правило, принято называть термином «предупреждение».

Отметим, что по существу процесс предупреждения (профилактики и т.п.) осуществляется путем применения уголовного закона и устранения обстоятельств, обуславливающих те или иные преступления или способствующих их совершению.

Противодействие интеллектуальному пиратству представляет собой систему организационно-правовых и экономико-технических мер, подчиненных одной общей цели – предупреждению преступных проявлений в сфере интеллектуальной собственности, устранению и ликвидации причин и условий, их порождающих, пресечению конкретных нарушений авторских и смежных прав, промышленной собственности, а также обеспечению возмещения ущерба правообладателям.

Целью противодействия интеллектуальному пиратству является защита авторского права и смежных прав, прав владельцев товарных знаков и т.п. Противодействие является внешним выражением защиты, это содержательная часть ограждения и предохранения правообладателей от преступных посягательств.

Итак, понятие «противодействие» применительно к интеллектуальному пиратству является научной категорией, позволяющей наиболее полно охарактеризовать содержание и конкретные формы дея-

тельности субъектов по охране и защите права интеллектуальной собственности.

Не претендуя на отрицание таких, устоявшихся в науке криминологии понятий, как «предупреждение» и «профилактика», в настоящей статье их содержание, применительно к интеллектуальному пиратству, будет охватываться единым термином – «противодействие». Таким образом, под противодействием подразумевается «предупреждение» в исходных значениях, а также правоохранительные меры.

Такой подход к определению содержания мер противодействия интеллектуальному пиратству имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности:

признание того, что в борьбе с пиратством можно победить этот вид преступности, приведет к недооценке экономических и социальных факторов, порождающих и способствующих нарушениям в сфере интеллектуальной собственности;

недооценка роли правообладателей, не имеющих полномочий на проведение оперативно-розыскных мероприятий, не обладающих правоохранительными функциями, в применении мер по недопущению распространения контрафакта на рынке, не позволяет в полной мере использовать для предупреждения указанных преступлений их потенциал.

Эффективность противодействия интеллектуальному пиратству может быть достигнута только посредством укрепления основ общей организации данной деятельности. Основными направлениями по укреплению организационных основ противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности являются:

1) *законодательная*. Без стройной законодательной базы в этой области эффективность противодействия преступности в масштабах всей страны невозможна;

2) *организационно-управленческая*. Упорядочение работы органов всех ветвей государственной власти путем устранения конфликтов и разногласий между ними при принятии различных решений по поводу обеспечения контроля и надзора за отечественным бизнесом в сфере интеллектуальной собственности;

3) *правоохранительная*. Укрепление правоохранительной системы с целью достижения таких основных задач, как надежная защита прав и законных интересов участников бизнеса, потребителей, эф-

фактивная борьба с преступностью в этой сфере, содействие экономической стабильности в стране и др.;

4) *профилактическая* работа с населением, отдельными предпринимателями должна преследовать три основные цели: а) предупреждение появления возможных жертв аудиовизуального пиратства (виктимологическая профилактика); б) создание общей психологической атмосферы нетерпимости к преступным проявлениям подобного рода; в) побуждение к активному содействию органам правоохранительной системы в борьбе с преступностью.

Субъектами профилактики преступлений, в отличие от субъектов пресечения преступлений, осуществляющих функции правоохранительных органов, являются: государство, государственные органы и общественные организации, общество, коллективы, индивиды. Множественность таких субъектов различается по масштабам, формам и методам деятельности.

Государство в свою очередь мерами публичного порядка (контроль (лицензирование), надзор, процессуальные принуждения) реализует публичные интересы – обеспечение прав и свобод человека, общественного порядка и стабильных финансово-экономических отношений, международных обязательств.

Общественные методы противодействия интеллектуальному пиратству используются социальными общностями, коллективами, группами, профессиональными компаниями, индивидами и включают главным образом способы морального регулирования, а также производственный контроль (предприятий, тиражирующих или распространяющих аудиовизуальную продукцию).

Эффективность противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности находится в прямой зависимости от того, насколько тесно общественные методы общей и специальной профилактики взаимосвязаны с государственными. Современной особенностью деятельности по противодействию преступности является то, что профилактика преступлений, в том числе экономических, все больше становится общественно-государственной задачей.

В качестве общего *предупреждения* преступности, например, в аудиовизуальной сфере, необходимо рассматривать обеспечение защиты авторского права и смежных прав, так как в данном случае ставятся более широкие задачи, чем только уголовно-правовое противодействие интеллектуальному пиратству.

Специальное предупреждение интеллектуального пиратства, в отличие от общесоциального, имеет более целенаправленный характер. Его особенностью является специальная предназначенность в выявлении и устранении (блокировании, нейтрализации) причин, условий, иных детерминант преступности¹. Специальные меры предупреждения обеспечивают стабильность легального рынка аудиовизуальной продукции, улучшают экономическое положение предпринимателей в этой сфере, способствуют непосредственному выявлению и устранению криминогенных факторов.

Меры противодействия интеллектуальному пиратству можно классифицировать по масштабу на мероприятия, осуществляемые: а) на всей территории страны (федеральные); б) на отдельной территории – региональные (основание выделения региона – экономическое развитие, федеральные округа РФ); в) в пределах территории субъекта РФ (субрегиональные); г) в рамках крупных муниципальных образований – местные; д) на отдельных предприятиях (внутрифирменные).

Противодействие преступности в аудиовизуальной сфере на *федеральном уровне* включает:

разработку, принятие текстов международных договоров, а также присоединение к ним со стороны РФ;

выполнение международных обязательств, направленных на противодействие интеллектуальному пиратству;

участие России (ее представителей) в работе международных организаций, международных органов по обеспечению всеобъемлющей защиты авторского права и смежных прав в аудиовизуальной сфере;

принятие национальных нормативных правовых актов, обеспечивающих защиту правообладателей;

разработка государственной политики противодействия интеллектуальному пиратству;

создание специализированных органов по противодействию интеллектуальному пиратству, а также наделение полномочиями отдельные федеральные органы государственной власти по контролю и надзору за сферой интеллектуальной собственности, реализацией национальной политики в данной области.

¹ См.: Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М.: Изд-во «Щит-М», 1998. С. 127.

На *региональном уровне* возможно применение следующих мер:
осуществление мониторинга за аудиовизуальным рынком региона;

координация деятельности специализированных органов по противодействию интеллектуальному пиратству;

содействие в реализации государственной политики противодействия интеллектуальному пиратству;

принятие региональных программ борьбы с преступностью в сфере интеллектуальной собственности.

На *уровне субъектов РФ* целесообразно применение следующих мер:

контроль за рынком продукции интеллектуальной собственности;

контроль за предприятиями, осуществляющими оборот объектов интеллектуальной собственности;

принятие программ по борьбе с преступностью в сфере интеллектуальной собственности;

принятие нормативных правовых актов, касающихся вопросов обеспечения легального оборота продукции;

проведение профилактических конференций и семинаров для органов законодательной и судебной власти, повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в области противодействия интеллектуальному пиратству;

оказание содействия в подготовке профилактических материалов в СМИ о нарушениях права интеллектуальной собственности.

К *мерам внутреннего* противодействия интеллектуальному пиратству можно отнести:

мониторинг рынка продукции;

создание системы безопасности предприятия (коммерческая тайна, технические меры защиты, учет образцов оригинал-макетов продукции и др.);

подготовка специальных штатных сотрудников в области противодействия интеллектуальному пиратству;

взаимодействие с профессиональными организациями и правоохранительными органами по вопросам сотрудничества в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере интеллектуальной собственности;

взаимодействие со СМИ в целях повышения уровня правового сознания потребителей.

В зависимости от субъектов противодействия интеллектуальному пиратству меры можно разделить на:

отраслевые (ведомственные) – Роспатент и др.;

комплексные (совместные) правоохранительных органов между собой, а также этих органов с другими государственными органами и общественными организациями и профессиональными органами (правообладателями);

местные (правообладателей).

Применение мер по *координации* усилий государственных органов в борьбе с контрафактом вызвано имеющимися сложностями во взаимодействии правоохранительных и контролирующих органов с правообладателями, представители которых отсутствуют в большинстве субъектов Российской Федерации.

Следует выстроить действенную схему взаимодействия владельцев товарных знаков с правоохранительными органами в случаях установления ими нарушений в сфере использования их знаков.

Важную роль в борьбе с распространением контрафакта должно составить налаживание на практике взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов с различными ассоциациями обладателей прав, например, на товарные знаки (РАВТОЗ, РУСБРЕНД, Brand Protection Group (BPG)). Правоохранительные и контролирующие органы государства должны активнее использовать профессиональный потенциал подобных организаций и союзов по следующим направлениям:

участие в разработке проектов нормативных правовых актов по вопросам защиты интеллектуальной собственности;

проведение экспертиз товаров, маркированных товарными знаками владельцев, входящих в состав организации (союза), на предмет установления их подлинности;

направление рекомендаций по охране прав правообладателям, дистрибьюторам;

информирование хозяйствующих субъектов и потребителей об особенностях законодательства о промышленной собственности, о типичных нарушениях в области использования и защиты объектов интеллектуальной собственности;

осуществление контроля за качеством и безопасностью товаров, обеспечением защиты прав потребителей;

направление в правоохранительные органы материалов о фактах нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности;

подготовка и рассылка в заинтересованные органы материалов, содержащих данные о состоянии законности, аналитические обзоры, информационные письма и т.д.;

помощь в опубликовании статей, затрагивающих основные проблемы производства по уголовным делам по ст. 146, 147, 180 УК РФ и др.

В *экономической сфере* необходимо: принять меры, позволяющие повысить прозрачность движения товаров на всем пути до конечного потребителя; обеспечить контроль за защитными признаками фирменного товара на протяжении всей цепочки прохождения товара от производителя до покупателя (производитель, дистрибьютор, оптовик, розничная торговля, покупатель).

Надежная защита средств индивидуализации товаров (товарных знаков, знаков обслуживания, наименования места происхождения товаров) обеспечивается также совокупностью разнородных защитных технологий. Так, подлинность этикетки должна быть надежно устанавливаема и специалистами, и дилетантами. Защищенной должна быть как упаковка, так и ее переменная информация.

Предприятиям-производителям необходимо разрабатывать собственную фирменную концепцию защиты товара от подделок и использовать защитные признаки товара при осуществлении рекламных и маркетинговых кампаний.

Охрана интеллектуальной собственности, осуществляемая самими компаниями (авторская охрана), должна включать следующие меры:

контроль за производственными мощностями и розницей, чтобы убедиться в отсутствии нелегального производства и поставок комплектующих для незаконных операций;

контроль за ценовой стратегией (установление разумных цен, так как чрезмерно высокие цены являются стимулом для нарушителей);

разъяснение всем сотрудникам значения охраны интеллектуальной собственности и обучение их способам определения фальшивых продуктов;

регистрация товарных знаков;

установление связи с сотрудниками, занимающимися охраной интеллектуальной собственности в государственных учреждениях;

применение производственных методов и технологий, трудно поддающихся копированию;

осуществление контакта с потребителем: создание телефонной «горячей линии», по которой потребители могли бы сообщать о приобретении ими фальшивых товаров;

информация через прессу о санкциях, которые налагает компания на нарушителей ее прав на интеллектуальную собственность;

создание союзов с предприятиями, производящими аналогичную продукцию и испытывающими проблемы с охраной интеллектуальной собственности, с целью защиты своих интересов в государственных органах.

В культурно-образовательной сфере основной целью мероприятий по противодействию интеллектуальному пиратству должно стать формирование нетерпимого отношения общественности к нарушениям прав интеллектуальной собственности и подготовка специалистов к осуществлению государственной политики в данной сфере.

Помимо проведения активной профилактической и информационно-разъяснительной работы с населением и предпринимателями об отличительных признаках фальсифицированных и контрафактных товаров, а также о способах защиты законных прав и интересов производителей необходимо совершенствование подготовки и переподготовки работников контролирующих и правоохранительных органов в системе высшего профессионального и послевузовского образования по вопросам интеллектуальной собственности, методологии выявления контрафактных и фальсифицированных товаров и способам борьбы с их распространением. Например, повышение квалификации специалистов в области фармацевтического надзора и контроля.

В заключение можно сделать ряд выводов.

1. Основная задача государства – объединение усилий по выработке реальных скоординированных мер по борьбе с интеллектуальным пиратством как со стороны предпринимательского сообщества и потребителей, так и со стороны официальных структур: федеральных министерств, служб и агентств, правительства и международных организаций.

2. Применение комплекса мер по предупреждению интеллектуального пиратства в сфере использования объектов интеллектуальной собственности позволяет достичь следующих результатов:

устраняются прямые убытки добросовестных товаропроизводителей и повышается привлекательность их товаров;

улучшается инвестиционный климат;
увеличиваются реальные поступления средств в бюджет;
защищается потребитель от некачественной и фальсифицированной продукции;

укрепляется авторитет власти; увеличивается доверие населения к проводимым экономическим преобразованиям.

3. Меры в социально-экономической, правовой и иных сферах, технические и иные меры по формированию легального рынка продуктов интеллектуальной собственности направлены в первую очередь на:

стабилизацию финансовой системы;
укрепление конкуренции;
эффективную защиту прав потребителей;
пропаганду правомерного поведения;
кадровое обучение;
научное обеспечение;
парламентский и правительственный (ведомственный) контроль за реализацией мер по борьбе с интеллектуальным пиратством;
ускорение научно-технического процесса для эффективной технической защиты объектов интеллектуальной собственности;
обобщение и систематизация судебно-следственной практики в целях оптимизации правоохранительных мер в борьбе с интеллектуальным пиратством;
корпоративную безопасность бизнеса;
использование зарубежного опыта в борьбе с интеллектуальным пиратством.

В. И. Ш и я н,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

Предупреждение преступлений стало сегодня главным, самым приоритетным направлением в деятельности государственных структур и общественных институтов по борьбе с преступностью. Предупреждение корыстных преступлений, совершаемых женщинами как разновидность социальной деятельности, может быть достаточно эффективным и давать необходимый результат лишь в том случае, если оно базируется на прочном научном фундаменте.

Наряду с термином «предупреждение» преступности часто употребляются «профилактика» преступности и «борьба» с преступностью. Часть криминологов за родовое, более общее понятие принимают предупреждение преступности¹, иные считают профилактику и предупреждение преступности синонимичными категориями и не разделяют их по сути², другие видят в них различия³.

Не акцентируя внимание на терминологических различиях, отметим, что в данной статье предупреждение и профилактика преступлений используются как синонимичные категории. Позиция продиктована не только принципиальной однородностью этих понятий, но и совпадением буквального смысла слов⁴, а также тем, что в абсолютном большинстве работ, нормативных актах и методических рекомендациях они используются как взаимозаменяющие.

¹ См.: Теоретические основы предупреждения преступности / Отв. ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Г.М. Миньковский. М., 1977. С. 31; Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М., 1999. С. 115.

² См.: Криминология / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 156; Филонов В.П. Состояние, причины преступности в Украине и ее предупреждение. Донецк, 1999. С. 272–275; Литвинов А.Н., Гавриш Т.С. Профилактика преступлений. От теории к практике. М., 2003. С. 6.

³ См.: Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 3 - 4; Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 393.

⁴ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 533, 534.

Учитывая, что корыстная женская преступность, причины и условия, способствующие ей, имеют свои особенности, предупреждение данного вида преступности будет обладать определенной спецификой. Но сна не означает, что все связанные с нею вопросы можно решить в отрыве от общих проблем борьбы с преступностью. Среди них данное направление должно занимать особое место, потому что женская преступность может быть не только показателем нравственного здоровья общества, его духовности, отношения к базовым общечеловеческим ценностям, но и тесно связана с преступностью несовершеннолетних⁵.

Лица, совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте, в дальнейшем, как правило, в редких случаях прекращают свою преступную деятельность. Об этом свидетельствуют результаты опроса несовершеннолетних воспитанников воспитательных колоний Поволжско-Уральского региона. Так, 70% воспитанников и 75,5% воспитанниц специальных учебно-воспитательных учреждений первое свое преступление совершили в возрасте до 16 лет. Являясь несовершеннолетними, 53,5% юношей и 48,7% девушек уже имеют две, три и более судимостей⁶.

Исследователи приходят к выводу, что из совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте лиц примерно 10% ведут себя в дальнейшем правомерно⁷.

По материалам исследования А.А. Тайбакова, свыше половины (53,0%) профессиональных преступников первое преступление совершили в возрасте 14 – 16 лет, 39,9% – в возрасте 17 – 18 лет⁸.

Одним из главных этапов предупредительной работы является разработка и осуществление направлений предупредительной деятельности на основе анализа состояния, структуры и динамики корыстной женской преступности, личности женщин-преступниц и причин исследуемого вида преступности. В связи с этим можно выделить следующие направления деятельности по предупреждению корыстных преступлений, совершаемых женщинами:

1) направления, обусловленные различием в видах преступной деятельности (деятельность по предупреждению краж, грабежей, разбоев; деятельность по предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством и вымогательством; деятельность по предупреждению присвоений, растрат и иных корыстных преступлений);

2) направления, обусловленные особенностями личности корыстных преступниц:

а) предупреждение преступлений со стороны лиц, совершающих аморальные проступки (раннее предупреждение);

б) предупреждение преступлений, состоящих на учете в органах внутренних дел за совершение правонарушений (непосредственное предупреждение);

в) предупреждение рецидива преступлений;

г) предупреждение преступлений со стороны лиц с психическими отклонениями;

3) направления, обусловленные уровнями профилактической деятельности (общесоциальным, специальным, индивидуальным).

Из перечисленных направлений, по мнению исследователей, основным является раннее предупреждение⁹. Под этим понимается предупреждение на таких стадиях, где: а) у человека происходит формирование стереотипов при выборе варианта поведения, причем некоторые из таких вариантов могут оказаться противоправными; б) нарушения закона носят непроступный характер¹⁰.

Раннее предупреждение надо начинать тогда, когда в этом появляется необходимость. Здесь учитывается в первую очередь степень «социальной испорченности» личности¹¹.

Проведенное исследование показало, что женщинами редко совершаются преступления, которые в той или иной степени не были подготовлены предшествующими условиями их жизни, которые не нашли бы своего проявления. Таким образом, объектом раннего пре-

⁵ См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 4.

⁶ См.: Юсупов М.Р. Криминологическая характеристика преступности среди несовершеннолетних женского пола, 2000. С. 36.

⁷ См., например: Долгова А.И., Серебрякова В.А. и др. Изменения преступности и проблемы охраны правопорядка. М., 1994. С. 9.

⁸ См.: Тайбаков А.А. Профессиональный преступник // Социологические исследования. 1993. № 8.

⁹ См.: Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 131, 132; Тайбаков А.А. Проблемы предупреждения и профилактики корыстной преступности. Петрозаводск, 2000. С. 7.

¹⁰ См.: Бержанская З.Б. К вопросу о раннем предупреждении корыстных преступлений, совершаемых должностными лицами // Проблемы предупреждения преступности и дальнейшего укрепления законности и правопорядка (Пятая научная конференция аспирантов и соискателей). М., 1974. С. 33.

¹¹ См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 460.

дупреждения должна являться личность, характеризующая отрицательно, находящаяся на стадии еще отдаленной от совершения преступления¹².

Это обусловлено тем, что среди лиц, совершающих корыстные преступления, довольно высок уровень рецидивистов. Как правило, рецидивисты – это профессиональные преступники, и после перехода индивида в данную категорию иные меры правоохранительного характера, направленные на исправление лица, не совершавшего преступного деяния, не дают желаемого эффекта. Действительно, воздействовать на человека с уже сложившейся негативной системой ценностей, стойкой корыстной ориентацией, целым набором негативных стереотипов сложно. Поведение, сознание профессиональной преступницы трудно контролировать. Но если время уже упущено, если определенные изменения личности произошли, если ее серьезная деформация налицо, надо обращаться к предупреждению рецидива.

Важность и актуальность раннего предупреждения корыстных преступлений, совершаемых женщинами, подтверждают проведенные исследования. Так, 46% несовершеннолетних женского пола задерживались за совершение кражи, 33% женщин совершили кражу, мошенничество, присвоение или растрату в возрасте от 18 до 24 лет, то есть в период активного формирования личности, выбора жизненных ориентиров и ценностей, формирования определенной линии поведения. При наличии необходимого воспитательного воздействия со стороны представителей учебных заведений, трудовых коллективов, лиц из числа позитивного окружения в микро- и макросреде, членов семьи, способных положительно влиять на объект, сотрудников правоохранительных органов именно в эти возрастные периоды в сочетании с коррективкой поведения в положительную сторону, ориентацией на творческие формы поведения, досуга, систему жизненных интересов и т.п., возможно удалось бы избежать такого широкого и раннего вовлечения женщин в сферу совершения корыстных преступлений и, как следствие этого, добиться предупреждения рецидива.

До 90-х годов XX столетия в нашей стране раннее предупреждение преступлений, в том числе и корыстных женских, осуществлялось по двум направлениям: во-первых, многочисленными общественными организациями по месту жительства и в трудовых коллективах; и, во-

вторых, территориальными подразделениями органов внутренних дел. На современном этапе первое направление практически бездействует, основной груз этой работы несут подразделения милиции.

Плодотворное раннее предупреждение корыстной женской преступности предполагает выявление и учет лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений; всестороннее и глубокое изучение этих лиц и условий их жизнедеятельности; непосредственное воздействие на них, включающее воспитание и социальный контроль. В процессе этой работы должны учитываться психофизиологические особенности женщин. Кроме того, необходимо выделить основной стадии раннего предупреждения исследуемого вида преступности – это предупреждение в отношении несовершеннолетних.

Психологические особенности человека начинают формироваться с младенческого возраста. К.Е. Игошев и Г.М. Миньковский указывают, что самосознание и осознание требований среды развиваются очень рано, начиная с возраста от одного года до двух лет, и что уже в этот период начинается интенсивное усвоение норм поведения, системы ценностей, культурного багажа семьи и окружающей микросреды в целом, а через них – соответствующих требований и представлений общества. Как правило, к четырем – пяти годам закладываются до 40% способностей и черт характера человека¹³.

Качественные преобразования, которые претерпевает психика ребенка за первые три года, весьма значительны. Поэтому психологи середину пути психического развития от момента рождения до зрелого возраста отнесли к трем годам¹⁴.

Исследователи проблем профилактики правонарушений среди учащихся подчеркивают, что «первые отклонения в нравственном развитии и поведении школьников наблюдаются довольно рано, $\frac{3}{4}$ всех трудных подростков уже в первом классе проявили крайнюю неустойчивость поведения, конфликтовали с педагогами, многие из них оказывались в положении «изолированных»¹⁵.

¹³ См.: Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. М., 1979. С. 62, 65.

¹⁴ См.: Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А.В. Петровского. М., 1979. С. 41.

¹⁵ Профилактика правонарушений среди учащихся. Киев, 1983. С. 55.

¹² См.: Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984. С. 403.

В литературе неоднократно отмечалась повышенная степень связи между семейным неблагополучием и преступлениями девушек-подростков¹⁶.

Действительно, проблема семейного неблагополучия занимает основное место в раннем предупреждении в отношении несовершеннолетних. Профилактическая деятельность по оздоровлению обстановки в семье должна осуществляться в следующей последовательности: выявление неблагополучных семей; диагностика семейного неблагополучия; осуществление профилактических мероприятий по нормализации микроклимата в семье; принятие административных и уголовно-правовых мер воздействия на родителей, злостно нарушающих обязанности по воспитанию детей.

Выявление семей, где не обеспечивается должное воспитание или отсутствуют надлежащие условия жизни и развития несовершеннолетних женского пола, представляет собой трудоемкий процесс сбора и анализа различной по содержанию информации из многочисленных источников.

Проведенное исследование свидетельствует о несвоевременном и неполном выявлении неблагополучных семей. Например, 2/3 семей, имеющих неблагоприятные условия для социализации детей, выявляются по факту совершения несовершеннолетними преступного деяния.

Предупреждение корыстных преступлений со стороны женщин, состоящих на учете в органах внутренних дел за совершение правонарушений (непосредственное предупреждение), заключается в организации и осуществлении превентивной деятельности, направленной на выявление лиц, от которых можно ожидать совершения корыстных преступлений, и проведение с ними работы в целях их недопущения¹⁷.

Данное направление тесно связано с предотвращением и пресечением преступлений. В связи с этим деятельность по предупреждению на этом направлении должна осуществляться всеми звеньями государственной и общественной системы и на разных уровнях – высшем, среднем, низком. Эти уровни находятся в тесной взаимосвязи и дополняют друг друга.

Первый уровень (высший) предусматривает решение крупных социальных, экономических и иных проблем жизнедеятельности общества, выражающееся в крупных социально-экономических преобразованиях, усилении воспитательной работы, а в целом – в совершенствовании общественных отношений на данном этапе развития общества.

Второй уровень (средний) влечет за собой предупредительно-профилактическое воздействие на конкретные социальные группы и общественные слои женского населения, подвергнутые влиянию отрицательных тенденций. На этом уровне, например, могут приниматься меры по трудоустройству выпускниц школ, не поступивших в высшие, средние или специальные учебные заведения, наведению должного порядка и культуры обслуживания в системе торговли и бытового обслуживания и т.п.

Третий уровень (низкий) связан с индивидуально-профилактическим воздействием в отношении конкретных лиц. Задача такого воздействия состоит в позитивном изменении системы ценностных ориентаций женщины, в преодолении ее антиобщественных взглядов и установок, переориентации поведения в социально одобряемом направлении¹⁸.

Выделение следующего направления обусловлено тем, что, по мнению отечественных и зарубежных авторов, а также согласно результатам нашего исследования, уровень рецидива в корыстной преступности, в том числе и женской, очень высок. В уголовно-правовом аспекте только среди женщин, совершивших кражи, выявлено 29% рецидивисток. С позиций криминологии 43% этой категории женщин являются рецидивистками. Исходя из этого, предупреждение рецидива корыстных преступлений, совершаемых женщинами, представляется одной из основных и наиболее сложных задач для всех субъектов предупреждения. В этой связи определяем предупреждение рецидива как часть общей системы деятельности государственных органов, общественных объединений, производственных предприятий, учреждений, организаций по выявлению и устранению причин и условий рецидивной преступности в общем плане и в отношении конкретных лиц в процессе их привлечения к уголовной ответственности, назна-

¹⁶ См.: Беличева С.Л. Дети и семьи группы риска как объект социальной профилактики // Социальные и правовые вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних. М., 1993. С. 89; Юсупов М.Р. Криминологическая характеристика преступности среди несовершеннолетних женского пола. М., 2000. С. 59, 66; и др.

¹⁷ См.: Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 93.

¹⁸ См.: Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск, 1986. С. 403.

чения наказания, его исполнения и социальной адаптации после освобождения.

Нужно иметь в виду, что здесь действуют две группы причин и условий: 1) причины и условия общие для всех женщин, совершивших корыстные преступления; 2) причины и условия, характерные только для рецидива.

Условием успеха работы по предупреждению рецидива в настоящее время является дифференциация отбывающих лишение свободы женщин, совершивших несколько преступлений и неоднократно судимых, и остальной массы осужденных¹⁹.

Одним из основных направлений борьбы с рецидивом корыстных преступлений является оказание освобожденным женщинам помощи в трудовом и бытовом устройстве, восстановлении нормальных и родственных отношений, оказание материальной помощи. Это относится, прежде всего, к социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы.

Установлено, что отмена в 1990 г. ограничений в прописке для освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы оказывает положительное воздействие на ранее судимых. Данная категория лиц стала меньше испытывать трудности в обеспечении жильем, трудовом устройстве, укреплении социально полезных связей. Все это предопределило более благоприятную ситуацию, которая несколько снизила криминогенность со стороны освобожденных рецидивистов, способствовала снижению вероятности их возврата к противоправной деятельности²⁰.

В рамках предупреждения рецидива следует обратить внимание на необходимость профилактики вовлечения женщин в деятельность преступных групп и на возможность ведения эффективной борьбы с такими формированиями посредством целенаправленной работы (в том числе и оперативными методами) с профилактируемыми женщинами – их участницами.

Аналоги эффективности подобной профилактической деятельности в практике органов внутренних дел имелись и ранее. Особенно ощутимый эффект достигался в разобщении преступных групп несо-

вершеннолетних и молодежи за счет вывода из них женщин с последующим предотвращением готовящихся преступлений или прекращением существования таковых организованных преступных групп. Как показывает практика, женщины нередко входят в организационное ядро преступных сообществ и являются носителями исключительно ценной оперативной информации²¹.

Выделение такого направления, как предупреждение преступлений со стороны лиц с психическими отклонениями было обусловлено результатами проведенного нами исследования, которое показало, что 13% женщин, совершивших кражи, страдают хроническим алкоголизмом, наркоманией, шизофренией. Результаты исследования М.Н. Голоднюк свидетельствуют, что более 80% всех несовершеннолетних осужденных женского пола, содержащихся в воспитательной колонии, – лица с психическими аномалиями. Основные виды патологии – это олигофрения, психопатия, органические нарушения центральной нервной системы, эпилепсия и ряд других²².

Говоря о предупреждении корыстных преступлений, совершаемых женщинами с патопсихологическими особенностями, необходимо затронуть такую проблему, как устранение причин, возникающих еще до рождения человека и могущих предрасположить лицо к совершению правонарушений. Здесь большое значение имеет алкоголизм родителей, так как у алкоголиков часто рождаются дети с органическим поражением головного мозга, нарушениями центральной нервной и эндокринной системы, которые существенно сказываются на развитии психики²³.

Профилактика алкоголизма, охрана здоровья беременных, предупреждение травм головы, различных инфекционных заболеваний, особенно в раннем детском возрасте – важнейшие условия сверххранного предупреждения преступлений лиц с патопсихологическими особенностями. Большое значение имеют и медико-генетические кон-

²¹ См.: Пахомов В.Д., Корзун И.В. Женская преступность и борьба с ней // Современная преступность: новые исследования: Сборник научных трудов. М., 1993. С. 115.

²² См.: Голоднюк М.Н. Проблемы преступности несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в ВТК // Вестник МГУ. Вып. 11. 1991. № 3. С. 26.

²³ См.: Гончарова М.В. Предупреждение краж, совершаемых лицами с патопсихологическими особенностями: Пособие. М., 2003. С. 77.

¹⁹ См.: Волкова Т.Н. Криминологические и правовые проблемы женской преступности в современной России: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. С. 35.

²⁰ См.: Коломытцев Н.А. Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним. Киров, 2001. С. 196.

сультации при вступлении в брак, особенно лиц, имеющих психические аномалии²⁴.

Основа предупреждения корыстных правонарушений со стороны лиц с аномалиями психики – мероприятия медико-социального характера. Практика показывает, что профилактика преступного поведения лиц с отклоняющейся психикой невозможна, если не будет оказываться качественная психиатрическая помощь тем, кто в ней нуждается²⁵.

Раннепрофилактические мероприятия предполагают: выявление, диагностирование и учет лиц с психическими аномалиями; прогнозирование противоправного поведения лица в зависимости от имеющейся у него психической патологии, оказание социально-психиатрической и психотерапевтической помощи (в первую очередь на уровне «семья – ребенок»), индивидуальная работа с данной категорией лиц; проведение профилактических осмотров; создание психолого-психиатрических консультаций²⁶.

Выявление и учет женщин с психическими аномалиями, способных совершать корыстные преступления, предполагает и оказание им необходимой медицинской помощи. Такая работа, по нашему мнению, должна осуществляться органами внутренних дел совместно с соответствующими медицинскими учреждениями. Здесь возникают проблемы, связанные с обеспечением сохранности врачебной тайны, с соблюдением правовых и моральных норм о допустимости обследования врачом-психиатром, с необходимостью учета не только наличия психической аномалии, но и всех данных, характеризующих личность, ее поведение, образ жизни и т.д. Подобная профилактическая деятельность должна существенно повысить эффективность борьбы с корыстными преступлениями, в той или иной мере обусловленными психическими особенностями женщин. Кроме того, учитывая способность передачи дефектов психики по наследству, ранняя профилакти-

ка таких заболеваний будет выполнять функцию охраны материнства и детства и тем самым оказывать предупредительное воздействие на преступность несовершеннолетних.

Безусловно, основная тяжесть в предупреждении корыстных преступлений, совершаемых женщинами, на всех перечисленных направлениях ложится на органы внутренних дел.

При обсуждении главных направлений деятельности органов внутренних дел по предупреждению рассматриваемого вида преступлений и, как следствие, работы с их участницами особого внимания заслуживают задачи данной деятельности. В криминологии их подразделяют на стратегические и тактические. Применительно к корыстной женской преступности эти задачи видятся нам следующим образом.

Стратегическая задача предупреждения корыстной женской преступности представляется как структурно-содержательная перестройка общественных отношений, ситуации жизнедеятельности личности с признаками корыстного поведения и ее ориентационной сферы²⁷.

В тактическом отношении на первый план выступает позитивное изменение конкретной жизнедеятельности личности корыстной преступницы, ее ориентации.

При решении данной задачи необходим, прежде всего, строго индивидуальный подход. Несмотря на то, что криминология не призвана предлагать конкретные методы и способы индивидуального предупреждения (и это, по-видимому, справедливо, поскольку дать рецепты на все случаи жизни просто невозможно, сам индивидуальный подход предусматривает строгую избирательность применяемых мер с учетом всех характеристик объекта предупредительного воздействия), эта наука, тем не менее, может дать общие рекомендации, показать основные пути и средства предупреждения преступности.

С учетом складывающейся в настоящее время социально-экономической и политической ситуации в нашей стране данное направление приобретает особую актуальность и значимость. Несмотря на целый ряд негативных тенденций и процессов, происходящих в общественной, экономической и политической жизни, все еще сохраняются резервы для структурно-содержательного изменения общественных отношений применительно к предупреждению корыстной женской преступности.

²⁴ См., например: Антонян Ю.М., Горинов В.В., Саблина Л.С. Преступники с умственной отсталостью. М., 1992. С. 35; Морозов Г.В., Шостакович Б.В. Теоретические и методологические вопросы профилактики общественно опасных действий психически больных // Меры медицинского характера в системе профилактики общественно опасных действий. М., 1987. С. 324.

²⁵ См.: Антонян Ю.М., Виноградов М.В., Голумб Ц.А. Преступное поведение лиц с психическими аномалиями и его профилактика // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. № 32. С. 52–53.

²⁶ См.: Кузнецов П. В. Особенности профилактики правонарушений лиц с психическими аномалиями // Материалы Всероссийской научно-практической конференции по проблеме профилактики правонарушений. М., 1997. С. 163.

²⁷ См.: Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1986. С. 109.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Проблемы причин преступности, ее характеристик всегда вызывали повышенный научный интерес у отечественных и зарубежных криминологов.

Одним из направлений в исследовании причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений, является их изучение в территориальном аспекте.

В литературе высказано мнение, согласно которому обобщающим термином, позволяющим обозначить источник возникновения преступности, следует назвать «криминогенный фактор». Такое предложение было выдвинуто профессором Н.А. Селивановым. Определяя значение понятия «криминогенный фактор», автор соглашается с высказанным в литературе мнением о том, что криминогенные факторы могут играть роль как причин отдельных преступлений, так и условий, способствующих преступлениям¹. Далее он пишет, что в такой интерпретации понятие «криминогенный фактор» является обобщающим для терминов «причина преступности» и «условие, способствующее преступности». По мнению автора, которое мы полностью поддерживаем, термин «криминогенный фактор» является эквивалентом понятия «детерминант преступности»².

Для оценки влияния различных факторов на преступность в приграничных регионах Сибирского федерального округа (СФО) были опрошены эксперты из числа сотрудников органов внутренних дел Республики Тыва, Республики Алтай и Алтайского края. Большинство из них считает, что наибольшее влияние на состояние преступности в указанных регионах оказывают экономические (75,2%) и социальные (74,4%) факторы; 15,2% опрошенных добавляют демо-

¹ См.: Бабаев М.М. Криминологическая характеристика последствий социально-демографических процессов. В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 27. М., 1977. С. 49.

² Гришаев П.И. Структура полной причины преступности. Классификация причин и условий преступности: Лекция. М., 1984. С. 18.

графические, 14,4% культурные факторы, и только 8,8% указали на влияние политических факторов.

Изучалась также степень влияния указанных факторов на криминальную обстановку в исследуемых регионах. Для этого экспертам были предложены три группы факторов (социально-экономические, социально-демографические и социально-культурные), представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес при изучении детерминантов преступности в приграничных регионах СФО.

Рассмотрим каждую группу факторов более подробно.

1. Социально-экономические факторы

По мнению экспертов, причины преступности прежде всего необходимо искать в сфере экономических отношений, в их противоречиях, несовершенстве системы распределительных отношений и т.д. Экономическая сфера – это одна из главных сфер столкновения интересов. Именно «... экономические интересы лежат в основе подавляющего числа преступлений. Они пронизывают все сферы бытия, волнуют всех членов общества, так как в них заключен огромный спектр проблем – от элементарного выживания до мирового господства»³.

Состояние, динамика и структура преступности в Сибири и приграничных регионах СФО, в частности, обусловлены и самым непосредственным образом детерминированы особенностями социально-экономического развития регионов, ибо социальная детерминированность преступности неразрывно связана с условиями общественной жизни⁴.

К числу социально-экономических факторов, значительно влияющих на ухудшение криминальной ситуации, экспертами были отнесены: низкий уровень жизни населения (87,2%); несоответствие денежных доходов необходимым расходам (65,6%); существенные различия в уровне материального благосостояния различных слоев и групп населения (63,2%); увеличение стоимости основных продуктов питания (58,4%); высокий уровень зарегистрированной безработицы (58,0%); высокий уровень скрытой безработицы (48,0%); рост

цен на товары и услуги (47,6%); недостаточный уровень обеспеченности жильем (44,4%).

Влияние этих факторов подтверждают приведенные ниже данные. В частности, данные о среднедушевых денежных доходах населения изучаемых регионов. Если в России в 2001 и 2002 гг. среднедушевые денежные доходы населения в месяц составляли 3 075 и 3 950 руб. соответственно, то в Сибирском федеральном округе – 2 512 и 3 233 руб. В приграничных регионах эти показатели были гораздо ниже, например, в Республике Алтай – 1 599 и 2 405 руб., в Республике Тыва – 1 609 и 2 336 руб., в Алтайском крае – 1 691 и 1 279 руб. соответственно.

Среднедушевые денежные доходы населения этих регионов ниже, чем по Сибирскому федеральному округу и в целом по России. Это сказывается в первую очередь на материальной обеспеченности населения и возможности приобретения и улучшения им бытовых условий, необходимых для жизнеустройства. Например, прожиточный минимум в среднем на душу населения Республики Тыва в месяц, за IV квартал 2004 г. составил 2 659 рублей, увеличившись к уровню III квартала 2004 г. на 2,1%⁵. В то же время численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума за 2004 г. составила 46,7%⁶. В целом можно сделать вывод, что преступления чаще совершаются в тех регионах, в которых заработная плата и размер среднедушевого дохода не соответствуют необходимым потребностям населения.

При проведении анализа факторов преступности необходимо учитывать и состояние рынка труда в приграничных регионах, так как безработные всегда являлись резервом преступности. Уровень безработицы в приграничных регионах СФО выше общероссийского показателя. В 2002 г. уровень безработицы в целом по России равнялся 8,0; в Сибирском федеральном округе – 10,1, Республике Алтай – 11,5, Республике Тыва – 20,5, в Алтайском крае – 8,3. Самый высокий уровень безработицы был отмечен в Республике Тыва.

На преступность в приграничных регионах СФО влияет и такой криминогенный фактор, как недостаточная обеспеченность населения жильем. Если, например, площадь жилищ, приходящаяся в

³ Гитин В., Хигир Б. Анатомия криминала. Харьков: Паритет ЛТД, 1996. С. 29.

⁴ См.: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 57–59; Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С.104–106; Бабаев М.М., Кузнецова Н.Ф., Урланис Е.Б. Влияние демографических процессов на преступность. М., 1976. С. 30–31.

⁵ См.: Там же. С. 34.

⁶ См.: Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь – декабрь 2004 года. Кызыл, 2005. С. 50 – 53.

среднем на одного жителя, в России в 2001 и 2002 гг. (на конец года) составляла 19,7 и 20,0 м² соответственно, то в СФО – 18,2 и 18,4 м², Алтайском крае – 18,7 и 19,0 м², а в Республике Алтай – 14,5 и 14,7 м², Республике Тыва – 12,3 и 12,4 м².

Неудовлетворенность элементарными условиями и уровнем жизни в сочетании с другими социально-экономическими факторами (недостаточной обеспеченностью жильем, высоким уровнем безработицы, ростом цен на товары и услуги и т.д.) приводит к тому, что люди начинают искать «отдушину» в алкоголе. Почти каждый опрошенный эксперт (92,8%) ответил, что высокий уровень потребления алкогольных напитков оказывает значительное влияние на ухудшение криминальной ситуации в приграничных регионах Сибирского федерального округа. Анализ статистических данных показал, что к регионам с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершенных в состоянии алкогольного опьянения в период с 2000 по 2004 гг., относятся Республика Тыва и Республика Алтай. Так, если в 2001 и 2004 гг. удельный вес этих преступлений в целом по стране составлял 22,6% и 22,5%, то в Республике Алтай – 35,3% и 36,8%, Республике Тыва 40,1% и 32,2% соответственно.

В своих исследованиях ученые постоянно приходят к выводу о том, что экономические отношения – это то, что рождает преступность в целом и конкретные ее виды. Социально-экономические различия находят свое отражение в формировании поведения человека в сфере быта и культуры. С экономическими преобразованиями сопряжены не только падение уровня жизни, но и такие демографические проблемы, как снижение продолжительности жизни, кризис института брака, отток трудоспособного населения из региона и т.п., а также дефекты нравственно-правового и культурного воспитания.

2. Социально-демографические факторы

Детерминанты преступности необходимо искать и в социально-демографической сфере. Полученные в ходе опроса экспертов данные подтверждают это. Почти каждый второй опрошенный (54,4%) считает, и с этим трудно не согласиться, что значительное влияние на ухудшение криминальной обстановки оказывает снижение численности трудоспособного населения регионов, связанное с миграцией и порождаемой ею текучестью кадров. Поэтому к числу криминогенных факторов, значительно влияющих на уровень преступности в исследуемых регионах, 52% экспертов также отнесли отток

трудоспособного населения из региона в более благоприятные по климату и инфраструктуре зоны и 46,4% – рост притока мигрантов. Например, только за январь – ноябрь 2004 г. в Республику Тыва из других регионов прибыло 1001 человек, а выбыло за ее пределы 1736 человек. Таким образом, миграционная убыль составила 735 человек против 619 за аналогичный период прошлого года. Внутрорегиональная миграция во всем миграционном обороте республики составляет 82,7% (за январь – ноябрь 2003 г. – 80,3%)⁷. Неблагоприятная обстановка в приграничных регионах СФО, обусловленная во многом их социально-экономическим положением, в сочетании с высоким уровнем миграции свидетельствует о желании людей сменить место жительства на более благоприятные по климату и инфраструктуре регионы. Ощущается и отсутствие притока «свежих» квалифицированных специалистов в эти регионы. Возникает «кадровый голод».

В системе обстоятельств и процессов, порождающих преступность, существенную роль играют негативные компоненты семейных отношений. Поэтому каждый второй (50,4%) опрошенный эксперт к числу факторов, значительно влияющих на уровень преступности, отнес отрицательное соотношение браков и разводов. Семейная дезорганизация занимает одно из первых мест в системе факторов преступности. Это объясняется не только ее функциями, но и традиционной ролью семьи в воспитании подрастающего поколения, а также рядом негативных явлений в современной семье, рассматриваемых как кризис института брака. Действительно, в настоящее время в России из каждых 10 семей распадаются 6–7 (в 1995 г. на 1000 браков пришлось 619 разводов)⁸. Например, только за январь – декабрь 2004 г. показатель регистрируемых браков в Республике Тыва уменьшился на 18,7%, а разводов – на 14,3%. То есть, на 1 000 образовавшихся брачных пар приходилось 339 распавшихся против 323 за соответствующий период 2003 г. Криминогенность распада семей очевидна. Большое количество разводов, а также трудности создания семьи продуцируют большое число людей брачного возраста, не состоящих в браке.

⁷ См.: Социально-экономическое положение республики Тыва за январь – декабрь 2004 года. Кызыл, 2005. С. 59.

⁸ См.: Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1996. С. 727.

3. Социально-культурные факторы

Факторы, оказывающие влияние на преступность в приграничных регионах СФО, следует также искать и в социально-культурной сфере, поскольку именно от принятых соответствующими группами населения социальных норм и ценностей зависит их отношение к преступлениям и преступности. Так, по мнению экспертов, значительное влияние на ухудшение криминальной обстановки имеют следующие социально-культурные факторы: отсутствие нравственных критериев в обществе (69,2%); распространение в СМИ порнографии и насилия (66,0%); низкий уровень организации и проведения досуга граждан (60,4%); недостаточный уровень правового воспитания и образования населения (67,2%); снижающийся уровень правовой культуры населения (65,2%); несоответствие между объемом свободного времени подростков и молодежи и возможностями его разумного использования (67,6%).

На уровень преступности в приграничных регионах также оказывает влияние отсутствие нравственных критериев в обществе, порожаемое распространением в средствах массовой информации порнографии и насилия. В совокупности это приводит к снижению уровня правовой культуры населения и привыканию к противоправным деяниям.

Необходимо уделять особое внимание и развитию национальной культуры самобытности народов, проживающих в регионе. Некоторые старые обычаи сохранились до нашего времени и продолжают играть важную роль в системе общественных отношений. Однако «многие из этих обрядов и традиций потеряли свое первоначальное значение и стали помехой для нравственного формирования личности. В ряде случаев они становятся благодатной почвой для антиобщественных проявлений, в том числе и преступности»⁹. Поэтому наряду с социально-экономическим, социально-демографическим развитием приграничных регионов СФО необходимо особое внимание уделять правовому воспитанию и образованию граждан, а также развитию национальной культуры. Рост культурного уровня и сознательности населения создает все условия для снижения уровня преступности в регионах.

Вместе с тем, необходимо отдавать себе отчет в том, что «криминогенное влияние оказывают не сами по себе социальные процессы, а те субъективные факторы, вытекающие из деятельности отдельных людей, государственных органов и общественных организаций, которые носят характер упущений, просчетов, недостатков и т.п.»¹⁰.

Наличие существенных социально-экономических, социально-демографических, социально-культурных различий между регионами в конечном счете предопределяет наличие значительных различий в состоянии, динамике, структуре преступности. Поэтому учет всех более или менее значимых местных условий и особенностей необходим как при научном осмыслении причин и условий неправомерного поведения, так и при практическом осуществлении деятельности по предупреждению всякого рода преступлений в приграничных регионах Сибирского федерального округа.

Такой подход дает возможность глубже осмыслить причины и условия, способствующие совершению преступлений в приграничных регионах СФО, и на этой основе с учетом конкретных местных условий и особенностей организовать предупредительную работу, позволит учесть все возможные пути формирования антиобщественного поведения и разработать комплекс профилактических мероприятий.

⁹ Габияни А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы географии преступности: (По материалам ГССР). Тбилиси, 1982. С. 16.

¹⁰ Бабаев М.М. Социальные процессы и проблемы борьбы с преступностью. Вопросы советской криминологии (Материалы научной конференции). М., 1976. Ч. 1. С. 97.

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ ВОПРОСАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Все взаимосвязано со всем – гласит первый экологический закон. Значит, и шага нельзя ступить, не задев, а порой и не нарушив чего-либо из окружающей среды. Каждый шаг человека по обычной лужайке – это десятки погубленных микроорганизмов, спугнутых насекомых, изменяющих миграционные пути, а, может быть, и снижающих свою естественную продуктивность.

Уже в прошлом веке возникла тревога человека за судьбу планеты, а в текущем столетии дело дошло до кризиса мировой экологической системы из-за возобновления нагрузок на природную среду. Появились глобальные проблемы человечества. И, соответственно, возник вопрос реализации права граждан на благоприятную окружающую среду.

Права человека составляют основные разделы конституций многих демократических стран, в том числе и Конституции РФ. О правах человека заходит речь на всех более-менее значительных общественно-политических форумах, большое внимание уделено в различных международных соглашениях.

В нашей стране отношение к правам человека было непростым. Сегодня в период формирования гражданского общества и правового государства, когда приоритет личности в отношениях с государством становится все более ощутимым, идеи прав человека приобретают особую актуальность.

Конечно же, реальную угрозу для жизни и здоровья миллионов людей образует и ослабление технологического контроля, и несоблюдение особых правил поведения на предприятиях вредного производства, и другие техногенные факторы, в результате чего нарушаются экологические права граждан, а целые территории страны становятся зонами экологического бедствия. Словно предупреждая общество о возможных последствиях игнорирования экологических закономерностей эксплуатируемых природных объектов, произошло несколько катастроф, потребовавших принятия неотложных мер в совершенствовании взаимоотношений общества и природы: Чернобыльская авария, экологическая катастрофа Ладожского озера,

Аральского моря и др. Эти катастрофы показали, что возникло противоречие между возросшей экологической опасностью средств производства, используемых прежними методами, и пределами «терпимости» экологических систем страны к этому все возрастающему прессингу. Наиболее заметные отрицательные последствия загрязнения окружающей среды в крупном городе проявляются в ухудшении здоровья горожан по сравнению с жителями сельской местности. Так, например, горожане чаще страдают неврозами, заболеваниями сосудов мозга, болезнями центральной нервной системы, органов дыхания, чем сельские жители.

Необходимо радикальное изменение экологических производственных отношений.

Отсутствие комплексных (социальных и государственно-правовых) мер повышения экологической безопасности, служащих гарантией обеспечения реализации экологических прав граждан, представляет одну из угроз национальной безопасности на современном этапе развития российской государственности.

Значительные масштабы экологического ущерба влекут за собой повреждения здоровья граждан, их гибель и другие тяжкие последствия, а также препятствуют выходу страны из экономического кризиса, подрывают авторитет государства. Если человечество хочет выжить, оно должно отказаться от потребительского отношения к природе. Оно должно реализовывать политику ресурсосбережения, а не бездарное потребление. Наступило время, когда необходимо соизмерять свои потребности с ограниченными масштабами планеты и возможностями природы.

Основу конституционной доктрины России составляют уважение прав и свобод человека и гражданина, установление приоритетов личности над государственными интересами, взаимной ответственности государства и личности. В ст. 2 Конституции Российской Федерации провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства.

Всемирное обеспечение экологических прав граждан и создание, в первую очередь, административно-правовых гарантий их реализации представляет актуальную проблему, решение которой направлено на сохранение и поддержание среды обитания человека, позволяющей полноценно существовать ему как особому биологическому виду.

Состояние экологии в начале третьего тысячелетия мировое общество вполне обоснованно расценивает как одно из главнейших условий выживания человечества, будущее которого напрямую зависит от политики государства, направленной на выработку и реализацию комплекса мер по противодействию негативным последствиям научно-технического прогресса, приводящим к экологотехногенным катастрофам и их глобальным вредным последствиям. Охрана природы до недавнего времени была делом отдельных лиц и обществ, а экология первоначально не имела никакого отношения к охране природы. А сейчас слово «экология» у всех на слуху.

Такая резкая перемена на протяжении 30 лет произошла в силу двух взаимосвязанных обстоятельств, характерных для второй половины века: роста населения Земли и научно-технической революции. И если человечество будет продолжать идти по нынешнему пути развития, то его гибель, как считают ведущие экологи мира, через два – три поколения неизбежна.

Рост масштабов хозяйственной деятельности человека, бурное развитие научно-технической революции усилили отрицательное воздействие на природу, привели к нарушению экологического равновесия на планете.

Одновременно с демографическим взрывом произошла и научно-техническая революция. Человек освоил ядерную энергию, ракетную технику и вышел в космос. Он изобрел компьютер, создал электронную технику и промышленность синтетических материалов.

Демографический взрыв и научно-техническая революция привели к колоссальному увеличению потребления природных ресурсов. Стало очевидным истощение многих из них в ближайшее время. Одновременно отходы гигантских производств стали все больше загрязнять окружающую природную среду, разрушая здоровье населения. Во всех промышленно развитых странах большое распространение получили раковые, хронические легочные и сердечно-сосудистые заболевания.

Главный фундамент жизни – почвы – повсюду на Земле деградируют. В то время как Земля накапливает один сантиметр чернозема за 300 лет, ныне один сантиметр почвы погибает за год. Не меньшую опасность представляет загрязнение планеты. Мировой океан постоянно загрязняется из-за расширения добычи нефти на морских промыслах. Огромные нефтяные пятна губительны для жизни океана. В океан сбрасываются миллионы тонн фосфора, свинца, радиоак-

тивных отходов. На каждый квадратный километр океанской воды сейчас приходится 17 т различных отходов суши.

Уязвимой частью природы является пресная вода. Сточные воды, пестициды, удобрения, ртуть, мышьяк, свинец и многое другое в огромных количествах попадают в реки и озера. Сильно загрязнены Дунай, Волга и другие реки. По заключению специалистов, в некоторых районах земли 80% всех болезней вызваны недоброкачественной водой.

Загрязнение атмосферного воздуха превзошло все допустимые пределы. Концентрация вредных для здоровья веществ в воздухе превышает медицинские нормы во многих городах в десятки раз. Кислотные дожди, содержащие двуокись серы и окись азота, являющиеся следствием функционирования тепловых электростанций и заводов, несут гибель озерам и лесам. Авария на Чернобыльской АЭС показала экологическую угрозу, которую создают аварии на атомных электростанциях, они эксплуатируются в 26 странах мира.

Исчезает вокруг городов чистый воздух, реки превращаются в сточные канавы, повсюду груды мусора, свалки, искаленная природа – такова бросающаяся в глаза картина безумной индустриализации мира.

В результате жизнедеятельности человека, его алчности, а порой и халатности в мире исчезли сотни видов крупных млекопитающих, птиц, и других видов животных, более тысячи животных находятся под угрозой вымирания. Неграмотное проведение мелиорационных работ и нещадное истребление лесных массивов привело к тому, что примерно одна треть сухопутной территории находится под угрозой превращения в пустыню.

Природа и ее объекты являются достоянием человечества, в связи с чем перед всеми государствами стоит проблема их правовой защиты, а также рационального использования. Поэтому в конце 80-х годов заговорили об экологических правах человека.

Первоначально экологические права человека не были закреплены в Конституции РФ. Право на здоровую благоприятную среду было закреплено в статьях Закона РФ «Об охране окружающей среды» 1991 г.

На принятии этого акта законодатель не остановился. Следующим существенным шагом в области охраны окружающей природной среды стало принятие всенародным голосованием 12 декабря

1993 г. Конституции РФ, в которой появилась статья, полностью посвященная экологическим правам граждан РФ.

В ст. 42 Конституции РФ предусмотрено право гражданина РФ на благоприятную окружающую среду, основанное на принципиальном положении, что человек есть высшая ценность, что каждый имеет право на жизнь. Это право предполагает благоприятную окружающую природную среду и охрану от неблагоприятного ее воздействия, вызванного авариями, катастрофами, иной деятельностью человека, включая хозяйственную, а также право на получение достоверной информации о состоянии биосферы, право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением или стихийными катаклизмами.

Право граждан на благоприятную окружающую среду, благоприятные условия жизни предполагает реальные возможности проживания в здоровой, отвечающей международным и государственным стандартам окружающей природной среде, участвовать в подготовке, обсуждении и принятии экологических решений, осуществлять контроль за их реализацией, получать надлежащую экологическую информацию, право на возмещение ущерба. Данное право относится к такому комплексному институту, как охрана здоровья, который включает в себя также многочисленные социальные, организационные, экономические, научно-медицинские, санитарно-эпидемиологические и профилактические меры, которые обязано проводить государство в интересах своих граждан.

Правом граждан на благоприятную окружающую среду обеспечивается право на охрану здоровья, так как создаются благоприятные условия труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией доброкачественных продуктов питания, а также предоставлением населению доступной медико-социальной помощи.

Государство обеспечивает гражданам право на благоприятную окружающую среду независимо от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

В дальнейшем был принят еще ряд законов, направленных на обеспечение экологически безопасного существования граждан: Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября

1995 г.; Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. «Об экологической экспертизе» и ряд других.

10 января 2002 г. принят новый Закон РФ «Об охране окружающей среды». Это существенный шаг вперед. Но без четкого механизма его исполнения закон будет иметь декларативный характер. Поэтому за совершение экологических правонарушений предусмотрена юридическая ответственность: дисциплинарная, материальная, административная, уголовная и гражданско-правовая.

Значительный вклад в исследование проблем экологии с позиции общетеоретического подхода к понятию прав человека и гражданина, конституционного права на благоприятную окружающую среду и определения места экологических прав человека и гражданина в правовой системе общества внесли многие ученые. Данные исследования были проведены в 90-х годах прошлого века, но время не стоит на месте.

С развитием общества происходят изменения в сфере политической и экономической структуры общества, изменяется суть и экологических правоотношений. Происходят реформы в сфере экономики, принципиальной особенностью которых является отказ от монополии государственной собственности, признание права граждан на собственность в числе их конституционных прав, обеспечение равной защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, в том числе и на природные объекты. Появляются принципиально новые субъекты хозяйствования, развития частной предпринимательской коммерческой деятельности, т.е. складываются новые общественные отношения, которые надо по-новому рассматривать.

Необходимо проведение новой экологической политики, в ходе которой должны быть разработаны меры воспитательно-профилактического, а также правоприменительного характера. Последние, без сомнения, требуют научного подхода, актуальность которого объясняется тем, что в настоящее время происходит неуклонное увеличение числа экологических правонарушений в условиях малоэффективной практики их предупреждения и пресечения, а равно и привлечения виновных к ответственности.

Конечно же, в Уголовном кодексе РФ существуют нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступления, они сосредоточены в главе 26, которая так и называется «Экологические преступления», но это явно не достаточно.

Ведь не секрет, что увеличение риска чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, активизация террористической деятельности в отношении опасных объектов и населения представляют возрастающую угрозу жизнедеятельности людей, национальной безопасности и устойчивому социально-экономическому развитию Российской Федерации.

Человечество слишком медленно подходит к пониманию масштабов опасности, которую создает легкомысленное отношение к окружающей среде. Между тем в последние годы в России заметно активизировалась деятельность не только общественных объединений и неправительственных организаций, но и федеральных и местных властей в области экологии. Городские власти Москвы уделяют огромное внимание проблемам экологии, соблюдению права граждан на проживание в благоприятной окружающей среде. Готовится городская целевая программа «Безопасность Москвы» на 2006–2010 гг., составной частью которой будет обеспечение экологической безопасности населения города и его жителей.

С учетом сказанного напрашивается вывод, что обеспечение экологической безопасности должно стать государственной задачей, ведь она является важнейшим фактором качества жизни, здоровья и благополучия людей. При этом целью государственной политики в области защищенности опасных объектов и населения должны явиться:

- обеспечение устойчивости функционирования опасных объектов к воздействиям чрезвычайных ситуаций природного, техногенного характера и террористическим проявлениям;

- последовательное снижение до приемлемого уровня техногенного воздействия на население и окружающую среду при эксплуатации опасных объектов;

- совершенствование систем мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а в отдельных случаях – управление ими;

- недопущение организации и активизации террористической деятельности.

Среди приоритетных направлений государственной политики в области повышения защищенности опасных объектов и населения необходимо выделить:

- совершенствование государственного регулирования и нормативной правовой базы в области промышленной и пожарной безо-

- пасности, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

- повышение защиты опасных объектов от последствий техногенных, природных факторов и террористических проявлений;

- развитие промышленной политики, фундаментальной и прикладной науки, технологий, техники в интересах повышения защищенности опасных объектов и населения;

- разработка норм (требований) для собственников объектов по обеспечению достаточной их защищенности, а для органов государственной власти – по обеспечению защищенности населения;

- совершенствование процессов подготовки населения и управляющих структур к действиям по ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению жизнедеятельности населения и функционирования опасных объектов;

- проведение активной антитеррористической деятельности;

- совершенствование подготовки и повышение квалификации кадров;

- повышение эффективности международного сотрудничества в области защищенности опасных объектов и населения.

Остается констатировать: в мире нет, пожалуй, ничего более ценного для человечества и его будущего, чем сохраняющаяся и пока работающая естественная экологическая система России при всей сложности экологической обстановки.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Складывающаяся ситуация в Кыргызской Республике, связанная с незаконным оборотом наркотиков, остается сложной и нестабильной. Ежегодно сотни килограмм афганского опия и героина поступают в южные регионы республики, транзитом направляются в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Осознавая, что незаконный оборот наркотиков приобрел глобальный характер, который представляет собой огромную опасность для жизни и здоровья всего человечества, государствами-участниками СНГ принят ряд решений, в том числе Соглашение «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» от 30 ноября 2000 г. В 2001 и 2004 гг. приняты антинаркотические программы на 2002–2004 гг. и 2005–2007 гг. соответственно.

Советом министров внутренних дел государств-участников СНГ только за период с 1996 по 1999 гг. приняты четыре решения по рассматриваемому вопросу. В их числе: решение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 14 июня 1995 г. (г. Тбилиси); решение о мерах по активизации взаимодействия органов внутренних дел государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 16 апреля 1996 г. (г. Душанбе); решение об укреплении сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров от 2 июня 1998 г. (г. Ташкент); решение о мерах по активизации сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 4 июня 1999 г. (г. Астана).

Кроме многосторонних договоров в Кыргызской Республике находит применение и двусторонняя форма сотрудничества, применяемая в международной практике. Двусторонние соглашения по контролю за наркотиками подписаны как с ближайшими соседями, так и отдельными странами дальнего зарубежья (Великобритания, Чешская Республика и др.).

Очевидно, что усилиями лишь отдельно взятых государств невозможно противостоять масштабу распространения наркотиков. Собственно, вышеперечисленные международные соглашения определяют механизмы выработки согласованной стратегии и совместных мер борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Статистические данные свидетельствуют об ухудшении нарко-ситуации. В частности, исследователь А.В. Федоров в своей работе «Гармонизация и унификация законодательства о наркотиках государств-участников СНГ» приводит следующие статданные: в Российской Федерации за десять лет количество регистрируемых преступлений, связанных с наркотиками, увеличилось почти в 2 раза (с 79 819 в 1995 г. до 150 096 в 2004 г.). По сравнению с 1995 г., число преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков выросло в Республике Молдова в 3,5 раза, в Республике Беларусь – в 3 раза, в Республике Таджикистан – почти в 2 раза. В других странах СНГ в этот период также наблюдался рост количества регистрируемых наркопреступлений: в Грузии – на 41%, Азербайджанской Республике – на 35%, Республике Казахстан – на 31%, Украине – на 25%, Кыргызской Республике – на 22%¹.

Распространенность наркотиков пагубно влияет на профилактику ВИЧ-инфекции. В Кыргызской Республике зарегистрировано 788 ВИЧ-инфицированных. Из них 701 человек является гражданином Кыргызстана, 87 – иностранные граждане. Из этого числа потребителями инъекционных наркотиков являлись 615 человек (или 97,7%).

По отчету Международной программы по снижению вреда², 80% официально зарегистрированных случаев инфицирования в

¹ См.: Материалы межведомственного научно-практического семинара. Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Санкт-Петербург, 2005. 23. сент.

² Офис Международной программы расположен в Нью-Йорке. Отчет 2003 г.

России и Украине связан с употреблением инъекционных наркотиков. Эпидемии ВИЧ-инфекции такого же взрывного характера могут легко произойти и в других странах, где наблюдается рост употребления инъекционных наркотиков: Пакистан, Иран и страны Средней Азии.

Результаты изучения состояния наркопреступности с учетом тенденций ее развития должны служить не только информационной основой, но и ориентировать на принятие кардинальных мер по противодействию незаконному обороту наркотических средств.

Предпринимаемые меры не должны носить только декларативный характер, показывать озабоченность стран масштабами незаконного оборота наркотических средств и обеспокоенность расширением территорий государств для контрабанды и незаконного транзита наркотиков; представляется чрезвычайно важным объединение стран Содружества, всего международного сообщества в выполнении ими принятых обязательств в деле борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Реализация идеи «мир – без наркотиков» должна начинаться с надежного перекрытия каналов поступления и транзита наркотиков из Афганистана в Таджикистан, Кыргызстан и далее в другие страны СНГ и Европейского Союза. Мировое сообщество должно кардинально изменить свое отношение к Афганистану. Оказывая содействие в решении экономических, социальных проблем, надо превратить Афганистан в свободную от наркотиков страну, переломить психологию населения, направив его усилия на созидательный труд без наркотиков.

Категорично утверждать о том, что отсутствует взаимодействие между компетентными правоохранительными органами стран Содружества по противодействию распространению наркотиков, было бы неправильным. Совместные операции по изъятию контрабандного наркотика – неотъемлемая часть международного сотрудничества любого государства в борьбе с незаконным его оборотом. В рамках государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности ежегодно разрабатываются планы мероприятий по реализации решений Совета коллективной безопасности. Комплексные оперативно-профилактические операции «Канал» проведены в сентябре, ноябре 2004 г. и октябре 2005 г.

Спецслужбам, правоохранительным органам необходимо шире обмениваться информацией о каналах поступлений транзита наркотиков, о лицах, причастных к наркобизнесу, применять другие формы взаимодействия в целях пресечения незаконного оборота наркотических средств, в частности, метод проверочной поставки, проверочной закупки и др.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 22 мая 1998 г. государственные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность с целью выявления источников и каналов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, лиц, принимающих участие в этом, по договоренности с соответствующими органами иностранных государств или на основании международных договоров Кыргызской Республики может быть использован метод проверочной поставки, то есть допуск под контролем и оперативным надзором ввоза в Кыргызскую Республику, вывоза из нее или транзита через ее территорию наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

Для получения доказательств преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, работникам органов (подразделений), которым предоставлено право осуществлять оперативно-розыскную деятельность, разрешается проведение проверочной закупки.

Более того, представляется важным проведение совместных научных исследований проблем борьбы с наркопреступностью, включая вопросы совершенствования нормативных правовых актов, реализации принятых компетентными органами государств-участников Содружества решений.

Например, отсутствие единого рекомендательного нормативного акта по отнесению наркотических средств, изъятых из незаконного оборота к крупным, особо крупным размерам, приводит к различному толкованию соответствующей нормы уголовного закона и не отвечает принципам унификации и гармонизации национальных законодательств.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики соответствующие статьи о незаконном изготовлении, приобретении, хранении, перевозке или пересылке наркотических средств либо психотропных ве-

ществ не содержат такого квалифицирующего признака, как «особо крупный размер».

Обращает внимание тот факт, что основные формы сотрудничества, включая проведение совместных научных исследований, заложены во многих нормативных актах, принятых компетентными органами стран Содружества. Полагаем, что для их реализации не имеются какие-либо препятствия.

Так, в соответствии со ст. 4 Соглашения «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» от 30 ноября 2000 г., правительства государств-участников СНГ осуществляют сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров в следующих формах:

создание на паритетных началах рабочих групп специалистов для изучения правоприменительной практики, подготовки и проведения мероприятий, в том числе научно-практических конференций и семинаров, разработки совместных программ борьбы с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров, международных договоров, разработки предложений по формированию нормативно-правовой базы сотрудничества в этой области;

осуществление совместных научных исследований по проблемам незаконного оборота наркотиков и прекурсоров, и др.

В перечне основных научных исследований³, утвержденном решением совещания министров внутренних дел государств-участников СНГ от 25 октября 1995 г., содержатся направления борьбы с незаконным оборотом наркотических средств:

предупреждение, выявление и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

организация и тактика взаимодействия правоохранительных органов при проведении операции «контролируемая поставка» (внутригосударственный и международный аспекты);

По мере развития процесса совместных научных исследований создаются предпосылки для выработки рекомендаций по совершенствованию национальных законодательств, дальнейшей интеграции правоохранительных структур государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

В целях активизации деятельности правоохранительных органов государств-участников СНГ в противодействии наркопреступности необходимо:

в рамках БКБОП предусмотреть проведение совместных научных исследований проблем незаконного оборота наркотиков;

результаты научных исследований использовать при разработке совместных программ борьбы с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров, совершенствовании правовой базы сотрудничества государств-участников СНГ и гармонизации национальных законодательств в борьбе с наркопреступностью;

использовать возможности всех государственных органов, общественных и иных организаций, граждан, средств массовой информации в целях противодействия наркомании и незаконному обороту наркотиков.

Укрепление материально-технической оснащенности подразделений правоохранительных органов, ведущих борьбу с незаконным оборотом наркотиков, в том числе обеспечение этих органов техническими средствами обнаружения наркосодержащих веществ, вопросы подготовки и переподготовки кадров должны быть приоритетными направлениями в решении задач по противодействию незаконному обороту наркотиков в рамках работы СМВД государств-участников СНГ.

³ См.: Сборник документов по международному сотрудничеству. Бишкек, 2001.

Ш. С. М а м ы р о в,
кандидат экономических наук, доцент
(МВД Кыргызской Республики)

НОВЫЕ ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С момента приобретения независимости в Кыргызской Республике успешно проведены реформы в социально-экономической сфере, в сфере кредитно-денежных отношений и банковского обслуживания.

Вместе с этим в настоящее время перед государством стоит задача, решение которой особенно важно для сохранения стабильности развития демократических институтов Кыргызстана. Происходящие в Республике преобразования институтов власти соответственно затронули и застоявшуюся ментальность общественной жизни. Развитие демократических институтов Кыргызстана важно не только для кыргызского народа, но и для соседей по региону. Выбранные стратегия и тактика развития демократии охватили собой все сферы общественно-политической жизни, включая здравомыслящую, конструктивную оппозицию, и, безусловно, «пятую колонну» любой власти – независимые средства массовой информации. До настоящего времени из поля зрения реформ выпадала такая немаловажная правоохранительная структура, как органы внутренних дел, роль которых в поддержании порядка в государстве и охране прав и гражданских свобод очевидна.

В связи с этим, согласно распоряжению Президента Кыргызской Республики от 19 апреля 2002 г., создана государственная комиссия по реформированию системы органов внутренних дел. С учетом рекомендаций комиссии Указом Президента Кыргызской Республики был подписан и утвержден окончательный вариант «Концепции реформирования органов внутренних дел Кыргызской Республики на период до 2010 года».

Эта концепция отражает суть реформы органов внутренних дел Кыргызстана в целом, опирается на рекомендации международных экспертов ОБСЕ, высказанные в ходе миссии, осуществленной в рамках программы «Всесторонняя оценка состояния органов внут-

ренних дел для оказания помощи в проведении стратегического реформирования системы МВД Кыргызской Республики».

Главными целями реформирования системы МВД Кыргызской Республики является приведение ее в состояние, позволяющее обеспечить надежную защиту граждан и их прав, личности, собственности, интересов общества и государства от преступных посягательств, формирование в общественном сознании совершенно нового социального облика, имиджа сотрудника милиции.

Создание благоприятного имиджа органов внутренних дел в общественном сознании является важным элементом их реформирования. Само собой разумеется, эффективное функционирование органов внутренних дел возможно при сильной социальной защищенности сотрудников и обеспеченности материально-техническими средствами.

В нашем обществе в целом и в среде сотрудников органов внутренних дел, в частности, утверждается стремление к построению правового государства, к реальному воплощению прав и свобод. Но одного желания решить эти проблемы явно недостаточно. Необходимо провести коренную реформу правоохранительной системы, нацеленную на практическое обеспечение рыночной экономики, социально-экономических и политических прав и свобод граждан. Несмотря на ограниченность финансовых ресурсов государства, определенные средства должны быть выделены на укрепление материально-технической базы органов внутренних дел, улучшение материального положения сотрудников. При слабом материальном стимулировании в условиях рынка крайне тяжело привлечь на службу в правоохранительные органы честных, принципиальных, морально устойчивых граждан, обладающих высоким интеллектуальным потенциалом (без этого фактора существенно затруднена проблема повышения уровня правовой и профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел).

В связи с этим реформа должна сопровождаться обязательным учетом указанных выше обстоятельств, и должна изменить нынешнее структурное, материально-техническое положение органов внутренних дел к лучшему. При этом необходимо учитывать социально-психологические взгляды нашего общества, в связи с чем следует изменить стереотипы, в том числе путем формирования нового восприятия органов внутренних дел, их названия, формы одежды. И, естественно, первоочередной задачей является обеспечение достойной социальной защищенности сотрудников милиции.

Принцип построения деятельности органов внутренних дел основан на уважении к правам граждан и гарантии защиты каждого человека, независимо от социального и политического статуса. Будучи сторонником стабильности и спокойствия, Кыргызстан выступает за ненасильственное разрешение не только региональных, международных конфликтов, но и обдуманное конструктивное решение внутривнутриполитических проблем, которых в республике, как и в других постсоветских государствах, немало.

Огромную роль по обеспечению безопасности в мире и оказанию помощи в разрешении внутривнутриполитических проблем играет ОБСЕ, так как внутренняя безопасность любого государства является критерием безопасности региона, а в целом – всего международного сообщества.

Заслуженный интерес к процессу реформирования органов внутренних дел в нашей республике со стороны ОБСЕ обусловлен наибольшей степенью демократизации и отсутствием правового нигилизма не только у руководства государства, но всех социальных слоев общества. Твердым является намерение идти по пути строительства правового государства с учетом общепринятых международных норм. В связи с этим, руководством ОБСЕ на основе мониторинга и социального опроса, проведенного в Центрально-Азиатском регионе, был сделан вывод о целесообразности материальной поддержки перспективному и соответствующему стандартам ОБСЕ государству. На конкурсной основе среди Центрально-Азиатских государств таким государством был признан Кыргызстан, для которого выделены финансовые ресурсы, оказывается материально-техническая, учебно-методическая и консультативная помощь. Программа ОБСЕ нацелена на оказание помощи органам внутренних дел Кыргызской Республики, что является своевременным решением и дает новый импульс для успешной реализации намеченных целей по демократизации их работы и максимальному сближению с обществом.

Во многих странах и регионах, включая Среднюю Азию, преступные организации, коррупция и запугивание продолжают тормозить продвижение политических и экономических реформ. Международное сообщество постепенно осознает, что укрепление безопасности государств все более и более зависит от сохранения законности и правопорядка, предупреждения или пресечения преступности, коррупции и нарушений прав человека. Программа ОБСЕ по содей-

ствию органам внутренних дел Кыргызской Республики была сформулирована на основе рекомендаций полицейских экспертов международного сообщества.

По данной программе реализуются проекты, направленные на улучшение качества расследований по линии органов внутренних дел, укрепление сил и средств по пресечению наркотрафика, создание современного и эффективного центра службы 102, системы радиосвязи для наших органов уголовного розыска, укрепление возможностей органов внутренних дел для предотвращения конфликтов и пресечения общественных беспорядков, перехода к внедрению принципов квартальной милиции и укрепления Академии МВД, т. е. все то, что может кардинально изменить и качественно улучшить работу органов внутренних дел Кыргызской Республики.

Реформирование органов внутренних дел – крайне сложная задача. Но это именно та цель, которая была поставлена с момента приобретения независимости Кыргызской Республикой. Конечно, в нынешних условиях без поэтапной демократизации, развития прав человека тяжело выйти на прогрессивные воззрения, завоевать заслуженный авторитет в сознании граждан, поскольку укоренившиеся авторитарные устои до сих пор присутствуют в сознании людей, в особенности старшего поколения.

В ближайшее время определяются приоритетные направления реформирования органов внутренних дел Кыргызской Республики, где будет особое внимание уделено совершенствованию их системы управления и структуры функционирования, обновлению нормативно-правовой базы. Кардинальным изменениям будет подвергнута сфера подбора и подготовки кадров для органов внутренних дел Кыргызстана. Потребность в преобразовании органов внутренних дел обусловлена изменениями в экономической, политической, социальной жизни республики, усугублением криминогенной обстановки и возрастающими запросами общества к деятельности правоохранительных органов при построении демократического правового государства. Реформирование органов внутренних дел должно обеспечить надежную защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; охрану общественного порядка и общественной безопасности; охрану и защиту человека, гражданина от преступных посягательств в новых современных условиях.

С течением времени при проведении реформирования правоохранительной системы Кыргызстана можно ожидать такие ре-

зультаты, как гарантии соблюдения прав человека и гражданина не только на законодательном, но, что не менее важно, на правоприменительном (правоохранительном) уровне; наличие правовой культуры, прозрачности милицейской работы; участие общественности в деятельности органов внутренних дел.

Основным приоритетом имиджа сотрудника милиции будет являться его социальный облик, сформированный в общественном сознании. Очень многое зависит от того, на какой ступени общественного восприятия будет находиться авторитет милиции.

Требования нынешнего времени, трансформация социально-экономической сферы общества, постоянная динамика развития демократических реформ не только в Кыргызстане, но и во всех демократических государствах диктует необходимость переосмысления и переработки нормативно-правовой базы, которая формировалась на протяжении периода становления независимости Кыргызстана. Оптимизация и скорость намеченных кардинальных реформ в немалой степени зависит не только от понимания обществом необходимости решения этих проблем, но и от повсеместной поддержки путей и способов, выработанных правительством совместно с международными организациями.

Толерантность, прозрачность, а главное законность действий ОВД – это и есть основное направление в стратегии и тактике демократизации государства и общества.

В процессе реформирования органов внутренних дел предвидятся изменения приоритетов в их деятельности. Личность, общество и государство будут более защищены от преступных посягательств на их интересы; права человека и гражданина будут соблюдаться неукоснительно. Улучшатся условия труда и социальная защищенность сотрудников. Органы внутренних дел смогут планировать свою работу более гибко и адекватно общественным ожиданиям.

В свою очередь граждане республики будут в определенной мере ощущать свою общую с органами внутренних дел ответственность за состояние общественного порядка и уровень криминализации, тем самым повысится степень доверия к органам внутренних дел со стороны населения, а, следовательно, и престиж МВД республики.

С. П. Минаков
(НИИ проблем укрепления законности
и правопорядка при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИКОВ

Анализ состояния и динамики преступности в стране за последние годы наглядно свидетельствует о неэффективности противодействия преступности с использованием мер исключительно уголовно-репрессивного характера. Недостаточное внимание к профилактической составляющей при формировании и реализации социально-экономической политики как на государственном, так на региональном и местном уровнях оборачивается продолжающимся ростом преступности, увеличением числа тяжких и особо тяжких преступлений¹.

Эти обстоятельства определяют рост внимания к данному вопросу на самых разных уровнях, обуславливают необходимость не столько проведения отдельных мероприятий, сколько актуальность создания эффективной системы профилактики, в том числе распространения наркотизации с учетом накопленных достижений науки и практики дореформенного периода.

Среди сотрудников правоохранительных органов, имеющих большой стаж работы, довольно широко распространено сожаление о том, что в ходе реформ 90-х годов была разрушена существовавшая в советский период система профилактики преступлений и правонарушений. Негативно оценивая результаты реформирования, необходимо отметить, что такие изменения системы в указанный период были не только закономерны, но, к сожалению, и неизбежны. В ходе реформирования самым принципиальным образом были изменены экономический и социальный уклады жизни общества, конституционные основы, принципы государственного устройства, система государственного управления. Достаточно отметить упразднение «главной руководящей и направляющей силы», решавшей основные стратегические и тактические задачи во всех сферах жизни общест-

¹ Достаточно отметить, что число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, только с 1997 по 2000 гг. увеличилось более, чем на 30%.

ва, чтобы оценить уровень произошедших изменений в управлении государственными институтами во всех сферах, в том числе и в организации профилактики преступности и правонарушений.

Более того, за прошедшие годы, благодаря как ошибкам, так и успехам реформ, у значительной части населения страны произошла серьезная трансформация системы ценностей, что также самым непосредственным образом отразилось не только на ее отношении к противоправным проявлениям и росте уровня преступности, но и на системе взаимоотношений населения, общества, его отдельных групп с правоохранительными органами. Изменились и сами правоохранительные структуры не только организационно, но и по качеству решаемых задач, по уровню подготовки личного состава. Не случайно на прошедшем 22 декабря 2005 г. учредительном съезде «Ассоциации юристов России» Президент Российской Федерации отметил, что в последние годы значительно снизилось качество работы государственного аппарата.

Перечень произошедших изменений системного характера можно продолжить. Однако уже перечисленные факторы, на наш взгляд, определенно свидетельствуют о необходимости в настоящее время говорить не о воссоздании, а о построении и совершенствовании системы профилактики (в том числе наркомании), основанной на скорректированных подходах, адекватной существующим реалиям, соответствующей состоянию и потребностям государства и общества.

Как представляется, построение такой системы необходимо начать с ее проектирования (в том числе формулирования задач, принципов, перечня и роли субъектов профилактики) на основе всестороннего анализа сложившейся ситуации.

Традиционные формы анализа обстановки, основанные на сравнении данных уголовной статистики, свидетельствуют, в первую очередь, о том, что в 2000 г. в вышеотмеченной тенденции увеличения числа регистрируемых преступлений, связанных с наркотиками, произошел определенный перелом – рост количества наркопреступлений сменился постепенным, но неуклонным ее снижением (см. график 1). Данное снижение сохранилось и в 2005 г., причем, на фоне роста регистрации общей преступности³.

³ В первом полугодии 2005 г. количество преступлений, связанных с наркотиками, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократилось на 3,8%.

Динамика преступлений, связанных с наркотиками,
в Российской Федерации

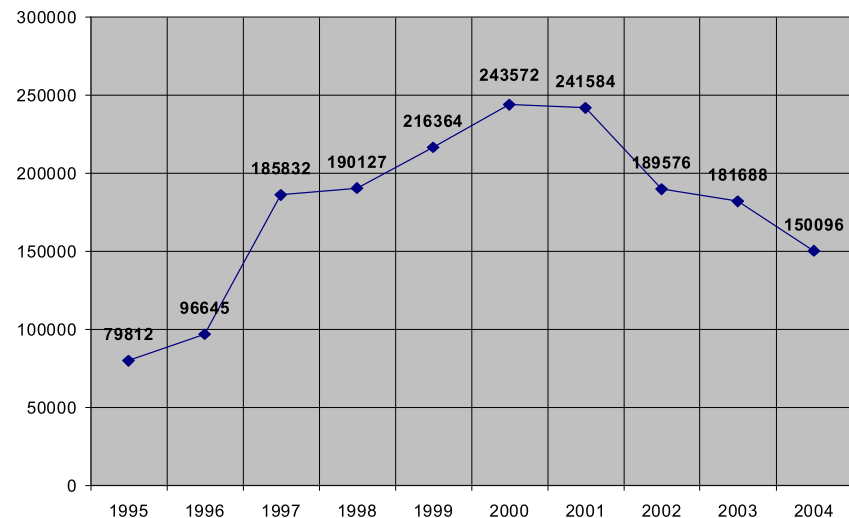

График 1

Можно попытаться в какой-то мере объяснить такие перемены произошедшим перераспределением функций правоохранительных органов, связанные с образованием в 2003 г. самостоятельного федерального ведомства по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также изменением размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228, 228.1 и 229 УК РФ)⁴.

Однако следует отметить, что, во-первых, перелом тенденции вполне отчетливо обозначился уже в 2000 г., а, во-вторых, снижение отмечается по целому ряду других составов, связанных с наркотиками (ст. 230 – на 33%, ст. 231 – на 31%, ст. 232 – на 26%).

⁴ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2004 г. № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей ст. 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Таблица 1

**Количество зарегистрированных преступлений,
связанных с незаконным оборотом наркотических средств,
психотропных и сильнодействующих веществ**

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Ст. 228	176215	181481	206874	233490	231592	179938	174537	82893
Ст. 229	401	460	468	336	554	303	202	208
Ст. 230	835	990	854	648	545	399	265	428
Ст. 231	2443	2723	3630	4421	4029	4140	2395	3042
Ст. 232	939	1032	1033	992	814	424	356	730
<i>Ст. 233</i>	31	63	27	35	18	50	161	721
<i>Ст. 234</i>	4229	3535	3587	3925	4886	4330	4499	6646
ВСЕГО	185093	190284	216473	243847	242438	189584	182415	94668

Объяснение происходящих изменений путем постановки под сомнение достоверности приведенных данных и их соответствия реальной картине наркопреступности в связи с искусственной корректировкой некоторыми правоохранительными органами своих показателей в данном случае также выглядит недостаточно убедительным. Дело в том, что аналогичная тенденция снижения отмечается не только уголовной, но и медицинской статистикой. Анализируя данные Министерства здравоохранения и социального развития России, можно отметить, что тенденция роста числа больных с впервые установленным диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ» (взятых под диспансерное наблюдение психоневрологическими и наркологическими учреждениями) сменилась в 2001 г. снижением данного показателя.

**Динамика регистрации в Российской Федерации
больных с впервые установленным диагнозом
«синдром зависимости от наркотических средств»**

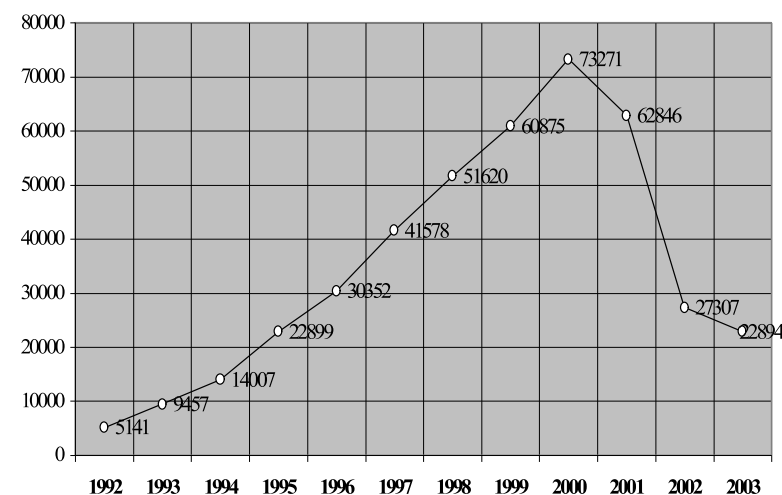

График 2

Приведенные данные позволяют сделать вывод не о влиянии так называемых «ведомственных» корректировок или организационно-правовых факторов, оказывающих непосредственное воздействие на изменение ситуации, а о более глубоких переменах в области незаконного оборота наркотиков.

Такой вывод, полагаю, позволяет вполне обоснованно говорить о необходимости проведения масштабного комплексного исследования состояния и тенденций наркотизации населения, наркопреступности, проблем борьбы с ней, а в перспективе – об организации постоянного межведомственного мониторинга состояния дел в данной сфере.

Традиционно ведущая роль в профилактике преступлений и правонарушений отводится правоохранительным органам, для которых противодействие противоправным проявлениям является одной из основных задач. В то же время, учитывая, что преступность представляет собой сложное социальное явление, которое оказывает самое непосредственное влияние на состояние дел практически во

всех сферах жизни общества, в профилактической деятельности необходимо использовать все звенья государственной системы в рамках их компетенции. В этой связи, представляется, что к изучению указанных проблем целесообразно привлечь не только правоохранные, но и все заинтересованные ведомства (ФСКН, МВД, Генеральную прокуратуру, Минздрав, Минобразования и др.), а также общественные организации.

Одновременно считаю целесообразным осуществлять изучение процессов, происходящих в государствах, ранее вместе с Российской Федерацией входивших в Советский Союз. На мой взгляд, анализ состояния дел у ближайших соседей поможет более точно понимать и прогнозировать развитие ситуации в нашей стране. Кроме того, следует шире изучать и перенимать положительный опыт соседей. В частности, заслуживает внимания то обстоятельство, что приоритетным направлением государственной политики ряда стран СНГ, в том числе их компетентных органов, все больше становится профилактика, активная пропаганда неприятия наркотиков. Оценивать результаты работы в этом направлении достаточно сложно. Между тем, например, в Казахстане в прошлом году количество детей и подростков, состоявших на учете с диагнозом «наркомания», сократилось на 10%, что свидетельствует о положительной динамике.

Результаты, полученные в ходе комплексного исследования и проведения мониторинга, позволят более выверенно определять ключевые направления и приоритеты профилактики распространения наркотиков в России, совершенствовать всю ее систему, эффективно координировать усилия ее субъектов, а также международные усилия по противодействию наркоугрозе.

А. П. А л е г и н,
кандидат экономических наук
(ВНИИ МВД России)

СУБЪЕКТЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА РЫНКЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Осуществление мер специального предупреждения преступлений в сфере производства и оборота спиртных напитков в целом относится к компетенции правоохранительных органов, которые занимают центральное место среди государственных органов-субъектов системы специальной криминологической профилактики на потребительском рынке. Правоохранительные органы призваны обеспечивать выполнение широкого круга задач по достижению конечной цели противодействия и сдерживания роста экономической преступности в сфере производства и оборота алкогольной продукции, для чего наделены широким спектром прав.

Правоприменительная деятельность правоохранительных органов реализуется в осуществлении функций контроля и надзора за исполнением законов, привлечении нарушителей к административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности, применении к ним гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых санкций.

В ряде случаев предупредительная деятельность правоохранительных органов включает и решение задач общесоциального предупреждения, например, прокурорский надзор за исполнением законов, регулирующих хозяйственные отношения коммерческих организаций, осуществляющих экономическую деятельность в сфере потребительского рынка.

Каждый из правоохранительных органов занимается предупреждением экономических преступлений в пределах своей компетенции, конкретных целей и задач деятельности. При этом следует понимать, что влияние правоохранительных структур на уровень экономической преступности на объектах потребительского рынка в значительной степени ограничено объективными обстоятельствами, поскольку правоохранительные органы не в силах оказывать прямого воздействия на формирование таких важных элементов криминальной мотивации, как потребности,

интересы и т.д. Однако эти обстоятельства вовсе не исключают возможности активного участия субъектов правоохранительной деятельности в предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых конкретными лицами и преступными группами в рассматриваемой сфере экономической деятельности.

К числу правоохранительных органов, осуществляющих противодействие экономической преступности на рынке алкогольной продукции, в настоящее время относятся суды и прокуратура, органы юстиции, подразделения Федеральной таможенной службы, Федеральной службы безопасности, органы внутренних дел. Место и роль каждого из перечисленных субъектов правоохранительной деятельности определяется его компетенцией.

В соответствии с российским законодательством о судостроительстве¹ суды в плане предупреждения преступлений исполняют обязанность по воспитанию граждан в духе точного и неуклонного исполнения законов, уважительного отношения к правам, чести и достоинству людей. Также районные (городские) суды и мировые судьи принимают решения о наложении административного взыскания в виде конфискации у правонарушителей товаров, исключенных из гражданского оборота или представляющих угрозу для здоровья граждан, например, некачественной алкогольной продукции, а также оборудования и сырья. На суды возложены функции по судебному контролю и разрешению жалоб о правомерности изъятия и конфискации этой продукции.

Специфика профилактической деятельности прокуратуры обусловлена функцией высшего надзора за точным исполнением законов всеми государственными и коммерческими структурами, физическими и юридическими лицами на территории всей страны². Выявляя, раскрывая, предотвращая и пресекая нарушения закона, прокуратура непосредственно решает задачи противодействия совершению преступлений на рынке алкогольной продукции. Контролируя деятельность других государственных органов,

прокуроры способствуют активному выполнению ими своих обязанностей по профилактике преступлений в секторе алкогольной продукции потребительского рынка. Кроме того, прокуратура осуществляет надзор за полнотой учета и разрешения всех сообщений о преступлениях и правонарушениях на объектах потребительского рынка, координацию профилактической работы правоохранительных органов, а также контроль над работой предприятий и организаций по перевозке спирта и алкогольной продукции.

Органы Федеральной таможенной службы³ являются государственными органами, осуществляющими контроль и надзор в области таможенного дела, а также по борьбе с контрабандой, иными преступлениями и административными правонарушениями. Данные органы осуществляют ряд значимых для сферы потребительского рынка функций: таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности; фискальную функцию, связанную с взиманием таможенных платежей; таможенный контроль, осуществляемый во время таможенного оформления в зонах таможенного контроля; правоохранительную деятельность, которая включает в себя дознание, оперативно-розыскную деятельность, обеспечение собственной безопасности, защиту государственных интересов в государственных органах.

Органы внутренних дел занимают особое место в системе специальной профилактики экономических преступлений на объектах производства и реализации алкогольной продукции⁴. Это связано с тем, что милиция в силу своей компетенции несет основную нагрузку по реализации мер специального предупреждения.

На подразделения органов внутренних дел государством возложен широкий круг обязанностей по выявлению, предупреждению, пресечению экономических преступлений на объектах рынка алкогольной продукции. При этом в соответствии с ведомственными

³ Постановление Правительства РФ от 21 августа 2004 г. № 429 «О Федеральной таможенной службе» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 35. Ст. 3637.

⁴ Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026 «О милиции» (в ред. законов РФ от 18 февраля 1993 г. № 4510-1, от 1 июля 1993 г. № 5304-1; Федеральные законы: от 15 июня 1996 г. № 73-ФЗ, от 31 марта 1999 г. № 68-ФЗ, от 6 декабря 1999 г. № 209-ФЗ; Федеральный закон от 27 мая 2002 г. № 112-ФЗ). М.: Инфра-М, 1999 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3029.

¹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 4 июля 2003 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

² Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 17 ноября 1995 г.) // Российская газета. 1995. № 229. 25 нояб.

нормативными актами МВД России четко проведено разграничение компетенции милиции общественной безопасности и службы криминальной милиции в сфере профилактики преступности в означенном секторе потребительского рынка⁵.

Профилактическая работа милиции общественной безопасности осуществляется в рамках специально разрабатываемых программ, квартальных планов, а также спецопераций («Меркурий», «Привоз», «Иностранец» и др.) и направлена на осуществление мер по стабилизации криминальной ситуации на потребительском рынке. Эти меры реализуются в процессе повседневной деятельности, ориентированной на проверку торговых точек; выявление нарушений правил торговли, иных правонарушений и преступлений в этой сфере; выявление товаров, изъятых из гражданского оборота или запрещенных к реализации; выявление суррогатной алкогольной продукции и др.

Для предупреждения преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции в составе милиции общественной безопасности образован ряд специальных структурных подразделений. К их числу относятся отделы (отделения) по организации борьбы с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства, в основном реализующие функции по информационно-аналитическому обеспечению деятельности межрайонных подразделений по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка; разработке и реализации планов оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сфере потребительского рынка товаров и услуг, исполнению административного законодательства; разработке проектов нормативных актов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений; обобщению опыта и внедрению в дея-

⁵ Приказом МВД России от 22 июня 1999 г. № 456 к компетенции милиции общественной безопасности отнесен перечень статей УК Российской Федерации, предусматривающих преступления экономической направленности, по делам о которых предварительное следствие необязательно. Этим же приказом определена компетенция подразделений службы криминальной милиции, к которой отнесены некоторые преступления экономической направленности, по которым предварительное следствие обязательно.

Роль службы криминальной милиции в обеспечении экономической безопасности на различных уровнях подробно исследована в работе: Барышев С.Л. Обеспечение экономической безопасности и служба криминальной милиции. М.: Академия управления МВД России, 2002.

тельность подразделений милиции общественной безопасности передовых форм и методов работы по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений и административных правонарушений на потребительском рынке⁶.

Кроме указанных выше отделов в составе службы криминальной милиции функционируют специальные оперативно-розыскные части (ОРЧ) по борьбе с незаконным производством и оборотом спирта, алкогольной и табачной продукции, минеральной, природной питьевой воды и безалкогольных напитков.

Основными задачами оперативно-розыскных частей являются: а) выявление причин и условий, способствующих незаконной, нелегальной и преступной экономической деятельности в сфере производства и оборота алкогольной продукции; б) подготовка и внесение предложений (на базе проведенных исследований) в соответствующие инстанции для принятия упреждающих мер по устранению причин и условий преступности на рынке алкогольной продукции, а также изучение и внедрение в практику наиболее эффективных форм и методов профилактической работы и др.

Такие подразделения при необходимости создаются в органах милиции субъектов Российской Федерации. Они могут по-разному именоваться, в зависимости от сложности и особенностей криминальной ситуации на региональном потребительском рынке выполнять различный спектр функций. Наиболее часто деятельность этих подразделений направлена на осуществление:

оперативно-розыскной и профилактической работы на объектах потребительского рынка, в том числе рынка алкогольной продукции и объектах агропромышленного комплекса;

оперативного обслуживания федеральных и региональных органов исполнительной власти, хозяйствующих субъектов регионального уровня;

своевременного рассмотрения поступающих в органы внутренних дел заявлений и сообщений должностных лиц и граждан о преступлениях на объектах потребительского рынка;

оперативно-розыскных мероприятий и возмещению материального ущерба по расследуемым уголовным делам;

⁶ См.: Приказ МВД России от 22 июня 1999 г. № 456 «О мерах по совершенствованию деятельности милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка товаров и услуг».

взаимодействия со всеми государственными органами – субъектами противодействия преступности на потребительском рынке.

С учетом того факта, что круг государственных органов – субъектов противодействия преступности в сфере потребительского рынка весьма широк, а перечень их задач и функций и того больше, становится очевидным, что для более эффективной борьбы с экономической преступностью на объектах потребительского рынка и, в частности, на объектах рынка алкогольной продукции необходима координация деятельности как субъектов всей системы противодействия преступности на потребительском рынке, так и правоохранительных органов, особенно служб и подразделений органов внутренних дел.

Это вызвано тем, что отдельные лица и преступные группы совершают преступления на объектах потребительского рынка, относимые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ к подследственности различных правоохранительных органов и различных служб органов внутренних дел. Например, при перемещении через таможенную границу Российской Федерации алкогольной продукции правонарушитель: а) уклоняется от уплаты таможенных платежей в крупном размере, то есть совершает преступление, предусмотренное ст. 194 УК РФ, относящееся к подследственности таможенных органов; б) уклоняется от уплаты налогов в крупном размере, чем совершает преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, относящееся к подследственности органов внутренних дел; в) сбывает немаркированную алкогольную продукцию, чем совершает преступление ст. 171–1 УК РФ, относящееся к подследственности органов внутренних дел. Все эти преступления совершаются одним и тем же правонарушителем, причем нередко в разных регионах области. Возникает вопрос: кто должен заниматься расследованием данных преступлений? Как правило, на практике «свой» состав преступления расследует на «своей» территории уполномоченное на то ведомство. А так называемое перетягивание каната между ведомствами нередко приводит к некачественному, одностороннему расследованию преступлений и уходу преступников от уголовной ответственности. Для разрешения этой проблемы в ряде регионов страны создаются подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации со специальными полномочиями по координации деятельности правоохранительных органов с целью противодействия организованной преступности и коррупции.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что в целях повышения эффективности противодействия правоохранительных и контролирующих органов экономической преступности в сфере рынка алкогольной продукции необходимо обеспечить координацию и повседневное взаимодействие всех субъектов этой деятельности, как минимум, по следующим направлениям.

1. Разработка и осуществление мер, направленных на выявление и пресечение:

а) производства и реализации фальсифицированной алкогольной продукции;

б) соглашений и действий конкурирующих хозяйствующих субъектов о поддержании на рынке алкогольной продукции монопольно высоких цен как на продукцию отечественного производства, так и на продукцию зарубежных производителей;

в) раздела рынка алкогольной продукции на сферы влияния организованных преступных формирований, а также предприятий, занимающих доминирующее положение в производстве алкогольной продукции;

г) иных соглашений, в явной или скрытой форме насаждающих стандарты недобросовестной коммерции, ущемляющих права потребителей.

2. Разработка мер по выявлению:

а) механизмов экономической деятельности теневого сектора экономики;

б) реальных масштабов экономической преступности в сфере производства и оборота алкогольной продукции;

в) объемов обращения «черного нала» в секторе алкогольной продукции потребительского рынка и наиболее вероятной латентности уклонений от налогообложения.

В. Ю. У х о в,
кандидат юридических наук
(Санкт-Петербургская
ССШМ МВД России);
П. В. К о с м ы н и н а,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России)

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЧС: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Приоритетной частью социальной политики, проводимой при чрезвычайных ситуациях, как и при иных обстоятельствах, должна быть ориентация на недопущение роста числа противоправных посягательств. Правильность этого положения понимают и должностные лица органов государственной власти, и служащие органов местного самоуправления, административных и иных учреждений, содействуя его реализации. Однако, оценивая сложившуюся практику предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций, можно утверждать, что в настоящее время этот сектор социальной политики однозначно нуждается в усилении.

Оптимизировать профилактическую деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций целесообразно путем введения исключительных правовых мер. Указывая на *правовой* характер мер, мы подразумеваем, что они изменяют правовой статус субъектов права в регионе чрезвычайной ситуации и нормативно закреплены. Предпочтение, отдаваемое нами правовым мерам, объясняется тем обстоятельством, что в условиях чрезвычайных ситуаций практически невозможно мобилизовать для предупреждения преступлений другие инструменты государственного управления: основные финансовые потоки направлены на проведение восстановительных работ; информационное воздействие неосуществимо по причине частичной разрушенности информационных сетей; прямое администрирование без соответствующего ресурсного обеспечения нерезультативно.

Раскрывая содержание рекомендуемых правовых мер, прежде всего необходимо остановиться на *мерах обеспечения деятельности институтов социального контроля*, в числе которых можно назвать следующие:

1) Меры по ограничению передвижения и досмотру транспортных средств. Они включают в себя контроль за въездом и выездом транспортных средств с территории зоны чрезвычайной ситуации с предоставлением компетентным структурам права на досмотр въезжающего и выезжающего транспорта; контроль за ввозимыми грузами с возможностью ограничения въезда и выезда с территории зоны чрезвычайной ситуации до выяснения полной информации о грузе; введение обязательных транспортных маршрутов с предоставлением компетентным структурам права досмотра транспорта на пути его следования.

Эти меры, в основном, направлены на контроль за ввозом и передвижением предметов ограниченного оборота, недопущение их незаконного ввоза на территорию зоны чрезвычайной ситуации, а также на защиту транспортных средств, передвигающихся по территории региона, от преступных посягательств.

2) Меры по предупреждению преступлений в местах массового скопления людей. В их числе необходимо назвать предоставление компетентным структурам права проверки документов в местах скопления граждан¹, переход от уведомительного к разрешительному порядку проведения собраний, митингов, демонстраций и иных массовых мероприятий.

3) Меры по дополнительному ограничению оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, ограничению и контролю оборота лекарственных средств и медицинских препаратов, содержащих наркотические и сильнодействующие вещества, спиртных напитков. В отношении оборота оружия, боеприпасов и т.п. в условиях чрезвычайных ситуаций целесообразно устанавливать запрет на их продажу и ношение.

4) Меры ресурсного обеспечения мероприятий по предупреждению преступлений. Как отмечалось ранее, одной из существенных проблем профилактической деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций является недостаток кадровых ресурсов специализирован-

¹ Заметим, что согласно действующему законодательству сотрудники милиции наделены указанными в пп. 1 и 2 правами на досмотр транспорта и проверку документов у граждан, однако их реализация связана с наступлением необходимых условий, установленных ст. 11 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции». Мы предлагаем в условиях чрезвычайных ситуаций наделить сотрудников милиции и иных субъектов профилактики такими правами без конкретизации обстоятельств их осуществления.

ных субъектов предупреждения преступлений, в особенности милиции. Разрешить эту проблему возможно, если предусмотреть различные формы содействия местного населения для реализации профилактических задач.

Данная мера тесно сопрягается с достаточно актуальным в настоящее время вопросом участия граждан в обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка. В 1993 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по усилению охраны общественного порядка на улицах городов и других населенных пунктов Российской Федерации»². Постановление предписывало Министерству внутренних дел «при возможности обеспечивать участие в патрулировании улиц и других общественных мест граждан, добровольно взявших на себя обязанности по охране общественного порядка». Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации было рекомендовано «восстановить с учетом местных условий и до принятия Закона Российской Федерации «Об участии населения в охране правопорядка» деятельность добровольных народных дружин, общественных пунктов охраны порядка, советов профилактики правонарушений трудовых коллективов, внештатных сотрудников милиции и других социальных институтов для осуществления профилактической работы с правонарушителями».

С момента принятия указанного правового акта прошло более десяти лет. За это время в Государственную Думу Российской Федерации было внесено несколько проектов упомянутого в постановлении закона³, однако федеральная законодательная база участия населения в реализации задач предупреждения преступлений и охраны общественной безопасности по-прежнему отсутствует. Субъекты Российской Федерации использовали собственные возможности для

урегулирования этой проблемы, во многих из них приняты и действуют местные законы о привлечении граждан к охране правопорядка, созданы общественные структуры, деятельность которых направлена на предупреждение преступлений. Наиболее популярными формами участия населения в решении профилактических задач являются: 1) содействие правоохранительным органам в распространении правовых знаний, проведении работы по предупреждению преступлений и других правонарушений, в том числе путем внештатного сотрудничества; 2) членство или участие в общественных объединениях, уставные цели которых предусматривают оказание содействия правоохранительным органам или правозащитную деятельность; 3) работа в составе отрядов охраны общественного порядка, участие в отрядах содействия милиции; 4) участие в работе общественных пунктов охраны порядка. В ряде регионов активно функционируют молодежные, казачьи отряды содействия милиции.

Сотрудничество населения и правоохранительных органов постепенно расширяется. Однако деятельность общественных организаций и граждан в предупреждении преступлений на сегодняшний день сопряжена с некоторыми трудностями. Одной из них является отсутствие у содействующих правоохранительным органам граждан полномочий по применению мер принуждения и прав на применение физической силы и т.д. в процессе исполнения ими обязанностей по охране правопорядка и предупреждению противоправных посягательств. Особенно негативно сказывается отсутствие таких полномочий и прав на эффективности работы отрядов охраны общественного порядка и отрядов содействия милиции, деятельность которых нацелена, в основном, на недопущение противоправных деяний на улицах, площадях, в скверах и иных общественных местах.

Вне зависимости от того, как в случае принятия закона об участии населения в охране правопорядка будет разрешена эта проблема применительно к повседневным условиям, в отношении обстоятельств, возникающих при чрезвычайных ситуациях, справедливым представляется следующее замечание. В условиях чрезвычайных ситуаций привлечение населения к осуществлению предупреждения преступлений, особенно в форме участия в отрядах содействия милиции, отрядах охраны общественного порядка, является единственным средством усиления блока социального контроля над преступностью. Однако если гражданам, задействованным в работе данных структур, не предоставлять полномочий по применению мер прину-

² Постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 959 «О мерах по усилению охраны общественного порядка на улицах городов и других населенных пунктов Российской Федерации» (с изм. от 6 июля 1999 г.) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 39. Ст. 3931.

³ Законопроект № 248699-3 «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка» (внесен в ГД ФС РФ 15 октября 2002 г.); Законопроект № 273623-3 «Об участии граждан Российской Федерации, общественных и государственно-общественных объединений и организаций в обеспечении правопорядка» (внесен в ГД ФС РФ 11 декабря 2002 г.); Законопроект № 154485-3 «О Российском казачестве» (внесен в ГД ФС РФ 22 ноября 2001 г.) и др.

ждения, а также права на применение физической силы, специальных средств и т.д. для осуществления возлагаемых задач, то результативность их деятельности будет минимальной.

С учетом указанных обстоятельств для эффективного противодействия преступности при чрезвычайных ситуациях необходимо:

1) отряды содействия милиции, отряды охраны общественного порядка и иные подобные общественные формирования причислить к силам охраны общественного порядка и предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций;

2) при участии членов данных общественных формирований в проведении мероприятий по предупреждению преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций предоставить им следующие права:

требовать от граждан и должностных лиц прекращения преступления или административного правонарушения, а также действий, препятствующих осуществлению полномочий милиции, законной деятельности депутатов, кандидатов в депутаты, должностных лиц органов государственной власти и должностных лиц органов местного самоуправления, представителей общественных объединений; удалять граждан с места совершения правонарушения или происшествия;

осуществлять проверку документов в местах скопления граждан, в исключительных случаях при имеющихся данных о наличии у граждан оружия – личный досмотр, досмотр вещей;

доставлять в дежурную часть органа внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступления или совершивших административное правонарушение;

доставлять в дежурную часть органов внутренних дел лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, либо могущих причинить вред окружающим или себе;

применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших;

применять специальные средства (в этом случае организуется снабжение спецсредствами), а при наличии разрешения на хранение и ношение оружия, и оружие для самообороны и отражения нападения на граждан, для задержания и доставления в органы внутренних

дел лиц, застигнутых на месте совершения преступлений против жизни, здоровья или собственности и пытающихся скрыться.

Если при возникновении чрезвычайных событий привлекать общественные формирования правоохранительной направленности к охране объектов жизнеобеспечения, культурно-исторических ценностей, имущества эвакуированных граждан и т.п., то указанная мера одновременно является *мерой по повышению виктимологических защитных свойств объектов возможного преступного посягательства*.

Участие общественных формирований в проведении мероприятий по предупреждению преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций также является *мерой повышения уровня занятости населения*. При этом в целях получения наибольшего предупредительного эффекта от применения данной меры необходимо стремиться к максимальному задействованию в осуществлении указанных мероприятий молодежи.

Меры по обеспечению деятельности институтов социального контроля, повышению виктимологических защитных свойств объектов и уровня занятости населения способны оказать значительное предупредительное воздействие на преступность в условиях чрезвычайных ситуаций. Однако ограничиваться только применением данных мер не стоит в том случае, если не удовлетворены жизненно важные потребности населения. Без организации жизнеобеспечения населения в условиях чрезвычайных ситуаций на минимально достаточном уровне вряд ли возможно снизить темпы криминализации общественных отношений. Таким образом, при возникновении чрезвычайных ситуаций в целях предупреждения преступлений нам представляется целесообразным введение *правовых мер устранения дефицита продуктов питания и предметов первой необходимости*. Рекомендуемые нами меры состоят в следующем:

1) Введение ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств. Здесь необходимо назвать ограничения, составляющие содержание мер по мобилизации региональной экономики в части производства продуктов питания и предметов первой необходимости. В условиях чрезвычайных ситуаций, особенно продолжительных и крупномасштабных, основное снабжение пострадавшего населения должно опираться не только на запасы, созданные до ЧС, и продукты и товары, поставляемые в порядке гума-

нитарной помощи, но и на развертываемое специальное производство. Для этого при возникновении чрезвычайной ситуации должна производиться мобилизация ресурсов организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменение режима их работы (в том числе установление круглосуточного режима работы), переориентации указанных организаций на производство продовольственных товаров и предметов первой необходимости. В случае, если в производственном процессе данных предприятий есть отдельные операции, для выполнения которых работникам не требуется соответствующей квалификации, возможно привлечение к этому населения.

Конечно, такая мера осуществима лишь при наличии хорошей сырьевой базы, предприятий, специализирующихся на производстве продовольствия и предметов первой необходимости, подготовленных к переориентации на выпуск нужной продукции. Это означает заблаговременную подготовку к принятию указанной меры, которая должна осуществляться с учетом следующих факторов: а) обеспечения управляемости необходимой части экономики в условиях чрезвычайных ситуаций, повлекших человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение жизнедеятельности населения, требующих масштабных аварийно-спасательных и иных неотложных работ; б) обеспечение живучести экономики за счет рассредоточения предприятий и др.; в) разработка разнообразных планов обеспечения оптимального функционирования отраслей производства и предприятий при разных видах чрезвычайных ситуаций; г) влияние сокращения количества и недостатка производственных мощностей в период развития чрезвычайной ситуации⁴.

В условиях чрезвычайных ситуаций целесообразно применение иных ограничений экономической деятельности и свободы перемещения товаров и услуг. В частности, следует вводить запрет на отчуждение предприятий и организаций производственной и социальной отраслей, находящихся в субъектовой и муниципальной собственности и призванных обеспечить гарантированное удовлетворение потребностей населения в жизненно необходимых товарах и услугах. Целесообразно также наложение ограничений на вывоз с терри-

тории региона бедствия продовольственных товаров и предметов первой необходимости.

2) Установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости. На территории зоны чрезвычайной ситуации может быть установлен контроль за наличием и ассортиментом продовольствия, товаров первой необходимости, включая их нормированную продажу и распределение населению. Также может вводиться ограничение цен на жизненно необходимые товары и услуги с целью удержания их на социально приемлемом уровне с наложением соответствующих обязанностей на предприятия оптовой и розничной сети независимо от форм собственности.

Предлагаемый нами перечень мер предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций не является исчерпывающим. В настоящей статье мы стремились отразить те из возможных предупредительных мер, которые, на наш взгляд, позволяют одновременно воздействовать на несколько детерминант и процессов детерминации преступности, благодаря чему являются наиболее эффективными.

Применение мер предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций может быть поэтапным. Например, при возникновении чрезвычайного события и в период его развития целесообразно применение меры, предусматривающей задействование общественных формирований правоохранительной направленности с предоставлением их членам полномочий, необходимых для исполнения поставленных профилактических задач. По окончании бедствия, исходя из складывающейся ситуации и прогнозов ее развития, данные меры можно дополнить иными, охватывающими, например, ограничение свободы экономической деятельности.

Содержание вводимых профилактических мер должно соответствовать масштабу возникшей чрезвычайной ситуации и степени ее криминогенности, которая определяется наличием, характером и распространенностью детерминант преступности в пострадавшем регионе. При возникновении чрезвычайной ситуации местного уровня, вероятно, нет необходимости в проведении мероприятий по мобилизации производственных ресурсов и во введения соответствующих ограничений деятельности производственных предприятий. При локальной чрезвычайной ситуации, происходящей в масштабах объекта производственного или социального назначения, профилак-

⁴ См.: Федотов С.Б. Организационно-правовые основы особого режима работы экономики при ликвидации чрезвычайных ситуаций в режиме чрезвычайного положения: Дис... канд. юрид. наук. Новгород, 2001. С. 41.

тическая работа, как правило, направлена на предупреждение должностных преступлений, преступлений, связанных с нарушением правил безопасности на опасных объектах и правил обращения с опасными веществами, а также на восстановление виктимологических защитных свойств объектов. В этом случае применение исключительных правовых мер предупреждения преступлений, подобных тем, что предложены нами, чрезмерно.

Применение чрезвычайных мер предупреждения преступлений должно базироваться на соблюдении принципа *минимальной достаточности*. Это означает, что исключительные профилактические меры должны вводиться в объеме, минимально требуемом для предупреждения криминализации общественных отношений и осложнения криминальной обстановки в условиях чрезвычайной ситуации.

Предлагаемые профилактические меры, как это видно из содержания, в случае введения влекут ограничения прав и свобод граждан, установленных Конституцией и иными федеральными законами.

Конституция Российской Федерации предусматривает возможность ограничения прав человека и гражданина федеральным законом в том случае, если это требуется в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, и в той мере, в которой это необходимо для осуществления указанных целей. Это ограничение должно производиться федеральным законом (ч. 3 ст. 55).

Учитывая данное положение Конституции Российской Федерации, в целях обеспечения криминологической безопасности людей, организаций и т.п. в условиях чрезвычайных ситуаций необходимо, как нам представляется, на уровне федерального законодательства закрепить: а) возможность ограничения отдельных прав граждан в обеспечении применяемых мер предупреждения преступлений при возникновении чрезвычайных ситуаций; б) перечень прав, свобод граждан, ограничение которых допустимо в условиях чрезвычайных ситуаций, с указанием цели⁵, обстоятельств и порядка такого ограничения. Возможность данных ограничений и их содержание целесообразно установить путем принятия федерального закона, посвя-

щенного проблеме предупреждения преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций или путем внесения соответствующих дополнений и поправок в существующую федеральную законодательную базу противодействия чрезвычайным ситуациям.

На уровне федерального законодательства необходимо также урегулировать вопросы включения в состав сил охраны общественного порядка и предупреждения преступлений при чрезвычайных ситуациях общественных формирований и наделения их членов отдельными властными полномочиями.

Исключительные меры предупреждения преступлений, в том числе и предложенные нами, в случае их введения при возникновении чрезвычайной ситуации не могут и не должны влечь ограничения иных прав граждан, помимо тех, что установлены законодательно. Применение временных властных полномочий субъектов предупреждения преступлений не может превышать пределы, установленные законом.

Законодательное закрепление правоограничений в условиях чрезвычайных ситуаций должно обязательно сопровождаться установлением гарантий прав граждан. Лицам, привлеченным к выполнению работ на объектах экономики, мобилизованных к производству продовольствия и предметов первой необходимости, необходимо гарантировать оплату труда. Участие лиц в составе общественных формирований правоохранительной направленности в проведении мероприятий по предупреждению преступлений также должно подлежать оплате.

Организациям и предприятиям, имущество и ресурсы которых использовались для производства продовольствия и предметов первой необходимости, должно быть предоставлено право на возмещение причиненного ущерба. Для оптимальной реализации меры предупреждения преступлений, предусматривающей мобилизацию производственных ресурсов организаций и предприятий, должна быть нормативно закреплена *доля ущерба (в процентном измерении)* от применения этой меры, *подлежащая обязательной компенсации*.

В целях защиты граждан от произвола при реализации исключительных профилактических мер необходимо установить ответственность за неправомерное применение уполномоченными на то лицами физической силы, специальных средств и оружия; ответственность членов общественных формирований, задействованных в проведении мероприятий по предупреждению преступлений в условиях

⁵ В данном случае необходимо указание операционной цели, т. е. для обеспечения и реализации каких мер предупреждения преступлений необходимы и допускаются те или иные ограничения прав и свобод граждан.

чрезвычайных ситуаций, за превышение предоставляемых полномочий.

Законодательное закрепление возможности и содержания ограничений прав и свобод граждан, возможности наделения граждан отдельными властными полномочиями в условиях чрезвычайных ситуаций должно быть произведено в соответствии с указанием должностных лиц или органов, уполномоченных на введение исключительных мер предупреждения преступлений. По нашему мнению, правом на введение таковых мер должен обладать глава исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого произошла чрезвычайная ситуация, а также Президент Российской Федерации. При возникновении чрезвычайной ситуации регионального или федерального уровня такое право должно быть предоставлено исключительно Президенту Российской Федерации, который принимает решение на основании ходатайств, заявленных главами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, территория которых оказалась в зоне чрезвычайной ситуации.

Глава исполнительной власти субъекта РФ или Президент РФ, приняв решение о введении исключительных мер предупреждения преступлений на территории, где возникла и развивается чрезвычайная ситуация, издает правовой акт, в котором указываются: вводимая мера предупреждения преступлений (комплекс мер); обстоятельства и цели введения этой меры (комплекса мер); временной период, на который вводится мера (комплекс мер); права граждан, подлежащие ограничению в связи с введением данной меры (комплекса мер), и пределы такого ограничения; гарантии прав граждан; конкретные права и обязанности должностных лиц, граждан по исполнению вводимой меры или комплекса мер (например, обязанность по требованию сотрудника милиции или работника общественного формирования правоохранительной направленности предоставлять документы на проверку и т.п.).

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Одним из эффективных методов выражения общественного мнения является массовое проведение мирных демонстраций, митингов, шествий. Они возникают по тому или иному вопросу и разрешаются всеми демократическими конституциями, которые содержат положения, обеспечивающие гражданам права на свободу слова, демонстраций, собраний. Однако, разрешив свободу выражения мнений, идей, протестов в вышеуказанных формах, законодатель предусмотрел возможности ограничения способов реализации вышеуказанных свобод в целях недопущения угрожающей, оскорбляющей и насильственной манеры выражения мнений. Законодательством Кыргызской Республики, как и стран ближнего и дальнего зарубежья, предусмотрены регулирование и надзор за проведением собраний, митингов, шествий и демонстраций.

Законом Кыргызской Республики от 23 июля 2002 г. «О праве граждан собираться мирно, без оружия, свободно проводить митинги и демонстрации», принятым с целью урегулирования рассматриваемых общественных отношений, предусмотрен ряд статей, регулирующих организацию собраний, митингов и демонстраций. В соответствии с нормами Закона органы местной государственной администрации или местного самоуправления после рассмотрения поданного в официальном порядке уведомления могли санкционировать проведение подобных мероприятий либо запретить их, обосновав мотивы отказа, а также предложить альтернативные варианты.

Решением Конституционного Суда Кыргызской Республики от 14 декабря 2004 г. было определено признать неконституционными и противоречащими ст. 12, п. 14 ст. 16 и п. 2 ст. 22 Конституции Кыргызской Республики ст. 5, 6 и 7 Закона Кыргызской Республики «О праве граждан собираться мирно, без ору-

жая, свободно проводить митинги и демонстрации»¹. Действие ст. 5, 6 и 7 Закона отменено, в результате чего увеличилось количество проводимых собраний, митингов и демонстраций, что приводит к осложнению обеспечения общественного порядка и безопасности граждан органами внутренних дел.

Стремясь обеспечить мирный характер проводимых собраний и демонстраций, зарубежный законодатель вводит специальные запреты и ограничения. Согласно аналогичным законам ФРГ, например, никто, не будучи уполномочен на то органами власти, не вправе иметь при себе на общественных собраниях или демонстрациях оружие и прочие предметы, которые по своему характеру пригодны и предназначены для причинения телесных повреждений лицам или для повреждения имущества. Точно также запрещается без надлежащего уполномочия иметь при себе по пути на общественные собрания или демонстрации оружие и вышеупомянутые предметы, доставлять их на подобные мероприятия или держать их наготове, или раздавать для применения. Подлежит наказанию тот, кто в качестве руководителя общественного собрания или демонстрации использует распорядителей, которые имеют при себе оружие или упомянутые предметы. Группа людей может быть также признана вооруженной и распущена, если обнаружится, что, по меньшей мере, двое участников демонстрации скрытно имеют при себе оружие или предметы, служащие оружием.

Определенный интерес представляет закрепленное в законодательстве ряда стран положение о запрете ношения «униформы» или однородных предметов одежды, отражающих политические взгляды². Так, в соответствии с законом об общественном порядке (Великобритания), законом о собраниях (ФРГ) признается виновным в преступлении лицо, которое в общественном месте или на общественном собрании носит униформу либо однородные предметы одежды для обозначения своей принадлежности к определенной политической организации или содействия достижению какой-либо по-

литической цели. В Кыргызской Республике такого ограничения в законодательстве не установлено. Во время событий 24 марта 2005 г. митингующие носили головные повязки, шарфы оранжевого цвета, в связи с чем в средствах массовой информации данное событие было названо «революцией тюльпанов или миндальной революцией».

Немаловажной проблемой является существование среди участников митинга небольшой по количеству группы агрессивных личностей, которые используют соответствующие напряженные ситуации для провоцирования конфликтов с применением насилия, в которых либо участвуют сами, либо наблюдают за их развитием со стороны, находясь на безопасном расстоянии.

Отсутствие способностей к конструктивному разрешению конфликта и реальной оценки своих возможностей приводит таких участников к восприятию агрессивности в качестве успешного «средства коммуникации», которая позволяет им не считаться как с собственными, так и с чувствами других людей. Роль милиции как правоприменительного органа не отрицается агрессивными участниками, поэтому до начала насильственных действий сотрудники милиции могут воспользоваться своим авторитетом для решительного вмешательства в ситуацию. Но на практике происходит обратная ситуация, вероятно в зависимости от отсутствия специальных знаний по мирному урегулированию групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков. Поэтому в целях избежания применения силы, предотвращения конфликтов и урегулирования общественных беспорядков, защиты прав и свобод граждан во время проведения массовых мероприятий, в том числе демонстраций, необходима подготовка (наличие) специальных подразделений, оснащенных защитными средствами. Сотрудники таких подразделений должны быть обучены ненасильственным методам урегулирования общественных беспорядков, владеть подобными профессиональными навыками. В западных странах такие специальные подразделения существуют и действуют. Данные подразделения могут называться и мобильными группами, но предназначение вновь созданных подразделений должно быть неизменным: недопущение конфликтных ситуаций во время проведения массовых мероприятий, мирное урегулирование общественных беспорядков.

¹ См.: Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики от 14 октября 2004 г.

² См.: Проблемы преступности в капиталистических странах. М., 1979. № 8. С. 14.

Во время митинга участники возбуждены, их социальный стресс, выраженный в виде эмоционального напряжения, в любой момент может перейти в агрессивное или паническое состояние. В свою очередь милиция должна знать конкретные формы агрессивности, которые могут привести к серьезным беспорядкам для того, чтобы вовремя их предотвратить. Стратегия «провокаторов» состоит в целенаправленной эскалации беспорядков. «Провокаторы» пытаются также «завоевать доверие» групп митингующих, предлагая алкогольные напитки. В большинстве случаев благодаря бытующей среди митингующих системе ценностных ориентаций (дружба, «все за одного») новые друзья считают себя обязанными «агрессорам». При этом сами «агрессоры» редко употребляют алкоголь, охотно пользуясь его действием на других участников для провоцирования их необдуманных действий. Лица, совершающие насильственные действия среди митингующих, испытывают чувство силы, безопасности и анонимности. Ведь те, кто избегает конфликта, нарушают «кодекс чести», зато получившие в ходе столкновений травмы или задержанные повышают свой авторитет. Примером чего у нас в республике явились события в Оше, Жалалабаде, а в дальнейшем в центре г. Бишкека 24 марта 2005 г. В фазе подготовки к действиям данные лица имеют обыкновение небольшими группами перемещаться по городу и в условленных местах совещаться относительно дальнейших планов. Только непосредственно перед намеченной акцией они собираются вместе, чтобы совершить неправомерные действия. Участие милиции заранее принимается во внимание участниками происходящего. Для зачинщиков важно остаться «нераскрытыми», то есть еще раз вызвать восхищение и признание. Посредством своего вмешательства милиция восполняет неосознанную потребность «агрессоров» в авторитете, являясь единственной силой правопорядка. Открытых столкновений с сотрудниками милиции зачинщики, как правило, избегают. Например, при событиях 24 марта 2005 г. агрессивная группа среди митингующих напала на сотрудников органов внутренних дел путем забрасывания камнями, палками. Как уже упоминалось, задержание сотрудниками милиции считается подтверждением «успешной» операции, поэтому и задержанными оно воспринимается как достоинство.

Предупредительные мероприятия по предотвращению беспорядков не только прерогатива милиции, одновременно это решение многих социальных, организационных и дисциплинарных вопросов, а также проблем, связанных с техникой безопасности. Не менее важной проблемой являются мероприятия по установлению контакта участников митинга либо их организаторов с представителями районной администрации, правоохранительными органами, прессой, общественными организациями. Все эти мероприятия рекомендуется проводить в рамках широких социальных программ с привлечением представителей различных служб, общественных организаций, решением вопроса трудоустройства, оказанием юридической консультации. Обязанности милиции состоят, наряду с прочим, в постоянном обмене информацией относительно активных участников и известных им нарушителей спокойствия.

В случае возникновения конфликтов успешность их разрешения зависит от оперативности и средств вмешательства, а также соответствующей интерпретации ситуации участниками инцидента.

При наличии угрозы возникновения серьезной конфликтной ситуации между участниками массовых выступлений и силами, обеспечивающими общественный порядок, сотрудники милиции должны предпринять все возможные меры, чтобы избежать прямой конфронтации и насильственных действий.

На практике в подобных случаях обычно применяется метод убеждения, который может выражаться в различных формах и средствах воздействия. Убеждение реализуется посредством диалога, обращения, разъяснения, переговоров, посредничества. Обращение заключается в устной просьбе, призыве сотрудника милиции или иного представителя власти к собравшимся гражданам соблюдать правила поведения в общественных местах и установленный порядок проведения массовых акций.

Конструктивный диалог, при внешнем проявлении желания понять требования конфликтующей стороны, – это главное и самое предпочтительное оружие ненасильственных действий милиции. Когда противная сторона отказывается от диалога, необходимо непременно стараться восстановить его. Для более эффективного проведения диалога необходимо проявлять уважительное отношение к оппонентам, определить положительные моменты в их позиции и

требованиях конфликтующей стороны (сторон) и быть готовым прямо и открыто сказать им об этом. Такое действие вызывает ответную симпатию, уменьшает предубеждение и частично сглаживает образ «врага» в лице правоохранительных органов.

При проведении переговоров представители милиции должны проявлять максимальную гибкость в достижении необходимых результатов. Здесь важно помнить, что при наличии конфронтации и противоположных социальных и психологических установок «противник» при положительном результате может двигаться шаг за шагом к урегулированию конфликта. Поэтому милиции не следует форсировать события, если обстановка не является чрезвычайной, а настраиваться на поэтапный процесс.

В тех случаях, когда диалог и переговоры необратимо нарушены, следует прибегнуть к посредничеству. Эти люди должны обладать рядом необходимых качеств. Они должны быть подлинными авторитетами для всех сторон, объективными и последовательными доверенными лицами. Посредник должен выслушать обе стороны, постараться найти компромисс и свести противоречия к минимуму. Примирение или отказ от насильственных действий должны стать конечным результатом. В качестве посредников обычно привлекают известных спортсменов и артистов, популярных общественных лидеров, религиозных деятелей.

При словесных провокациях сотрудникам службы правопорядка рекомендуется проявлять хладнокровие, также как и при незначительных столкновениях, которые в большинстве случаев заканчиваются внутри очага конфликта. Вмешательство сил безопасности привлекает внимание хулиганов к происходящему, дает им повод и возможность обострить конфликт. Но до его улаживания необходимо пристальное внимание за ситуацией, чтобы в случае нужды осуществить быстрое вмешательство. Находящиеся на месте конфликта силы правопорядка при горячих словесных спорах, как правило, могут достаточно эффективно разрядить ситуацию путем вмешательства в подобный разговор. Однако при разрастании конфликта вмешательство милиции в ситуацию необходимо.

В качестве устрашающего момента рекомендуется использование прямой радиосвязи. Эффективным предупредительным средством является демонстративная съемка развития событий в зоне ак-

тивно настроенных участников. Выявленных же нарушителей правопорядка и провокаторов необходимо обезвреживать последовательно, оперативно, с использованием достаточно больших сил. Активные действия провоцируются отдельными нарушителями, которые пытаются проникнуть в административные здания государственного значения. Если это удастся, то прорыв служит сигналом к действию для многих других. В этом случае милиция должна применить силу в той мере, которой будет достаточно для прекращения подобных действий. Последствия применения силы могут у участников мирного митинга или наблюдающих проявиться в виде испуга или возникновения паники, что в свою очередь может создать большие трудности по поддержанию правопорядка и законности.

Для обеспечения правопорядка на демонстрациях, митингах, шествиях необходимы опытные сотрудники, которые имеют опыт относительно определенных аспектов «поведения, культуры митингующих». Многие из них лично знакомы с лидерами митингующих и за счет этого могут оказывать личное влияние на поведение участников.

В недопущении массовых беспорядков важную роль играют профилактические факторы. Основным является добросовестное выполнение стоящих перед милицией задач в борьбе с преступностью и охране общественного порядка, соблюдение принципа неотвратимости наказания, создание для граждан обстановки имущественной и личной защищенности от преступных посягательств, недопущение перегибов и произвола.

Анализ показывает, что условиями, способствующими массовым беспорядкам, во многих случаях являлось ослабление усилий органов внутренних дел в борьбе с преступностью, особенно по предотвращению и пресечению хулиганства; профессионально неграмотные или нерешительные действия сотрудников милиции в острых, конфликтных ситуациях, особенно в местах массового скопления людей; нарушения ими законности.

Анализ массовых беспорядков, происшедших в прошлом, показал, что отдельные руководители и сотрудники милиции проявили растерянность, нерешительность, профессиональную безграмотность, некоторые же предали интересы службы, смалодушничили,

попали под влияние националистически настроенных элементов, попустительствовали преступникам.

В органах внутренних дел оказалось много случайных людей, комплектование и выдвижение кадров часто осуществляются на основе родственных связей, личной преданности и клановых интересов. Во многих звеньях административного аппарата сложились коррумпированные родственные и земляческие структуры, являвшиеся защитным слоем теневой экономики и националистических элементов.

Важным профилактическим фактором являются своевременная разработка и осуществление специальных мероприятий предупредительного характера. Их определение должно основываться на анализе и оценке оперативной обстановки, на глубоком изучении общественного мнения о деятельности милиции. К таким профилактическим мероприятиям относят:

- усиление борьбы с преступностью и охраны общественного порядка;

- укрепление связи с государственными органами и общественностью;

- обеспечение постоянной готовности личного состава ОВД к действиям при массовых беспорядках;

- укрепление материально-технической базы органов внутренних дел.

Результатом такого анализа и оценки должны быть следующие выводы: о возможности возникновения в городе, районе, области, республике массовых беспорядков; о возможных местах их протекания; об отношении населения (определенной его части) к массовым беспорядкам (поддержит или нет); о причинах таких беспорядков; о готовности органов внутренних дел к их пресечению и ликвидации; о мерах по их недопущению.

Эффективные же отношения с обществом включают в себя удовлетворение частных интересов всех тех, с кем приходится сталкиваться милиции. Отношения правоохранительных органов с обществом по своим принципам можно отождествить с тем, что в человеке считается высокой нравственностью. Одним из основных принципов хороших отношений является справедливость, другим – беспристрастность. Реализация этих принципов возможна лишь при

условии, когда придается особое значение уважению личности и человеческого достоинства. Они признают потребность человека в самовыражении, чтобы принимать участие в решениях, затрагивающих его интересы и иметь достаточную безопасность.

Таким образом, можно видеть, что в основу идеологии взаимодействия с населением милиция ставит ценность человеческих достоинств, что постоянно стимулирует проявление доброй воли и понимание граждан. Не общество, а сама милиция устанавливает для себя нормы поведения, исходя из принципов отношений к тем, кому она служит. Позиция каждого офицера милиции в этой связи должна заключаться в том, чтобы добросовестно относиться к своим обязанностям, чем он может заслужить доброе отношение и доверие общества. Делать как можно больше вещей, которые одобрит общество, и делать их так хорошо, чтобы у общества осталось благоприятное впечатление. Сокращать до наиболее возможного минимума число практических действий, вызывающих раздражение общества, служащих причиной недоразумений и подрывающих уважение и доверие, оказываемые милиции обществом.

В задачу милиции как составной части исполнительной власти в свободном и демократическом обществе входит создание и защита зоны свободы, где может динамически осуществляться политическая и социальная деятельность граждан. Милиция должна осознать важность взаимных связей с обществом. Милиция в современном государстве должна рассматриваться как служба, приносящая пользу как отдельному гражданину, так и обществу в целом, она должна стремиться улучшать это общее направление. В этой связи нельзя не учитывать взаимосвязь между репутацией милиции и доверием к ее работе, с одной стороны, и готовностью общества оказывать доверие милиции, с другой.

А. В. Савкин,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук
(НИИ проблем укрепления
законности и правопорядка
при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации)

ЗНАЧЕНИЕ
ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР
В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ПОРЯДКА
ВОИНСКИХ УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ВОЙСКАХ

Несмотря на принимаемые меры по борьбе с преступностью и укреплению законности в Вооруженных силах, других воинских формированиях и органах Российской Федерации (далее – Вооруженные силы), криминогенная обстановка в войсках остается тревожной.

Распространенность преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений является одной из наиболее актуальных и острых проблем Вооруженных сил, негативно влияющих на состояние законности, правопорядка и воинской дисциплины в частях и соединениях, а также на боеготовность и боеспособность войск. К преступлениям данной категории относятся: сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ), насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ), нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

На протяжении последних лет указанные преступные деяния, на долю которых ежегодно приходится примерно треть всех регистрируемых в войсках преступлений, продолжают оставаться доминирующими в структуре армейской преступности. Нередко имеют место случаи групповых побегов из воинских частей и расстрелы военнослужащими своих сослуживцев, совершаемые в основном на поч-

ве «дедовщины». Неуставные отношения в войсках являются причиной значительной доли самоубийств, причинения вреда здоровью военнослужащих, уклонений от военной службы.

Анализ статистических сведений о преступности в войсках свидетельствует о том, что с 2000 по 2004 гг. в Вооруженных силах почти в полтора раза (на 42,8%) увеличилось количество военнослужащих, пострадавших от преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений.

Удельный вес преступлений против воинских уставных взаимоотношений в общей структуре преступности против военной службы, зарегистрированной за период с 1997 по 2004 гг., возрос на 17,1% и составляет более чем треть от всех воинских преступлений (38,1%). Средние показатели удельного веса в исследуемой группе посягательств за последние семь лет следующие:

сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ) – 1,9%;

насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ) – 9,8%;

нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) – 85,1%;

оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ) – 1,9%.

Динамика исследуемой группы преступлений за 1997–2004 гг. обусловлена возросшим количеством преступлений, предусмотренных ст. 333–334, ч. 2 ст. 336 УК РФ. Сравнительный анализ прироста преступлений, предусмотренных указанными статьями УК РФ, и воинских должностных насильственных преступлений (ст. 286 УК РФ), показывает, что в указанный период произошло резкое и почти одновременное увеличение количества преступлений этих двух видов (соответственно в 2,2 и 3,2 раза).

На недостаточную эффективность принимаемых командованием, органами по работе с личным составом и органами военной прокуратуры мер, направленных на предупреждение и пресечение антиуставных проявлений, указывает то, что даже в условиях сокращения войск и воинских формирований Российской Федерации количество этих преступлений возрастает.

Изучение материалов прокурорско-следственной практики и других данных свидетельствует о том, что в войсках практически не снижается уровень невыявленных, скрытых от учета преступлений, совершаемых на почве неуставных взаимоотношений между военнослужащими и связанных с неправомерным оставлением места службы. Причины живучести неуставных проявлений, рукоприкладств и уклонений от военной службы тесно связаны с порочной практикой их сокрытия командованием, ненадлежащим материально-бытовым обеспечением личного состава, ущемлением иных законных прав и интересов военнослужащих, нарушениями законодательства при призыве граждан на военную службу, слабой организацией службы войск и некоторыми другими.

Проблема криминальных нарушений уставных взаимоотношений в армии вызывает беспокойство в обществе. На протяжении десятилетий не удастся избавить нашу армию от этих преступлений. Несмотря на все усилия государственных органов, военного командования и общественности, «дедовщина» в армии сохраняется. Она зависит от материальных и демографических ресурсов государства, от политики в области военного строительства.

Устойчивость этого негативного явления имеет свои истоки в культуре и социальных традициях общества, в характере типичных взаимоотношений между молодыми людьми (как в гражданской, так и в военной среде), а также в формах реализации воинской подчиненности (нередко сопряженной с грубостью и даже рукоприкладством).

Сегодня в нашей стране и в Вооруженных силах существует множество проблем, одни из которых возможно решить только на государственном уровне, другие – на уровне Минобороны России, третьи – силами командиров и личного состава. Проблема же преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений должна решаться на всех указанных уровнях.

Снижение моральных устоев в обществе влечет за собой рост преступности, бездуховности и нигилизма. В армии, в экстремальных условиях воинской службы это выражается в преступлениях рассматриваемого вида. К ним следует отнести неповиновение, сопротивление либо насильственные действия в отношении начальника, оскорбление, насилие, ущемление прав и личного достоинства и

другие негативные явления во взаимоотношениях между военнослужащими.

В то же время заслуживает положительной оценки и распространения в войсках накопленный командованием, органами по работе с личным составом отдельных военных округов (флотов), объединений, соединений и частей опыт организации, планирования и проведения работы по профилактике и пресечению нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и уклонений от военной службы.

Анализ этой деятельности органов военного управления показывает, что наиболее высоких результатов в борьбе с рассматриваемыми правонарушениями, как правило, добиваются те руководители и должностные лица, кто целенаправленную, выстроенную на системной основе предупредительно-профилактическую работу с личным составом умело сочетает с использованием комплексного подхода к решению задач укрепления воинской дисциплины и правопорядка, организует ее в тесном взаимодействии с военными прокурорами, территориальными правоохранительными и исполнительными органами, представителями общественных организаций.

В немалой степени достижению положительных результатов способствуют умелая организация методической и аналитической деятельности, успешное практическое внедрение разработанных рекомендаций и системы работы командиров различного уровня на местах, своевременная подготовка и издание соответствующих организационно-распорядительных документов по вопросам профилактики названных правонарушений в военных округах (флотах), воинских соединениях и частях.

Предупреждение данных преступлений зависит от множества факторов, в том числе и от профессионализма командования и военных прокуроров, их умения оптимально сочетать методы профилактики преступности, использовать различные формы их реализации, своевременно изменять приоритеты.

Работа по предупреждению преступлений в войсках в настоящее время является одним из приоритетных направлений деятельности командования и военных прокуроров и приобретает все большее значение.

Предупреждение преступности включает в себя деятельность государства, общества, их институтов, направленную на разрешение противоречий в области экономики, социальной жизни, нравственно-духовной сфере и т.д. Оно осуществляется различными органами государственной власти и управления, общественными формированиями. В Вооруженных силах к такой деятельности относятся принимаемые меры, направленные на улучшение жизни и деятельности войск, на совершенствование идеологической и воспитательной работы, проводимой с военнослужащими, и т.д. В Вооруженных силах командирами, органами военной юстиции и армейской (флотской) общественностью должны приниматься и специальные индивидуальные меры, направленные на профилактику преступлений отдельных военнослужащих, целенаправленные меры воздействия на негативные факторы, связанные с отдельными видами и группами преступного поведения военнослужащих.

Предупреждение и пресечение преступлений, общие меры профилактики преступности осуществляются до совершения преступлений, на стадии приготовления к преступлению, покушения на его совершение или в процессе его непосредственного исполнения до окончания преступной деятельности, а также и после привлечения виновных лиц к уголовной ответственности с целью предотвращения рецидива. Предупредительные меры в соответствии с действующим законодательством применяются командованием, органами военной прокуратуры, военными судами, органами безопасности в войсках, отдельными военнослужащими и гражданами.

Профилактическое воздействие на преступность против порядка воинских уставных взаимоотношений органы военной прокуратуры должны осуществлять в ходе уголовного судопроизводства, надзорной, координационной и других видов прокурорской деятельности.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты обязывают органы военной юстиции и суды выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, и вносить представления командованию о принятии соответствующих мер к их устранению. Кроме того, общевоинские уставы возлагают на каждого начальника обязанность самостоятельно выявлять причины правонарушений подчиненных и принимать меры к их устранению.

Важное значение в предупреждении преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений имеет их профилактика, осуществляемая в форме реализации планов и программ, координационных совещаний, посвященных вопросам усиления борьбы с преступностью. В них предусматривается система мероприятий, направленных на профилактику конкретных видов и групп преступности, а также в целом всей преступности на определенных объектах или территориях. Обеспечение запланированных мероприятий может быть достигнуто только при налаженном взаимодействии и согласованности различных субъектов профилактики.

Органы военной прокуратуры в соответствии с требованиями законодательных и иных нормативных правовых актов обязаны постоянно заниматься вопросами предупреждения преступности, преступлений против воинских уставных взаимоотношений, осуществлять надзор за деятельностью органов военного управления в этой сфере.

Вопросам предупреждения преступности в войсках необходимо уделять внимание не только при выявлении причин их совершения и условий, способствовавших им, в ходе проведения проверок, расследования и рассмотрения в судах уголовных дел, но и при решении более общих задач, связанных с участием в правовом регулировании, информационном обеспечении, программировании и планировании предупреждения преступности, в осуществлении координации деятельности правоохранительных органов, правовом обучении и воспитании военнослужащих.

На наш взгляд, определенную помощь в повседневной работе военных прокуроров и следователей могут оказать научные исследования в данной сфере, методические рекомендации и пособия по вопросам предупреждения преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений в войсках, разработанные на основе изучения теории и практики предупредительно-профилактической деятельности.

Н. Б. Бааль,
кандидат политических наук
(ВНИИ МВД России)

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В последние десятилетия XX в. современный постсоветский мир стал полем деятельности новой разновидности молодежного радикализма – политического экстремизма. О его возникновении заявили мощные движения молодежного протеста против истеблишмента в Западной Европе и США в 66–70-х годов, вовлекшие десятки тысяч борцов за молодежные права и свободы в эпоху молодежной революции на Западе, когда сформировалась контркультурная политическая оппозиция и авангардистские бунтарские молодежные движения и радикальные идейно-утопические течения и группы агрессивных политических диссидентов «новые левые», «новые правые»¹.

Молодежные экстремистские организации и субкультуры выступали не только против существующего политического порядка и режима власти, но и против самой системы данного общества как «репрессивной», требуя ее радикального переустройства или уничтожения. После спада «молодежной революции» в 70-х годах в молодежный протест включились новые социальные движения, среди которых наиболее активным стало «альтернативное движение», объединившее «недогматических левых» и экологистов. На стыке XX – XXI столетий политическая активность экстремистски настроенной молодежи сконцентрировалась вокруг этнонациональных, конфессиональных, глобальных проблем мирового сообщества, что было реализовано постанархистскими, экологистскими, антиглобалистскими, радикальнофеминистскими молодежными формированиями. Определенная часть молодежных субкультур также тяготеет к радикальным и экстремистским способам выражения протеста. Соответственно, изучение молодежной политической активности экстремистского толка составляет важное направление зарубежной социологии молодежи.

В отечественной науке анализ молодежных контркультурных феноменов становится легитимным с конца 80-х годов в процессе изучения неформальных молодежных течений. В период постсовет-

ского развития России проблема экстремистского и агрессивного поведения части молодежи становится в ранг актуальных вопросов, поскольку определенная часть террористических и политизированных оппозиционных формирований в поисках социальной базы делают ставку, опираясь исключительно на молодежь. Особенно ювентизированы группировки правых экстремистов – скинхедов, фашистов и прочих крайних националистических формирований. Соответственно, изучение проблематики молодежного экстремизма весьма актуально.

Эффективное противодействие экстремизму должно опираться на познание закономерностей становления и развития субъекта экстремистской деятельности, прогнозирование интенсивности и перспектив экстремистских действий. Генезис субъекта экстремизма идет автономно, подчиняясь объективной логике эволюции социального явления. Данная логика включает как момент возникновения, так и момент исчезновения социального субъекта, исчерпавшего свои социальные функции. В этом отношении является существенным анализ самого субъекта экстремистской деятельности, противостоящего субъектам противодействия.

Политический экстремизм анализировали с различных позиций и подходов как на уровне самой политической науки, так и на транснаучном уровне. Поскольку рамки настоящей статьи не позволяют дать подробный анализ истоков политического экстремизма и вскрыть механизмы его возникновения на разных точках исторической и географической системы координат, отметим лишь то, что, во-первых, в большинстве случаев корни этого явления находятся не в патологии психологических реакций конкретных людей, а в глубоких латентных и явных социальных, экономических и политических недугах. Политический экстремизм в большей степени вызывается социальными причинами, противоположностью интересов и стремлений не отдельных индивидов, а различных общественных групп.

После развала Советского Союза страна оказалась в сложной геополитической ситуации, характеризующейся попытками оказания на Россию жесткого силового давления как со стороны ведущих западных стран, так и некоторых государств, возникших на фундаменте бывших союзных республик. Приходится констатировать, что за последние годы наблюдается явная тенденция утраты Россией статуса великой державы, с мнением которой должны считаться зарубежные партнеры и недруги. При этом, несмотря на неблагоприятную ситуацию, формируемую в Российской Федерации внешнеполитическими факторами, главные причины, порождающие политический

¹ Brake M. Comparative Youth Culture. London, 1985. С. 103–106.

экстремизм и антиконституционные насильственные проявления в стране, имеют внутреннюю природу. К ним следует отнести кризисное состояние экономики, нецивилизованные формы перераспределения собственности, включающие хищнический передел материальных средств и ресурсов и фактическое разворачивание под видом приватизации общенационального достояния. В перечне внутренних факторов, детерминирующих экстремизм, необходимо назвать резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства населения, увеличение социальной дифференциации и классового противостояния в обществе, рост правовой и социально-экономической незащищенности граждан. Эти обстоятельства, имеющие экономическую природу, являются, на наш взгляд, базисными с точки зрения исследования генезиса политического экстремизма в стране. В то же время они способны порождать и другие детерминанты обострения в России, которые по мере нарастания и развития превращаются в самостоятельные причины и условия активизации экстремизма. К таковым относятся: обострение политической борьбы между многочисленными политическими партиями и общественными движениями; острое противостояние между сторонниками существующего в стране политического режима и оппозицией; множасьшиеся межнациональные конфликты, способные перерасти, а порой и перерастающие в открытые вооруженные столкновения: этнический и религиозный сепаратизм, забастовочное движение, порождающее помимо чисто экономических требования классового, политического характера, и т.д. Разумеется, внешние и внутренние факторы взаимодействуют между собой. Так, внутренние детерминанты терроризма и политического экстремизма часто привносятся извне, о чем убедительно свидетельствуют события в регионе Северного Кавказа.

Следует отметить, что в последнее время отечественными учеными делаются попытки систематизации документов и материалов по истории экстремистских движений и идейных течений. Однако большинство исследователей ограничиваются каким-либо одним историческим интервалом и поэтому не получают целостной картины. Налицо и недостаточность теоретико-аналитического осмысления этой проблемы. Таким образом, возникает задача поиска универсальных составляющих феномена политического экстремизма.

В публицистике и научной литературе распространены попытки увязать рост политического экстремизма молодежи с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем определенных социальных групп молодежи. Но влияние социальных факторов намного сложнее. Анализ новейших отечественных и зару-

бежных исследований показывает, что фундаментальными факторами экстремизма являются незавершенная модернизация, социальные контрасты и культурная маргинальность, находящиеся в диалектической взаимосвязи с внешне- и внутривнутриполитическими, этноконфессиональными, социально-психологическими обстоятельствами жизнедеятельности молодежи.

На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в процессе модернизации, особенно в периоды незавершенных исторических перемен. В таких условиях неизбежен установленный еще в трудах К. Мангейма и Э. Эриксона «кризис эдентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения молодежи. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками экстремизма – интергенерационный и интрагенерационный конфликты, формирование конкурирующих поколений, представляющих спектр политических ориентаций лево- и правэкстремистского толка, возрастает желание молодежи к консолидации с молодежными движениями, выступающих с интенсивными требованиями социальных изменений².

Кризисные процессы в разных сферах общественной жизни транзитных обществ, обостряя имеющиеся противоречия, порождают иллюзию их возможного быстрого разрешения путем экстремизма и террора.

Молодежная политическая активность вероятно проявляется в странах, переживающих быструю трансформацию, где в силу множественных причин определенная смесь обстоятельств подрывает способность политической системы осуществлять необходимые функции. В обществах, испытывающих институциональную нестабильность, сопровождающуюся ослаблением легитимности и эффективности власти, где существуют несправедливость и произвол, создаются идеальные условия для протестного поведения. В дополнение к политическим протестам молодежные движения могут принимать и другие формы, включая студенческие, культурные, социо-

² См.: Шегорцов А.А. Как рождается экстремизм молодежи. М., 1990; Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., 1996; Ентелис Г.С., Щипанова Г.Д. Протестный потенциал российской молодежи. М., 1999; Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001; Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи. Ростов н/Д., 2003. С. 722.

культурные, религиозные, этнонациональные, антиглобалистские, экологические и другие³.

Там, где система ограничивает возможности массовых макро-групп бороться за достижение своих целей легальным путем, создаются предпосылки экстремистской деятельности.

Российскую специфику экстремистских образований в молодежной среде определяют три основных фактора. Первый – социальная и экономическая неустойчивость российского общества на протяжении последних 15 лет и социальная незащищенность значительной части молодежи. Согласно данным Госкомстата РФ, в 2000 г. молодежь (16-30 лет) составляла в численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума 21,2%, а в своей возрастной группе доля «бедных» равнялась 27,9%. Но с 2000 г. намечился экономический рост, и в 2004 г. на 9% по сравнению с 2003 г. увеличились реальные денежные доходы населения, на 12,6% возросла зарплата населения. В целом за 2004 г. доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума снизилась до 17,5%. Однако, в целом к нуждающимся и малообеспеченным себя относят 37% россиян. Материальное благополучие населения может ухудшиться в результате копирциализации услуг ЖКХ и социальной инфраструктуры, удорожание транспортных и информационных расходов, что значительно расширит зону бедности. И как показали события 2005 г. – рост социальной напряженности. Усиливается поляризация социальных групп молодежи мегаполисов и поселений провинции, выходцев из богатых и бедных семей. Среди безработных молодежь в возрасте до 29 лет составляет свыше 30%.

Второй фактор – особенности социальной мобильности в обществе. Каналы восходящей социальной мобильности в 90-е годы претерпели коренные изменения, и часть молодежи достигает престижное социальное положение и высокий уровень потребления в короткие сроки. Возможность быстро достичь успеха, стать богатым у тех слоев, которые участвуют в распределении собственности и власти или обладают «культурным капиталом». Дети элиты и специалистов академической и культурной аристократии получают качественное образование и высокую профессиональную подготовку, перспективную с точки зрения жизненного успеха. В многочисленных исследованиях констатируется, что образовательная дифференциация молодежи усилилась. Снижается ее доступность к качественному высшему образованию. Остается невостребованной около трети выпускников вузов. Социальное неравенство среди студенческого контингента проявляется хотя бы в том, что на одного бюджетного студента в

2003 г. финансировалось около 250 долларов в год или около 2 млрд долларов на весь контингент, при образовании за рубежом «нового» русского – не менее 50000 тыс. долларов, т. е. в 200 раз больше, и на эти цели из России вывезено свыше 5 млрд. долларов. Как показывают исследования проблем молодежи, около 47% абитуриентов занимаются с репетиторами или обучаются на корпоративных факультетах, более 60% студентов проходили довузовскую платную подготовку. Более того, коррупционные процессы в вузах достаточно масштабные, поэтому 10% молодежи отказываются от поступления в вузы по причине финансовой невозможности дать взятку⁴. Г.М. Мкртчян отмечает, что в российском обществе в условиях распада традиционных форм вертикальной мобильности сфера образования усиливает не столько социокультурное расслоение, как дифференцирует доступ к интеллектуальным ресурсам молодых людей из разной социально-профессиональной среды. И это также вызывает недовольство и протестные настроения молодежи из депривированных слоев населения.

Третий фактор – аномия в российском обществе, развивающаяся в двух вариантах, отмеченных Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. В дюркгеймовском смысле аномия проявилась в утере тех нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения социальной идентичности. На фоне социальной аномии широкое распространение приобретает молодежная преступность. По данным исследований ИСПИ РАН, в период с 1990 по 2000 гг. число лиц, совершивших преступления увеличилось почти вдвое, а в возрастной группе 18-24 летних – в 2,5 раза. По экспертным оценкам, в России действует более 300 крупных преступных синдикатов и 1000 молодежных банд. Участие в преступных кланах и группировках становится для части молодежи социально престижным и прибыльным делом. В мертоновской модели аномия есть результат фрустрации вследствие неспособности молодых людей достичь высокого статуса и удовлетворения престижных материальных благ. Опросы среди разных социально-профессиональных групп молодежи показали, что 43,8% готовы бороться за свое место в жизни, преступая моральные нормы ради материального благополучия. 41,8% готовы совершить мошенничество, 67,5% – дать или получить взятку, 20% – совершить преступление⁵. В молодежной среде аномия приводит к феномену криминального экстремизма. Сегодня криминализированы многие молодежные сообщества, а принятые в ее среде социокультурные и политические

³ См.: Там же. С. 723.

⁴ См.: Шевченко Н.О., Гаврилов А.А. О теневых экономических. С. 25–30.

⁵ См.: Социология молодежи / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005. С. 224–225.

ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде. Из этих ориентиров особое значение имеют культ силы, насилия, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужакам» и другие. Зачастую солидарность криминальных группировок укрепляется совместными действиями по «зачистке» общества от «изгоев». В последнее время здесь активность проявляют праворадикальные экстремистские группы скинхедов, фанатов, НДПР, РНЕ, партии Свободы. Количество убийств на почве этнической или религиозной неприязни нарастает; так, в 2003 г. их было 20, в 2004 г. – не менее 45. Жертвы избиения скинхедами, погромов на рынках, в кафе и магазинах, принадлежащих «нацменам», исчисляются сотнями. В первом полугодии 2005 г. от нападения скинхедов и организованных националистических группировок пострадало не менее 186 человек. Следует признать, что в стране не сложилась целостная, теоретически обоснованная и ресурсно-обеспеченная система социальной безопасности и защиты молодежи, органически сочетающая в себе принципы социальной справедливости и борьбы за выживание каждого человека. Так, среди опрошенных респондентов 64,8% считают, что в ближайшие годы забота власти о молодежи не изменится в лучшую сторону, 48,8% отметили отсутствие изменений в борьбе с терроризмом, 42,9% полагают, что не увеличатся доходы населения, 64,4% – что государство не защищает интересы молодежи. По целому ряду признаков молодежь тяготеет к сильной власти и четкому порядку, мечтает о «твердой» руке лидера государства, распространяемых идеологий партий и объединений правых экстремистов⁶.

Наиболее серьезными проблемами молодежь считает: наркоманию, трудоустройство, получение образования, моральную деградацию, отсутствие смысла жизни, унижение достоинства граждан России, правовую незащищенность, терроризм. На вопрос об основных причинах экстремизма в молодежной среде ответы распределились следующим образом: неуверенность в настоящем и будущем – 46,1%; отсутствие условий для самореализации – 43,5%; безнаказанность – 38,9%; отсутствие четкой государственной молодежной политики – 38,8%; реклама насилия в СМИ – 23,1%⁷.

⁶ См.: Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Процессы перемен в сознании российской учащейся молодежи // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 4. С. 166-177.

⁷ Там же.

О ПОТЕНЦИАЛЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВЕРШЕНИИ ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Борьба с оскорблениями представителя власти в последние годы приобретает особую остроту и актуальность. Рост совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 319 УК РФ, с момента распада СССР в 1992 г. по 2005 г. указывает на неблагоприятную обстановку в государстве. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России за рассматриваемый период количество регистрируемых оскорблений представителей власти (ст. 192, 192-1 и ст. 319 УК РСФСР 1960 г.) увеличилось в 465,9 раза.

Данные статистики убедительно доказывают не только то, что объективно на территории Российской Федерации в течение 1992-2005 гг. происходило последовательное увеличение числа преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, но и то, что со стороны государства уделялось особое внимание уголовно-правовой охране лиц, представляющих государственную власть. С одной стороны это свидетельствует об активизации судебных и правоохранительных органов по выявлению, оценке и привлечению к ответственности виновных лиц. Однако с другой стороны на негативные тенденции указывают масштабы совершаемых оскорблений представителя власти, их количественные и качественные характеристики.

Но приведенные статистические данные необходимо воспринимать с поправкой на высокую латентность этих преступлений, что доказывает проведенный нами опрос потерпевших представителей власти. По результатам анкетирования¹ было установлено, что 43,5% из них под-

¹ 193 потерпевших из Республики Алтай, Алтайского и Красноярского краев: сотрудников милиции, проходящих службу в подразделениях следствия ОВД, дознания, патрульно-постовой службы милиции, дежурных частях, отделах вневедомственной охраны, дорожно-патрульной службы ГИБДД, участковых уполномоченных милиции, оперуполномоченных уголовного розыска, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, организованной преступностью, по делам несовершеннолетних, изоляторов временного содержания, отрядов милиции особого назначения и т.п. В анкете был задан вопрос: «Как часто Вы подвергаетесь оскорблениям?» и предложены варианты ответов «не подвергался»; «1-2 раза»; «3-5 раз»; «более 5 раз».

вергались оскорблению 1–3 раза, 10,9% – 3–5 раз, а 36,8% – более 5 раз. Лиц, которые ни разу не подвергались оскорблению как представители власти, в опрошенной группе оказалось 8,8%. Сравнение общего числа преступлений, отражаемых в официальной статистике, изучение следственно-судебной практики прямо указывают на то, что большая доля оскорблений представителя власти не преследуется по закону, и к уголовной ответственности привлекаются единицы оскорбителей.

Потребность общества в обеспечении целостности и сохранности государства, охране правопорядка, обеспечении общественной безопасности, контролирующей деятельности, основанные на непосредственном соблюдении законов, очевидна. Представитель власти не может добросовестно исполнять возложенные на него государством обязанности, будучи ущемленным в своих правах, не чувствуя гарантии собственной безопасности. Предоставление уголовно-правовых средств охраны лицам, осуществляющим порядок управления, – закономерное, исторически обусловленное явление и свидетельствует о заинтересованности общества в обеспечении гарантий защиты лиц, находящихся на службе у государства.

Уголовный закон призван обеспечивать защиту от различных оскорблений, не исключая как вновь появляющиеся, так и модернизирующиеся в ходе научно-технического прогресса. С развитием компьютерной, копировальной, полиграфической и иных видов техники возникают новые формы оскорбления.

Выявление и регистрация преступлений, совершенных с их помощью, представляют значительные трудности.

Так, например, появившаяся возможность общения людей между собой в виртуальной реальности привела к возникновению новых способов совершения оскорбления представителя власти, таких как размещение оскорбительной информации на электронных сайтах, рассылка электронной почты и т.п.

Тревогу вызывает возможность совершения оскорблений представителя власти в сети Интернет, в которой накапливается большой объем различного рода информации, в том числе и оскорбительного содержания. Доступ к таким сведениям имеет неограниченное количество пользователей, что предоставляет немало возможностей оскорбителю для совершения уголовно-наказуемого деяния: размещение негативной, оскорбительной информации на сайтах позволяет реализовать преступный умысел в минимальные сроки и повлечь существенный вред для потерпевшего.

Проблему представляют собой, например, такие незаконные действия, как регистрация в сети под вымышленным именем, т.е. фактически анонимно, создание собственного сайта через прокси-сервер и размещение на нем информации оскорбительного содержания виновным лицом. Отследить и привлечь к уголовной ответственности такого преступника чрезвычайно сложно, поскольку он в целях избежания уголовной ответственности может применять любые схемы действий, возможные в сети: ссылаться на других лиц (пользователей), чужие IP-адреса, использовать ресурсы прокси-серверов, находящихся в другой стране, и т.п.

Важно отметить при этом, что размещение оскорбления возможно с любого компьютера, имеющего выход в Интернет.

Наиболее простой и действенный способ совершения такого оскорбления – выход в сеть Интернет с последующим размещением оскорбительной информации через компьютер, находящийся в Интернет-кафе, когда анонимность гарантирована именно отсутствием любых данных о личности поработавшего некоторое время в сети человеке.

Как факторы, оказывающие существенное влияние на безопасность распределенных систем, выступают не только те, которые касаются пользователей, имеющих доступ к системе, интенсивного обмена информацией между ними, совместного использования ресурсов, но и имеющие исключительно технический (и технологический) характер. Администрирование систем защиты от любого незаконного вторжения, в том числе относящегося к размещению оскорбительной информации даже на сегодняшний день, когда грань между локальными вычислительными сетями и региональными глобальными сетями все более стирается, становится труднорешаемой, изобилующей ошибками задачей².

В Российской Федерации такие оскорбления представителей власти совершаются редко, однако уже существуют прецеденты оскорбления первого лица государства, что, несомненно, указывает на их значительную общественную опасность. Если виновные не испытывают страха перед наказанием при совершении оскорбления Президента Российской Федерации, может быть ложно понимая право на свободу мысли, предоставленную Конституцией Российской Фе-

² См.: Барсуков В.С., Водолазский В.В. Современные технологии безопасности. М.: Нолидж, 2000. С. 92.

дерации (ч. 1 ст. 29) и право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29), то нельзя говорить о гарантии обеспечения защиты иных представителей власти.

Например, 22 февраля 2004 г. А. Сковородников изготовил и разместил в Интернете сайт, на котором публиковались тексты о Президенте Российской Федерации Владимире Путине. В текстах присутствовали жаргонные и нецензурные выражения, высказывания, оскорбляющие честь и достоинство президента Российской Федерации³.

Кроме того, в сети Интернет предоставляются услуги электронной почты. Пользователь через любой почтовый сервер может свободно вести почтовую переписку с иными пользователями. Проблемы с электронным почтовым ящиком возникают тогда, когда в него поступает оскорбительная электронная почта. Особенность ее заключается в том, что потерпевший не способен поступить с ней так же, как и с обычной. В реальной жизни оскорбительные письма можно выбросить, написать отправителю просьбу об удалении из списков адресатов или жалобу в отделение почтовой связи и т.д. С электронными письмами действия такого рода невозможны. Вместе с тем существуют некоторые способы самостоятельной борьбы с ними. Во-первых, это простое удаление ненужной информации. Во-вторых, существует возможность ее пересылки провайдеру отправителя (компания, предоставляющей услугу доступа в Интернет и другие услуги, такие как хостинг, e-mail и др.), которая осуществляется путем изъятия имени домена из адреса возврата электронной почты.

Как бы ни были замаскированы настоящие данные об отправителе оскорбительного электронного письма, личность виновного может быть вычислена при наличии времени, влиянии и задействовании огромных ресурсов. Ввиду того, что некоторые серверы могут не реагировать на оскорбительные письма, потерпевшие имеют возможность бороться с этим негативным явлением сами, либо, если деяние имеет уголовно-правовую окраску, получить защиту со стороны правоохранительных органов. Угроза писем оскорбительного содержания действительно серьезна, принимая во внимание, что большая часть органов государственной власти имеют и персональ-

ные сайты, и электронные адреса. Полагаем, что в дальнейшем при сохранении интенсивности развития и внедрения информационных технологий в деятельность государства и отдельных его представителей рассылка такого рода писем со временем имеет шансы превратиться в один из самых доступных, дешевых и относительно безопасных (ввиду сложности установления личности виновного) способов оскорбления.

При постоянном совершенствовании информационных технологий существует неограниченная возможность отсылать любую оскорбительную информацию в виде SMS- или MMS-сообщений через сайты компаний сотовой связи любому их абоненту. А используя автоматическую рассылку через сайты компаний, виновное лицо может совершить это деяние не только публично, как того требует состав преступления, но и в минимальные сроки.

По полученным нами данным, путем отправленных текстовых SMS-сообщений, являющихся услугой операторов сотовой связи, было совершено оскорбление 3,6% опрошенных потерпевших представителей власти.

Неограниченные возможности у виновных возникают и при подобных методах рассылки MMS-сообщений, которые могут содержать помимо текстовой информации различные изображения (фотографии, картинки и др.) и звуки (музыкальные произведения и их отрывки).

Вообще, внедрение информационных технологий наложило определенный отпечаток и на письменное общение адресатов между собой, что выразилось в использовании при написании текста символов, знаков, не относящихся к алфавиту – комбинаций и сочетаний рисунков, цифр, «простейших значков, изображающих эмоции» (т.н. смайлов (smiles) – совокупностей знаков препинания, демонстрирующих разнообразные эмоциональные реакции участников общения на события и поведение собеседника, использующихся при общении между гостями Интернет-чатов и отправляемых в текстовых SMS-сообщениях сотовой связи)⁴.

⁴ Например, сочетание различного рода знаков препинания и символов указывает на ироническое отношение оскорбителя к потерпевшему: :->; :-D ; :-}; :-]; :-[; ;> (одновременное подмигивание при иронии или сарказме при одновременном циничном (неприличном, пошлом) замечании и т.п. Такого рода смайлы означают: :*) - пьяного; :-| , <:-I или :-] – тупицу, глупого человека; :-C или :[– лодыря и т.п.

³ <http://protection.net.ru/item/aclcl-d-l-calin-cinl-ilnl-d-e-a-c-d-cnleui-a-n>, а также на <http://www.gazeta.ru/2004/12/20/last143204.shtml?fromexport>.

Следует отметить, что некоторые смайлы при полном совпадении вида и порядка использования знаков и символов могут означать не одно и то же, так как возможна как более мягкая, так и более жесткая эмоциональная реакция оскорбителя.

В некоторых случаях набор знаков препинания может не идентифицироваться потерпевшим в силу его неразборчивости или отсутствия в его глазах конкретного смысла. Но неосознание потерпевшим оскорбительного содержания смайла не означает, что указанная информация не достигла цели унижения потерпевшего. Достаточно того, что оскорбительный характер осознается самим виновным. Не составляет особого труда идентификация смысла такого смайла, который изображен в виде стандартной картинки, представляющей собой схематичное воссоздание лица человека с определенной эмоциональной реакцией и усиливающей ее атрибутами.

С учетом изложенного полагаем, что было бы целесообразно данного рода оскорбления объединить в отдельную группу – оскорбление с применением инновационных технологий, поскольку они совершаются в информационном пространстве и отличаются от большинства известных науке форм оскорбления.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово начальника ВНИИ МВД России С.И. Гирько.....	3
Приветственное слово заместителя начальника по науке ВНИИ МВД России С.А. Старостина.....	6
Долгова А.И. Причинные комплексы организованной преступности и терроризма, направления государственной политики их предупреждения.....	10
Лебедев С.Я. О стратегии предупреждения преступности органами внутренних дел.....	21
Тищенко В.Н. Проблемы предупреждения преступности в современных условиях.....	32
Толкаченко А.А. К вопросу о криминологических функциях правосудия.....	48
Корецкий Д.А. Ориентиры уголовной политики и проблема сдерживания преступности в России.....	54
Ахтырская Н.Н. Профилактика преступности в Украине.....	61
Чукмаитов Д.С. Государственное принуждение и социальные средства сдерживания преступности.....	68
Черкасов Р.В. О влиянии общественного мнения на деятельность органов внутренних дел.....	80
Мазаев Ю.Н. Общественная оценка приоритетных направлений, характера и средств обеспечения эффективной деятельности милиции.....	92
Глухова А.А. Виктимологическая профилактика как перспективное направление предупреждения преступности и конкретного преступления.....	97
Волкова Т.Н. О внедрении системы виктимологического воспитания населения.....	106
Шикун И.Р. К вопросу о виктимологической профилактике преступности в России.....	110
Ситковский А.Л. Виктимологические особенности корыстно-насильственных преступлений в федеральных округах Российской Федерации.....	118
Шестаков А.Д. Православное воспитание как одна из форм профилактики преступлений.....	124
Жердева Н.И. Благотворительные организации как субъект предупреждения правонарушений.....	128
Рахимов Р.Р., Кургаева Н.В. Участие населения в деятельности по профилактике преступлений (об опыте работы общественных формирований правоохранительного характера в Республике Башкортостан).....	139
Кирилова М.Д. О деятельности УВД Владимирской области по правовому просвещению и воспитанию населения в целях профилактики правонарушений.....	145
Акимжанов Т.К. Необходимость поиска новых путей противодействия организованной преступности на современном этапе.....	152

Винокуров С.И. Предупреждение корпоративной преступности.....	163
Михеев И.Р. Профилактическая деятельность государства в борьбе с организованными преступными формированиями.....	172
Бурковская В.А. Некоторые направления развития законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом в России.....	182
Киселев С.В. Об опыте организационного и информационного обеспечения взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел Карелии в целях предупреждения преступлений террористической направленности.....	190
Гриб В.Г., Мажников А.В. Взаимодействие правоохранительных органов России и зарубежных стран в противодействии экономической организованной преступности.....	196
Чупрова А.Ю. Законодательные и институциональные меры предупреждения организованной преступности в сфере экономики.....	205
Белинский В.В. Предупреждение экономических и налоговых преступлений как одно из приоритетных направлений деятельности подразделений экономической безопасности МВД России.....	212
Антипова Е.П. Криминологическая характеристика налоговой преступности и проблемы ее латентности.....	220
Винокурова Н.С. Особенности корыстно-насильственной преступности в сфере экономической деятельности.....	229
Шадрин О.Ю., Степанов К.В. Особенности профилактической деятельности правоохранительных органов для обеспечения экономической безопасности Дальневосточного региона России.....	235
Гельдибаев М. Х., Мальцагов И.Д., Федорова Ю. Д. Политическая коррупция: детерминация и некоторые меры противодействия.....	243
Кобец П.Н. Характеристика экономических преступлений в системе дореволюционного уголовного права России.....	252
Воробьев В. Ф. Конституционные основы деятельности государственных и муниципальных органов по обеспечению жизни и безопасности несовершеннолетних.....	262
Черникова И.П. Система государственных органов профилактики правонарушений несовершеннолетних.....	270
Плешаков В.А. Криминологические проблемы взаимосвязи организованной преступности и преступности несовершеннолетних.....	277
Труфанов М.Е. Обоснование профилактики правонарушений несовершеннолетних в системе элементов административной правоприменительной политики.....	288
Шиловская А.Л. Подготовка осужденных несовершеннолетних к освобождению из воспитательных колоний как элемент профилактики рецидивной преступности.....	293
Соломатин И.В. Организационно-правовые проблемы профилактики преступности несовершеннолетних.....	299
Михлин А.С. Институт судимости и его значение в предупреждении рецидива.....	304
Гончарова М.В., Шиян В.И., Липилин А.Г. Криминологическая характеристика лиц, ранее совершавших преступления на территории Российской Федерации.....	312

Астахов М.И. О роли органов внутренних дел в профилактике среди лиц, ранее судимых за совершение преступлений.....	321
Кобец П.Н., Власов Д.В. Структура преступного рецидивного поведения в начале третьего тысячелетия в России.....	327
Скаков А.Б. Влияние прогрессивной системы исполнения наказания на профилактику пенитенциарной преступности.....	340
Маркунцов С.А. Реализация уголовно-правовых запретов как одна из мер государственно-правового сдерживания преступности.....	345
Якимов О.Ю., Якимова С.С. Совершенствование норм УК РФ о легализации как необходимое условие ее профилактики.....	355
Мамаев М.И. Предупреждение налоговых правонарушений, совершаемых путем использования пробелов в гражданском законодательстве.....	363
Ткаченко В.Б. К вопросу об эффективности судопроизводства.....	374
Манахов С.А. О состоянии профилактической деятельности органов предварительного следствия системы МВД России.....	380
Кашапов Р. М. Функции норм, обеспечивающих раскрытие и расследование преступлений.....	389
Невский С.А. Борьба с преступностью на Северном Кавказе: историко-криминологическое исследование.....	395
Гельдибаев М.Х. Состояние, проблемы и перспективы подготовки полицейских кадров в России.....	404
Антонов-Романовский Г.В. Проблемы предупреждения преступности мигрантов в сверхкрупном городе.....	412
Ципуренко Н. И., Гобозов Т. Я. Организационно-правовые основы регулирования миграционных процессов в стране.....	418
Литвинов А.А. Криминологические аспекты миграции в столичном мегаполисе.....	431
Вахтеров А.В. Неклассический образ бюрократии как институт государственно-должностных преступлений («синергетическая модель»).....	435
Илий С.К. Факторы должностной преступности.....	447
Антонов-Романовский Г.В., Коимшиди Г.Ф. Состояние учетно-регистрационной дисциплины как элемент уголовной политики.....	457
Фортуныч М.В. К вопросу об исследовании региональных различий насильственной преступности (опыт проведения классификации).....	467
Коимшиди Г.Ф., Черникова И.А., Фортуныч М.В. Взаимосвязь зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлений: корреляционный анализ.....	477
Рассыпина Л.В. Проблемы изучения насильственных преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.....	485
Исаева Л.М. Использование специальных познаний в профилактике преступлений в сфере компьютерной информации.....	491
Колмыков В.В. Криминологические проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в сети Интернет.....	496
Трунцевский Ю.В. Предупреждение преступлений в сфере интеллектуальной собственности.....	501
Шиян В.И. Основные направления предупреждения корыстных преступлений, совершаемых женщинами.....	510

Рязанцева С.В. Основные детерминанты преступности в приграничных регионах Сибирского федерального округа..... 522

Ларюкова О.А. О некоторых правовых вопросах по обеспечению экологической безопасности..... 529

Аманбаев А.М. Международное сотрудничество в области противодействия незаконному обороту наркотиков: современное состояние и перспективы..... 537

Мамыров Ш.С. Новые пути преобразования органов внутренних дел Кыргызской Республики..... 543

Минаков С.П. Некоторые вопросы профилактики распространения наркотиков..... 548

Алегин А.П. Субъекты специального предупреждения преступлений на рынке алкогольной продукции..... 554

Ухов В.Ю., Космынина П.В. Правовые меры криминологической профилактики в условиях ЧС: пути совершенствования..... 561

Алиева Д.Д. К вопросу о предупредительных мерах при проведении массовых мероприятий..... 572

Савкин А.В. Значение предупредительно-профилактических мер в борьбе с преступлениями против порядка воинских уставных взаимоотношений в войсках..... 581

Бааль Н.Б. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодежи..... 587

Брагина А.Г. О потенциале применения современных информационных технологий в совершении оскорбления представителя власти..... 594

**ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА
КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ СДЕРЖИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Ï àòàðèàèù Ï àààù àðíàííé íàó-íí-íðàèòè-àíéé èííòàðàòèè
(14-16 ààèààðü 2005 á)*

Публикуется в авторской редакции

Корректор *А. В. Шарапов*
Технический редактор *И. В. Сыщиков*
Компьютерная верстка *Г. В. Корнеевой*

Подписано в печать 22.06.06	Тираж 500 экз.
Формат 60x84 1/16	Заказ №
Печ. л. 37,75	Цена договорная
Уч.-изд. л. 34,51	

Издатель: ВНИИ МВД России
123995, Москва, Г-69 ГСП-5, ул. Поварская, 25

УОП РИО ВНИИ МВД России

**ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА
КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ
СРЕДСТВ СДЕРЖИВАНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

МОСКВА 2006

